

ЭРНЕСТ
СЕТОН-ТОМПСОН

ВСЁ О...

РАССКАЗЫ
О ЖИВОТНЫХ

МАЛЕНЬКИЕ
ДИКАРИ

Лобо
Медвежонок Джонни
Джек — Боевой Конек
Мустанг-иноходец
Домино
и другие истории...

ЭРНЕСТ
СЕТОН-ТОМТИСОН

ВСЁ О...

ЭРНЕСТ СЕТОН-ТОМПСОН

ВСЁ О...

Рассказы
о животных
Маленькие
дикари

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2004

УДК 82-93
ББК 84.7 США
С 33

Перевод с английского Н. К. Чуковского, Л. М. Биндеман, Н. А. Темчиной

Оформление переплета В. В. Пожидаева

Сетон-Томпсон Э.

С 33 Всё о...: Рассказы о животных. Маленькие дикари: Рассказы, повесть / Пер. с англ. Н. К. Чуковского, Л. М. Биндеман, Н. А. Темчиной. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 640 с.

ISBN 5-352-00277-2

Повести и рассказы писателя, художника и знатока леса Эрнеста Сетона-Томпсона хорошо известны и давно любимы многими поколениями читателей, и это не удивительно. Не найдется ребенка или взрослого, кого оставили бы равнодушными сила духа кролика Джека — Боевого Конька, свободолюбие дикого мустанга-иноходца, любовь к родному дому почтового голубя Арно и жизнелюбие Королевской Аналостанки, бродячей трущобной кошки. Уникальность же данного сборника состоит в том, что он содержит почти на 200 оригинальных авторских рисунков больше, чем предыдущие издания на русском языке.

© Н. К. Чуковский, наследники, перевод, 2003

© Л. М. Биндеман, перевод, 2003

© Н. А. Темчина, перевод, 2003

© «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00277-2

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

I

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околота сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки, испускавшие вопли, которые почти повторяли его призыв. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, униженный кусочками пахучей вареной печенки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчанием бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Все новые и новые пансионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. Вот тигровая — Касильоне, вот черная — Джонса, вот черепаховая — Пралицкого, вот белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадется ангорская — Бленкинсгофа. А тот, что залез на тачку, старый рыжий Билли — кот Сойера, наглый плут, за которого никто еще никогда не платил. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает

кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не дает, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но — увы! — ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, но память его никогда не обманывает.

Кошки, не числящиеся в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, вдыхая упонительный аромат и надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем Бог послал, тощая и грязная. Нетрудно было догадаться, что в каком-то тем-

ном закоулке ее ждет голодное семейство. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли ее собака. Десятки счастливых удалились, получив свою ежедневную долю печенки, а у нее все еще не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пансионеров, чтобы отнять у нее добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она скользнула под калитку, перескочила через задний забор, затем уселась,

проглотила кусочек печенки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика из-под сухарей дождалось ее семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детенышам и увидела большого черного кота, преспокойно пожиравшего ее котят. Кот был вдвое больше ее, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котенок, похожий на мать, но с черными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе ее утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Черный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери, и ее детеныша: легче выкормить одного котенка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Пожиться у продавца печенки удавалось редко, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с Ист-Ривер в конце переулка. Этот запах привел кошку в дом, а оттуда — на пристань. Услышав внезапное рычание, она поняла, что путь к бегству отрезан ее давнишним врагом — собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на бере-

гу, и, когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нем, и больше ее никто никогда не видел.

II

Напрасно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Котенок сильно проголодался. Перед вечером он пустился на поиски пищи. Он вылез из ящика и стал рыскать по мусорным кучам, обнюхивать все, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключенных в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котенок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него никакого внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она приникла к полу. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь, к решетке, просунул голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», лисица встряхнула свою жертву, и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он пустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая от страха.

Негр вытащил котенка из клетки. Встряска ошеломила его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он некоторое время кружился, пошатываясь, на одном месте, а потом стал понемножку приходить в себя. Несколько ми-

нут спустя он уже мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто, и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котенок. Негр накормил малыша всласть, затем отнес его в отдаленный квартал и покинул там во дворе скобяного склада.

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, с любопытством поглядывая на висевшие за окнами недосыгаемые клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час.

Его разбудило легкое фырканье. Перед ним стоял большой черный кот со сверкающими зелеными глазами. На одной его щеке белел рубец, и левое ухо было порвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши были прижаты к голове, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Черный кот потерялся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котенок увидал, был подергивавшийся кончик его хвоста. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

К вечеру котенок проголодался. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрел ему навстречу, повинувшись указаниям носа. В углу двора оказалась помойка, в которой ему удалось разыскать немного

пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провел в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в помойке целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своем месте, а когда ее уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но помойка была чрезвычайно ненадежна. Однажды она на целых три дня оставила котенка без еды. Малыш стал обследовать забор и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу. Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котенок едва успел проскочить обратно во двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей резь в желудке. Утром он не лег спать, а отправился на промысел.

Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок глядел на них другими глазами. Томительный голод пробудил в нем хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котенок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали вовремя. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого невезения трущобный котенок снова выбрался на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошел на порядочное расстояние от щели в заборе, несколь-

ко мальчишек принялись обстреливать его обломками кирпича. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадежным. Но вдруг он увидел старомодную железную решетку перед фасадом дома и проскользнул между прутьями, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под крыльцо, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, словно тень, проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котенок вырос, набрался сил и хорошо изучил все окрестности. Он познакомился с Даунинг-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков, и по ним судил об обитателях каждого дома. Большой дом для него был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также с продавцом печенки и примкнул к робкой стае кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи, и с другими страшными псами. Он знал, чего от них следует ожидать, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрел новый промысел. Наверное, многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котенок усердно разыскивал такие бидоны.

Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая все дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор скобяного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нем сразу проснулось чувство собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фыркания и урчания, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через забор, а

трущобный котенок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе

пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котенок скоро нашел себе друга.

IV

К этому времени котенок превратился уже во взрослую красивую кошку тигровой масти. Ее бледно-серую шкурку украшали черные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по несколько дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого черного кота, который шел прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Черный осторожно двигался вперед, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос светло-рыжий кот. Черный уставился на него с рычанием, рыжий отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми ушами, с напряженными мускулами.

«Яу-яу-яу!» — сказал черный.

«Уау-у-у!» — прозвучал в ответ грозный бас.

«Я-уау-уау-уау!» — сказал черный, придвигаясь на четверть дюйма* ближе.

* Д ю й м — единица длины, равная примерно 2,5 см.

«Яу-у-у!» — ответил рыжий. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперед. — Яу-у!» И он ступил еще раз, хлеща себя по бокам хвостом.

«Я-уау-яу-у!» — взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на одну восьмую дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

«Яу-яу-у!» — загремел рыжий, понижая голос по мере того, как голос черного повышался. — Яу!» И он шагнул вперед.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем рыжий начал снова:

«Я-у-у!» — низким басом.

«Я-а-а-а!» — завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Рыжий ступил вперед на полдюйма. Теперь усы их смешались. Еще шаг — и носы их чуть не столкнулись.

«Я-у-у!» — пророкотал рыжий.

«Я-а-а-а-а!» — взвизгнул черный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Рыжий воин ринулся вперед и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался рыжий.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще рыжий, они катились всё дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался рыжий.

Когда они коснулись земли, верхним оказался рыжий. И когда они наконец растались, каждому досталось вдоволь, и в особенности черному. Он взобрался на сте-

ну и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо светло-рыжий кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашел ее среди ящиков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Светло-рыжий кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек, — они только признавали друг за другом особые приятельские права.

V

Прошел сентябрь, и уже наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящике из-под сухарей произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. Настало и для нее счастливое время. Она испытывала величайший восторг, она облизывала их с нежностью, удивившей бы ее самое, если бы она только была способна рассуждать.

В ее безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилась также и забота. Теперь все ее силы уходили на поиски пищи. Заботы увеличивались по мере того, как росли котята. Через полтора месяца они начали вылезать из ящика и лазили всюду каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идет тучей, а счастье — полосой. На киску трижды нападали собаки, а негр, слуга Японца Мали, чуть не попал в нее кирпичом. Затем произошел перелом. На следующее же утро она нашла молочный бидон без крышки, успешно ограбила одного из пансионеров тачки и отыскала большую рыбью голову — все это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила и съела не одну мышь на своем веку и решила, что этот коричневый зверь, вероятно, крупная мышь с коротким хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью. Маленький кролик только привстал, словно все это его очень забавляло. Он и не пытался бежать, и кошка без труда схватила его.

Так как ей не хотелось есть, она отнесла его к ящику и бросила на кучу котят. Ему было не очень больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться из ящика, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужинать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить кролика своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котятка весело резвились среди ящиков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот в одно прекрасное утро и проделал, вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и ее, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить.

Эта крыса была первой, когда-либо пойманной нашей киской, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, но, к ее удивлению, ни один из котят не явился на зов. А кролик отказывался есть крысу. Она стала кормить его молоком, продолжая время от времени звать своих котят. Прислушиваясь к этому зову, негр подкрался к ящику, заглянул в него и, к величайшему своему изумлению, увидел, что в нем находятся кошка, живой кролик и мертвая крыса.

Мать-кошка прижала уши к голове и зашипела. Негр удалился, но минуту

спустя на ящик опустилась доска, а ящик вместе с его обитателями, живыми и мертвыми, был препровожден в птичий подвал.

— Смотри-ка, хозяин, вот где пропавший крольчонок! А ты-то думал, что я его украл!

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и в течение нескольких дней выставляли как образец счастливого семейства, но кролик вскоре захворал и умер.

Кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке. Нужды нет, что ей вдоволь давали пить и есть. Она тосковала в неволе и, весьма вероятно, добилась бы скоро свободы или смерти, но, к своему несчастью, во время четырехдневного заключения в клетке она так хорошо отмыла свою шкурку и шерсть ее оказалась такой необычной расцветки, что Японец решил оставить ее у себя.

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

VI

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешевыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в отличие от подавляющего большинства американцев.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. «Вот увидишь, Сэмми, я еще буду разъезжать в собственной карете!» — любил он повторять после сделки, которую считал удачной. Он по-своему был не лишен честолюбия и хотел, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку кошек и других домашних любимцев, устраиваемую обществом Никербокер. Он руководствовался тремя довольно-таки смутными целями:

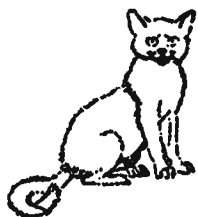
во-первых, это удовлетворяло его самолюбие, во-вторых, давало возможность бесплатно посещать выставку, а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская, животные принимались только от людей известных, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с презрением.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек, но все же он вырезал и сохранил заметку «о выращивании кошек на мех». Эта заметка была пришпилена к стене лавчонки, и она заставила Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал ее грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения насекомых. Затем основательно вымыл ее в теплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но потом клетку поставили поближе к печке, и киску вдруг охватило блаженное чувство, а ее шерсть распушилась и сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник были очень довольны. Впрочем, это было только начало: самый опыт еще предстоял впереди. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе», — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив ее только от дождя и ветра, а затем принялся кормить свою пленницу сколько влезет жмыхами и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днем становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерсткой. Клетка содержалась в чистоте, и, так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днем все пышнее и блестящее, к середине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой славе. Почему бы не послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать ее как бродячую кошку не годится. Но мы устроим Никербокеров. Прежде всего необходимо хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь «королевское», — ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо «королевским». Что ты скажешь, например, о Королевском Дике или Королевском Саме? Однако постой, это все мужские имена. Скажи-ка, Сэмми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэр.

— Здорово! Королевская Аналостанка, черт возьми! Единственная Королевская Аналостанка с родословной на всей выставке. Умора, да и только!

И оба захохотали во все горло.

— Придется только заготовить родословную.

И друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной.

Однажды в сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сэм вручил кошку и ее родословную распорядителям выставки. Негр отлично преуспел в задуманном. Он был когда-то цирюльником на Шестой авеню и умел держаться гораздо солиднее и важнее, чем Мали. Это и было, вероятно, одной из причин, почему Королевская Аналостанка встретила на кошачьей выставке почтительный прием.

Японец очень гордился тем, что его кошка попала на выставку: в нем жило благоговение лондонского лавочника перед высшим обществом. И когда в день открытия он подошел к выходу, у него дух занялся при виде целого моря экипажей и цилиндров. Швейцар зорко взглянул на него, но, увидев билет, пропустил, вероятно приняв его за конюха какого-нибудь важного барина, выставившего кошку. В зале перед длинными рядами клеток лежали бархатные ковры. Японец осторожно шел по боковым проходам, поглядывая на кошек разных пород, беря на заметку голубые и красные банты, и выискивал свою кошку, но не смел спросить о ней и трепетал в душе при мысли, что скажет это пышное великосветское собрание, если узнает, какую он сыграл с ними штуку.

Он видел много премированных животных, но никак не мог найти свою трущобную кошку. Он робко пробрался сквозь толпу, заполнявшую центральный проход, но киски все не было видно. Японец решил, что произошла ошибка: вероятно, судьи в конце концов отказались ее принять. Нужды нет: он получил свой входной билет и знает теперь, где можно будет отыскать ценных персидских и ангорских кошек.

В середине центрального прохода помещались лучшие, классные кошки. Возле них собралась огромная толпа. Вдоль прохода были протянуты веревки, и два полицейских следили за тем, чтобы толпа не задерживалась на месте. Японец пробрался в самую давку. Он был слишком мал ростом, чтобы заглянуть через плечи, и хотя расфранченная публика сторонилась его отрепьев, он все же никак не мог протиснуться к средней клетке. Однако он понял из замечаний окружающих, что здесь находится самый гвоздь выставки.

— Ну не красавица ли? — сказала высокого рода женщина.

— Что за изящество! — был ответ.

— Это ленивое выражение глаз создано веками утонченной жизни.

— Приятно бы иметь у себя это великолепное создание!

— Сколько достоинства! Сколько спокойствия!

— Говорят, ее документально подтвержденная родословная доходит чуть ли не до фараонов.

И бедный, грязный маленький Японец подивился, как у него хватило дерзости послать трущобную кошку в столь изысканное общество.

— Виноват, миссис! — Через толпу пробирался директор выставки. — Здесь находится художник «Спортивной газеты», которому заказано сделать набросок с «жемчужины» выставки для немедленного опубликования. Могу ли попросить вас немножко посторониться?.. Вот так, благодарю вас.

— О, господин директор, не можете ли вы уговорить продать это великолепное существо?

— Гм, не знаю, — был ответ. — Насколько мне известно, хозяин — человек с большими средствами и большой нелюдью и к нему подступиться трудно. А впрочем, попробую, миссис, попробую. Как мне сказал его дворецкий, он насилу

согласился выставить свое сокровище... Послушайте-ка, куда вы лезете? — заворчал директор на обтрепанного человека, нетерпеливо оттеснившего художника от аристократического животного.

Но обтрепанный человек хотел во что бы то ни стало узнать, где проживают дорогие кошки. Он мельком взглянул на клетку и прочел ярлык, возвещавший, что «голубая лента и золотая медаль выставки общества Никербокер выданы

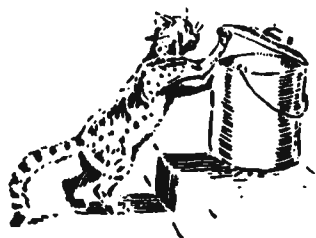

чистокровной, породистой Королевской Аналостанке, вывезенной и выставленной известным любителем Я. Мали, эсквайром. (Не продается.)» Японец перевел дух и снова взглянул. Да, сомнений нет: там, высоко на бархатной подушке, в золоченой клетке, под охраной четырех полицейских, красуясь бледно-серой с ярко-черными полосами шубкой, чуть-чуть прижмурив голубоватые глаза, лежала его трущобная киска. Ей было очень скучно. Она не ценила поднятого вокруг нее шума.

VII

Японец Мали целыми часами простаивал около клетки, выслушивая похвалы в адрес трущобной киски и упиваясь славой, какая ему даже и не снилась. Однако он понял, что будет разумнее держаться в тени и предоставить ведение дела своему «дворецкому». Всем своим успехом выставка была обязана трущобной киске. С каждым днем цена кошки росла в глазах ее владельца. Он не имел понятия, какие деньги иной раз платят за кошек, и думал, что заломил неслыханную цену, когда его «дворецкий» дал директору разрешение продать Аналостанку за сто долларов.

Вот таким образом случилось, что трущобница переселилась с выставки в особняк на Пятой авеню. Она сразу выказала необъяснимую дикость. Однако ее нелюбовь к ласкам была истолкована как аристократическое отвращение к фамильярности. Бегство от комнатной собачки на середину обеденного стола объяснялось прирожденным, хотя и неоправданным стремлением избежать оскверняющего прикосновения. Покушения на домашнюю канарейку объяснялись деспотизмом, которым славилась ее родной Восток. Ее аристократические замашки при открывании бидона с молоком снискали ей всеобщее восхищение. Нежелание спать в подбитой шелком корзине и частые столкновения с оконными стеклами доказывали только, что корзинка недостаточно нарядна, а зеркальные стекла не были в ходу в ее родном дворце. Частые, но неудачные попытки поймать воробьев, порхавших в огороженном высокой стеной заднем дворе, служили лишним доказательством непрактичности королевского воспитания, а посещения мусорного ящика — только простительным чудачеством высококороченной особы.

Киску угощали и ласкали, однако она не была счастлива. Киска тосковала по родине. Она теребила голубую ленту на шее, пока не избавилась от нее; билась в оконные стекла, потому что они казались ей дорогой на улицу; избегала людей и собак, потому что люди и собаки были ее старыми врагами. Она подолгу сидела у окна, с тоской разглядывая крыши и задние дворы. Как бы ей хотелось снова вернуться к ним! Но за ней строго следили и никогда не выпускали на улицу. Тем не менее в один мартовский вечер Королевская Аналостанка уловила минутку, когда мусорные ящики выставлялись во двор, выскользнула за дверь и была такова.

Нечего и говорить о происшедшем переполохе. Но киска не знала и знать не хотела о нем. Она думала только о том, как бы поскорее добраться домой. После

многих незначительных приключений она очутилась возле Грамерси-Грэндж-Хилла. Но что дальше? Домой она не попала, а, с другой стороны, лишилась верного куска хлеба. Голод уже давал себя знать, но, несмотря на все, она испытывала странную радость.

Некоторое время она прождала, притаившись в палисаднике одного дома. Поднялся резкий восточный ветер и принес ей дружескую весть. Люди назвали бы эту весть скверным запахом из порта, но для нашей кошки это была желанная весточка из дому. Она побежала рысью по длинной улице на восток, держась вблизи домовых решеток, изредка замирая на месте, как изваяние, и наконец достигла порта и воды. Но место оказалось ей незнакомым. Можно было повернуть и на юг, и на север. Что-то заставило ее повернуть к югу, и, лавируя между собаками, повозками и кошками, извилинами бухты и прямыми решетками, она очутилась часа через два среди привычных запахов. Солнце еще не встало, когда она проползала, усталая и охромевшая, сквозь ту же старую щель на задворки птичьей лавки — в тот самый ящик, в котором родилась. О, если бы семейство с Пятой авеню могло увидеть ее в обстановке ее «родного Востока»! Отдохнув как следует, она подошла к ступеням птичьего подвала, разыскивая пищу. Дверь отворилась, и на пороге появился негр. Он крикнул птичьему торговцу:

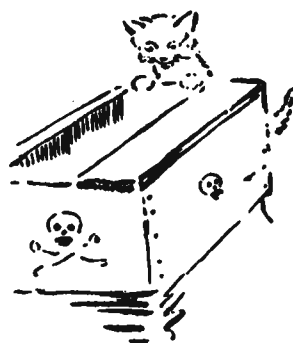
— Слышь-ка, хозяин, поди сюда! Королевская Аналостанка вернулась домой.

Когда Японец вышел на порог, кошка перебиралась через забор. Оба принялись звать громкими и в то же время умильными, заискивающими голосами: «Кис-кис! Бедная киска! Иди сюда, киска!» Но киске они не нравились, и она отправилась в свой прежний приют.

Королевская Аналостанка один раз уже оказалась для Японца настоящим кладом. На полученные за нее сто долларов он купил немало новых пленников и всяких нужных вещей. Поимка «ее величества» казалась ему поэтому чрезвычайно важным делом. В ход были пущены протухшая говядина и прочие неотразимые приманки, и в конце концов киска, измученная голодом, подкралась к большой рыбьей голове, положен-

ной в ящик с ловушкой. Негр дернул веревку, крышка захлопнулась, и минутой спустя Королевская Аналостанка снова была водворена среди пленников подвала. Между тем Японец внимательно изучал газетные объявления. Вот оно: «5 долларов награды» и т. д. В тот же вечер «дворецкий» мистера Мали явился в особняк на Пятой авеню с пропавшей кошкой:

— Поклон от мистера Мали, сэр. Королевская Аналостанка возвратилась к своему прежнему владельцу, сэр. Мистер Мали очень рад вернуть вам Королевскую Аналостанку, сэр.

Разумеется, не могло быть и речи о вознаграждении мистера Мали, но «дворецкий» дал понять, что охотно примет обещанную награду «на чай».

Надзор за киской после этого усилился. Но вместо того, чтобы разочароваться в прежней голодной жизни и радоваться уютному углу, она становилась все более дикой и раздражительной.

VIII

Весна трудилась изо всех сил, насколько это вообще возможно в Нью-Йорке. Грязные воробьи дрались и барахтались под водосточными трубами. Коты вопили по ночам на крышах, а семейство с Пятой авеню подумывало о переезде на загородную виллу. Уложили вещи, заперли дом и уехали за пятьдесят миль* от Нью-Йорка, взяв с собой киску в корзине.

— Как раз то, что ей нужно: перемена воздуха и обстановки отвлечет ее от разлуки с прежними хозяевами, и она будет счастлива.

Корзину поставили в багажник кареты. В нее проникали мимолетные звуки и запахи и сразу же исчезали. Карета повернула. Затем послышался топот многих ног, корзина снова закачалась. Короткая остановка, новый поворот, щелка-

* М и л я (сухопутная) — единица длины, равная 1609 м.

ные, хлопанье, продолжительный и резкий свисток, звонки, грохот, шипенье, неприятный запах, отвратительный запах, ужасный, ненавистный, удушливый запах, убийственный, ядовитый смрад. Грохот заглушил вопли бедняжки — она задыхалась от недостатка воздуха. И вдруг снова явился свет, явился воздух. Затем человеческий голос прокричал: «Вынуть багаж!» Для киски это был, разумеется, только бессмысленный человеческий рев. Грохот замер.

Немного погодя тряска возобновилась. Снова множество звуков и колыханий, но без ядовитого смрада. Глухой нарастающий рев. Вот приятный запах порта. Опять толчки, крики, скрипы, остановки, щелканье, хлопанье, вонь, прыжки, потряхиванья. Затем новые запахи, еще толчки — большие толчки, малые толчки, — газ, дым, визг, звон, дрожь, вопли, громы. И опять новые запахи, стуки, колыхания, грохот. Снова запахи. Наконец остановка. Сквозь крышку корзинки просвечивают лучи. Королевскую кошку вновь поместили в багажник кареты. Еще один поворот, и колеса загремели по-новому. Прибавился новый и ужасный звук — лай собак, совсем близко, над самым ухом. Корзинку открыли, и трущобная кошка оказалась на загородной вилле.

Окружающие были добры до навязчивости. Всем хотелось угодить королевской особе, но почему-то никому это не удавалось, кроме большой толстой кухарки, с которой киска познакомилась на кухне. Запах этой женщины напоминал

запах трущоб, и Королевская Аналостанка сразу прониклась к ней симпатией. Узнав, что хозяева боятся, как бы кошка не удрала, кухарка обещала приручить ее. Она проворно схватила недоступное божество в передник и совершила ужасное кошунство — смазала ей пятки салом. Киска, разумеется, возмутилась. Однако, когда ее отпустили на волю, она принялась облизывать лапки, сало пришлось ей весьма по вкусу. Она лизала все четыре лапы в течение целого часа, и кухарка торжествующе объявила, что «теперь уж она наверняка останется». И точно, киска осталась, но зато обнаружила непонят-

ное и возмутительное пристрастие к кухне, кухарке и помойному ведру.

Хотя хозяева и сокрушались по поводу этих аристократических чудачеств, они тем не менее рады были видеть Королевскую Аналостанку довольной и подобревшей.

Спустя одну-две недели ей стали предоставлять несколько больше свободы. Ее охраняли от малейшей неприятности. Собаки научились уважать ее. Ни один человек, ни один мальчик в околоте не смел швырнуть камнем в знаменитую кошку с родословной. Пищи ей давали вдоволь, и все же она была несчастна. Ей смутно хотелось многого; она сама не знала чего. У нее было все, но ей хотелось чего-то другого. У нее было много еды и питья, но у молока совсем не тот вкус, когда можно пойти и лакать сколько угодно из блюдечка. Надо выкрасть его из жестяного бидона, когда подвело живот от голода и жажды, а то в нем не будет того смака — не молоко это, да и только.

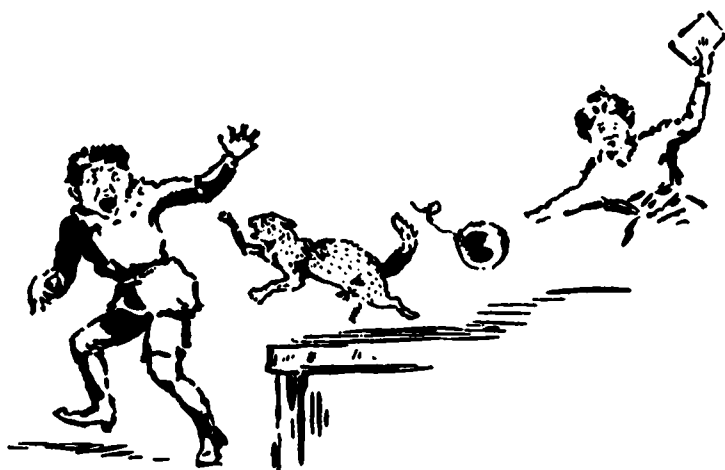
Правда, за домом находился большой двор, но он весь был опоганен и отравлен розами. Даже лошади и собаки пахли не так, как следует. Вся страна была сплошной пустыней, состоящей из противных садов и лугов, без единого квартала ветхих домишек, без единой заводской трубы. Как все это было ей ненавистно! Во всей ужасной усадьбе был один только благоуханный кустик, и тот скрывался в заброшенном углу. Она с удовольствием пощипывала его листочки и валялась на нем. Это было единственное приятное место в усадьбе, ибо с самого приезда она не видела ни одной тухлой рыбьей головы, ни одной помойки.

Дачная местность казалась ей гнусной, безобразной страной. Она, несомненно, удрала бы в самый первый вечер, если бы была на воле. Но воля пришла много недель спустя, а тем временем она подружилась с кухаркой. Однажды в конце лета произошел ряд событий, вновь пробудивший в трущобной киске все былые инстинкты.

В деревенскую усадьбу привезли большой тюк товара из порта. Он весь пропитался острейшими и пленительнейшими ароматами порта и трущоб, и прошлое кiski властно возникло перед нею. А на сле-

дующий день кухарку рассчитали из-за каких-то недоразумений в связи с этим самым тюком. После ее ухода кошка совсем осиротела. В тот же вечер младший сын хозяйки, скверный маленький американец, лишенный всякого почтения к королевской крови, задумал привязать жестянку к хвосту аристократки — несомненно из самых лучших и благих побуждений. Однако киска ответила на эту вольность движением лапки, вооруженной пятью большими рыболовными крючками. Вой оскорбленной Америки взорвал американскую мать. Киска каким-то чудом увернулась от запущенной в нее с чисто женской ловкостью книжки и бросилась бежать. Побежала она, разумеется, наверх.

Крыса, когда ее гонят, бежит вниз, собака — прямо, кошка — вверх.

Она притаилась на чердаке, укрылась от преследования и дождалась ночи. Тогда, проскользнув вниз по лестнице, она перепробовала все двери одну за другой, пока не нашла отпертую, и погрузилась в черную августовскую ночь. Черная, как смола, для человеческих глаз, для нее она была только серой. Беглянка прокралась между отвратительными кустами и клумбами, щипнула на прощание привлекательное растение в саду и отважно пустилась обратно по тому пути, который проделала весной.

Но как найти дорогу, которой она никогда не видала? Каждое живое существо наделено чувством направления. Оно очень слабо у человека и очень сильно у лошади. У ко-

шек оно могущественно, и этот таинственный путеводитель направил беглянку на запад. За час она пробежала две мили и достигла реки Гудзон. Обоняние несколько раз убеждало ее, что она избрала правильный путь. Ей припоминался один запах за другим, точно так же, как человек, пройдя незнакомую улицу, сразу забывает ее, но, увидав ее вторично, внезапно что-то припомнит и скажет себе: «Ну да, я уже был здесь однажды». Итак, главным вожаком киски было чувство направления. А также нос все время ободрял ее: «Да, теперь верно, прошлой весной мы здесь проезжали».

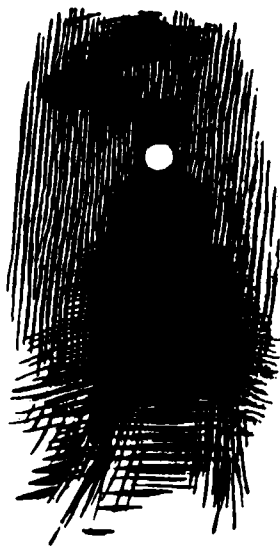
По берегу реки тянулись рельсы железной дороги. Киске пришлось выбирать, куда свернуть — на север или на юг. Чувство направления четко подсказало ей: «Иди на юг», и киска побежала по дорожке между рельсами и забором.

ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ

IX

Кошки могут очень быстро влезть на дерево или на забор, но в долгом ровном беге первенство остается не за кошачьей припрыжкой, а за собачьей рысью. Несмотря на ровную дорогу, прошел целый час, прежде чем она удалилась еще на две мили от гнусных роз.

Она устала и немножко захромала. Бедняжка уже совсем собралась отдохнуть, как вдруг по ту сторону забора раздался ужасающий собачий лай. Киска в страхе рванулась вперед и побежала изо всех сил по дорожке, поглядывая в то же время, не пролезла ли собака сквозь забор. Нет, пока еще нет! Но собака скакала рядом с ней, оглушительно рыча, затем рычание превратилось в глухой грохот, в рев, в ужасающий гром. Блеснул огонь. Киска оглянулась и увидела... не собаку, а надвигавшегося на нее огромного черного зверя с одним-единственным красным глазом — зверя, визжавшего и шипевшего, как полный двор кошек. Киска напрягла все свои силы, мчалась с небывалой скоростью, но не решалась перескочить через забор. Она бежала, летела..

Все напрасно: чудовище настигло ее, но промахнулось в темноте и промчалось мимо, потерявшись в пространстве, в то время как киска, задыхаясь, припала к земле на полмили ближе к дому, чем была до того, как гигантская собака подала голос.

Она впервые увидела это странное чудовище. Впрочем, она узнала его по запаху. Она уже встречалась с ним, когда ехала в корзине на дачу. Страх, внушаемый ей этими чудовищами, значительно убавился: она убедилась, что они очень бестолковы и никогда не поймают ее, стоит только залечь под забор и притаиться. Прежде чем наступило утро, она повстречала их несколько, но осталась невредимой.

На рассвете она оказалась в районе трущоб, и в куче золы ей удалось отыскать немного восхитительных отбросов. День она провела возле конюшни, где жили две собаки и множество мальчишек, едва не убивших ее. Эти ветхие дома и дворы были очень похожи на ее родные места, но она не собиралась здесь оставаться. Старое стремление неудержимо влекло ее, и с наступлением сумерек она снова пустилась в путь.

Мимо нее весь день пробегали одноглазые громовики. Но она теперь освоилась с ними и продолжала бесстрашно бежать всю ночь. Следующий день она провела в амбаре, где ей удалось поймать мышь; ночь прошла приблизительно так же, как и предыдущая, с той разницей, что ей повстречалась настоящая собака, которая отогнала ее далеко назад. Несколько раз она сбивалась с пути на перекрестках и забиралась далеко в сторону, но постоянно возвращалась к прежнему направлению. Дни она тратила на то, чтобы искать пищу и прятаться от собак и ребятишек, а по ночам продолжала свой путь. Беглянка начинала уставать, однако по-прежнему подвигалась вперед, миля за милей, к югу, все к югу. Собаки, мальчишки, громовики, голод... Собаки, мальчишки,

громовики, голод... А она плелась все вперед и вперед, и нос время от времени ободрял ее: «Этот самый запах мы чуяли прошлой весной».

X

Так прошла неделя, и киска, грязная, хромая, без ленточки, добралась до Гарлемского моста. Несмотря на прекрасный запах, мост ей не понравился. Она полночи пробродила взад и вперед по берегу, не найдя иных средств переправы, кроме других мостов, и не узнав ничего интересного, за исключением того, что мужчины так же опасны, как и мальчишки. Пришлось поневоле возвратиться к Гарлемскому мосту. Запахи его казались знакомыми, а главное, когда по нему пробегал одноглазый громовик, поднимался тот глухой грохот, который она слышала во время своего весеннего путешествия.

Когда кошка вскочила на балку и побежала над водой, вокруг царил уже ночная тишина. Она не миновала еще и третьей части пути, когда с противоположного конца моста на нее с ревом ринулся одноглазый громовик. Она сильно перепугалась, но, зная глупость и слепоту громовика, прыгнула на нижнюю балку и замерла. Бестолковое чудовище промахнулось и пролетело мимо, и все было бы хорошо, да только оно повернуло обратно или другое, подобное ему, внезапно зашипело у нее за спиной.

Киска сломя голову пустилась вперед. Быть может, она и достигла бы родного берега, если бы с этой стороны на нее с воплем не бросился третий красноглазый зверь. Она бежала изо всех сил, но оказалась между двух огней. Не оставалось ничего, кроме отчаянного прыжка с моста в неизвестность. Вниз, вниз, вниз... Шлеп, плеск — и она погрузилась в глубокую воду, еще не холодную в августе, но ах какую

ее был южный, ближайший к дому. Мокрая, она вскарабкалась на илистый берег и пробралась между грудами угля и кучами сора, черная, замазанная и совсем не царственная, а самая обыкновенная трущобная кошка.

Немного оправившись от потрясения, королевская трущобница почувствовала, что ванна пошла ей впрок. Ей стало тепло, и у нее появилось гордое сознание победы — ведь она перехитрила трех больших чудовищ. Нос, память и чувство направления склоняли ее вернуться к старому следу, но прямой путь кишел одноглазыми громовиками, и осторожность заставила ее пойти по речному берегу, который своей вонью напоминал ей о родине. Так она избежала невыразимых ужасов туннеля.

противную! Она всплыла на поверхность, кашляя и отплевываясь, оглянулась посмотреть, не гонятся ли за ней чудовища, и поплыла к берегу. Она никогда не училась плавать, а между тем плыла по той простой причине, что положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе. Попав в неприятное ей место, она, естественно, попыталась уйти и в результате поплыла к берегу. К которому же? Любовь к родине никогда не обманывает: единственным берегом для

Более трех дней ушло на изучение различных опасностей набережных Ист-Ривер. Однажды она по ошибке попала на паром, который перевез ее на Лонг-Айленд, но вернулась оттуда с первым обратным паромом. Наконец на третью ночь она достигла знакомого места, пройденного ею в ночь первого своего бегства. Теперь все стало просто и ясно. Она в точности знала, куда идет, и как добраться до дому, и где именно укрыться от собак. Беглянка прибавила шагу; на

сердце стало веселее. Еще немного — и она свернется клубочком в ящике на своем «родном Востоке» — заднем дворе.

Еще один поворот — и она увидит знакомые дома. Но что это? Они все исчезли! Киска не верила своим глазам, но поневоле пришлось им поверить. Там, где прежде торчали покосившиеся ветхие домишки, виднелся безжизненный хаос кирпичей, хлама и ям. Киска обошла все пустыри. Она знала по цвету мостовой, что достигла своей родины, что именно здесь жил продавец птиц, здесь находился старый двор. Но все это исчезло, исчезло безвозвратно, унеся с собой все привычные запахи, и сердце бедняжки сжалось от полной безнадежности. Любовь к родине была главным ее двигателем. Она пожертвовала всем на свете, чтобы вернуться к дому, который перестал существовать, и впервые ее отважное сердечко переполнилось отчаянием. Она обошла безмолвные кучи сора и не нашла ни утешения, ни пищи.

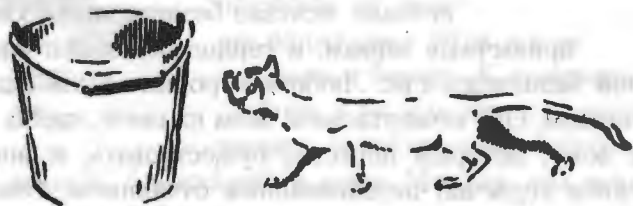
Разорение захватило несколько кварталов и дошло до самой реки. Это не был пожар: киска однажды видела пожар и знала, как он выглядит. Скорее это было похоже на работу целого стада красноглазых чудовищ. Киска не подозревала о большом мосте, который собирались воздвигнуть на этом самом месте.

С восходом солнца она принялась искать пристанища. Один из соседних кварталов сохранился почти в первоначальном виде, и Королевская Аналостанка направилась туда. Ей были известны некоторые из тамошних ходов и выходов. Но, перебравшись туда, она была неприятно поражена обилием кошек, изгнанных, подобно ей, со старого местожительства. Теперь на каждый мусорный ящик приходилось по несколько кошек. Это означало голод, и киска, потерпев несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома, на Пятой авеню. Она застала его запертым и пустым. Прокараулив там целый день, она поссорилась с высоким человеком в синей одежде и на следующий вечер возвратилась в свою переполненную трущобу.

Прошел сентябрь, за ним и октябрь. Многие из кошек околели с голоду или, ослабев, пали жертвой своих врагов. Но наша киска, крепкая и молодая, все еще была жива.

Между тем в разрушенных кварталах произошли большие перемены. Эти кварталы киска впервые увидела ночью, и тогда они были пустынные; но днем их заполняли шумные

рабочие. К концу октября там уже высилось огромное здание, и трущобница, гонимая голодом, однажды прокралась к ведру, оставленному во дворе негром. К сожалению, ведро не было помойным. Это было ведро для мытья пола — новинка в здешних местах. Печальное разочарование сопровождалось, однако, некоторым утешением: ручка пахла знакомой рукой. В то время как киска изучала ведро, на пороге появился негр-лифтер. Несмотря на синюю ливрею, она по запаху узнала его

и попятилась на другую сторону улицы. Он не сводил с нее глаз.

— Неужто это Королевская Аналостанка? Слышь-ка, кис, кис, киссс-с! Сюда, киска, сюда! Уж и голодна-то, наверное!

Голодна! Она за несколько месяцев ни разу не поела досыта. Негр вошел в дом и вскоре вернулся с частью своего собственного завтрака.

— Слышь-ка, киска, кис, кис, кис!

Еда была очень заманчива, но киска имела основания не доверять этому человеку. Наконец он положил мясо на мостовую и вошел обратно в дверь. Трущобница осторожно подкралась, понюхала мясо, схватила его и умчалась, как тигрица, чтобы съесть добычу в безопасности.

ЖИЗНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

XI

Так началась новая эпоха. Теперь киска стала приходить к дверям дома, когда была очень голодна, и с каждым днем ее теплое чувство к негру росло. Она раньше не понимала

этого человека. Он всегда казался ей врагом. А оказалось, что это ее друг, единственный друг в целом свете.

Однажды ей выпала счастливая неделя: семь сытных обедов семь дней подряд. И как раз после последнего обеда ей подвернулась мертвая крыса, настоящая крыса, суший клад. Киска ни разу не видала взрослой

крысы за все свои разнообразные жизни, однако схватила находку и потащила ее, намереваясь припрятать впрок. Она перебиралась через улицу у нового дома, когда показался ее старый враг — собака с верфи, и она бросилась к двери, за которой жил ее друг. Как раз когда она поравнялась с ней, негр распахнул дверь, выпуская хорошо одетого человека. Они оба увидели кошку с крысой.

— Ого! Вот так кошка!

— Да, сэр, — отозвался негр. — Это моя кошка, сэр. Гроза крыс, сэр. Всех почти переловила, сэр, вот почему она так худа.

— Не давайте ей голодать, — сказал господин, по всем признакам домохозяин. — Неужели вы не можете кормить ее как следует?

— Продавец печенки приходит каждый день, сэр. Четверть доллара в неделю, сэр, — сказал негр, находя, что имеет полное право на добавочные пятнадцать центов за выдумку.

— Хорошо, я буду платить.

XII

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздается чарующий крик старого продавца печенки, везущего свою тачку по переродившемуся Скримперскому переулку, и кошки, как в прежнее время, стаей сбегаются за своей порцией.

Надо помнить всех кошек — черных, белых, рыжих и серых, — а главное, надо держать в памяти всех их владельцев.

Обогнув угол нового дома, тачка останавливается там, где в былые дни не останавливалась.

— Эй вы, прочь с дороги, низкий сброд! — кричит продавец печенки и размахивает волшебным жезлом, очищая дорогу для серой кошечки с голубыми глазами и белым носом.

На ее долю выпадает самая большая порция, потому что негр разумно делит доходы пополам с продавцом печенки. Трущобная киска удаляется со своим обедом под кров большого здания, сделавшегося ее жилищем. Ее четвертая жизнь принесла ей такое счастье, о каком она и не мечтала. Вначале все было против нее, теперь же все сложилось как нельзя лучше. Вряд ли она поумнела после своих странствий, но теперь она хорошо знала, чего хочет, и получает то, чего хотела. Честолюбивая мечта всей ее жизни также осуществилась, ибо ей удалось поймать не одного воробья, а целых двух, в то время как они дрались на мостовой.

Ей так и не удалось поймать крысу, но негр подбирает дохлых крыс, где только может, и выставляет их напоказ. Покойница лежит в сенях до прихода домовладельца, затем с извинением торопливо выбрасывается вон.

— Чтoб ее, эту кошку, сэр!.. Это аналостанская кровь, сэр, гроза крыс.

За это время у нее несколько раз бывали котята. Негр думает, что светло-рыжий кот — отец некоторых из них, и негр, без сомнения, прав.

Он продавал ее несчетное количество раз со спокойной совестью, хорошо зная, что Королевская Аналостанка возвратится домой через несколько дней. Она привыкла к лифту и даже приучилась подниматься и спускаться в нем. Негр

упорно утверждает, что в один прекрасный день, когда она услышала зов продавца печенки, находясь на верхнем этаже, она ухитрилась нажать кнопку и вызвать лифт.

Шерсть ее вновь стала шелковистой и прекрасной.

Киска числится в первых рядах кошачьей аристократии. Продавец печенки чрезвычайно почиттелен с ней. Даже вскормленная на сливках и цыплятах кошка жены ростовщика не занимает такого положения, как Королевская Аналостанка. А между тем, несмотря на все ее благополучие, общественное положение, королевское звание и поддельную родословную, она никогда не бывает так счастлива, как в то время, когда ей удастся улизнуть в сумерки и порыскать по задворкам, потому что в глубине души она осталась и навсегда останется бродячей трущобной кошкой.

МАЛЬЧИК И РЫСЬ

I. Мальчик

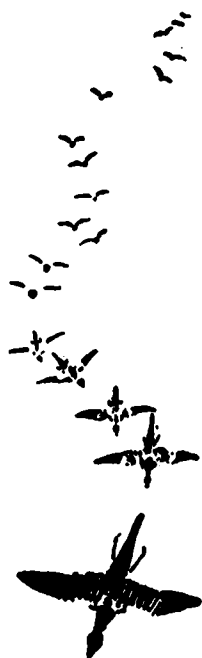
Торберну только что исполнилось пятнадцать лет. Он очень любил охоту. Над синим озером целый день тянулись стаи диких голубей и рядами садились на сучья сухих деревьев по краям поляны. Как хотелось ему иметь хоть одного голубя! Но напрасно он караулил их в течение долгих часов. Казалось, они в точности рассчитали, на какое расстояние бьет его старое охотничье ружье, и каждый раз шумно поднимались, не дав ему приблизиться. Наконец небольшая стая рассыпалась по кустам у ручья вблизи хижины, в которой он жил. Прячась за хижинкой, Торберн осторожно подкрался к ним. Он наметил голубя, отделившегося от стаи, старательно прицелился и выстрелил. Почти одновременно раздался другой выстрел, и птица упала на землю.

Торберн бросился подбирать ее, но в то же мгновение из кустов выступил высокий молодой человек и поднял ее.

— Эй, Корни! Ты взял мою птицу!

— Твою птицу? Твоя вон куда улетела! Я увидел, как они рассаживались здесь, и решил сбить одного голубка из винтовки.

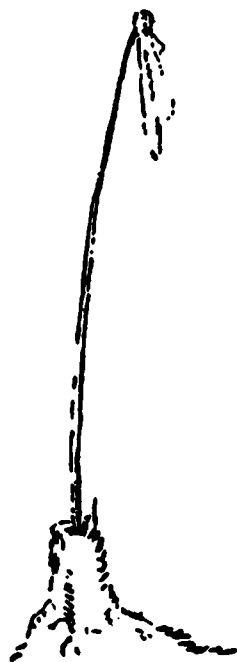
Внимательное расследование показало, что голубя настигла одновременно и пуля винтовки, и дробь старого охотничьего ружья.

Стрелки целились в одну и ту же птицу. Оба от души посмеялись над совпадением, хотя кроме смешного в нем было много грустного, так как в лесном жилье не хватало и съестных, и боевых припасов.

Корни был старший сын в большой семье. Желая обзавестись собственным домом, он поселился в лесу. Две его взрослые сестры, степенная Маргет и веселая Лу, взялись вести его хозяйство. Торберн Олдер приехал к ним погостить. Он только что оправился от серьезной болезни, и родные отправили его пожить первобытной жизнью в лесу, надеясь, что он сделается сколько-нибудь похожим на своего здоровяка приятеля. Жилище их было построено из необтесанных бревен, без пола, с дерновой крышей, на которой буйно разросся бурьян. Однообразие окружавших их девственных лесов нарушалось лишь недавно проложенной дорогой, которая вела в ближайший город, и сверкающим озером в каменистых берегах, за которым виднелся дом ближайшего соседа.

Жизнь их текла монотонно. Корни вставал на заре, растапливал плиту, будил сестер и шел кормить лошадей, пока они готовили завтрак. В шесть часов завтрак был съеден, и Корни отправлялся на работу. В полдень, о наступлении которого Маргет узнавала по тени, падавшей от дерева на ручей, Лу вывешивала белую тряпку на жерди, и Корни, увидев сигнал, возвращался с пашни или покоса, грязный, загорелый и румяный. Тор иногда отсутствовал по целым дням. Вечером, когда все снова сходились за столом, он являлся с озера или с отдаленного горного хребта и ел ужин, который ничем не отличался от завтрака и обеда, так как еда была так же однообразна, как и образ жизни: свинина, хлеб, картофель и чай, иногда яйца, которые несла дюжина кур, ютившихся

возле маленькой бревенчатой конюшни. Дичь ели редко, так как Тор стрелял плохо, а Корни был поглощен работой на ферме.

II. Рысь

В лесу доживала свой век огромная старая ива. Смерть великодушно поступила с ней, послав ей три предостережения: во-первых, она переросла всех своих сестер, во-вторых, дети ее были уже взрослыми, и, наконец, сама она была пуста внутри. Зимний вихрь ломал ее и обнажил большое дупло в том месте, где должна находиться сердцевина. Теперь ива лежала посреди освещенной солнцем полянки, как длинный деревянный грот, и в ней поселилась рысь, искавшая надежного приюта для будущих малюток. Рысь эта была старая, да в придачу еще тощая, так как год для рысей выдался плохой. Осенью мор уничтожил главную их пищу — кроликов. Снежная зима с внезапной гололедицей истребила почти всех куропадок. Долгая дождливая весна переполнила пруды и реки, так что рыбы и лягушки оказались недоступными для когтистых лап, и наша рысь страдала не меньше всех остальных своих сородичей.

Слабенькие рысята были тяжелой обузой для матери, отнимая у нее время, которое она могла бы употребить на охоту.

Любимая еда рыси — зайцы и кролики. Бывали годы, когда она ловила их до пятидесяти штук в день. Но в этом году ей не подалось ни одного.

Как-то раз она поймала белку, забежавшую в дупло ивы. В другой раз единственной ее пищей за день был вонючий уж. Затем выдался день вовсе без еды, и малыши жалобно визжали, так как им не хватало молока. Однажды она увидела большого черного зверя с неприятным, но знакомым запахом. Быстро и безмолвно она прыгнула на него и успела ударить по носу. Но дикий зверь пригнул голову, хвост его взлетел вверх, и рысь-мать была пора-

жена в десяти местах жгучими маленькими дротиками. Она вытащила их зубами, так как познакомилась с уловками дикобраза уже много лет назад, и одна только горькая нужда могла ее заставить напасть на него теперь.

В этот день она ничего не поймала, кроме лягушки. На следующий, во время долгой тяжелой охоты, она услышала странный зовущий голос; он был ей неизвестен. Осторожно приближаясь к нему против ветра, она уловила много новых запахов и несколько неизвестных звуков. Громкий, раскатистый зов повторился, когда рысь-мать достигла большой поляны. Посреди нее стояли два огромных выхухолевых или бобровых дома. Таких больших домов она никогда еще не видала. Они были сложены из бревен и расположены не в пруду, а на сухой земле.

Возле этих домов прогуливалось несколько куропаток, то есть похожих на куропаток птиц, только крупнее и разноцветных: красных, желтых и белых.

Рысь затрепетала от возбуждения. Еда, еда, множество еды! И старая охотница припала к земле. Грудь ее скользила по траве. Во время этого хитрейшего, тончайшего выслеживания локти ее поднялись выше спины. Ей необходимо поймать одну из этих куропаток, чего бы это ни стоило. В этой охоте она не имела права допустить ни единого промаха, никакая уловка не должна была остаться неиспробованной. Хотя бы на то пошли часы, целый день, надо только приблизиться настолько, чтобы обеспечить себе победу, прежде чем птица успеет улететь.

Между лесом и бобровым жильем было расстояние всего в несколько прыжков, но рысь употребила целый час, чтобы переползти его. От пня к кусту, от бревна к пучку травы она переползала, стелясь по земле, и куропатки не замечали ее. Они продолжали клевать, и самая крупная из куропаток время от времени повторяла тот звонкий клич, который она услышала в лесу. Был момент, когда куропатки как будто заподозрили опасность, но долгое ожидание рассеяло их страх. Теперь они были уже почти на доступном расстоянии, и она вся тряслась от голода и охотничьего пыла. Взгляд ее сосре-

доточился на белой птице, не самой близкой, но почему-то привлекавшей ее своим цветом.

Бобровый дом стоял на расчищенном месте. Немного поодаль начинался высокий бурьян с торчавшими там и сям пнями. Белая птица забрела в бурьян, голосистая красная взлетела на верх бобровой кучи и еще раз запела. Рысь-мать еще ниже припала к земле. В крике красной птицы ей почудился тревожный сигнал. Но нет, белая все еще тут — вот ее перья проглядывают сквозь стебли.

Теперь перед рысью лежало открытое место. Сплюснись, как пустая шкура, охотница медленно и безмолвно проползла за бревно, которое было не толще ее шеи. Если

ей удастся достигнуть вон того пучка травы, она оттуда проберется в бурьян, и тогда можно будет прыгнуть. Теперь к ней долетал уже запах птиц — теплый и могучий запах жизни, крови и плоти. Почуввав этот запах, она вся напряглась и глаза ее заблестели.

Куропатки продолжали разгребать землю и клевать. Еще одна взлетела на вышку, но белая оставалась на прежнем месте. Еще пять скользящих, беззвучных шагов — и рысь очутилась за бурьяном, сквозь который просвечивали белые перья. Она измерила расстояние, нащупала почву, отодвинула задними лапами хворост, который мешал ей, и прыгнула. Белая так и не узнала, какой смертью умирает. Налетела серая тень, быстрые и смертоносные когти вонзились в тело, и не успели другие птицы заметить врага и улететь, как рысь уже исчезла, неся в челюстях бьющуюся белую птицу.

Рыча от ярости и восторга, она скачками унеслась в лес и помчалась прямо домой. Последний трепет уже замер в теле жертвы, когда рысь услышала тяжелые шаги. Она вскочила на бревно. Крылья добычи заслоняли ей глаза, поэтому она положила курицу перед собой, крепко придерживая ее лапой. Звук приблизился, кусты раздвинулись, и показался мальчик. Старая рысь знала и ненавидела людей. Она на-

блюдала за ними по ночам, выслеживала их, убегала от них, и однажды они ранили ее.

С минуту рысь и мальчик стояли лицом к лицу. Охотница зарычала, что означало предостережение и вызов, подхватила птицу и спрыгнула со ствола в спасительные кусты. До логовища оставалось еще около двух миль, но она не остановилась для еды, пока не увидела солнечную поляну с большой ивой. Тогда тихое «пр-р, пр-р» вызвало малюток из дупла, и начался упоительный пир.

III. Дом рыси

Вначале Тор, выросший в городе, не решался забираться далеко в чащу, где не был слышен стук топора Корни. Но с каждым днем он отваживался заходить все дальше и дальше, ориентируясь не по обманчивому мху на стволах, а по солнцу и компасу.

Он хотел не истреблять, а изучать диких животных, но естествоиспытатель всегда сродни охотнику, и он не расставался с ружьем.

Единственным заметным обитателем их вырубки был сурок: он жил в норе под пнем, шагах в ста от хижины. Солнечным утром он любил понежиться на пне. Но постоянная осторожность необходима всякому, кто живет в лесу. Сурок был всегда начеку, и Тор напрасно старался застрелить его или хотя бы поймать в западню.

— Знаешь что, — сказал однажды утром Корни, — пора бы нам отведать свежего мяса.

Он достал свою винтовку с узеньким дулом старинного образца и, зарядив ее с тщательностью опытного стрелка, открыл дверь хижины и выстрелил. Сурок опрокинулся назад и не двигался. Тор помчался к нему и возвратился торжествующий, со зверьком в руках, крича:

— Прямо в голову за сто двадцать шагов!

Корни сдержал самодовольную улыбку, но углы его рта дергались, и блестящие глаза засверкали еще ярче. Это не было убийство ради убийства: ведь сурок опустошал все поле. Его вкусного мяса хватило на два хороших обеда, а кроме того, Корни показал Тору, как обработать

шкурку. Сначала он положил мех в золу на двадцать четыре часа, отчего вылезли все волосы, затем мочил шкурку три дня в мыльной воде и мял руками до тех пор, пока она не высохла и не обратилась в белую крепкую кожу.

Скитаясь по лесу, Тор часто заходил очень далеко. Он искал приключений, но они всегда заставляли его врасплох, сколько бы он ни гонялся за ними. Многие дни бывали совершенно бесцветны, другие полны приключений, но ведь неожиданность и составляет главную особенность и прелесть охоты.

Однажды Тор ушел за холмы и попал на прогалину, где лежал сломанный ствол гигантской ивы. Ее величина поразила его. Он прошел дальше, направляясь к озеру, которое заметил невдалеке, и, пройдя немного, вдруг вздрогнул, внезапно увидев на сосне крупное черное животное футах* в тридцати от земли. Медведь! Вот наконец испытание его мужества и сил, которого он дожидался все лето! Сколько раз за последние годы он пытался вообразить, как будет вести себя, если встретит медведя! Тор замер на месте. Правая рука его опустилась в карман. Вытащив оттуда несколько крупных дробин, он всыпал их поверх мелкой дроби, которой было заряжено ружье, и загнал в ствол пыж, чтобы дробь не высыпалась.

Медведь не двигался. Мальчик не мог видеть его головы, но стал теперь внимательно к нему присматриваться. В сущности, он вовсе не так велик... Да нет, это маленький медведь, и даже очень маленький — медвежонок. Значит, где-нибудь по соседству ходит медведица. Тор с некоторым страхом глянул по сторонам, но, не видя никаких признаков медведицы, поднял ружье и выстрелил.

К его изумлению, животное свалилось на землю, убитое наповал. Это был вовсе не медведь, а крупный дикобраз. Мальчик разглядывал его с удивлением и жалостью, так как не имел никакого желания убивать такое безобидное существо. На потешной мордочке дикобраза оказались две-три длинные царапины, доказывавшие, что Тор не был единственным его врагом. Собираясь уйти, он увидел пятна крови

* Фут — единица длины, равная примерно 30,5 см.

у себя на штанах и только тогда заметил, что сильно расцарапал руку об иглы животного.

Лу, узнав о том, что Тор оставил дикобраза в лесу, побранила его. Он должен был снять шкуру, ведь ей так нужна меховая накидка на зиму!

В другой раз Тор пошел в лес без ружья, намереваясь только собрать вблизи вырубки кое-какие интересные растения, — место он узнал по сваленному вязу. Внезапно он услышал странный звук, затем ему показалось, что на стволе что-то движется. Он раздвинул ветки и ясно рассмотрел голову и хвост огромной рыси. Она тоже заметила его и зарычала, сверкая глазами. Под ее лапой на стволе лежала белая птица, в которой, присмотревшись, он узнал одну из их собственных драгоценных кур. Каким жестоким и свирепым показался Тору зверь! Мальчик от души ненавидел его. Он скрежетал зубами от досады, что оказался без ружья именно теперь, когда ему подвернулась такая небывалая добыча. Вдобавок он порядочно струсил и стоял как вкопанный, не зная, что ему предпринять. Рысь зарычала громче. Ее хвост злобно дернулся, затем она подхватила свою жертву и, соскочив со ствола, исчезла в чаще.

Лето было дождливое, и на сырой земле юный охотник нередко замечал следы, которых не увидел бы в сухую погоду. Однажды ему попался в лесу отпечаток как бы свиных копыт. Он без труда мог проследить их, так как свиные, по-видимому, прошли здесь недавно, а все остальные следы были смыты утренним ливнем. Пройдя около полумили, он достиг оврага, по ту сторону которого заметил белые пятна. Зоркие глаза мальчика различили очертания лани и ее пятнистого детеныша, с любопытством глядевших на него. Несмотря на то что мальчик пришел сюда по их же следу, открытие очень удивило его. Он уставился на них с разинутым ртом. Мать повернулась и, подняв сигнал тревоги — свой белый хвост, — унеслась

легкими скачками вместе с малышом, перелетая через бурелом без всякого усилия и с кошачьей гибкостью проскальзывая под низкими сучьями.

Возможность выстрелить в них больше не повторилась, несмотря на то что ему часто попадались те же следы. Он ни разу больше не видел их обоих вместе, но лань-мать все же повстречалась ему однажды. Она нюхала землю, словно разыскивая что-то, и казалась встревоженной, озабоченной. Тор припомнил уловку, которой научил его Корни. Он осторожно нагнулся, взял широкую травинку, положил между пальцами и дунул в этот самодельный свисток. Свист был похож на резкое, отрывистое блеяние, каким олененок призывает мать. Хотя лань находилась на большом расстоянии, она вскачь пустилась к Тору. Он схватил ружье, готовясь убить ее, но, едва он зашевелился, она заметила его и остановилась. Шерсть у нее на загривке слегка ошетичилась. Она фыркнула и вопросительно взглянула на него. Взгляд больших кротких глаз тронул его сердце, сдержал его руку. Она осторожно ступила ближе, глубоко втянула воздух и, поняв наконец, что перед ней смертельный враг, бросилась за ствол дерева и исчезла, прежде чем мальчик успел преодолеть сострадание.

«Бедняжка! — подумал Тор. — Должно быть, потеряла своего маленького».

Мальчик еще раз увидел рысь в лесу. Через полчаса после встречи с осиротевшей ланью он перешел длинную цепь холмов, расположенную в нескольких милях к северу от хижины. Он уже миновал прогалину с поваленной ивой, как вдруг перед ним появился большой котенок с куцым хвостом и простодушно уставился на него. Ружье взлетело к плечу, как всегда, но котенок только наклонил голову набок и бесстрашно продолжал его рассматривать. В это время не замеченный им до сих пор второй котенок стал заигрывать с первым, хлопая его лапой по хвосту и приглашая повозиться.

Разглядывая их забавные прыжки, Тор совсем забыл про ружье. Но вскоре он вспомнил о прежней вражде. Он уже готов был поднять ружье, как вдруг вздрогнул от громкого рычания и не более как в десяти футах от себя увидел старую рысь, рослую и свирепую, как тигрица. Стрелять теперь в одного из рысят было бы безумием. Мальчик с трепетом подсыпал крупной дроби в ружье, прислушиваясь к тому,

как усиливается и замирает сварливое рычание. Но прежде чем он успел прицелиться, рысь схватила что-то лежавшее у ее ног. Мальчик успел рассмотреть белые пятна на темной шкуре — это было бездыханное тело маленького детеныша лани. Затем рысь исчезла в чаще вместе с рысятами. Он больше не встречал ее до той минуты, когда им обоим пришлось бросить на весы жизнь против жизни.

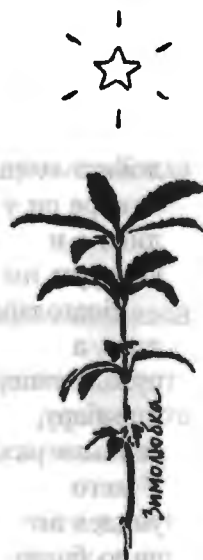
IV. Гроза лесов

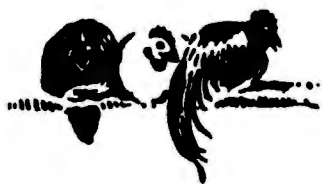
Прошло полтора месяца. Однажды утром Корни поразил друга и сестер своей необычайной молчаливостью. Его красивое лицо было очень серьезно, и, против обыкновения, он совсем не пел, хлопоча по хозяйству. Тор с Корни спали вместе на тюфяке с сеном в углу большой комнаты, и ночью мальчик не раз просыпался оттого, что его товарищ стонал и ворочался во сне.

Понутру Корни встал, как всегда, и пошел дать корм лошадам, но снова прилег, пока сестры готовили завтрак. Позднее он сделал над собой усилие и отправился на работу, но возвратился раньше обыкновенного, дрожа с головы до ног. Несмотря на жаркую летнюю погоду, он никак не мог согреться. Несколько часов спустя начался сильный жар. Теперь всем стало понятно, что Корни заболел грозной лесной лихорадкой. Маргет собрала потогонной травки и напоила его, но, несмотря на все ее заботы, ему становилось все хуже. За десять дней он сильно исхудал и совсем не мог работать. Наконец, почувствовав временное облегчение, больной сказал:

— Знаете, сестренки, сил моих больше нет. Лучше отправлюсь-ка я домой. Сегодня мне настолько хорошо, что я могу править лошадьми, хотя бы до полдороги. А станет плохо, вытянусь в фургоне, и лошади сами довезут меня. Мать поставит меня на ноги через неделю. Если не хватит провизии, отправляйтесь на лодке к Эллертону, возьмите у него.

И вот девушки запрягли лошадей, положили сена в фургон, и Корни, бледный и слабый,

укатил от них по ухабистой дороге. Оставшиеся испытали чувство людей, покинутых на пустынном острове.

Не прошло и двух дней, как все трое — Маргет, Лу и Тор — тоже свалились, сраженные еще более тяжелой лихорадкой.

У Корни «хорошие дни» бывали через день, но трое новых больных совсем не знали таких дней, и в доме воцарилось полное уныние.

Прошло семь дней, и Маргет не могла уже встать с постели, а у Лу едва хватало сил дотащиться из комнаты в комнату. Лу была мужественная девушка, одаренная чувством юмора, поддерживавшим в больных бодрость духа. Но она так осунулась и исхудала, что от ее веселых шуток веяло жутью. Тор, хотя тоже больной и слабый, был крепче остальных и каждый день готовил и подавал им скудную еду. Он кормил их только один раз в день, так как аппетит их был невелик. Впрочем, они радовались этому: провизии оставалось немного, а Корни должен был вернуться только через неделю. Вскоре только у Тора оставались силы вставать с постели.

Однажды утром, притаившись за обычным ломтиком сала, он, к ужасу своему, увидел, что весь так тщательно сберегаемый им кусок исчез. Без сомнения, какой-нибудь дикий зверь украл сало из ящика позади хижины, где оно было спрятано в тени от мух. Теперь в хижине оставались только чай и мука. Тора охватило отчаяние. Вдруг взгляд его упал на кур у конюшни. Но что в них толку? Теперь он так слаб, что поймать курицу для него не легче, чем изловить оленя или ястреба. Вдруг он вспомнил про ружье. Вскоре он уже ощипывал жирную курицу. Он сварил ее целиком, и этот суп был первой действительно вкусной пищей, которую им довелось съесть.

Благодаря этой курице три тягостных дня они продержались, а когда от нее ничего не осталось, Тор снова взялся за ружье; теперь оно казалось много тяжелее. Он протаскился к амбару, но так дрожал от слабости, что промахнулся несколько раз, прежде чем ему удалось подстрелить курицу. У него теперь оставалось только три заряда. Тор удивился, увидев всего четыре курицы, тогда как прежде их здесь бродило более двенадцати. Три дня спустя он повторил набег

и нашел всего одну-единственную курицу, на которую и истратил свои последние заряды.

Жизнь его теперь превратилась в непрерывный и монотонный ужас. Утром, когда ему было сравнительно лучше, он готовил немного пищи для себя и для больных девушек и готовился к горячечной ночи, ставя по ведерку с водой в головах каждой постели. Около часа дня, с ужасающей точностью, начинался озноб. Мальчик трясся с головы до ног, зубы стучали, и холод пронизывал его изнутри и снаружи. Ничто не могло согреть его — огонь, казалось, утратил свои свойства. Ничего не оставалось делать, как только лежать, трястись и терпеть медлительную муку замерзания. Так продолжалось шесть часов. К холоду присоединялась мучительная тошнота. В семь или восемь часов вечера наступала перемена: начинался приступ сильнейшего жара, и никакой лед не показался бы ему тогда прохладным. Воды, воды — ничего больше не было ему нужно, и он пил и пил. И только под утро засыпал в полнейшем изнеможении.

«Если не хватит еды, отправляйтесь на лодке к Эллертону», — посоветовал, уезжая, Корни. Но кто отправится в этой лодке?

Теперь между ними и голодной смертью оставалось всего полкурицы. А Корни все нет и нет.

Вот уже три бесконечные недели, как тянется эта пытка. Каждый день все то же, лишь немного хуже с каждым днем. Еще несколько дней — и мальчик тоже не будет в состоянии подняться с постели. Что тогда?

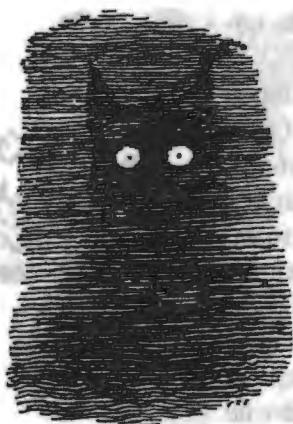
Отчаяние охватило их. Каждый с ужасом думал: «Когда же наконец вернется Корни?»

V. Дом мальчика

Все утро накануне того дня, когда им предстояло доесть последнюю курицу, Тор потратил на то, чтобы притащить три ведра воды. Озноб начался раньше обыкновенного, и жар был сильнее, чем всегда.

Он пил часто и много из ведерка, поставленного у изголовья постели. Вечером оно было полно доверху, но в нем

почти ничего не оставалось, когда около двух часов утра горячка оставила мальчика и он уснул.

В час серого рассвета его разбудил странный звук поблизости — плеск воды. Повернув голову, он увидел почти у самого своего лица два светящихся глаза: какой-то большой зверь лакал воду из ведерка у его постели.

Тор в ужасе смотрел на него, затем закрыл глаза, уверенный, что спит и видит во сне Индию и тигра, пришедшего к его изголовью. Но плеск воды продолжался.

Он поднял голову: да, зверь все еще здесь. Он попытался крикнуть — из горла его вырвалось только слабое клоко-танье. Большая мохнатая голова дрогнула, зрачки засверкали, раздалось фыркание, неизвестный зверь опустился на четвереньки и пошел через комнату под стол. Тор теперь окончательно проснулся. Он с трудом приподнялся на локте и слабо крикнул: «Ш-ш-ш!» Огненные глаза снова появились из-под стола, а за ними и серая фигура. Зверь спокойным шагом подошел к стене, проскользнул в отверстие для свалки картофеля и исчез.

Кто это был? Больной мальчик едва мог сообразить: без сомнения, какой-нибудь опасный хищник. Мужество изменило ему. Он дрожал от страха, от сознания своей беспомощности и то забывался тревожным сном, то вдруг просыпался, всматриваясь в темноту, ища в ней ужасных глаз и серой крадущейся тени. Так прошла вся ночь, и к утру он был почти уверен, что ночью просто бредил. Но тем не менее он попытался заложить ход поленьями.

У всех троих был плохой аппетит, но пришлось и его обуздывать, так как у них осталось всего полкурицы, а Корни, без сомнения, думал, что они побывали у Эллертона и запаслись всем необходимым.

На следующую ночь, когда изнуренный приступом лихорадки Тор задремал, его разбудил шум в комнате, похожий на хруст костей. Всмотревшись, он разобрал очертания большого зверя, сидевшего на столе. Тор закричал, попытался бросить в него сапогом. Зверь легко соскочил со стола и пролез в дыру, вновь широко открытую.

Теперь он знал, что это не сон. И девушки поверили ему, потому что они не только слышали зверя, но и лишились остатка курицы — последней своей пищи.

Бедный Тор почти не вставал с постели весь день. Но жалобы больных девушек наконец заставили его подняться. Дотащившись до ручья, он собрал там немного ягод и принес их домой. Затем он сделал обычные приготовления против озноба и жажды, но добавил еще одно: рядом со своей постелью он положил лучину, несколько спичек и старую острогу — единственное оставшееся у них оружие; ружье без зарядов было бесполезно. Он знал, что зверь вернется, и вернется голодным. Он не найдет пищи, — чего проще приняться тогда за живую добычу, беспомощно лежащую перед ним? И перед глазами Тора встали поникшие ножки маленького олененка, стиснутого этими же самыми жестокими челюстями.

Снова он, как умел, заложил ход поленьями, и ночь прошла на этот раз спокойно: свирепая посетительница не появилась. На следующий день они ели мучной кисель; чтобы сварить его, пришлось разобрать часть баррикады. Лу пыталась шутить, уверяя, что стала теперь достаточно легкой, чтобы летать, но когда захотела встать, то не сумела приподняться.

Ночь почти миновала, но под утро Тор внезапно был разбужен шлепаньем языка по воде, и снова он увидел на фоне светлевшего окна горящие глаза, большую голову и серый силуэт.

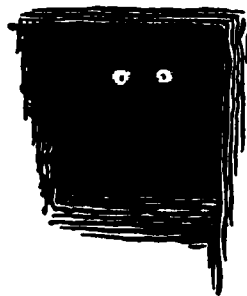
Тор напряг все силы для смелого окрика, но получился какой-то слабый писк. Он медленно приподнялся и позвал:

— Лу, Маргет! Рысь, опять рысь пришла!

— Мы не можем тебе помочь, — ответили девушки.

— Ш-ш-ш! — Тор опять попытался спугнуть зверя.

Рысь вскочила на стол у окна и оставалась, зарывав при виде бесполезного ружья. На миг она обернулась к окну, и Тор подумал, что она выбьет стекло и выскочит вон. Но вот она снова повернулась и уставилась горящими глазами на мальчика. Тор медленно поднялся с постели. Он понял, что настало время убить или быть убитым. Он чиркнул спичкой и зажег

лучину. Левой рукой он поднял горящую лучину, а правой — старую острогу, но почувствовал такую слабость, что вынужден был опереться на острогу, как на костыль. Большой зверь на столе слегка присел, готовясь к прыжку. Глаза его отливали красным блеском при свете лучины, короткий хвост дергался из стороны в сторону, а рычание становилось громче и выше. Ноги Тора подкашивались, однако он поднял остро-

гу и слабо взмахнул ею.

В тот же миг рысь прыгнула, но не на него, как он сперва подумал. Огонь и смелость мальчика напугали ее, она перескочила через его голову и забилась под койку.

Но это была лишь минутная передышка. Тор укрепил лучину на выступе бревна и взял острогу в обе руки. Предстояло биться не на живот, а на смерть, и он знал это. Девушки испуганно вскрикнули. Тор видел только сверкающие глаза под кроватью и слышал, как рычание зверя становилось все громче и громче. Собрав всю волю, он напрягся и изо всей силы ударил острой.

Оружие вонзилось во что-то мягкое, и раздался ужасающий вопль. Мальчик всей тяжестью налег на острогу.

Рысь попыталась броситься на него, он слышал скрип ее зубов и когтей на рукоятке и чувствовал, что, несмотря на его усилия, она придвигается все ближе. Мощные когтистые лапы уже тянулись к нему. Он знал, что силы скоро его оставят, и снова налег на острогу, напрягая остаток сил. Рысь рванулась, послышалось рычание, треск. Гнилая рукоять остроги сломалась, зверь метнулся на него, проскочил мимо, даже не задев его, юркнул в отверстие и исчез навсегда.

Тор упал на кровать и лишился чувств.

...Неизвестно, сколько времени он пролежал так, но солнце уже ярко светило, когда громкий веселый голос вывел его из забытья:

— Эй, там! Что вы, умерли все? Лу! Тор! Маргет!

Тор не в силах был отвечать, но услышал топот лошадей на дворе и тяжелые шаги.

Дверь была высажена сильной рукой, и вошел Корни, красивый и здоровый.

— Умерли? — спрашивал он в ужасе. — Кто умер? Где вы? Тор!.. — Затем: — Кто умер? Лу? Маргет?

— Корни, Корни! — раздался слабый голос с постели. — Они там, в хижине. Им очень плохо. Нам нечего есть...

— Какой же я дурак! — в отчаянии воскликнул Корни. — Я ведь думал, что вы побывали у Эллертона и запаслись провизией!

— Мы не могли, Корни! Мы все трое свалились сразу, как только ты уехал. А потом пришла рысь и перетаскала всех кур и все, что было в доме.

— Ну, с ней-то ты поквитался! — заметил Корни, показывая на кровавые следы, терявшиеся в углу под бревнами.

...Здоровая пища, уход и лекарство вскоре поставили всех на ноги.

Месяца два спустя, когда девушкам понадобилась новая кадка, Тор сказал:

— Я знаю, где найти дуплистую иву, толстую, как бочка.

Они отправились вдвоем с Корни на прогалину, и, когда отпилили нужный им кусок дерева, в дальнем конце дупла они нашли высохшие тельца двух рысят, лежавших рядом с матерью, в боку которой торчал обломок старой остроги.

Это случилось в начале ноября 1882 года, когда в Манитобе уже установилась зима. Я сидел развалившись на стуле и лениво поглядывал в единственное окно нашей хижины, откуда виднелся кусочек прерии и угол хлева.

Но моя мечтательная лень сразу исчезла, едва я увидел стремительно вбежавшего в хлев большого серого зверя, преследуемого по пятам другим животным, поменьше, с черными и белыми пятнами.

— Волк! — воскликнул я и, схватив ружье, бросился на помощь собаке.

Однако, прежде чем я подоспел, собака и волк уже выскочили из хлева. Пробежав немного по снегу, волк обернулся, готовясь к защите. Собака — шотландская овчарка нашего соседа — бегала кругом, выжидая удобного момента для нападения.

Я дважды выстрелил на большом расстоянии, но промахнулся, и погоня возобновилась. На этот раз смелый пес нагнал волка и схватил его за бедро, но тут же отскочил, увертываясь от его свирепых челюстей. Волк принял оборонительную позу, а затем пустился наутек. Эта сцена повторялась снова и снова. Собака явно гнала волка к человеческому жилью, и волк напрасно пытался прорваться к темной линии леса, видневшейся на востоке. Наконец, когда они пробежали таким образом целую милю, мне удалось их настигнуть, и собака, надеясь на мою помощь, бросилась в решительную атаку.

Прошло несколько секунд. Клубок борющихся животных, в котором трудно было что-нибудь различить, распался, и я увидел волка, лежащего на спине, и окровавленного пса, схватившего его за горло. Теперь мне было уже нетрудно положить конец борьбе, всадив пулю в голову волка.

Когда этот удивительный пес, обладавший необыкновенной выносливостью, увидел, что враг мертв, он тут же забыл про него и пустился рысцой по снегу на ферму, находившуюся в четырех милях отсюда, к своему хозяину.

Это был замечательный пес; даже если бы я не подоспел к нему на помощь, он и один справился бы с волком, как это уже не раз бывало, несмотря на то что волки, хотя и более мелкой, степной породы, были гораздо крупнее его.

Я был в восторге от храбрости пса и тут же решил купить его, уплатив за него какую угодно цену. Но хозяин собаки сердито отказался, ответив:

— Отчего бы вам не купить у меня щенка?

Раз Фрэнк не продавался, мне волей-неволей пришлось удовольствоваться щенком. Этот сын столь знаменитого отца оказался комком черного меха и был больше похож на длиннохвостого медвежонка, чем на щенка. Но у него были точно такие же рыжие отметины, как у Фрэнка, и я надеялся, что это послужит залогом его будущего величия, так же как и характерное белое кольцо вокруг носа.

После того как я приобрел щенка, мне оставалось только придумать ему имя, и я назвал его Бинго.

II

Конец зимы Бинго провел в нашей хижине, живя жизнью ленивого, толстого, добродушного и проказливого щенка. Он объедался до отвала и с каждым днем становился все больше

и неуклюжее. Даже печальный опыт не научил его, что он должен держать нос подальше от крысоловки. Самые дружественные его попытки сблизиться с кошкой были совершенно ею не поняты, и результатом явился вооруженный нейтралитет, который изредка прерывался войной.

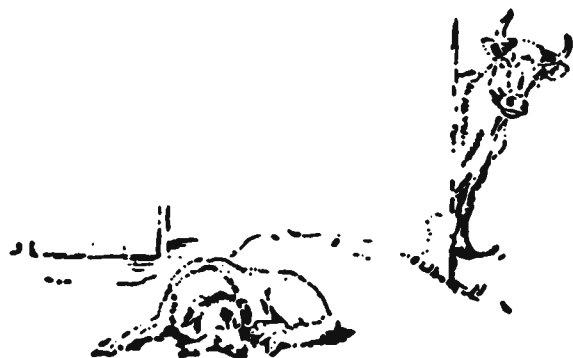
Наконец Бинго, рано проявивший самостоятельность, решил лучше вовсе избегать хижины и ночевать в сарае.

С наступлением весны я серьезно принялся за его воспитание. Это стоило мне больших трудов, а ему — многих страданий, однако он все же выучился по моему приказанию разыскивать нашу старую рыжую корову, которая паслась на воле в прерии.

Поняв наконец, что от него требуется, он полюбил это дело, и ничто так не нравилось ему, как приказание пригнать корову домой. Он тогда мчался в прерию с радостным лаем, высоко подпрыгивая, чтобы разглядеть, где пасется его жертва. И через самое короткое время возвращался назад, гоня перед собой корову галопом и оставляя ее в покое лишь тогда, когда она, фыркая и отдуваясь, пряталась в самый отдаленный угол хлева.

Конечно, если б он тратил на это дело поменьше энергии, мы не мешали бы ему, но он до такой степени пристрастился к этой ежедневной охоте, что стал пригонять домой нашу старушку Донни без всякого приказа. В конце концов наш усердный пастух стал загонять корову в хлев по двенадцати раз в день. Дело дошло до того, что, когда у него являлось желание пробежаться или оказывалось несколько свободных минут, а иногда просто потому, что ему приходила такая фантазия, Бинго стремглав бежал в прерию и через несколько минут возвращался, гоня вскачь перед собой нашу бедную рыжую корову.

Сначала это, казалось, было не так уж плохо, потому что мешало корове забрести далеко от дома. Но скоро мы убедились, что она недоедает: она похудела и стала давать меньше молока. По-видимому, эта охота действовала и на состояние ее духа, так как она, беспокойно озираясь, постоянно с тревогой ожидала появления собаки. А по утрам не отходила от хлева, точно боялась отправиться на пастбище, чтобы снова не подвергнуться нападению.

Это было уже слишком. Все наши старания заставить Бинго умерить свой пыл не приводили ни к чему, и пришлось в конце концов вовсе прекратить эту забаву. Бинго больше не смел загонять корову, но все-таки выказывал к ней большой интерес и лежал свернувшись у дверей хлева, пока ее доили.

Когда наступило лето, комары стали отравлять нам существование, но еще несноснее было то, что из-за комариных укусов корова при доении размахивала хвостом.

Мой брат Фред, обычно доивший коров и столь же изобретательный, сколь нетерпеливый, придумал простое средство помешать корове махать хвостом: он привязал к ее хвосту кирпич и безмятежно принялся за свое дело, уверенный, что корова уже не будет мешать ему своим хвостом. Но мы с некоторым сомнением отнеслись к этому опыту.

И вот внезапно сквозь тучу комаров до нас донесся глухой шлепок и взрыв ругательств. Корова продолжала спокойно пережевывать жвачку, а Фред вскочил на ноги и яростно замахнулся на нее скамеечкой. Как же не прийти в ярость, если старая глупая коровахватила его по уху кирпичом! А злорадство и насмешки зрителей окончательно вывели его из себя.

Бинго, услышав шум и полагая, что присутствие его необходимо, бросился на корову с другой стороны. Прежде чем

удалось водворить порядок, молоко было пролито, ведро и скамейка сломаны, а корова и собака жестоко избиты.

Бедный Бинго никак не мог понять, в чем он провинился. Он давно уже презирал эту корову и теперь, окончательно возмущенный, решил даже не смотреть на дверь ее хлева и переселился к лошадям в конюшню.

Корова была моя, а лошади принадлежали моему брату, и, сменив хлев на конюшню, Бинго тем самым как бы отказался и от меня. И наше ежедневное общение прекратилось. И все же если случалось что-нибудь серьезное, Бинго всегда обращался ко мне, а не к брату. И мы оба как будто чувствовали, что связь между человеком и собакой может исчезнуть только с жизнью.

В роли пастуха Бинго пришлось выступить еще только один раз. Это было осенью того же года на ярмарке в Карберри. Там происходило состязание собак, и овчарке, которая лучше всех пригонит корову туда, куда ей прикажут, обещан был приз в два доллара.

Соблазненный одним коварным приятелем, я записал Бинго для участия в состязании, и рано утром в назначенный день корову выгнали в прерию, за поселком. Когда началось состязание, я указал на нее Бинго и сказал:

— Ступай приведи корову!

Само собой разумеется, я хотел, чтобы он пригнал ее ко мне, туда, где сидели судьи.

Но животные лучше нас знали, что им делать. Недаром они все лето репетировали. Когда Донни увидела бегущего к ней во весь карьер Бинго, она вспомнила, что единственная надежда на спасение — это ее хлев, а Бинго был уверен, что единственная цель его жизни — как можно скорее загнать ее туда. И вот они понеслись по прерии друг за другом, как

волк за ланью, держа прямой курс на хлев, находившийся на расстоянии двух миль оттуда, и вскоре исчезли из виду. Судьи больше не видели ни коровы, ни собаки. Награда досталась другой овчарке, единственной сопернице Бинго.

III

Я принялся воспитывать Бинго ранней весной, но очень скоро он сам стал учить меня.

На половине дороги между нашей хижинкой и поселком Карберри, в двух милях от нас, стоял столб, отмечавший границу нашей фермы. Это был большой, толстый столб, поставленный на маленьком холмике и хорошо видный издали.

Я скоро заметил, что Бинго никогда не пройдет мимо этого столба без того, чтобы не обследовать его самым тщательным образом. Спустя немного времени я убедился, что столб этот посещается также койотами и всеми окрестными собаками.

С помощью подозрной трубы я сделал целый ряд наблюдений, давших мне возможность узнать, в чем тут дело, и более основательно познакомиться с личной жизнью Бинго.

Столб этот, по взаимному соглашению животных, служил своего рода адресным столом для собачьего племени. Благодаря своему изумительному чутью каждая собака могла тотчас же определить по следу и запаху, кто из собак побывал здесь недавно. Когда же выпал снег, то я узнал еще многое другое. Этот столб, как я убедился, был лишь частью целой системы адресных столов, покрывавших сетью все окрестности.

Короче говоря, во всей этой области были расположены, на соответствующем расстоянии друг от друга, сигнальные станции. Они были отмечены каким-нибудь бросающимся в глаза предметом. Это мог быть столб, череп бизона или еще что-нибудь, лишь бы место оказалось подходящим. И тщательное наблюдение скоро убедило меня, что тут существовала целая система сигнализации. Каждая собака или койот непременно посетит те станции, которые лежат у них на пути, для того чтобы узнать, кто тут был недавно. Это похоже на то, как поступает член клуба, который, вернувшись

в город, берет для просмотра книгу записи посетителей, желая узнать, кто посещал клуб в его отсутствие.

Я видел, как Бинго подходил к столбу, нюхал, исследовал землю вокруг него. Он рычал, ошетикивал шерсть и, сверкая глазами, принимался яростно и с презрением скрести землю задними ногами. Затем он надменно удалялся, временами оглядываясь. В переводе на человеческий язык это означало следующее:

«Гррр! Ввууф! Опять эта грязная дворняга, пес Маккарти! Ввууф! Сегодня вечером я ему задам! Ввууф! Ввууф!»

В другой раз, обнюхав столб, Бинго внезапно с волнением начинал изучать след койота, ворча про себя, как я потом догадался:

«След койота, идущий с севера и пахнувший околевшей коровой... Да ну! Старуха Бриндл, корова Поллуарта, околе-ла наконец! Это стоит расследовать».

Иногда же он принимался махать хвостом, бегал кругом и снова возвращался к столбу, чтобы сделать свое посещение еще заметнее, — может быть, для того, чтобы оставить весточку своему брату Биллу, только что вернувшемуся из Брендона. Таким образом, вовсе не случайно однажды вечером Билл явился в гости к Бинго и вместе с ним отправился к холмам, где они могли как следует отпраздновать свою встречу над свежим лошадиным трупом.

Бывало и так, что новость, которую Бинго узнавал у столба, потрясала его до глубины души. Тогда он бежал по следу к следующей станции, чтобы там получить свежие известия.

Порой я замечал, что он внимательнейшим образом осматривал столб, точно спрашивая себя: «Что это? Кто бы это мог быть?..»

Или как будто размышлял, исследуя столб: «Кажется, я встречался с ним прошлым летом у переправы?»

Однажды утром, когда Бинго подошел к столбу, вся шерсть у него встала дыбом, хвост повис и задрожал, а внезапные признаки тошноты были явным доказательством крайнего ужаса, который он испытывал. Он не выказывал ни малейшего желания идти по следу дальше, а прямо направился домой; и даже полчаса спустя он все еще не мог успо-

коиться: шерсть на загривке стояла у него дыбом, а взгляд выражал страх и ненависть.

Тогда я, в свою очередь, исследовал этот страшный след и узнал, что горловые звуки «Грр! Вууф!» означают на языке Бинго: «Лесной волк!»

Вот чему научил меня Бинго. И когда потом мне случилось видеть, что он встает со своей холодной постели у входа в конюшню, потягивается и стряхивает снег, облепивший его лохматую спину, а затем исчезает в темноте, мерно постукивая лапами — трот, трот, трот, — я всегда думал про себя:

«Ага, старый пес! Знаю, куда ты бежишь и почему ты не хочешь ночевать под крышей! Теперь мне понятно, почему твои ночные прогулки по окрестностям всегда бывают так своевременны и почему ты всегда в точности знаешь, куда тебе надо идти за поживой и как и когда надо ее искать!»

IV

Осенью 1884 года хижина на ферме де Винтона была заколочена, и Бинго переменял свое местожительство. Он переселился в другое место — в конюшню нашего соседа Гордона Райта, моего друга.

Бинго с детства ни за что не хотел входить в дом, за исключением тех случаев, когда разражалась гроза. Гром и ружья внушали ему величайший страх. И несомненно, он стал бояться грома после того, как познакомился с ружьями при не слишком приятных обстоятельствах, о которых ниже.

Бинго всегда ночевал на дворе, у конюшни, даже в самую холодную погоду, и было ясно, что, получая таким образом полную свободу на всю ночь, он не стеснялся этой свободой пользоваться.

По ночам Бинго совершал многомильные прогулки. Этому было немало доказательств. Фермеры, жившие очень далеко от Райтов, неоднократно предупреждали старика Гордона, чтобы он не отпускал своего пса шляться по ночам, не то они угостят непрошеного гостя дробью. Очевидно, это не была пустая угроза: недаром Бинго так боялся огнестрельного оружия.

Один человек, живший далеко, в Петреле, рассказывал, что он видел большого черного волка, который однажды

зимним вечером загрыз койота. Но после он изменил свое мнение и говорил, что, по всей вероятности, это был не волк, а пес Райта.

Где бы ни лежал труп быка или лошади, околевших зимой, Бинго непременно отправлялся туда каждую ночь и, отгоняя койотов, наедался до отвала.

Иногда он уходил из дому только для того, чтобы подражаться с собакой какого-нибудь дальнего соседа. Но, несмотря на все угрозы, мы никогда не опасались, что род

Бинго прекратится. Один человек даже уверял, что он видел самку койота с тремя детенышами, которые были крупнее матери и черные, а вокруг их носов сверкали белые кольца.

Я не знаю, правду ли он говорил, но, во всяком случае, однажды в конце марта мы ехали в санях, а Бинго бежал за нами, вдруг из ложбины выскочил койот. Он бросился наутек, Бинго — за ним. Однако вскоре стало ясно, что койот вовсе не пытается спастись от преследования. Вскоре Бинго настиг его, но, как это ни странно, никакой схватки не произошло. Бинго спокойно бежал с ним рядом и наконец лизнул его в морду.

Мы были поражены и кричали, чтобы науськать Бинго на койота. Наши крики пугали койота и заставляли ускорять бег, но Бинго снова бросался за ним и настигал его с самым дружелюбным видом.

— Это самка! Он не сделает ей никакого вреда! — воскликнул я, догадавшись наконец, в чем дело.

Мы отозвали Бинго, который подчинился с большой неохотой, и поехали дальше.

В течение нескольких недель после этого мы подвергались нашествиям койота, который душил наших цыплят, воровал куски свинины из кладовой и несколько раз пугал детей, заглядывая в окно, когда взрослых не было дома.

А Бинго никак не мешал разбойнику. Наконец койот, оказавшийся самкой, был убит, а Бинго страшно рассердился. Он объявил непримиримую войну Оливеру, ее убийце.

V

Удивительная и трогательная вещь — дружба человека с собакой! Рассказывают об одном индейском племени на дальнем Севере, которое почти погибло из-за внутренней распри, а все началось с того, что собака одного индейца была убита его соседом. Но ведь и у нас бывают распри, тяжбы и смертельная вражда, возникающие из-за нарушения древнего правила: «Любишь меня — люби мою собаку».

У одного из наших соседей была прекрасная гончая по имени Тан. Он считал ее самой лучшей и самой красивой собакой на свете. Я любил его и потому любил его собаку. И когда однажды бедный Тан приполз домой страшно израненный и испустил дух у порога дома, я негодовал вместе с его хозяином и сам взялся за поиски преступника, а также предложил награду за его поимку.

В конце концов стало ясно, что Тана убил один фермер, живший к югу от нас. На него указывало много улик, и мы не сомневались, что заставим негодяя понести должное наказание за гнусное убийство бедного старого Тана.

Однако тут случилось нечто заставившее меня совершенно изменить мою точку зрения на это дело, и я пришел к выводу, что убийство этого старого пса вовсе не было таким уж страшным преступлением и вполне извинительно.

Ферма Гордона Райта лежала к югу от нас, и, когда я однажды туда зашел, Гордон-младший, зная, что я разыскиваю убийцу, отвел меня в сторону и, боязливо озираясь, прошептал трагическим голосом:

— Тана убил Бинго...

Этого было достаточно. И должен сознаться, что с этой минуты я делал все от меня зависящее, чтобы сбить с толку правосудие, тогда как раньше, наоборот, прилагал все усилия, чтобы разыскать убийцу.

Я давно уже отдал Бинго, но дружба наша не кончилась, а, наоборот, вскоре нашла новое подтверждение.

Гордон и Оливер были старыми товарищами. Они подрядились вместе рубить лес и работали дружно до половины зимы. Но затем старая лошадь Оливера пала, и он, желая извлечь из нее наибольшую пользу, выволок ее в прерию и разбросал вокруг отраву для волков.

Увы, бедный Бинго! Он упорно стремился жить по-волчьи и постоянно подвергался тем же опасностям, что и волки. Он так же любил лакомиться падалью, как и его дикие родичи. В ту же ночь он отправился к трупам лошади вместе с собакой Гордона Райта, которую звали Керли. По-видимому, Бинго больше отгонял койотов, зато Керли ел вволю.

Следы на снегу рассказали историю пира, прервавшегося, когда яд стал действовать. Псы кое-как добрались до дому, где Керли свалился в судорогах к ногам Гордона и умер в страшных мучениях.

«Любишь меня — люби мою собаку!»

Никакие объяснения не помогли. Напрасно было доказывать, что произошло. Это была несчастная случайность. Давнишняя вражда между Бинго и Оливером выступала как неопровержимое доказательство. Договор о рубке леса был расторгнут, и дружбе двух приятелей пришел конец. И до сего дня в этой местности существуют две враждебные партии, образовавшиеся из-за смерти Керли.

Прошло много месяцев, прежде чем Бинго окончательно оправился от действия яда. Мы даже боялись, что он больше уже никогда не будет прежним сильным и смелым Бинго. Но с наступлением весны он начал поправляться, и через несколько недель к нему вернулись здоровье и энергия, на радость друзьям и на горе соседям.

VI

Некоторые перемены в моей жизни заставили меня уехать далеко от Манитобы, но, когда я вернулся туда в 1886 году, Бинго все еще жил в доме Гордона Райта. Я думал, что он забыл меня за время моего двухлетнего отсутствия, но я ошибся.

Однажды, в самом начале зимы, он пропадал около двух суток и наконец приполз домой, волоча за собой волчий капкан с тяжелым бревном. Лапа, попавшая в капкан, была

отморожена и тверда как камень. Никто не осмелился приблизиться к псу, чтобы освободить его, так как он тотчас же приходил в ярость. Тогда я, ставший для него уже совсем чужим, подошел к нему, одной рукой взялся за капкан, а

другой схватил его ногу. Он мгновенно сомкнул зубы на моем запястье.

— Бинго, разве ты не узнаешь меня? — сказал я спокойно.

Он не укусил меня и тотчас же выпустил мою руку. Он больше не сопротивлялся, хотя громко визжал, пока снимали капкан. Он все еще признавал во мне своего господина, несмотря на то что жил у других людей и долго не видел меня. И я также, хотя отказался от своих прав на него, все же чувствовал, что это моя собака.

Бинго, против его желания, все-таки внесли в дом, и его замерзшая лапа оттаяла. Всю зиму он хромал, и два пальца у него омертвели и отпали. Но еще до наступления теплой погоды он совсем поправился.

VII

В ту зиму много койотов и лисиц попало в мои капканы. Я не убирал капканов даже весной, так как за каждого убитого хищника выплачивалась премия.

Равнина Кеннеди — очень удобное место для капканов, так как люди мало ее посещают. Она расположена между густым, дремучим лесом и фермами. Я добыл много шкур в этих местах.

В конце апреля я отправился туда в один из своих объездов, которые всегда совершал регулярно.

Капканы делают из толстых стальных полос. Они снабжены двумя пружинами, и сила каждой из них равняется ста фунтам. Вокруг приманки ставят четыре капкана и крепко привязывают их к хорошо запрятанным бревнам. После этого капканы тщательно прикрывают ватой и засыпают сверху мелким песком.

В один из моих капканов попался койот. Я убил его ударом дубины и, отбросив труп в сторону, принялся вновь устанавливать капкан. Так я поступал уже сотни раз.

Скоро все было готово. Я бросил отвертку, отмыкающую капкан, туда, где стояла моя лошадь, и, заметив поблизости хороший, мелкий песок, решил подсыпать еще горсть к кучке над капканом.

Какая это была несчастная мысль! Какая безумная неосторожность! Этот мелкий песок лежал поверх соседнего капкана, и я в один миг очутился в плену.

Я не был ранен, потому что эти капканы не имеют зубьев, а мои толстые охотничьи перчатки ослабили тиски, но все же я был крепко схвачен стальными челюстями поперек ладони.

Сначала я не очень испугался и попытался достать отвертку правой ногой. Распластавшись на животе во всю длину, я старался подобраться к ней, вытягивая мою зажатую капканом руку насколько возможно. Я не мог одновременно и смотреть и шарить, но полагался на большой палец своей ноги, который, конечно, даст мне знать, если я прикоснусь к маленькой железной отвертке.

Моя первая попытка была неудачной. Как я ни дергал цепь капкана, я ничего не мог достать. Я медленно повернулся, но снова потерпел неудачу. Кое-как скосив глаза, я обнаружил, что отодвинулся слишком далеко в сторону, и попробовал вернуться на прежнее место, слепо шаря по земле. И вот, занятый правой ногой, я совсем забыл про левую ногу, как вдруг послышалось резкое щелканье и над ней сомкнулись крепкие челюсти капкана номер три.

Я не сразу понял весь ужас моего положения, но скоро убедился, что мне из капканов не вырваться. Я даже не мог сдвинуть их с места и лежал, вытянувшись во всю длину, пригвожденный к земле.

Что же теперь будет со мной? Я не боялся замерзнуть, так как холода давно кончились, но знал, что равнину Кен-

неди посещают только дровосеки зимой. Никто не знает, куда я поехал, и, если мне не удастся освободиться, меня растерзают волки или я умру с голоду.

Пока я лежал, красное солнце зашло за еловый лесок у болота на западе. В нескольких шагах от меня, на бугре, жаворонок прощепетал свою вечернюю песенку, точь-в-точь как накануне вечером у дверей моей хижины. И хотя тупая боль поднималась в моей руке и меня охватывал мертващий холод, я все же заметил, как длинные были пучки перьев по сторонам его головки.

После этого мои мысли перенеслись к уютной кухне в доме Райта. Я думал о том, что они, быть может, как раз в эту минуту жарят свинину к ужину или уже садятся за стол. Моя лошадь продолжала стоять на том самом месте, где я оставил ее, с уздечкой на земле, и терпеливо ждала, чтобы отвезти меня домой. Она не понимала, отчего я задерживаюсь так долго, и, когда я позвал ее, она перестала щипать траву и взглянула на меня с немым, беспомощным недоумением.

Если б она вернулась домой! Пустое седло вызвало бы подозрение, что со мной случилось несчастье. Меня стали бы искать и могли бы спасти. Но преданность лошади заставляла ее ждать час за часом, в то время как я погибал от голода и холода.

Тут я вспомнил, как исчез старый охотник Жиру. Только на следующую весну нашли его скелет, схваченный за ногу медвежьим капканом. И я думал о том, какая часть моей одежды поможет моим друзьям опознать мой скелет...

Тут мне в голову пришла мысль. Так вот что чувствует волк, когда попадает в капкан! Сколько же мучений причинил я им на своем веку! Теперь я расплачиваюсь за это. Медленно наступала ночь. Где-то завыл койот. Лошадь насторожила уши и, подойдя ближе ко мне, остановилась, опустив голову. Завыл другой койот, и еще третий... Я понял, что они собираются где-то рядом. А я лежал распростертый на земле и беспомощный и думал, что будет, пожалуй, только справедливо, если они сейчас явятся сюда и растерзают меня на части.

Я долго слышал их призывное завывание, а потом увидел неясные тени. Лошадь первая заметила койотов, и ее испуганное фырканье заставило их сначала несколько отступить. Но затем они подошли ближе и уселись вокруг меня на равнине. Вскоре один из них, более смелый, чем другие, подкрался к труп своему родича и стал его теребить. Я крикнул, и он с рычанием попятился. Лошадь в ужасе отбежала в сторону. Вскоре койот опять вернулся; после некоторых колебаний он в конце концов оттащил труп, который тут же и съел в компании с остальными своими товарищами.

После этого койоты подошли еще ближе и уселись вокруг, разглядывая меня. Один из них, самый смелый, даже понюхал мое ружье и забросал его землей. Он отбежал, когда я с криком замахнулся на него свободной ногой, но, по мере того как я слабел, он делался храбрее и даже рычал мне прямо в лицо. Увидя это, другие койоты тоже зарычали и приблизились ко мне. Я понял, что мне предстоит быть растерзанным зверями, которых я вчера презирал, как вдруг из окружающей темноты выскочил с глухим ревом черный волк.

Койоты тотчас же разбежались в разные стороны, кроме смельчака, который был схвачен этим новым пришельцем и мгновенно убит. Но — о ужас! — страшный зверь после этого бросился ко мне, и... Бинго, мой благородный Бинго, — это он терся об меня своими мохнатыми боками и лизал мое похолодевшее лицо!

— Бинго! Бинго! Старый друг! Принеси мне отвертку!

Он тотчас же побежал и вернулся, волоча ружье.

— Нет, Бинго! Принеси отвертку!

Он опять побежал и принес мой кушак. Но в конце концов он все же принес отвертку и радостно махал хвостом, оттого что угадал мое желание.

Протянув свободную руку, я с величайшим трудом отвинтил гайку. Капкан раскрылся, и моя рука освободилась, а через минуту и я сам был на свободе. Бинго пригнал ко мне лошадь. Медленно пройдясь немного, чтобы восстановить кровообращение, я наконец мог сесть в седло.

Мы отправились домой, сначала тоже медленным шагом, а потом вскачь. Бинго бежал впереди, как герольд, и громким, торжествующим лаем возвестил о нашем возвращении. Дома я узнал, что накануне вечером этот удивительный пес очень странно вел себя, хотя я никогда не брал его с собой

для осмотра капканов. Он визжал и не спускал глаз с лесной дороги. Наконец, когда настала ночь, он, несмотря на все попытки удержать его, убежал и поспел как раз вовремя, чтобы разделаться с дерзким койотом и освободить меня.

Мой верный старый Бинго! Какой это был странный пес! Его сердце, несомненно, принадлежало мне, а между тем на другой же день он почти не удостоил меня взглядом и весело отправился с младшим Гордоном охотиться на сурков. И таким он оставался до конца.

Также до конца он жил волчьей жизнью и всегда отправлялся, согласно своей волчьей повадке, отыскивать трупы павших зимой лошадей. Он опять наткнулся на отравленный лошадиный труп и с волчьей прожорливостью полакомился им. Затем, в предсмертных муках, он притащился, но не к Гордону Райту, а ко мне, к дверям моей хижины, где меня в ту ночь не было.

На следующий день, возвращаясь домой, я нашел его мертвым на снегу. Он лежал, уткнувшись мордой в порог. До последней минуты он оставался моей собакой, и моей помощи он искал — напрасно искал! — в минуту предсмертной тоски.

Чинк был уже таким большим щенком, что воображал себя взрослой собакой, но на взрослую собаку он еще не был похож. Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, а был просто одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гарнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от дорог, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл разбил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не этот мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда ему приказывали сделать что-нибудь обыкновенное и легкое, неизменно портил все дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провел целое утро в напрасных попытках вскочить на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать сумчатую крысу.

Сумчатые крысы во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапы на груди, благодаря чему издали их можно принять за торчащие из земли столбики. В ночное время путешественники, которым нужно привязать лошадей, нередко принимают крысу за столбик. Ошибка выясняется, когда крыса исчезает в земле с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать такую крысу. Как водится, он натворил сразу же много разных глупостей. Еще за четверть мили до крысы он сделал великолепную стойку и затем прополз на брюхе по кочкам расстояние не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигло такой степени, что он не стерпел и, вскочив на ноги, пошел напрямик к крысе, которая в это время сидела над норой в своей обычной позе. Через минуту Чинк побежал; наконец, проделав еще одну из своих бесподобных стоек, он забыл всякую осторожность и бросился с лаем и прыжками на врага. Крыса сидела неподвижно до самого последнего момента, затем внезапно пискнула и нырнула в нору, бросив задними лапками целую горсть песка прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходил в таких же бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьется.

В один прекрасный день, после необычайно искусной стойки перед одной совсем особенной крысой, проделав затем все свои нелепые штуки и закончив их яростной атакой, Чинк действительно овладел своей жертвой. Но на этот раз случилось так, что в зубах его оказался простой деревянный колышек.

Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день робко, как овечка, прятался позади палатки, подальше от глаз хозяина.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло

лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждая пасущаяся корова подвергались его преследованию, а если кошка из ближайшей сторожки попадалась ему на глаза, он считал своим священным долгом перед ее хозяевами-сторожами гнать ее домой как можно скорее. Он готов был двадцать раз в день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо,

командуя ему: «Принеси!»

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Чинк не сразу усвоил себе, что наряду с фургонами существуют на свете длинные бичи и большие злые собаки, что лошади имеют что-то вроде зубов на ногах, что головы коров снабжены крепкими дубинками, что кошка не так безобидна, как кажется, и что, наконец, осы и бабочки далеко не одно и то же. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил все, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нем стало развиваться зерно — пока еще маленькое, но живое зернышко собачьего здравого смысла.

II

Все глупости, которые проделывал Чинк, завершились одной самой изумительной глупостью в приключении с шакалом. Этот шакал жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, прекрасно понимал, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять и охотиться. Он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убежденный в своей безнаказанности, шакал каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках разных отбросов. Увидев его следы, я понял, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом мы часто слышали, как он пел тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. Его следы отчетливо виднелись около мусорного ведра каждое утро, когда я выходил посмотреть, какие

животные побывали там в течение ночи. Осмелев еще больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днем, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря, разыскивая что-нибудь съедобное. Бывало, что он на виду у всех сидел где-нибудь возле отдаленной кочки.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пятидесяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого шакала? Пойди и прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за шакалом, который пустился наутек.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили; но вдруг шакал обернулся и стал ждать своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и пустился бежать к лагерю. Но шакал мчался быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря.

Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с шакалом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Еще один подобный опыт, только в меньших размерах, оказался вполне достаточным для Чинка; с тех пор он решил оставить шакала в покое.

Но зато сам шакал нашел себе приятное развлечение. Теперь он изо дня в день совершенно открыто слонялся около лагеря, зная великолепно, что никто не осмелится в него

стрелять. В самом деле, замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом повсюду была охрана.

Этот шакал только и ждал Чинка и выискивал всякую возможность его помучить. Маленький пес знал теперь наверняка, что, если он отойдет один на сто шагов от лагеря, шакал окажется тут как тут и начнет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

День за днем проходил в таких испытаниях, пока наконец жизнь Чинка не превратилась в сплошное мучение.

Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный шакал следовал по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Билл Обри передвинул свою палатку на две мили от нас, выше по течению реки, и шакал переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хищник, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался. Свое решение отделиться от нас Обри объяснил необходимостью иметь под рукой лучший корм для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!» — уискал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался на часах, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей нелепости Чинк все же был сторожевым псом, и хозяин его знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его ошетичилась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

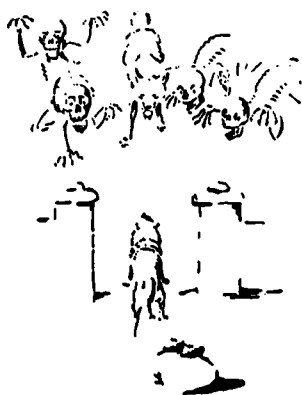
Настал вечер, а хозяин все еще не возвращался, и Чинк начал испытывать сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного ветчины. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый муками голода, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить недалеко от палатки в надежде поймать мышь или найти вообще что-нибудь съедобное. Но неожиданно этот отвратительный шакал снова атаковал его и заставил бежать обратно к палатке.

Тут в Чинке произошла перемена. Он, казалось, вспомнил о своем долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котенка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был еще только щенком, глуповатым и нелепым, но в нем жил наследственный твердый характер, который должен был развиваться с годами. Когда шакал попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина, — Чинк повернулся лицом к врагу, грозный, словно маленький демон.

Шакал попятился. Он злобно рычал и угрожал разорвать щенка на куски, но все-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Шакал возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый

от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться воды, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поесть копченого мяса, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучшить минуту и, оставив свой пост, перебежать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало!

Под натиском врага из него выработался настоящий верный сторожевой пес, готовый, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре злосчастных дня и четыре ночи провел этот маленький героический пес, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от шакала, который все время держал его в смертельном страхе.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспросыпного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Неужели маленький негодяй слопал всю мою ветчину?» — подумал он в тревоге и заспешил домой. Когда он доехал до гребня горы, откуда видна была его палатка, ему сперва показалось, что все по-прежнему благополучно, на своем месте. Но вдруг он увидел: там, у входа в палатку, ошестинившись и рыча друг на друга, стояли — морда к морде — большой злобный шакал и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущенно. — Я совсем забыл про этого проклятого шакала. Бедный Чинк, он попал в тяжелую передрыгу! Удивительно, как это шакал еще не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он все еще принимал

самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда все стало ясно. Подскакав к палатке и увидев нетронутый мешок с ветчиной, он понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин». Это было слишком для старого Обри, и слезы стояли в его глазах, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я с тобой поступил очень плохо, а ты со мной хорошо. Обещаю, что никогда больше не оставляю тебя дома, если отправлюсь погулять еще разок. Не знаю, чем бы тебя порадовать, друг, раз ты не пьешь водки. Вот разве я избавлю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казенную печать и вышел за дверь.

Шакал, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы в дьявольской усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишен права вернуться, под угрозой тюремного заключения. Но Билл Обри ни о чем не жалел.

— Ладно, — сказал он. — А все-таки я сделал доброе дело для своего товарища, который никогда меня не предавал.

СНАП

История бультерьера

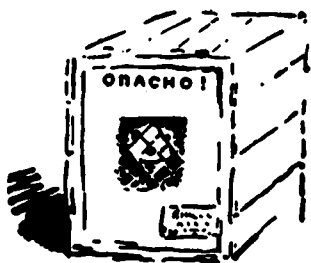
I

Я увидел его впервые в сумерках.

Рано утром я получил телеграмму от своего школьного товарища Джека: «Посылаю тебе замечательного щенка. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее».

У Джека такой характер, что он мог прислать мне адскую машину или бешеного хорька вместо щенка, поэтому я дожидался посылки с некоторым любопытством. Когда она прибыла, я увидел, что на ней написано: «Опасно». Изнутри при малейшем движении доносилось ворчливое рычание. Заглянув в заделанное решеткой отверстие, я, однако, увидел не тигренка, а всего-навсего маленького белого бультерьера. Он старался укусить меня и все время сварливо рычал. Собаки рычат на два лада: низким, грудным голосом — это вежливое предупреждение или исполненный достоинства ответ — и громко, почти визгливо — это последнее слово перед нападением. И белый песик рычал именно так. Как любитель собак, я думал, что сумею справиться с любой из

них. Поэтому, отпустив носильщика, я достал свой складной нож, с успехом заменявший молоток, топорик, ящик с инструментом и кочергу и сорвал решетку. Бесенок грозно рычал при каждом ударе по доскам и, как только я повернул ящик набок, устремился прямо к моим ногам. Если бы только его лапка не запуталась в провололочной

сетке, мне пришлось бы плохо — он явно не собирался шутить. Я вскочил на стол, где он не мог меня достать, и попытался урезонить его. Я всегда был сторонником разговоров с животными. По моему глубокому убеждению, они улавливают общий смысл нашей речи и наших намерений, хотя бы даже и не понимая слов. Но этот щенок, по-видимому, считал меня лицемером и презрел все мои заискивания. Сперва он уселся под столом, зорко глядя во все стороны, не появится ли пытающаяся спуститься нога. Я был вполне уверен, что мог бы привести его к повиновению взглядом, но мне никак не удавалось взглянуть ему в глаза, и поэтому я оставался на столе. Я человек хладнокровный. Ведь я представитель фирмы, торгующей скобяными изделиями, а наш брат вообще славится присутствием духа, уступая разве только господам, торгующим готовым платьем.

Итак, я достал сигару и закурил, сидя по-турецки на столе, в то время как маленький деспот дожидался внизу моих ног. Затем я вынул из кармана телеграмму и перечел ее: «Замечательный щенок. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее». Думаю, что мое хладнокровие успешно заменило в этом случае вежливость, ибо полчаса спустя рычание затихло. По прошествии часа он уже не бросался на газету, осторожно опущенную со стола для испытания его чувств. Возможно, что раздражение, вызванное клеткой, немного улеглось. А когда я закурил третью сигару, щенок неторопливо прошествовал к камину и улегся там, впрочем не забывая меня — на это я не мог пожаловаться. Один его глаз все время следил за мной. Я же следил обоими глазами не за ним, а за его коротким хвостиком. Если бы этот хвост хоть единый раз дернулся в сторону, я почувствовал бы, что победил. Но хвостик оставался неподвижным. Я достал книжку и продолжал сидеть на столе до тех пор, пока не затекли ноги и не начал гаснуть огонь в камине. К десяти часам стало прохладно, а в половине одиннадцатого огонь окончательно потух. Подарок моего друга встал на ноги и, позевывая, потягиваясь, отправился ко мне под кровать, где лежал меховой коврик. Легко переступив со стола на буфет и с буфета на камин, я также достиг постели и, без шума раздевшись, ухитрился улечься, не встревожив своего повелителя. Не успел я еще заснуть, когда услышал легкое царапанье и почувствовал, что кто-то ходит по кровати, затем по ногам.

Снап*, по-видимому, нашел, что внизу слишком холодно, и решил расположиться со всем возможным комфортом.

Он свернулся у меня в ногах очень неудобным для меня образом. Но напрасно было бы пытаться устроиться поуютнее, потому что едва я пробовал двинуться, как он вцеплялся в мою ногу с такой яростью, что только толстое одеяло спасало меня от тяжкого увечья. Прошел целый час, прежде чем мне удалось так расположить ноги, передвигая их каждый раз на волосок, что можно было наконец уснуть. В течение ночи я несколько раз был разбужен гневным рычанием щенка — быть может, потому, что осмеливался шевелить ногой без его разрешения, но, кажется, также и за то, что позволял себе изредка храпеть.

Утром я хотел встать раньше Снапа. Видите ли, я назвал его Снапом... Полное его имя было Джинджерснап**. Некоторым собакам с трудом приискиваешь имя, другим же не приходится придумывать клички — они являются как-то сами собой.

Итак, я хотел встать в семь часов. Снап предпочел отложить вставание до восьми, поэтому мы встали в восемь. Он разрешил мне затопить камин и позволил одеться, ни разу не загнав меня на стол.

Выходя из комнаты, чтобы приготовить завтрак, я заметил:

— Снап, друг мой, некоторые люди стали бы воспитывать тебя с помощью хлыста, но мне кажется, что мой план лучше. Теперешние доктора рекомендуют систему лечения, которая называется «оставлять без завтрака». Я испробую ее на тебе.

Было жестоко весь день не давать ему еды, но я выдержал характер. Он расцарапал всю дверь, и мне потом пришлось ее заново красить, но зато к вечеру он охотно согласился взять из моих рук немного пищи.

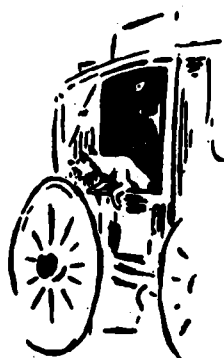
Не прошло и недели, как мы уже были друзьями. Теперь он спал у меня на кровати, не пытаясь искалечить меня при малейшем движении. Система лечения, которая называлась «оставлять без завтрака», сделала чудеса, и через три месяца нас нельзя было разлить водой. Оказалось также, что в телеграмме он не зря был назван замечательным щенком.

Казалось, чувство страха было ему незнакомо. Когда он встречал маленькую собачку, он не обращал на нее никакого внимания, но стоило появиться здоровому псу, как он стру-

* Снап (snap — *англ.*) — «хватать», «щелк».

** Джинджерснап (gingersnap — *англ.*) — хрустящий пряник с имбирем.

ной вытягивал свой обрубленный хвост и принимался прохаживаться вокруг незнакомца, презрительно шаркая задними лапами и поглядывая на небо, на землю, вдаль — куда угодно, за исключением его самого, и отмечая его присутствие только частым рычанием на высоких нотах. Если незнакомец не спешил удалиться, начинался бой. После боя незнакомец в большинстве случаев удалялся с особой готовностью. Случалось и Снапу проиграть сражение, но никакой горький опыт не мог вселить в него и крупницы осторожности.

Однажды, катаясь в извозничьей карете во время собачьей выставки, Снап увидел слоноподобного сенбернара на прогулке. Его размеры вызвали у щенка такой бешеный восторг, что он стремглав ринулся из окна кареты и сломал себе ногу.

Он не знал, что такое страх. Он не был похож ни на одну из известных мне собак. Например, если мальчишке случилось швырнуть в него камнем, он тотчас же пускался бежать, но не от мальчишки, а к нему. И если мальчишка снова швырял камень, Снап немедленно разделялся с ним, чем приобрел всеобщее уважение. Только я и рассыльный нашей конторы умели видеть его хорошие стороны. Только нас двоих он считал достойными своей дружбы. К половине лета Карнеги, Вандербилдт и Астор*, вместе взятые, не могли бы собрать достаточно денег, чтобы купить у меня моего маленького Снапа.

II

Хотя я не был коммивояжером, тем не менее фирма, в которой я служил, отправила меня осенью в путешествие, и Снап остался вдвоем с квартирной хозяйкой. Они не сошлись характерами. Он ее презирал, она его боялась, и оба ненавидели друг друга.

Я был занят сбытом колючей проволоки в северных штатах. Письма мне доставлялись раз в неделю. В своих письмах моя хозяйка постоянно жаловалась на Снапа.

* Три американских миллиардера.

Прибыв в Мендозу, в Северной Дакоте, я нашел хороший сбыт для проволоки. Разумеется, главные сделки я заключал с крупными торговцами, но я потолкался и среди фермеров, чтобы узнать их нужды и потребности, и таким образом познакомился с фермой братьев Пенруф.

Нельзя побывать в местности, где занимаются скотоводством, и не услышать о злодеяниях какого-нибудь лукавого и кровожадного волка. Прошло то время, когда волки попадались на отраву. Братья Пенруф, как и все разумные скотоводы, отказались от отравы и капканов и принялись обучать разного рода собак охоте на волка, надеясь не только избавить окрестности от врагов, но и поразвлечься.

Гончие оказались слишком слабосильными для решительной схватки, датские доги — чересчур неуклюжими, а борзые не могли преследовать зверя, не видя его. Каждая порода имела какой-нибудь роковой недостаток. Ковбои надеялись добиться толку с помощью смешанной своры, и, когда меня пригласили на охоту, я очень забавлялся разнообразием участвовавших в ней собак. Было там немало ублюдков, но встречались также и чистокровные собаки — между прочим, несколько русских волкодавов, стоивших, наверно, уйму денег.

Гилтон Пенруф, старший из братьев и «начальник» местной охоты, необычайно гордился ими и ожидал от них великих подвигов.

— Борзые слишком изнежены для волчьей охоты, доги медленно бегают, но увидите, полетят клочья, когда за дело возьмутся волкодавы.

Таким образом, борзые предназначались для гона, доги — для резерва, а волкодавы — для генерального сражения. Кроме того, в свору включили двух-трех гончих, которые должны были своим тонким чутьем выслеживать зверя, если остальные потеряют его из виду.

Славное было зрелище, когда мы двинулись в путь между холмами в ясный октябрьский день! Воздух был прозрачен и чист, и, несмотря на позднее время года, не было ни снега, ни мороза. Кони охотников слегка горячились и раза два попробовали показать мне, каким образом они избавляются от своих седоков.

Мы заметили на равнине два-три серых пятна, которые были, по словам Гилтона, волками или койотами. Свора понеслась с громким лаем. Но поймать им никого не удалось, хотя они носились до самого вечера. Только одна из борзых догнала волка и, получив рану в плечо, отстала.

— Мне кажется, Гилт, что от твоих хваленых волкодавов нет никакого толку, — сказал Гарвин, младший из братьев. — Маленький черный дог куда лучше, хоть он и простой ублюдок.

— Ничего не пойму! — проворчал Гилтон. — Даже койотам никогда не удавалось уйти от этих борзых, не то что волкам. Гончие также превосходные — пойдут хоть по трехдневному следу. А доги могут справиться даже с медведем.

— Не спорю, — сказал их отец, — твои собаки могут гнать, могут выслеживать и могут справиться с медведем, но дело в том, что им неохота связываться с волком. Вся окаянная свора попросту трусит. Я много бы дал, чтобы вернуть уплаченные за них деньги.

Так они ссорились и ворчали, когда я распростился с ними и уехал дальше. По-видимому, неудача объяснялась тем, что собаки хотя и были сильны и быстроноги, но вид волка, очевидно, наводил на них ужас. У них не хватало духа помериться с ним силами, и невольно воображение переносило меня к бесстрашному песику, разделявшему мою постель в течение последнего года. Как мне хотелось, чтобы он был здесь! Неуклюжие гиганты получили бы жожака, которого никогда не покидает смелость.

На следующей моей остановке, в Бароке, я получил письма, среди которых нашлись два послания от моей хозяйки: первое — с заявлением, что «эта мерзкая собака безобразничает в моей комнате», другое, еще более пылкое, — с требованием немедленного удаления Снапа.

«Почему бы не выписать его в Мендозу? — подумал я. — Всего двадцать часов пути. Пенруфы будут рады моему Снапу. А на обратном пути я заеду за ним».

III

Следующая моя встреча с Джинджерснапом вовсе не настолько отличалась от первой, как можно было ожидать. Он бросился на меня, притворялся, что хочет укусить, непрерывно

ворчал. Но ворчанье было грудное, басистое, а обрубок хвоста усиленно подергивался.

Пенруфы несколько раз затевали волчью охоту, с тех пор как я побывал у них, и были вне себя от неизменных неудач. Собаки почти каждый раз поднимали волка, но никак не могли покончить с ним; охотники же ни разу не находились достаточно близко, чтобы узнать, почему они трусят.

Старый Пенруф был теперь вполне убежден, что «во всем негодном сброде нет ни одной собаки похрабрее кролика».

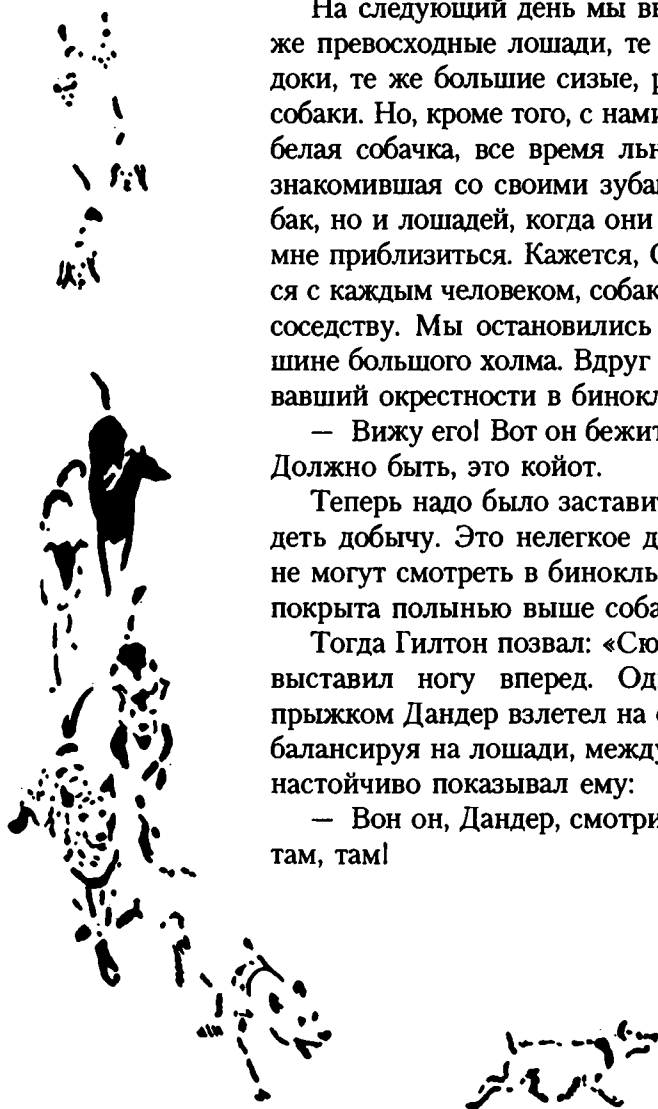
На следующий день мы вышли на заре. Те же превосходные лошади, те же отличные ездоки, те же большие сизые, рыжие и пестрые собаки. Но, кроме того, с нами была маленькая белая собачка, все время лънувшая ко мне и знакомившая со своими зубами не только собак, но и лошадей, когда они осмеливались ко мне приблизиться. Кажется, Снап перессорился с каждым человеком, собакой и лошастью по соседству. Мы остановились на плоской вершине большого холма. Вдруг Гилтон, осматривавший окрестности в бинокль, воскликнул:

— Вижу его! Вот он бежит к ручью, Скелл. Должно быть, это койот.

Теперь надо было заставить и борзых увидеть добычу. Это нелегкое дело, так как они не могут смотреть в бинокль, а равнина была покрыта полынью выше собачьего роста.

Тогда Гилтон позвал: «Сюда, Дандер!» — и выставил ногу вперед. Одним проворным прыжком Дандер взлетел на седло и стал там, балансируя на лошади, между тем как Гилтон настойчиво показывал ему:

— Вон он, Дандер, смотри! Куси, куси его, там, там!

Дандер усиленно всмотрелся в точку, указываемую хозяином, затем, должно быть, увидел что-то, ибо с легким тывканьем соскочил на землю и бросился бежать. Другие собаки последовали за ним. Мы поспешили им вслед, однако значительно отставая, так как наш путь затрудняли овраги, барсучьи норы, камни и высокая полынь. Слишком быстрая скачка могла окончиться печально.

Итак, мы все отстали; я же, человек непривычный к седлу, отстал больше всех. Время от времени впереди мелькали собаки, то мчавшиеся по равнине, то слетавшие в овраг, с тем чтобы немедленно появиться на другом его склоне. Признанным вожаком был борзой пес Дандер, и, взобравшись на следующий гребень, мы увидели всю картину охоты: койот, летящий вскачь, и собаки, бегущие в четверти мили позади, но, видимо, настигавшие его. Когда мы в следующий раз увидели их, койот был бездыханен и все собаки сидели вокруг него, исключая двух гончих и Джинджерснапа.

— Опоздали к драке! — заметил Гилтон, взглянув на отставших гончих. Затем с гордостью потрепал Дандера: — Все-таки, как видите, не потребовалось вашего щенка!

— Скажи пожалуйста, какая смелость: десять больших собак напали на маленького койота! — насмешливо заметил отец. — Погоди, дай нам встретить волка!

На следующий день мы снова отправились на охоту.

Поднявшись на холм, мы увидели движущуюся серую точку. Движущаяся белая точка означает антилопу, красная — лисицу, а серая — волка или койота. Волк это или койот — определяют по хвосту. Опущенный хвост принадлежит койоту, поднятый вверх — ненавистному волку.

Как и вчера, Дандеру показали добычу, и он, как и вчера, повел за собой пеструю стаю — борзых, волкодавов, гончих, догов, бультерьера и всадников. На миг мы увидели погоню: без сомнения, впереди собак длинными прыжками двигался волк. Почему-то мне показалось, что передние собаки бегут не так быстро, как тогда, когда они гнались за койотом. Что было дальше, никто не видел. Собаки вернулись обратно одна за другой, а волк исчез.

Теперь на собак посыпались насмешки и попреки.

— Эх! Струсили, попросту струсили! — с отвращением проговорил старик Пенруф. — Свободно могли нагнать его, но, чуть только он повернул на них, они удрали. Тьфу!

— А где же несравненный, неустрашимый и героический терьер? — спросил Гилтон презрительно.

— Не знаю, — сказал я. — Вероятнее всего, он и не видел волка. Но если когда-нибудь увидит — бьюсь об заклад, он выберет победу или смерть.

В эту ночь вблизи фермы волки зарезали нескольких коров, и мы еще раз отправились на охоту.

Началась она приблизительно так же, как накануне. Уже к вечеру мы увидели серого молодца с поднятым хвостом не дальше как в полумиле. Гилтон посадил Дандера на седло. Я последовал его примеру и подозвал Снапа. Его лапки были так коротки, что вспрыгнуть на спину лошади он не мог. Наконец он вскарабкался с помощью моей ноги. Я показывал ему волка и повторял: «Куси, куси!» — до тех пор, пока он в конце концов не приметил зверя и не бросился со всех ног вдогонку за уже бежавшими борзыми.

Погоня шла на этот раз не через заросли кустарника в речной долине, а по открытой местности. Мы поднялись все вместе на плоскогорье и увидели погоню как раз в ту минуту, когда Дандер настиг волка и попытался ухватить его за заднюю лапу. Серый повернулся к нему для боя, и мы отлично видели все дальнейшее. Собаки подбегали по две и по три, окружая волка кольцом, лаяли на него, пока не налетел последним белый песик. Этот не стал тратить времени на лай, а ринулся прямо к горлу волка, но промахнулся и успел только вцепиться ему в нос. Тогда десять больших собак сомкнулись над волком, и две минуты спустя он был мертв. Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию и хвалебную телеграмму.

Теперь настал мой черед торжествовать. Снап показал им, как ловят волков, и наконец-то мендозская свора доконала волка без помощи людей.

Впрочем, два обстоятельства несколько омрачали радость победы. Во-первых, это был молодой волк, почти волчонок. Вот почему он сдуру бросился бежать по равнине. А во-вторых, Снап был ранен — волк сильно задел ему плечо.

Когда мы гордо двинулись в обратный путь, я заметил, что он прихрамывает.

— Сюда! — крикнул я. — Сюда, Снап!

Он раза два попытался вскочить на седло, но не мог.

— Дайте мне его сюда, Гилтон, — попросил я.

— Благодарю покорно. Можете сами возиться со своей гремучей змеей, — ответил Гилтон, так как всем теперь было известно, что связываться со Снапом небезопасно.

— Сюда, Снап, бери! — сказал я, протягивая ему хлыст.

Он ухватился за него зубами, и таким образом я поднял его на седло и доставил домой. Я ухаживал за ним, как за ребенком. Он показал этим скотоводам, кого не хватало в их своре. У гончих прекрасные носы, у борзых быстрые ноги, волкодавы и доги — силачи, но все они ничего не стоят, потому что беззаветное мужество есть только у бультерьера. В этот день скотоводы разрешили волчий вопрос, в чем вы легко убедитесь, если побываете в Мендозе, ибо в каждой из местных свор теперь имеется свой бультерьер, по большей части снапомендозской крови.

IV

На следующий день была годовщина появления у меня Снапа. Погода стояла ясная, солнечная. Снега еще не было. Мы снова собрались на волчью охоту. К всеобщему разочарованию, Снап чувствовал себя плохо. Он спал, по обыкновению, у меня в ногах, и на одеяле остались следы крови. Он, конечно, не мог участвовать в травле. Решили отправиться без него. Его заманили в амбар и заперли там. Затем мы отправились в путь, но меня мучило предчувствие недоброго. Я знал, что без моей собаки мы потерпим неудачу, но не воображал, как она будет велика.

Мы забрались уже далеко, блуждая среди холмов, как вдруг, мелькая в долины, примчался за нами вдогонку белый мячик. Минуту спустя к моей лошади подбежал Снап, ворча и помахивая обрубок хвоста. Я не мог отправить его обратно, так как он ни за что не послушался бы. Рана его имела скверный вид. Подозвав его, я протянул ему хлыст и поднял на седло. «Здесь, — подумал я, — ты просидишь до возвращения домой». Но не тут-то было. Крик Гилтона «ату, ату!» известил нас, что он увидел волка. Дандер и Райл, его соперник, оба бросились вперед, столкнулись и вместе растянулись

на земле. Между тем Снап, зорко приглядываясь, высмотрел волка, и не успел я оглянуться, как он уже соскочил с седла и понесся зигзагами — вверх, вниз — через полынй, под полынью прямо на врага. В течение нескольких минут он вел за собой всю свору. Недолго, конечно. Большие борзые увидели движущуюся точку, и по равнине вытянулась длинная цепь собак. Травля обещала быть интересной, так как волк был совсем недалеко и все собаки мчались во всю прыть.

— Они свернули в Медвежий овраг! — крикнул Гарвин. — За мной! Мы можем выйти им наперерез!

И мы, повернув, быстро поскакали по северному склону холма, в то время как погоня, по-видимому, двигалась вдоль южного склона.

Мы поднялись на гребень и готовились уже спуститься, когда Гилтон крикнул:

— Он здесь! Мы наткнулись прямо на него.

Гилтон соскочил с лошади, бросил поводья и побежал вперед. Я сделал то же. Навстречу нам по открытой поляне, переваливаясь, неся большой волк. Голова его была опущена, хвост вытянут по прямой линии, а в пятидесяти шагах за ним мчался Дандер, вдвое быстрее, чем волк. Минуту спустя борзой пес настиг его и уже оскалил зубы, но попятился, как только волк повернулся к нему. Они находились теперь как раз под нами, не дальше как в пятидесяти футах. Гарвин выхватил револьвер, но Гилтон, к несчастью, остановил его:

— Нет, нет! Посмотрим, что будет.

Через мгновение примчалась вторая борзая, затем одна за другой и остальные собаки. Каждая неслась, горя яростью и жаждой крови, готовая тут же разорвать серого на части. Но каждая поочередно отступала и принималась лаять на безопасном расстоянии. Минуты две спустя подоспели и волкодавы — славные, красивые псы. Приближаясь, они, без сомнения, желали ринуться прямо на старого волка. Но страшный его вид, мускулистая грудь, смертоносные челюсти устроили их задолго до встречи с ним, и они также примкнули к общему кругу, в то время как серый разбойник поворачивался то в одну сторону, то в другую, готовый сразиться с каждой из них и со всеми вместе.

Вот появились и доги, грузные твари, каждая такого же веса, как волк. Их тяжелое дыхание переходило в угрожающий хрип, по мере того как они надвигались, готовые разо-

рвать волка в клочья. Но как только они увидели его вблизи — угрюмого, бесстрашного, с мощными челюстями, с неутомимыми лапами, готового умереть, если надо, но уверенного в том, что умрет не он один, — эти большие доги, все трое, почувствовали, подобно остальным, внезапный прилив застенчивости: да, да, они бросятся на него немного погодя, не сей-

час, а как только переведут дух. Волка они, конечно, не боятся. Голоса их звучали отвагой. Они хорошо знали, что первому, кто сунется, несдобровать, но это все равно, только не сейчас. Они еще немного полают, чтобы подбодрить себя.

В то время как десять больших псов праздно метались вокруг безмолвного зверя, в полыни позади них послышался шорох. Затем скачками появился белоснежный резиновый мячик, вскоре превратившийся в маленького бультерьера. Снап, самый медленный и самый маленький из своры, примчался, тяжело дыша — так тяжело, что казалось, он задыхается, — и подлетел прямо к кольцу вокруг хищника, с которым никто не дерзал сразиться. Заколебался ли он? Ни на мгновение. Сквозь кольцо лающих собак он бросился напролом к старому деспоту холмов, готовясь схватить его за горло. И волк ударил его всеми двадцатью своими кинжалами. Однако малыш бросился на него вторично, и что произошло тогда, трудно сказать. Собаки смешались. Мне почудилось, что я увидел, как маленький белый пес вцепился в нос волка, на которого сей-

час напала вся свора. Мы не могли помочь собакам, но они и не нуждались в нас. У них был вожак несокрушимой смелости, и, когда битва наконец закончилась, перед нами на земле

лежали волк — могучий гигант — и вцепившаяся в его нос белая собачка.

Мы стояли вокруг, готовые вмешаться, но лишённые возможности это сделать. Наконец все было кончено: волк был мертв. Я окликнул Снапа, но он не двинулся. Я наклонился к нему.

— Снап, Снап, все кончено, ты убил его! — Но песик был неподвижен. Теперь только увидел я две глубокие раны на его теле. Я попытался приподнять его. — Пусти, старина, все кончено!

Он слабо заворчал и отпустил волка.

Грубые скотоводы стояли вокруг него на коленях, и старый Пенруф пробормотал дрогнувшим голосом:

— Лучше бы у меня пропало двадцать быков!

Я взял Снапа на руки, назвал его по имени и погладил по голове. Он слегка заворчал, как видно на прощание, лизнул мне руку и умолк навсегда.

Печально возвращались мы домой. С нами была шкура чудовищного волка, но она не могла нас утешить. Мы похоронили неустрашимого Снапа на холме за фермой. Я слышал при этом, как стоящий рядом Пенруф пробормотал:

— Вот это действительно храбрец! Без храбрости в нашем деле недалеко уйдешь.

Вулли был маленькой желтой дворняжкой. Впрочем, желтая дворняжка необязательно должна иметь совершенно желтую шерсть. Дворняжки вовсе не составляют одной собачьей породы, на которую природа потратила слишком много желтой краски. В каждой дворняжке соединены все породы собак, так что она представляет союз всех собак, не принадлежа в то же время ни к одной из пород. В то же время всякая дворняжка принадлежит к более древней и лучшей породе, нежели все другие ее аристократические родичи, так как она представляет попытку природы восстановить первородного шакала — предка всего собачьего племени.

В самом деле, научное название шакала «*Canis aureus*» означает попросту: «желтая собака». И немало характерных черт этого животного встречается у собаки-дворняжки. Этот пес-плебей очень сметлив, деятелен, смел и несравненно лучше приспособлен к жизненной борьбе, нежели любой из его «чистопородных» сородичей.

Попробуйте покинуть на необитаемом острове борзую, бульдога и дворняжку. Которую из этих трех собак вы найдете спустя полгода живой и здоровой? Без сомнения, это будет презренная дворняжка. Она не так быстрого, как борзая, но зато не несет в себе зародыша легочных и накожных

болезней. Она, конечно, не может сравниться по силе и безрассудной отваге с бульдогом, но у нее имеется нечто в тысячу раз более ценное — здравый смысл. Здоровье и ум — это качества, которые имеют немалое значение в жизненной борьбе, и, когда собаки лишаются покровительства человека, они погибают все, за исключением дворняжек.

Иногда дворняжки бывают очень похожи на шакалов и рождаются с острыми, торчащими ушами. Остерегайтесь их! Такая собака бывает хитра и смела и может кусаться, как волк. В ней заложена странная дикость, которая под влиянием жестокого обращения или долгих лишений может сделать ее способной на самое свирепое предательство, несмотря на те прекрасные свойства, которые присущи собачьей породе и являются основой привязанности человека к собаке.

I

Далеко, в шотландских горах Чивиот, родился маленький Вулли. Из всех щенят оставили только двоих: его брата, потому что он был похож на лучшего пса в околоте, и Вулли, потому что он был маленьким желтым красавчиком.

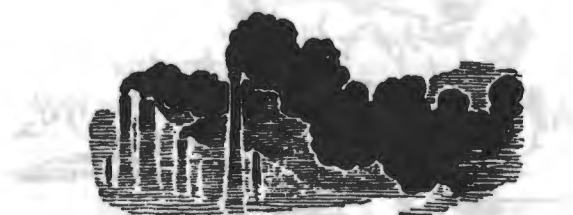
Свое раннее детство Вулли провел в обществе опытной шотландской овчарки, обучившей его своему ремеслу, и старого пастуха, почти не уступавшего по уму им обоим. Когда Вулли минуло два года, он уже стал совсем взрослым псом и хорошо изучил овец. Он знал в своем стаде каждого ягненка, и старый пастух Робин, его хозяин, в конце концов стал так доверять его сметливости и благоразумию, что очень часто целыми ночами просиживал в трактире, предоставляя Вулли стеречь на холмах глупых косматых овец. Вулли получил разумное воспитание и был очень способным щенком, которому предстояло блестящее будущее. И все же он не чувствовал ни малейшего презрения к пустоголовому Робину. Этот старый пастух, со всеми своими недостатками и склонностью к пьянству, редко бывал жесток с Вулли. И Вулли питал к нему глубокую привязанность, которой напрасно стал бы добиваться самый великий и самый мудрый человек в стране.

Вулли не мог представить себе более великого человека, чем Робин, а между тем и умственными и физическими силами Робина за пять шиллингов в неделю владел не очень

крупный скотопромышленник, настоящий хозяин стада, которое стерег Вулли.

И когда по приказанию этого человека — ничтожества даже по сравнению с местным помещиком — Робин погнал триста семьдесят четыре овцы в Йоркшир на ярмарку, среди этих трехсот семидесяти пяти живых существ Вулли был самым интересным и самым сметливым.

Путешествие по Нортумберленду прошло без всяких приключений. Через реку Тайн овец перевезли на пароме и бла-

гополучно высадили в дымном городе Саут-Шилдс. Огромные фабричные трубы только-только начали изрыгать клубы сплошного черного дыма, затемняющего дневной свет и низко висящего над улицами, словно грозовая туча. Овцам показалось, что скоро разразится буря, они перетрусили и, несмотря на все усилия сторожей, разбежались по городу в трехстах семидесяти четырех различных направлениях.

Робин был возмущен до глубины своей ничтожной душонки. Он тупо смотрел вслед овцам, а затем отдал приказ: — Вулли, собери-ка их!

Сделав это умственное усилие, он уже больше ни о чем не заботился, закурил свою трубку, сел и принялся вязать недоконченный носок.

Вулли чтил Робина, как божество. Он бегал по тремстам семидесяти четырем различным направлениям, настиг и привел обратно триста семьдесят четыре беглянки к домику у паромы, прежде чем Робин успел довязать свой носок. В конце концов Вулли, а не Робин подал знак, что все овцы собраны. Старый пастух начал их пересчитывать: 370, 371, 372, 373...

— Вулли, — укоризненно сказал он собаке, — тут не все! Одной не хватает. Ищи еще!

И Вулли, страшно сконфуженный, побежал искать недостающую овцу по всему городу.

Вскоре какой-то маленький мальчик указал Робину на его ошибку: все триста семьдесят четыре овцы были налицо. Старик растерялся. Что же делать теперь? Ему было приказано спешить в Йоркшир, а между тем он знал, что гордость не позволит Вулли вернуться к нему без овцы, уж скорее он украдет где-нибудь чужую овцу.

Нечто подобное случалось и прежде и приводило к разным неприятным осложнениям.

Робин был в большом затруднении. Как ему быть? Ведь он, чего доброго, лишится пяти шиллингов в неделю! Правда, Вулли — превосходный пес и терять его очень жалко, но приказание хозяина должно быть исполнено. А кроме того, если Вулли украдет овцу для пополнения своего стада, что же будет тогда с Робинем на чужой-то стороне?

Эти размышления привели к тому, что Робин решил покинуть Вулли и продолжать путь с овцами. Благополучно ли он совершил свое путешествие, неизвестно, да и не представляет интереса.

Между тем Вулли обегал все улицы, напрасно разыскивая пропавшую овцу. Он искал весь день, а к ночи, голодный и усталый, с виноватым видом припелся обратно к переправе и там увидел, что и хозяин, и овцы исчезли.

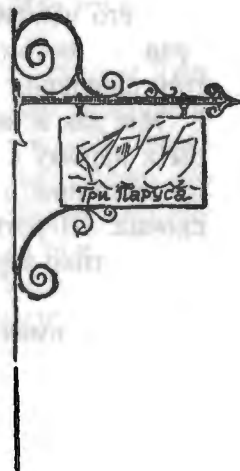
Его горе было так велико, что просто жалко было на него смотреть. Он с жалобным визгом бегал взад и вперед, потом переправился на пароме на другую сторону и всюду искал Робина. Затем он вернулся в Саут-Шилдс и продолжал свои поиски даже ночью. Весь следующий день он искал Робина и несколько раз переправлялся на пароме взад и вперед. Он осматривал и обнюхивал каждого, кто приходил к парому, и с удивительной сметливостью заглядывал во все окрестные

кабаки, рассчитывая найти Робина где-нибудь там. И на следующий день он делал это вновь, систематически обнюхивая каждого, кто подходил к парому.

Этот паром совершал пятьдесят рейсов в день и в среднем перевозил по сотне человек, но Вулли всякий раз стоял у сходней и обнюхивал каждую пару ног, ступающих на землю. В этот день он исследовал не менее пяти тысяч пар, или десяти тысяч ног. Так продолжалось и на второй день, и на третий, и всю неделю. Он постоянно оставался на своем посту, забывая даже о еде. Но скоро голод и усталость дали себя почувствовать. Он исхудал и сделался очень раздражителен, так что малейшая попытка помешать ему в его ежедневном занятии — обнюхивании ног — приводила его в иступление.

День за днем, неделя за неделей Вулли ждал и высматривал своего хозяина, который все не возвращался. Паромщики прониклись уважением к его верности. Вначале он с презрением относился к предлагаемой ему пище и приюту, и никто не знал, чем он питается, но в конце концов голод все же заставил его принимать поправки. Ожесточенный против всего мира, он оставался верным своему хозяину.

Я познакомился с Вулли четырнадцать месяцев спустя. Он все еще упорно караулил у парома. Но он уже поправился и пополнил. Его умная морда с блестящими глазами, острые уши невольно привлекали внимание. Едва он убедился, что мои ноги не те, которые ему нужны, как утратил ко мне всякий интерес, и, как я ни старался в течение следующих десяти месяцев завести с ним дружбу, я не мог ничего добиться. Для него я значил не больше, чем всякий другой прохожий. Вот так этот преданный пес провел у парома целых два года. Он не возвращался в родные горы не потому, что боялся заблудиться или же расстояние казалось ему слишком далеким, — нет, он не уходил от парома, убежденный, что

его хозяин, божественный Робин, желал, чтобы он там оставался! Ну вот он и остался.

Однако он переезжал на пароме на другой берег всякий раз, когда ему казалось, что это может помочь в его поисках. За переправу собаки обычно взимался один пенни, и, когда Вулли наконец прекратил свои поиски, паромщики высчитали, что он успел задолжать компании несколько сот фунтов.

Вулли не пропустил ни одного пассажира, вступившего на сходни. В общем, около шести миллионов ног было исследовано этим удивительным экспертом. И все понапрасну. Однако его непоколебимая верность оставалась прежней, хотя нрав его, несомненно, испортился под влиянием такого долгого ожидания.

Мы так и не узнали, что случилось с Робинотом. Но однажды к парому спустился коренастый гуртовщик. Обнюхивая по привычке очередного незнакомца, Вулли внезапно подскочил. Шерсть на нем встала дыбом, и он задрожал. Затем он тихо зарычал, устремив на гуртовщика пристальный взгляд.

Не понимая, в чем дело, один из паромщиков крикнул ему:

— Слушай, эй ты, не обижай нашу собаку!

— Да кто же ее обижает, дуралей? Она сама скорее обидит меня.

Но дальнейших объяснений не потребовалось. Поведение Вулли сразу изменилось. Он стал подобострастно ласкаться к незнакомцу, усиленно виляя хвостом, чего не случалось с ним ни разу за все эти годы.

Все объяснилось в нескольких словах: гуртовщик Дорли был раньше знаком с Робинотом, шарф и рукавицы, которые он носил, были связаны Робинотом и прежде их носил сам старик. Вулли почуял это и, отчаявшись в возможности когда-нибудь увидеть его самого, покинул свой пост у парома и решил следовать за владельцем рукавиц.

Дорли был очень доволен и охотно взял с собой Вулли в горы Дербишира, где Вулли снова вернулся к своим прежним обязанностям: стал стеречь стадо овец.

II

Монсалдэл — одна из известнейших долин Дербишира. Единственный, но знаменитый трактир в этой местности назывался «Свинья и свисток», и хозяином его был Джо Греторекс, крепкий смышленный йоркширец. Природа предназначала его в покорители необжитых земель, но жизнь сделала из него трактирщика. Однако врожденные наклонности заставляли его... Ну да это неважно! Достаточно будет сказать, что в этой округе незаконная охота была очень развита.

На восточном склоне долины, как раз над трактиром Джо, жил теперь Вулли, и это обстоятельство сыграло свою роль, когда я решил побывать в Монсалдэле. Дорли, новый хозяин Вулли, имел в долине небольшое поле. На лугах паслись его многочисленные овцы. Вулли стерег их так же бдительно, как и свое прежнее стадо, наблюдая за ними, когда они паслись, и загоняя их на ночь в овчарню. Он был необщительный, угрюмый пес и охотно оскаливал зубы при виде чужих. Но стадо оберегал так внимательно, что Дорли не потерял за год ни одного ягненка, хотя соседние фермеры, как обычно, сильно страдали от орлов и лисиц.

В этой местности трудно устраивать охоту на лисиц с гончими. Гряды скал, высокие каменные изгороди и пропасти мешают скакать за сворой, а в скалах у лисиц столько надежных убежищ, что остается только удивляться, почему они не расплодились в Монсалдэле в еще большем количестве.

Впрочем, на лисиц не жаловались до 1881 года. Но тут одна старая хитрая лисица поселилась вблизи тучных пастбищ, точно мышь внутри сыра. Она насмеялась над гончими охотников и над собаками фермеров.

Во время охоты свора не раз гналась за этой лисицей, но она всегда спасалась

в Чертовой Дыре. Добравшись до этого ущелья, где расселины в скалах тянутся на целые мили, лисица была в полной безопасности. Окрестные фермеры вскоре решили, что Чертова Дыра полюбилась ей не даром, и, когда одна из гончих, чуть было не поймавшая эту лисицу у входа в ущелье, через неделю взбесилась, никто уже не сомневался, что эта лисица — родная сестра черта.

Между тем лисица продолжала красть ягнят, производя чрезвычайно смелые набеги. Часто она находилась на волосок от смерти, но всякий раз спасалась. В конце концов, как это часто делают многие старые лисицы, она стала убивать просто из любви к искусству.

Фермер Дигби потерял десять ягнят за одну только ночь, Каролл потерял семь на следующую ночь, а затем был опустошен утиный пруд священника. Словом, редкая ночь проходила без того, чтобы кто-нибудь в околотке не пожаловался на гибель птиц, овец и даже телят.

Все эти убийства приписывались лисице из Чертовой Дыры. Об этой лисице знали только, что она очень велика, так как оставляет большие следы. Никому из охотников, однако, не удавалось хорошенько рассмотреть ее. Лучшие собаки в своре, Гром и Звонк, отказывались подать голос, найдя ее след, и ни за что не соглашались бежать по этому следу. Когда же пошел слух, что эта лисица — бешеная, начальник местной охоты стал избегать долины Монсалдэл. А фермеры, собравшись под предводительством Джо, решили дожидаться зимы и, когда выпадет снег, сообща разделаться с этой проклятой лисицей, не обращая внимания ни на какие правила.

Но снег все не выпадал, и рыжая разбойница продолжала свой прежний образ жизни. Работала она, несмотря на бешенство, аккуратно и хитро. Она никогда не посещала две ночи кряду одну и ту же ферму. Она никогда не съедала ничего на том месте, где совершала убийство, и никогда не оставляла следа, который мог бы выдать ее отступление. Обыкновенно он обрывался где-нибудь в сухой траве или на проезжей дороге.

Я, впрочем, однажды видел ее. Я возвращался в Монсалдэл из Бэкуэлла поздно вечером во время сильной бури. Когда я

огибал овечий загон Стэда, вдруг сверкнула молния, и в ярком мгновенном свете я увидел картину, которую запомнил навсегда. У дороги, в двадцати шагах от меня, сидела на задних лапах огромная лисица, устремив на меня злобный взгляд, и как-то подозрительно облизывалась. Больше я ничего не видел и, вероятно, забыл бы об этом происшествии или решил бы, что лисица мне почудилась, но на следующее утро в этом загоне нашли двадцать три трупя ягнят и овец.

Только один человек не страдал от набегов хищника: это был Дорли. Он жил всего в одной миле от Чертовой Дыры, и все же лисица не трогала его овец. Верный Вулли доказал, что он стоит всех собак околотка. Каждый вечер он пригонял овец, и все они были налицо. Не пропала ни одна из них. Бешеная лисица могла бродить сколько угодно около фермы Дорли — Вулли, смелый, умный, проворный, был ей достойным противником и не только сохранял в целости стадо своего хозяина, но и сам оставался цел и невредим.

Вулли все уважали, и он мог бы стать всеобщим любимцем, если бы не его строптивый нрав. Он никогда не отличался веселым характером, но теперь становился все угрюмее и угрюмее. Пес как будто привязался к Дорли и к его старшей дочери, Гульде, красивой, веселой девушке, которая вела хозяйство и кормила собаку. Других членов семьи Вулли только терпел, а весь остальной мир — и людей и собак — ненавидел.

Однажды я проходил по тропинке через пустошь позади дома Дорли. Вулли лежал на пороге. Когда я подошел ближе, он встал и, не подавая виду, что заметил меня, вышел на тропинку и остановился поперек ее в десяти шагах от меня. Он стоял неподвижно, пристально всматриваясь в даль, и только его слегка ошетилившийся загривок указывал, что это живая собака, а не каменное изваяние. Он не пошевелился, когда я поравнялся с ним. Не желая с ним связываться, я обошел его и продолжал идти дальше. Тогда Вулли ожил. Все так же сохраняя жуткое молчание, он пробежал около двадцати шагов и снова стал мне поперек дороги. Я еще раз поравнялся с ним и, снова ступив на траву, прошел мимо его носа. Не издав ни единого

звук, он схватил меня за левую пятку. Я хотел ударить его другой ногой, но он увернулся. Не имея с собой палки, я схватил большой камень и запустил в него.

Камень попал ему в бедро и свалил его в канаву. Падая, Вулли злобно зарычал, но, выкарабкавшись из канавы, молча заковылял прочь.

Но как ни был угрюм и свиреп Вулли для всего мира, к овцам Дорли, которых он оберегал, он относился очень ласково. Много ходило рассказов о его подвигах: как он спасал ягнят, свалившихся в яму или болото, где они без него неминуемо погибли бы, как он зорко высматривал орлов и с колебимым мужеством отгонял их от стада.

III

Монсалдэлские фермы все еще продолжали платить дань бешеной лисице каждую ночь, когда выпал наконец снег. Бедная вдова Джелт лишилась всего своего стада в двадцать овец, и на следующее утро, на рассвете, все население деревни отправилось на разведку. Широкоплечие фермеры, в открытую неся ружья, пошли по лисьим следам, найденным на снегу, — большим следам, несомненно принадлежавшим свирепому убийце.

Вначале след был ясно виден, но у реки лисица проявила всегдашнюю хитрость: она спустилась к воде под острым углом, вниз по течению, и соскочила в незамерзшую быстрину. На другой стороне не было видно никаких следов, и только после долгих поисков охотникам удалось наконец найти то место, где лисица вышла из воды. Отсюда след привел их к высокой каменной ограде, где не было снега. Однако упрямые охотни-

ки не хотели прекратить поиски. Когда след пересек полосу снега между оградой и большой дорогой, мнения охотников разделились: одни уверяли, что след ведет вверх по дороге, а другие — что, наоборот, вниз. Но Джо примирил спорщиков, и после новых долгих поисков охотники набрали, по-видимому, на тот же самый след, хотя, по мнению некоторых, он был крупнее. Этот след привел их от дороги к овечьему загону, все обитатели которого были целы и невредимы. Оттуда хитрый зверь, ступая по следам какого-то прохожего, выбрался на проселок и направился по нему прямо к ферме Дорли.

В этот день овцы оставались дома из-за снега, и Вулли, свободный от работы, лежал на досках, греясь на солнышке. Когда охотники подошли к дому, он злобно зарычал и побежал к овцам.

Джо Греторекс пошел за ним. Взглянув на следы, оставленные собакой, он остолбенел. Потом, указав на удалявшегося пса, крикнул:

— Друзья, мы думали, что идем по следу лисицы! А ведь это вот кто загрыз овец вдовы!

Некоторые из охотников согласились с Джо, другие же, вспомнив сомнения, вызванные следами на дороге, предлагали вернуться, чтобы разобраться во всем как следует.

В это время из дому вышел сам Дорли.

— Том, — сказал ему Джо Греторекс, — твой пес загрыз прошлой ночью двадцать овец у вдовы Джелт, и я думаю, что он не первый раз проделывает такие вещи.

— Слушай, приятель, — возразил Том Дорли, — да ты, видно, спятил! Никогда у меня не бывало лучшего сторожа овец, чем Вулли. Овцы для него — как родные дети.

— Как бы не так! Мы-то видели, что он сделал со своими детьми у вдовы Джелт! — заметил Джо.

Напрасно охотники старались убедить Дорли, рассказывая ему о своих утренних розысках. Он не хотел ничему верить и утверждал, что они придумали все это из зависти, чтобы отнять у него Вулли.

— Вулли спит на кухне каждую ночь, — говорил он, — и его выпускают, только чтобы сторожить овец. Ведь он живет с овцами круглый год, и мы еще не потеряли ни одной за все это время. Понимаешь, приятель?

Том Дорли очень взволновался, видя во всем этом лишь покушение на жизнь и доброе имя Вулли. Джо и его сто-

ронники тоже разгорячились, и спор прекратился лишь благодаря вмешательству Гульды.

— Отец, — сказала она, — что, если я сегодня лягу спать на кухне? Если Вулли улизнет, я это увижу. Если же он не выйдет ночью, а овцы у соседей окажутся убитыми, то, значит, Вулли тут ни при чем.

Гульда так и сделала. Она устроилась в кухне, на скамье, а Вулли улегся, как обычно, под кухонным столом. Через некоторое время Вулли забеспокоился. Он ворочался на своей подстилке, раза два вставал, потягивался и, посмотрев на Гульду, снова укладывался.

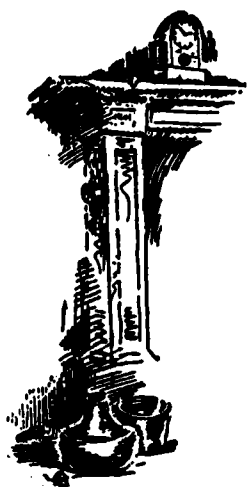
К двум часам ночи Вулли, по-видимому, был уже не в силах больше противиться какому-то необъяснимому внутреннему побуждению. Он тихо встал, посмотрел на низенькое окно, а затем на лежащую неподвижно молодую девушку. Гульда дышала ровно и спокойно, будто спала. Вулли подошел ближе, понюхал ее и дунул ей в лицо. Но она не пошевелилась. Тогда он тихонько толкнул ее носом, а затем, насторожив уши и склонив голову набок, стал внимательно всматриваться в ее спокойное лицо.

Гульда не двигалась. Тогда Вулли бесшумно подкрался к окну, уперся носом в перекладину легкой рамы и приподнял ее настолько, чтобы можно было просунуть под нее лапу. Затем он носом поднял раму и протиснулся наружу. Опуская раму, он придерживал ее спиной и хвостом с ловкостью, говорившей, что он проделывает это не в первый раз. Очутившись за окном, Вулли исчез в темноте.

Гульда с величайшим изумлением незаметно следила за ним. Подождав немного и убедившись, что он в самом деле убежал, Гульда встала и хотела тотчас же позвать отца. Но, подумав, решила подождать и посмотреть, что будет дальше. Она пристально всматривалась в ночную темноту, но Вулли нигде не было видно.

Подложив дров в печь, она опять легла на скамью. Так пролежала она без сна более часа, вздрагивая при всяком шорохе и прислушиваясь к тиканью кухонных часов.

Она с недоумением думала о собаке: неужели Вулли действительно загрыз овец вдовы?

И недоумение ее еще возросло, когда она вспомнила, как заботливо и ласково Вулли обращался с их собственными овцами.

Прошел еще час.

Гульда услышала за окном шорох, и сердце ее сильно забилося.

Опять поднялась оконница, и через минуту Вулли снова очутился в кухне, опустив за собой окно.

При мерцающем свете горящих дров Гульда заметила какой-то странный, дикий блеск в его глазах и увидела, что его морда и белоснежная грудь обрызганы свежей кровью. Он несколько запыхался, но, сдерживая дыхание, стал всматриваться в девушку. Она не шевелилась. Тогда, успокоенный, он лег и стал облизывать себе морду и лапы, тихонько ворча, точно вспоминая какое-то недавнее происшествие.

У Гульды уже не оставалось никаких сомнений, что Джо Греторекс был прав. И тут новая мысль пришла ей в голову. Она внезапно поняла, что странная, заколдованная лисица Монсалдэла находится тут, перед нею!

Быстро поднявшись на ноги, она взглянула Вулли в глаза и воскликнула:

— Вулли! Вулли! Значит, это правда?.. О, Вулли, какой ты свирепый зверь!..

Ее голос разнесся по кухне, точно удар грома. Вулли отшатнулся, словно подстреленный. Он бросил отчаянный взгляд на закрытое окно. Его глаза сверкнули и шерсть встала дыбом, но он припал к полу и пополз к девушке, точно моля о пощаде.

Он медленно подползал к ней все ближе и ближе, точно собиравшись лизать ее ноги, но, приблизившись вплотную, внезапно с яростью тигра, не издав ни единого звука, бросился на нее, пытаясь схватить за горло.

Гульда успела только поднять руку, чтобы защитить горло, и длинные блестящие клыки Вулли вонзились в локоть и коснулись кости.

— Помогите! Помогите!.. Отец! Отец!.. — закричала она.

Вулли был легок, и ей удалось в миг отбросить его. Но сомневаться в его намерении было нечего: он понял, что проиграл; за этот проигрыш либо он, либо девушка заплатят жизнью.

— Отец! Отец! — звала она, а желтый разъяренный зверь, стремясь умертвить ее, кусал и рвал зубами беззащитные руки, столько раз кормившие его...

Девушка напрасно силилась избавиться от пса. И он, конечно, скоро вонзил бы зубы ей в горло, если бы в эту минуту не вбежал в кухню ее отец.

Вулли бросился прямо на него, сохраняя все то же страшное молчание.

Он неистово рвал и грыз его руки, пока смертельный удар топора не сбросил его на каменный пол, где он, задыхаясь и корчась в предсмертных муках, все еще пытался приподняться, чтобы продолжать безнадежную борьбу.

Новый быстрый удар топора раскроил ему череп, и мозг его разлетелся по камням очага — того самого, которому он так долго и честно служил. И Вулли — умный, свирепый, верный, коварный — задрожал, вытянулся и затих навсегда...

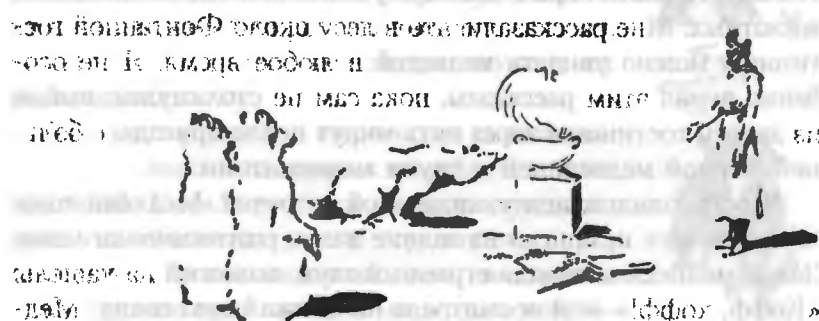
МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

В Йеллоустонском парке, недалеко от города Лансинг, в 1916 году родился маленький медвежонок. Его назвали Джонни. Он был очень любопытен и любил играть с другими медвежатами. Когда он вырос, он стал очень сильным и смелым. Он мог бороться с самыми большими медведями в парке. Но он был очень добрым и никогда не причинял вреда людям. Он был очень любим всеми.

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке. Мать его звали Грэмпи (Злюка). Вместе с другими медведями они жили в лесу возле гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета.

С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные шаги со стороны человека не остались без ответа, и многие из медведей настолько хорошо освоились с прислугой гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению. Один очень длинноногий и худой черный медведь назывался Тошчим

Джимом. Другой черный медведь звался Снаффи (фыркающий); он был так черен, будто его закоптили. Фэтти (толстяк) был очень жирный, ленивый медведь, вечно занятый едой. Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Грэмпи и маленький Джонни.

Грэмпи была самой большой и свирепой из черных медведиц, а Джонни, ее единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно скулить все время. В самом деле, Джонни был похож на больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасающую мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно все, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, смотрела на такое обжорство с полным равнодушием.

У Джонни были только три здоровые лапы, блеклый скверный мех и несоразмерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она, по-видимому, была убеждена, что сын ее красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Грэмпи была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать все, что он захочет.

II

Я познакомился с Джонни летом 1897 года, когда посетил Йеллоустонский парк в целях изучения повседневной жизни животных. Мне рассказали, что в лесу около Фонтанной гостиницы можно увидеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой черной медведицей и двумя медвежатами.

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи тоже остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель: «Кофф, кофф!» — и посмотрела на ближайшую сосну. Мед-

вежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две маленькие обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими черными ножками.

Медведица-мать, все еще на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост и, по-видимому, никогда не слыхавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собой даже палки для самозащиты, и, когда медведица тихо заворчала, я стал уже помышлять о бегстве, несмотря на то что, как меня уверяли, медведи никогда не нападают на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла шагах в тридцати от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Этот человек, может быть, и не хочет зла моим детенышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей и издала странный жалобный звук вроде «ер-р-р, ер-р...» — и они начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, «медвежьего». Легко и проворно они спрыгивали с ветки на ветку, пока не очутились на земле. И все трое ушли в лес.

Мне очень понравились эти послушные медвежата. Как только мать приказывала им что-нибудь, они беспрекословно подчинялись ей. Но я узнал, что сама жизнь научила их послушанию.

Так мне удалось с первых же шагов довольно удачно заглянуть в семейную жизнь медведей. Ради этого стоило сюда приехать, даже если бы этим дело и ограничилось. Но мои друзья в гостинице сказали мне, что я попал далеко не в лучшее место для наблю-

дений. Они советовали мне пройти за четверть мили, на свалку в лесу, где, по их словам, я могу увидеть сколько угодно медведей.

На следующий день рано утром я направился к этой медвежьей столовой, расположенной посреди сосен, и спрятался в ближайших кустах.

Ждать пришлось недолго. Из лесу тихо вышел большой черный медведь. Подойдя к свалке, он принялся раскапывать кучу и пожирать отбросы. Он был все время настороже, приседал на задние лапы и оглядывался при всяком шорохе или отбегал на несколько шагов, как будто в испуге. Наконец, при появлении другого медведя, он поднял уши и бросился наутек под сосны. Второй медведь вел себя так же боязливо и тотчас убежал, едва я зашевелился в кустах, пытаясь лучше его разглядеть.

Вначале я и сам волновался. Ведь носить оружие в Йеллоустонском парке строго воспрещено, и у меня не было даже палки. Но робкое поведение самих медведей меня успокоило. Я с жадностью рассматривал этих больших косматых животных, заглядывал в их домашнюю жизнь.

Однако вскоре я убедился, что избранный мною наблюдательный пункт недостаточно хорош, так как он находился шагах в семидесяти пяти от мусорной кучи. А ближе не было ни одного куста, за которым можно было бы укрыться. Тогда я сделал единственное, что мне оставалось: подошел к самой куче и, выкопав в ней углубление, достаточное для того, чтобы в нем спрятаться, пробыл там целый день, окруженный капустными стеблями, картофельной шелухой, жестянками из-под томатов и гниющими остатками мяса. Это место мне нравилось гораздо меньше, чем мухам. В самом деле, аромат медвежьей столовой был настолько неприятен, что, когда я вернулся вечером в гостиницу, мне не позволили войти в нее, пока я не переоделся в лесу.

Сидеть в мусорной куче нелегко, но зато я могу сказать, что в этот день действительно видел медведей. Если бы я считал каждого пришедшего на свалку медведя, я мог бы насчитать их больше срока. Но конечно, это было бы неправильно, так как медведи уходили и возвращались. Впрочем, я уверен, что их там было не менее тринадцати, по-

тому что такое количество я видел одновременно вместе.

Весь тот день я не оставлял альбома и записной книжки, отмечая каждого вновь появившегося медведя, и вскоре научился отличать их одного от другого.

Многие ненаблюдательные люди полагают, что все животные одной породы одинаковы. Но в действительности животные одной и той же породы так же отличаются друг от друга, как и люди. Иначе каким образом взрослые животные узнают друг друга, а детеныши — своих матерей? Каждый из этих пирующих медведей имел свою особенность. Среди них не было двух совершенно одинаковых по облику и по характеру.

Мне удалось сделать еще одно удивительное открытие: я легко различал стук дятла за сто шагов в лесу, трескотню цикад, крик голубой сойки, слышал даже, как белка пробирается сквозь листву, но я не мог уловить ни малейшего звука при приближении медведей. Их громадные мягкие лапы всегда ступают так осторожно, что ни ветку не ломают, ни листок не шевельнут, — так велико их искусство ходить по лесу бесшумно.

III

Все утро медведи приходили и уходили, не замечая меня. Если не считать одной-двух маленьких ссор, между ними не произошло ничего особенного. Но около трех часов пополудни наступило некоторое оживление.

К этому времени на свалке находились четыре больших медведя, занятых обедом. В середине был Фэтти, растянувшийся во всю длину, миролюбивый и счастливый. Иногда он пыхтел и, избавляя себя от лишних движений, все дальше и дальше высовывал язык, похожий на длинную красную змею, стараясь слизнуть лакомые кусочки, которые легко мог бы достать лапой. Позади него Тощий Джим изучал анатомию древнего омара. С омарами он еще не был знаком, поэтому он решил ради опыта съесть одного.

Два других медведя с поразительной ловкостью очищали жестянки из-под фруктов. Гибкая медвежья лапа держала

жестянку, а длинный язык двигался взад и вперед в узком отверстии, осторожно избегая острых краев и вылизывая все, что было внутри. Эта трогательная сцена продолжалась так долго, что я имел возможность зарисовать ее. Она была прервана совершенно неожиданным событием.

Сначала мой взгляд уловил какое-то движение на вершине откоса, в том месте, откуда обычно появлялись медведи. Затем из лесу вышла огромная черная медведица в сопровождении крошечного медвежонка. Это были Грэмпи и маленький Джонни.

Старая медведица спускалась вниз по откосу. Джонни семенил рядом с нею, по обыкновению ворча и скуля, а мать не сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыпленка. Шагах в тридцати от свалки Грэмпи повернулась к своему сыну и, должно быть, сказала ему приблизительно следующее: «Джонни, дитя мое, тебе лучше подождать здесь, пока я схожу и прогоню этих молодцов».

Джонни послушно остался, но ему хотелось видеть, что произойдет, поэтому он поднялся на задние лапы, выпучив глаза и наострив уши.

Грэмпи направилась к свалке, с достоинством переступая с лапы на лапу, и предостерегающе заворчала. Четыре мед-

ведя, однако, были слишком увлечены едой, чтобы обратить на нее внимание. Что за беда, если еще один медведь собирается присоединиться к их пиршеству! Тогда Грэмпи, подойдя к ним почти вплотную, издала ряд громких звуков, похожих на кашель, и бросилась в атаку. Смешно сказать, но медведи даже не пытались ей сопротивляться. Как только они увидели, кто на них напал, все сразу же помчались в лес.

Тощий Джим улепетывал во все лопатки, остальные двое тоже не отставали, но бедный Фэтти двигался слишком медленно, пыхтя и переваливаясь, как всякий толстяк. Вдобавок, к своему несчастью, он имел неосторожность направиться в сторону Джонни. В несколько прыжков Грэмпи настигла его и надавала ему здоровенных шлепков по задней части. Шлепки хотя и не ускорили его шагов, но заставили его завывать и переменить направление. Только этим он спас себя от дальнейшей расправы. Грэмпи, оставшаяся теперь единственной владелицей всей свалки, повернулась к сыну со знакомым уже мне жалобным призывом: «Ер-р-р, ер-р-р...» В ответ Джонни радостно заковылял на своих трех здоровых лапах — так быстро, как только мог. Присоединившись к матери, он с такой жадностью набросился на еду, что даже перестал скулить.

Очевидно, он уже бывал на свалке, так как отлично разбирался в жестянках и коробках. Коробки из-под омаров не прельщали его, если он мог найти банку из-под варенья. Некоторые жестянки доставили ему много неприятностей, так как он был слишком жаден и неловок, чтобы избежать их острых краев. У одной соблазнительной жестянки из-под фруктов было такое большое отверстие, что он просунул внутрь всю голову и в течение нескольких минут наслаждался, вылизывая самые дальние уголки. Но вытащить голову обратно ему не удалось, он оказался пойманным. Тогда Джонни стал царапать жестянку и кричать, как сделал бы всякий другой ребенок на его месте, доставляя этим большое огорчение своей матери, которая никак не могла ему помочь. Когда ему наконец удалось освободиться, он колотил жестянку до тех пор, пока она не сделалась совершенно плоской.

Другая большая жестянка, из-под сиропа, вознаградила его вполне. Она была из тех, которые закрываются особой крышкой, так что ее отверстие имело совершенно гладкие края. Но зато голова Джонни не влезала в это отверстие, и, как он ни вытягивал свой язык, он не мог добраться до ее сокровищ. Однако Джонни быстро нашел выход из положения. Запустив внутрь свою маленькую черную лапу, он стал водить ею по стенкам, потом вытаскивал и вылизывал ее начисто. Облизывая одну лапу, он другой работал внутри жестянки, повторяя эту операцию, пока жестянка не сделалась такой чистой внутри, как только что выпущенная с фабрики.

Потом он заинтересовался сломанной мышеловкой. Захватив ее крепко передними лапами, он принялся ее исследовать. От мышеловки очень соблазнительно пахло сыром. Однако эта невиданная вещь отреагировала на удар его лапы ударом, и он едва сдержал крик о помощи, проявив в этом случае необычное для него самообладание.

После внимательного осмотра, во время которого он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и вытягивал губы трубочкой, мышеловка подверглась тому же наказанию, как раньше непокорная жестянка из-под фруктов. Усердие Джонни было на этот раз вознаграждено: в самом сердце преступницы он нашел кусочек сыру.

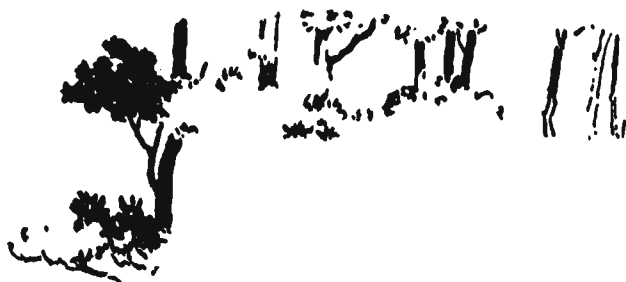
Джонни, по-видимому, никогда еще не случалось отравляться. После того как он вылизал все жестянки из-под варенья и фруктов, он обратил свое благосклонное внимание на коробки из-под сардин и омаров и даже не испугался военных мясных консервов. Его живот раздулся, как шар, а передние лапы от беспрестанного облизывания сделались гладкими и блестящими.

IV

Мне пришло в голову, что мое место может оказаться очень опасным, так как одно дело — попасться на глаза одинокому медведю, и совершенно другое — привлечь к себе внимание сердитой медведицы, испугав чем-нибудь ее медвежонка.

«Предположим, — подумал я невольно, — что маленький шалун Джонни проберется к этому концу свалки и найдет меня в моем убежище. Он сразу поднимет крик, а его мать, конечно, вообразит, что я напал на него, и, не дав мне возможности объясниться, позабудет все правила вежливости, установленные в парке. Тогда дело может принять весьма неприятный оборот».

По счастью, все банки из-под варенья были в другом конце свалки. Джонни держался возле банок, а Грэмпи не отходила

от него далеко. Заметив, что в лапы матери попалась соблазнительная жестянка, Джонни с плачем побежал к ней, требуя ее себе, но тут нечаянно бросил взгляд на вершину холма. То, что он там увидел, заставило его сразу присесть на задние лапы и тревожно закашлять: «Кофф, кофф, кофф, кофф...»

Мать быстро повернулась и стала смотреть в ту же сторону. Я последовал за их взглядом и там — о ужас! — увидел громадного медведя из породы гризли*. Это было настоящее чудовище, которое походило на целый омнибус, закутанный в мех и двигавшийся меж деревьев. Джонни заскулил и спрятался за мать. Грэмпи глухо заворчала, и шерсть на ее спине встала дыбом. Признаюсь, и у меня волосы поднялись дыбом, но я старался не шелохнуться.

Гризли приближался величественной походкой. Его широкие плечи и серебристый мех, колыхавшийся при каждом шаге, производили впечатление такой мощи, что невольно внушали ужас.

* В Америке водятся медведи двух пород: черные и серые. «Гризли» по-английски значит «сероватый», отсюда серые медведи и получили название «гризли».

Джонни начал скулить еще громче. Я вполне ему сочувствовал, но старался молчать по весьма понятной причине. После минутной нерешительности Грэмпи повернулась к своему плаксивому медвежонку и произнесла несколько слов, которые для меня звучали как короткое покашливание: «Кофф, кофф, кофф...» Но я могу представить себе, что она в действительности сказала: «Дитя мое, тебе следует взобраться на то дерево и подождать, пока я пойду и прогоню этого нахала».

Во всяком случае, так именно поступил Джонни и такое желание изъявила его мать. Но Джонни вовсе не был склонен отказываться от развлечения. Он хотел видеть, что произойдет, и не удовольствовался тем, что спрятался в густых ветвях сосны, а постарался соединить безопасность с возможностью наблюдения. Он взобрался на самую высокую ветку и там, отчетливо вырисовываясь на фоне неба, вертелся и громко визжал от волнения. Ветка была так тонка, что гнулась под его тяжестью, раскачиваясь в разные стороны при всех его движениях, и я каждый миг ожидал, что она сломается. Если бы при этом Джонни упал в мою сторону, мне пришлось бы поссориться с его матерью. Но ветка, к счастью, оказалась крепче, чем я думал, а Джонни был слишком искусен в подобных упражнениях, чтобы сломать ее или самому потерять равновесие.

Тем временем Грэмпи шла навстречу Гризли, вытянувшись во весь свой рост, с ошетилившейся шерстью, скрежеща зубами. Гризли, насколько я мог видеть, не обращал на нее внимания и прямо направился к свалке, как будто он был совершенно один. Но когда он поравнялся с Грэмпи, она зарычала, бросилась на него и отвесила ему жестокую оплеуху. Озадаченный, он все же успел ответить ей ударом левой лапы и опрокинул ее. Нисколько этим не укрощенная, она расвирепела еще больше, вскочила и снова бросилась на него.

Они обхватили друг друга и катались по земле, фыркая, рыча и поднимая целые облака пыли. Но сквозь весь этот шум я мог ясно расслышать Джонни, который визжал во весь голос на верхушке сосны и, видимо, ободрял мать, чтобы она поскорее покончила с противником.

Почему Гризли не сломал ее пополам, я так и не мог понять. Через несколько минут, в течение которых мне не было видно ничего, кроме пыли и неясных очертаний дерущихся, они вдруг разошлись, как будто по взаимному уго-

вору — быть может, согласно правилам медвежьей борьбы, — и остановились, глядя в упор друг на друга, причем Грэмпи казалась сильно утомленной.

Гризли, по-видимому, готов был этим ограничиться. В намерения его вовсе не входило продолжать драку, а тем более обращать внимание на Джонни. Он хотел только одного: мирно пообедать. Но нет! В тот миг, когда он сделал первый шаг по направлению к свалке, а по мнению Грэмпи — к ее медвежонку, она возобновила нападение. Но теперь Гризли был начеку. Одним ударом он свалил медведицу с ног и отшвырнул на громадный, выдернутый с корнями пенёк. Теперь она была хорошо проучена. Сила полученного удара и жесткий прием, оказанный ей торчащими корнями, похожими на рога, отбили у нее весь воинственный пыл. Поднявшись кое-как, она попыталась скрыться. Однако теперь Гризли сам пришел

в ярость и, желая ее наказать, стал гоняться за нею вокруг пня. Грэмпи была подвижнее и устраивала так, что пенёк всегда оказывался между нею и противником. Джонни, оставаясь на дереве, продолжал проявлять самое живое и шумное сочувствие матери.

Наконец, убедившись, что поймать ее таким способом невозможно, Гризли присел на задние лапы, словно обдумывая какой-то новый маневр. Грэмпи воспользовалась передышкой и, сделав прыжок от пня, успела взобраться на дерево,

где скрывался Джонни. Медвежонок спустился немного ниже, быть может, для того, чтобы ее встретить или чтобы дерево не треснуло под их двойной тяжестью.

Сфотографировав эту интересную группу, я решил любой ценой получить снимок с более близкого расстояния. В первый раз за этот день я выскочил из своей норы и перебежал под самое дерево. Но эта перемена места была ошибкой, так как густые нижние ветви совершенно заслонили от меня медведей, сидевших у вершины.

Прижавшись к самому стволу, я всматривался вверх и выжидал момента, чтобы пустить в ход фотоаппарат. Вдруг Грэмпи стала спускаться, скрежеща зубами и угрожающе кашляя. Пока я стоял в нерешительности, сзади меня раздался чей-то голос:

— Эй, мистер, берегитесь! Старая медведица нападет на вас.

Я обернулся и увидел молодого пастуха. Он проезжал мимо верхом на лошади как раз в то время, когда разворачивались события.

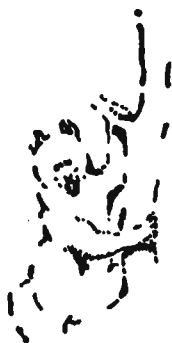
— Вы знаете этих медведей? — спросил я, когда он подъехал ближе.

— Конечно, как мне их не знать! — отвечал он. — Этот малыш наверху — Джонни, а с ним его мать — Грэмпи. Она вообще добротой не отличается, а если ее Джонни попадает вот в такое положение, как сейчас, то с ней шутить нельзя.

— Мне бы хотелось сфотографировать ее, когда она сойдет вниз.

— Тогда вот что, — сказал пастух, — я останусь рядом с вами на лошади, и если медведица на вас нападет, думаю, мне удастся ее удержать.

Он стал рядом со мною, как было условлено, в то время как Грэмпи с грозным ворчаньем медленно спускалась с ветки на ветку. Но, почти достигнув земли, она вдруг перебралась на другую сторону ствола и, спрыгнув вниз, убежала, не попытавшись выполнить свою страшную угрозу.

Итак, Джонни остался один. Взобравшись на старое место, он жалобно заплакал: «Уа, уа, уа!»

Камера была наготове, и я уже собирался запечатлеть Джонни в его любимой позе, которую он принимал всегда, когда плакал, но вдруг он вытянул шею и стал кричать во все горло.

Взглянув в ту сторону, куда смотрел Джонни, я увидел, что прямо на меня идет Гризли, пока еще не начиная враждебных действий, но с очевидным намерением пройти все расстояние, отделявшее нас друг от друга.

Я спросил моего приятеля, пастуха, знает ли он этого медведя.

— Как не знать! Это старый Гризли, самый большой медведь в парке. Обыкновенно он занят только своими делами и никого не трогает, если его не тревожить. Но сегодня, вы сами видели, он сильно возбужден и может быть опасным.

— Мне бы хотелось его сфотографировать, — заметил я. — Если вы мне поможете, я сделаю попытку.

— Ладно, — ответил пастух, поморщившись. — Я останусь на лошади и, если он нападет на вас, постараюсь его отвлечь. Я могу ударить его один раз, но второй раз мне вред ли это удастся. Вам бы лучше взобраться на дерево.

Но так как единственное дерево поблизости было то, на котором сидел Джонни, предложение пастуха меня совершенно не прельщало. Я живо представил себе, как карабкаюсь наверх, к Джонни, а мать его преследует меня по пятам, в то время как Гризли поджидает внизу той секунды, когда Грэппи сбросит меня прямо ему в лапы.

Гризли приближался. Я сфотографировал его в сорока шагах, затем еще раз — в двадцати, а он спокойно продолжал шествовать ко мне. Я присел на кучу мусора и стал ждать. Восемнадцать шагов, семнадцать шагов, двенадцать, восемь... Он все еще шел, а Джонни кричал все громче. Наконец в пяти шагах от меня он остановился и наклонил свою страшную бородатую голову набок, чтобы рассмотреть, кто поднимает такой гам на вершине дерева. Это движение показало мне его в профиль, и я снова щелкнул камерой. При этом звуке он обернулся с таким ужасным рычанием, что я замер на месте, думая, что пришла моя последняя минута. Некоторое время он смотрел на меня в упор, и я мог различить

маленькие зеленые огоньки в его глазах. Затем он опять медленно повернулся и схватил большую банку из-под томатов.

«О ужас! Неужели он швырнет ее в меня?»

Так я подумал. Но вместо этого он с самым беспечным видом принялся ее вылизывать, затем отбросил в сторону и взял другую банку, потеряв сразу всякий интерес ко мне и к Джонни и решив, по-видимому, что мы оба не стоим его внимания.

Я стал пятиться назад медленно и почтительно, как подобало в присутствии короля лесов, оставляя в его полном распоряжении все богатства свалки, и в то время, как Джонни в своем убежище заливался плачем, походившим теперь на кошачье мяуканье.

Что произошло с Грэмпи дальше в тот день, мне так и не удалось узнать. Джонни, поплакав еще некоторое время, понял наконец, что ему не у кого искать сочувствия, и весьма благоразумно замолчал. Оставшись без матери, которая одна

могла бы о нем позаботиться, он решил, что надо действовать самому, и проявил при этом большую сообразительность, чем можно было от него ожидать. Проследив за Гризли с лукавым выражением на маленькой черной мордочке и подождав, пока тот отошел на некоторое расстояние от дерева, он тихо соскользнул на землю с другой стороны ствола, потом на трех ногах перебежал, как заяц, к соседнему дереву, не останавливаясь и не переводя дыхания, пока не взобрался на самую верхнюю ветку. Несомненно, он был вполне убежден в том, что Гризли только и думает, как бы убить его, маленького Джонни. Но он так же твердо знал, что его враг не может лазить по деревьям.

Внимательно понаблюдав за Гризли, который не обращал на него ни малейшего внимания, Джонни повторил опять

тот же маневр, сделав для разнообразия маленькое движение в сторону, чтобы обмануть врага. Так он перебежал от дерева к дереву, взбираясь на самую вершину каждого из них, хотя бы оно было совсем рядом, пока наконец не скрылся в лесу. Минут через десять его плаксивый голос снова слышался в отдалении. Я понял, что он нашел мать и возобновил свои жалобы, рассчитанные на пробуждение ее родительских чувств.

V

Из всех консервов, остатки которых попадали на свалку, больше всего приходились по вкусу Джонни большие красные сливы. Самый запах этих слив волновал его.

Однажды, когда в кухне гостиницы пекли сразу громадное количество пирожков со сливовым вареньем, болтливый ветерок разнес известие об этом событии далеко по лесу. Оно проникло через нос Джонни в самую его душу.

Джонни, по своему обыкновению, в это время скулил и хныкал. Грэмпи была занята облизыванием и расчесыванием своего сынка, так что он вдвойне имел основание жаловаться. Но запах пирожков со сливами подействовал на него, как удар плети. Он вскочил, а при попытке матери удержать его на месте поднял крик и даже укусил ее. Нужно было бы хорошенько проучить его за это, но она только неодобрительно поворчала и пошла за ним, чтобы защитить, если кто-нибудь вздумает его обидеть.

Держа свой черный носик по ветру, Джонни помчался прямо к кухне. Впрочем, по дороге он принимал некоторые предосторожности, взбираясь время от времени на самые вершины сосен, для того чтобы бросить взгляд на окрестность, а Грэмпи сторожила его внизу. Так они добрались до самой кухни. Там, на верхушке последнего дерева, предприимчивость Джонни сразу иссякла, и он так и не решился спуститься вниз, выра-

жая свою тоску по пирожкам душераздирающим плачем. Вряд ли Грэмпи знала, почему он плачет. Но когда она захотела повернуть назад, в лес, Джонни устроил такой скандал, что она не решилась его оставить, а он сам не изъявлял никакого желания сойти с дерева.

Грэмпи и сама была не прочь отведать сливового варенья, запах которого возле гостиницы был особенно силен. И вот с некоторой опаской она направилась к кухонной двери.

В этом не было ничего удивительного. В Йеллоустонском парке медведи нередко приходят к дверям кухни за подачками и, получив что-нибудь от прислуги, так же мирно удаляются обратно в лес. Несомненно, Джонни и Грэмпи получили бы каждый по пирожку, если бы не произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Незадолго до этого какой-то заезжий путешественник из Восточных штатов привез в гостиницу кошку. Сама она была еще почти котенком, но уже имела целую семью собственных котят. Когда Грэмпи подошла, кошка вместе с котятами нежилась на солнце, лежа на кухонном крыльце. Раскрыв глаза, кошка с удивлением смотрела на громадное мохнатое чудовище, стоящее над нею.

Кошка никогда раньше не видела медведя: она еще слишком недолго прожила в парке. Она даже не понимала, что такое медведь. С собаками она была хорошо знакома, и если это была собака, то, во всяком случае, самая большая и страшная из всех, каких только она видела наяву и во сне. Первая мысль кошки была спастись бегством, но затем она подумала о котятах. Она должна позаботиться о них и, по крайней мере, дать им возможность уйти. И вот маленькая мать встала посреди крыльца и, выгнув спину, выпустив когти, подняв хвост и вообще сделав все нужные приготовления, прошипела медведице свой приказ: «Стой!»

Хотя это было сказано на кошачьем языке, но медведица вполне поняла смысл. Очевидцы утверждают, что Грэмпи не только остановилась, но даже подняла вверх передние лапы в знак покорности.

Но когда она приняла это положение и взглянула на кошку сверху, кошка показалась ей уж совсем крошечной.

Старая Грэмпи не побоялась даже Гризли, неужели теперь ее удержит такое ничтожное хвостатое существо, величинной не больше ее пасти? Ей стало стыдно самой себя. А плач Джонни напомнил ей о ее прямом долге — защищать сына.

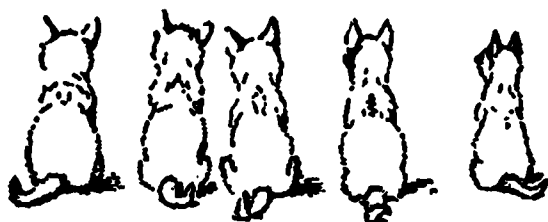
Тогда она снова опустилась на все четыре лапы с намерением идти дальше.

И опять кошка крикнула: «Стой!»

Однако Грэмпи на этот раз не послушалась. Испуганное мяуканье котят волновало кошку, и она бросила вызов неприятелю. Восемнадцать острых когтей и полная пасть зубов — все оружие, которое имела кошка, — было пущено ею в ход, и с мужеством отчаяния она вцепилась в голый чувствительный нос Грэмпи — самое слабое место у всякого медведя — и потом по ее спине перебралась к хвосту. После двух-трех попыток сбросить разъяренного маленького зверя старая Грэмпи поступила так, как поступает большинство при таких обстоятельствах: она показала пятки и бросилась прочь из неприятельского лагеря, в родные леса.

Но в кошке проснулись воинственные наклонности. Она не удовлетворилась изгнанием врага, а хотела добиться полного его поражения и безусловной покорности. Хотя старая Грэмпи убегала во всю прыть, кошка оставалась у нее на спине, орудуя зубами и когтями, как маленький чертенок. Грэмпи, охваченная ужасом, стала кидаться в разные стороны, и путь этой странной пары отмечался на земле клочками длинной черной шерсти и даже кое-где пятнами крови.

Честь кошки была вполне восстановлена, но этого ей было мало, она продолжала свою бешеную скачку. Грэмпи при-

шла в полное отчаяние. Она была унижена и готова принять какие угодно условия сдачи, но кошка казалась глухой к ее вою. И неизвестно, как далеко зашло бы дело, если бы не

Джонни, который пронзительным криком с верхушки дерева невольно внушил матери новый план спасения. Грэмпи в два прыжка достигла сосны и вскарабкалась наверх.

Здесь кошка ясно почувствовала, что попала в лагерь неприятеля, численность которого вдобавок удвоилась. Благо-разумно решив прекратить преследование, она соскочила со спины медведицы на землю и стала прогуливаться вокруг дерева с высоко поднятым хвостом, вызывая поглядывая вверх, точно приглашая врага спуститься. Потом к ней присоединились котята и, усевшись в кружок, стали громко выражать свое удовольствие. По уверениям свидетелей, медведи ни за что не спустились бы с дерева и погибли бы от голода, если бы повар не позвал кошку обратно.

VI

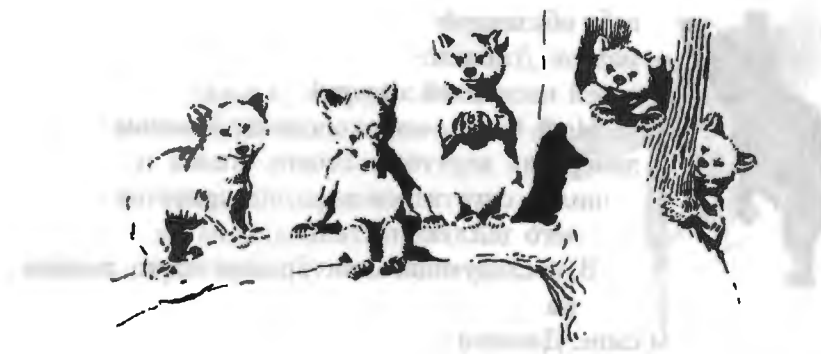
Когда я в последний раз видел Джонни, он сидел на верхушке дерева и, по обыкновению, оплакивал свою несчастную участь. А в это время Грэмпи рыскала между соснами, высматривая какую-нибудь жертву для расправы.

Было начало августа, и в поведении Грэмпи уже замечалась некоторая перемена. Среди обитателей парка она всегда

считалась «опасной», а ее любовь к Джонни признавалась основной чертой ее характера. Между тем к концу этого месяца Джонни уже нередко проводил целые дни на верхушке какого-нибудь дерева в полном одиночестве, чувствуя себя глубоко несчастным.

Последняя глава его короткой истории относится уже к тому времени, когда я уехал из Йеллоустонского парка.

Однажды на рассвете Джонни тащился следом за своей матерью, блуждавшей вблизи гостиницы. В кухне в это время находилась девушка-ирландка, незадолго до того принятая на службу. Выглянув в окно, она увидела, как ей показалось, теленка, забредшего куда не следует, и побежала прогнать его. Открытая кухонная дверь со времени истории с кошкой все еще вызывала такой ужас в Грэмпи, что она сейчас же пустилась наутек. Джонни, зараженный ее испугом, бросился к ближайшему дереву, которое, к несчастью, оказалось... фонарным столбом. Быстро, слишком быстро достиг он его верхушки в каких-нибудь семи футах от земли и там принялся изливаться своей горе, тогда как Грэмпи продолжала бежать без оглядки. Когда девушка подошла ближе и увидела, что загнала на столб какого-то дикого зверя, она перепугалась не меньше своей жертвы. Но тут подоспели другие кухонные служители и, узнав крикуна Джонни, решили взять его в плен.

Принесли ошейник и цепь, и после борьбы, во время которой несколько человек были сильно поцарапаны, ошейник был надет на шею строптивого медвежонка, а цепь крепко привязана к столбу.

Почувствовав себя в плену, Джонни пришел в такое бешенство, что даже не мог кричать. Он только кусался, рвал и царапал все вокруг себя, пока не выбился из сил. Тогда он снова заголосил, призывая мать. А она хотя и показывалась раза два на почтительном расстоянии, но, боясь встретиться с кошкой, ушла в лес, предоставив Джонни своей участи.

Весь этот день он то бился, то принимался кричать. К вечеру он окончательно обессилел и даже принял пищу, которую ему принесла ирландка Нора. Эта девушка чувствовала

себя обязанной принять на себя роль приемной матери Джонни: ведь по ее вине он лишился своей настоящей матери!

Ночь была очень холодная, Джонни сильно замерз на верхушке своего столба и наконец решился спуститься вниз, на приготовленную для него теплую постель.

В последующие дни Грэмпи часто появлялась на свалке, но, по-видимому, совершенно забыла о своем сыне. Джонни продолжал оставаться на попечении Норы и получать от нее пищу. Впрочем, он получил от нее и кое-что новое для себя: однажды, когда она принесла ему обед, он цапнул ее и за это впервые в своей жизни был отшлепан самым настоящим образом. В течение нескольких часов он дулся: он не привык к подобному обращению. Но голод взял свое, и с тех пор он стал относиться с большим почтением к своей воспитательнице. Нора усердно воспитывала осиротевшего маленького медвежонка, и через две недели нрав Джонни уже значительно изменился. Он стал много спокойнее и хотя по-прежнему выражал свой голод в плаксивых звуках «ер-р-р, ер-р-р ер-р-р...», но уже редко поднимал крик, а его неистовые выходки совершенно прекратились.

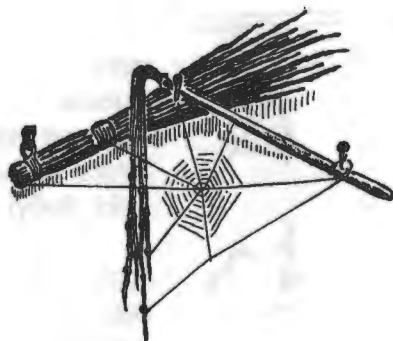
Ко второй половине сентября перемена в его характере сделалась еще более заметной. Брошенный своей матерью, он всецело привязался к Норе, которая его кормила и наказывала, и из него выработался чрезвычайно благовоспитанный медвежонок. Иногда Нора даже отпускала его на свободу, и он в таких случаях направлялся не в лес, а в кухню, где находилась его приемная мать, и ходил за нею по пятам на задних лапах. Здесь ему также пришлось познакомиться с кошкой, этим ужасным зверем, обратившим в бегство его мать. Но Джонни имел теперь могущественного покровителя, Нору, и кошке в конце концов пришлось заключить с ним мир.

В октябре гостиница должна была закрыться на зиму. Стали думать о том, как поступить с Джонни: выпустить ли его на свободу или отправить в Вашингтонский зоологический сад. Однако Нора предъявила на него свои права, которыми ни за что не хотела поступиться.

С наступлением морозных ночей, в последних числах сентября, у Джонни появился сильный кашель. Осмотрели

его хромоту и увидели, что хромота зависела не от какого-либо повреждения, а объяснялась общим недомоганием и слабостью всего организма.

Он не только не разжирел, как большинство медведей в неволе, но, наоборот, продолжал худеть. Живот у него ввалился, кашель делался все сильнее и сильнее, и однажды утром его нашли совсем больным и дрожащим в его постели под фонарным столбом. Тогда Нора взяла его в дом, и с тех пор он остался на кухне.

Спустя несколько дней после этого в его здоровье, казалось, наступило улучшение, и он по-прежнему проявлял любопытство ко всему окружающему. Большое светлое пламя в кухонном очаге особенно привлекало его, и, когда открывали дверцы, он усаживался на задние лапы с выражением сосредоточенного внимания. Но еще через неделю он потерял интерес даже к этому зрелищу и со дня на день хирел все больше и больше. В конце концов, что бы ни происходило около него, ничто не могло возбудить его обычную любознательность.

Кашель его все усиливался, и он казался очень несчастным, за исключением тех минут, которые проводил на коленях у Норы. Тогда он ласкался к ней и разными способами выражал свою радость, но всякий раз принимался жалобно плакать, как только она отправляла его обратно в корзинку, служившую ему постелью.

За несколько дней до закрытия гостиницы Джонни впервые отказался от своего обычного завтрака и тихо скулил, пока Нора не взяла его к себе на колени. Он прижался к ней, но его нежное «ер-р-р, ер-р-р...» звучало все слабее и слабее, пока совсем не затихло. Через полчаса после того, как она уложила его обратно в корзинку и принялась за свою работу, Джонни утратил навсегда стремление видеть и понимать все, что происходило вокруг него.

ЖИЗНЬ СЕРОГО МЕДВЕДЯ

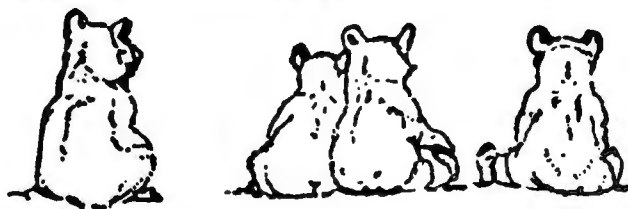

1

Далеко-далеко отсюда, на Диком Западе, в верховьях реки Литл-Пайни, там, где теперь находится ранчо Палетт, тихо жила серая медведица. Это была самая обыкновенная медведица, занятая заботами о своих детях. Больше всего на свете она желала, чтобы ее семью оставили в покое.

Был уже июль, когда медведица наконец решила повести свое семейство к реке Грейбули и показать детям, что такое земляника и где ее надо искать.

Медведица-мать не сомневалась, что у нее самые крупные и смышленные медвежата в мире, но это не совсем отвечало истине; зато их было целых четверо, а медведица ее породы, медведица-гризли, редко может похвастаться более чем двумя детьми. Мохнатые малыши чудесно проводили время, наслаждаясь прекрасным летом и множеством вкусных вещей.

Мать выворачивала для них каждый пенек, каждый плоский камень, попадавшийся на пути. Медвежата сейчас же бросались туда, как куча поросят, и вылизывали прятавшихся там муравьев и личинок.

Медвежатам никогда не приходило в голову, что силы могут изменить матери и она выпустит из лап огромный камень, как раз когда они залезли под него. Собственно говоря, этого никто не подумал бы, хоть раз увидев громадную лапу и плечо, скрытое под косматой изжелта-серой шубой. Нет-нет, эта лапа никак не могла уронить камень — малыши были совершенно правы. Они опрометью кидались к каждому новому пню, толкая и давя друг друга, чтобы поспеть первыми, и пищали, визжали, ворчали, как целая куча поросят, щенят и котят, вместе взятых. Медвежата уже хорошо знали маленьких бурых муравьев, которые гнездятся под пнями в горах. Но вот им в первый раз встретился муравейник с большими, жирными, сладкими лесными муравьями. Медвежата толпились вокруг, стараясь поймать на язык разбегавшихся насекомых. Однако они скоро убедились, что слизывают больше кактусовых колючек и песка, чем муравьев. Наконец мать им сказала по-медвежьи: «Постойте, я вам сейчас покажу, как это делается».

Опять сшибла верхушку муравейника, потом положила на нее плашмя свою широкую лапу и через несколько секунд, когда рассерженные муравьи облепили ее, слизнула их всех разом и аппетитно зачавкала, набив полный рот. Вскоре и медвежата поняли, в чем дело. Каждый из них положил на муравейник обе свои бурые лапки. Так они долго сидели вокруг муравейника, облизывая попеременно то правую, то левую лапу и давая друг другу затрешины, если кто-нибудь принимался лизать чужую лапу. Вскоре муравейник был опустошен, и лакомки были готовы приняться за что-нибудь новое.

Но муравьи — довольно кислая пища, и медвежата захотели пить. Медведица свела их вниз, к реке. Наплескавшись вдоволь в воде, они пошли по берегу и дошли до места, в котором зоркий взгляд медведицы заметил много рыбок, гревшихся на дне. В этом месте реки на дне чернели глубокие ямы, а между ямами было очень мало воды, и текла она по камням. Мать сказала малышам: «Ну теперь посидите на берегу, а я вам покажу новую штуку».

Сперва она подошла к одной яме, находившейся пониже, и подняла со дна целое облако грязи, которое потянулось вниз по течению. Затем по берегу подошла к верхней яме и

со всего размаха со страшным шумом плюхнулась в воду. Рыбки при таком неожиданном нападении бросились в паническом страхе в мутную воду, и так как среди пятидесяти рыб всегда найдется несколько глупых, то с полдюжины их устремилось сквозь мутную воду дальше по течению; не успели они опомниться, как уже беспомощно бились на каменной отмели. Медведица стала выкидывать их на берег. Медвежата шумно набросились на этих смешных коротеньких змеек и стали уписывать их за обе щеки, пока животы у них не надулись, как барабаны.

Солнце пекло жарко, медвежата наелись досыта, и всех начало клонить ко сну. Медведица увела их в укромный уголок, легла, и все медвежата улеглись вокруг нее.

Пыхтя от жары, они тотчас же заснули, подобрав свои бурые лапки и уткнув черные мордочки в шерсть, как будто день был очень холодным.

Медвежата сладко поспали часок-другой, а затем начали зевать и потягиваться. Самая маленькая, Мохнатка, высунула было на минутку свой острый носик, а затем опять зарылась между большими лапами матери; эта маленькая неженка была ее любимицей. Самый большой медвежонок, Уэб, перевернулся на спину и начал тормозить торчавший из земли корень. Он тихонько ворчал и то грыз его, то шлепал лапой, когда тот не лежал, как ему хотелось.

Проказник Лыска стал дергать Кудряша за ухо и получил от него здоровую затрещину. Они начали бороться. Потом,

сцепившись в серовато-желтый ком, они покатались по траве — все дальше и дальше — и не успели опомниться, как полетели вниз, к реке.

Почти немедленно раздались их полные ужаса голоса. Несомненно, им грозила какая-то страшная опасность.

Нежная мать мигом превратилась в настоящего дьявола. Она одним прыжком подлетела к своим медвежатам. И как раз вовремя, потому что громадный бык уже готов был кинуться на Кудряша, которого он, вероятно, принял за рыжую собачонку. Медведица взревела и бросилась на быка.

Бык не испугался. Он испустил грозное мычание и устремился на медведицу. Однако, едва он нагнул голову, чтобы пырнуть ее своими рогами, она нанесла ему оглушающий удар по голове. Когда он пришел в себя, медведица уже сидела на нем верхом и терзала ему бока своими ужасными когтями.

Бык ревел от бешенства и бросался то вперед, то назад, таща на себе медведицу. Наконец он тяжело скатился с берегового обрыва в реку, и только тогда, спасаясь сама, медведица оставила его.

II

Богатый скотовод — старый полковник Пикетт объезжал свои стада. Проезжая под горой, он услышал отдаленный рев. «Верно, быки подрались», — подумал он.

Сначала он не обратил на это никакого внимания. Однако вскоре увидел, что часть его скота роет копытами землю. Подъехав ближе, он разглядел, что сам «хозяин», большой бык, весь в крови. Его спина и бока были истерзаны когтями, а голова разбита, как после стычки с другим быком.

— Гризли, — проворчал Пикетт.

Винтовка была с ним, и он быстро поехал по следам быка. Доехав до усеянного галькой брода неподалеку от того места, где Литл-Пайни впадает в Грейбули, он перебрался на другой берег и начал взбираться вверх по откосу. Как только голова Пикетта поднялась над краем откоса, он увидел прямо перед собой все семейство: медведицу и четверых медвежат.

Медведица знала, что люди всегда ходят с ружьями. «Бежим в лес!» — проворчала она.

Мать боялась не за себя, а за своих дорогих крошек. Она уже повела их к лесной чаще, когда началась ужасная пальба.

Паф! — и сердце бедной матери сжалось в смертельной тоске.

Паф! — и бедная малютка Мохнатка покатилась со стоном и замолкла.

С бешеным ревом медведица повернулась и бросилась на человека, но — паф! — и она сама упала со смертельной раной. Оставшиеся медвежата, не зная, что им делать, побежали обратно к матери.

Паф, паф! — и Лыска с Кудряшом упали рядом с нею в предсмертных судорогах.

Испуганный и ошеломленный, Уэб обежал кругом Лыски и Кудряша. Потом, едва ли сознавая зачем, пустился в лес и скрылся там. Но последний выстрел нагнал и его. Этот выстрел попал в одну из задних лапок и перебил ее.

Всю ночь маленький хромой медвежонок бродил по лесу. Бедный Уэб ковылял на трех лапах. Каждый раз, когда он пробовал ступить на больную лапу, из нее текла кровь, и он плакал и стонал:

«Мама, мама, мама! Где же ты?»

Медвежонок озяб, проголодался, и у него очень сильно болела нога. Но мать уже не могла прибежать на его зов, а сам он боялся вернуться туда, где ее оставил, и продолжал бесцельно бродить между деревьями.

Вдруг он почуял какой-то странный запах и, не зная, что делать, вскарабкался на дерево.

Под деревьями показалось несколько высоких, длинношеих, тонконогих животных. Уэб видел их однажды, когда он был с матерью. Тогда он их не испугался, а теперь совсем тихо притаился на дереве. Однако большие животные, подойдя к дереву, перестали щипать траву и, потянув носом воздух, быстро скрылись из виду.

А бедняжка Уэб просидел на дереве почти до утра и так заоченел от холода, что еле мог слезть вниз. Но взошло жаркое солнце, он почувствовал себя лучше и стал искать ягоды и муравьев, потому что был очень голоден.

Потом он отправился обратно к родной реке и опустил раненую лапу в холодную, как лед, воду. Ему хотелось уйти в горы, но он решил прежде побывать там, где остались мать и братья. После полудня стало совсем тепло, и он заковылял лесом вниз, а затем по берегу реки Грейбули. Уэб шел, шел и дошел до того места, где вчера, обедаясь рыбой, они пировали все вместе с матерью. Рыбьи головы еще валялись здесь, и он их с жадностью подобрал. Но откуда-то доносил-

ся странный, отвратительный запах. Этот запах пугал медвежонка. Когда он приблизился к тому месту, где в последний раз видел мать, запах еще больше усилился. Осторожно выглянув из-за деревьев, медвежонок увидел стаю койотов, терзавших что-то.

Что это было, он не знал, но матери его тут не было, а запах становился все сильнее и сильнее, и Уэб почувствовал себя скверно. Он повернул тихонько назад, в лес, и решил больше не возвращаться сюда. Ему по-прежнему хотелось увидеть мать, но он догадывался, что искать ее бесполезно.

Наступила холодная ночь. Бедный медвежонок все больше тосковал по матери. Горько всхлипывая, ковылял все дальше и дальше бедный беспризорный сиротка медвежонок. Он был болен и одинок, нога мучила его, а желудок жаждал материнского молока, которого ему больше никогда не придется отвесть! В эту ночь он нашел поваленное дуплистое дерево и заполз туда. Он постарался представить себе, свернувшись поудобнее, что лежит в объятиях больших лохматых лап своей матери, и, убаюканный этими мечтами, заснул.

Уэб всегда был угрюмым медвежонком, а несчастья сделали его еще более мрачным.

Все, казалось, было против него. Он старался не выходить из леса. Днем Уэб искал пищу, а ночь проводил в дупле дерева. Однажды вечером его дупло занял дикобраз, ростом с него самого и колючий, как кактус. Медвежонок ничего не мог с ним поделать и должен был покинуть свое жилище.

Как-то раз Уэб спустился к Грейбули поискать вкусных кореньев, которые показывала ему мать. Однако не успел он приняться за работу, как из норы в земле выскочил какой-то серый зверь и с ворчаньем и шипением бросился на медвежонка. Это был барсук. Уэбу он казался очень свирепым животным, к тому же Уэб был болен и хром. Он поспешно заковылял прочь и не остановился до тех пор, пока не дошел до перевала в соседнее ущелье. Но тут его заметил койот и побежал за ним, подзывая еще одно-

го койота. Уэб влез на ближайшее дерево, койоты прыгали и лаяли вниз. Но вскоре они поняли, что на дереве сидит серый медвежонок и, значит, где-нибудь поблизости должна быть медведица, а потому сочли за лучшее оставить его в покое.

Койоты скрылись, и Уэб слез с дерева. Он решил вернуться обратно на свою реку Пайни. Корм был, правда, лучше на Грейбули, но, с тех пор как он лишился матери, казалось, все были против него. На Пайни же его, по крайней мере, никто не тревожил. К тому же там было много деревьев, где можно было укрываться от врагов. Раненая лапа заживала медленно. Собственно говоря, она так и не выздоровела вполне. Закрылась рана, прошла боль, но подошва срослась совсем не так, как на другой лапе, и Уэб всегда слегка прихрамывал. Это было особенно неудобно, когда приходи-

лось влезать на дерево или быстро удирать от врагов.

Врагов же у сиротки Уэба было много, а друзей не было совсем. Его единственным и лучшим другом была погибшая мать. Много, много несчастий выпало на долю бедняжки Уэба, рано лишившегося матери, — так много несчастий, что только благодаря своей природной выносливости пережил он их.

В этом году был урожай на кедровые шишки. С каждым порывом ветра на землю сыпались спелые орехи. Уэбу стало жить немного легче. Он набрался здоровья и сил. Теперь уже те животные, которых он встречал каждый день, не трогали его.

Но однажды утром, когда он лакомился кедровыми орехами, с горы спустился большой черный медведь. Уэб быстро полез на ближайшее дерево. Черный медведь почуял запах серого медведя и сначала струсил. Увидев, что это еще медвежонок, он осмелел и, рыча, погнался за Уэбом. Черный медведь лазил очень хорошо, и, как высоко ни карабкался Уэб, он лез за ним. Наконец наш медвежонок уцепился за самую высокую, тонкую ветку. Тогда черный медведь безжалостно сбросил его вниз. Хромая, со стонами улепетывал разбитый, исцарапанный и оглушенный Уэб. Черный медведь мог погнаться за ним и совсем dokonать его, но он

боялся, что серая медведица бродит где-нибудь поблизости. Так черный медведь изгнал Уэба из прекрасных кедровых лесов.

А на берегах Грейбули стало совсем мало корма: ягоды почти все сошли, не было ни рыбы, ни муравьев.

Бедный, одинокий Уэб должен был уходить все дальше и дальше в поисках пищи.

Как-то раз в зарослях полыни за ним погнался койот. Уэб побежал, но койот настиг его. С неожиданным приливом храбрости, рожденной отчаянием, Уэб обернулся и сам бросился на койота. Озадаченный койот струсил и убежал, поджав хвост.

Так Уэб узнал, что в лесу мир покупается ценой войны.

Но и в новых местах было мало пищи. Тогда Уэб направился к далеким кедровым лесам в ущелье реки Мититсе. Здесь он внезапно увидел человека, совершенно такого же, как тот, который убил его мать. В ту же минуту раздалось «паф!» — и как раз над ним зашуршали и упали стебли полыни. Уэб вдруг вспомнил все запахи и звуки того страшного дня и пустился бежать так, как еще никогда не бегал. Вскоре он достиг оврага и спустился по нему в ущелье. Уэб увидел расселину между двумя скалами и решил, что это будет хорошим убежищем. Однако, когда он подошел поближе, ему навстречу выскочила одичавшая корова; она угрожающе фыркала и трясла рогатой головой.

Медвежонок прыгнул на ствол ближайшего дерева, но сейчас же на другой стороне этого дерева показался дикий кот. Бедный Уэб принужден был и отсюда убраться: дикий кот отнесся к нему недружелюбно, а спорить теперь было не время. С горечью убеждался бедный медвежонок, что весь свет полон врагов. Нечего было делать — он влез на скалистый откос и пошел в глубь кедровых лесов Мититсе.

Однако здесь его появление совсем не понравилось белкам, и они подняли страшный крик. Белки боялись за свои орехи — они знали, что медведь пришел их грабить. Они прыгали вслед за Уэбом по ветвям и осыпали его сверху крикливой руганью, стараясь шумом привлечь какого-нибудь врага. В этом, собственно, и состояла хитрость белок.

Пока не было видно никого из врагов, но медвежонок уже забеспокоился и шел не останавливаясь до верхней опушки

леса, где было мало корма, но мало и врагов. Только тут, где леса кончались и начинались пастбища горных овец, он смог наконец спокойно отдохнуть.

IV

Преследования многочисленных врагов ожесточали Уэба все больше и больше. И почему все не дают покоя ему, несчастному? Почему все, решительно все против него? О, хоть бы вернулась его мать! О, если бы он мог расправиться с черным медведем, который прогнал его из родного леса! Он пока еще не догадывался, что со временем он станет большим. Даже этот негодный дикий кот и тот прогнал его; а человек хотел застрелить его. О, он не забыл никого из своих врагов и всех их ненавидел!

На этот раз Уэб поселился в довольно хорошем месте. Кругом было много орехов. Скоро его чутье стало ему подсказывать, где находятся зимние запасы белок. Эти находки, конечно, причиняли большое горе белкам, но Уэб был очень счастлив, так как орехи — превкусная вещь. Когда дни начали уменьшаться, а по ночам стало подмораживать, Уэб сделался гладким и жирным.

Теперь Уэб путешествовал по всем лесам ущелья Мититсе. Большую часть времени он проводил в верхних лесах, но иногда спускался за пищей почти до самой реки.

Раз ночью, проходя по берегу, он почувствовал какой-то особенный запах, который ему показался очень приятным. Уэб подошел к самой воде. Запах шел от погруженного в воду бревна. Уэб полез на него, но вдруг что-то громко щелкнуло, и одна из его лап оказалась в крепком, стальном бобровом капкане.

Уэб завыл, изо всей силы дернулся назад и вытащил кол, к которому был прикреплен капкан. Сначала он старался стряхнуть этот капкан, потом побежал в кусты, волоча его за собой. Он стал кусать его зубами, но холодный, крепкий, стальной капкан не двигался с места и продолжал спокойно висеть на лапе медвежонка. Каждую минуту Уэб останавливался, царапал ненавистный капкан, колотил им о землю. Он пробовал зарыть его в землю, влезал с ним на дерево, надеясь хоть таким образом избавиться от него, но капкан все

так же впивался в его лапу. Тогда Уэб пошел в лес, сел там и стал думать, что делать с этим капканом. Он никак не мог понять, что это за штука. В его зеленовато-коричневых глазах отражались и боль, и страх, и ненависть к этому новому врагу.

Уэб прилег под кустом, собираясь разгрызть капкан. Он прижал один конец капкана лапой, а другой конец зажал в зубах. Стальные челюсти капкана раскрылись и освободили лапу Уэба.

Уэб совершенно случайно нажал одновременно обе пружины. Он не понял, почему именно освободился от капкана, но вся эта история глубоко запечатлелась в его памяти, и он представлял все это себе таким образом: «Среди врагов есть один маленький, который прячется у воды и там подстерегает медвежат. Враг этот сильно пахнет. Он хватает за лапу, и его самого никак нельзя укусить. Его можно снять, только крепко нажав».

Почти неделю болела у маленького Уэба лапа, попавшая в капкан. Но она болела сильно только тогда, когда приходилось лазить по деревьям.

Стояла ранняя осень. Лоси оглашали горы трубными звуками. Каждую ночь слышал Уэб эти звуки. Несколько раз приходилось ему влезать на деревья, спасаясь от большерогого лося. Приходили теперь в лес звероловы, а сверху раздавались крики диких гусей. Появилось в лесу и несколько новых запахов. На один из этих запахов пришел Уэб. Он подошел к месту, где было навалено в кучу несколько коротких бревен. Тут к манящему запаху примешался еще и тот ненавистный запах, который он хорошо запомнил с того дня, как потерял мать. Запах этот был не очень сильный. Уэб осторожно обнюхал кругом и убедился, что этот отвратительный запах шел от переднего бревна, а вкусный запах шел из-под кустарника позади. Медвежонок обошел сзади, раздвинул кустарник, добрался до приманки — мяса. Как только он схватил мясо, бревно с шумом шлепнулось о землю.

От неожиданности Уэб подскочил, но все же успел уйти благополучно с куском мяса и несколькими новыми понятиями. Он еще тверже убедился, что «этот ненавистный запах всегда не к добру».

Погода становилась все холоднее, и Уэба сильно клонило ко сну. Когда бывал мороз, он спал целые дни. Определенного места для сна он не имел, но все же у него было несколько сухих мест для хорошей погоды и один-два уголка на случай бури. Особенно любил он лежать в удобном гнездышке под корнями. И вот однажды, когда поднялся ветер и пошел снег, Уэб забрался в это гнездышко, свернулся клубочком и заснул. Вьюга все усиливалась, все больше и больше падало снега. Снег покрывал ветви деревьев, ветви сгибались под тяжестью снега, он падал, но вскоре ровные хлопья вновь густо засыпали ветки. Снег носился по горам, заметал долины. Ветер наполнял снегом овраги до краев. Над убежищем Уэба навалило целый сугроб. Этот сугроб прекрасно защищал его от холода, и Уэб в своей берлоге все спал да спал.

V

Как все медведи, Уэб проспал всю зиму. Когда же наступила весна и Уэб проснулся, он понял, что спал очень долго. Уэб мало изменился: он подрос и немного похудел. Он был очень голоден и потому, пробившись сквозь толщу снега, еще закрывавшую его берлогу, отправился на поиски пищи.

Однако сейчас не было ни кедровых орешков, ни ягод, ни муравьев. Уэб стал усиленно нюхать воздух, и чутье привело его к ущелью, где лежал погибший зимой лось. Уэб наелся вдоволь, а оставшуюся тушу припрятал. Каждый день приходил он к этому месту и пировал. Однако вскоре от лося ничего не осталось, и два месяца он голодал. За эти месяцы Уэб постепенно потерял весь жир, который у него еще остался после зимней спячки.

Как-то раз он перешел за водораздел в другую долину, и там в густом лесу почуял запах другого серого медведя. Уэб пошел навстречу этому запаху и пришел к одинокому дереву у медвежьей тропинки. Он поднялся на задние лапы и стал обнюхивать дерево; оно сильно пахло медведем. Грязь и клочья шерсти были так высоко, что Уэб не мог их достать. Очевидно, об это дерево чесался очень большой медведь. Уэб встревожился. Ему давно хотелось встретить какого-нибудь медведя своей породы, но теперь ему стало страшно.

В своей одинокой жизни он видел только врагов, и теперь он не знал, как встретит его этот большой медведь.

Пока Уэб стоял, размышляя, что делать, на склоне горы показался сам старый медведь. Он шел опустив голову, по временам останавливался и вырывал лапой дикую репу или сладкий корень.

Этот старый медведь был похож на громадное чудовище. Уэб сразу почувствовал опасность и пробрался между деревьями на выступавшую скалу. Здесь он стал наблюдать, что будет делать медведь.

Вот медведь увидел следы Уэба. Он злобно зарычал и пошел по следам к дереву. Здесь он поднялся на задние лапы и стал рвать когтями кору с дерева. Он доставал гораздо выше, чем Уэб. Затем медведь оставил дерево и быстро пошел по следу Уэба. Уэб сильно испугался и побежал обратно в свое ущелье: он смутно понимал, что, раз там мало корма, другой медведь туда не пойдет.

Приближалось лето, и Уэб начал линять. У него чесалась кожа, и он с большим удовольствием валялся в грязи и скреб себе спину о корни и камни. Лазить по деревьям он теперь уже не мог: у него отросли очень длинные когти, а передние лапы, хотя и были уже большие, утратили ту гибкость, благодаря которой медвежата-гризли и черные медведи так хорошо лазят. Теперь у Уэба выработалась новая медвежья привычка: почесываясь о дерево, он пытался как можно выше достать своим носом. Пожалуй, Уэб и сам еще не замечал того, что каждый раз, когда он приходил к одному и тому же дереву через неделю или две, он доставал все выше. Он теперь быстро рос и входил в силу.

Уэб бывал то в одной, то в другой части ущелья Мититсе и всюду чувствовал себя хозяином. Он чесался о разные деревья и всюду на деревьях оставлял отметины. Таким образом он сам обозначал границы своих владений.

Стояло уже позднее лето. Однажды Уэб увидел в своих владениях черного медведя с лоснящейся шерстью. Уэб очень рассердился. Черный медведь подошел ближе, и Уэб ясно рассмотрел его коричнево-красную морду, белое пятно на груди, разрез его ушей, услышал его запах. И запах этот был такой же, какой был у черного медведя, который прогнал маленького Уэба с берегов его родной Пайни. Но какой же теперь он стал маленький, этот черный медведь! Было время,

когда черный медведь казался Уэбу великаном, а теперь Уэб чувствовал, что может раздавить его лапой. И Уэбу приятно было сознавать, что он может теперь отомстить этому красноносому медведю. Однако черный медведь вскочил, как белка, на невысокое дерево. Уэб хотел полезть за ним, но никак не мог вскарабкаться. Он оставил попытки взобраться на дерево и ушел, хотя черный медведь своим насмешливым кашлем заставлял его несколько раз возвращаться обратно. Немного позже в этот же самый день Уэб опять пришел к этому дереву, но красноносого уже нигде не было.

Лето подходило к концу. На высотах стало мало корма. Однажды ночью Уэб решился спуститься в поисках пищи к Нижней Мититсе. Ветер нес какой-то приятный запах, и по этому запаху наш медведь набрел на тушу павшего быка. На некотором расстоянии от нее сидело несколько койотов. Они показались Уэбу совсем карликами по сравнению с теми койотами, которых он видел когда-то. Один койот стоял около самой падали. Он бессмысленно скакал на одном месте, и казалось, что он никак не может отсюда уйти. Уэб увидел его, и старая ненависть проснулась в его сердце. Он бросился на койота и одним ударом лапы превратил его в жалкий комок шерсти. Тут Уэб почуял ненавистный ему запах железа: убитый койот бессмысленно топтался на месте потому, что был пойман в капкан.

Уэб сделал несколько шагов, как вдруг — щелк! — и его лапа попала в волчий капкан.

Но Уэб вспомнил, как он однажды освободился от капкана. Он наступил задними лапами на обе пружины, прижал их и освободил защемленную лапу.

Всюду в этих местах был противный Уэбу запах человека. Он пошел вниз по течению реки, но запах доносился и сюда. Тогда он повернул обратно, к своим кедровым лесам.

VI

Наступало третье лето жизни Уэба. Теперь он уже достиг роста взрослого медведя, но у него еще не было настоящей медвежьей дородности и силы. Шерсть его очень посветлела. Тогда-то охотник, индеец Спават, не раз охотившийся за ним, и прозвал его Уэб, то есть «Светлая шкура».

Спават был хороший охотник, и, как только он увидел у верховьев реки Мититсе дерево, о которое чесался Уэб, он сразу сообразил, что это большой медведь и что он должен находиться где-нибудь поблизости. Много дней он ходил по долине, прежде чем ему удалось выстрелить в медведя, но он только ранил Уэба в плечо. Уэб страшно заревел от боли, но желания сразиться с врагом у него не было. Он стал карабкаться вверх, перебрался через предгорья, нашел спокойное местечко и лег. Инстинкт подсказал ему, как нужно лечиться. Он стал лизать рану и старался лежать не шевелясь. Лучшего лечения нельзя было и придумать. Вылизав рану, он удалил с нее грязь, а шерсть его слиплась от слюны, и на ране образовалось нечто вроде повязки. Она предохраняла рану от воздуха, пыли и микробов.

Но Спават шел по следам медведя. Уэб в своем убежище почувствовал запах приближающегося врага и спрятался в другом месте — повыше, на горе. Но скоро Уэб и здесь услышал запах охотника — опять пришлось уходить. Долго отступал он перед врагом, пока наконец второй выстрел Спавата не нанес ему новую рану. Тут уже Уэб пришел в бешенство. С тех пор как была убита его мать, он ничего так не боялся, как запаха человека, железа и ружья, но теперь у него прошел всякий страх. Пересиливая боль, Уэб поднялся выше на гору, прошел под огромным уступом, обогнул его, поднялся еще выше, потом повернул обратно к этому уступу и, растянувшись, притаился на нем.

Спават быстро подвигался вперед по следам медведя. Вооруженный ружьем и ножом, он ловко отыскивал следы Уэба; с большой радостью смотрел он на кровавые отпечатки, оставленные раненым зверем. Он весело поднимался по склону горы, покрытому острыми камнями. А наверху, на выступе, едва сдерживая боль и бешенство, подстерегал его Уэб. Упрямый охотник подходил все ближе и ближе. Все его внимание было занято кровавыми следами медведя. Он ни разу не посмотрел на вершину уступа.

Уэб прекрасно видел приближавшегося индейца, который нес ему смерть, слышал противный человеческий запах. Он собрал все силы, оперся на израненную дрожащую лапу и приподнялся. Он выжидал. Дождавшись, он здоровой лапой нанес один сокрушительный удар. В этом ударе соединилась вся непомерная природная сила Уэба с отчаянной ненавистью

к охотнику. Индеец упал, даже не застав. Тогда Уэб встал и пошел разыскивать новое, спокойное местечко, чтобы полечить свои раны. С тех пор он больше ни разу не видел индейца Спавата и мог спокойно поправляться.

Так Уэб узнал, что, если хочешь мира и спокойствия, нужно сражаться и бороться.

VII

Годы шли, почти ничего не изменяя. Только каждую новую зиму Уэб спал все менее крепко и каждую новую весну просыпался все раньше. Он превратился в огромного медведя, и все меньше оставалось врагов, решавшихся встречаться с ним один на один. Через шесть лет он был уже громадным, сильным, угрюмым медведем. Он не знал в своей жизни ни любви, ни дружбы с тех самых пор, как потерял мать и братьев.

Пора любви медведей наступала и проходила год за годом, но никто никогда не слышал, чтобы у Уэба была подруга. Уэб в расцвете своих сил был так же одинок, как и в дни юности. Медведю нехорошо оставаться одному. Его угрюмость выросла вместе с его силой. Теперь всякий, кто имел бы несчастье встретиться с ним, назвал бы его опасным медведем.

Попав когда-то в долину Мититсе, Уэб так и продолжал там жить. Характер его сложился под влиянием множества приключений с капканами и столкновений с другими дикими зверями. Правда, теперь уже никто из диких зверей ему не был страшен. Капканы также не были страшны, потому что он научился прекрасно распознавать острый запах железа и человека. Особенно хорошим уроком послужило для него то, что ему пришлось пережить на шестом году жизни.

Однажды он почуял, что в лесу лежит падаль, пошел на запах и увидел великолепную тушу мертвого лося.

Самое лучшее место этой туши было уже растерзано. Ужасный запах человека и железа еле-еле ощущался здесь, а лакомство было так заманчиво. Уэб обошел вокруг туши, поднялся на задние лапы, осмотрел ее с высоты своего восьмифутового роста и осто-

рожно пошел вперед. Вдруг он взревел от боли и стал бешено метаться во все стороны: его правую переднюю лапу защемили громадный медвежий капкан.

Уэб принялся яростно грызть капкан, из пасти у него от бешенства была пена. Затем он пробовал применить свой старый прием: опершись обеими задними лапами на обе пружины, он давил на них всей своей тяжестью, но этого было мало. Тогда Уэб вытянул кол и, гремя капканом, потащил его за собой на гору. Всеми силами он старался освободить свою лапу, но все было напрасно. Случайно ему попалось на глаза толстое поваленное дерево, которое лежало поперек дороги. Уэбу пришла в голову счастливая мысль. Подойдя к лежащему дереву, он надавил опять задними лапами на пружины капкана, а сам уперся могучими плечами в ствол дерева и собрал все свои гигантские силы. На этот раз капкан не выдержал, челюсти его раскрылись, и Уэб вытащил лапу. Лапа была свободна, но в капкане остался оторванный палец.

Уэбу опять пришлось залечивать болезненную рану. Кроме того, он стал на некоторое время левшой. Так, например, когда ему нужно было перевернуть камень, он становился на правую переднюю лапу и работал левой лапой. В результате Уэб лишился возможности есть те вкусные вещи, которые можно находить под камнями и пнями.

Наконец рана зажила. Однако этого случая Уэб уже никогда не забывал. С этих пор запах человека и железа приводил его в бешенство.

Частый опыт научил его, что, если чуешь или слышишь охотника издали, лучше бежать. Если человек уже близко, надо начинать отчаянный бой.

Вскоре все пастухи узнали, что в верховьях реки Мититсе живет медведь, которого лучше не трогать.

VIII

Как-то раз Уэб спустился в низовья своей реки. Он тут не был долгое время и теперь с большим удивлением увидел деревянную берлогу, в каких живут люди. Уэб обошел кругом, стал под ветер и тотчас услышал запах человека и ружья, приводивший его в бешеную ярость. Тотчас же раздалось громкое «паф!» — и Уэб почувствовал сильную боль

в той самой левой задней лапе, которая уже давно была искалечена. Уэб обернулся и увидел человека, который бежал к построенной хижине. Если бы Уэба ранили в плечо, он был бы бессилен, но его ранили только в лапу.

Могучие лапы Уэба могли швырять сосновые бревна, как палочки; один удар этих лап мог уложить самого большого горного быка; когти его могли отрывать огромные куски камня от скалы, — что же значило для него даже смертоносное ружье?

Вечером в хижину вернулся компаньон человека, стрелявшего в Уэба. На залитом кровью полу хижины он нашел мертвое тело своего товарища. По кровавым следам возле дома и по записке, написанной дрожащей рукой на обрывке газеты, он узнал обо всем.

В записке говорилось:

Меня растерзал Уэб. Я увидел его у воды и выстрелил. Я хотел убежать в дом, но он догнал меня. Как мне больно! Джек.

Прочтя записку, Миллер, товарищ Джека, поклялся убить этого медведя. Он отправился по следам Уэба в ущелье и бродил там целыми днями. Он раскидывал приманки, ставил капканы и однажды услышал треск, стук, глухие удары, а затем увидел, как громадный камень скатился по склону горы в лес, по дороге спугнув двух оленей, которые умчались как стрела.

Сначала Миллер подумал, что случился обвал. Однако вскоре он понял, что камень скатил Уэб, чтобы достать из-под него двух-трех муравьев.

Ветер дул от Уэба к человеку, и Миллеру удалось как следует разглядеть медведя, оставаясь незамеченным.

Громадный Уэб бродил, разыскивая пищу. Он старался не ступать на левую заднюю лапу и глухо рычал, когда неосторожное движение вызывало боль.

Миллер притаился и подумал: «Или я его сейчас уложу, или промахнусь». Он оглушительно свистнул.

Медведь остановился как вкопанный, насторожив уши, и Миллер выстрелил ему в голову. Но медведь чуть-чуть повернулся, и пуля только поцарапала громадную косматую голову. Дым

указал Уэбу место, где был человек, и в страшной ярости он галопом помчался за врагом.

Миллер бросил ружье и легко взобрался на единственное высокое дерево, находившееся вблизи. Напрасно Уэб бушевал около дерева, рвал кору зубами и когтями; до того места, где сидел охотник, он не мог дотянуться.

Четыре часа подряд караулил охотника Уэб, затем медленно ушел в кусты и скрылся там. Миллер сидел еще целый час на дереве, чтобы удостовериться, что Уэб действительно ушел. Затем он слез с дерева, взял свое ружье и направился домой. Однако Уэб был достаточно хитер: он только притворился, что уходит, а сам вскоре вернулся и стал опять караулить. И как только Миллер отошел от дерева настолько, что не мог успеть опять добежать до него, медведь бросился его догонять. Несмотря на свои раны, он двигался быстрее Миллера и через четверть мили сделал с человеком то, что собирался сделать человек с медведем.

Лишь много времени спустя товарищи нашли ружье Миллера и догадались, как было дело.

Хижина в долине Мититсе развалилась. Новых жильцов она не дождалась: никому не хотелось селиться в этой малопривлекательной местности, где царствовал такой ужасный медведь.

IX

Потом в верховьях Мититсе нашли золото; тотчас же появились золотоискатели. Они блуждали среди горных вершин, копали землю и портили ручейки. Большею частью это были пожилые люди, начинающие седеть. Они жили постоянно в горах и походили на медведей. Подобно медведям, они копали и рылись везде, но не ради вкусных, питательных кореньев, а ради блестящего желтого песка, который нельзя есть. И, подобно медведям, они очень хотели, чтобы их оставили в покое и не мешали им рыться в земле.

Казалось, они понимали Уэба. Когда Уэб встретил их в первый раз, он поднялся на задние лапы и в глазах его загорелись злые огоньки. Старший из золотоискателей сказал своему товарищу:

- Не трогай его — и он нас не тронет.
- Но ты посмотри, что за громадина! — ответил тот.

Уэб уже собрался броситься на них, но почему-то остановился. Он, конечно, не понял, о чем говорили люди между собой, но почувствовал в них что-то иное, чем всегда. Он чувствовал и здесь запах человека и железа, но запах не был таким острым и потому не приводил его в ярость.

Люди продолжали стоять неподвижно. Тогда Уэб, глухо рыча, опустился на четвереньки и ушел.

В конце этого года Уэб опять встретил красноносого медведя, но какой он был теперь маленький! Одним ударом Уэб мог бы перебросить его через Грейбули.

Увидя Уэба, черный медведь поспешно влез на дерево. Это был толстый, жирный медведь, он пыхтел от усилий. Уэб подошел к дереву, приподнялся и достал лапой на девять футов от земли. Затем Уэб сорвал когтями всю кору с дерева. От каждого удара его когтей тряслось все дерево, трясся и черный медведь и вскрикивал от страха.

При виде этого черного медведя Уэб вспомнил о родной реке и о тамошних лесах, богатых всякой едой. Уэб оставил дрожащего медведя на дереве и отправился вниз по Мититсе, потом по Грейбули и несколько часов спустя очутился в знакомых лесах Нижней Пайни, богатых ягодами и муравейниками.

Какие это были чудесные места! К тому же там не было никаких признаков пребывания хотя бы одного серого медведя. Владели этими местами черные медведи, но на них можно было не обращать никакого внимания.

Уэб был очень доволен. Он прежде всего выкупался в грязи. Затем подошел к дереву, которое стояло как раз у слияния двух рек. Он прислонился спиной к стволу и сделал метку больше чем в восьми футах над землей.

В следующие дни Уэб шел все дальше и дальше по новым местам между скалистыми отрогами Шошонских гор и ставил свои метки. Если ему встречались сухие деревья с отметками черных медведей, он ударял их своей громадной лапой, и деревья с треском валялись на землю; если же отметки черных медведей были на зеленых деревьях, он ставил на этих же самых деревьях гораздо выше собственные метки, закрепляя их глубокими царапинами своих железных когтей.

В этих местах долго хозяйничали черные медведи. Они истребляли беличьи запасы в дуплах деревьев, и белки стали устраивать теперь свои склады в углублениях под большими

плоскими камнями. Черные медведи не могли перевернуть эти камни. Но для Уэба, который переворачивал их с легкостью, здесь было приготовлено множество пищи. Под каждым четвертым или пятым камнем в лесу он находил беличьи запасы, а иногда там же была и маленькая хозяйка склада. Уэб бесцеремонно прихлопывал ее лапой и съедал как приправу к ее же запасам.

Всюду, где шел Уэб, он ставил свои надписи: «Нарушители границ, берегитесь!»

Эти надписи помещались на деревьях так высоко, как он только мог достать. Всякий, кто подходил к этим отметкам на деревьях, по запаху и по шерсти, оставляемой Уэбом, догадывался, что в этой местности поселился громадный серый медведь.

Если бы Уэба воспитывала мать, она научила бы его, что там, где хорошо весной, очень плохо летом. А Уэбу пришлось самому узнавать, что в каждое время года нужно менять местожительство.

Ранней весной хорошо пировать в местах, где пасется скот и водятся лоси. Здесь бывает много трупов погибших зимой животных. Ранним летом лучше всего добывать пищу на пригретых солнцем склонах холмов. Там можно найти разные вкусные корни и дикую репу. В конце лета поспевают много ягод на кустах в низинах вдоль рек. Осенью же в сосновых лесах есть много пищи, и там можно запастись жиром на зиму.

С каждым годом, переходя с места на место, Уэб расширял свои владения.

Он не только очистил от черных медведей бассейны рек Пайни и Мититсе, но отправился за водораздел и убил старого гризли, который когда-то прогнал его оттуда.

Уэб умел не только завоевывать новые места, но и отстаивать их.

Как-то раз во владениях Уэба, по среднему течению реки Мититсе, разбили лагерь люди, искавшие место для постройки фермы. Уэб разогнал их лошадей и разгромил весь лагерь.

Теперь все животные и люди хорошо узнали, что вся местность от пика Франко до отрогов Шошонских гор принадлежит властелину, которого зовут Уэб с Мититсе и который умеет защищать свои владения от всяких посягательств.

Тот, кто так силен, что может не опасаться открытого нападения, обычно утрачивает хитрость. Но Уэб не забыл

своих приключений с капканами в дни юности. У него выработалось строгое правило: никогда не подходить близко к месту, где пахнет железом и человеком, и потому он больше уже не попадался.

Итак, одинокая жизнь Уэба проходила в скитаниях по горам, где в поисках пищи он разбрасывал громадные валуны, словно камешки, и огромные стволы деревьев, словно спички. Теперь уже все животные в горах и на равнинах знали Уэба и в ужасе бежали от этого чудовища, которое когда-то было несчастным, всеми гонимым медвежонком.

Много черных медведей убил Уэб, как бы мстя за то, что когда-то сделал Уэбу один из них. Дикие кошки, завидя его, спешили скрыться на деревьях, но, если дерево было сухое, Уэб валил его на землю и превращал в мелкие кусочки вместе с кошкой. Даже гордый жеребец, предводитель табуна мустангов, и тот при встрече с Уэбом предпочитал уступать ему дорогу. При появлении Уэба уходили прочь и оставляли свежеебитую добычу большие серые волки и горные львы. Испуганные антилопы стремительно уносились от него, когда он пробирался по заросшей полынью равнине. Если же Уэбу случалось встретиться с каким-нибудь быком, слишком большим, чтобы испугаться, и слишком неблагоразумным по молодости, он одним ударом громадной лапы разбивал быку череп. Много всяких лишений и бедствий пришлось перенести Уэбу в молодости, но от этого он стал только выносливее, опытнее и умнее.

Так и проходила год за годом жизнь Уэба: без подруги, без товарищей. Всегда угрюмый, ничего не боящийся, всегда готовый к бою, он больше всего хотел только одного — чтобы его оставили в покое. Он знал только одно острое удовольствие — постоянное наслаждение своей гигантской силой, легкую радостную дрожь в ту минуту, когда падал побитый и изуродованный враг или когда он пробовал свою чудовищную силу, выворачивая огромные камни.

Х

Для тех, у кого хорошо развито обоняние, каждая вещь имеет свой запах. Всю свою жизнь Уэб изучал разные запахи. Теперь он уже прекрасно знал значение большинства тех

запахов, которые встречаются в горах. Каждый предмет рассказывал о себе Уэбу своим запахом. И каждая вещь как бы говорила Уэбу: «Вот я кто!»

Все ягоды можжевельника, шиповника, земляники нежным, мягким голосом пели: «Вот мы, ягоды, ягоды!» Громко пели громадные хвойные леса: «Вот мы, сосны, кедр!»

А когда Уэб подходил ближе к этим лесам, он слышал нежное: «Вот мы, кедровые орешки!»

Из зарослей кустов со сладкими корнями доносился целый хор: «Сладкие коренья, сладкие коренья!»

И когда Уэб входил в эти заросли, он слышал каждый отдельный голос.

Каждый корень произносил свою собственную маленькую речь, например: «Вот я, крупный корень, спелый и вкусный!» или же резким, тонким голосом: «Вот я, никуда не годный жесткий корешок!»

Громко звали осенью широкие, сочные грузди: «Вот я, жирный, питательный гриб!»

Ядовитый гриб поганка кричал: «Я — поганка, не тронь меня, ты заболеешь!»

Цветы также имели свои голоса. По склонам ущелий слышна была песня колокольчиков, тонкая, как их стебельки, и нежная, как голубой цвет лепестков. Но голоса цветов не интересовали Уэба, он их даже не замечал.

И так всякое живое существо, каждый цветок, каждая скала, каждый камень рассказывали о себе носу нашего Уэба. Днем и ночью, в туманную и ясную погоду большой влажный нос медведя говорил ему о многих вещах, которые нужно было знать, и не замечал тех вещей, которые медведю неинтересны. С течением времени Уэб стал полагаться на нос все больше и больше. Случалось, что глаза и уши вместе говорили ему о чем-нибудь, но он не верил им до тех пор, пока нос не подтверждал: «Да, это верно!»

Уэб знал сотни приятных запахов. Тысячи запахов были ему безразличны, многие неприятны, но некоторые приводили его в сильную ярость.

Когда Уэб попадал в верхнюю часть ущелья Пайни, он слышал там, если ветер дул с запада, какой-то странный запах. Временами Уэб не обращал на этот запах никакого внимания, временами этот запах был ему противен. Но Уэб никогда не ходил далеко в направлении этого запаха.

По временам северный ветер из-за водораздела доносил до его носа какой-то ужаснейший запах, совершенно ни на что не похожий. Это был запах, от которого хотелось скорее убежать.

Уэб был уже далеко не молод, и его задняя лапа, в которую его столько раз ранили, начинала у него болеть. В сырую погоду или после холодной ночи он еле мог ступить на нее. Однажды, когда у него болела нога и он хромал, западный ветер из ущелья опять принес ему этот странный запах.

Уэб не понимал, что говорит ему этот запах, но какой-то внутренний голос, казалось, звал его к этому запаху, шептал: «Иди!»

Сытому зверю противен запах пищи, но, когда зверь голоден, запах пищи манит его. Обычно странный запах, приносимый западным ветром, вызывал отвращение Уэба. Теперь он манил его к себе, и Уэб ковылял вверх по тропинке, на гору, ворчал себе под нос и яростно отмахивался от веток, которые иногда били его по морде.

А странный запах все усиливался и манил. Наконец Уэб пришел в такое место, где раньше никогда не бывал. Это был склон горы, покрытый светлым песком. Со склона текла какая-то странная вода, а из ямы выходил странный пар. Нос Уэба подозрительно насторожился — какой непонятный запах! Уэб побрел вверх по склону. Извиваясь, ползла по песку змея. Уэб так прихлопнул ее, что деревья кругом задрожали, а свисающий камень сорвался и полетел вниз. При этом Уэб так зарычал, что его рык пронесся по долине, как гром. Уэб подошел к покрытой паром яме. Яма была полна воды, которая слегка дымилась и волновалась. Уэб попробовал лапой воду. Она была теплая и вызывала приятное ощущение. Тогда Уэб влез в яму обеими задними лапами. Затем он весь стал погружаться в воду, и вода хлынула из ямы через край. В конце концов он весь растянулся в этом почти горячем серном источнике. Он грелся в зеленоватой воде. Ветер крутил пары над его головой.

Хотя в Скалистых горах и много таких серных источников, но во владениях Уэба этот источник был единственным. Более часа Уэб лежал в воде, а затем решил, что пора вылезать, и выбрался из ямы. Он чувствовал себя необыкновенно легко и хорошо, а ломота в задней лапе совершенно прошла.

Уэб стряхнул воду со своей косматой шубы и отправился к выступу, который был залит солнцем. Там он лег, чтобы отдохнуть, но прежде встал на задние лапы перед ближайшим деревом и оставил здесь свою метку. Около этого источника можно было, правда, найти много признаков пребывания и других животных, лечивших здесь свои недуги, но Уэб с этим не считался.

Теперь около этого источника была надпись, которая благодаря своему запаху, грязи и шерсти ясно говорила всем живым существам: «Моя ванна. Не подходить! Уэб».

Уэб лежал на выступе и грел спину до тех пор, пока она не высохла. Потом он лег на спину и стал греть живот, тяжело переворачиваясь с боку на бок, пока весь не обсох. Он окончательно убедился, что чувствует себя после ванны очень хорошо. Конечно, он не мог сказать себе: «Я страдаю неприятной болезнью — ревматизмом, и мне хорошо помогают серные ванны», но он ясно понимал: «Мне было ужасно больно и стало лучше, когда я вывалился в этой вонючей яме».

И с тех пор каждый раз, когда у него начинались боли, он приходил к источнику и каждый раз возвращался поправившимся.

XI

Годы все шли и шли. Уэб уже больше не рос, но делался все светлее, все злее и все опаснее. Владения его стали действительно громадными. Каждую весну он проходил по всем своим землям и поправлял надписи, стертые зимними вьюгами. Собственно говоря, ходить весной по своим владениям вынуждал Уэба недостаток пищи. К тому же весной бывало всюду много ям с глиной, а Уэб испытывал сильный зуд во всей коже, потому что его зимняя шуба линяла, и ему было

приятно прикосновение холодной влажной глины, после которого почесывание о дерево вызывало такое болезненно-острое удовольствие, которое ни с чем нельзя было сравнить.

Но как бы то ни было, метки Уэба возобновлялись каждую весну.

Но вот в низовьях реки Литл-Пайни было основано ранчо Палетт. Обитатели его вскоре познакомились со «старым страшилищем». Клеймовщики скота увидели его и сразу решили, что «медведи им ни к чему и лучше держаться от него подальше и не вмешиваться в его дела». Часто встречать Уэба им не приходилось, но следы и метки его были везде. Однако хозяин ранчо, страстный охотник, очень заинтересовался Уэбом. Кое-что из истории старого медведя он узнал от Пикетта, но и сам догадался об очень многом из жизни Уэба. Он узнал, что в медвежьих капканах Уэб понимает больше, чем звероловы: он или обходит капканы, или вытаскивает приманку, не трогая капкана. Иногда ему даже удается захлопнуть капкан каким-нибудь колом.

И еще узнал хозяин фермы, что каждый год Уэб во время сильной летней жары куда-то исчезает, словно зимой, когда он спит в берлоге.

XII

Много лет назад правительство благоразумно решило превратить область, расположенную у верховьев Йеллоустона, в заповедник. Здесь, в этой великой стране чудес, никто не должен был испытывать страха, потому что никому нельзя было причинять вред. И зверь, и птица здесь не знали насилия; девственные леса не знали топора, заводы и шахты не мutilовали потоков. Здесь все сохранилось в таком виде, каким было до появления белого человека.

Дикие животные скоро узнали об этом заповедном парке. Они быстро усвоили границы этого не огражденного ничем парка и прекрасно зажили здесь, причем и характер их совершенно изменился: здесь, в парке, они без всякого страха встречаются с человеком, не боятся его и сами на человека никогда не нападают. Даже друг к другу в этой стране безопасности животные относятся более терпимо.

Помимо спокойствия дикие животные находили в Йеллоустонском парке множество пищи, и потому они собирались здесь в таком количестве, как нигде.

Там, в самом центре Йеллоустонского парка, построили гостиницу. Около этой гостиницы собиралось особенно много медведей. В четверти мили от нее в лесу находилась ровная поляна, куда служители каждый день сносили отбросы и остатки пищи для медвежьей трапезы. И с каждым годом все больше медведей принимало участие в этой трапезе. Очень часто там можно было увидеть сразу чуть ли не дюжину медведей различных пород: черных, бурых, коричневых, серых, серебристых, больших и маленьких. Здесь были и целые семьи, и одинокие бродяги. Все они прекрасно понимали, что в этом парке насилие запрещено, и самые свирепые из них вели себя здесь очень тихо. Десятки медведей бродили вокруг гостиницы, порой даже ссорились между собой, но никогда ни один медведь не напал на человека. Из года в год медведи приходили сюда и уходили, и живущие в гостинице часто видели их.

Служащие гостиницы уже хорошо знали многих медведей. Медведи появлялись во время летнего сезона, когда гостиница бывала открыта, и уходили, когда гостиница закрывалась. Никто не знал, откуда они приходили и куда уходили.

Однажды в Йеллоустонский парк попал и владелец ранчо Палетт. Он остановился в гостинице и отправился на поляну посмотреть медвежью трапезу. Там кормилось несколько черных медведей. К вечеру они быстро удалились, так как к ним приближался громадный серебристый медведь. Указывая на него, проводник сказал владельцу ранчо:

— Это самый большой медведь во всем парке. Хорошо, что он смирный, а то могло бы произойти Бог знает что.

— Этот медведь смирный? — удивился владелец фермы.

Он внимательно смотрел на медведя, который шел своей обычной переваливающейся походкой и возвышался, как среди поляны копыта сена.

— Да ведь это Уэб с Мититсе! Самый опасный медведь в нашем крае!

— Вряд ли это тот, — сказал проводник. — Он бывает здесь у нас каждый год в течение июля и августа, и я уверен, что он живет где-нибудь поблизости.

— В течение июля и августа? Ну, так и есть, это Уэб! Как раз в это время он исчезает из наших мест, — говорил хозяин ранчо. — Вот посмотрите, он немного хромает на заднюю лапу, а на одной передней у него не хватает когтя... Так вот где он проводит лето! Однако я никогда бы не поверил, что старый буян умеет вести себя прилично вдали от дома.

Уэб стал знаменитостью Йеллоустонского парка. Только один раз он вел себя непозволительно. Это было в первый сезон его пребывания здесь, когда он еще не знал хорошо обычаев парка.

Как-то раз он подошел к гостинице и вошел прямо в парадную дверь. В передней он вытянулся во весь свой восьмифутовый рост и пошел к конторе.

Все постояльцы в ужасе разбежались. Уэб вошел в контору. Сидевший там конторщик сказал: «Если тебе так уж приспичило сидеть в конторе, — пожалуйста, уступаю», перескочил через стол и заперся в телеграфной комнате.

Отсюда он телеграфировал заведующему парком: «Старый медведь расселся в конторе и, как видно, собирается управлять гостиницей. Можно стрелять?» И телеграфно же получил ответ: «Стрелять в парке не разрешается. Действуйте пожарной кишкой». Конторщик так и поступил. Медведь, совершенно не ожидавший такого оборота дела, тоже перескочил через стол и пустился бежать из гостиницы. Он тяжело топал лапами, стучал по полу когтями. Заблудившись, он побежал к черному ходу и, проходя через кухню, успел стащить висевшую там четверть бычьей туши. Это был единственный его проступок, хотя он и еще раз нарушил мир в парке, но тут была виновата одна медведица, которая сама на него напала. Медведица эта принадлежала к породе черных медведей и славилась своей сварливостью. У нее был жалкий, болезненный медвежонок. Но она гордилась своим сыном и всегда была готова заступиться за него. А медвежонок, избалованный матерью, как и все балованные дети, был капризным задирой. Медведица была очень большая и свирепая и над всеми другими черными медведями легко брала верх, но, когда она вздумала прогнать старика Уэба, он дал ей такой шлепок, что она отлетела прочь, как мячик. Уэб погнался за нею и, наверно, убил бы ее, но медведица успела влезть на дерево. Ее несчастный медвежонок уже сидел на верхушке этого дерева и визжал от страха.

Этим и окончилось дело с медведицей. В будущем она уже старалась не затевать никаких ссор с Уэбом. И за Уэбом мало-помалу установилась репутация очень мирного медведя. Многие обитатели гостиницы даже думали, что он пришел из каких-нибудь отдаленных мест, где еще нет ни ружей, ни капканов, и потому он такой благонравный.

XIII

Всем известно, что серые медведи из Биттеррута — самые подлые медведи на свете.

Хребет Биттеррут расположен в самой недоступной части гор. Местность там всюду пересечена глубокими ущельями и поросла густым кустарником.

Верхом проехать там невозможно, стрелять очень трудно.

Там очень удобные места для медведей. Изобилие медведей и привело сюда множество звероловов.

«Лохматые», как называют биттеррутских медведей, — очень хитрые и смелые звери. Старый «лохматый» понимает в растениях и корнях больше, чем целый ботанический институт, а в капканах он смыслит больше, чем сотня охотников. «Лохматый» с точностью знает, где и когда именно водится та или иная порода червей или личинок. За целую милю чутьем он узнает, с чем идет на него охотник: с ядом, с собаками, с капканом, с ружьем или со всем этим вместе. И у «лохматых» существует общее правило, которое постоянно приводит в недоумение охотников: «Если решил что-нибудь сделать, так делай сразу и доводи начатое до конца».

При встрече с человеком «лохматый» мгновенно решает, напасть или бежать, и если уж бросится на человека, то бьет с ним насмерть.

Медведи из Бэдленда так не поступали. Они становились обыкновенно на дыбы и громовым голосом рычали. Охотник в это время успевал пустить пулю. К рычанию люди привыкли, но к пулям с мягким наконечником медведи привыкнуть не могли. Вот почему медведи в Бэдленде полностью истреблены.

«Лохматые» — дело другое. Никогда не предугадаешь, как поступит «лохматый».

Вообще биттеррутские медведи, как видно, очень хорошо научились избегать врагов и, несмотря на множество белых людей в этой местности, продолжают жить и размножаться.

Но всякая местность, конечно, может прокормить только определенное количество медведей, остальные же должны уходить на новые места. Вот так-то именно и случилось с одним молодым, проворным «лохматым». Он не мог оставаться там, где родился, и пошел по свету искать себе пристанища.

Он был не очень большого роста — иначе ему не пришлось бы уходить, — но достаточно хитер, чтобы хорошо устроиться где угодно. Он дошел до гор реки Солмег, которые ему не понравились; попал в колючие проволочные изгороди равнины Снейк и, конечно, ушел оттуда; случай помешал ему пойти к Йеллоустонскому парку, где он мог бы жить; ходил он и к горам реки Снейк, но там больше охотников, чем ягод; перебрался он и в Тетонские горы, но там его неприятно поразил кишачий людскими поселок Джексон-Хоул.

Это все пока не имеет отношения к истории нашего Уэба, но в конце всех этих путешествий «лохматый» перешел через хребет Грос-Вентр и вышел к верховьям реки Грейбули, то есть вступил через водораздел уже во владения серого медведя с Мититсе.

С тех пор как «лохматый» покинул Джексон-Хоул, он уже не встречал больше человека. Владения Уэба показались ему раем — столько там было разной пищи. Он с удовольствием лакомился всякими вкусными вещами, как вдруг заметил дерево с надписью Уэба: «Нарушители границ, берегитесь!»

«Лохматый» стал спиной к дереву и удивился: «Черт возьми, однако, какой громадный медведь!»

Метка носа Уэба приходилась на голову и шею выше самого высокого места, до которого мог достать наш медведь. Сделав такое открытие, другой медведь ушел бы из этих мест, но этот «лохматый» быстро понял, что здесь ему было бы очень хорошо жить, если бы только не громадный серый медведь. Он хорошенько обнюхал место, внимательно осмотрел, нет ли где медведя, и начал по-прежнему искать пищу.

В двух шагах от дерева с надписью Уэба торчал старый сосновый пенёк. В Биттеррутских горах под такими пнями «лохматый» часто находил мышиные гнезда. Теперь он тоже

вывернул пенё, но там ничего не оказалось. Пень покати́лся к дереву с меткой Уэба. В хитром мозгу «лохматого» быстро возник новый замысел. Он покрутил головой, посмотрел своими поросычьими глазками на пенё, потом на дерево, встал на пенё спиной к дереву и сделал свою собственную надпись на дереве. И надпись эта приходилась на целую голову выше надписи Уэба. «Лохматый» долго и крепко терся о дерево спиной. Потом он нашел грязную лужу, вымазал хорошенько в ней голову и плечи, влез еще раз на пенё и опять потерялся спиной о дерево. Получилась громадная метка на дереве, которая была к тому же подкреплена царапинами когтей на коре. Надпись «лохматого» была вызовом старому хозяину этих мест, вызовом на бой — смертельный бой за обладание этими благодатными местами. Пень, когда «лохматый» соскочил с него, откатился в сторону.

«Лохматый» пошел дальше вниз по ущелью, всюду зорко смотря, нет ли поблизости врага.

Уэб скоро заметил в своих владениях следы чужого медведя, и в нем мгновенно проснулась вся его бешеная свирепость. Миля за милей ходил он по следу врага, но «лохматый» был очень хитер, и ему удавалось не попадаться на глаза Уэбу. «Лохматый» подходил к каждому дереву с меткой Уэба и хитрил, стараясь поставить собственную метку выше.

Пользовался он для этого пнями, камнями, кочками: где чем удобно было. Если же попадалось дерево, где сплутовать уже совсем нельзя было, он не подходил к нему, а выбирал другое поблизости, возле которого торчал пенё или лежал камень.

И вскоре Уэб увидел, что всюду на деревьях, высоко над его собственными метками, поставлены метки каким-то чудовищным медведем. Уэб не был уверен, способен ли даже он справиться с таким гигантом. Однако Уэб, как и всегда, не трусил и готов был на бой с кем угодно. И каждый день он ходил по своим владениям и выслеживал врага. Каждый день находил он его следы, и все чаще и чаще попадались ему деревья с метками, стоявшими гораздо выше его собственных.

За последние годы зрение старого медведя сильно испортилось, отдаленные предметы сливались у него в глазах, и хотя часто Уэб слышал запах «лохматого», но увидеть его

ему не удавалось. Вообще Уэб уже был далеко не молод, когти и зубы его стерлись, притупились, и эта постоянно грозящая ему опасность очень беспокоила его. Старые раны болели теперь все чаще и чаще, и, хотя, если бы его вызвали, у него хватило бы отваги сразиться с кем угодно и даже с каким угодно количеством врагов, все-таки это постоянное напряженное ожидание и боязнь, что враг застанет его врасплох, сильно влияли на настроение и даже на его здоровье.

XIV

«Лохматый» тоже был всегда настороже. Он запутывал следы и всегда готов был бежать, зная, что встреча с Уэбом грозит ему смертью.

Часто ему приходилось, спрятавшись где-нибудь, наблюдать за гигантом медведем, боясь, чтобы ветер как-нибудь не выдал его присутствия. Его часто спасало только нахальство. Один раз он спасся от Уэба только тем, что вскарабкался вверх по узкой расселине, куда Уэб никак бы не мог протиснуть свое огромное тело. И с упорной настойчивостью он все метил да метил деревья, проникая все дальше и дальше во владения Уэба.

Как-то раз «лохматый» почуял серный источник и пошел к нему. Он не понимал, что это такое, и не заинтересовался источником. Однако «лохматый» обратил внимание на следы вокруг, оставленные Уэбом.

Увидя эти следы, «лохматый» прежде всего постарался наскрести побольше грязи в источник. На дереве, где чесался Уэб, он, взобравшись на выступ утеса, сделал свою собственную метку ровно на пять футов выше метки Уэба. Затем он слез с выступа и стал бегать взад и вперед, загрязняя ванну. В то же время «лохматый» зорко посматривал по сторонам. Вдруг из леса послышался шум, и «лохматый» замер на месте. Шум слышался все ближе и ближе, и вскоре «лохматый» ясно почувствовал ненавистный ему запах — запах Уэба. Тогда «лохматый» в ужасе побежал в противоположную сторону и спрятался между деревьями.

Уэбу последнее время нездоровилось. У него возобновились прежние боли в лапе, да к ним прибавились еще и боли в правом плече, где все еще сидели две пули. Уэб медленно

шел, хромая и подергиваясь. Вдруг нос Уэба почуял врага. В то же время он увидел следы на грязи. Следы принадлежали, как говорили глаза, небольшому медведю, но нос упорно твердил, что это следы медведя-исполина. К тому же он увидел дерево со своими метками, и выше этих меток были метки чужого медведя. Уэб чувствовал, что этот чужой медведь совсем близко и может появиться каждую минуту.

Уэб давно уже был нездоров и ослабел от боли. Он не хотел начинать смертельной схватки. Поэтому он, не воспользовавшись даже своей ванной, повернул обратно и поплелся в противоположную от источника сторону. В первый раз со времен детства Уэб уклонился от встречи с врагом.

Это была решающая минута в жизни Уэба. Если бы он и пошел по следам своего врага, то через каких-нибудь пятьдесят шагов он нашел бы его полумертвым от ужаса, скорчившимся, дрожавшим всем телом. «Лохматый» сидел около пня на лужайке, со всех сторон окруженной скалами. Эта лужайка была естественной западной, и здесь Уэб, без сомнения, мог бы прикончить своего врага. Даже выкупайся он в своей серной ванне, его сила и храбрость вернулись бы к нему, и если не сейчас, то в другой раз он все же встретил бы «лохматого» должным образом. Но Уэб повернул назад, и это решило его судьбу.

Уэб брел потихоньку, сильно прихрамывая, вдоль нижних отрогов Шошонских гор. Вскоре он почувствовал тот самый ужасный запах, который слышал уже много лет, но не понимал.

Но теперь этот запах доносился прямо оттуда, куда он шел. И Уэб наконец узнал, что запах исходит из небольшой голый лощинки, дно которой сплошь было покрыто скелетами и темными телами. Уэб теперь уже ясно чувствовал запахи разных зверей. Но это были запахи не живых зверей, а мертвых. Из расселины в скалах, в верхнем конце лощинки, выходил смертоносный газ. Этот газ, невидимый, но тяжелый, наполнял всю лощину и с ее нижнего конца выходил наружу. Это был отвратительный смрад: от него кружилась голова и хотелось спать. Уэб поспешил уйти и был очень доволен, когда снова вдохнул свежий запах соснового леса.

Позволив пришельцу завладеть серным источником, Уэб уже больше туда не ходил. Ревматизм его без лечения все

развивался, и с каждым днем Уэб становился все менее способным не только к борьбе с врагом, но даже к бегству.

Иногда все же, напав на след врага, Уэб чувствовал прежнюю отвагу и, испустив свое громоподобное рычание, ощущая сильную боль и прихрамывая, пускался по следу, чтобы разом покончить с ненавистным медведем. Однако ему никогда не удавалось догнать таинственного великана.

Бывало так, что Уэб угадывал приближение врага в такую минуту, когда находился в каком-нибудь неудобном для битвы месте. Тогда он откладывал битву до другого случая. Но когда условия для битвы были благоприятны, ему никак не удавалось подойти к «лохматому». Ведь известно, что преимущество на стороне того, кто выжидает.

Случались дни, когда Уэб чувствовал себя настолько плохо, что не мог и думать о битве, а когда ему было легче, враг прятался от него.

Вскоре Уэб заметил, что следы врага чаще всего встречаются в местах, наиболее богатых кормом. И Уэб в те дни, когда чувствовал себя неспособным к борьбе с врагом, стал избегать таких мест. Но так как он теперь почти всегда чувствовал себя скверно, то получалось, что он отдал пришьелцу лучшую часть своих владений.

Проходили недели. Уэб все собирался принять серную ванну, но не шел, и ему становилось хуже и хуже. Теперь у него постоянно кроме задней лапы болело и правое плечо.

От долгого ожидания битвы Уэб всегда был в напряжении. Постоянная тревога лишила его отваги, и теперь он думал уже только о том, как бы ему не встретиться с врагом до тех пор, пока ему не станет лучше.

Итак, первая маленькая уступка Уэба привела к окончательному отступлению. Уэб уходил все дальше и дальше вниз по реке, чтобы не встречаться с «лохматым». Каждый день он находил все меньше и меньше пищи. От постоянного недоедания Уэб стал слабеть.

Мало-помалу из всех владений Уэба ему остались только низовья Пайни. Это были как раз те места, где он жил когда-то со своей матерью и братьями. И жизнь его теперь очень напоминала жизнь маленького, беспомощного серого медвежонка, оставшегося без семьи. Может быть, теперь он тоже чувствовал бы себя иначе, если бы у него была семья.

Однажды утром Уэб, прихрамывая, тихо шел по обнаженной осиновой рощице. Он искал каких-нибудь корешков или червивых ягод, которыми брезговали даже белки и куропатки.

Вдруг он услышал, как вблизи с треском скатился камень, и вскоре до его носа донесся противный запах врага. Уэб быстро перешел через холодную, как лед, Пайни. В былое время он перескакивал через нее. От этой холодной ванны он почувствовал ужасные боли. Но, несмотря на это, он уходил все дальше и дальше. Куда же идти? У него была в запасе одна дорога — к человеческому жилью. Однако там еще задолго до его прихода поднялась такая суета, что он решил повернуть обратно.

Куда же идти? Приходилось, по-видимому, оставить все свои владения ненавистному пришельцу.

Уэб чувствовал, что он теперь потерпел окончательное поражение, что он низложен и изгнан из своих земель чужим медведем, слишком сильным, чтобы с ним можно было сразиться. И Уэб повернул на запад, уходя из своих владений. Его могучие лапы не имели прежней быстроты и силы, и потому теперь он тратил в три раза больше времени на каждый хорошо знакомый переход. Время от времени он оглядывался, чтобы узнать, не преследует ли его враг. Далеко впереди виднелись Шошонские горы. В этих мрачных, неприступных горах не было врагов, а за этими горами был Йеллоустонский парк. Вперед, вперед!

Уэб уже начал, пошатываясь, взбираться наверх, как вдруг его нос почувствовал запах оврага Смерти — той лошинки, которая вся была наполнена смертоносным газом и где все было мертво. Обычно Уэб уходил подальше от этого тяжелого запаха, но в этот раз его что-то влекло к нему. Овраг Смерти находился как раз на пути Уэба.

Он поднял вверх свою серую морду с длинной белой, развевающейся по ветру бородой. Этот тяжелый запах, прежде неприятный ему, вдруг показался каким-то странно манящим и сладостным. Уэб стоял и глядел вокруг. Далеко во все стороны, насколько хватало глаз, простиралась громадная область, когда-то всецело принадлежавшая ему, где властвовал он много-много лет и где никто не осмеливался встречаться с ним один на один.

Расстилавшийся перед Уэбом вид был очень красив, но Уэб думал сейчас не о его красоте. Он думал о том, как

хорошо было жить в этой стране, думал о том, что когда-то эта страна была его владением, а теперь он ее потерял, думал о том, что пропала его сила и он должен искать себе место, где мог бы спокойно пожить.

Там, за Шошонскими горами, есть такое место, где можно жить ему, теперь слабому и беспомощному, спокойно-спокойно, — это парк. Но может ли он туда дойти? Ведь парк так далеко... Зачем же идти туда? Вот здесь, в этой маленькой ложине, тоже можно найти покой и сон.

Уэб на мгновение остановился у входа.

Пока он стоял, смертоносные пары, подхваченные ветром, уже начали потихоньку свою работу. И мало-помалу засыпали пятеро его верных стражей: обоняние, зрение, слух, осязание и вкус. Вот и его нос, его верный руководитель с самого рождения, совсем перестал ему служить. Прошло еще несколько мгновений. Уэб продолжал колебаться. Но вот бывшее мужество всколыхнуло косматую грудь старика медведя, и он бросился в ложину. Удушливые пары нахлынули на него, наполнили все его огромное тело. Спокойно опустился изгнанник Уэб на голую, каменистую землю, опустил-ся и тихо заснул. И, засыпая, он чувствовал себя так хорошо, так бесконечно хорошо, как в тот далекий день на Грейбули, когда он уснул между косматыми лапами своей матери.

БУЙНЫЙ И КОЛЮЧАЯ ХОЛКА

Жизнь и приключения дикого кабана

I. Мать

Она была обыкновенной дикой свиньей из Южной Вирджинии — длинноногой и длиннорылой, с сильными плечами и крепко сбитыми боками. Ее острые белые клыки, хоть и короткие, могли навести ужас на любую собаку, вздумавшую усомниться в ее смелости. Летом она бродила на лужайках возле фермы Прунті, а зимой, когда пищи было мало, вполне корыстно предпочитала скотный двор. Кого только не заносило сюда подкормиться и припасами, и отходами!

Промелькнула ранняя весна, наступило ясное лето. О его приходе возвестили по установившейся традиции кардинал и дрозд, а на низком берегу реки появились его гонцы — сон-трава и пролеска. Колючая Холка вышла из хлева, мигая белесыми глазками. Задумчиво обнюхав землю, она прошла мимо кучки зерна, которое, несомненно, чуяла и еще вчера проглотила бы с жадностью. Ей было явно не по себе; она обнюхивала землю, пока не достигла ручья и не напилась вволю. Переваливаясь с боку на бок, Колючая Холка перешла ручей вброд и направилась в лес. Она настороженно прислушивалась и оглядывалась, а потом вдруг вернулась и пересекла ручей еще в двух местах: так поступают дикие свиньи, чтобы избежать погони. Она брела все дальше и дальше, пока не увидела в глубине тенистого леса дерево, вырванное с корнем. Видно, она была здесь не в первый раз: судя по слою травы и листьев, она заранее приготовила себе ложе. Обнюхав его, Колючая Холка принялась снова собирать траву, замирая как вкопанная, стоило ветру донести

какой-нибудь незнакомый звук. Дважды Колючая Холка порывалась уйти, но каждый раз возвращалась и неловко укладывалась в свое гнездо.

О, мать-природа, ты так сурова к материнству в городах, где отовсюду можно ждать помощи, ты так добра к лесной твари, которая должна вынести это испытание в одиночестве, благословив ее и силой, и быстрым разрешением от бремени!

Когда солнце заглянуло на рассвете под старый сучковатый корень, его взору предстали поросята, прильнувшие к матери — живому барьеру, отгородившему их от внешнего мира. Младенчество всегда прекрасно. Те, кто считает свиней живым воплощением всех пороков и неопрятности, подивились бы красоте этих малышей, совершенству материнской любви. Колючая Холка не размышляла о том, какие у них милые круглые тельца, как нежна их кожица, просто с приливом новых сил она все больше привязывалась к своим поросяткам.

Малыши крепили и постоянно хотели есть; отталкивая друг друга, они тыкались пяточками в ее тело, и двойной ряд пятчиков удваивал материнскую радость. Пока дети еще не могли следовать за ней, Колючая Холка неохотно отлучалась от них даже на короткое время, чтобы подкормиться и сходить на водопой, и возвращалась по их малейшему зову. Обычно главное место в ее жизни зимой занимал скотный двор, но желание укрыть своих малышей от чужих глаз заставило молодую мать увести их подальше, в глубь леса, как только они начали бегать. И задорная веселая ватага, перерывшая рыльцами-буравчиками все вокруг, вскоре набралась сил и удивительных знаний о лесных запахах.

Лес в мае изобилует пищей. У каждого раннего цветка был корень-луковица — очень сытный корм. А если среди них попадались ядовитые растения, то добрая мать-природа позаботилась отметить их дурным запахом, необычным вкусом, колючкой, своего рода предупреждением лесному кабану, и сделать их неприятными остроконечным вопрошающим рыльцам веселой хрюкающей компании. Они познавали жизнь на своем опыте.

Колючая Холка еще кормила поросят молоком и целыми днями искала съедобные корни и ела. Как только она пере-

ходила на новое место, поросята бросались его обнюхивать. Мать считала, что корни, оставшиеся в земле после расчистки, — самый лучший корм, и поросята, обнюхав их, выражали свое одобрение. Вдруг какое-то странное жужжащее крылатое существо с желтыми полосами опустилось на лист возле самого носа симпатичного рыжеголового поросенка. Рыжеголовый тронул его острым рыльцем, и тогда неизвестное существо — рыжеголовый даже не мог взять в толк, что он сделал, — но как это было больно! Пискнув «уи!», бедняга побежал к матери. Он вздыбил крошечные щетинки на загривке и принялся быстро-быстро клацкать маленькими, похожими на лисьи, челюстями, пока на них не показалась пена, клочьями повисшая на щеках. Прошел день, минула ночь, и лишь тогда боль отпустила маленького буйного поросенка. Незнакомец не причинил ему серьезного вреда, но Буйный его запомнил.

Семья бродила по лесу неделю или немногим более того, как вдруг произошло событие, показавшее, как сильно изменился нрав Колючей Холки с тех пор, как она стала матерью. Шумные гулкие звуки слышались вдалеке. Мать сразу поняла, что это шаги приближающихся людей. Бывало, на скотном дворе такие звуки означали скорую кормежку и радовали Колючую Холку, но теперь она думала только о своих малышах. Для них эта встреча могла обернуться бедой, и молодая мать тихо произнесла «ууф». Сердца поросят забились от страха: они никогда раньше не слышали такого приказа. Когда мать быстро пошла прочь от этого места, поросята, спотыкаясь, молчаливой гурьбой последовали за ней. Первым шел Буйный. Пусть это был лишь незначительный эпизод в их жизни, но он явился поворотным пунктом: с тех пор Колючая Холка и ее поросята порвали со скотным двором и его обитателями.

II. Лизетта и медведь

Лизетте Прунטי уже исполнилось тринадцать лет, и она не боялась ходить одна далеко в горы. Июнь заманивает в лес сладкой земляникой, и Лизетта отправилась за ягодами.

Почему это всегда кажется, что впереди больше ягод, что они там и крупнее, и ярче тех, что вокруг тебя? Лизетту тянуло вперед и вперед, и она ушла очень далеко от дома. Вдруг по полуму дереву забарабанил дятел. До чего же громко он стучал! Лизетта остановилась с открытым от изумления ртом. И пока девочка слушала барабанную дробь дятла, раздался другой звук — шумное пыхтящее «уфф, уфф». Кусты раздвинулись, и оттуда вышел огромный черный медведь. Лизетта испуганно охнула, медведь остановился и, поднявшись во весь свой огромный рост, запыхтел еще громче. Бедная Лизетта помертвела от ужаса. Она потеряла голос и будто приросла к месту. Зверь тоже стоял неподвижно и смотрел на девочку.

Послышался новый шум — гулкое хрюканье, сопровождаемое визгом. По-прежнему не в силах двинуться с места, Лизетта повернула голову в ту сторону, откуда раздавался шум. Медведь тоже обернулся. Высокая трава раздвинулась, и Лизетта увидела старую знакомую Колючую Холку, давно исчезнувшую со скотного двора, и ее милое визгливое потомство.

Медведь очень редко нападает на ребенка и редко упускает случай задрать свинью. Чудище опустилось на все четыре лапы и бросилось на мать и ее малышей.

Яростный боевой клич матери мог вселить ужас в кого угодно, но медведь не испугался. У Колючей Холки были острые клыки, мощные челюсти, крепкие ноги, бока, защищенные кожей двойной толщины, колючая щетина и сердце любящей матери. Она, не дрогнув, в упор глядела на врага. Малыши, визжа от страха, прижимались к матери — кто сбоку, кто сзади, и лишь малыш Буйный стоял, бесстрашно задрав голову, и наблюдал за врагом.

Воинственный пыл Колючей Холки, полной решимости защитить своих детей, произвел впечатление и на медведя. Он зашел сзади, но снова увидел прямо перед собой клыки. Колючая Холка отступила в кусты и теперь могла ожидать лишь лобовой атаки. Медведь нерешительно топтался возле кустов, не отваживаясь наброситься на свинью. Воспользовавшись его

замешательством, мать сама ринулась в бой. Она разорвала ему клыками одну лапу, прокусила другую, но медведь наел на нее всей своей огромной тушей, а уж в свалке медведя не одолеть. Оглушив свинью мощным ударом, медведь разорвал ей бока, раздробил ногу. Потом стиснул Колючую Холку в могучем объятии так, что она стала задыхаться, и пропорол ей брюхо когтями задних лап.

Увидев трагический исход схватки, Лизетта наконец опомнилась и побежала домой.

III. Найденный

— Отец, это был такой ужас! Прямо возле речки Когар. Я тебя за полчаса туда доведу!

Отец Лизетты отправился за ней, прихватив ружье и собаку, и вскоре они вошли в земляничное царство близ речки Когар. Подойдя поближе, они увидели грифов, кружащихся над лесом. Лизетта отыскала место гибели Колючей Холки. Медведь задрал ее и успел полакомиться свининой. Под телом матери и возле нее лежали поросята, убитые одним ударом могучей жестокой лапы.

Прунти ругался при виде каждой новой жертвы, а Лизетта плакала. Вдруг собака залилась лаем, обнаружив что-то под кустом. Прямо перед псом храбро стоял маленький рыжеголовый поросенок, грозно клацая крошечными челюстями, пока на них не показалась пена. Он с визгом бросал вызов новому чудовищу.

— Ага, один все-таки спасся! — воскликнул Прунти. — Какой молодец!

И пока малыш Буйный героически выдерживал натиск собаки, отец Лизетты пробрался через куст сзади и, ухватив поросенка за заднюю ногу, поднял его. Малыш протестующе визжал и клацал челюстями, когда фермер засовывал его в охотничью сумку.

— Бедняжка, весь пяточок ободран, и голодный, наверно. Боюсь, такой малец не выживет, — сказал отец.

— Можно я возьму его себе? — взмолилась Лизетта. — Уж я-то его выхожу.

Она тут же получила разрешение. А Прунти отнес на место гибели Колючей Холки огромный медвежий капкан

и установил его возле жертвы. Но туда попал лишь незадачливый гриф. Медведь с реки Когар был слишком хитер, и его не удалось провести таким образом. Грифы, насекомые и растения совместными усилиями скрыли следы трагедии.

IV. Кабан, утенок и барашек

Бедный Буйный! Голодный, беспомощный, с саднящей раной на рыльце, оставленной медвежьими когтями, он не понимал, что Лизетта — его друг, и угрожающе клацал своими безобидными челюстями. Девочка поместила его в коробку, заменившую ему отныне целый мир. Она промыла ему рану на рыльце, принесла теплого молока на блюдечке. Но Буйный не умел пить таким способом. Шел час за часом, а он все лежал без движения, всем видом выражая отчаяние. Тогда Лизетта принесла бутылку с соской. Буйный с визгом опрокинул бутылку и снова заклацал челюстями, но сильные руки спеленали его и сунули соску в открытый рот. Молоко было теплое и сладкое, а поросенок так голоден! И он принялся сосать из бутылки, как любой другой младенец, а когда бутылка опустела, надолго погрузился в сладкий целительный сон.

Когда помогаешь кому-нибудь, невольно проникаешься любовью к этому существу, и конечно же Лизетта очень привязалась к маленькому поросенку. Но она оставалась для него лишь большим опасным зверем, и он ее ненавидел. Впрочем, это длилось недолго: Буйный был смышленным поросенком и, прежде чем хвостик у него стал закручиваться, сообразил, что «Лизетта» означает «пища», и сам поднимался навстречу девочке. Потом он обнаружил, что Лизетта-пища всегда является на его визг, и с тех пор ежедневной практикой развил у себя зычный голос.

Через неделю пугливость найденныша как рукой сняло, и ему отвели место в хлеву. Через месяц Буйный стал ручным, как котенок, и больше всего любил, когда ему чесали спинку. Рана у него на рыльце зажила, хоть уродливый шрам остался навсегда.

Вскоре у Буйного появились два приятеля — утенок и барашек, очень странные существа. Сначала поросенок, мор-

гая белесыми ресницами, смотрел на них с подозрением и ревностью, но потом оказалось, что спать с ними вместе очень приятно: они согревали его. Потом он изобрел способ играть с новыми приятелями. Барашка удобно было дергать за хвост, а утенка можно было толкать пяточком.

Теперь место в хлеву казалось поросенку тесным, но во дворе он резвился вволю. Здесь, в зарослях сорной травы, маленький поросенок бегал, кормился, дразнил приятелей и прятался от приемной матери. Да, ей частенько приходилось звать его долго и напрасно. Не дождавшись ответа, она принималась озабоченно обшаривать все вокруг и натывалась на маленького плута, укрывшегося под лопухом.

Увидев, что его обнаружили, Буйный выскакивал из укрытия, отчаянно хрюкая, и, увертываясь от Лизетты, носился кругами, как щенок. Устав от игры, он сдавался хозяйке на том условии, что она почешет ему спинку.

Сколько цирков демонстрировало удивленной публике ученую свинью — существо, наделенное феноменальным для животного мира разумом, но о глупом человеке мы говорим: «Глуп, как свинья». Это доказывает лишь то, что свиньи бывают разные. Много среди них и глупых, но в целом они обладают большими возможностями, и иные особи по своему интеллекту занимают одно из первых мест в животном мире. А среди свиней на самом последнем месте — жирные племенные свиньи — свиньи с образцовых ферм, а на самом первом — дикие кабаны, живущие своим умом.

Скоро стало ясно, что Буйный и среди своих диких сородичей мог бы занять одно из первых мест. Чрезвычайно сообразительный поросенок, он обладал своеобразным чувством юмора и был искренне привязан к Лизетте. Стоило ей резко свистнуть, как он сломя голову мчался к ней через весь двор. Порой на него находила блажь, тогда он прятался и ждал, чтоб его искали.

Однажды Лизетта чистила туфли каким-то диковинным французским гуталином. Высыхая, он придавал обуви особый глянец. В этот день Буйный особенно старался быть на виду. Он толкнул барашка на утенка, трижды обошел вокруг Лизетты и, поднявшись на задние ноги, водрузил передние

на скамеечку возле Лизетты, коротко и жалобно хрюкнув, что на его языке означало:

«Дай и мне, пожалуйста!»

Но Лизетта откликнулась на его просьбу самым неожиданным образом — она наваксила ему копытца, и они из розовых стали черными и блестящими. Приятная щекотка этой процедуры понравилась поро-

сенку, и он не двинулся с места, пока она не закончилась. Потом он с самым серьезным видом обнюхал сначала правую, потом левую ногу и одобрительно хрюкнул. Французский глянец быстро сошел из-за постоянной беготни, и, как только Лизетта снова взялась за гуталин и щетку, Буйный был тут как тут. Он принюхался к странному запаху и снова подставил копытца. Наверное, эта процедура пришлась ему по душе, и с тех пор каждый раз, когда Лизетта чистила туфли, он являлся и подставляя свои копытца для окраски и полировки.

V. Буйный — защитник

Есть ли у животных «совесть»? Смотря что вы понимаете под этим словом. Если способность понять, что нарушение запрета влечет за собой наказание, то все животные имеют «совесть», сообразную с их умственными способностями. Буйный, смысленный от рождения, почуяв за собой вину, вершил суд над собой — сам себе и судья, и присяжные, и прокурор, и свидетель.

Ему запрещалось дразнить барашка — безобидного кучерявого глупышку, и утенка — еще более глупого. Он понимал: его бранят и стегают прутиком за то, что он обижает своих приятелей, и усвоил, что игра, доставляющая ему удовольствие, считается плохой. Не раз, когда он, развеселившись, гонял кучерявого или сталкивал пушистый комочек в пахту, раздавался резкий свист. Это давала о себе знать хозяйка, и маленький поросенок с виноватым видом бежал прятаться в кусты. Несомненно, ему было известно.

Однажды утром Лизетта выглянула во двор и увидела, что Буйный стоит, притаившись и склонив голову набок, а кончик хвоста у него чуть-чуть подрагивает. «Не иначе как замыслил какую-то шалость», — подумала девочка и собралась свистнуть, но повременила, решив удостовериться в своей правоте. Барашек дремал под небольшим навесом. Вдруг из травы, крикнув, выбежал утенок и спрятался возле барашка. Кучерявый вздрогнул и фыркнул со сна. И тут из сорняковых зарослей с шумом выскочил злобный щенок и с торжествующим лаем напал на беззащитного утенка. Барашек тоже перепугался, и вконец расхрабренный щенок набросился и на него.

— Тяв, тяв, тяв!

Какой отвагой преисполняется собака при виде беспомощной или бегущей жертвы! Утенок испуганно кричал, барашек блеял, а шавка, опьяненная успехом, жаждавшая наивысшего собачьего торжества, вцепилась в утенка, клочьями вырывая у него из хвоста пух и перья, готовая вот-вот разорвать его на части. Но тут послышался другой звук — прерывистое хриплое ворчанье — боевой клич дикого кабаньего племени. Мы называем эти звуки хрюканьем, потому что их издает свинья, но, если речь идет о леопарде, те же звуки величают рыком. Так вот Буйный рычал, прибежав на поле боя. Каждая щетинка у него на загривке стояла дыбом, маленькие глазки горели зеленым огнем. Челюсти, вооруженные острыми клыками, зловеще клацали, пока щеки не покрылись пеной. Это было объявлением войны. Умный противник сразу понял бы, что дикий зверь, дремавший в душе поросенка, проснулся.

Думаю, дело тут было не в любви Буйного к утенку, а в вековой, глубоко укоренившейся ненависти к ВОЛКУ — страшному зверю, который разоряет твой дом. Огонь души храброго бойцовского племени горел в глазах поросенка. Память о боях, которые вели предки, воспламеняла кровь. Буйный кинулся на пса. Задира опешил. Он, ликуя, волочил утенка за крыло, когда на него обрушилась эта лавина поросячей ярости. Она была колючая, эта лавина, она сбила его с ног и оцарапала до крови. И щенок, который только что заливался победным лаем, завизжал, заскулил, признавая свое поражение. Буйный продолжал наседать на него. Щенок кинулся наутек. Его пасть была забита перьями, он

вопил, бегая вокруг навеса, а Буйный гонялся за ним по пятам, пока тот не скрылся в сорняковых зарослях. Ни одна дворняжка с жестянкой на хвосте не наделала бы столько шума и не умчалась бы с таким ошалелым видом. Никто не заметил, как щенок перемахнул через забор и куда скрылся.

Слышен был лишь лай, замирающий вдали. На ферме щенок больше не появлялся.

Лизетта и ее отец диву дались, глядя, какую штуку выкинул маленький поросенок, а потом бурно обрадовались посрамлению обидчика, его позорному бегству от храбреца Буйного. Сначала Лизетта поглядывала на него с опаской, но теперь перед ней был не разъяренный демон, а забавный резвый поросенок. Не успела Лизетта подумать, что он может сейчас учинить и как ей отнестись к его выходкам, Буйный уж поставил передние ноги на скамейку, чтоб ему навели глянец на копытца, и так крепко прижался к ним пяточком, что пришлось наваксить и пяточок.

Лизетта утверждала, что с тех пор Буйный перестал дразнить своих приятелей. Так оно и вышло, потому что утенок вскоре подрос и ушел вперевалочку за другими лапчатыми к озеру, а дружба с барашком прервалась самым неожиданным образом.

VI. Вредный старый медведь

Подобно тому как встречаются одинокие бродяги среди слонов, тунеядцы среди бобров, отвратительные тигры-людоеды, бывают отщепенцы и среди медведей — преступные типы, враждующие со всем миром. Развращенные злодеи, они находят удовольствие в разрушении. Но рано или поздно находится сильный враг, который учиняет расправу и над ними. Одним из этих злодеев был медведь с реки Когар. Было известно, что семьи он никогда не имел и шатался в окрестных

лесах, потому что соплеменники прогнали его с гор. Так он попал в долину Мэйо, где медведи почти не водились, и занялся разбоем — крушил заборы, сарайчики, вытапывал посе́вы пшеницы, — просто из желания разрушать.

Большинство медведей питается растительной пищей, предпочитая ягоды и сладкие корешки; некоторые медведи всеядны, но у когарского медведя был извращенный вкус: он питался только мясом. Любил побаловаться телятиной, но остерегался коров и особенно быков. С наслаждением разорял птичьи гнезда — это было так просто! Не ленился полдня провозиться у дупла, чтобы добраться до семейства белок-летяг.

Сначала ему было все равно, каким мясом питаться, и он не раз пожирал медвежат, отбившихся от матери. Но потом он пристрастился к свинине. Готов был хоть на край света тащиться за откормленной свиньей. Изловив жертву, он продлевал ее мучения. Разумеется, медведь предпочитал расправляться с беззащитными поросятами и был несказанно удивлен, когда мать Буйного вступила с ним в схватку. Он всегда считал небольших свиней вроде нее легкой добычей. Злодей выместил злобу на поросятах, но еще много дней спустя выл от боли и хромал. Теперь он избегал кабанов и охотился на зайчат и прочих безобидных зверьков. Но стоило ранам затянуться, как он позабыл урок того злополучного дня и снова решил полакомиться свининой.

У медведя был изумительно тонкий нюх. Ветер, точно беспроволочный телеграф, нес ему сообщение за сообщением. От него требовалось лишь чуть вникнуть в суть дела, чтобы обнаружить сообщение особой важности и отправиться в указанное место за поживой.

Медведь бродил неподалеку от фермы Прунти, когда на рассвете повеял легкий ветерок и принес сладостный волнующий запах поросенка. Медведь пошел на этот запах, мотая черной головой, чтобы другие запахи не сбили его с невидимого курса.

Можно лишь поражаться тому, как тихо идет по лесу медведь. Самые крупные и грузные из них скользят, точно тени. Когарский злодей быстро и бесшумно подошел к ферме Прунти и, влекомый запахом Буйного, приблизился к маленькому загону, где спал поросенок, уткнувшись головой в мохнатую спину барашка.

Быстро осмотрев забор, медведь не нашел лаза и стал карабкаться вверх. Забор не был рассчитан на такую тушу. Одна из досок подалась, сломалась и упала. Медведь оказался в загоне. Если б Буйный был медлительней, а барашек поворотливей, все могло бы обернуться иначе. Но когда медведь ринулся вперед, Буйный успел отскочить в сторону, а барашек замер на месте, и тяжелый удар медвежьей лапы навсегда лишил его возможности двигаться. Буйный убежал через дырку в заборе и скрылся в лесной чаще.

К ферме медведь подобрался бесшумно, но треск забора, блеяние барашка, тяжелый удар лапой, хрюканье убежавшего поросенка встревожили обитателей фермы, которые обычно поднимались в это время. Прунти увидел большого черного медведя, перелезавшего через забор с барашком в зубах.

Тут-то и начался настоящий переполох: к ферме сбегались соседи, подзывая собак, и вот уже Прунти с ружьем на изготовку бросился в лес преследовать вора.

Как неповоротлив и неуклюж медведь в клетке! Нам трудно представить, глядя на него, как стремительно несется свободный дикий зверь по неровной местности. И заросли ежевики, и валуны, и крутые горки — все это помеха для собак, но не для скорого на ногу медведя. Добежав до реки, медведь бросился в воду, намереваясь пересечь реку. Сильное течение подхватило его и понесло вниз. Ему нравилось грести по течению, глядеть на проплывающие мимо берега, и он лениво скользил по воде, пока собачий лай не замер где-то далеко позади; тогда медведь вылез на другом берегу. Собаки бестолково суетились у воды, потеряв след. И на другом берегу охотники ничего не нашли. Медведь таинственно исчез. На обратном пути они подобрали у дороги мертвого барашка.

VII. Болото

Эта погоня была хорошей встряской для мужчин и доставила бешеную радость собакам. Одна лишь Лизетта переживала горечь потери, снова и снова осматривая загон. Убедившись, что поиски напрасны, она довольно долго шла по следам охотников, пока не повстречала на своем пути топкое

болото. Лизетта была совсем одна. Идти через болото было опасно. Она прислушалась, а потом трижды резко свистнула. Послышался хлюпающий звук, потом всплеск, от которого у нее мурашки побежали по коже: уж не медведь ли? Но что это? К ней подбежал зверь непонятной формы, весь облепленный грязью. Сквозь грязь проглядывали маленькие мигающие глазки и нечто под ними, издававшее дружелюбное «хрю-хрю». Лесной бродяга стряхнул с себя грязь, поставил передние ноги на поваленное дерево и молча ждал, когда же ему наведут глянец на копытца. Поросяенок успокоился, когда Лизетта, выполняя заключенное между ними соглашение, почесала ему палкой спину.

VIII. Острое чутье

Только человек, любящий и понимающий животных, чуткий к запахам, может понять их магическую власть. Воспоминания о них могут вызывать радость или причинять боль.

Буйный почти позабыл и раннее детство, и смерть матери, но нос его не забыл запаха медведя и сразу же пробудил в нем страшные воспоминания. Поросяенок кинулся прочь с фермы и не сразу отозвался на привычный зов. Но теперь страх понемногу отпускал его. Храбр не тот, кто не знает страха, а тот, кто умеет его преодолеть. Поросяенок буйно выражал свою радость — то носился вокруг Лизетты круга-

ми, продираясь сквозь кусты, то останавливался как вкопанный посреди тропы, наклонив голову, посверкивая глазками, пока Лизетта не нападала на него с палкой. Тогда он мчался во весь опор, выделявая на ходу замысловатые фортели, весело и коротко фыркая, что на пороссячем языке означало:

«ха-ха-ха». Так они подошли к ферме, и вдруг веселость Буйного как рукой сняло. Он сделал стойку, точно пойнтер, ощетинился, в глазах его загорелись зеленые огоньки, а челюсти, вооруженные клыками, заклацали. Лизетта подошла поближе, чтобы погладить друга, но он отскочил в сторону, не переставая клацать челюстями, пока изо рта не повалила пена. Девочка догадалась, в чем дело: они пересекали свежие медвежьи следы, от них разило ужасным запахом зверя.

Но Лизетта не уловила перемены. В поведении Буйного уже не было панического страха. И его боевая поза, и грозное «уф!», и обнаженные клыки, и горящие глаза — все выдавало в нем дикого кабана, готового к бою, хоть ему предстояло еще расти и расти. Лизетта не догадывалась, какую роль сыграет в ее судьбе бойцовский характер Буйного. Но минуло всего два лунных месяца, и ее собственной жизни угрожала смертельная опасность. Ей неоткуда было ждать помощи, и ее единственным защитником оказался отважный маленький зверь, вооруженный лишь двумя белыми клыками, чье сердце не поддавалось страху.

IX Гремучая змея

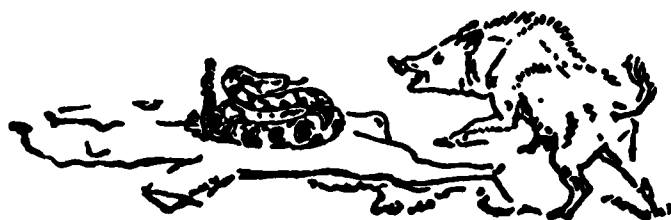
Октябрь еще летний месяц в Южной Виргинии, хоть и отмеченный легкими красноватыми мазками осени. Лизетта, полная романтических грез и отнюдь не чуждая любви к приключениям, отправилась к излучине реки Когар — искупаться в тихой заводи. Здесь надежно укрытая от посторонних глаз, она, не колеблясь, разделась донага и нырнула в прохладную воду, испытав удовольствие, доступное лишь молодости — прекрасной поре утра жизни и здоровья. Лизетта приплыла к песчаной отмели посреди реки и подставила спину солнечным лучам. Вдоволь погревшись на солнышке, она снова нырнула в воду и поплыла к тихой заводи внизу, где оставила свои вещи. На полпути ей открылось зрелище, от которого кровь застыла в жилах. На ее белом платье, свернувшись в клубок и угрожающе подняв голову, лежала гремучая змея, гроза гор, лесов и водоемов. Дрожа от страха, Лизетта вернулась к отмели. Что ей оставалось делать? Мальчишка на ее месте набрал бы камней и прогнал

змею прочь, но на отмели не было камней, да Лизетта и не смогла бы бросить камень так далеко.

Она не решалась звать на помощь: мало ли кто мог явиться на ее зов, и все больше поддавалась страху и отчаянию. Прошел час, но змея не двинулась с места. Лизетте негде было укрыться от солнца, и ее уже мучили ожоги. Вот если б отец пришел на выручку! Может, он услышит ее свист? Сунув два пальца в рот, она свистнула, как принято у женщин на юге. Сначала у нее это плохо получалось, но раз от разу свист становился все сильнее и отзывался эхом в лесу. Если отец услышит, он все поймет и прибежит на помощь. Девочка напрягала слух, пытаясь уловить хоть какой-нибудь ответный звук.

Змея по-прежнему лежала неподвижно. Прошло еще полчаса. Солнце палило немилосердно. Лизетта снова протяжно свистнула и на этот раз уловила какой-то шум в лесу.

Шум приближался, и она попыталась хоть как-то укрыться, зарывшись в песок. Змея не шевелилась. Кусты над крутым берегом раздвинулись, и Лизетта успела заметить темную движущуюся фигуру. Первой ее мыслью было — медведь. И вдруг сердце Лизетты дрогнуло. Вдоль берега быстро бежал

малыш Буйный, впрочем не такой уж он был маленький. «Буйный, Буйначок, если б ты только помог мне», — подумала Лизетта и тихо свистнула.

К заводи, где на песчаном пятачке лежало ее платье, сбегала лишь одна тропинка. Перепрыгивая через бревна и низкий кустарник, молодой кабан бежал к воде. Он достиг песчаного пятачка у заводи и внезапно оказался лицом к лицу с шипящей, шуршащей, извивающейся смертью. От неожиданности оба отскочили в разные стороны, приготовившись к бою. Щетинистая холка на спине у кабана встала дыбом,

глаза загорелись огнем, и он грозно заклацал челюстями. Глубокая ненависть к змее вскипала в его душе, пробуждая в нем воинственный пыл.

Вы слышали когда-нибудь короткий рык, вырывающийся из груди кабана накануне схватки? Этот боевой клич наводит ужас на врага, чувствующего, что угроза подкреплена силой и отвагой, даже если боевой клич испускает юнец с острыми шипами вместо клыков. Трижды издав свой рыкающий боевой клич, кабан пошел на врага. Он казался вдвое больше от поднявшейся дыбом щетины. Поблескивающие глазки сверлили врага. Обеспечивая себе надежную позицию, Буйный встал между змеей и водой, невольно отрезав ей всякий путь к отступлению. Лишь мать-природа могла научить его, как действовать, а она — идеальный учитель. От укуса змеи нет спасения. Змея кусает с молниеносной быстротой. Ее яд, попав в кровь, несет смерть любому маленькому зверю; он тут же разносится по всему телу, не проникая лишь в щеки и плечи кабана, и Буйный приближался к змее, инстинктивно подставляя эти неуязвимые места.

Хвост гремучки жужжал, как прялка, а язык, танцуя, будто поддразнивал врага. Молодой кабан в ответ постукивал клыками-ножами, отрывисто, словно кашляя, фыркал и, осторожно приближаясь к змее, стремился вызвать ее удар на себя с далекого расстояния. Казалось, оба, хоть и новички, прекрасно знают правила игры. Змея понимала, что рискует жизнью. Она плотнее стянула свои кольца, не сводя с врага зловещего завораживающего взгляда. Обманное движение, еще одно обманное движение, ответный финт кабана и — дзинь! Отравленное копьё брошено. Успел ли Буйный увернуться? Увы, это не удастся никому. Буйный почувствовал, как копьё вонзилось ему в щеку, и в тот же момент рану покрыла отвратительная желтая пена. Но змею мгновенно настиг ответный удар. Молодые сильные клыки вонзились в горло гремучки и подбросили ее вверх; не успела ядовитая гадина очнуться и отползти в сторону, как Буйный принялся, фырая, топтать ее копытцами. Он распорол ей брюхо, раздробил голову, непрерывно щелкая зубами, пока вся его морда не покрылась пеной. Грозно рыкая, он не прекращал расправы, пока от смертоносной гадины остались лишь дурно пахнущие чешуйчатые ошметья, втоптанные в грязный песок.

— Буйный, Буйначок, спаси тебя Бог, — только и смогла вымолвить Лизетта.

Теперь путь был свободен. Десяток сильных гребков, и она была у заводи, где стоял Буйный.

А с кабаном тем временем творилось неладное: он носился вокруг Лизетты странными скачками. Она опасалась, что ее спаситель вот-вот упадет бездыханный, но потом с радостью и облегчением вспомнила рассказ отца о том, что свиньи нечувствительны к страшному змеинному яду.

— Если б я знала, как отблагодарить тебя, — сказала она простодушно.

Буйный же прекрасно знал, как это можно сделать, и тут же подставил ей спину, как бы прося: «Ну почеши!»

Большей награды ему и не требовалось.

Х. Лесные лекарства

Болеют ли дикие звери? Увы, нет никаких сомнений — они испытывают те же муки, что и мы. Им известно несколько целебных средств, которые помогают сильным, но слабым спасения нет.

Какими же лекарствами они пользуются? О, это хорошо знает любой лесной житель — и охотник, и лесник: солнечные ванны, купание в холодной воде, теплые грязевые ванны, голодание, водолечение, очищение желудка рвотными и слабительными средствами, изменения в диете, перемена места, отдых и массажирование языком ушиба или открытой раны.

Вы спросите, какой врач определяет длительность процедур и их количество. И то, и другое определяется лишь потребностью организма. Принимай любое средство и в любом количестве, пока оно тебе приятно. Если же лекарство надоедает или вызывает болезненные ощущения, организм сам подскажет: достаточно! Вот и вся лесная медицина, известная любому лесному жителю. Это то, что в каждом поколении заново открывается каким-нибудь пророком рода человеческого. Назови он эти средства простыми именами, его засмеют, а стоит ему дать им латинские названия — и он великий ученый, а международные премии так и сыплются на него.

В долину Мэйо пришла осень, и по реке Когар к югу поплыли тысячи сказочных желтых корабликов. Тук, тук, тук — застучали по всему лесу падающие орехи. Орехи — самая сытная лесная пища, и Буйный каждый день наедался ими до отвала. И разумеется, он гонялся за бабочками, играл, притворяясь, что подрывает какое-нибудь могучее дерево, — подгибал передние ноги, мотал головой, разрывая клыками дерн, потом вскакивал и, пробежав несколько ярдов*, застывал на мгновение, точно статуя. Буйный наслаждался своей силой, чувствовал, что крепнет с каждым днем. Когда с деревьев опали последние листья, он, хоть и не набрал еще большого веса, уже походил на взрослого кабана с мощными челюстями и ногами. Дыра в заборе в тот трагический день открыла ему путь в большой мир. Он уже не был обитателем загончика — Буйный стал жителем Виргинии.

Как-то раз кабан обнаружил ползучий земляной орех на торфяном болоте. Добравшись до плодов, его пяточок одобритительно отметил: вкусно. И он смутно вспомнил, как мать, бывало, ела нечто обладавшее похожим запахом. Эти орехи были еще вкуснее тех, что росли на деревьях. Лакомясь орехами, Буйный нагуливал жир. Потом он выкопал с детства знакомый корень, обжигающий язык. По старой памяти он не стал пробовать его, а просто отшвырнул в сторону вместе с другими. Хоть корень был большой, толстый и приятный на вид, Буйный хорошо знал, что его следует остерегаться. Набив как следует брюхо, кабан взбежал на солнечный пригорок и, удовлетворенно хрюкнув, плюхнулся боком на подстилку из листьев легко и просто, как водится у свиней.

— Рою рылом, рою рылом! — крикнула пролетавшая мимо голубая сойка. Оливковый тиран ловил мух прямо над ухом у кабана, а мышка проползла по его наполовину прикрытой листьями ноге. Буйный сладко спал.

Вдруг тишину нарушили странные звуки, доносившиеся издалека, — зычный рев, скулящий вой: «Уах, уах, уау, у-у-ууу!»

Потом слышались отчаянные вопли, попеременно с фырканием и пыхтением. Звуки то стихали, то раздавались вновь — отчетливо и ясно, где-то рядом — сумасшедшая какофония, устроенная крупным лесным зверем. В мгновение ока Буй-

* Ярд — единица длины, равная примерно 91 см.

ный вскочил на ноги и несколько секунд стоял не шелохнувшись, потом, насторожив уши, точно пойнтер, крадучись пошел вперед, до предела напряженный и будто зачарованный.

Странные звуки доносились с поймы реки, и сквозь высокую траву Буйный разглядел своего давнего врага. Медведь-свиноед выкапывал из земли те самые жгучие корни и пожирал их один за другим. Эти круглые белые жалающие корни раздражают горло, вызывают резь в животе, от них щеки сводит жгучая боль, словно ты невзначай коснулся головешки, оставленной человеком в дымящейся траве. И тем не менее медведь копал корни, жевал их и выл от боли, но все копал и жевал, пока слезы градом не хлынули у него из глаз и пронизывающая боль не опалила покрытые пеной челюсти. Но и тогда черное чудовище с ревом и воем продолжало набивать пасть корнями и заталкивать их в сводимое судорогой горло.

Может, он сошел с ума? Отнюдь нет. Может, его мучил голод? Ничуть — вся земля была усыпана орехами. Тогда зачем же он по своей воле подвергал себя этой ужасной пытке? Кто приказал ему мучить себя? Буйный не мог понять, в чем тут дело. Да и сам медведь ничего не смог бы вам объяснить. Он подчинялся внутренней потребности. Можно лишь предполагать, что медведь, питающийся только мясом, навлекает на себя ужасную болезнь, которая поражает главным образом кожу. Медведи-свиноеды особенно подвержены этой болезни. Боль будто опалает кожу, все тело корчится от мучительной пытки мириадами крохотных горящих факелов. А жгучий корень наверняка приносил медведю облегчение — медленное, но верное.

Молодой кабан, с опаской наблюдавший за медведем, уже не испытывал прежнего страха. Озабоченный, он медленно брел прочь и никак не мог взять в толк, почему его враг так ревет, когда ест корни. Пойма реки уже осталась далеко позади, а до него все еще доносились медвежьи вопли.

XI. Весна

Год выдался урожайный. Когда ветки деревьев в лесу оголились, белка набила битком семь дупел орехами и желудями и устроила себе уютное гнездышко возле каждой кладовки.

Ондатра сложила огромные копны сена на болоте. Лесные сурки чуть не лопались от жиру, а каждая мышка-норушка натаскала столько зерна впрок, что запасов вполне хватило бы на три голодных года. И примета сбылась: зима выдалась холодная и снежная.

Лес, который прежде так манил молодого кабана, стоял теперь обнаженный и мрачный. С наступлением холодов Буйный оброс густой и длинной щетиной. Но шуба его была недостаточно теплой, и, когда грянули морозы, Буйный был вынужден искать убежище на скотном дворе. Там были и другие сородичи, в основном тупые раскормленные племенные свиньи, годные лишь на отбивные, и один-два аристократа диких кабаньих кровей. Сначала они немного важничали и норовили отпихнуть его в сторону, как какую-нибудь простую жирную хрюшку, но у Буйного были крепкие ноги и острые клыки, и он умел постоять за себя. Со временем он привык спать вместе с другими свиньями и кормиться у общего корыта, став терпимым и полноправным членом общины.

Миновала зимняя стужа, приближался прекрасный месяц апрель — время молодой листвы. Весной повеяло и в горах, и в лесах. Она проникла даже под амбар, пробудив к новой жизни тамошних обитателей. Каждый воспринимал ее на свой лад. Толстые племенные свиньи, безмятежно похрюкивая, вышли погреться на солнышке, проявляя умеренный интерес к тому, что было доступно их пониманию.

Буйный резвился, как жеребенок. Как он вырос, какие длинные у него стали ноги, какие мощные плечи и мускулистая шея! Он был крупнее всех свиней на скотном дворе и выделялся роскошной золотисто-рыжей щетиной и длинной, как у гиены, холкой. Когда Буйный, живой и проворный, шел пружинистой походкой по скотному двору, племенные свиньи — едва передвигающиеся туши — сторонились, пропуская его вперед. Переполненный радостью жизни, Буйный подкидывал рылом тяжелое корыто в воздух и прыгал, поджимая передние ноги, как жеребец. Услышав свист вдалеке, Буйный разворачивался и мчался на зов, как мустанг. То был свист Лизетты. Они особенно сдружились в эту зиму. Легко одолев низкую ограду, Буйный мчался к двери дома, где его поджидала Лизетта с лакомствами. Она чесала ему спину,

ваксила копытца с готовностью подставленных передних ног или чистила их.

— Этот Буйный, как ты его называешь, Лизетта, скорее смахивает на пса, чем на кабана, — говорил фермер Прунти, наблюдая, как здоровенный кабан бежит по пятам за дочерью или резвится возле нее, как щенок, — щенок весом в сто пятьдесят фунтов, которые он набрал ко второму году своей жизни. В Буйном пробуждались инстинкты предков, давно утерянные в тюрьмах-загонах.

XII. Серовласка ищет счастье

От Дэн-Ривер Бридж в Мэйо ведет длинная пыльная дорога. Весь этот долгий путь пробежала Серовласка, молодая, пышущая здоровьем дикая свинья. Она едва достигла поры зрелости; сложением и длинными ногами Серовласка напоминала важенку. Ее атласная серая шкура, лоснившаяся на солнце, сейчас вобрала в себя красноватую пыль старой виргинской дороги.

Серовласка спускалась по горному кряжу, поводя по сторонам чувствительным носом, чуткостораживая уши при каждом звуке. Порой она брала след, как охотящаяся лиса, или тщательно изучала запахи у придорожных столбов, стоявших вдоль ее пути или на перекрестках.

Прошел час, за ним — другой, но наша путешественница с упорством и неутомимостью, свойственными ее племени, продолжала свой поиск, чутко откликаясь на все, что указывали уши, нос, глаза. Миля за милей оставались позади, но, и достигнув долины Мэйо, Серовласка по-прежнему стремилась вперед. Вдруг на пути ей попался столб, о который было очень удобно почесаться. Начесавшись вволю, Серовласка побежала дальше. «Что за прихоть?» — спросите вы. Как часто по нашим собственным поступкам можно судить о поступках животных! В жизни каждого человека наступает время, когда его переполняет желание отправиться на поиски счастья в большой мир. И тогда мудрецы говорят:

— Пусть идет!

Подобное желание овладевает и дикими животными, и тогда умнейшие из них уходят с насиженных мест. Вот и Серовласка отправилась на поиски счастья.

Она часто останавливалась на перекрестках дорог, тщательно изучала все запахи, приносимые ветром, и снова отправлялась в путь. Вечером она уже была в лесах за нижним мостом через реку Когар.

XIII. Чесальный столб

Из всех чесальных столбов на ферме Прунти самым лучшим был, несомненно, ствол засохшего кедра, стоявший в самом дальнем конце пастбища у болотистой низины. На шершавом стволе не поддающемся гниению дерева еще сохранилось множество сучков — былых ветвей. Они торчали, словно зубья гребня, на нижней, самой удобной для чесания части ствола. Засохший кедр был хорошо знаком каждой свинье на пастбище. Ни одна из них не проходила мимо «гребня».

В тот день свиньи Прунти слонялись возле пограничного столба. Грузная старая хрюшка отпихнула соседку, чтоб почесать себе спину. Но тут появился Буйный. Сила и мощные клыки уже давно завоевали ему право первенства. Стоит ли говорить о том, что пропел ему засохший кедр — пропел на языке, который ни мне, ни вам не понять?

Буйный горел от возбуждения. Не дожидаясь, пока огромная неповоротливая туша отойдет в сторону, он сбил ее с ног мощным боковым ударом, и толстуха покатилась с пригорка.

Буйный принялся тщательно обнюхивать столб, и его золотисто-рыжая холка поднялась дыбом. Он потерся о столб боком, повернулся, потерся другим боком и побежал было по следу, но снова вернулся и стал тереться о столб с еще большей страстью. Потом, ошавев, как олень в месяц сумасшедшей луны, Буйный отогнал всех свиней прочь от столба и побежал в лес.

Учуяв невидимый след, он припустил еще быстрее. Попетляв немного и удостоверившись, что он на правильном пути, Буйный мигом пролетел через топкую лесную чащу и выскочил на солнечную полянку. Она выбежала из леса чуть раньше — легконогая, в серой шубке, существо одной с ним крови. Нос тут же сообщил Буйному, что именно она оставила послания на столбе. Серовласка убежала, Буйный мчал-

ся следом. На открытом месте расстояние между ними сокращалось все быстрее, и наметанный глаз усомнился бы, что Серовласка бежит изо всех сил. Кто знает? Ясно одно — уже у опушки леса Буйный догнал незнакомку. Обернувшись, она издала несколько пыхтящих звуков, в них был и страх, и мольба о пощаде. Они стояли на пригорке и глядели друг на друга — мощный Буйный и маленькая легкая Серовласка.

К одним любовь приходит постепенно, преодолевая сомнения и долгие испытания, другие с первого взгляда понимают, что встретили свою судьбу — единственную и неповторимую. Буйный понял это, когда прочитал послание на столбе, Серовласка — когда огромные белые клыки, символ и доказательство мощи кабана, нежно коснулись ее щек. Серовласка не знала, зачем она отправилась в путь, но она нашла то, что искала.

XIV. Влюбленные

Вот уже несколько дней Буйный не появлялся на скотном дворе. Он бродил по дивному лесу, охваченный радостью узнавания внезапно обретенной подруги. Рыжая белка трещала и фыркала на ветке, будто напоминая о своем присутствии, но влюбленные выбирали лишь самые глухие уголки леса и встречали на своем пути лишь самых безобидных его обитателей.

Как-то раз они гуляли по лесу и слышали странный шум, доносившийся с болота. Буйный, а за ним и Серовласка тотчас отправились туда. Спустившись с пригорка, они увидели черное торфяное болото, поросшее папоротником. Буйный пробрался сквозь заросли и столкнулся носом к носу со своим врагом — огромным черным когарским медведем.

Кабан мгновенно ошетинился, в его глазах загорелся зеленый огонь, челюсти зловеще заклацали. Медведь поднялся на задние лапы и заревел. Он, должно быть, чувствовал, что выглядит нелепо, потому что весь — от шеи до кончика хвоста был покрыт черной липкой вонючей грязью, самой противной грязью на свете. Наверное, он барахтался в ней много часов подряд. Рыжая белка могла бы сказать вам наверняка,

сколько дней, сколько часов провел здесь медведь. Он принимал курс лечения, хорошо известный диким зверям, — второй курс, который следует за очисткой желудка. Но Буйный думал не об этом. Перед ним стоял ненавистный враг, которого он раньше очень боялся. Теперь страх был не так велик, но все же Буйный не рискнул бы сейчас схватиться с медведем: еще не пришло время. И медведь не забыл того дня, когда зверь поменьше того, что стоял перед ним, покалечил ему лапу и порвал бок. Враги, угрюмо огрызаясь, пошли каждый своим путем.

XV. Дикий кот

Высоко в небе кружит гриф-индейка. Нам, жалким слепцам, он кажется снизу маленькой точкой, но у него острый глаз — гриф приметит из поднебесья и человека, и оленя на горе за много миль отсюда. Гриф не видит лишь, что делается в лесу, под зеленой крышей. Но и в ней порой бывают дыры, и тогда гриф может подсмотреть, что там, внизу.

Однажды взору его предстала картина, которую вряд ли доводилось видеть кому-нибудь из людей. Пушистый дымчатый зверь, беспокойно помахивая коротким хвостом, крался узенькой лесной тропинкой, ведущей к водопою. Пробежав по стволу огромной поваленной сосны, дымчатый зверь помедлил у сучка, почти отвесно торчавшего из ствола, потянулся, выгнув спину, вытянув длинные лапы. Потом он высоко задрал полосатую голову, выставив напоказ бархатистую шею — белую с яркими черными точками. Он потерялся о сучок сначала усатой мордой, потом спиной и посмотрел на голубое небо, — злой красивый дикий кот.

Стервятник спустился вниз тремя плавными нисходящими кругами, высматривая в просвете меж зелеными купами, что происходит на земле. Тем временем дикий кот почесал подбородок, правую щеку, левую и собирался начать все сначала, как вдруг издали послышался гомон и топот ног. Дымчатый зверь замер в настороженной

позе — воплощение сдержанной силы и удивительной грации.

Гриф, спускаясь все ниже, тоже услышал шум. Дымчатый злюка легко прыгнул со ствола на сосновый пенек и с поразительным искусством, присущим хищникам, слился с пнем, будто превратившись в нарост на коре. А шум слышался все явственней. Похоже, целое стадо спускалось к водопою. Дикий кот, затаившись на пне, не сводил глаз с тропы. Но вот заросли высокой травы раздвинулись, и показалась дикая свинья со своим потомством — веселыми, визгливыми, хрюкающими поросятами. Шумная компания то разбредалась в разные стороны, то бросалась со всех ног вперед, обгоняя мать, то чинно шествовала по тропе. Короткохвостый тигр на пенке замер, напряжившись, оскалив зубы, выпустив когти. Лакомый кусочек был совсем рядом. Мать семейства и два поросенка из бесшабашной ватаги прошли мимо пня, где затаились Злые Глаза. Другие поросята поотстали, и дикий кот собрался для прыжка, как вдруг снова послышались топот и похрюкивание, и еще несколько поросят с визгом устремились за матерью. На некотором отдалении плелся последний, самый маленький поросенок. Для кота все складывалось как нельзя лучше. Он прыгнул и в мгновение ока впился зубами в горло малышу. Его отчаянный визг взбудоражил все семейство. Мать тут же бросилась на выручку, но большой кот был умен и гораздо на хитрые уловки. Одним прыжком он взобрался на пенек, безжалостно стиснув в когтях визжащего поросенка. Со своего высокого безопасного места кот зло и презрительно взирал на несчастную мать, напрасно ярившуюся у пня. Даже поднявшись на задние ноги, она едва касалась передними края пня. Выше Колючая Холка не доставала, и разбойник несколько раз больно разодрал ей морду когтистой лапой. Казалось, у малыша не было никакой надежды на спасение. И тем не менее она была. Опасность подстерегала кота там, откуда он не ждал нападения.

Гриф, спустившись на несколько витков ниже, не только увидел и услышал все, что произошло, но даже ощутил СТРАХ, охвативший большого кота, когда из кустов на тропинку выскочил огромный дикий кабан. Если злобный хищник хоть немного испугался матери, то теперь он дрожал

от ужаса. Огромный кабан поднялся на дыбы, поставил передние ноги на край пня и дотянулся пастью, вооруженной страшными клыками-ножами, до самой его середины. Серому злодею пришлось отползти и все время перемещаться по кругу, спасаясь от кабана. Но кот не выпускал свою жертву, и визг малыша становился все слабее и слабее.

И тогда свидетели — молчаливый гриф и возбужденно стрекочущая белка — увидели странную картину. Рядом с пнем лежал ствол поваленной сосны. По толстому суку было легко забраться на него. Мать так и сделала. Пробежав по стволу и легонько подпрыгнув, она вскочила на пень, оказавшись носом к носу с диким котом. Она увидела его страшный оскал и горящие лютой злобой глаза. Зверь хотел запугать ее, но что может запугать мать, услышавшую отчаянный крик своего ребенка: «Мама, мама, помоги!»

Она бросилась на врага вне себя от ярости, и разве мог удар сильной лапы остановить напор и натиск, в который дикая свинья вложила всю свою силу? Злобно воя, хищник свалился на землю, но мигом вскочил и приготовился бежать. Но тут самый крупный поросенок расхрабрился и схватил кота за широкую лапу. Он задержал его всего лишь на мгновение, но и этого было достаточно: подоспел отец.

Кабан стремительно рванулся вперед, послышалось злое щелканье страшного оружия, яростный шум схватки, звериные вопли, кланье зубов. В воздух полетели ключья шерсти. Буйство так же неожиданно стихло, но наступившую тишину нарушили жуткие звуки раздираемой шкуры, хруст костей. Кабан швырял безжизненное тело врага то туда, то сюда и, наступив на него передними ногами, терзал его снова и снова.

Постепенно бешенство битвы улеглось, кабан успокоился. Поросята один за другим подходили к растерзанному врагу, обнюхивали его и, фыркая, убегали прочь. В тот день ониполнили свой каталог запахов еще одним.

А самый маленький поросенок лежал в кустах по другую сторону пня. Мать обнюхала малыша и слегка подтолкнула его пяточком. Поросенок был недвижим. Мать толкала его снова и снова. Но другие дети проявляли нетерпение: им хотелось пить, и мать повела их

к реке, выместив свой гнев на останках свирепого зверя, убившего ее малыша. Потом они возвратились на то же место. Мать подталкивала безжизненного окровавленного малыша, уговаривая его встать, но у него уже остекленели глаза. Отец отбросил в сторону ошметья меха, и семья продолжила свой путь.

Вот что увидел гриф и увидел бы я, будь у меня его зрение. Эту главу из жизни Буйного и Серовласки могли рассказать лишь следы и отметки, ведомые охотникам и лесным жителям.

XVI. Медведь-свиноед

Почему любовь к свинине часто превращается в манию у медведей? Почему она обычно кончается кожной болезнью? Нам это неизвестно. Но только свиное мясо вызывает эту болезнь.

Когарский медведь сделался свиноедом. Его охотничьим угодьем стала отныне вся долина, где разводили свиней. По ночам он наведывался в какой-нибудь свинарник, где жирные и нежные породистые свиньи были легкой добычей — куда более легкой, чем колючие дикие кабаны. Злодей будто знал, когда и куда нужно забраться, чтобы избежать опасности и полакомиться сосунком. На самом деле медведь, конечно, этого не знал, но день-два после его налета собаки и охотники поднимали такой шум, что он вынужден был искать новое место. Обнаружив его, медведь целиком полагался на свой нос, всегда выводивший его к кормленным на убой свиньям. Фермеры пробовали устанавливать медвежьи капканы, но когарский свиноед ни разу не попался, потому что не заглядывал дважды в один и тот же свинарник. Так он прослыл умником и хитрецом, а он был просто очень осторожен и обладал тонким нюхом.

Однажды, покрытый паршой, когарский свиноед шел крадучись по лесу вдоль ручья. Любимый запах, который он учуял издали, вывел его к маленькому мертвому поросенку. Мать волей-неволей бросила его, занявшись остальными детьми. Гриф не тронул малыша, потому что он упал в кусты. Не занялись им пока и жуки-могильщики. Медведю привалила удача. Сунув длинный, весь в стружьях нос в ку-

сты, медведь достал поросенка, оттащил его в сторону и зарыл в ямку, выдерживая для будущего пира. Обычно дикие звери запоминают свои «кладовые» и, бродя по соседству, проверяют, все ли в порядке. Вот и когарский медведь наведлся к своей кладовке на следующий же день.

Когда дикий зверь теряет своих близких, он приходит к месту их гибели много дней подряд, чтоб оплакать свою утрату, как считают индейцы. Звери сворачивают с пути, снова и снова обнюхивают злополучное место, ревут, скребут когтями землю или деревья и лишь тогда уходят своей дорогой. Это оплакивание, особенно шумное в первые дни, прекращается обычно с первым проливным дождем, который смывает все запахи-воспоминания.

День спустя после гибели малыша Серовласка пришла его оплакать. Тут ей и повстречался медведь. Дикий кабан, попавший в беду, испускает громкий протяжный рев, моля соплеменников о помощи. Если же он не испытывает страха, то издает короткий отрывистый боевой клич и бросается на врага. Серовласка поступила опрометчиво. Издав боевой клич, она ринулась на врага. Медведь попятился и уклонился от удара. Они стали ходить по кругу, делая обманные выпады. Медведь, хоть и был крупнее и сильнее Серовласки, сейчас охотно убрался бы восвояси, но запахи-воспоминания подстрекали Серовласку к битве. Материнская любовь придавала ей сил. Медведь пятился, пока они не оказались на открытом месте у высокого обрывистого берега реки. Серовласка, преисполнившись отваги, бросилась на злодея. Медведь отскочил в сторону и трахнул ее могучей лапой. Такой удар мог бы прикончить Серовласку, но, к счастью, он пришелся на сильные плечи. Пошатнувшись, Серовласка отступила, издав пронзительный крик — призыв о помощи, что надо было сделать с самого начала. Услышав такой сигнал, любой кабан приходит на выручку, как береговая охрана, получившая сигнал «SOS».

Враги сошлись на мгновение и снова кружили, выжидая удобный момент. Серовласка сделала обманное движение, медведь отпрянул, и она, осмелев, перешла в наступление. Медведь увернулся и отскочил в сторону, а когда Серовласка снова напала на него, нанес ей сокрушительный удар, отбросивший ее к самому краю обрывистого берега. Окровавленная Серовласка скатилась вниз и упала в реку.

Она умела, но не любила плавать и молча барахталась в воде, совершенно обессиленная схваткой. Милосердная река бережно несла ее к отлогому берегу. В прибрежных кустах послышалось движение, и на берег реки выскочил большой черно-рыжий кабан. Тихо похрюкивая, Серовласка вышла из воды. Супруги признали друг друга. Но Буйный немного опоздал. Торжествуя победу над дикой свиньей, когарский медведь скрылся в лесу.

XVII. Горец Билли Боут

Джек Прунти был вне себя от гнева. Осматривая поутру свой огород, он выражал недовольство в таких выражениях, какие можно услышать разве что на площадке для игры в гольф. Целые грядки салата, посеvy свеклы, арбузная бахча были загублены. Грядки, подготовленные под спаржу, вытоптаны так же, как и участок, отведенный под капусту. Негрогородник твердил, что вред причинили дикие кабаны, опасаясь, как бы подозрение не пало на невиновных. Впрочем, все было ясно и без слов. Сломанный забор, бесчисленные следы копыт, объеденные репа и капуста были столь веским доказательством, что никому бы и в голову не пришло подозревать огородника или его семью.

Джек Хенти тоже кипел от ярости. Он обошел свои просторные хлевы, перебрав все мыслимые и немыслимые ругательства. Преданный негр-управляющий показал ему (во избежание недоразумения), где и как пролез медведь, как он уволок чистокровную беркширскую свинью, купленную за границей. Это была не первая пропажа. У Хенти и его приятелей были и другие свиарники, пострадавшие от набегов хищника. Но тут уж терпение хозяина лопнуло: медведь избрал своей жертвой свинью, на которую Хенти возлагал все надежды!

В тот день охотник Билли Боут, живший в горах, получил два приглашения прибыть с собаками, чтобы снискать себе немеркнущую славу защитника огородов и свиарников. Билли отдал предпочтение Прунти. Хенти в округе недолюбливали: он был толстосум и хапуга. К тому же он раньше покрикивал на Билли, угрожая ему судом за преступления, совершенные кем-то другим.

Итак, Билли явился на ферму Прунти с пятью поджарыми собаками и приятным чувством собственной значимости. Он тут же принялся распоряжаться и хозяйничать в доме, будто гробовщик на похоронах:

— Хо-хо, черт меня подери! Только гляньте на эти следы! Да тут целая семейка погуляла! Ну и секач, ну и махина, пари держу, в нем не меньше четырехсот фунтов!

— Как ты думаешь, отец, это — Буйный? — спросила Лизетта.

— Какая разница, — ответил Прунти, — разбою пора положить конец!

Охотник продолжал изучать следы. Никчемный старый бродяга, лентяй и выпивоха, следопыт он был отменный.

— Обычная кабанья семья, — вскоре заявил он. — Длинноногая мамаша, выводок пискунов и секач величиной с курятник.

Забор на ферме Прунти стоял лишь для очистки совести. Робкая корова или глупая утка еще могли остановиться перед ним, но дикого кабана он приглашал зайти и угоститься.

— Давай лучше обнесем огород настоящим прочным забором, чтоб ни один кабан не мог туда забраться! — предложила отцу Лизетта. — Не так уж это трудно, земли всего три акра.

— А платить кто будет? — возразил отец. — И вообще, на что они — кабаны? Никакого от них проку нет.

— Ну, как сказать, — вмешался великий охотник, чувствовавший себя одновременно Наполеоном, Нимродом* и Шерлоком Холмсом. — А вы слышали, что трех ребятишек из совместной школы укусила гремучка? На этой неделе и померли, все трое. Что-то нынче гремучки жиреть стали. В народе говорят — оттого что кабаны в здешних местах перевелись. Думаю, так оно и есть.

С этими словами Наполеон-Нимрод-Холмс-Боуг отправился по следу в лес. Здесь кабаны не топтались на месте, а, судя по следам, с четверть мили шли за вожакom. Преследовать их было легко. Убедившись, что он на верном пути, Билли вернулся и отвязал свою свору из пяти собак. Потом, совершив возлияние в честь своего любимого бога, охотник взял ружье и зашагал легко и свободно, как ходят лесные жители.

* Нимрод — бог охоты у древних ассирийцев.

По уговору Прунти должен был подняться на гору Когар и, заслышав шум в долине, прибежать к месту травли кабанов. Лизетта пошла вместе с отцом.

XVIII. Отважный кабан и собаки

Сначала собаки проявляли мало интереса к гону, потому что след был давний, но Билли не давал им роздыху одну-две мили, пока не появились свежие следы, оставленные кабаньей семьей. Теперь он получил передышку: у собак пробудился охотничий инстинкт. Лес звенел от громкого лая гончих, травивших зверя. Издалека доносился топот и треск веток: кабаны бежали напролом через чащу — слышался короткий пронзительный визг, глухие гортанные звуки и непрерывный лай собак. Вскоре шум погони сосредоточился в одном месте, и Билли понял, что близится решающий момент схватки, столь любимый каждым охотником, — когда зверь загнан и готовится к последнему бою.

Но лай собак звучал уже не так победно. В нем появились нотки страха. Вопль боли заглушил дружный лай всей своры, свидетельствовавший об уважении собак к загнанному зверю. Пробравшись через густые заросли кустарника, Билли оказался в двадцати ярдах от источника шума и гама, но по-прежнему не мог ничего разглядеть.

«Гав, гав, гав, йир, йоу!» — заливались собаки на разные голоса.

Потом раздался хриплый рык более крупного зверя и негромкое злое щелканье клыков. Он был очень многозначителен, этот звук — угроза кабана, его боевой клич. Лай теперь раздавался то здесь, то там. Кусты раздвинулись, слышался шум невидимой погони, глухой рев, собачьи вопли боли и страха, визг, замерший где-то слева. Охотник все еще ничего не видел. Можно было сойти с ума уж оттого, что гибли его собаки, а он был вынужден бездействовать. С безрассудной смелостью Билли кинулся вперед. Через мгновение ему открылась сцена, от которой мурашки пробежали по спине. Огромный разъяренный кабан, сверкая белыми клыками-ножами, расправлялся с его сворой, и вот уже в живых остались две собаки, потом

одна-единственная, беспородная. Но тут кабан приметил своего злейшего врага — охотника и, позабыв про собаку, бросился к нему. Билли вскинул ружье без всякой надежды на успех, и пуля действительно угодила в землю. Тогда он метнулся в сторону, но кабан почти настиг его: охотник уступал ему и в скорости, и в силе, и в умении быстро продираться сквозь кусты. Тут бы охотнику и пришел конец, но собака вцепилась мертвой хваткой в ногу кабана.

И Билли увидел путь к спасению. Выбравшись из густого кустарника, он залез на ближайшее дерево. Кабан пропорол клыками бедную дворняжку и, оцетинившись, поднявшись на дыбы, бил копытами в дерево и злобно фыркал. Щелканьем клыков и хриплым рыканьем он по-звериному выражал свою ненависть к врагу.

XIX Лизетта и старый друг

Какая радость — забраться в гору и увидеть внизу, под ногами, зеленое море листвы! Какая радость — услышать волнующий охотничий клич и узнать, что зверь где-то рядом, и теперь ты можешь испытать свою храбрость! Воспоминания юности нахлынули на Прунті, когда он услышал азартное:

— Ищи, ищи, ищи!

Шум погони слышался все отчетливей и ближе. Когда собаки загнали зверя, Прунті кинулся бежать, как мальчишка, позабыв про свои годы. Вдруг он споткнулся и упал, сильно повредив лодыжку. Он уселся на бревно и проклинал свое невезение.

Тем временем собаки заходились от лая. Прунті попытался сделать несколько шагов, но, убедившись в своей беспомощности, крикнул:

— Эй, Лизетта, беги скорей вниз к Боугу! Попроси его поременить, я приду попозже. Ружье захвати!

И Лизетта спустилась с горы одна, определяя направление по лаю собак. Минут двадцать она шла уверенно, но вдруг лай стих. Послышался визг, потом наступила полная тишина. Лизетта какое-то время шла наугад, потом окликнула охотника. Боуг, сидевший на дереве, не услышал ее зова. Тогда она свистнула. Боуг, решив, что другой охотник спешит ему на выручку, что-то закричал в ответ, но девочка не могла разобрать его слов. Тогда Лизетта двинулась на звук

голоса и, чтобы отец знал, где она, несколько раз свистнула. И ее услышали не только охотники, но и некто третий. Огромный кабан поднял от земли голову и, разом присмирив, вопросительно хрюкнул. Знакомый свист прозвучал снова.

Из своего высокого жалкого убежища Боуг увидел Лизетту. Она стояла на бревне, озираясь по сторонам, с ружьем в руках.

— Берегись! — крикнул охотник. — Он бежит к тебе! Залезай на дерево да целься верней!

Все было так просто. Билли недоумевал, почему она мешкает. Но девочка снова громко свистнула. И тогда из кустов выскочил огромный зверь с колючей рыжей холкой. Что-то очень знакомое было в его приветливом хрюканье. Лизетта отпрянула, но тут же признала его.

— Буйный! Буйный, Буйначок! — закричала она.

Кабан рысцой подбежал к девочке. Его колючая холка уж не дыбилась воинственно, как прежде. Он положил голову на бревно и, ласково ворча, терся щекой о ногу Лизетты. Потом взгромоздил на бревно передние ноги, как в былые времена, подставив здоровенные копыта для приятного почесывания и полировки. Буйный ждал, что Лизетта выполнит старый уговор и почешет его широченную могучую спину. И пока Лизетта чесала и чесала Буйному спину, Боуг надрывался на своем дереве, выкрикивая предостережения:

— Стреляй, стреляй, он растерзает тебя!

— В кого стрелять, дурак? — фыркнула она. — Да он мне все равно как брат, и я ему как сестра. С какой стати он будет обижать меня?

Так дикий зверь был укрощен самым древним на свете волшебством. Удовлетворенно похрюкивая, он отправился к себе в лес. В тот день его больше никто не видел.

XX. Медведь является за новой жертвой

Через несколько дней медведь наведлся в свою кладовку на берегу реки. Здесь он одержал победу над дикой свиньей, лишил добычи грифов, вволю попиrowал. Он долго слонялся возле места удачной охоты, и ему снова повезло.

Семейство кабанов рассыпалось по лесу, выискивая съедобные корешки. Впереди шла мать. Отец замешкался где-то, оставив поросят без прикрытия. Всей оравой они подошли к узкой части реки, где ее можно было перейти вброд. Малышам не хотелось лезть в воду, но мать решительно двинулась вперед, почти вплавь одолев глубокое место брода. Поросята, испуганно повизгивая, нерешительно толклись на берегу. Набравшись храбрости, они один за другим входили в воду, и на берегу остался лишь один поросенок. Увидев, что все его покинули, он испуганно завизжал. Этот визг и услышал враг. Старый когарский медведь хорошо знал, как кричит отставший поросенок. Жалкий визг придал злодею отваги, и он, крадучись, поспешил к берегу.

Мать семейства решила преподать своему отпрыску урок беспрекословного послушания, не отзывалась на его крик и уходила дальше и дальше. Брошенный поросенок завопил громче. Вдруг земля у него над головой стала осыпаться под чьей-то тяжестью. Удар мощной лапы, и малыш смолк. Когарский медведь вытянул длинный нос и схватил свою жертву. Он поспешил скрыться из виду. Прячась за дерево, склонившееся к воде, медведь взобрался на высокий уступ и побежал в гору. Устроившись на противоположном склоне холма в полной безопасности, он кромсал поросенка и, наверное, думал по-своему: «До чего ж оно сладкое, это кабанье мясо! А сами кабаны вовсе не такие уж сильные и страшные, как мне показалось. Нечего их бояться, надо их убивать и есть».

XXI. Поражение Билли

Когда Билли добрался домой к вечеру, три собаки уже поджидали его. У одной зияли рваные раны, две другие были настолько перепуганы, что утратили всякий интерес к травле кабанов. Отныне, как бы хорошо собаки ни начинали гон, они, к огорчению Билли, рано или поздно брали другой след, приводивший их либо к дереву, куда забрался енот, либо к расщелине в скале, где затаился опоссум.

Конечно, Билли мог пойти к другому охотнику, своему конкуренту, и попросить на время более храбрых собак, но это означало бы, что его собственные — никудышные трусы. Гордость Билли восставала при одной мысли об этом. У него была душа настоящего охотника. Такого не заставишь легко отказаться от своей цели. К тому же Билли был силен и сноровист и умел травить зверя, если зверь того стоил. Получив от Прунги еще одно послание, где тот описывал вновь понесенный ущерб и обещал щедрое вознаграждение за услуги, он ответил: «Погоди, пока пройдет сильный дождь, тогда я его сам выслежу, вот увидишь».

На следующий же день после сильного дождя и состоялась эта памятная тихая охота. В ней участвовали лишь Прунги и Боуг. Охотник не хотел приглашать других, чтобы избежать лишнего шума. Мольбы Лизетты обнести ферму крепким забором и решить дело миром не тронули отца.

— Я тебе закажу браслет в золотой оправе из его бивней, — только и сказал он.

Прунги хотел таким образом откупиться от дочери, а может, и от самого себя.

XXII. День страшного суда

Сильный дождь смывает все старые следы, зато новые проступают на земле особенно отчетливо. Не шуршат под ногами листья, не трещат сучки. После сильного дождя охотнику не нужна собака.

Билли и Прунги отправились на охоту. Оба были хорошими стрелками и захватили с собой надежные проверенные ружья. Хоть они и были почти ровесниками, Прунги с трудом поспевал за легконогим поджарым охотником, который в поисках следов на ходу осматривал землю ярд за ярдом.

Внизу в болоте виднелись старые следы, размытые дождем. Они весьма невразумительно сообщали, что кто-то побывал здесь несколько дней назад. Охотники обогнули болото, прошли вдоль ручья, миновали холмы и направились к реке Когар. Тут Прунги, совершенно обессилев, запросил передышки. Билли пошел дальше и через милю обнаружил то, что так старательно искал, — следы, оставленные кабаньим семейством. Некоторое время он шел по ним, пока не

увидел крупный четырехдюймовый след жожака, по сравнению с которыми остальные были едва заметны.

— Э-ге-гей! — крикнул он Прунті. — Я нашел его! Иди за мной!

И охотник помчался вперед, позабыв обо всем на свете. Прунті изо всех сил пытался догнать Билли, но тот задал слишком высокий темп. Прунті почти не слышал, что Билли кричит ему в ответ. Усталый и обозленный, он присел на бревно — отдохнуть и дожидаться, что выйдет из этой затей.

Прошло четверть часа. Прунті отдышался и был готов продолжать путь, но охотник не отзывался. Прошло еще четверть часа. Прунті решил подняться на гору Когар и осмотреться. С трудом добравшись до вершины, он сел и стал ждать. Примерно через час с топкого ручья, питавшего речку Когар, донеслись какие-то звуки, и Прунті поспешил туда. Вскоре он остановился и прислушался, но уловил лишь «джей, джей» голубой сойки. И только раз в тишине раздался ни с чем не сравнимый пронзительный вопль — мольба о помощи кабана, попавшего в беду.

Прунті, стараясь идти быстро и тихо, приближался к опушке леса вдоль реки Когар. Оттуда слышался неясный шум, скорее всего — шум бегущих животных, но порой он различал и их голоса. Прунті тут же припомнил все, что знал смолоду о лесной охоте. Он крался осторожно, как пантера, ступал, лишь убедившись, что ни один сучок не хрустнет под ногой. Послунявив палец, определил направление ветра; подбросил в воздух пучок травы и посмотрел, куда его относит. И все время переходил с места на место, стараясь подкрасться к зверю незамеченным. Он быстро миновал открытое место, внимательно осмотрел ружье и вошел в чащу. Там он сразу приглядел огромное раскидистое дерево, дававшее прекрасный обзор. Прунті взобрался на дерево и увидел захватывающую сцену.

На краю поляны стоял огромный, свирепого вида черный медведь, а в десяти шагах от него — мощный кабан со шрамом через всю морду. Кабан был, конечно, меньше медведя, но достаточно внушительных размеров. Сзади к кабану жалась самка. Она была меньше, с

тонким рыльцем и более короткими клыками. Неподалеку в ольховых зарослях прятались поросята. Сначала Прунти насчитал двух-трех, но потом разглядел и других, совсем еще маленьких, и, наконец, ему стало казаться, что в кустах копошится уйма поросят.

Медведь побежал к кустам ольховника, но кабан кинулся ему наперерез. Малыши с визгом разбежались, спасаясь от страшного зверя, — все, кроме одного, еле-еле передвигавшего ноги. На боках у него виднелись кровавые царапины, а на шее — запекшаяся рана.

Медведь и кабан молча застыли друг против друга. Огромный медведь слегка наморщил покрытый болячками нос. То был когарский свиноед. Время от времени из груди его вырывалось глухое рокотанье, подобно грозному рокоту грома в горах. Кабан казался выше, оттого что холка у него на спине поднялась дыбом. Он широко расставил для упора длинные крепкие ноги и, не сводя с врага сверкающих глаз, клал челюстями, пока из пасти не повалила пена.

Поросята возбужденно хрюкали в зарослях кустарника, подстрекая отца к бою, но он выжидал свое время и лишь клал челюстями да пощелкивал грозными клыками. Противостояние врагов, готовых к схватке, продолжалось. Медведь хотел разделаться с врагом и отведать любимой пищи, кабан был полон решимости постоять за своих близких. Он самоотверженно и благородно мчался на помощь сородичу, попавшему в беду, и вдруг обнаружил, что медведь угрожает его собственному детенышу. Буйный с фермы Прунти был слабее плотоядного безумного медведя, но в его груди билось сердце отважного бойца.

Медведь стал медленно заходить с одной стороны, намереваясь атаковать кабана сбоку либо задрать первого попавшегося поросенка, но каждый раз перед ним вырастал кабан. Не тратя сил на пустые угрозы, Буйный решительно и бесстрашно преграждал ему путь. Тогда медведь повернул в другую сторону и взгромоздился на бревно, намереваясь обрушиться на Буйного всей тушей, но кабан опередил его, перейдя в наступление. Медведь отскочил назад. Буйный обманном движением вынудил его ринуться в бой. Сопя, медведь колошматил Буйного огромными лапами. Удары приходились по широкой щетинистой спине кабана. Он шатался, но не падал, и его белые клыки-ножи вонзались в медвежью

тушу, выискивая наиболее уязвимые места. Потом бойцы разошлись в разные стороны. Медведь оставил много кровавых отметин на теле Буйного, но и у самого медведя было с полдюжины кровоточащих ран. Сопение, хрипы и стоны врагов тонули в общем хоре визжавших от ужаса и гнева поросят.

То было лишь начало смертельной схватки, и теперь враги примеривались друг к другу. Каждый из них, казалось, знал, что замышляет другой. Кабан должен был во что бы то ни стало удержаться на ногах, в противном случае медведь, стиснув его в могучем объятии, мог распороть ему брюхо когтями задних лап. Когарский злодей кружил возле Буйного, выжидая удобный момент для нападения, но кабан был начеку.

Они сошлись снова, и медведь, навалившись всей тушей на кабана, чуть не сбил его с ног. Буйный устоял и принялся яростно рвать клыками окровавленное медвежье брюхо, пока враг не отступил, скорчившись от боли. Потом они снова примеривались друг к другу. Медведь чувствовал себя в большей безопасности на бревне. Он бежал по нему взад и вперед, делая обманные движения. Буйный, полный решимости покончить с врагом, перепрыгнул через поваленное дерево, лежавшее на его пути, но оказался в невыгодном положении: ему мешали ветки, за которыми прятался медведь. Тот, выпрямившись во весь рост, обрушился на Буйного сверху. Длинные острые клыки-ножи заработали снова. Медведь обливался кровью, но и кабан уже еле держался на ногах. Пока борьба шла на равных, но медведь имел больше шансов победить.

И тогда на помощь другу молча рванулась Серовласка. Она вложила в удар всю свою силу, и ее клыки мгновенно вонзились в медвежью тушу. Медведь отпрянул, но Серовласка мертвой хваткой вцепилась ему в заднюю лапу. Буйный набросился на чудовище сзади, снова вонзил в него свои ножи. И медведь рухнул! Он глухо стонал от боли, сдавленно рычал, пытаясь отбиться. Пасть его покрылась кровавой пеной. Он сделал отчаянный рывок, но был сражен мощным ударом клыков. Когарский злодей с воем повалился на землю, и кабаны, словно демоны, рвали, терзали, кромсали ненавистного врага. В последней попытке спастись медведь полез на дерево, но кабаны стащили его вниз и по-

лосовали клыками до тех пор, пока не обнажились медвежьи ребра. Буйный и Серовласка распоролы медведю брюхо, и его кишки повисли на сучьях, будто водоросли, выброшенные морем. Кабаны чинили расправу до тех пор, пока не смолкли предсмертные хрипы медведя, не стихли судороги. Когарский медведь превратился в кровавое месиво.

Прунти смотрел на эту сцену как замороженный, позабыв про все на свете. Ему казалось, что он сам вел этот бой. Глядя на могучего кабана-победителя, Прунти тоже чувствовал себя победителем. Он любил Буйного: сильному телом и духом человеку всегда мил смелый упорный борец.

Огромный добродушный зверь быстро успокоился. Маленькие поросята с опаской подошли обнюхать поверженного врага и, вообразив, что он еще живой, в страхе убежали прочь. Прунти заметил, с какой нежностью относятся друг к другу Буйный и Серовласка. Их несомненно связывала любовь. Животная, физическая любовь, скажете вы. Да, животная, физическая любовь, которая стойко переносит невзгоды и остается непоколебимой.

И вдруг взгляд человека упал на ружье, которое он сжимал в руках, — длинное блестящее смертоносное орудие, созданное для убийства, готовое к убийству. С растущим чувством стыда Прунти подумал: «Он спас мою девчурку, и вот чем я собирался отплатить ему за добро!» Прунти будто заново пережил тот день, когда Лизетта, единственное существо на свете, которое он любил, пришла домой возбужденная и рассказала ему про бой Буйного с гремучкой. Под влиянием нахлынувших воспоминаний Прунти растрогался. Слова дочери будто обрели новый смысл. Да, она права, есть другие

хорошие способы сберечь урожай. И, снова по-мужски порадовавшись силе кабана и выигранной им битве, Прунти воскликнул:

— Черт подери, вот был бой! В жизни не получал такого удовольствия! Как они его полосовали! И после этого убить

Буйного? Да ни за что на свете! Пусть гуляет по болотам, пока не помрет от старости!

Мать семейства увела поросят с поля боя. Они, резвясь, побежали за ней, тут же позабыв о случившемся. Последним ковылял калека. Шествие замыкал отец, покрытый кровавыми ранами, которые останутся шрамами на всю жизнь. Перед уходом Буйный еще раз удостоверился, что враг его недвижим, и отправился в путь.

Заросли папоротника сомкнулись и скрыли тропу. Занавес опустился. А грифы все кружили и кружили над полем битвы; поле битвы для них — пиршественный стол.

МУСТАНГ-ИНОХОДЕЦ

Джо Калон бросил седло в пыль, пустил лошадь на свободу и, звеня шпорами, вошел в дом.

— Как насчет обеда? — спросил он.

— Через семнадцать минут, — отвечал повар, взглянув на часы с важным видом начальника станции. Повар был всегда чрезвычайно точен на словах, но на деле не соблюдал никакой точности.

— Ну, как дела в Перико? — спросил у Джо его товарищ Скрат.

— Превосходно, — ответил Джо. — Скот, по-видимому, хорош, телят много. Я видел табун мустангов*, который ходит на водопой к источнику Антилопы. Есть там и пара жеребят. Один маленький, черненький — красавец, прирожденный иноходец**. Я гнался за ними около двух миль, и он все время бежал впереди и ни разу не сбился с рыси. Я для забавы нарочно погнал лошадей, но так и не сбил его с иноходи!

— А ты не хватил лишнего по пути? — недоверчиво осведомился Скрат.

— Уж ты бы помолчал, Скрат! Кто в прошлый раз ползал на четвереньках? Разве не ты?

— Обедать! — крикнул повар, и разговор сразу прекратился.

* Мустанг — дикая лошадь.

** Иноходец — конь, который в беге один шаг делает одновременно двумя левыми ногами, другой — двумя правыми.

На следующий день ковбой* перебрались на другое пастбище, и мустанги были позабыты.

Через год скот снова пригнали в этот же уголок штата Нью-Мексико, и ковбой опять увидели табун мустангов.

Черный жеребенок превратился уже в вороного конька на тонких, стройных ногах, с блестящими боками, и многие ковбой собственными глазами убедились в странной особенности мустанга: он был в самом деле прирожденным иноходцем.

Джо тоже находился тут, и ему тотчас же пришла в голову мысль, что не худо было бы поймать эту лошадку. Жителя восточных штатов такая мысль не удивила бы, но на западе, где лошади стоят дешево, никто не захочет возиться с диким мустангом. Поймать его нелегко, но, даже если это удастся, он до конца останется диким

животным, совершенно бесполезным и неукротимым.

Многие скотоводы даже стреляют мустангов, так как мустанги не только портят пастбища, но подчас и уводят за собой домашних лошадей, которые быстро привыкают к дикой жизни и навсегда пропадают.

Дикий Джо Калон превосходно знал лошадей и все их особенности. Он говорил:

— Я никогда не видывал белой лошади, которая не была бы кроткой! Или гнедой — без норова. Из караковой, если ее хорошо объездить, всегда будет толк. Ну, а вороная лошадь обязательно упряма, как осел, и зла, как бес. Дай ей когти — и она справится даже со львом!

Итак, если мустанг — совершенно бесполезное животное, то вороной мустанг вдесятеро бесполезнее. И Скрат не видел никакого смысла в желании Джо «обломать годовичка».

Однако в этот год Джо так и не удалось ничего предпринять.

Джо был простым пастухом, он получал двадцать пять долларов в месяц, и свободного времени у него было не много.

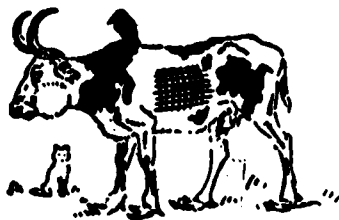
* Ковбой — пастух, стерегущий стада верхом на лошади.

Как и большинство его товарищей-ковбоев, мечтал он о том, что когда-нибудь купит ранчо* и заведет собственное стадо. У него было свое тавро**, зарегистрированное должным образом в Санта-Фе. Впрочем, пока его клеймо (зловещего вида решетка) красовалось только на боку одной старой коровы, составлявшей все его стадо. Однако в результате Джо получал законное право накладывать свое тавро на всякое неклеяемое животное. Только когда Джо получал осенью расчет, он никак не мог удержаться от соблазна «погулять в городе». Вот почему все его имущество по-прежнему состояло только из седла, постели и старой коровы. Но он не терял надежды, что ему удастся «выкинуть какую-нибудь штуку», которая даст ему возможность сразу разбогатеть. Тут его осенила мысль, что вороной мустанг может принести ему счастье, и он стал выжидать удобного случая, чтобы завладеть им.

Однако ковбои отправились дальше по Канадской реке, а к осени вернулись в холмы Дон-Карлос, так что Джо не скоро увидел вновь мустанга-иноходца, хотя слышал о нем частенько. Двухлетний вороной красавец был уже известен во всей округе.

Источник Антилопы находится на открытой равнине. Разливаясь, он превращается в маленькое озеро, окруженное осокой; когда же вода спадет, остается лишь большая полоса черного ила, на которой местами блестят белые пятна соли, а посередине, в углублении, стоит вода — чистая и пригодная для питья, хотя и не проточная. В этой местности на много миль кругом нет другого водопоя. Эта равнина, или прерия, как ее называли бы дальше к северу, стала излюбленным пастбищем вороного жеребца, хотя она постоянно служила выгоном для коров и домашних лошадей. В основном тут паслись стада с клеймом, на котором перекрещивались буквы «л» и «ф».

Управляющий Фостер, совладелец этого ранчо, был человек предприимчивый. Он считал, что, если здесь развести улучшенные породы домашних животных, доходы повысятся. У него был уже десяток кобыл-полукровок, высоких, хорошо сложенных, с глазами ла-

* Ранчо — ферма в американских степях.

** Тавро — клеймо.

ни. Рядом с ними обыкновенные лохматые лошадки казались жалкими заморышами.

Одна из этих красивых кобыл всегда оставалась в конюшне для работы, но девять других, вскормив жеребят, обыкновенно разгуливали на свободе.

Лошадь всегда умеет отыскать лучшее пастбище. И девять кобыл легко нашли дорогу к источнику Антилопы, находившемуся в двадцати милях к югу от их ранчо. Когда позднее, летом, Фостер с товарищем отправился их разыскивать, он скоро увидел кобыл. Но при них находился черный, как уголь, жеребец, оберегавший их, как хозяин. Он носился кругом, не давая им разбежаться, и его вороная масть резко отличалась от золотистой масти кобылиц.

Кобылицы были кроткого нрава и, конечно, послушно потрусили бы домой, если бы вороной жеребец не пришел вдруг в ярость. Он словно заразил своей дикостью и кобылиц, и они умчались, оставив далеко за собой неуклюжих лошадок с ранчо.

Это взбесило обоих всадников. Они схватили ружья, намереваясь застрелить «проклятого жеребца». Но как стрелять, если девять шансов против одного, что пуля попадет в кобылицу?

Целый день прошел в бесплодных попытках. Мустангиноходец — это был он — не отпускал от себя своей семьи и вместе с нею скрылся среди южных песчаных холмов.

Раздосадованные скотоводы отправились домой на своих измученных лошадках, поклявшись отомстить виновнику их неудачи.

К несчастью, они отлично понимали, что кобылы, несомненно, скоро станут такими же дикими, как и сам жеребец.

Большой вороной конь с черной гривой и блестящими зеленоватыми глазами самовластно распоряжался во всей округе и все увеличивал свою свиту, увлекая за собой кобылиц из разных мест, пока его табун не достиг численности по крайней мере двадцати голов.

Большинство кобылиц, следовавших за ним, были смиренные, захудалые лошади, и среди них выделялись своим ростом те девять породистых кобыл, которых вороной конь увел первыми.

Табун этот охранялся так энергично и ревниво, что всякая кобыла, раз попавшая в него, могла уже считаться безвозвратно потерянной, и скотоводы очень скоро поняли, что мустанг, поселившийся в их области, приносит им слишком большой убыток.

II

Это случилось в декабре 1893 года. Я только что приехал в эти места и теперь отправился с попутным фургоном из ранчо на Пиньяветитосе к Канадской реке.

Прощаясь со мной, Фостер сказал:

— Смотрите, если вам представится случай, не промахнитесь и всадите пулю в этого проклятого мустанга.

Так я впервые услышал про иноходца и только по пути узнал его историю от моего проводника, Бернса. Мне страстно захотелось увидеть этого знаменитого мустанга, и я был несколько разочарован, когда оказалось, что у источника Антилопы, куда мы добрались на другой день, нет ни мустанга, ни его табуна.

Однако на следующий день, когда мы перебрались через речку Аламозо и снова оказались на холмистой равнине, Джек Бернс, ехавший впереди, вдруг припал к шее своей лошади и, повернувшись ко мне, сказал:

— Приготовьте ружье! Вон жеребец!

Я схватил ружье и поспешил вперед. Внизу, в овраге, пасся табун лошадей и сбоку стоял большой вороной мустанг.

Он, вероятно, услышал шум нашего приближения и насторожился. Он стоял, подняв голову и хвост, раздувая ноздри.

Мустанг показался мне образцом лошадиной красоты, самым благородным конем из всех когда-либо скакавших по степям, и одна мысль о том, что этот красавец может превратиться в кучу падали, была мне отвратительна.

Джек убеждал меня стрелять скорее, но я медлил.

Мой вспыльчивый спутник выбранил меня за медлительность. Сердито буркнув: «Дайте мне ружье!» — он схватил

его, но я повернул ружье дулом вверх, и оно как бы нечаянно выстрелило.

Табун встрепенулся. Вороной мустанг заржал, зафыркал и забегал вокруг табуна. Кобылицы сгрудились и умчались прочь в облаках пыли.

Жеребец бежал то с одной, то с другой стороны табуна, внимательно следя, чтобы ни одна кобыла не отбилась от остальных.

Я не сводил с него глаз, пока он не скрылся вдали; и, насколько я мог судить, он ни разу не сбился с аллюра.

Джек, конечно, не жалел крепких выражений для меня, моего ружья и мустанга, а я восхищался его бранью и все же с радостью думал о красоте и силе вороного иноходца. Нет, я не стал бы портить его атласную шкуру из-за каких-то уведенных кобыл!

III

Существует несколько способов ловить диких лошадей. Один из них заключается в том, чтобы пулей задеть затылок лошади так, чтобы на миг оглушить ее, и тогда накинуть на нее лассо. Это называется «смять лошадь».

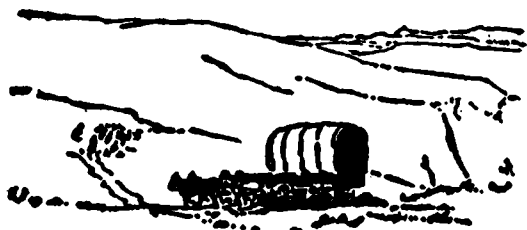
— Ну да! Я сотни раз видал, как лошади перешибали при этом хребет, но не видел до сих пор ни одного мустанга, который был бы «смят», — критически заметил Дикий Джо.

Порой, если позволяют условия местности, табун загоняется в кораль (загородку). Имея в своем распоряжении хороших лошадей, можно иногда догнать табун, но самый простой способ, как это ни покажется невероятным на первый взгляд, — это «уходить» мустанга (загнать его до изнеможения).

Слава знаменитого жеребца, который никогда не сбивался с иноходи на галоп, все возрастала. О нем, о его быстроте, о его аллюре и выносливости рассказывали самые невероятные истории. Когда же старик Монтгомери из ранчо Треугольник в присутствии свидетелей заявил в трактире Уэлса в Клейтоне, что даст тысячу долларов за этого жеребца, надежно запертого в фургоне, если только, конечно, все эти рассказы не вранье, то с десятков молодых ковбоев загорелись желанием попытать счастья, как только кончится срок их договоров с хозяевами и они будут свободны.

Дикий Джо решил опередить всех. Больше нельзя было терять времени. И хотя срок его службы еще не кончился, он провел всю ночь в приготовлениях к охоте.

Он занял у приятелей достаточно денег, чтобы снарядить экспедицию из двадцати хороших верховых лошадей, кухон-

ного фургона и запасов провизии на две недели для трех человек: самого себя, своего товарища Чарли и повара.

Они выехали из Клейтона с твердым намерением «уходить» чудесного, быстрого иноходца. На третий день они добрались до источника Антилопы и, так как приближался полдень, нисколько не удивились, увидев, что вороной иноходец спускается к водопою вместе со всем своим табуном.

Джо спрятался и не показывался до тех пор, пока весь табун не напился, так как он знал, что лошадь, испытывающая жажду, всегда бежит лучше, нежели та, которая отяжелела от выпитой воды.

После этого Джо, выйдя из засады, спокойно поехал вперед. Когда до источника осталось около полумили, мустанг встревожился и тотчас погнал свой табун к юго-востоку на плоскогорье, поросшее кустами. Джо галопом помчался в том же направлении, пока снова не увидел табун, затем вернулся и приказал повару, исполнявшему также обязанности кучера, ехать на юг, к реке Аламозо. Сам же он снова отправился к юго-востоку, следом за мустангами.

Проехав мили две, он опять увидел табун. Пустив шагом свою лошадь, он подъехал так близко, что табун испугался и умчался к югу. Но Джо поскакал наперерез и через час снова встретил табун. Он незаметно приблизился к лошадям, и опять повторилось то же самое: новая тревога и бегство. Так прошел весь день.

Мустанги описывали круги, постепенно продвигаясь к югу, и, когда солнце уже спустилось к горизонту, они находились —

как и рассчитывал Джо — вблизи реки Аламозо. Джо, спугнув их еще раз, свернул к фургону, а его товарищ, отдохавший до тех пор, продолжал погоню на свежей лошади.

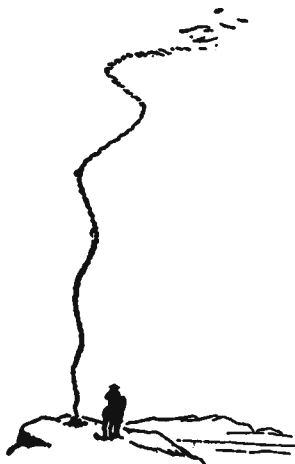
После ужина фургон двинулся к верхнему броду на Аламозо, как было условлено раньше, и там Джо расположился на ночлег.

Между тем Чарли следовал за табуном. Дикие лошади не убегали так далеко, как вначале, потому что их преследователь, по-видимому, не собирался нападать на них, и они мало-помалу привыкли к его присутствию. С наступлением сумерек находить их стало легче, так как в табуне была белая кобыла, выделявшаяся в темноте. К тому же ярко светил месяц, и Чарли, полагаясь на чутье своей лошади, предоставил ей выбирать дорогу и спокойно следовал за табуном, среди которого виднелась, точно призрак, светлая кобыла. Наконец все потонуло в ночной темноте. Тогда он слез с лошади, расседлал ее и оставил пастись, а сам, завернувшись в одеяло, быстро заснул.

Едва начало светать, Чарли был уже на ногах; проехав не более полумили, различил в полумраке белую кобылу, а затем и весь табун. Увидев его, иноходец громко заржал, и мустанги обратились в бегство.

Но на первом же пригорке лошади остановились, чтобы посмотреть, кто это так упорно их преследует. Через мгновение мустанг, решив, вероятно, что он узнал уже все, что ему нужно, двинулся вперед своей неутомимой, ровной иноходью, словно черный метеор увлекая за собой весь табун.

Лошади повернули к западу, и после нескольких повторений той же самой игры — бегства, погони, встречи и снова бегства — они добрались около полудня до крутого холма, некогда служившего индейцам сторожевой вышкой. Там их поджидал Джо. Длинная тонкая струйка дыма дала знать Чарли, что он может передохнуть, и Чарли тотчас же дал ответный сигнал при помощи своего карманного зеркальца. Джо пустился в погоню на свежей лошади, а Чарли сел поесть и, отдохнув, отправился вверх по течению Аламозо.

Весь следующий день Джо гнал мустангов, стараясь удерживать их на большой дуге, по хорде которой двигался фургон. Перед заходом солнца он подъехал к переправе, где уже ждал его Чарли со свежей лошадей и пищей. Джо продолжал эту неторопливую погоню весь вечер и даже часть ночи, так как табун, по-видимому, уже начал немного привыкать к присутствию безвредных незнакомцев, и следовать за ним стало проще. Кроме того, сказывалось и утомление. Пастбища с хорошей сочной травой остались далеко в стороне, и мустанги, конечно, не получали овса, как лошади преследователей. Давало себя чувствовать также и постоянное нервное напряжение. Оно лишало диких лошадей аппетита, но усиливало жажду. Преследователи давали лошадям возможность пить много и часто. Напившейся лошади трудно бежать: ноги у нее становятся точно деревянные и дыхание затрудняется. Джо поэтому почти не поил свою лошадь. И он, и его конь были вполне свежи, когда наконец остановились на ночлег неподалеку от измученного табуна.

На рассвете Джо легко отыскал мустангов. Они вначале пустились бежать, но скоро пошли шагом. Сражение, по-видимому, было уже почти выиграно, так как главная трудность такого преследования заключается в том, чтобы не терять из виду мустангов первые два-три дня, пока они еще не утомлены.

Все утро Джо не упускал из виду табун и почти постоянно находился вблизи от него. Часов в десять утра у горы Хозе его сменил Чарли. В этот день мустанги ушли от него вперед всего на четверть мили и передвигались уже далеко не с такой легкостью, как раньше.

К вечеру Чарли пересел на свежую лошадь и продолжал погоню.

На следующий день мустанги шли уже понуриив головы, и, несмотря на все усилия вороного иноходца, временами расстояние, отделявшее их от преследователя, сокращалось до ста шагов.

Четвертый и пятый день прошли так же. Табун вновь приближался к источнику Антилопы. До сих пор все шло так, как предполагалось: погоня описывала большую дугу, фургон же двигался внутри, по меньшей дуге. Дикий табун возвращался к источнику совершенно утомленный, охотники же ехали бодрые, на свежих лошадях.

Весь этот день, до самого вечера, мустангов не подпускали к воде, а потом пригнали к источнику Антилопы и дали им вволю напиться. Теперь опытные ковбои на свежих и сытых лошадях уже могли пустить в ход лассо — опившихся лошадей бывает нетрудно поймать и стреножить.

Все складывалось как нельзя более удачно, если бы не одно обстоятельство: вороной жеребец, из-за которого они и затеяли эту охоту, был словно выкован из железа. Его плавный аллюр не изменился и оставался все таким же, как в первый день охоты. Он по-прежнему неумоимо вел табун, побуждая его ржанием и собственным примером к бегству. Но силы лошадей уже истощились. Старая белая кобыла, помогавшая охотникам отыскивать табун в темноте, отстала уже несколько часов назад, измученная до полусмерти. Остальные кобылы, по-видимому, уже потеряли всякий страх перед всадниками, и было ясно, что скоро они станут добычей Джо.

А жеребец, который был целью всех трудов, оставался недосыгаемым по-прежнему.

Товарищи Джо, хорошо знавшие его вспыльчивый нрав, нисколько не удивились бы, если бы в припадке внезапной ярости он попытался застрелить непобедимого вороного жеребца. Но Джо был далек от этой мысли.

В течение всей недели гоняясь за ним, он ни разу не видел, чтобы вороной скакал галопом. Джо испытывал восхищение, свойственное всякому хорошему наезднику перед такой чудесной лошастью; это восхищение все возрастало, и он скорее застрелил бы свою собственную лучшую лошадь, нежели это великолепное животное.

Стоило ли даже брать награду, назначенную за его поимку? Джо начинал колебаться. Сумма была не маленькая, но этот жеребец уже сам по себе представлял капитал, так как мог дать отличное потомство.

Однако прежде его еще предстояло изловить. Нужно было кончать охоту.

Джо оседлал свою лучшую лошадь. Это была кобыла восточной крови, но выросшая в прериях. Конечно, Джо никогда не мог приобрести такую прекрасную лошадь, если бы не одна слабость. В этих краях растет ядовитая трава, называемая локо. Обычно скот никогда не ест этой травы, но если случайно какое-ни-

будь животное попробует ее, то оно начинает отыскивать ее повсюду. Действие этой травы отчасти похоже на действие морфия, и прираствившаяся к ней лошадь, хотя довольно долго ведет себя нормально, в конце концов обязательно погибает от бешенства. Про такое животное местные жители говорят, что оно «одержимо локо». И в глазах лучшей лошади Джо порой появлялся дикий блеск, по которому знатоки определяют эту болезнь. Но кобыла была сильной и быстрой, и поэтому Джо выбрал ее для окончания охоты.

Джо поскакал вперед, к табуну. Он бросил лассо на землю, потащил его за собой, чтобы выровнять веревку, затем собрал его аккуратными петлями в левую руку и, в первый раз за всю охоту прищпорив лошадь, пустился прямо к жеребцу.

Началась бешеная скачка. Перепуганные кобылы бросились в разные стороны, уступая дорогу.

Свежая лошадь скакала галопом по степи, а впереди бежал жеребец, как и прежде не сбиваясь со своей знаменитой иноходи.

Это было просто невероятно. Джо подстрекал и голосом, и шпорами свою лошадь. Она летела как птица, но расстояние между нею и жеребцом не уменьшалось ни на один дюйм.

Вороной миновал равнину, пронесся по заросшему кустарником плоскогорью, спустился в предательскую песчаную ложбину и выбрался на луговую полосу, где его встретили лаем сурки. Джо скакал вслед за ним. Он едва верил своим глазам... Расстояние между ним и жеребцом не только не уменьшилось, но даже как будто увеличилось. Джо ругался, шпорил и понукал свою лошадь и наконец довел бедняжку до крайнего возбуждения. Ее глаза блуждали, голова моталась из стороны в сторону, и лошадь уже не смотрела на землю, не выбирала дорогу. Вдруг нога ее провалилась в барсучью нору. Лошадь упала, а вместе с нею полетел на землю и всадник. Джо больно ушибся, но все же поднялся на ноги и попытался поднять свою ошеломленную лошадь. Но для нее все было кончено — она сломала переднюю ногу.

Джо выстрелом из револьвера прекратил ее страдания и отнес седло назад в лагерь. А иноходец между тем продолжал бежать, пока не скрылся из виду.

Все же это нельзя было считать поражением, так как у них в руках оказались кобылы. Джо и

Чарли погнали их в кораль, к их прежнему хозяину, и потребовали хорошей награды.

Но для Джо этого было мало. Он мечтал завладеть жеребцом. Теперь, когда ему стали известны все его достоинства, он старался придумать какой-нибудь новый план.

IV

Поваром в этой поездке был Бэтс — мистер Томас Бэтс, как он называл себя в почтовом отделении, куда являлся регулярно за письмами и денежными переводами, которые никто никогда и не думал посылать ему. Но ковбои звали его Том Индюшиный След, потому что он уверял, будто зарегистрировал в Денвере именно такое тавро. Оно имело форму индюшиного следа. Бэтс также уверял, что это клеймо носят на своих боках бесчисленные стада коров и лошадей, пасущиеся на неведомых северных равнинах.

Когда Бэтсу предложили участвовать в этой экспедиции пайщиком, он насмешливо заметил, что лошадей продают теперь по двенадцати долларов за дюжину. Действительно, в том году лошади стоили очень дешево, и поэтому он предпочел получать жалованье, пусть и очень небольшое.

Но никто видевший иноходца хотя бы только один раз не мог остаться к нему равнодушным. Так случилось и с Индюшиным Следом. Теперь и он пожелал сделаться хозяином мустанга, однако не знал, как добиться этого. Но однажды он повстречался с неким Биллом Смитом, более известным под кличкой Билл Подкова, потому что его тавро имело форму подковы. Поедая мясо и хлеб и запивая их дрянным кофе, Билл Подкова сказал:

— Я видел сегодня этого иноходца, да притом так близко, что мог бы заплести ему хвост!

— И ты не стрелял?

— Чуть было не выстрелил.

— Нет уж! Поберегись в него стрелять, — вмешался сидящий на другом конце стола ковбой с тавром «двойное Н». — Этот жеребец будет носить мое тавро еще до новолуния!

— Поторопись, а то найдешь у него на боку «треугольник с точкой», когда вздумаешь его клеймить.

— Где же ты его встретил?

— Вот как было дело. Я проезжал мимо источника Антилопы и вдруг вижу: на высохшем иле среди камыша что-то лежит. Я думал, что это какая-нибудь корова из нашего стада, подъехал ближе и увидел лошадь, лежавшую плашмя. Ветер дул от нее ко мне, и потому я сумел подъехать совсем близко. И что же я увидел? Это был иноходец, мертвый как пень! Однако его не раздуло, как это бывает с трупом, и я не заметил, чтобы он был ранен. Да и падалью не пахло. Я не знал, что и думать, как вдруг вижу, он дернул ухом, на которое села муха. Тут я понял, что он только спит. Тогда я снял лассо и свернул его, но тут заметил, что веревка местами совсем перетерлась. Подпруга была у меня только одна, и я подумал, что моя лошадь весит около семисот фунтов, а жеребец — тысячу двести. Поэтому я и сказал себе: «Не стоит пробовать! Я только порву подпругу, хлопнусь оземь и потеряю седло». Я стукнул по луке седла рукояткой плети — и... посмотрели бы вы на мустанга! Он подскочил в воздух футов на шесть и бросился со всех четырех ног, фыркая, точно паровоз. Глаза выпучил и помчался прямо в Калифорнию. Он уже, должно быть, там, если только не убавил хода. И провалиться мне на этом месте, если он хоть раз сбился с иноходи!

Рассказано все это было далеко не так гладко, потому что Билл то и дело пересыпал свою речь крепкими словечками и к тому же усердно жевал и глотал, так как обладал отличным аппетитом, а говорить с набитым ртом несколько не стеснялся. Все ему поверили, потому что Билл пользовался репутацией правдивого человека. Из присутствующих один только Индюшиный След ничего не сказал, но слушал он, как видно, внимательнее всех, так как рассказ этот подсказал ему новый план.

Покуривая свою послеобеденную трубку, он обдумал этот план как следует, но, решив, что ему одному не справиться, посвятил в свою тайну Билла Подкову. Таким образом, составилось новое товарищество для ловли иноходца, или, другими словами, для получения награды в пять тысяч, уже обещанных за него по слухам.

Источник Антилопы оставался любимым водоемом мустанга. Уровень воды упал, и между камышами и водоемом образовался широкий пояс высохшего черного ила. В двух местах этот пояс пересекали тропинки, проложенные животными, приходившими сюда

на водопой. Лошади и дикие звери предпочитают придерживаться таких тропинок, рогатый же скот идет прямо сквозь камыши.

Поперек наиболее заметной тропинки компаньоны выкопали яму длиной пятнадцать футов, шириной — шесть и глубиной — семь. Им пришлось проработать двадцать часов без отдыха, так как надо было все закончить в промежутке между двумя водопоями мустанга. Работа была очень тяжелая. Когда яма была вырыта, ее искусно прикрыли жердями, хворостом и землей, так что она стала совсем незаметной. Покончив с этим делом, компаньоны спрятались на некотором расстоянии в ямах, приготовленных ими для себя.

Около полудня к водопою явился иноходец. Он был теперь один, так как его табун находился в плену. Судя по следам, лошади редко пользовались второй тропинкой. И все же старый Том из осторожности забросал ее камышом, чтобы иноходец непременно пошел по той тропинке, где была вырыта яма.

Какой недремлющий добрый дух охраняет диких животных? Вопреки всем ожиданиям, иноходец выбрал вторую тропинку. Он спокойно подошел к воде и начал пить.

Охотникам оставалось последнее средство. Когда иноходец вторично наклонился к воде, Бэтс и Смит выскочили из своих ям, быстро забежали в тыл мустангу, и едва он поднял гордую голову, как Смит выстрелил из револьвера в землю позади него.

Мустанг понесся своей знаменитой иноходью прямо к устроенной для него западне. Еще секунда — и он должен попасть в яму! Вот он бежит по тропинке, где вырыта яма... Охотники считают его уже пойманным. Он скоро будет в их руках.

Но свершилось невероятное. Одним могучим прыжком иноходец перескочил яму и, взрывая землю копытами, исчез вдали. Он умчался, чтобы не возвращаться больше к источнику Антилопы.

V

Дикий Джо был человек предприимчивый. Он хотел во что бы то ни стало поймать мустанга, и, когда узнал, что за дело взялись и другие, он немедленно приступил к выпол-

нению нового плана. Джо решил испытать тот способ, к которому прибегает койот, чтобы поймать быстрого кролика, а индеец — чтобы поймать антилопу. Этот старинный способ называется «охотой с подставой».

Область, по которой бродил мустанг-иноходец, представляла собой треугольник в шестьдесят квадратных миль, ограниченный с юга и с севера реками, а с запада — горами. Предполагалось, что мустанг никогда не уходит за пределы этой области, а источник Антилопы всегда служит ему главной квартирой.

Джо хорошо знал эту местность. Он изучил все ее родники и все ущелья. Если бы он сумел раздобыть пятьдесят хороших лошадей, он мог бы распределить их таким образом, чтобы все важные пункты оказались занятыми. Но в его распоряжении было только двадцать хороших лошадей и пять хороших всадников.

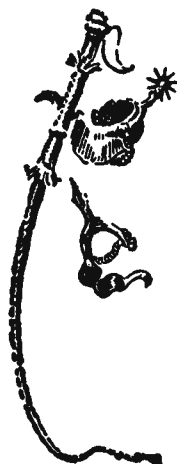
Лошадей кормили овсом в течение двух недель до начала охоты. Затем они были посланы вперед, и каждому из всадников были даны подробные указания, что ему надо делать. Они были на своих местах за сутки до начала погони.

В назначенный день Джо отправился в фургоне к источнику Антилопы и, остановившись в стороне, в маленькой ложбине, стал ждать.

Наконец из-за южных песчаных холмов появился черный, точно уголь, жеребец и спокойно спустился к источнику — как всегда, одинокий. Он обошел его сначала кругом, нюхая, не спрятался ли там какой-нибудь враг. Затем направился к воде в таком месте, где совсем не было тропы, и начал пить.

Джо смотрел на него и желал, чтобы он поглотил как можно больше воды — целую бочку. Но едва мустанг повернулся, чтобы пощипать траву, как Джо пришпорил свою лошадь. Мустанг услышал стук копыт, увидел всадника и помчался прочь.

На равнине он повернул к югу — знаменитый аллюр слегка задерживал его разбег, но среди песчаных холмов он уже летел во весь опор, и расстояние между ним и его преследователем все увеличивалось. А лошадь Джо, тяжело нагруженная, проваливалась в песок на каждом шагу и отставала все больше и больше.

Дальше на равнине лошадь Джо смогла несколько наверстать потерянное расстояние, но затем начался длинный спуск, по которому лошадь не решалась бежать во всю прыть и снова стала отставать.

Однако Джо продолжал скакать за иноходцем, не шадя ни хлыста, ни шпор. Одна миля, другая... третья... И вот уже вдали виднеются скалы Аррибы.

Там Джо ждали свежие лошади, и он с новой энергией помчался дальше. Но темная, как ночь, грива, развеваясь по ветру, отдалялась от него все больше и больше.

Вот наконец и ущелье Аррибы. Ковбой, карауливший там, спрятался, и мустанг пронесся мимо; он вихрем пролетел сначала вниз, потом вверх по склону, продолжая бежать все той же неизменной иноходью.

Джо, вскочив на свежего коня, помчался вниз, потом вверх. Еще и еще прищипывая лошадь, он скакал, скакал и скакал, но не мог сократить расстояние ни на один шаг.

Га-лумп, га-лумп, га-лумп... — мерно стучали копыта. Прошел час, другой, третий — и уже впереди показалась Аламозо,

где Джо ожидала подстава. Он кричал на свою лошадь, он всячески понукал ее. Вороной жеребец мчался как раз к намеченному месту, но, не добежав до него последних двух миль, он вдруг, точно повинувшись какому-то странному предчувствию, свернул влево. Чувствуя, что мустанг ускользает, Джо нахлестывал свою измученную лошадь, стараясь во что бы то ни стало завернуть мустанга к подставе. Это была чрезвычайно трудная скачка. У Джо прерывалось дыхание. Кожа седла

скрипела при каждом прыжке. Летя наперерез, Джо как будто начал нагонять иноходца. Тогда он выхватил револьвер, стал выпускать пулю за пулей, чтобы поднять клубы пыли, чем наконец вынудил иноходца свернуть направо, к переправе.

И вот они спустились к реке. Мустанг понесся дальше, а Джо соскочил на землю. Его лошадь уже окончательно выбилась из сил, проскакав тридцать миль, да и сам Джо чувствовал себя не лучше. Глаза у него воспалились от едкой пыли, и он, почти ничего не видя перед собой, махнул рукой Тому и крикнул, чтобы он гнал мустанга к броду через Аламозо.

Новый всадник понесся вскачь на свежей, крепкой лошади вверх и вниз по холмистой равнине, а вороной жеребец мчался перед ним. Он весь покрылся пятнами белоснежной пены, а шумное дыхание и бурно вздымавшиеся бока явно указывали, что ему тоже приходится нелегко. Но он все-таки продолжал бежать...

Сначала Том как будто выиграл расстояние, но потом стал отставать. Но тут у Аламозо его сменил другой всадник, на свежей лошади. Жеребец и его преследователь свернули к западу и мчались мимо поселения сурков, через заросли колючих кустов и кактусов, царапавших и рвавших одежду.

Вороной жеребец стал гнедым от пота и пыли, но с иноходи не сбился. Гнавшийся за ним молодой Кэрингтон с самого начала загнал свою лошадь, а теперь хотел заставить ее перескочить овражек, который вороной жеребец предпочел обойти. Одно неверное движение — и всадник с лошадью покатались вниз... Юноша уцелел, но лошадь разбилась, а дикий вороной жеребец несся дальше...

Это случилось неподалеку от ранчо старика Галлего, где ждал успевший отдохнуть Джо; не прошло и получаса, как он уже вновь гнался за иноходцем.

Вдали на западе виднелись горы Карлоса. Там Джо ждали свежие лошади и люди. Зная это, неутомимый всадник постарался завернуть жеребца на запад. Но иноходец, повинувшись внезапной фантазии, а быть может, и внутреннему предчувствию, круто свернул к северу. Все искусство Джо оказалось бессильным: он безжалостно гнал свою лошадь, кричал и стрелял, но черный метеор понесся вниз, по склону холма, и Джо не оставалось другого выбора, как только следовать за ним.

Тут началась самая трудная и мучительная часть погони. Джо, жестокий к мустангу, был еще более жесток к своей

лошади и к себе. Солнце жгло немилосердно, раскаленную равнину заволокла жаркая дымка; глаза Джо горели и губы потрескались от солевой, едкой пыли. А охота все продолжалась. Единственный шанс на успех заключался в том, чтобы отогнать мустанга назад, к большому броду через Аламозо.

Впервые за все время погони Джо начал замечать у вороного жеребца признаки утомления. Его хвост и грива уже не развевались, как раньше, и короткое расстояние в полмили, отделявшее его от Джо, уменьшилось наполовину. Но он все же был впереди и бежал, бежал, бежал все той же иноходью...

Прошел час, прошел другой, а жеребец все бежал. Однако они уже свернули с прямой линии. К вечеру, проскакав целых двадцать миль, они приблизились к большому броду через Аламозо, но Джо хотел сам продолжать погоню, и, перескочив на ожидавшуюся его свежую лошадь, он помчался дальше.

Оставленная им лошадь, задыхаясь, бросилась к воде и пила до тех пор, пока не свалилась мертвой.

Джо немного задержался, надеясь, что и вороной тоже обопьется. Но не тут-то было! Он сделал только один глоток и с плеском перебрался на другой берег. Джо понесся за ним по пятам. Прежде чем они скрылись вдаль, ковбои у брода успели заметить, что расстояние между ними заметно уменьшилось и лошадь Джо с каждым прыжком нагоняет вороного...

Утром Джо вернулся в лагерь пешком. Его история была коротка: восемь лошадей пало, пять человек совершенно выбились из сил, а необыкновенный мустанг-иноходец по-прежнему разгуливает на воле.

— Тут ничего не поделаешь! Догнать его нельзя. Жаль только, что я не продырявил его проклятую шкуру, когда мог это сделать! — заявил Джо и отказался от дальнейших попыток поймать иноходца.

VI

В этой последней экспедиции поваром опять был старик Индюшиный След. Он наблюдал за погоней с таким же интересом, как и все другие, а когда Джо потерпел неудачу, он

только ухмыльнулся, заглядывая в котел, и проворчал себе под нос:

— Будь я проклят, если этот мустанг не будет мой!

От постоянного преследования иноходец одичал еще больше. Но он все-таки неизменно возвращался к источнику Антилопы. Это был единственный водопой на совершенно открытом месте — на милю вокруг врагу там негде было укрыться. Мустанг являлся сюда ежедневно около полудня и приближался к источнику, только убедившись, что ему ничто не грозит.

Лишенный своего табуна, он всю зиму прожил одиноко. Старый Индюшиный След это хорошо знал и на этом строил свои расчеты. У одного из его приятелей была славная гнедая кобыла. Захватив с собой крепкие лошадиные путы, лопату, запасное лассо и толстый кол, старый повар оседлал эту кобылу и направился на ней к источнику.

Несколько антилоп усаkali прочь, испуганные его появлением, коровы лежали в траве, звенела песня жаворонка. Ясная, бесснежная зима в этих равнинах уже миновала, и весна приближалась быстрыми шагами.

Том спутал маленькую гнедую кобылу и пустил ее пастись, но она беспрестанно задирала голову вверх, выпуская долгое призывное ржание.

Старый Индюшиный След проверил, откуда дует, и осмотрелся. Вот тут еще осталась яма, которую он помог выкопать. Теперь она была открыта и полна тухлой воды, в которой плавали дохлые сурки и мыши. Животные, приходящие на водопой, проложили себе новую тропу в обход ямы.

Облюбовав кучу камыша возле ровной зеленой лужайки, повар глубоко вбил кол в землю, затем вырыл яму, достаточно большую, чтобы можно было в ней спрятаться, и разостлал на дне свое одеяло.

Укоротив путы маленькой гнедой кобылы так, чтобы она едва могла двигаться, он растянул на земле лассо, привязал его длинным концом к столбу и прикрыл веревку землей и травой. Покончив с этим, он залез в свою нору.

Около полудня призывно ржавшая гнедая кобыла наконец дождалась ответа. С

холма на западе раздалось точно такое же ржание, и, чернея на фоне неба, появился знаменитый мустанг.

Он приближался своей мерной развалистой иноходью, но часто подозрительно останавливался, осматривался и подавал голос. Ржание кобылы, вероятно, находило отклик в его сердце. Он приблизился, опять заржал, но вдруг встревожился и описал большой круг, ловя ноздрями подозрительные запахи. Но тут гнедая кобыла снова заржала. Мустанг описал еще один круг, приблизивший его к ней, и тоже заржал. Ее ответ, по-видимому, заглушил все страхи, и сердце его загорелось.

Он гарцевал, приближаясь к Солли, гнедой кобыле, пока не прикоснулся носом к ее носу. Но тут он на миг ступил задней ногой в роковую петлю. Том быстро дернул веревку, петля затянулась, и мустанг был пойман. В ужасе он высоко подпрыгнул, но Том воспользовался этим, и веревка, как змея, дважды обвилась вокруг могучих копыт.

Страх удвоил силу коня. Он отпрянул, но веревка не пустила его, и он свалился, беспомощный, побежденный.

Безобразная, сгорбленная фигурка старого Тома вынырнула из ямы — повар торопился закрепить свою победу над этим великолепным созданием природы. Мощь коня оказалась бессильной против ума и изобретательности маленького, слабого старичка. Мустанг фыркал и отчаянно боролся, стараясь вырваться на волю, но все было напрасно: веревка крепко держала его.

Том ловко бросил второе лассо, которое обмотало передние ноги мустанга. Затем искусным движением Том стянул ему все ноги вместе. Разъяренное животное через минуту лежало на земле, беспомощное и связанное, как боров.

Несчастный иноходец продолжал биться еще долго, пока окончательно не изнемог. Все тело его сотрясилось от судорожных рыданий, и по морде скатывались слезы.

Том стоял и смотрел, и в душе старого ковбоя творилось что-то странное. Он дрожал с головы до ног, чего не бывало с ним с тех пор, как он в первый раз бросил лассо и поймал своего первого быка. И теперь он несколько минут не мог двинуться с места и только стоял и смотрел на своего замечательного пленника.

Однако чувство это скоро рассеялось. Том оседлал кобылу, сыгравшую столь роковую роль, и, взяв новое лассо, на-

дел его мустангу на шею. Он поставил кобылу возле жеребца. Уверенный, что мустанг не ускользнет от него, Том уже хотел распустить веревки, но тут ему в голову пришла внезапная мысль. Ведь он совершенно забыл про одно важное обстоятельство и начал дело, не имея всех нужных приспособлений.

По законам Запада дикий мустанг становится собственностью того, кто первый наложит на него свое тавро. Но как это сделать теперь, когда ближе чем за двадцать миль не найти прибора для клеймения скота?

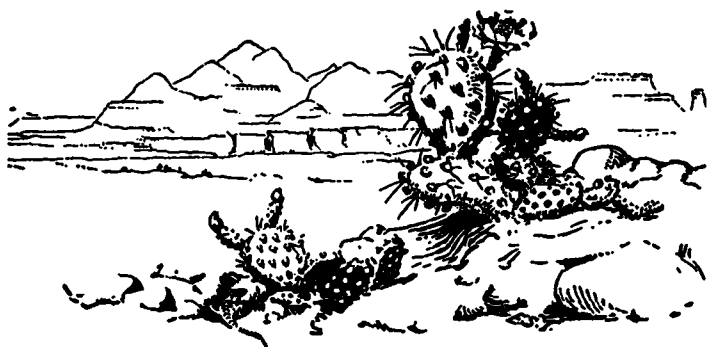
Однако старый Том был изобретателен. Подойдя к своей кобыле, он по очереди осмотрел ее подковы. Да, одна из подков держалась некрепко. Том подцепил ее лопатой и сорвал.

Найти топливо для костра на этой равнине было нетрудно, и скоро огонь уже пылал. Том взял подкову, завернул один ее конец в свой носок, а другой раскалил докрасна на огне. Потом трижды приложил его ребром к левому плечу беспомощного мустанга, изобразив грубое подобие индюшиного следа своего тавра, использовав его впервые в жизни, как бы он ни хвастал прежде.

Мустанг вздрогнул, когда раскаленное железо коснулось его тела. Но дело было сделано быстро, и знаменитый мустанг-иноходец обрел хозяина.

Теперь оставалось только отвести его домой. Том распустил веревки. Мустанг почувствовал это и, вообразив, что он уже свободен, вскочил на ноги, рванулся, но тотчас же опять повалился на землю. Его передние ноги были крепко связаны вместе, и он мог двигаться, только подпрыгивая. Если он пытался бежать, связанные ноги мешали ему и он падал. Том на своей кобыле старался увести его за собой. Он тащил его, понукал и всячески принуждал идти, но строптивый, разъяренный и покрытый пеной пленник не хотел покориться. Он дико ржал и яростно фыркал, делая бешеные скачки и пытаясь вырваться на волю.

Это был долгий и жестокий поединок. Блестящие бока мустанга потускнели от пены, смешанной с кровью. Бесчисленные падения и тщетная борьба измучили его так, как не могла измучить долгая погоня, длившаяся весь день. Хотя он бросался то в одну, то в другую сторону, но его порывистые

скачки становились все слабее, и вылетающая из ноздрей пена окрашивалась кровью. А победитель, беспощадный, властный и спокойный, все понукал его, заставляя идти вперед.

Борясь за каждый шаг, они уже спустились по склону к ущелью и достигли начала тропы, ведущей вниз, в ущелье. Тут проходила крайняя северная граница прежних владений иноходца. Отсюда уже были видны ограда и ранчо. Том ликовал, но мустанг собрал остаток своих сил для последней, отчаянной попытки вернуть свободу и бросился вверх по откосу. Он взбирался все выше и выше, не обращая внимания на впившуюся в тело веревку, на выстрел, сделанный в напрасной надежде остановить его, заставить повернуть назад.

Все выше и выше взбирался мустанг и достиг отвесного утеса. Оттуда он спрыгнул вниз, в пропасть, и пролетел двести футов, все вниз и вниз... пока не разбился о камни. Он остался лежать там бездыханный, но... свободный.

ДЖЕК — БОЕВОЙ КОНЕК

История кролика

1

Боевой Конек знал почти всех собак городка. Во-первых, большую бурую собаку, которая много раз гонялась за ним и от которой он всегда избавлялся, проскользнув сквозь дыру в дощатом заборе. Затем маленькую юркую собачонку. Эта могла пролезть в дыру, но от нее можно было удрать, перескочив через канаву с отвесными берегами и быстрым течением. Маленькая собачка всегда отставала от него у этой канавы. Такой прыжок означал бы для нее верную смерть, и мальчики до сих пор зовут это место «скачком старого Джека». Но была в городке и борзая, которая прыгала лучше самого Джека. Хотя она не могла пролезть за Джеком сквозь забор, зато легко перепрыгивала через него. Немало она испортила крови Боевому Коньку. Но Джек проворно увертывался от нее и прятался под изгородью из колючего кустарника. Борзая боялась колючек и отставала.

Кроме этих трех врагов в городке имелась еще целая армия собак, назойливых, но совершенно неспособных состязаться с кроликом в быстроте.

В окрестностях городка также обитало немало собак, но только одна из них была действительно страшна Джеку — длинноногая свирепая черная дворняжка, такая стремительная и настойчивая, что, убегая от нее, Боевой Конек не раз бывал на волосок от гибели.

Городские кошки не внушали ему страха, да они почти и не пытались нападать на него. Правда, как-то лунной ночью к месту, где он кормился, подкрался огромный кот, гордый сознанием своих многочисленных побед. Джек увидел черного зверя со светящимися глазами. Раньше чем тот успел прыгнуть, Джек повернулся к нему, поднялся на задние лапки, вытянулся во весь рост, поднял уши, громко крикнул: «Чрр-чрр!» — и, прыгнув прямо на голову кота, вонзил в нее свои острые когти. И старый кот в ужасе бежал от диковинного великана. Джек нередко пускал в ход эту уловку, но два раза она закончилась для него печальной неудачей: в первый раз, когда он угодил на кошку с котятами — от нее пришлось спасаться бегством, — а во второй раз, когда имел неосторожность наброситься таким же образом на скунса.

Но опаснейшим его врагом все же осталась борзая, и Боевой Конек, наверно, погиб бы от ее зубов, если бы его не спас счастливый случай.

Обыкновенно он выходил кормиться ночью, когда вокруг меньше врагов и легче спрятаться. Но как-то раз зимой он замешкался у стога до зари. Он пробирался через луг к своему жилью, когда, на беду, ему повстречалась борзая, рыскавшая по окраинам городка. Снег и рассвет не дали ему возможности спрятаться. Оставалось только мчаться что есть духу по мягкому снегу. А собаке легче бежать по снегу, чем кролику.

Вот и пустились оба отменных бегуна во весь дух. Они неслись по пушистому снегу, взметая его маленькими вихрями при каждом прыжке. Туда-сюда, вправо-влево. Все благоприятствовало собаке: пустой желудок, холодная погода, мягкий снег. А кролик недавно наелся до отвала клеверного сена. Тем не менее ноги его так часто взрывали снег, что в воздухе стояло по дюжине маленьких снежных струек сразу. Погоня шла по открытому месту. Джек нигде не видел спасительных колючих изгородей, а к забору борзая его не подпускала. Уши Джека тор-

чали уже не так лихо — верный признак упадка духа и сил. Вдруг они, словно флажки, опять бойко вскинулись вверх. Боевой Конек напряг все свои силы, не для того, однако, чтобы достигнуть изгороди на севере, а чтобы пересечь равнину на восток. Борзая пустилась вслед за ним. Пробежав пятьдесят шагов, кролик внезапно взял в сторону, увертываясь от свирепого преследователя, потом снова повернул к востоку. Таким образом, непрерывно лавируя и увертываясь, он продолжал держать курс на ближайшую ферму, где был высокий дощатый забор с лазейкой для кур и где жил второй его ненавистный враг — большой черный пес. Забор на миг задержал борзую и дал Джеку время проскочить сквозь куриный лаз во двор, где он и притаился в уголке. Борзая бросилась к низкой калитке и перескочила через нее, упав прямо на кур, разлетевшихся с шумом и кудахтаньем. Громко заблеяли овцы, и их страж, большой черный пес, помчался к ним на выручку. Тогда Боевой Конек выскользнул обратно через отверстие. Позади раздался визг и рычание дерущихся собак, а также людские голоса. Чем кончилась драка, Джек не знал и знать не хотел. Но с тех пор борзая ни разу больше за ним не гонялась.

II

Последние годы принесли кроликам в штате Каскадо много перемен. В былые времена они вели непрерывную борьбу с хищными зверями и птицами, со зноем и стужей, с болезнями и мухами, укусы которых разносят заразу, и все же умели постоять за себя. Но когда там поселились фермеры, жизнь кроликов изменилась.

Благодаря собакам и ружьям стало гораздо меньше койотов, лисиц, волков, барсуков и ястребов — исконных врагов кролика. И кролики расплодились за несколько лет в невероятном количестве. Но тут начался мор, сразивший огромное их большинство. Уцелели только самые здоровые и выносли-

вые. Одно время кролики стали редкостью. За это время произошла еще одна перемена: насаженные повсеместно изгороди из колючего кустарника явились новой защитой. Теперь преследуемый кролик больше надеялся на свою смекалку, чем на быстроту, и умнейшие из них, когда за ними гнался койот или собака, бросались к ближайшей изгороди и ныряли в узкую лазейку. Койоты вскоре смекнули, в чем дело, и стали охотиться парами. Один становился на одно поле, второй — на другое, и кролик, проскочив сквозь изгородь, встречал врагов с обеих сторон. Кролику удавалось спастись только в том случае, если он вовремя замечал второго койота и, вместо того чтобы пробираться сквозь изгородь, просто удирает от своего первого врага, положившись на свои быстрые ноги.

После мора кролики снова принялись быстро размножаться. Закаленные в тяжелых испытаниях, они благоденствовали теперь там, где их предки не выжили бы и нескольких месяцев. Они не любили широких, открытых лугов, больших ферм — им нравились путанные, перегороженные поля маленьких ферм, расположенных так близко друг от друга, что они почти сливались в большие деревни.

Один из таких поселков вырос вокруг железнодорожной станции Ньючизен. Его окрестности кишели кроликами новой отборной породы. Там жила и маленькая крольчиха, прозванная Ясноглазкой за блестящие глаза. Она была проворна и умела отлично надувать койотов. Для устройства своего

гнезда она выбрала открытое пастбище, нетронутый кусочек прежней прерии. Здесь родились и выросли ее крольчата. Один из детенышей пошел в мать ясными глазами и серебристо-серой шубкой, но характер у него был не материнский. А в другом ее сыне соединились все лучшие материнские свойства с дарованиями новой кроличьей породы.

Это и был тот самый кролик, за приключениями которого мы теперь следим, — тот, чьи подвиги позднее заслужили ему прозвище Боевого Конька и всемирную известность. Это он изобрел совершенно новые способы одурачивать своих врагов.

Когда он был еще совсем маленький, он выдумал хитрость, достойную мудрейшего

кролика в Каскадо. За ним гналась ужасная рыжая собачонка. Он напрасно пытался отделаться от нее, лавируя между изгородями и фермами. Изгороди и фермы полезны, когда удираешь от койотов, потому что фермеры и собаки подчас невольно помогают кролику, напав на койота. Но тут дело не шло на лад, так как собачонка ухитрялась пролезать сквозь изгороди, и Джек — Боевой Конек, еще совсем маленький и слабый, начал уставать. Уши его уже не торчали прямо вверх, а заламывались углом и временами даже совсем обвисали, когда он еще раз юркнул в очень маленькое отверстие в изгороди и тут же обнаружил, что его проворный враг тоже пролез сквозь это отверстие.

Посреди поля паслось небольшое стадо коров с одним теленком.

В диких животных живет странное стремление довериться первому встречному в минуту отчаяния. Они хорошо знают, что несущийся сзади враг означает смерть. Между тем всегда существует слабая надежда, что незнакомец может

оказаться другом. И эта-то последняя отчаянная надежда и направила Джека к коровам.

Не подлежит сомнению, что коровы остались бы невозмутимыми свидетельницами борьбы, если бы дело шло только о кролике, но в них живет врожденная ненависть к собакам,

и при виде рыжей шавки их носы и хвосты поднялись кверху. Они, гневно фыркая, сомкнули ряды и с матерью теленка во главе двинулись на собаку, в то время как Джек спрятался под низким терновым кустом. Шавка метнулась в сторону. Старая корова поняла это движение как покушение на теленка и так свирепо погналась за ней, что та едва унесла ноги.

Уловка оказалась превосходной, — должно быть, она сохранилась еще с того времени, когда бизон и койот играли роли коровы и собаки. Джек не забыл об этом случае и много раз прибегал впоследствии к такой же хитрости.

Боевой Конек выделялся среди других кроликов не только умом, но и окраской.

Окраска животных либо делает их незаметными и помогает скрываться — это «защитная окраска», либо, наоборот, делает их заметными и тогда называется «направляющей». Кролики замечательны тем, что их окраска сразу и защитная, и направляющая. Когда они сидят в своем логовище, среди серых кустарников и кочек, видна только серая шерсть ушей, головы, спины и боков. Тогда они сливаются с землей, и заметить их можно лишь на самом близком расстоянии. Но едва кролику становится ясно, что приближающийся враг неминуемо увидит его, он вскакивает и пускается в бегство. Теперь он сбросил личину — серого цвета как не бывало, происходит молниеносная перемена: уши оказываются белыми с черными кончиками, ноги — белые, хвостик чернеет пятном на белом фоне. Теперь это уже не серый кролик, а черный с белым. Его окраска стала направляющей. Как это случилось? Очень просто. Уши серые, изнутри — белые с черным. Серый плащ натянут книзу и распушен, пока кролик сидит. Когда же кролик вскакивает, все черные и белые отметины резко выступают наружу. Раньше его краски шептали: «Я кочка...», а теперь они громко кричат: «Я кролик!»

Зачем это ему нужно? Почему робкий зверек, все спасенье которого в его быстроте, считает нужным оповещать о себе весь мир, вместо того чтобы стараться скрыться? На то должна быть уважительная причина. Дело вот в чем. Если кролика спугнет другой кролик — другими словами, если тревога ложная, — он мгновенно разрушает заблуждение, показав свои естественные цвета. Наоборот, если его вспугнет койот, лисица или собака, они тотчас видят, что имеют дело с кроликом, — стало быть, погоня за ним будет одной поте-

рей времени. И в самом деле, они говорят себе: «Это кролик, а кролика мне не поймать на открытой равнине». Это избавляет кроликов от многих лишних хлопот и беготни.

Белые с черным пятна заменяют кроликам национальный мундир и флаг. У слабых кроликов белые и черные пятна малозаметны, но у сильных и здоровых они сразу бросаются в глаза. И Боевой Конек, серый, когда сидел в гнезде, сверкал как уголь и снег, когда, бросив вызов лисице или койоту, без труда уносился от них — сперва пестрым кроликом, затем белым пятном и, наконец, белой пушинкой, окончательно терявшейся в пространстве.

Многие из фермерских собак поняли, что серого кролика еще можно поймать, но пестрого поймать невозможно. Конечно, они иной раз увлекались погоней, но больше забавы ради. Сознание своей силы нередко побуждало Боевого Конька затевать с ними рискованную игру.

Джек, как и все дикие животные, считал своей собственностью определенную область и редко выходил за ее границы. По всей этой области были рассеяны его многочисленные логовища, или «постели», как их здесь называют. Это были простые углубления под кустом или пучком травы, выложенные листьями. Однако удобства не были тут забыты. Одни логовища предназначались для жаркой погоды — были обращены к северу и служили главным образом защитой от солнца; зимние логовища, напротив, представляли собой глубокие ямы с выходом на юг; а логовища, предназначенные для сырой погоды, были снабжены травяным заслоном и обращены на запад. День он проводил в одном из этих логовищ, а ночью выходил кормиться вместе со своими собратьями. Кролики кувыркались и резвились при лунном свете, как стая щенков, но всегда возвращались на рассвете в приспособленную к данной погоде постельку.

Наиболее надежным пастбищем для кроликов были луга между фермами. Ни один враг не мог поймать их тут, среди живых изгородей и колючей проволоки. Но отборнейший корм находился вблизи жилья, — отборнейший корм и сама грозная опасность. Кроликов здесь подстерегали не волки и лисицы, а люди, ружья, собаки и непреодолимые заборы. Тем не менее те, кто знал Бое-

вого Конька, нисколько не удивились, услышав, что он устроил себе гнездо как раз возле грядки с дынями посреди огорода. Здесь его окружали десятки опасностей, но здесь же ему открывались десятки наслаждений. А кроме того, он знал множество лазеек в заборе, а очутившись за ним, мог рассчитывать на десяток надежных уловов.

III

Ньючужен был типичный западноамериканский городок. Все в нем было безобразно. Вместо улиц — прямые дороги, без поворотов, глазу не на чем отдохнуть. Дома — дешевые и ничтожные сооружения из плохих досок и толя, у которых не хватало даже смелости честно признаться в своем уродстве. Каждый дом старался казаться лучше, чем был на самом деле. У одного был приделан фальшивый фасад, внушавший иллюзию, что в нем не один, а два этажа, другой был сделан из досок, крашенных под кирпич, третий притворился мраморным храмом.

Это были самые безобразные дома в мире, и на каждом из них можно было прочесть затаенное намерение владельца потерпеть год-другой, а затем отправиться в какое-нибудь другое место.

Городок украшали, и то непреднамеренно, лишь ряды насаженных для тени деревьев, изуродованных тем, что стволы их были выбелены, а ветки подстрижены, но все же живых и прекрасных.

Единственным сколько-нибудь живописным зданием в городке был хлебный элеватор. Он не выдавал себя ни за греческий храм, ни за швейцарское шале, а просто-напросто — за большой, грубый, честный хлебный элеватор. В конце каждой улицы открывался вид на прерию, с ее фермами, ветряными водокачками и длинными рядами изгородей из терновника.

Здесь было чем полюбоваться. Серо-зеленые изгороди, крепкие, густые и высокие, пестрели золотистыми плодами, непригодными для еды, но более желанными здесь, чем дождь в пустыне, так как эти плоды были красивы и, свешиваясь с длинных жестких веток, радовали утомленные безобразием глаза.

Попав в такой городок, только и думаешь, как бы поскорей из него выбраться. Так думал, по крайней мере, некий путешественник, застрявший в нем на два дня в конце зимы. Он осведомился о местных достопримечательностях. Чучело белой выхухоли под стеклом в трактире, старый Бэкки Буллин, оскальпированный краснокожими сорок лет назад, и трубка, из которой однажды курил Кит Карсон, показались ему неинтересными, и он решительно повернул к покрытой снегом прерии.

Среди многочисленных собачьих следов ему бросился в глаза след большого кролика. Он спросил прохожего, водятся ли в городке кролики.

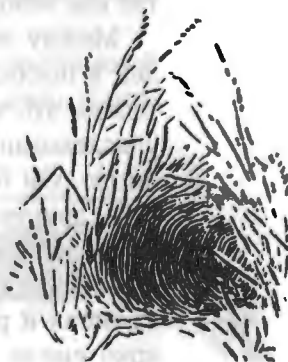
— Я никогда ни одного не видел, — был ответ.

Рабочий с мельницы ответил то же самое. Но мальчишка с пачкой газет сказал:

— В лугах они кишмя кишат и то и дело забегают в город. Да прямо на огороде Калба живет большущий кролик — здоровеннейший детина и весь рябой, словно шахматная доска.

«Здоровеннейший детина» был не кто иной, как Боевой Конек. Однако он не жил на огороде Калба, а только заходил туда иногда. А в этот день он сидел в своем открытом на запад логовище, потому что дул сырой восточный ветер. Логовище это находилось на восток от Медисон-авеню. Приезжий направился как раз в том направлении, и кролик принялся наблюдать за ним. До тех пор пока человек держался дороги, Джек был спокоен, но дорога заворачивала на север, а человек пошел прямо через поле. Тогда Джек встревожился. Как только незнакомец оставил проторенный путь, кролик выскочил из гнезда и понесся по лугам на восток.

Бегущий от врага кролик обыкновенно покрывает восемь — десять футов каждым прыжком. После каждого пяти-шести прыжков он прыгает вверх для разведки — взвивается высоко в воздух, чтобы подняться над травой и кустами и хорошенько осмотреться. Неопытный кролик прыгает вверх после каждого четырех скачков и теряет много времени. Разумный кролик довольствуется одним скачком вверх через каждые восемь-девять, и этого вполне

достаточно для наблюдения. А Боевой Конек получал все необходимые сведения, взвиваясь вверх после двенадцати скачков, а каждый скачок покрывал десять — двенадцать футов. След, который он оставлял за собой, отличался еще одной особенностью. Другие породы кроликов и зайцев круто задирают хвост на бегу и не касаются им снега. Когда же бежит большой северный кролик, его хвост висит. У некоторых он направлен вниз и таким образом часто оставляет черточку на снегу позади отпечатков ног. Блестящий черный хвост Боевого Конька был необычайной длины и при каждом скачке оставлял на снегу длинный след — настолько длинный, что одного его было достаточно, чтобы отличить след Джека от следа любого другого кролика.

Многие кролики не испугались бы, увидев человека без собаки, но Боевой Конек помнил о том, как обжег его однажды выстрел из ружья, и, подпустив неприятеля на семьдесят пять шагов, пустился бежать, стелясь над землей, к забору. Перебравшись через забор, он полетел, как низко парящий ястреб, пока через милю не достиг одного из самых тайных своих убежищ, в котором и залег, предварительно подпрыгнув и осмотрев местность.

Но недолго он отдыхал. Двадцать минут спустя его большие чуткие уши уловили четкий звук «хрусть, хрусть, хрусть» — скрип человеческой ноги по снегу. И, вскочив, он вновь увидел человека с блестящей палкой — на этот раз гораздо ближе.

Боевой Конек во всю прыть пустился к забору. Ни разу он не позволил себе подпрыгнуть вверх для разведки, пока между ним и неприятелем не оказалась надежная преграда из проволоки и жердей: излишняя, впрочем, предосторожность, так как человек видел только след и кролика даже не заметил.

Между тем Джек несея все дальше, расстилаясь над землей и поглядывая, не покажутся ли и другие враги. Он знал теперь, что человек идет по его следу, и давнишний инстинкт, унаследованный от борьбы с хорьками, заставил его сделать петлю. Он бежал прямо, пока не достиг отдаленного забора, а по другую его сторону пробежал еще пятьдесят шагов, а затем вернулся по старому следу и побежал в другую сторону, пока не достиг другого своего логовища. Он всю ночь был на ногах и рад был бы отдохнуть теперь, потому что солнце ярко сияло. Но едва он успел слегка согреться, как снова

мерное «хрусть, хрусть, хрусть» возвестило о приближении врага, и снова Джек понесся вдаль.

Пробежав полмили, он остановился на холмике и, убедившись, что человек все еще идет за ним, старательно запутал следы. Затем он пробежал мимо своего любимого логовища, возвратился к нему с обратной стороны и улегся на отдых, уверенный, что окончательно сбил неприятеля с толку.

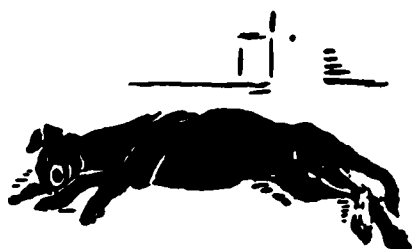
Не так скоро, как прежде, но все же вот оно опять — «хрусть, хрусть, хрусть».

Джек проснулся, но не двинулся с места. Человек продолжал идти по следу. Джек незаметно выскочил из засады, соизнавая, что имеет дело с необычайно хитрым врагом и надо придумать что-то новое. Человек и кролик обходили по большому кругу область, принадлежавшую Боевому Коньку, и находились в эту минуту в полумиле от фермы, где жил большой черный пес. Это была ферма, знаменитая чудесным дощатым забором с так удачно расположенным лазом для кур. Кролик вспомнил это место и обрадовался: здесь он много раз одерживал победу, здесь одурачил большую борзую.

И Боевой Конек открыто помчался через снежную равнину к забору черного пса.

Куриная лазейка оказалась закрытой. Кролик, озадаченный, искал другой ход, но безуспешно. Завернув за угол, он вдруг увидел открытую настежь калитку. За калиткой на куче досок лежал большой черный пес и безмятежно спал. Куры сидели тесной кучкой в самом теплом уголке двора, а кошка брезгливо перебегала от амбара к кухне. Боевой Конек остановился у калитки.

Черная фигура его преследователя двигалась по снежной равнине. Джек, спокойно подпрыгивая, вбежал во двор. Длинноногий петух, вместо того чтобы заниматься собственными делами, увидев кролика, громко закричал. Лежавший на солнце пес поднял голову и встал. Джеку грозила смертельная опасность. Не долго думая он припал к земле, обратившись в серую кочку.

Сделано это было искусно, но он все же расстался бы с жизнью, если бы не кошка. Невольно, сама того не сознавая, она спасла его. Черный пес сделал три шага к кролику, хотя и не заметил еще, что он здесь, и загородил единственный выход со двора. Но тут из-за угла дома появилась кошка и, вскочив на подоконник, свалила с него цветочный горшок. Этой неловкости было достаточно для нарушения вооруженного нейтралитета, существовавшего между ней и псом. Она бросилась бежать к амбару, а известно, что при виде бегущей кошки всякий пес приходит в ярость. Они промчались в тридцати футах от кролика. Не успели они исчезнуть, как Джек повернулся и, не сказав даже: «Спасибо, киска!» — выскочил из двора и пустился по накатанной дорожке.

Хозяйка дома спасла кошку от преследований пса, и он уже снова валялся, растянувшись на досках, когда подоспел человек, преследовавший кролика. В руках у него было не ружье, а толстая палка, и поэтому пес его не тронул.

След был потерян. Была ли уловка кролика умышленной или нет, она, однако, увенчалась полным успехом, и Джек избавился от своего назойливого преследователя.

На следующий день незнакомец снова отправился на поиски Джека и нашел не его самого, а его след. Он узнал этот след по отпечатку хвоста, по длинным скачкам и редким разведочным прыжкам вверх. Но рядом с ним тянулся теперь след кролика ростом поменьше. Вот тут они встретились, там гонялись друг за другом, по-видимому играя, так как следов драки видно не было; здесь кормились или отдыхали рядом на солнышке, там бежали рядом, а тут опять резвились на снегу, по-прежнему неразлучные. Незнакомец все понял. Было то время года, когда принято обзаводиться семьей: парный след принадлежал Боевому Коньку и его подруге.

IV

Следующее лето оказалось необычайно удачным для кроликов. Безрассудный закон назначил награду за каждого убитого ястреба и сову. Этих пернатых стражей равнин ис-

требили чуть ли не поголовно. И кролики так расплодились, что угрожали теперь опустошить страну.

Тогда-то фермеры, более всех страдавшие от ими же изобретенного закона, задумали грандиозную облаву на кроликов. Все местное население приглашено было явиться в назначенное утро на главную северную дорогу графства, с тем чтобы обойти всю округу, двигаясь против ветра, и загнать кроликов в большой загон, огороженный проволоочной сеткой. Собаки не участвовали в охоте, так как они могли выйти из повиновения. Ружей тоже не взяли, потому что в толпе они опасны. Но каждый мужчина и мальчик явился с парой длинных палок и сумкой камней. Женщины следовали за ними верхом или в повозках. Многие из них были вооружены трещотками, охотничьими рогами и связками жестянок. К некоторым повозкам были привязаны старые ведра или пучки дранки, которые, ударяясь о спицы колес, увеличивали грохот. А ведь кролики обладают таким тонким слухом, что шум, ошеломительный даже для человека, должен был привести их в полное смятение.

Погода стояла ясная, и в восемь часов утра подан был сигнал отправляться в путь. Линия гона вначале растянулась на пять миль. На каждые тридцать — сорок шагов приходилось по человеку. Повозки и верховые лошади поневоле держались почти исключительно дорог, но загонщики шли напрямик через поле. Люди были расположены приблизительно по трем сторонам квадрата. Каждый старался шуметь как можно больше и обшаривал палкой все кусты. Отовсюду стали выбегать кролики. Некоторые бросились к загонщикам, но были встречены градом камней, прикончивших многих. Изредка то один, то другой проскакивал мимо и спасался, но таких было очень немного.

Облава сметала кроликов в кучу, словно метла. Скоро они уже кишели за каждым кустиком. Когда облава прошла пять миль — на что потребовалось около трех часов, — был отдан приказ смыкать оба крыла. Промежутки между загонщиками сократились до десяти футов, и облава двинулась к загородке. Кролики очутились в западне. Люди прибавили

шагу, десятками убивая слишком близко подбегавших к ним зверьков. Земля была усеяна их трупиками, но число кроликов, казалось, все возрастало. И прежде чем жертвы окончательно были загнаны за загородку, оцепленное пространство в два акра представляло собой сплошную трепещущую массу скачущих, бегающих, мечущихся кроликов. Они кружились и прыгали, ища выхода, но неумолимая толпа сгущалась по мере того, как постепенно суживалось кольцо, и все же масса была втиснута в загон, где некоторые тупо расселись посередине, другие опрометью стали бегать вдоль решетки, а иные пытались запрятаться по углам или друг под другом.

А Боевой Конек — где был он во время облавы? Облава смела его вместе с остальными, и он одним из первых вбежал за загородку.

Однако устроители облавы намеревались не только истребить кроликов, но и отобрать лучших из них, для чего была придумана хитроумная уловка.

Загон должен был стать смертью для всех кроликов, за исключением наиболее умных и сильных. Много оказалось тут никуда не годных. Тот, кто воображает, что все дикие животные являются образцом совершенства, удивился бы, увидев, как много было в загоне хромых, увечных и хилых.

То была победа наподобие римской: слабосильным предстояло избиение. Отборнейшие кролики предназначались для арены. Арены? Да, для садков Скакового клуба.

В этой заранее приготовленной огромной западне были расположены вдоль стен ряды маленьких ящиков, по крайней мере пятьсот. Каждый ящик был рассчитан на одного кролика.

Самые проворные из кроликов первыми попали в загон. Одни были проворны и глупы: очутившись внутри, они принялись метаться. Другие были проворны и умны: эти поспешили воспользоваться ящиками и спрятались в них. Все ящики были полны. Этим способом были отобраны быстрейшие и умнейшие — способом, разумеется, небезошибочным, но самым простым и удобным. Эти пятьсот предназначались для обучения борзых собак. Остальные четыре с лишним тысячи были беспощадно истреблены.

А пятьсот ящиков с пятьюстами ясноглазыми кроликами были в тот же день погружены в поезд. Среди них находился и Джек — Боевой Конек.

V

Кролики легко относятся к превратностям судьбы, и не следует воображать, что заключенные испытывали большой страх, после того как утих шум облавы. Когда же они прибыли на скаковое поле в большом городе и были осторожно вынуты один за другим, им не на что было пожаловаться. Они очутились в просторном загоне, где находилось много вкусной пищи и не было никаких врагов.

Тренировка их началась с первого же утра.

Открыли ряд дверей, ведущих на примыкавшее к загону обширное скаковое поле.

Когда кролики разбрелись по этому полю, явилась гурьба мальчиков и принялась их гонять, пока все они не оказались опять в прежнем загоне, называвшемся Пристанью. Эти упражнения продолжались несколько дней, и кролики поняли, что спасения следует искать только в Пристани.

Тогда начался второй урок. Всю стаю выгнали через боковую дверь на длинную дорожку, которая огибала скаковое поле и вела в другой загон на противоположном его конце. Дверца этого загона открылась, и мальчишки с собаками погнали кроликов по полю. Некоторые из молодых по привычке делали разведочный скачок, а низко стелясь над землей, во главе всей погони скакал великолепный черный с белыми пятнами кролик. На его стройные лапы и блестящие глаза все обратили внимание уже в загоне. Теперь же, оказавшись

на поле, он повел за собой всю армию, опередив ее ровно настолько же, насколько большинство кроликов опередило собак.

— Гляньте на этого! Ну разве не Боевой Конек? — крикнул конюх-ирландец, и эта кличка так и осталась за Джеком.

Пробежав половину поля, кролики внезапно вспомнили о Пристани и бросились к ней, как снежная вьюга по сугробам.

В этом и заключался второй урок — нестись прямо к Пристани, как только их выпустят. За неделю все кролики успели его выучить и были готовы к торжественному состязанию Скакового клуба.

Боевой Конек хорошо был знаком теперь конюхам и посетителям. Одна окраска уже выделяла его. Кроме того, длинноухая стая сама признавала его своим вожакom. Служители клуба держали пари не только на собак, но и на него.

— Любопытно, выпустит ли в этом году старик Дигнам своего Минки?

— Если да, бьюсь об заклад, что Боевой Конек обгонит и Минки, и его напарника.

— Ставлю три против одного, что моя Джен сцапает Боевого Конька еще до Большой трибуны, — заявил какой-то владелец собак.

— Идет! — отозвался ирландец Мики. — Мало того, ставлю месячное жалованье, что из здешних собак ни одной не заставить Боевого Конька хоть раз свернуть с пути за всю скачку.

Так они спорили и гадали, и с каждым днем росло число людей, убежденных в великих способностях Боевого Конька.

VI

Состязания начались солнечным утром. Большую трибуну переполнила городская публика. Псаря водили борзых поодиночке и попарно. Спины собак были покрыты попонками, но это не мешало видеть их мускулистые лапы, змеиные шеи, изящные головы с длинными челюстями и блестящими подвижными желтыми глазами. Эти собаки были удивительнейшими приспособлениями для бега, созданными из плоти и крови природой и человеческим хитроумием. Псаря

берегли их как зеницу ока, ухаживали за ними, как за детьми, тщательно следили, чтобы они не ели отбросов и не обнюхивали непривычных предметов, а главное, не подпус-

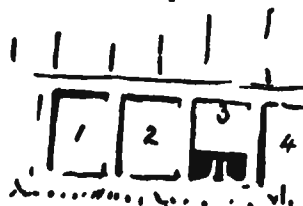

кали к ним незнакомых людей. На этих собак ставились большие деньги, и бывали случаи, когда коварно подсунутая приманка, кусок особо приготовленного мяса, даже искусно составленный запах обращали великолепного скорохода в апатичного лентяя и разоряли его владельца.

Собак выпускают на арену парами, так как всякое состязание является в то же время поединком. Псы, выигравшие первый забег, разбиваются на пары. При каждом испытании из-за загородки выпускают одного кролика, которого дожидаются на сворке две собаки-соперницы. Как только кролик отбежит на достаточное расстояние, стартер ставит обеих собак рядом и спускает их сразу. На поле дожидается, верхом на хорошей лошади, судья в красном костюме. Он следует за собаками. Помня пройденный курс наук, кролик мчится через поле к Пристани, на виду у Большой трибуны. Собаки следуют за ним. Когда первая собака приблизится к кролику, он начинает увертываться от нее.

Каждый раз, когда кролик сворачивает с прямого пути, собаке прибавляются очки, а умерщвление зверька считается окончательной победой.

Иногда собака расправляется со зверьком в ста шагах от старта. Значит, кролик плох. Чаше это происходит напротив Большой трибуны, но в исключительных случаях кролику удастся укрыться в Пристани. Возможны четыре развязки: немедленное убийство кролика, скорое возвращение кролика в Пристань, смена собак, которым угрожает разрыв

сердца от продолжительного бега под палящим солнцем, и, наконец, для тех кроликов, которые продолжают увертываться и изматывать собак, но не возвращаются в Пристань, держится про запас заряженное ружье. Вокруг кроличьих садков плутней и подтасовок так же много, как и на скачках. Поэтому, как и на скачках, тут не мешает иметь судью и стартера, достойных доверия.

Накануне следующего состязания состоялась «случайная» встреча между ирландцем Мики и неким человеком в бриллиантовых перстнях.

Мики угостили сигарой. Казалось бы, что ж тут необыкновенного? Но сигара была завернута в зеленую обертку*, искусно сдернутую с нее перед закуриванием.

Последовало несколько небрежных слов:

— Если бы завтра вас поставили у старта, а Минки Дигнама проиграл бы, то я дал бы вам еще одну сигару.

— Если я буду у старта, я могу так повернуть дело, что Минки не получит ни одного очка, да и его напарник тоже.

— Вот как? — Его собеседник, видимо, заинтересовался. — Прекрасно. Так и сделайте. Вы получите две сигары.

Стартер Слаймен всегда работал честно и отверг немало соблазнительных предложений — это было известно всем. Большинство доверяло ему, но имелось и несколько недоброжелателей. Поэтому, когда к распорядителю подошел господин со множеством золотых брелоков и выдвинул против Слаймена несколько серьезных обвинений, подкрепив их уликами, пришлось поневоле отставить его временно от обязанностей, и на его месте воцарился Мики Ду.

Мики был беден и не слишком щепетилен. Ему представлялся случай заработать годовое жалованье за одну минуту, да еще не причинив никому вреда — ни собаке, ни кролику.

* Американские доллары зеленого цвета.

Один кролик внешне мало отличается от другого, всем это известно. Весь вопрос в том, чтобы умело выбрать кролика.

Первые забеги закончились. Было выпущено и убито пятьдесят кроликов. Мики выполнял свои обязанности безупречно: все пары собак были спущены без единого нарушения правил. И он остался стартером.

Теперь приближался финал кубка — заключительные забеги и большие пари.

VII

Стройные, изящные борзые дожидались своей очереди. Минки и его соперник бежали в первой паре. Дело до сих пор велось добросовестно, и кто может сказать, что дальше началась нечистая игра? Мики же был вправе выпустить любого кролика.

— Номер третий! — крикнул он помощнику.

Из ящика выскочил Боевой Конек с черно-белыми ушами. Каждый его прыжок равнялся пяти футам. Испуганно глянув на непривычную ему толпу, он сделал поразительный по высоте разведочный скачок.

— Гр-р-р-р! — закричал стартер, а его помощник забарабанил палкой по решетке.

Прыжки Боевого Конька увеличились до восьми-деяти футов.

— Гр-р-р! — И они возросли до десяти, до двенадцати.

Когда он отбежал на тридцать шагов, спустили борзых — одновременно и без какой-либо задержки. Впрочем, многие находили, что довольно было бы отпустить кролика и на двадцать шагов.

— Гр-р-р! Гр-р-р! — И Боевой Конек поплыл четырнадцатифутовыми скачками, ни разу не подпрыгнув для разведки.

— Гр-р-р!

Чудесные собаки! Как они мчались по полю! Но далеко впереди, как белая чайка, как облачко, неся Боевой Конек. Дальше, мимо Большой трибуны! Уменьшалось ли расстояние между кроликом и собаками? Нет, увеличивалось! В меньшее время, нежели требуется, чтобы это описать, черно-белый пушок впорхнул в дверь Пристани — дверь, так похожую на добрый старый куриный лаз в заборе. Борзые

остановились под гром насмешек. Толпа кричала «ура» Боевому Коньку. Как хохотал Мики! Как ругался Дигнам! А репортеры писали, писали, писали...

На следующий день во всех газетах появилась заметка:

«Чудесный подвиг кролика. Кролик по имени Боевой Конек разбил наголову двух знаменитых в спортивном мире собак».

Между владельцами собак произошел яростный спор. Поскольку забег окончился вничью, собак допустили на второе состязание, но после первого гона они были утомлены и на этот раз бежали вяло.

На другой день Мики встретился с человеком в бриллиантовых перстнях. Случайно, конечно.

— Хотите сигару, Мики?

— Благодарю вас, сэр. Уж так они хороши, что не отказался бы и еще от одной. Покорно благодарю, сэр.

VIII

С этого дня Боевой Конек сделался гордостью ирландца. Стартеру Слаймену с почетом вернули его должность. Мики пришлось по-прежнему выпускать кроликов, но это привело только к тому, что с этих пор Мики начал сочувствовать кроликам, а не собакам. Вернее, не кроликам, а Боевому Коньку, потому что один он прославился из пятисот уцелевших от облавы. Были и другие, достигавшие Пристани и выступавшие по нескольку раз, но один только Джек пробежал все поле, ни разу не свернув с прямого пути. Состязания проходили два раза в неделю. Каждый раз гибло от сорока до пятидесяти кроликов. Из пяти сотен пленников скоро не осталось почти никого.

Боевой Конек участвовал в каждом состязании и каждый раз достигал Пристани. Мики приходил в дикий восторг, восхваляя таланты своего любимца. Он искренне любил длинноногого бегуна и упорно утверждал, что для любой собаки великая честь потерпеть поражение от такого молодца.

Кроликам крайне редко удается благополучно пробежать все поле, и, когда Боевой Конек проделал это шесть раз подряд, не сбиваясь с прямого пути, о нем заговорили в газетах, и после каждого состязания появлялась заметка:

«Боевой Конек снова, ни разу не свернув с пути, скрылся в Пристани. Старожилы говорят, что в наше время совсем исчезли хорошие собаки».

После шестой победы все кроличьи сторожа пришли в восторг, а главный их командир, Мики, ликовал исступленно.

— Черт побери! Его надо выпустить на волю! Он заслужил свою свободу не хуже всякого американца, — говорил он в надежде повлиять на патриотическое чувство распорядителя состязаний, бывшего, в сущности, владельцем кроликов.

— Ладно, Мики. Когда дойдет до тринадцати раз, можешь отправить его обратно на родину, — был ответ.

— Право, сэр, отпустите его сейчас!

— Нет-нет, он мне нужен, чтобы проучить несколько новых собак.

— Значит, по рукам, сэр: тринадцать раз — и он свободен.

В это время была доставлена новая партия кроликов, и один из них оказался очень похож окраской на Боевого Конька, хотя бегал он совсем не так быстро. Мики во избежание ошибок посадил Боевого Конька в ящик, чтобы пометить ему уши щипцами, которые занял у контролера. На тонком хряще ясно отпечатались звездочка, и Мики воскликнул:

— Ты будешь получать по звездочке за каждое состязание!

И он пробил на правом ухе шесть меток подряд.

— Теперь все в порядке, Боевой Конек. Ты станешь свободнейшим из свободных кроликов, когда заработаешь себе тринадцать звезд. На нашем флаге тоже было тринадцать звезд, когда мы заработали свою свободу!*

На следующей неделе Боевой Конек победил новых борзых, и звезды перевалили уже с правого уха на левое. Еще неделя — и у него были все тринадцать звезд: шесть на левом ухе, семь на правом.

Газеты шумели о его подвигах.

* Соединенные Штаты после освобождения из-под власти Англии состояли всего из тринадцати штатов, поэтому первоначально на американском флаге было тринадцать звезд. Теперь число штатов дошло до пятидесяти, и соответственно с этим увеличилось число звезд на флаге.

— Ого-го! — торжествовал Мики. — Ты теперь вольный кролик, Боевой Конек! Тринадцать — счастливое число. Никогда оно меня не обманывало.

IX

— Да-да, знаю, что обещал, — сказал распорядитель, — но мне хочется выпустить его еще разок. Я поставил на него деньги против одной из новых собак. Это ему не опасно, он превосходно с ней справится. Да ну же, Мики, не упрямясь! Ведь бегают же собаки по два и три раза в день, почему бы кролику еще раз не побегать?

— Собаки не ставят жизнь на карту, сэр.

— Отстань!

В загородке прибавилось много новых кроликов, крупных и мелких, миролюбивых и воинственных. Один рослый самец с диким нравом, увидев поутру стремительное возвращение Джека в Пристань, воспользовался случаем, чтобы напасть на него.

В другое время Джек щелкнул бы его по голове, как сделал это однажды с кошкой, и мгновенно разделался бы с ним, но теперь драка затянулась. Царапины и ушибы, полученные перед гонкой, повлияли на резвость Джека.

Начало этого состязания ничем не отличалось от предыдущих. Боевой Конек понесся легко и низко, с поднятыми ушами. В тринадцати звездах свистел ветерок. Вслед за ним мчались пес Минки с новичком Фанго, и, к удивлению стартеров, расстояние между ними и кроликом уменьшалось. Боевой Конек замедлил бег, и как раз перед Большой трибуной старый Минки заставил его свернуть с прямого пути. Зрители восторженно заорали, так как все хорошо знали участников состязания. Через пятьдесят шагов Фанго, в свою очередь, сбил кролика с пути, и состязавшиеся вернулись прямо к старту. Там стояли Слаймен и Мики. Кролик лавировал, борзые настигали его.

В тот самый миг, когда гибель казалась неминуемой, Боевой Конек прыгнул прямо на Мики. Мики схватил его на руки, отбиваясь ногами от рассвирепевших собак.

Едва ли Джек сознавал, что Мики ему друг. Он только повиновался старинному инстинкту, повелевавшему бежать от верного врага к возможному доброжелателю, но, по счастливой случайности, оказалось, что он не мог поступить разумнее. Публика радостно зашумела, увидев Мики с его любимцем на руках. Но владельцы собак запротестовали: «Неправильно! Надо довести дело до конца!» Они обратились к распорядителю. Тот ставил на Джека против Фанго и, раздосадованный неудачей, назначил новый забег.

Насилу Мики удалось выговорить для кролика хотя бы час отдыха. И вот Джек снова пустился бежать с Фанго и Минки по пятам. Теперь он бежал лучше, чем в прошлый раз, но за трибуной его заставил повернуть сначала Фанго, а потом Минки. Джек прыгал направо, налево, бросался из стороны в сторону и еле ускользал от врагов. Так длилось несколько минут. Мики видел, что уши Джека начинают обвисать. Собака прыгнула к кролику. Джек проскользнул почти под ее брюхом и увернулся — для того лишь, чтобы встретиться со второй собакой. Теперь оба его уха лежали плашмя на спине. Однако борзые тоже начали уставать. Они высунули языки. Челюсти и вздымавшиеся бока были все в пене. Уши Боевого Конька снова взлетели кверху. Казалось, усталость псов вернула ему бодрость. Он ринулся по прямой линии к Пристани. Но прямая линия была для собак легче поворотов, и ему опять пришлось завернуть, снова начав отчаянную игру. Владельцы борзых испугались за здоровье своих собак, и были спущены еще две, свежие борзые. Эти уж наверняка прикончат кролика. Боевой Конек напряг последние силы. Он оставил первых двух борзых далеко позади и уже подходил к Пристани, как подошли вторые.

Ничто, кроме лавирования, не могло спасти его. Уши Джека повисли, и сердце колотилось о ребра, но дух был еще силен. Он метался, делая зигзаги. Собаки натывались друг на друга, — казалось, вот-вот они схватят его. Одна из них отщипнула кончик его длинного черного хвоста, и все же он увернулся. Но достигнуть Пристани он уже не смог. Счастье ему изменило. Против воли он очутился снова у

Большой трибуны. Тысячи нарядных дам смотрели на него. Срок забега истекал.

Вторые собаки начинали уже уставать, как вдруг на них налетел Мики, выкрикивая безумные, бессвязные слова:

— Негодные твари! Подлые мерзавки!

И он яростно бросился к собакам.

Сбежались служители и оттащили прочь Мики, продолжавшего осыпать людей и собак самыми оскорбительными ругательствами.

— «Честная» игра! Вот что вы зовете честной игрой, лгуны вы, грязные обманщики, кровожадные трусы!

Его уволокли с поля. Последнее, что он увидел, были четыре собаки, устало преследующие слабого, загнанного кролика, да судья на лошади, подающий знак человеку с ружьем.

Ворота захлопнулись за Мики. Он услышал два выстрела, гомон голосов, смешавшихся с визгом собак, и понял, что для Джека — Боевого Конька наступила развязка номер четыре.

На беговое поле его не пустят. Не долго думая Мики помчался к Пристани. Он увидел Джека — Боевого Конька, ковыляющего к Пристани с полуповисшими ушами. Он понял, что стрелок промахнулся, попал не в того, в кого следовало: одну раненую борзую уносили с поля, около другой хлопотал ветеринар.

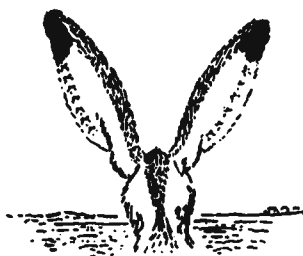
Мики оглянулся, схватил ящик, поставил его в угол Пристани, бережно загнал в него измученного беглеца, закрыл крышку, затем с ящиком под мышкой перелез через забор, не замеченный во всеобщем смятении, и исчез.

Все равно его прогнали бы! Мики ушел из города пешком, сел в поезд на ближайшей станции

и через несколько часов очутился в кроличьей стране.

Солнце давно зашло, и над равниной стояла звездная ночь, когда Мики осторожно открыл ящик и здесь, среди ферм, живых изгородей и трав, тихонько выпустил Боевого Конька на свободу, сказав при этом:

— Не в первый раз старая Ирландия выпускает на свободу тринадцать звезд!

Секунду Боевой Конек озибался в недоумении. Затем сделал три или четыре длинных прыжка и один разведочный, чтобы обозреть местность. Тогда, развернув свои украшенные почетными звездами уши, он понесся навстречу так трудно отвоеванной свободе, вновь бодрый и сильный, и затерялся во мраке своих родных равнин.

С тех пор его часто видели в Каскадо. Много раз в этой местности устраивались облавы, но, должно быть, он избрал какой-нибудь новый способ спастись от людей, так как среди всех тысяч убитых и пойманных кроликов ни разу более не попадался кролик со звездами на ушах, Джек — Боевой Конек.

Через боковую дверь мы вошли в конюшню. Слабый запах чисто содержащихся денников терялся в нежном аромате сена. Поднявшись по лестнице, мы очутились на длинном чердаке. Южный конец его был отгорожен, и знакомое «ку-у-у, ку-у-у, рук-эт-э-ку», смешанное с «уирр, уирр, уирр» крыльев, дало нам знать, что мы находимся на голубятне.

В этой голубятне жили знаменитые птицы, и на этот самый день было назначено состязание между пятьюдесятью молодыми голубями. Владелец голубятни пригласил меня быть судьей в этом состязании.

Оно, по своей сути, было испытанием молодых птиц. Раза два уже их относили вместе с родителями в поле и выпускали на свободу, чтобы они научились возвращаться в голубятню. Теперь им предстоял первый самостоятельный полет без старших. Выпустить их решено было в городке Элизабет — для молодых голубей такое расстояние было довольно большим.

— Дело в том, — объяснял тренер, — что мы так избавляемся от дурачков. Возвращаются только самые лучшие, а они-то нам и нужны.

Владельцы голубей и многие соседи-любители держали пари на разных птиц. Они установили между собой приз для победителя. Мне, как судье, предстояло определить, который из голубей окажется победителем. Выигравшим должен был считаться не тот, кто вернется первым, но тот, кто первым

войдет в голубятню, потому что голубь, возвращающийся только в окрестности своего жилья, но не являющийся немедленно домой, плохой письмоносец.

Голубь, всегда и отовсюду возвращающийся домой, зовется возвратным голубем. Эти голуби не отличаются особой окраской и лишены причудливых украшений, годных для птичьих выставок. Их разводят не напоказ, а потому, что они быстрокрылы и умны. От них требуется привязанность к родным местам и способность без промаха отыскивать их. Теперь считается, что чувство направления помещается в ушном лабиринте. Нет на свете существа, обладающего более тонким чувством направления, чем хороший возвратный голубь. Такого голубя всегда можно узнать по большим выпуклостям над ушами и по мощным крыльям.

И вот предстояло подвергнуть испытанию способности голубиной молодежи.

Несмотря на множество свидетелей, я счел более надежным запереть все дверцы голубятни, за исключением одной, и встать наготове, чтобы тотчас хлопнуть ее, как только первый голубь влетит в голубятню.

Никогда не забуду, что я пережил в этот день. Меня предупредили, что голубей выпустят в двенадцать часов. В половине первого им следует быть здесь, но надо держать ухо востро — они прилетают, как вихрь. Едва успеешь их заметить, как они уже влетят в голубятню.

Мы выстроились у стенки внутри голубятни, и каждый припал глазом к щели или неплотно закрытой дверце, жадно всматриваясь в юго-западный горизонт, как вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, вот они!

Белое облако низко пронеслось над городскими крышами, обогнуло фабричную трубу, и не прошло

двух секунд, как голуби уже были на месте. Появление белого облачка, шелест крыльев — все это было так внезапно, так быстро, что как я ни готовился, а был застигнут врасплох. Мое место было у единственной открытой дверцы. Синяя стрелка просвистела мимо меня, задев мне лицо крыльями, и я едва успел спустить дверцу, как поднялся вопль:

— Арно! Арно! Говорил я вам, что он победит! Ох ты прелесть моя! Всего три месяца — и уже приз! Радость ты моя!

И владелец Арно прыгал, больше радуясь успеху птицы, нежели деньгам.

Все присели на корточки вокруг голубя, созерцая с благоговением победителя, который сперва напился, а потом повернулся к кормушке.

— Смотрите на эти глаза, на эти крылья! А видели вы когда-нибудь такую грудь? О, да он молодец хоть куда! — болтал его владелец, обращаясь к безмолвным хозяевам-неудачникам.

Это был первый подвиг Арно. Он оказался лучшим из пятидесяти отличных голубей, и ему предстояла блестящая карьера.

Он получил серебряное кольцо, которым награждают лучших голубей. На кольце красовался его номер: 2590 С — номер, о котором и поныне любители говорят с благоговением.

Всего в голубятню возвратились сорок голубей. Так бывает почти всегда. Некоторые ослабели и отстали, другие сбились с пути по глупости. Этим простым способом отбора владельцы голубей добиваются усовершенствования породы. Из десяти пятеро пропали без вести, другие пятеро вернулись позднее в тот же день, и не поодиночке, а вместе. Последним из них явился большой, неповоротливый сизый голубь. Работник голубятни заметил его и сказал:

— Вот он, тот безмозглый сизый, на которого ставил Джек. Не думал я, что он вернется. Слишком уж у него большой зоб.

Большой Сизый, прозванный также Угловым, потому что он родился в угловом гнезде, отличался с самых первых дней замечательной силой. Несмотря на то что все голуби были

приблизительно одного возраста, он скоро перерос своих ровесников и был красивее всех. Но знатоки мало ценят красоту голубей. Он, видимо, гордился своим превосходством и смолоду любил обижать слабых. Его хозяин предсказывал ему великую будущность, но конюх Билли не доверял его длинной шее, большому зубу, неповоротливости и излишнему весу.

— Разве птица может хорошо летать с таким пузырем на шее? Да и длинные ноги только весу прибавляют, — пренебрежительно ворчал Билли, подметая по утрам голубятню.

II

После первого полета тренировка голубей проводилась систематически. Расстояние с каждым днем увеличивалось на двадцать пять — тридцать миль, и направление менялось до тех пор, пока голуби не ознакомились со всеми окрестностями Нью-Йорка на полтораста миль вокруг. Из пятидесяти птиц осталось всего двадцать, потому что суровый отбор затрагивает не только слабых и неспособных, но еще и тех, кто случайно заболел, или попал в беду, или слишком сытно поел перед гонками.

На голубятне было много красивых птиц, широкогрудых, ясноглазых и длиннокрылых, созданных для того, чтобы служить человеку в минуту серьезной нужды. Окраска их была преимущественно белая, сизая или коричневая. У них не было определенной масти, но у каждого из оставшихся избранных были блестящие глаза и выпуклости над ушами высшей возвратной породы. И лучшим из всех, почти всегда первым в полете, был маленький Арно. Сидя дома, он мало отличался от других, потому что теперь уже все голуби щеголяли серебряными кольцами. Но в воздухе он тотчас давал себя знать.

Как только открывали корзинку, Арно первый взлетал, поднимался на необходимую высоту, угадывал путь к дому и безошибочно мчался, не останавливаясь ни для еды, ни для питья, ни для развлечения.

Несмотря на мрачные предсказания Билли, Большой Сизый из углового гнезда оказался одним из двадцати из-

бранников. Он частенько запаздывал в пути и никогда не возвращался первым. А иной раз, возвратившись на несколько часов позднее остальных, не выказывал ни голода, ни жажды — явный признак, что он отдыхал и кормился в пути. Но всякий раз он возвращался, и на лапке его, как и у всех остальных, имелось серебряное кольцо с номером. Билли презирал Сизого, но хозяин его говаривал:

— Дайте срок. Кто скоро созревает, тот скоро и увядает. Я всегда подмечал, что лучшая птица позднее всех дает себя знать.

Еще не прошло и года, как маленький Арно побил славный рекорд. Труднее всего лететь над морем, где нет возможности узнать дорогу по каким-нибудь приметам. А еще того хуже, если приходится лететь в тумане, когда даже солнца не видно. Но когда память, слух и зрение бессильны, у голубя все же остается врожденное чувство направления. Только страх может уничтожить это чувство. Вот почему необходимо, чтобы между мощными крыльями помещалось мужественное сердечко.

Арно с двумя из своих товарищей был сдан на океанский пароход, шедший в Европу. Их намеревались выпустить при выходе в открытое море, но внезапный густой туман спутал все планы. Пароход увез их с собой дальше. Голубей собирались отправить обратно с первым встречным судном. После

десяти часов пути судовая машина испортилась, туман сгустился, и пароход оказался беспомощной игрушкой ветра и волн. Единственное, что можно было делать, — это гудком подавать сигнал тревоги. Но и это не помогло. Тогда-то вспомнили о голубях. Выбор пал на Старбека, 2592 С. Написали записку на непромокаемой бумаге, свернули в трубочку и привязали снизу к перьям хвоста. Старбек взвился в воздух и исчез. Полчаса спустя снарядили Большого Сизого из углового гнезда, 2600 С. Этот также поднялся в воздух, но почти сейчас же вернулся и опустился на снасти. Он съелся от страха. Никак нельзя было заставить его покинуть судно. Он до такой степени был

испуган, что дал беспрепятственно себя изловить и постыдно всунуть в клетку.

Достали теперь третьего — маленького плотного голубка. Моряки не имели о нем представления, но отметили имя и номер на его кольце: Арно, 2590 С. Для них эта надпись ничего не означала. Однако державший его моряк заметил, что его сердце колотится не так сильно, как у предыдущего гонца. Его снабдили запиской, снятой с Большого Сизого. Вот эта записка:

10 часов утра, вторник.

Машина испортилась в 210 милях от Нью-Йорка. Беспомощно дрейфуем в тумане. Пришлите буксирное судно как можно скорее. Через каждые шестьдесят секунд даем один длинный гудок, за ним один короткий.

Капитан

Письмо было свернуто в трубочку, обернуто непромокаемой бумагой, адресовано Пароходному обществу и прикреплено к нижней стороне перьев хвоста.

Голубь, едва его отпустили, описал круг над судном, затем другой, повыше, снова выше, пока не скрылся из виду. Он поднимался все выше и выше до тех пор, пока сам не перестал видеть судно. Лишенный возможности пользоваться всеми своими чувствами, кроме одного чувства направления, он всецело предался ему. И страх не затуманивал его. Как стрелка компаса всегда устремляется к северу, так устремился к своей цели Арно — без колебаний, без сомнений. Спустя минуту после освобождения из клетки он уже неслия прямо, как луч света, к взрастившей его голубятне, единственному месту, где ему было хорошо.

В этот день на голубятне дежурил Билли. Вдруг послышался шелест быстрых крыльев; в голубятню скользнул сильный луч и бросился к корытцу с водой. Голубь тянул уже один глоток за другим, когда Билли вдруг спохватился:

— Да это ты, Арно, красавец мой!

Затем привычным движением голубиного тренера он достал часы и отметил время: 2 часа 40 минут. В то же мгновение он заметил нитку на хвосте. Билли притворил дверцу и быстро опустил сетку на голову Арно. Через минуту он держал в руке записку, а две минуты спустя торопился уже к конторе общества, предвкушая щедрую награду. Здесь он

узнал, что Арно проделал двести десять миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут, и не прошло часа, как на выручку злополучного парохода было отряжено спасательное судно.

Двести десять миль над морем, в тумане, за четыре часа сорок минут! Славный это был рекорд! Его занесли, как и подобало, в списки Голубиногo клуба. Арно держали на руках, а секретарь, вооружившись резиновой перчаткой и несмываемыми чернилами, отметил на одном из белоснежных перьев крыла подвиг и день, когда этот подвиг был совершен.

Старбек, второй голубь, так и не вернулся. Без сомнения, он погиб в море.

Сизого из углового гнезда привезло буксирное судно.

III

Это был первый подвиг Арно, а вскоре последовали и другие, так что на голубятне разыгралось немало сцен, главным действующим лицом которых был Арно.

Однажды к конюшне подкатила карета; из нее вышел седовласый господин, вскарабкался по пыльной лестнице на голубятню и все утро просидел вместе с Билли, поглядывая сквозь золотые очки то на кучу бумаг, то поверх городских крыш, высматривая и дожидаясь — чего? Вести из местечка, отстоящего всего на сорок миль, — вести огромной для него важности, весть, которая должна была спасти или погубить его, весть, которую ему необходимо было получить скорее, нежели ее мог доставить телеграф, так как телеграмма задержится по меньшей мере на час в каждом направлении.

Что могло прийти быстрее телеграммы на расстоянии сорока миль? В те времена было лишь одно средство — первоклассный почтовый голубь.

Деньги не в счет, если победа останется за ним. Старик банкир просил послать лучшего голубя, сколько бы это ни стоило. И вестником был избран Арно, с его неизгладимыми рекордами на крыльях.

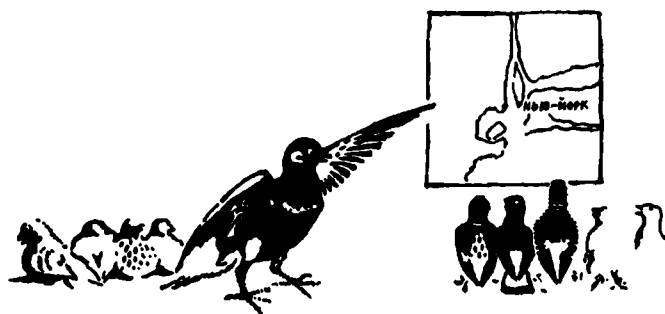
Прошел час, другой и начинался третий, когда синий метеор ворвался, свистя крыльями, в голубятню. Билли захлопнул дверцу и поймал голубя. Живехонько он сорвал нитку и подал записку банкиру. Старик смертельно побледнел, с трудом развернул ее, и лицо его оживилось.

— Благодарение Богу! — пролепетал он.

Затем счастливый банкир поспешил на заседание правления, зная, что победа останется за ним. Маленький Арно спас его от гибели. Банкир хотел приобрести голубя, чувствуя, что ему подобает беречь и холить своего спасителя. Но Билли ответил ему:

— Что в этом толку? Вам не купить сердца возвратного голубя. Вы можете превратить его в пленника — вот и все. Но ничто на свете не заставит его забыть голубятню, в которой он родился.

Итак, Арно остался в 211-м номере на Западной девятнадцатой улице. Но банкир не забыл его.

В нашей стране есть немало негодяев, считающих летящего голубя законной добычей, убивающих его потому лишь, что их трудно уличить. Не один благородный гонец, летевший с вестью о жизни или смерти, был убит злодеем и превращен в начинку для пирога.

Брат Арно, Арнольф, уже отмеченный тремя славными рекордами, был убит, когда нес спешный вызов врагу. Он упал к ногам стрелка, и великолепные его крылья развернулись, обнаружив список побед. На ножке виднелось серебряное кольцо, и охотник почувствовал угрызения совести. Он отправил доктору письмо и возвратил убитую птицу Голубиному клубу с уведомлением, что «нашел ее». Владелец явился к нему в дом, охотник растерялся и вынужден был сознаться, что застрелил вестника сам, но якобы потому, что его больной сосед мечтал о пироге с голубятиной. Гнев владельца голубя мешался со слезами:

— Моя птичка, мой красавец Арнольф! Двадцать раз он приносил важные известия, побил три рекорда, дважды спас человеческую жизнь, и вы убиваете его на пирог! Я мог бы преследовать вас по закону, но мне претит такая жалкая месть. Прошу вас только об одном: если еще когда-нибудь у вас будет больной сосед, желающий пирога с голубятиной, приходите — мы даром снабдим вас пригодными на то ублюдками. Но если в вас есть хоть капля чести, вы никогда, никогда больше не будете убивать и не позволите другим убивать наших благородных и бесценных вестников.

Это произошло в то время, когда банкир часто бывал в голубятне и сердце его горело благодарностью к голубям. Он был человек влиятельный, и одним из следствий подвига Арно явился принятый в Олбани* закон, охраняющий голубей.

IV

У Билли никогда не лежало сердце к Сизому из углового гнезда, 2600 С. Несмотря на то что Сизый все еще числился в списках Серебряного ордена, Билли продолжал пренебрежительно относиться к нему. Случай с пароходом показал в нем труса. Кроме того, он, без сомнения, был еще и буяном. Однажды утром Билли застал на голубятне драку. Два го-

* Олбани — столица штата Нью-Йорк.

лубя, один большой и один маленький, носились, сцепившись, по полу, поднимая пыль. Когда удалось их разнять, Билли увидел, что маленький — Арно, а большой — Сизый из углового гнезда. Арно стойко сражался, но побеждал Сизый, так как был вдвое тяжелее.

Вскоре выяснилась и причина поединка — прелестная маленькая голубка. Большой Сизый давно уже раздражал Арно своей грубостью, но окончательным толчком к смертному бою послужила маленькая голубка. Билли не имел права свернуть Сизому шею, но сделал все, что мог, для своего любимца Арно.

Билли запер Арно с маленькой голубкой в отдельном помещении на две недели и для большей верности сделал то же с Большим Сизым, назначив ему в подруги первую подходящую даму.

Все вышло, как он ожидал. Маленькая голубка признала своим владыкой Арно, а «подходящая дама» — Большого Сизого. Обзавелись гнездами, и все, казалось, вело к тому, чтобы жить-поживать и добра наживать. Но Большой Сизый был очень велик и красив. Он умел выпячивать зоб, и на солнце вокруг его шеи появлялась такая радуга, что перед ним не устояла бы ни одна голубка.

А наш Арно, хотя крепко сложенный, был мал ростом и не особенно красив. Только глазки у него чудно сверкали. Вдобавок он часто покидал голубятню по важным делам, между тем как Большому Сизому только и было дела, что красоваться на голубятне и разворачивать свои лишенные надписей крылья.

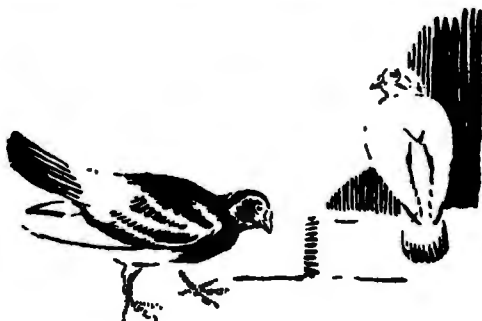
Писатели любят искать у животных, и преимущественно у голубей, примеры супружеской любви и верности. И они, в общем, правы, но — увы! — бывают исключения.

Жена Арно была с самого начала очарована Большим Сизым, и в конце концов однажды, когда муж ее был послан по делам, ужасное событие совершилось.

Возвратившись из Бостона, Арно увидел, что Большой Сизый, не отказываясь, однако, от своей законной «подходящей дамы» в угловом гнезде, в то же время присвоил себе его жену и гнездо. Последовал отчаянный бой. При нем

присутствовали одни только жены, взиравшие на него с полным равнодушием. Арно бился своими чудесными крыльями, но изворотливость их не увеличивалась от летописи рекордов. Клюв его и ноги были малы, как у всякого хорошего

почтового голубя, и отважное сердечко не могло возместить недостаток веса. Бой должен был кончиться не в его пользу. Жена беззаботно сидела на гнезде, как будто была тут ни при чем, и Арно был бы убит, если бы не подоспел вовремя Билли. Он так обозлился, что готов был скрутить Сизому шею, да только буян успел улизнуть из голубятни.

В течение нескольких дней Билли с нежностью ухаживал за Арно. Через неделю тот совсем оправился, а через десять дней был уже в пути. Он, по-видимому, простил неверной жене, так как спокойно продолжал жить в своем гнезде. В этот месяц он установил два новых рекорда: он принес письмо за десять миль в восемь минут и перелетел из Бостона в Нью-Йорк за четыре часа. Всякий раз его влекла обратно любовь к родине.

Печально было возвращение Арно, так как он снова застал свою жену в приятной беседе с Большим Сизым. Как он ни был утомлен, поединок возобновился и окончился бы смертью Арно, если бы не вмешался Билли. Он разнял бойцов, потом запер Сизого отдельно, решив избавиться от него при первой возможности.

Между тем приближалось большое соревнование всех возрастов — полет в девятьсот миль от Чикаго в Нью-Йорк.

Голуби были отправлены в Чикаго по железной дороге. Там их выпустили одного за другим. Чем лучше был голубь, тем позже его выпускали. Последним был выпущен Арно.

Миновав Чикаго, несколько голубей инстинктивно со-единились в стаю. Возвратный голубь следует по прямой линии, когда повинуетея общему чувству направления, но, когда ему приходится проделывать знакомый уже путь, он обыкновенно придерживается известных признаков, сохранившихся у него в памяти. Большинство птиц тренировались по пути, ведущему через Колумбус и Буффало. Арно знал дорогу через Колумбус, но знал дорогу и через Детройт. Поэтому, миновав озеро Мичиган, он полетел по прямой линии на Детройт. Таким образом, он сразу выиграл несколько миль.

Детройт, Буффало, Рочестер с их знакомыми башнями и трубами один за другим растаяли позади, и приближались уже Сиракузы. День клонился к вечеру. Арно пролетел шестьсот миль в двенадцать часов и был, без всякого сомнения, впереди всех. Но вдруг ему захотелось пить. Пролетая над городскими крышами, он увидел голубятню и, спустившись с высоты двумя-тремя большими кругами, примкнул к своим соплеменникам и жадно напился из корыта. Он не раз уже проделывал это и раньше.

Всякий любитель голубей всегда желает, чтобы вестники пользовались его гостеприимством. Владелец голубятни был тут и заметил незнакомого голубя. Он осторожно встал на такое место, откуда мог следить за ним. Один из его собственных голубей вздумал было поспорить с пришельцем, и Арно, защищаясь развернутым крылом, выставил напоказ ряд напечатанных рекордов. Владелец дернул веревку дверцы, и через несколько мгновений Арно очутился у него в плену.

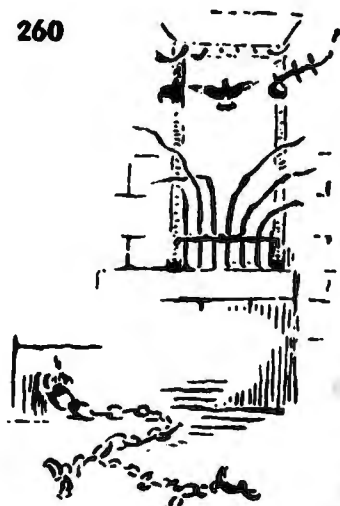
Похититель развернул испещренные надписями крылья, прочел один рекорд за другим и, взглянув на серебряное кольцо — ему следовало быть золотым, — прочел имя голубя и воскликнул:

— Арно! Арно! О, я слышал о тебе, приятель, и очень рад, что получил тебя!

Он срезал записку и прочел:

Арно оставил Чикаго сегодня в 4 часа утра. Он участвует в большом перелете всех возрастов по маршруту Чикаго — Нью-Йорк.

— Шестьсот миль за двенадцать часов! Ты побил все рекорды!

И голубиный вор нежно, почти благоговейно посадил бьющуюся птицу в клетку.

— Ну, — добавил он, — тебя, я знаю, не убедишь остаться, но я могу получить от тебя наследников и развести твою породу.

Итак, Арно был заперт в удобном помещении вместе с несколькими другими узниками. Хозяин голубятни, хотя и вор, был искренний любитель голубей. Он не отказывал своему пленнику ни в чем.

Так прошло три долгих месяца. Сперва Арно только и делал, что шагал по целым дням вдоль клетки, заглядывая вверх и вниз, где бы улизнуть, но на четвертый месяц он, видимо, отказался от побега, и внимательный тюремщик приступил к выполнению второй части программы. Он ввел к Арно застенчивую молодую голубку. Однако толку вышло мало: Арно не стал даже смотреть на нее. Немного погодя тюремщик удалил голубку, и Арно был на целый месяц оставлен в одиночном заключении. Затем привели новую голубку, но и с этой дело не пошло на лад, и так продолжалось целый год. Арно либо яростно колотил красавиц, либо выказывал к ним презрительное равнодушие, а временами старое желание вернуться домой снова возникало в нем с удвоенной силой, и он бился о проволочную стенку или в волнении метался взад и вперед. Когда началась ежегодная линька голубя, тюремщик бережно стал подбирать на память каждое выпавшее из крыльев драгоценное перо, и, по мере того как вырастали новые, он аккуратно повторял на них историю славных подвигов Арно.

Медленно протянулось два года. Тюремщик переселил Арно в новую голубятню и дал ему новую самочку. Случайно в ней оказалось большое сходство с оставленной дома женщиной, и Арно обратил на нее внимание. Однажды тюремщику показалось, что его знаменитый пленник слегка ухаживает за красавицей, и — да, сомнения нет! — вот она готовит уже себе гнездо. Заклучив из этого, что они окончательно столковались, тюремщик впервые открыл дверцу, и Арно очутился на свободе. Замешкался ли он? Растерялся ли? Ничуть не

бывало. Как только перед ним открылось воздушное пространство, он рванулся на волю, развернул свои удивительные расписные крылья и бросился прочь от ненавистой тюрьмы — все дальше и дальше.

V

Ни один человек никогда не любил так свой дом, как Арно любил свою голубятню.

Домой, домой, к милому дому! Все испытания и горести, которые он пережил в родной голубятне, были позабыты. Ни годы тюрьмы, ни поздняя любовь, ни страх смерти не могли подавить любви к родине, и, если бы Арно владел даром песни, он, несомненно, запел бы героическую песнь. Он летел ввысь восходящими кругами, повинаясь единственному стремлению, способному подчинить эти славные крылья, — выше, выше, влекомый любовью к родине, верный единственному своему дому и изменнице-подруге. Закрыв, как говорят, глаза, закрыв, как утверждают, уши, закрыв, как все мы думаем, разум, он неся по лазури, всецело отдаваясь своему тайному руководителю — чувству направления.

Арно летел с быстротой стрелы на юго-восток. Сиракузский грабитель простился с Арно навсегда.

Внизу, в долине, дымил курьерский поезд. Он был далеко впереди, но Арно нагнал и опередил его, как дикая утка на лету обгоняет плывущую выхухоль. Высоко над долинами, низко над горами Ченанго, где сосны шепчутся с ветрами, он летел все дальше и дальше.

Из гнезда на дубу безмолвно выплыл ястреб, подсмотревший голубя и наметивший его себе в жертву. Арно не свернул ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз, не потерял ни одного взмаха крыльев. Ястреб дожидался. Но Арно пронесся мимо, как олень в полном расцвете сил минует засаду медведя! Домой, домой!

Мах, мах, мах! — мелькали сверкающие крылья по знакомому теперь пути. Через час он увидит знакомые холмы. Вот он уже пролетает над ними. Быстро бегущие навстречу родные места

вливали в него новую силу. Домой, домой! — без слов пело его сердце. Как умирающий от жажды путник глядит на едва заметные вдали верхушки пальм, так его блестящие глаза с надеждой всматривались в отдаленный дым Манхэттена*.

С гребня гор сорвался сокол-голубятник. Быстрейший из хищников, гордый своей силой, гордый своими крыльями, он радовался достойной добыче. Немало голубей попало в его гнездо, и он плыл теперь по ветру, паря, сберегая силы, выжидая удобного мгновения. О, как точно он выбрал это мгновение! Вниз, вниз ринулся он, мелькнув как стрела. Ни дикая утка, ни ястреб не могли бы увернуться от него, потому что это был сокол.

Лети обратно, голубь! О голубь, спасайся, обогни опасные холмы!

Свернул ли голубь с пути? Нет, так как это был Арно. Домой, домой, домой! Ни о чем другом он не думал. Спасаясь от сокола, он только летел быстрее. Сокол ринулся — ринулся на это сверкающее пятнышко — и возвратился ни с чем. Арно между тем прорезал воздух долины, как камень, пущенный из пращи: сперва белокрылая птица, затем пятно с трепещущим сиянием — и вскоре ничтожная точка. Дальше, вдоль милой долины Гудзона, знакомой ему большой дороги... Прошло уже два года с тех пор, как он видел ее. Теперь он несется ниже. С севера поднялся ветерок и рябит под ним реку. Домой, домой, домой! Нужно держаться низко, так как поднялся ветер.

Низко! Увы, он летел слишком низко! Какой злой дух соблазнил охотника в июне притаиться за верхушкой этого холма? Что за бес указал ему белое мелькающее пятнышко, выплывающее из лазури навстречу северу? О Арно, Арно, несущийся так низко, не забывай о стрелке! Слишком, слишком низко ты проносишься над этим холмом. Слишком низко.

Вспышка, треск! — и смертоносный град настиг Арно; настиг, изувечил, но не сбил с пути. Мелькающие крылья уронили сломанные расписные перья, медленно опустившиеся на землю. «Ноль» от его морского рекорда исчез. Теперь уже он показывал не 210, а 21 милю. О постыдный грабеж! На

* Манхэттен — остров, на котором стоит город Нью-Йорк.

груди расплылось темное пятно, но Арно не сдавался. Домой, домой! Опасность осталась позади. Домой, все домой, так же прямо, как и прежде.

Но чудесная скорость теперь уменьшилась: в минуту уже не выходило мили, и ветер поднимал непривычный шум в испорченных крыльях. Пятно на груди гласило о надломленной силе, но Арно все летел вперед. Дом, дом виднелся уже вдали, и боль в груди была позабыта. Высокие башни города ясно вырисовывались перед его дальнотзорными глазами, в то время как он скользил близ утесов Джерси. Вперед, вперед! Крыло может ослабеть и глаз померкнуть, но любовь к родине все растет и растет.

Он пролетел вдоль высоких холмов, укрываясь от ветра, над сверкающей водой, над деревьями и под гнездом соко-

лов-голубятников, разбойничьей твердыней на скале, где сидели большие угрюмые хищники. Зорко присматриваясь, похожие на пиратов в черных масках, они подметили приближение голубя. Арно знал их издавна. Много недоставленных посланий нашло приют в этом гнезде, много расписных перьев, трепеща, опустилось с него на землю. Но Арно уже не раз тягался с ними и продолжал теперь свой путь, как бывало, — вперед, вперед, быстро, но все же не так быстро, как прежде. Смертоносное ружье подрывало его силы, убавило его скорость. Вперед, вперед! Соколы, выждав время,

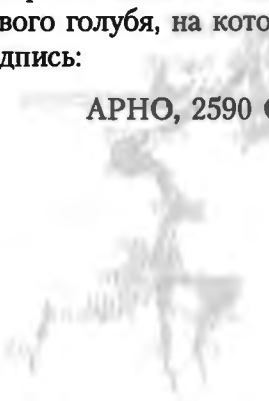
слетели, как две стрелы. Они ловили ослабевшего, усталого голубка.

К чему описывать погоню? К чему изображать отчаяние отважного сердечка? Он уже видел свой дом... В одну минуту все было окончено. Голубятники испустили хриплый крик торжества и взвились на свою скалу, держа в когтях голубиную тельце — все, что осталось от бесстрашного маленького Арно.

Там, на скале, клювы и когти пиратов окрасились кровью героя. Несравненные крылья были изорваны в клочья, и лептос их разметана по камням. Там они лежали на солнце, пока сами убийцы не были убиты и твердыня их не опустошена.

И судьба бесподобной птицы так и осталась бы неизвестной, если бы в хлам и соре пиратского гнезда случайно не обнаружили серебряное кольцо — священный орден первого-классного почтового голубя, на котором красовалась много-значительная надпись:

АРНО, 2590 С

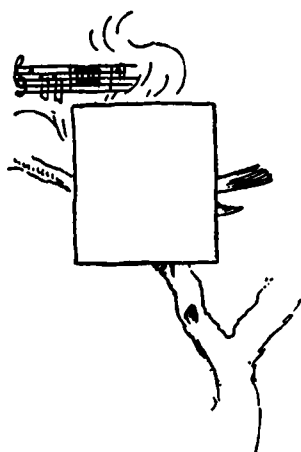
УЛИЧНЫЙ ТЕВЕЦ

Какая оживленная маленькая толпа! Сколько волнения и трескотни!

Несколько воробьев, порхающих с места на место и прыгающих друг около друга посреди водосточного желоба. В центре этой толпы, когда она немного рассеивается, можно видеть причину всей сумятицы: маленькую воробыху, отчаянно, с негодованием защищающуюся от своих назойливых поклонников. Воробьи, по-видимому, ухаживают за ней, но их манеры так грубы, что с первого взгляда это ухаживание можно принять за расправу. Они треплют и щиплют ее самым жестоким образом, не причиняя ей, впрочем, как можно заметить, никакого серьезного вреда. А у нее самой одно только желание: избавиться от своих мучителей. Она бы убила их всех без всякого сожаления, если б только могла.

Совершенно ясно, что, как бы они ни ухаживали, она ни кому из них не чувствует симпатии. И вот, постаравшись убедить их в этом, насколько возможно, при помощи своего клюва, она пользуется легкой заминкой среди соперников и улетает на ближайшую водосточную трубу. При этом на одном из ее крыльев становятся видны белые перышки, отличающие ее от других и делающие ее особенно привлекательной.

Воробей-самец, гордый своим черным галстуком и белым воротничком, был очень занят. Он усердно работал над достройкой птичьего домика, поставленного детьми в саду. Он

был во многих отношениях выдающейся птицей. Строительными материалами служили ему веточки и прутики, которые нужно было приносить с ближайших площадей, а по утрам он приостанавливал работу всего лишь на одну минуту, чтобы спеть песенку, громкую и чувствительную, не хуже любой канарейки.

Совсем не в обычае у воробьев строить себе гнездо в одиночестве. Но мы недаром называли этого воробья выдающейся птицей. После недели работы он, видимо, окончил постройку гнезда, так как птичий домик был уже наполнен до самой дверцы веточками, сорванными с городских деревьев. У него теперь оставалось больше свободного времени для музыкальных упражнений, и все чаще и чаще, на удивление всем, раздавалась его песенка, совсем непохожая на воробьиное чириканье. И наш воробей вошел бы, может, в историю как одна из необъяснимых загадок природы, если бы некий любитель птиц,

парикмахер с Шестой аллеи, не рассказал нам о первых днях его жизни.

Этот человек, оказывается, положил воробьиное яйцо в ивовую корзинку, служившую гнездом для его канареек, и вылупившегося из этого яйца птенца воспитывали приемные родители. Пение было их специальностью. Птенец обладал крепким телосложением и отличными легкими. Канарейки воспитали его на славу. Из него вышел певец, восполнявший энергией недостаток природного таланта. Сильный, драчливый и не лишенный музыкальности, этот забияка стал в скором времени господином всей клетки. Он, не колеблясь, при-

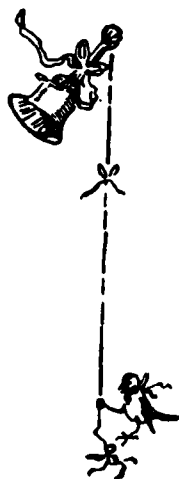
нуждал к молчанию канарейку, которую не мог превзойти в совершенстве мелодии, и после каждой из таких легких побед его песни бывали столь необычно хороши, что хозяин предоставил ему раздельваться с канарейкой как угодно, для того чтобы иметь возможность позабавить

своих гостей торжествующей победной песней Рэнди — так звали воробья.

Рэнди заставлял молчать всякую канарейку, с которой его сажали в одну клетку. А сидя в отдельной клетке, он ни от чего не приходил в такую ярость, как от близости какого-нибудь певца-соперника, которого он не мог заставить молчать. В таких случаях он совершенно забывал свою музыку и начинал злобно чирикать по-воробыному.

Со временем, когда у него появился черный нагрудник, Рэнди стал едва ли не главной достопримечательностью парикмахерской. Но вот однажды полка, на которой стояли клетки, рухнула, все клетки свалились на пол, и среди всеобщего разрушения многие из птиц очутились на свободе. Среди них был и Рэнди. Канарейки добровольно вернулись в свои клетки или позволили себя поймать, а Рэнди выпорхнул через окно, почирикал немного, вызываясь запел в ответ на свисток паровоза городской железной дороги и, не позволив себя поймать, приступил к исследованию окрестностей. Он не был рожден для того, чтобы жить пленником, и быстро освоился со своим новым положением свободной птицы. Через неделю он был уже так же дик, как любой представитель его рода, и превратился в маленького уличного буяна, подобно другим воробьям, вечно дерущимся между собой на улице. Он раздавал им удар за ударом. Иногда он поражал слушателей неожиданной музыкальной гаммой, которую заимствовал от канареек, но пел с истинно воробыным задором.

III

Таков был Рэнди, тот самый воробей, который избрал птичий домик для своего гнезда. Теперь ясно, почему он собирал столько веток. Единственное гнездо, которое он видел в жизни, было плетеной корзиночкой. Поэтому свое собственное гнездо он строил из прутиков.

Через несколько дней Рэнди появился с подругой. Я мог бы забыть сцену в водосточном желобе, если бы не узнал теперь в подруге Рэнди маленькой Бидди, той самой белокрылой дамы, которая была причиной потасовки.

Рэнди ей, видимо, нравился, но она еще продолжала пытаться и клевать его, как только он приближался. А он все расхаживал вокруг нее с опущенными крыльями и хвостом, щебеча что-то, как делал бы всякий другой воробей-самец на его месте, и останавливаясь лишь для того, чтобы запеть.

Наконец ему удалось преодолеть ее сопротивление, быть может именно благодаря своему удивительному музыкальному таланту, и он уже провожал ее к своему гнезду, летя впереди и показывая дорогу. Она последовала за ним в гнездо, но тотчас выскочила обратно, а Рэнди за нею, чирикающий и умоляющий. Он долго что-то щебетал, прежде чем ему удалось убедить ее вернуться, но она снова выскочила, на этот раз явно рассерженная. Опять он старался ее убедить, и наконец она вошла внутрь домика, но опять выскочила, неся в своем клюве веточку, уронила ее и улетела прочь. Вышел наружу и Рэнди. Он уже больше не гордился своим домом. Это был большой удар для него. С минуту он безутешно посидел на пороге, щебеча нечто такое, что должно было означать: «О вернись, вернись!» — но его невеста не возвращалась. Потом он опять прыгнул внутрь. Послышалось легкое царапанье, он выскочил с большой веточкой в клюве и швырнул ее из дверей на землю. Он вернулся за другой, которую также отправил вслед за первой, и так далее, пока не вытащил и не побросал на землю все веточки, которые раньше так заботливо и трудолюбиво собирал. Эта редкостная веточка с развилиной, которую стоило столько труда доставить с площади Союза, и эти два мягких прутика вроде тех, из которых было сделано гнездо его приемной матери, — все, все пускай пропадает!

Около часа он трудился над разрушением своей постройки, молчаливо и в одиночестве. Наконец работа была окончена, и внизу, на земле, лежала целая куча веток, точно маленький костер.

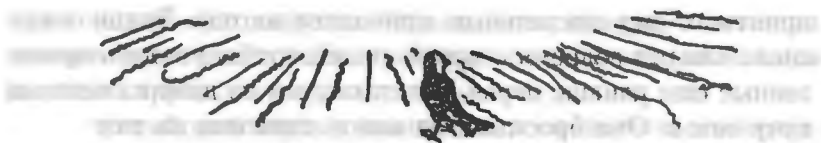
Рэнди свирепо посмотрел на результаты уничтожения своего недельного труда, оглянувшись на пустой домик, издал короткое грубоватое чири-

канье — вероятно, какое-нибудь бранное слово на воробьином языке — и улетел прочь.

На следующий день он вновь появился в сопровождении беглянки, кружась около нее и возбужденно чирикаая. Он снова подвел ее к своему домику. Бидди прыгнула внутрь, потом выскочила и посмотрела сверху на кучу веток, лежащую на земле. Затем снова вошла и появилась опять на пороге с крошечной веточкой, видимо забытой Рэнди, бросила ее и с удовольствием следила, как она падала вниз, на кучу. После долгой беготни внутрь домика и обратно оба улетели вместе и вскоре вернулись: Бидди — с пучком сена в клюве, а Рэнди — с соломинкой. Все это было внесено внутрь домика и, вероятно, приложено на место по всем правилам строительного искусства. Потом они опять отправились за сеном, после чего Бидди осталась в домике устраиваться, пока Рэнди приносил сено, пучок за пучком, и только изредка, когда он слишком медлил, она сама отправлялась за ношей.

Наконец-то мне представился удобный случай испытать их вкусы. Я разложил на балконе, вблизи от птичьего домика, тридцать коротких тесемок и лент. Пятнадцать из них

были самого обыкновенного вида лоскутки, восемь — из более роскошного материала и семь — из яркого шелка. Каждый светлый лоскуток чередовался с темным. Бидди первая заметила эту выставку. Она слетела вниз, осмотрела ее со всех сторон левым глазом, правым глазом, потом решила, что не стоит ничего трогать. Но тут подоспел Рэнди: ему, как бывшей комнатной птице, все это было знакомо. Он попрыгал в одну сторону, затем в другую, тронул один лоскуток, отскочил назад, снова приблизился, поклевал там и сям и наконец схватил свою добычу и улетел с нею. Затем опять прилетела Бидди, и на этот раз оба унесли по лоскутку. Предпочтение оказывалось только темным лоскуткам, но, когда они кончились, Бидди подобрала несколько более светлых лент. А самые яркие так и остались нетронутыми.

Гнездо было уже наполовину готово, когда Рэнди еще раз сделал попытку принести прутик. Но через мгновение прутик был сброшен вниз, на кучу, а Бидди победоносно глядела ему вслед. Бедный Рэнди! Никакого снисхождения к его слабости. Все чудесные прутики были выброшены! У его матери было гнездо, сплетенное из прутиков, — великолепное гнездо! Однако он вынужден был покориться. Теперь в домике ничего не осталось, кроме соломинок и сена, — ни одной палочки, а только мягкие материалы. И он подчинился этому: свобода ежедневно давала ему уроки подчинения. Раньше он думал, что весь мир заключается в парикмахерской, а он, Рэнди, — самый важный из живущих в этом мире существ. Но теперь оба эти представления рушились. Бидди находила, что его воспитание имело весьма существенные пробелы в практическом отношении, и ей на каждом шагу приходилось заново его учить.

Когда гнездо было на две трети закончено, Бидди, затем которой были поистине великолепны, стала откуда-то приносить большие мягкие перья. Но теперь Рэнди нашел, что это заходит слишком далеко и нужно поставить какой-нибудь предел.

Ему не понравилась постель из перьев, которых не было в его первой колыбели, и он занялся выбрасыванием неприятных ему постельных принадлежностей. Бидди подросла как раз вовремя с новой ношей, чтобы увидеть принесенные еще раньше перья вылетающими из домика вниз, на кучу веток. Она бросилась за ними, схватила их еще в воздухе и вернулась навстречу своему господину, показавшемуся из дверей с новым пучком злополучных перьев. И так они остановились, смотря друг на друга и громко чирикавая, оба с клювами, полными перьев, и с сердцами, полными взаимной обиды.

Сначала разыгралась бурная сцена, во время которой перья то вносили в домик, то выбрасывали прочь или они летели по саду, гонимые ветром. Потом наступило затишье, а на следующий день все перья были водворены обратно в гнездо. Каким образом они пришли к соглашению, навсегда останется тайной. Во всяком случае, большую часть работы выполнил сам Рэнди и не успокоился, пока ящик не был набит самыми большими и мягкими из перьев.

Супруги обыкновенно держались вместе, но как-то раз Бидди улетела и долго не возвращалась. Рэнди посмотрел вокруг, почирикал, взглянул вверх, потом вниз и увидел опять кучу прутиков, на собирание которых он столько затратил труда. Чудесные прутики, совсем как в той колыбельке, где он родился! Рэнди слетел вниз. Замечательная веточка с развилиной все еще лежала на месте, и соблазн был непреодолим. Рэнди схватил ее и поспешил с ней к гнезду, потом залез внутрь. С этой веточкой всегда было трудно обращаться, она зацеплялась развилиной за дверь. Но ему так часто приходилось последнее время протаскивать ее внутрь, что он уже знал, как лучше поступить. Провозившись с ней внутри с полминуты, он выпорхнул опять наружу, гордо посмотрел вокруг, почистил себе перья, встряхнулся, затем пропел свою канареечную песню несколько раз с начала до конца и с самым счастливым видом взял несколько новых нот.

Когда Бидди прилетела с перьями, он предусмотрительно помог водворить их на место. Гнездо было готово.

Двумя днями позже я поднялся к гнезду и нашел там яйцо. Воробьи видели, как я влезал, но не носились с криком над головой, как поступает большинство птиц, а, отлетев на почтительное расстояние, тревожно следили за мной из-за дымовой трубы.

На третий день внутри домика началось какое-то движение, послышалась сдержанная борьба, чириканье, и два-три раза птичий хвост показывался из дверей, как будто обладатель его пятился назад, таща что-то. Наконец обладатель хвоста вылез наружу настолько, что в нем уже можно было узнать Бидди. И снова ее втянули внутрь. Очевидно, происходила какая-то семейная ссора. Все это было совершенно необъяснимо, пока Бидди наконец не выбралась наружу и не вытащила любимую ветку Рэнди, которую она тотчас с презрением швырнула вниз. Она нашла ее в своей постели, куда он ее запрятал.

Вот из-за чего они ссорились! Но мне непонятно было, как она могла все-таки ее вытащить при его сопротивлении. Я подозреваю, что ему пришлось уступить, чтобы не нарушить семейный мир.

В пылу сражения вместе с веткой было нечаянно вытолкнуто и яйцо. Оно лежало те-

перь внизу — фарфоровые черепки на мокром желтом фоне. Воробьи, казалось, не были обеспокоены его участью. Выпав из гнезда, оно ушло из их мира.

IV

После этого наша парочка продолжала мирную жизнь в течение ряда дней. Одно яйцо за другим откладывалось в гнезде. Через неделю яиц уже было пять, и оба супруга, казалось, были вполне счастливы. Рэнди распевал на удивление всей округи, а Бидди приносила все больше и больше перьев, как бы готовясь к зимовке. Мне пришло в голову произвести маленький опыт. Улучив благоприятную минуту, поздно вечером, я положил мраморное яйцо в их роскошное гнездо. Что произошло вслед за тем, я не знаю.

На следующее утро я пошел погулять. Было воскресенье, и на улице стояла тишина, только кучка людей глазела на что-то у водосточного желоба. Подойдя ближе, я услышал чириканье и, заглянув в середину круга, увидел двух воробьев, сцепившихся в жестокой схватке, громко чирикавших и беспрестанно колотивших и клевавших друг друга. Некоторое время они кружились и дрались, не обращая никакого внимания на зрителей. Но когда они наконец приостановились, чтобы перевести дух, и в изнеможении присели на свои хвосты, я был совершенно поражен, узнав Бидди и Рэнди. После новой схватки они были спугнуты одним из зрителей, который, видимо, не одобрял ссоры в воскресный день. Тогда они взлетели на ближайшую крышу, чтобы продолжать драку без помехи. В тот же день я нашел на земле под гнездом не только мое мраморное яйцо, но и остатки пяти их собственных яиц, которые были выброшены за-

одно с ним. И я предполагаю, что все произошло именно из-за этого странного, твердого и круглого, яйца.

В этом птичьем домике, очевидно, не могло быть ни счастья, ни мира, поэтому они оставили его вместе со всем содержимым, в том числе и с перьями. Бидди, затеи которой отличались оригинальностью, выбрала на этот раз место для гнезда на колпаке фонаря посреди площади. Целую неделю они трудились и, несмотря на сильный ветер, закончили свою постройку. Трудно было представить себе, как птицы ухитрились спать ночью при таком ярком свете под самым их носом. Тем не менее Бидди казалась довольной, а Рэнди уже научился не высказывать своего мнения. Все было бы хорошо, если бы еще раньше, чем было снесено первое яйцо, фонарь не потух. Фонащик, исправляя фонарь, безжалостно отправил всю постройку Бидди и Рэнди в мусорный ящик.

Жаворонок почувствовал бы в этом непоправимый удар, но энергии и самоуверенности воробья нет предела. Очевидно, гнездо было неудачным или, быть может, ошибка заключалась в выборе материалов. Во всяком случае, лучше устроиться по-новому.

Похитив несколько соломинок из гнезда отлучившегося соседа, Бидди положила их на высокую ветку вяза в саду на площади, указав этим Рэнди новое место, избранное ею. И Рэнди, познав на опыте, что гораздо спокойнее подчиниться ее решениям, дважды пропел канареечную песню и стал копать в мусорных кучах, выбирая строительный материал и с неохотой обходя какой-нибудь хорошенький прутик, попадавшийся ему на пути.

V

На другой стороне площади было гнездо, в котором жила пара воробьев с очень скверной репутацией. В особенности самец-воробей не пользовался любовью других. То был рослый и очень красивый воробей с огромным черным галстуком, отчаянный забияка. Этот воинственный воробей благо-

даря своей силе взял себе подругу по своему выбору и захватил лучшее место для гнезда, да вдобавок еще и все самые восхитительные материалы с площади. Мои воробьи отказались от роскошных лент, которые я им предлагал, но и у них, конечно, были свои художественные вкусы. Несколько перьев из крыльев гвинейской курочки, попавшие сюда случайно из зверинца, переходили путем воровства из гнезда в гнездо, пока наконец не остались в великолепном доме, которым Буян и его жена украсили одну из мраморных колонн нового банка.

Буян делал все, что хотел, в пределах парка и однажды, услышав песню Рэнди, налетел на него. Рэнди был страшным лицом для канареек, но справиться с Буяном не мог. Он дрался на славу, но был побит и искал спасения в бегстве. На крыльях победы Буян полетел прямо к новому гнезду Рэнди и после пренебрежительного осмотра принялся вытаскивать прутьи, которые могли ему пригодиться дома. Рэнди был здорово побит, но подобный грабеж снова возродил доблесть в нашем певце, и он теперь уже сам набросился на Буяна. В пылу схватки оба упали с веток на землю. Другие воробьи присоединились к драке, и — стыдно сказать! — они дрались на стороне рослого Буяна против того, кого считали чужаком.

Рэнди приходилось совсем плохо, и от него уже летели перья, как вдруг в самую середину круга сражавшихся шлепнулась маленькая воробьица с белыми перышками на крыльях. «Чирик, чирик, бей, колоти!» — Бидди тут как тут. О, она хорошо за себя постояла! Воробьи, которые сначала присоединились к драке ради забавы, сразу удрали: тут уже было не до шутки, бой был самый настоящий, и картина резко изменилась. Буян быстро потерял весь свой задор и полетел обратно, в свою сторону, с Бидди, вцепившейся в его хвост, подобно маленькому бульдогу. И так она продолжала висеть на нем, пока не вырвала одно перо, которое потом с торжеством использовала для своего гнезда вместе с похищенными материалами.

Через два дня после этого события перья гвинейской курочки, которые так долго были

главной достопримечательностью гнезда Буяна, составляли уже часть обстановки нового жилища Бидди, и никто больше не решался оспаривать ее права.

Лето подходило к концу, перья стали редки, и Бидди не могла их найти для своей постели. Но она нашла нечто их заменяющее, чем лишний раз доказала свою любовь ко всему новому. На площади была стоянка экипажей. Вокруг лошадей на мостовой постоянно валялся конский волос, который мог служить хорошей подстилкой. Это была превосходная мысль, и наша неунывающая парочка с отменным усердием принялась за собирание конских волос, по два и по три сразу. Возможно, что гнездо другой породы воробьев в одном из парков внушило им эту мысль. Эта порода — Чиппи — всегда пользуется конским волосом для подстилки и устраивает внутри гнезда настоящий пружинный матрац из свернутых волос. Дело хорошее, но надо уметь за него взяться. Все было бы хорошо, если бы наши воробьи предварительно научились, как обращаться с волосом. Когда Чиппи собирает волосы, он никогда не берет больше одного сразу и при этом осторожно поднимает его за конец, зная, что волос, кажущийся таким безобидным, бывает и опасным. Наши воробьи привыкли иметь дело только с соломинками. Бидди схватывала волос у середины и, находя его слишком длинным, перебиравала клювом на несколько дюймов дальше.

В большинстве случаев от этого получалась большая петля из волоса над ее головой или под клювом. Но это было очень удобно для нее при полете и первое время не приносило ей вреда, хотя любой Чиппи, наверное, содрогнулся бы при виде этой грозной петли.

Наступил последний день устройства их жилища. Бидди по-своему дала понять Рэнди, что больше ничего не нужно приносить. С оживлением и гордостью она заканчивала уборку и прилаживала на место последний волос, в то время как Рэнди распевал свои лучшие песенки, усевшись на голове одной из садовых статуй. Вдруг громкое, тревожное чириканье поразило его слух. Он посмотрел по направлению к дому и увидел, что Бидди барахтается в гнезде без всякой видимой причины и безуспешно старается вырваться из него наружу. Ее голова попала в одну из опасных волосяных

петель, сделанных ею самой, петля затянулась, и она оказалась пойманной. Чем больше она барахталась, стараясь высвободиться, тем туже затягивалась петля.

Рэнди доказал теперь, как глубока была его привязанность к своенравной маленькой подруге. Он пришел в страшное волнение и с громким чириканьем полетел на помощь. Пытаясь ее освободить, он стал тянуть ее за лапку, но это только ухудшило дело. Все их усилия были напрасны и лишь прибавляли новые узлы и петли. Остальные волосы, лежавшие в гнезде, казалось, присоединились к заговору; они спутывались и переплетались, затягивая еще больше несчастную жертву. И вскоре дети, собравшиеся внизу, в парке, с удивлением разглядывали висевший наверху комочек перьев, растрепанный и неподвижный, — все, что осталось от шумливой, предприимчивой Бидди.

Бедный Рэнди был глубокого огорчен. Соседи-воробьи собрались на тревогу и присоединились к его крику, но тоже не могли помочь. Теперь они опять разлетелись по своим домам, а Рэнди продолжал прыгать вокруг или тихо сидеть на месте с опущенными крыльями. Долго еще он не мог примириться с мыслью, что его подруга мертва, и весь день старался чем-нибудь ее заинтересовать и вовлечь в их обычную жизнь. Ночь он провел в одиночестве на дереве, а чуть забрезжило утро, он уже опять носился, чирикавая и распевая, вокруг гнезда, с края которого на злополучном конском волосе висела его Бидди, молчаливая и очоленевшая.

VI

Рэнди никогда не был так осторожен, как остальные воробьи. Воспитанный вместе с канарейками, он не был приучен к осторожности. Он не боялся ни детей, ни экипажей. Теперь это его свойство еще усилилось, потому что он был угнетен и опечален. В тот же самый день, разыскивая себе пищу, он не успел вовремя отскочить от посыльного-велосипедиста и попал хвостом под колесо велосипеда. При по-

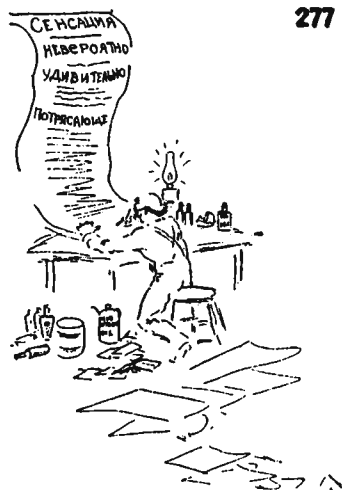
пытке вырваться хотя бы ценою потери хвоста его правое крыло очутилось под задним колесом. Посыльный промчался дальше, а Рэнди со сломанным крылом стал метаться и прыгать в сторону окаймляющих аллею деревьев. Тут его поймала маленькая девочка. Она взяла его домой, посадила в клетку и с самой неуместной, по мнению ее братьев, нежностью принялась за ним ухаживать. Выздоровливая, он в один прекрасный день привел всех в изумление своими канареечными трелями.

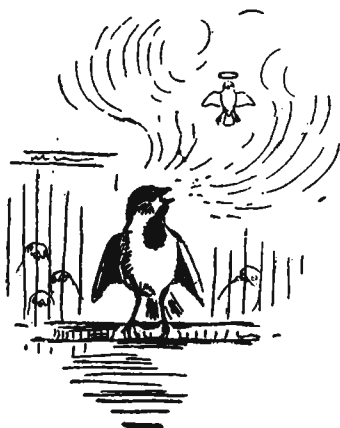
Об этом узнал один газетный репортер. В газете появилась о Рэнди заметка. Заметка эта попала парикмахеру. Парикмахер явился с несколькими свидетелями, восстановил свои права на диковинную птицу и получил Рэнди обратно.

Итак, Рэнди снова в клетке, его тщательно берегут и откармливают, он снова — первое лицо в этом маленьком мире. Он вовсе не чувствует себя несчастным. Он все-таки никогда не был настоящей дикой птицей. На свободе он очутился совершенно случайно. Случай его свел с Бидди. Их короткая совместная жизнь была полна тревог и случайностей. Случайность погубила ее, и другая случайность вернула его в клетку. Жизнь в клетке, спокойная и бедная событиями, дала ему теперь возможность развивать свои музыкальные способности. Здесь, бок о бок со своими старыми учителями и воспитателями, он живет, словно в консерватории.

Иногда, предоставленный самому себе, он начинает развлекаться постройкой гнезда из прутиков, но с виноватым видом оставляет этот угол клетки, когда видит, что кто-нибудь подходит к ней. Если ему подбросить несколько перьев, он сначала прилаживает их к гнезду, но на следующее утро они неизменно оказываются выброшенными на пол.

Эти упорные попытки строительства возбуждали догадку, что он нуждается в подруге, и на выбор ему подсаживали в клетку раз-

Рэнди поет вдохновенно и громко, в особенности если немой противник имеет памятный ему большой черный галстук на шее.

ных птиц, но результат получался неблагоприятный. Всякий раз требовалось быстрое вмешательство, чтобы предотвратить кровопролитие и спасти птицу, предназначенную ему в невесты. Наконец эти опыты прекратились, так как было очевидно, что певец предпочитает оставаться холостяком. В его песнях звучал скорее воинственный, чем любовный пыл, и вскоре парикмахер сделал открытие, что Рэнди поет особенно звонко после победы не над канарейками, а над чучелом самца-воробья. Колотя чучело,

КРАСНОШЕЙКА

1

У подножия лесистого Тейлорского холма мать-куропатка вывела птенцов. Внизу протекал ручей с кристальной водой. Ручей этот, по какому-то странному капризу людей, назывался Илистый. К нему-то куропатка и повела в первый раз пить своих птенцов, которые вылупились только накануне, но уже твердо держались на маленьких ножках.

Она двигалась медленно, пригибаясь к траве, так как лес был полон врагов, и по временам тихо кудахтала, призывая птенцов, похожих на маленькие шарики пестрого пуха. Птенцы, переваливаясь на тоненьких красных ножках, нежно и жалобно пищали, если отставали хотя бы на несколько шагов от матери.

Они были такими хрупкими, эти птенчики, что даже стрекозы казались неуклюжими и большими по сравнению с ними.

Их было двенадцать. Мать-куропатка зорко следила за ними и осматривала каждый куст, каждое дерево, заросли и даже небо. Она, по-видимому, всюду искала врагов, потому что друзей было слишком мало. И одного врага ей удалось найти.

По ровному зеленому лугу пробирался большой зверь — лиса. Этот зверь как раз шел по их дороге, и через несколько минут он должен был наверняка почуять птенцов и напасть на их след. Времени терять было нельзя.

«Крр, крр!» («Прячьтесь, прячьтесь!») — крикнула мать твердым, но тихим голосом, и маленькие птенчики, величиной

чуть-чуть побольше желудка и имеющие всего только один день от роду, разбрелись в разные стороны, чтобы спрятаться. Один птенчик залез под листок, другой спрятался между двумя корнями, третий забрался в свернутую бересту, четвертый забрался в яму. Скоро все спрятались, кроме одного, который не мог найти для себя подходящего прикрытия и, прижавшись к большой желтой щепке, лежал на ней, совсем распластавшись, закрыв глазки, уверенный, что теперь-то ему уже не грозит никакая опасность.

Птенцы перестали испуганно пищать, и все затихло.

Мать-куропатка полетела прямо навстречу страшному зверю, смело опустилась всего в нескольких шагах от него и затем бросилась на землю, хлопая крыльями, как будто она была ранена и уже не могла подняться. Она пищала, пищала и билась. Быть может, она просит пощады — пощады у этой кровожадной, свирепой лисицы?

О нет! Куропатка была не так глупа. Мы часто слышим о хитрости лисицы. Так вот подождите, и вы увидите, как глупа лиса по сравнению с матерью-куропаткой.

Восхищенная тем, что добыча внезапно очутилась так близко, лисица прыгнула и схватила... Нет, ей не удалось схватить птицу! Птица одним взмахом крыла отодвинулась дальше. Лисица опять прыгнула и на этот раз, конечно, достала бы птицу, если бы не маленькое бревно, очутившееся между ними.

Куропатка неловко протащила дальше под бревно, но лисица, щелкнув челюстями, прыгнула через него. Тогда птица, как будто немного оправившись, сделала неуклюжую попытку полететь и покатила вниз по насыпи. Лисица смело последовала за ней и уже почти схватила ее за хвост, но промахнулась. Как ни быстро прыгала лисица, а птица двигалась еще быстрее.

Это было уже совсем необычайно. Как это быстроногая лисица не могла поймать раненую куропатку? Какой позор для лисицы!

Но у куропатки как будто прибавлялось сил по мере того, как лиса гналась за ней. Отведя врага на четверть мили в сторону, птица вдруг стала совсем здоровой и, решительно взмахнув крыльями, полетела через лес, оставив лисицу в дураках. А самое досадное было то, что лисица вспомнила, что она уже так попадалась прежде.

Между тем мать-куропатка, описав большой круг в воздухе, окольным путем спустилась к тому самому месту в лесу, где укрывались ее маленькие пуховые шарики.

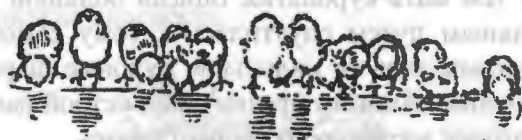
Дикие птицы обладают чрезвычайно острой памятью местности, и потому мать-куропатка опустилась как раз на ту самую кочку, поросшую травой, где она была перед тем, как полетела навстречу лисице. На мгновение она остановилась, восхищаясь, как тихо, не шелохнувшись, сидят ее дети, спрятавшиеся по ее приказанию. Ее шаги не заставили пошевелиться ни одного из них, даже того малютку, который притаился на щепке. В сущности, он не так уж плохо спрятался. Но вот раздался голос матери: «Криит!» («Идите сюда, дети!») — и моментально, точно по волшебству, из всех тайников вылезли маленькие птенцы-куропатки, и тот крошка, лежащий на щепке, самый крупный из птенцов, открыл свои глазки и побежал с нежным писком «пиип, пиип!» под защиту широкого материнского хвоста. Его голосок, конечно, враг не услышал бы и в трех шагах, но мать слышала бы его, даже если бы расстояние было вдвое больше. Все остальные тоже подняли писк и, без сомнения, воображали, что страшно шумят. Они были счастливы.

Солнце стояло высоко и грело жарко. Чтобы добраться до воды, надо было пройти открытую поляну. И вот, рассмотрев хорошенько, нет ли поблизости врагов, мать-куропатка собрала малюток под тень своего распущенного веером хвоста и повела их, защищая от солнечного удара, к зарослям шиповника на берегу ручья.

Из зарослей выскочил белохвостый кролик и очень напугал куропатку. Но белый флаг мира, который он нес позади, скоро успокоил ее: кролик был старым приятелем. И малютки научились в этот день, что не надо бояться кролика. Они узнали, что кролик больше всего на свете любит мир.

А затем они стали пить кристально чистую воду из ручья, который глупые люди почему-то называли Илистым.

Сначала малютки не знали, что надо делать, чтобы напиться воды, но они стали подражать своей матери и скоро научились пить так же, как она, и кланяться после каждого маленького глотка. Они стояли в ряд вдоль берега ручья, эти двенадцать маленьких золотисто-коричневых шариков на двадцати четырех крохотных ножках, и кивали двенадцатью маленькими золотыми головками, точно благодарили кого-то.

Затем мать-куропатка повела их короткими перегонами, держась все время под прикрытием, в дальний край луга, где возвышался большой бугор. Она давно обратила внимание на этот бугор. Такие бугры необходимы куropаткам для того, чтобы вырастить своих птенцов. Это муравейники.

Мать-куропатка остановилась на верхушке муравейника, осмотрелась и, не заметив ничего подозрительного, стала разрывать его своими когтями. Земля была рыхлая и быстро осыпалась. Муравейник открылся, и разрушенные подземные галереи провалились вниз. Муравьи рассыпались по земле и, очевидно, не сообразив, что им надо делать, вступили друг с другом в бой. Они растерянно дрались вокруг муравейника, и лишь немногие, наиболее сообразительные, начали выносить наружу толстые белые муравьиные яйца. Но мать-куропатка тут как тут — схватила одно из этих сочных яичек и, kloхча, бросила его на травку перед своими птенцами. Затем с новым kloхтаньем опять подняла его и проглотила.

Малютки окружили мать и смотрели на нее с любопытством. Наконец маленький желтый птеник, тот самый, который спрятался на щепке, схватил муравьиное яичко. Он несколько раз ронял его и затем, словно повинувшись какому-то внезапному побуждению, проглотил. Так он научился есть. Минут через двадцать уже весь выводок умел есть.

Как весело было разыскивать в земле превосходные муравьиные яйца, пока мать-куропатка разрывала муравейник и обрушивала подземные галереи! Так продолжалось до тех пор, пока каждый птеник не наполнил свой маленький зоб до отказа и уже больше не в состоянии был есть.

Потом все осторожно отправились вверх по течению ручья, на песчаный берег, хорошо закрытый кустами терновника. Там они пробыли весь день, наслаждаясь прохладным песком, в который они погружали свои горячие маленькие лапки.

У них была врожденная склонность к подражанию. Они лежали на боку, совсем как их мать, и так же скребли своими тонкими ножками и хлопали своими крылышками.

В сущности, крыльев у них еще не было, а были только бугорки с каждого бока, указывающие место, где вырастут крылья.

В эту ночь мать отвела их в чащу засохшего кустарника, и там, среди хрустящих, сухих листьев, по которым никакой враг не мог бы подойти бесшумно, под густым сплетением ветвей шиповника, которые защищали от всех воздушных врагов, она уложила своих детей в мягкую, устланную перьями колыбель. Куропатка радовалась, глядя на своих малюток, которые попискивали во сне и так доверчиво прижимались к ее теплему телу.

II

На третий день птенцы крепче держались на ногах. Им уже не нужно было медленно обходить желудь, они могли даже влезать на сосновые шишки, и маленькие бугорки, где потом будут крылья, покрылись уже синими толстыми кровяными выпуклостями.

Еще через день из кровяных наростов сбоку выступили кончики перьев. Эти перья с каждым днем высывались наружу все больше и больше, и через неделю уже у всех пушистых птенчиков оказались крепкие крылья. Впрочем, нет не у всех. Бедный малютка Рунти с самого начала был очень слаб. Он целый час носил на спинке половину скорлупы, когда вылупился из яйца. Он бегал тише и пищал больше своих братьев, и, когда однажды вечером мать, увидев хорька, приказала детям: «Квит, квит!» — что значит «летите», бедный Рунти отстал.

А когда она потом собрала свой выводок на холме, он не пришел, и они уже больше его не видели.

Между тем воспитание птенцов шло своим чередом. Они знали, что самые лучшие кузнечики водятся в высокой траве

у ручья. Они знали, что в кустах смородины живут жирные, мягкие зеленые червяки. Они знали, что муравейник у дальнего леса полон вкусных яиц. Они знали, что большие бабочки данаиды — прекрасная дичь, хотя их не так просто поймать. Они знали, что кусок древесной коры, свалившийся с гнилого бревна, заключает в себе много разных хороших вещей. Они знали, что некоторых насекомых, например ос, мохнатых гусениц и сороконожек, лучше не трогать.

Наступил июль — «месяц ягод». Птенцы выросли и удивительно развились за последний месяц. Они были уже настолько велики, что мать-куропатка, чтобы укрыть их своими крыльями, должна была простаивать на ногах всю ночь.

Они ежедневно купались в песке на берегу ручья, но потом куропатка изменила своей привычке, и они стали брать песчаную ванну выше, на холме. Там купались многие птицы, и сначала куропатка-мать была недовольна этим обществом. Но песок там был такой мелкий и приятный и дети так радовались купанью, что она примирилась.

Через две недели малютки начали чахнуть, да и сама куропатка-мать чувствовала себя не совсем хорошо. Хотя они ели страшно много, но все больше и больше худели. Мать их заболела позднее, но зато болела тяжелее. Она страдала от голода, от головной боли и испытывала страшную слабость. Причины своей болезни она так и не узнала. Она не могла знать, что песок, в котором купалось столько разных птичек и от которого ее предостерегал вначале верный инстинкт, действительно был вреден. Он кишел червями-паразитами, и вся семья куропатки заразилась ими.

Мать-куропатка не знала никаких средств от болезни. Ужасный, неутолимый голод заставлял ее есть все, что казалось годным для еды, а также искать самой прохладной тени в лесу. Там она набрела на куст, покрытый ядовитыми плодами. Месяц назад она прошла бы мимо этого куста, но теперь она попробовала эти малопривлекательные ягоды. Их едкий, кислый сок как будто удовлетворял какую-то странную потребность ее организма. Она ела эти ягоды без конца, и все ее птенцы последовали ее примеру. Никакой доктор не мог бы ей прописать лучшего лекарства. Едкий сок этих ягод оказался сильным слабительным, и страшный тайный враг был таким путем удален из ее внутренностей. Опасность миновала. Однако не все были спасены. Двум птенцам

лекарство не помогло. Мучимые жаждой, они беспрестанно пили воду из ручья и на следующее утро умерли.

Они страшно отомстили за себя. Хорек, тот самый, который мог бы рассказать, куда девался их бедный маленький братец Рунти, съел их тела и тут же околел от действия яда, который они проглотили.

Оказалось, что у каждого птенца свой особый характер. Среди них был один ленивый и глупый птенец. Мать-куропатка не могла удержаться, чтобы не баловать одних больше, чем других. Ее любимцем был самый большой птенец — тот самый, который спрятался на желтой щепке. Он был не только самый большой, но и самый сильный и самый красивый из всех. Но что лучше всего — он был самый послушный. Материнское «рррр!» («опасность!»), которым она предостерегала своих птенцов, не всегда удерживало их от рискованных шагов и сомнительной пищи. Он один всегда повиновался. Он никогда не оставлял без ответа ее нежный зов: «Криит!» («Иди сюда!»).

Наступил август — время линьки. Птенцы уже почти выросли. Они знали очень много и считали себя чрезвычайно мудрыми. Маленькими они спали на земле, и мать прикрывала их, но теперь они выросли, и мать стала обучать их обычаям взрослых птиц. Пора было садиться на ветви деревьев. В лесу уже начали бегать молодые куницы, хорьки, лисицы и выдры.

Проводить ночи на земле становилось опаснее с каждым днем, поэтому мать-куропатка на закате всегда кричала: «Криит!» — и летела на густое низкое дерево.

Маленькие куропатки следовали за ней, за исключением одного глупенького упрямца, который упорно оставался ночевать на земле, как прежде. Некоторое время это сходило благополучно, но однажды ночью братья его были разбужены криками. Затем наступила тишина, прерываемая только ужасным хрустом костей и чавканьем. Птенцы заглянули вниз, в страшную темноту. Они увидели два блестящих глаза, почувствовали запах плесени и поняли, что убийцей их глупого братца была выдра.

Теперь уже только восемь маленьких куропаток сидели с матерью по ночам. Если у них зябли ножки, они садились на спину матери.

Но их воспитание все же продолжалось. Теперь они учились шумно махать крыльями. Куропатка может взлететь совершенно бесшумно, если хочет, но шумный взмах крыльев бывает иногда очень важен. Они должны были научиться шумно взмахивать крыльями, взлетая вверх. Этим достигается многое: во-первых, такой шум крыльев предупреждает о близкой опасности других куропаток, затем он приковывает внимание врага к шумно взлетевшей птице, отвлекая его от других, которые могут тем временем тихонько ускользнуть или притаиться.

Поговорка куропаток должна была бы гласить: «На каждый месяц есть своя пища и свои враги». Наступил сентябрь. Ягоды и муравьиные яйца сменились семенами и зернами, и вместо хорьков и выдр врагами куропаток сделались охотники.

Куропатки хорошо знали лисиц, но почти никогда не видели собак. Они знали, что лисицу легко можно провести, вспорхнув на дерево. Но когда в «месяц охоты» старик Кэдди стал пробираться через овраг, таща за собой желтую собачонку с обрубленным хвостом, мать-куропатка, увидев ее, тотчас же закричала: «Квит, квит!» («Летите, летите!»). Двое из ее птенцов решили, что мать их понапрасну так волнуется из-за лисицы. Они приняли собаку за лисицу и захотели показать свое хладнокровие. Услышав крик матери: «Квит, квит!» — они взлетели на дерево, вместо того чтобы бесшумно улететь дальше.

Между тем странная лисица с обрубленным хвостом подошла к дереву и стала неистово лаять, разглядывая сидящих на ветке куропаток. Куропатки с любопытством смотрели на нее и не обратили внимания на шорох в кустах. Раздался громкий звук «паф!», и на землю полетели две окровавленные, бьющие крыльями куропатки, которые тотчас же были схвачены желтой собакой.

Кэдди жил в жалкой лачуге около реки. Его жизнь, с точки зрения греческих философов, могла быть названа идеальным существованием. У него не было богатства, и ему не надо было платить налоги. Он работал очень мало и всю

жизнь развлекался; он любил охотиться. Соседи считали его просто бродягой. Он стрелял и ставил западни круглый год. Кэдди хвастался, что может назвать месяц по вкусу мяса убитой куропатки, даже не заглядывая в календарь. Конечно, это указывает на большой опыт и наблюдательность, но в то же время и на нечто другое, заслуживающее порицания. Законное время охоты на куропаток начинается 15 сентября, но Кэдди не дожидался этого срока. Однако он как-то ухитрялся избегать наказания из года в год и даже заинтересовал собой репортера одной газеты, напечатавшего интервью с ним и отозвавшегося о нем как о любопытном типе.

Он редко стрелял влет, что нелегко в густой листве, и предпочитал ловить птиц силками. Но он знал о выводке куропаток в овраге, так долго живших спокойно, и, боясь, что другие охотники найдут их, решил покончить с ними. Он не слышал шума крыльев, когда мать-куропатка улетела и увлекла за собой своих четырех уцелевших птенцов. Поэтому он удовольствовался двумя убитыми куропатками и вернулся в свою хижину.

Но птенцы узнали теперь, что собака — не лисица и с ней надо вести себя иначе. Старое правило, что послушание обеспечивает безопасность, еще раз подтвердилось и навсегда запечатлелось в их памяти.

Весь конец сентября они прятались от охотников и других врагов. Они садились по ночам на длинные тонкие ветки больших деревьев, среди густой листвы, защищающей их от воздушных врагов. Вышина деревьев предохраняла их от врагов, обитающих внизу, на земле, и им оставалось бояться только тех, кто мог лазить по деревьям. Но хруст нижних сучьев всегда вовремя предупреждал их.

Листья начали падать, и листва редела с каждым днем. Наступило время орехов, время сов, ибо каждому месяцу соответствовал не только род пищи, но и особый враг. Совы прилетали с севера, и спать на деревьях стало

опаснее, чем на земле. Куропатка переменила место ночлега и вместо древесных ветвей пряталась в густую зелень болиголова.

Только один из птенцов пренебрег ее призывом «Криит, криит!» и остался на ночь на высокой ветке вяза, почти совершенно лишенной листьев. И утром его утащила огромная желтоглазая сова.

Теперь остались только мать-куропатка и три птенца. Но птенцы эти уже настолько выросли, что по величине сравнялись с нею. А самый старший, тот самый, который притаился когда-то на щепке, был даже больше своей матери.

У юных куропаток уже показались вокруг шеи перышки, будущие воротнички. Пока еще эти перышки были очень малы и тонки, но уже можно было себе представить, какие они будут, когда вырастут. И молодые куропатки очень гордились этим украшением.

Такие воротнички для куропатки то же самое, что хвост для павлина. Это их главное украшение. Воротничок у самок черного цвета с легким зеленоватым отливом, у самца же воротник шире, чернее и с ярко-зеленым отливом. Случается порой, что какая-нибудь куропатка достигает гораздо большей величины и силы, чем обыкновенно, — тогда воротник у нее бывает медно-красного цвета, слегка лиловатый и даже золотистый.

Тот самый птенец, который лежал на щепке и всегда слушался свою мать, стал взрослым еще до наступления октября — «месяца желудей» — и теперь сверкал красотой медно-красного с золотом воротничка. Это и был Красношейка, прославленный петух-куропатка долины Дона.

IV

Однажды, около половины октября, когда вся семья куропаток, наевшись до отвала, грелась на солнышке вблизи большого соснового бревна, раздался отдаленный звук выстрела. Красношейка вскочил на бревно, с важностью прошелся несколько раз, затем, возбужденный воздухом и светом, громко и вызывающе захлопал крыльями. Он хлопал в воздухе крыльями, пока весь ближний лес не наполнился их шумом. Брат и сестра слушали его с удивлением и восторгом. А мать с этой минуты начала его немного побаиваться.

Ноябрь — это «месяц безумия». По какому-то странному закону природы все куропатки, тетерева и другие птицы безумствуют в ноябре в первый год своей жизни. У них появляется непреодолимое стремление куда-нибудь бежать, все равно куда! И самые разумные из них делают в это время много глупостей. Они бесцельно отправляются ночью гулять и так спешат, что часто погибают либо перерезанные надвое проволокой, либо разбившись о фонари паровоза. Утро они встречают в самых неожиданных местах: в сараях, на открытых болотах, или на телеграфных проводах в каком-нибудь большом городе, или даже на кораблях, стоящих на якоре у берега.

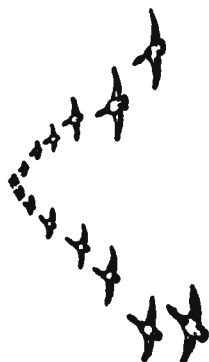
Такое стремление к странствиям, по-видимому, является пережитком привычки к осенним перелетам.

Мать Красношейки поняла, что наступает именно такой период, когда заметила, что виноградные кисти темнеют, а клен начинает ронять на землю красные листья. Но ничего другого не оставалось матери, как только заботиться о здоровье своих уже взрослых детей и удерживать их в самом безопасном месте леса.

К югу потянулись стаи диких гусей. Юные куропатки никогда еще не видели этих птиц с длинными шеями. Они приняли их за ястребов и, конечно, испугались. Но, увидев, что мать не боится, они тоже осмелели и наблюдали за полетом гусей с величайшим волнением.

Волновал ли их дикий звонкий крик гусей или возникло внутреннее побуждение, но только ими овладело странное влечение следовать за гусиной стаей. Они смотрели на этих трубачей, стрелой летевших к югу и мало-помалу исчезающих вдаль. Куропатки взобрались на самые высокие ветки, чтобы еще раз увидеть гусей, и с этого часа в них совершилась перемена.

Ноябрьское безумие началось в полнолуние. Оно выразилось всего сильнее у более хилых. Маленькая семья распалась. Красношейка часто улетал по ночам в далекие странствия. Его влекло на юг, но там расстилась перед ним беспредельная гладь озера Онтарио,

и Красношейка возвращался назад. Конец этого «месяца безумия» застал его снова на берегу Илистого ручья, но уже совершенно одного.

V

Была зима, пищи становилось все меньше. Красношейка продолжал жить в лесном овраге. Каждый месяц приносит с собой и особую пищу, и особых врагов. Ноябрь принес безумие, одиночество и гроздья винограда; декабрь — «снежный месяц» — принес ягоды шиповника, а бурный месяц январь — метели. Трудно было держаться на ветке и срывать с нее замерзшие почки. Клюв Красношейки сильно истерся от этой работы и даже не мог плотно закрываться.

Природа, однако, приспособила Красношейку к хождению по скользкой земле. На его пальцах, таких тонких и изящных, выступил ряд острых роговых наростов, и, когда выпал снег, он уже оказался вполне снаряженным для зимы: природа снабдила его лыжами и коньками.

Холод прогнал ястребов и сов и лишил возможности четвероногих врагов Красношейки приближаться бесшумно. Таким образом, Красношейка был почти в полной безопасности.

Ежедневные полеты в поисках пищи увлекали Красношейку все дальше и дальше, пока он не открыл и не исследовал берега Роздэлского ручья, поросшие серебристой березой, и Честерские леса, где в снегу краснели ягоды.

Еще не кончилась осень, а лес уже начал распевать свою знаменитую песенку: «Скоро придет весна!» — и не переставал самым добросовестным образом повторять этот припев в течение самых суровых зимних бурь, пока наконец не миновал «голодный месяц» — наш февраль — и действительно появились признаки весны. Тогда лес восторженно стал заявлять миру: «Я говорил вам это!» Солнце стало теплее и растопило снег на южном склоне холма Кэстл-Франка, обнажив множество сочных зеленых кустиков брусники, ягоды которой служили вкусной пищей для Красношейки. Он бросил обрывать замерзшие почки с деревьев, которыми питался зимой. Теперь он мог пировать и снова нагуливать жир.

Очень скоро прилетела первая трясогузка и, пролетая мимо, прощепетала: «Весна идет!» Солнце с каждым днем ста-

новилося ярче, жарче, и однажды в марте — «месяце пробуждения весны» — перед самым рассветом послышался громкий крик: «Карр, карр!» Ворон Серебряное Пятнышко прилетел с юга во главе своей стаи и возвестил: «Весна пришла!»

Вся природа подтвердила начало весны и птичьего нового года. Кузнечики стрекотали: «Весна! весна! весна!» Они трещали так настойчиво, так долго, что невольно приходилось

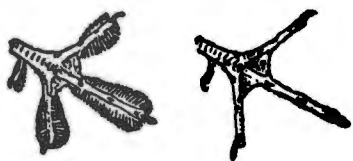

удивляться, как это они находили еще время для добывания пищи.

И Красношейка ощущал какой-то радостный трепет во всем своем теле. Он прыгал с особенной живостью на пень и громко хлопал крыльями, пробуждая отдаленное эхо, как будто тоже выражавшее радость по поводу прихода весны.

Далеко внизу, в долине, стояла хижина Кэдди. Услышав громкое хлопанье крыльев, разносившееся в утреннем воздухе, Кэдди понял, что это гремит самец куропатки. Взяв ружье, он подкрался к оврагу. Однако Красношейка бесшумно улетел и остановился лишь у Илистого ручья. Там он взобрался на то самое бревно, на котором он в первый раз забарабанил своими крыльями, и снова захлопал ими, да так громко, что один маленький мальчик, проходивший через лес, побежал в страшном испуге домой и сказал своей матери, что на них собираются напасть индейцы, так как он слышал в роще бой их военных барабанов.

Почему мальчик радостно кричит? Почему юноша вздыхает? Они сами не могут объяснить этого и знают об этом не больше, чем знал Красношейка, когда влезал ежедневно на какое-нибудь свалившееся дерево и громко хлопал

крыльями, наполняя этими барабанными звуками весь лес. Затем он начинал важно расхаживать, раздувая яркие перья своего воротника. Полюбовавшись, как переливаются и блестят они в солнечных лучах, словно драгоценные камни, он снова начи-

нал хлопать крыльями.

Откуда у него вдруг возникло желание, чтобы кто-нибудь любовался им? И отчего такое желание не появлялось у него раньше, когда на деревьях не было еще вздувшихся почек?

Красношейка продолжал хлопать и греметь крыльями...

Каждый день он приходил к своему любимому бревну. Он стал еще красивее. Над его ясными, блестящими глазками появилось новое украшение — пунцовые перышки. Неуклюжие снеговые лыжи на ногах совершенно исчезли. Его воротничок стал еще лучше, блеск глаз еще усилился, и вид у него был великолепный, когда он важно разгуливал, сверкая на солнце своими разноцветными перьями.

Но он был теперь ужасно одинок!

Он по-прежнему гулял и хлопал крыльями. Наконец, в самом начале мая, когда кругом все зазеленело, его чуткий слух вдруг уловил в кустах какой-то легкий шорох. Он замер и ждал, зная, что и за ним наблюдают.

Возможно ли? Да! Там, в кустах, показалась маленькая робкая самка куропатки, стыдливо прячущаяся. Он кинулся к ней. Он весь пылал. И как он гордо выступал, как распускал свои перья, красуясь перед нею! Но откуда он знал, что это может ей понравиться? Он раздувал свой разноцветный воротничок и старался, чтобы солнце освещало его. Важно выступая, он тихо и нежно кудахтал. И сердце куропатки было побеждено. Он давно уже победил ее сердце. В течение целых трех дней она приходила сюда, услышав его громкое хлопанье, и застенчиво издали любовалась им, несколько обиженная тем, что он так долго не может ее заметить, хотя она находится от него совсем близко. И не случайно наконец топот ее ножек долетел до его ушей. Она скромно потупила головку и с нежной, покорной грацией подошла к нему.

Томительная пустота была пройдена, и бедный странник нашел свою весну.

Одиночество кончилось.

О, какие радостные дни провели они в прелестной долине! Солнце никогда еще прежде не светило так ярко и смолистый воздух не был так ароматен! Большая благородная птица ежедневно приходила к своему бревну, иногда вместе со своей подругой, иногда без нее, и хлопала крыльями просто от прилива радости, наполнявшей все ее существо.

Но отчего Красношейка не всегда был с нею, со своей подругой? Отчего она играла с ним часами, а затем вдруг украдкой исчезала, и он не видел ее в течение нескольких часов, а иногда и целого дня, пока наконец громкое хлопанье крыльев не указывало ей на его беспокойство и не заставляло ее вернуться к нему? Тут была какая-то лесная тайна, которую он не мог разгадать.

С каждым днем она все меньше и меньше оставалась с ним и наконец совсем исчезла. Она не появлялась, и он в отчаянии хлопал крыльями на своем старом бревне, летел вверх по течению потока и снова барабанил крыльями на другом бревне или перелетал через холм, к другому оврагу, и там опять барабанил крыльями. Но призыв его не находил отклика. Наконец, на четвертый день, он пришел и снова стал громко звать ее, как в былое время, и вдруг, как и тогда, услышал в кустах шорох, и из кустов вышла его подруга, но не одна! Ее сопровождали десять маленьких пищавших птенцов.

Красношейка порхнул к ней и страшно напугал крошечных пушистых птенцов с блестящими глазами. Его несколько озадачило то, что они заявляли права на его подругу и пользовались ее вниманием даже больше, чем он. Впрочем, он вскоре примирился с такой переменой и стал делить с ней заботы о птенцах, чего никогда не делал его собственный отец.

VI

Среди куропаток и тетеревов хорошие отцы встречаются редко. Обычно самка строит гнездо и воспитывает своих птенцов без помощи отца. Она даже часто скрывает от него, где находится ее гнездо, и встречается с ним лишь в

определенных местах, у бревна, где он барабанит крыльями, или там, где птенцы ищут пищу, а иногда на том месте, где они купаются в песке.

Подругу Красношейки звали Бурка. Когда ее малютки вылупились из яйца, она была так поглощена заботами о них, что часто забывала об их великолепном отце и не шла к нему на зов. Но на четвертый день, когда малютки несколько окрепли, она взяла их с собой и пошла познакомить детей с отцом.

Некоторые отцы не интересуются своими детьми, но Красношейка был не таков: он сразу начал помогать своей подруге воспитывать малюток. Они научились пить и есть совершенно так же, как некогда научился их отец, и могли, переваливаясь, следовать за своей матерью, а отец охранял их сзади.

Они отправились к ручью и, вытянувшись в ряд друг за дружкой, словно нитка бус, стали спускаться по склону холма. Красная белка, выглянув из-за соснового ствола, смотрела на эту процессию пушистых птенцов. Рунти, самый слабый, далеко отстал от других. Красношейка, вскочив на высокую ветку, занялся чисткой своих перьев. Белка не заметила его и подошла к Рунти. Она испытывала странное влечение попробовать птичьей крови, и при виде отставшего птенчика, показавшегося ей легкой добычей, эта жажда крови у нее усилилась. С этим жестоким намерением она бросилась к отставшему птенцу. Бурка заметила это слишком поздно, но белку увидел Красношейка и бросился на рыжего убийцу. У него не было другого оружия, кроме кулаков, то есть выпуклых суставов крыльев, но какие удары он мог наносить ими! При первой же атаке он с силой ударил белку в самое чувствительное место — в кончик ее носа, и белка завертелась и свалилась на землю. Поднявшись, она с трудом заковыляла к куче хвороста. Там она лежала задыхаясь.

Из носа у нее текли крупные капли крови. Красношейка предоставил ей лежать там. Что с нею случилось, он не узнал никогда, да и не интересовался ее дальнейшей судьбой.

Семья куропадок направилась к воде, но на песке какая-то корова оставила глубокие следы своих копыт, и в одну из этих ямок упал маленький птенчик. Он жалобно пищал, потому что не мог вылезти оттуда.

Положение было трудное. Родители не знали, что им делать, так как не могли достать птенца из ямки. Но пока они растерянно топтались вокруг, песчаные края ямы обсыпались и образовался пологий склон. По этому склону малютка выбрался из ямы и весело побежал к своим братьям, укрывавшимся под широким веером материнского хвоста.

Бурка была веселая маленькая мать, очень живая, находчивая и разумная. Она и днем и ночью не переставала заботиться о своих детках. Как гордо выступала она, кудахтая, когда вместе со своим выводком прогуливалась в лесу! Как старательно распускала она свой хвост во всю ширину, чтобы доставить им возможно больше тени, и никогда не терялась при виде врага.

Еще до того как птенцы научились летать, они уже встречались со старым Кэдди. Хотя был только июнь и охота была еще запрещена, но он шел с ружьем по склону оврага, и его собака Тэк, бежавшая впереди, так близко подошла к Бурке и ее выводку, что Красношейка тотчас же устремился ей навстречу. Он употребил старую, но всегда удающуюся хитрость: увлек собаку за собой вниз, к реке.

Однако Кэдди случайно пошел в ту сторону, где находился выводок, и Бурка, дав сигнал птенцам, чтобы они спрятались («Крр, крр!»), постаралась увлечь охотника за собой таким же способом, каким Красношейка отвлек собаку.

Преисполненная самоотверженной материнской любви и прекрасно зная лес, она летела бесшумно, пока не приблизилась к охотнику, и тогда, громко захлопав крыльями перед самым его лицом, свалилась на листья и так превосходно представилась раненой, что на минуту обманула старого пьяницу. Но когда она потащила одно крыло и запищала, поднимаясь, а затем медленно заковыляла дальше, он уже понял, в чем дело. Это был просто обман. Его хотели удалить от выводка.

Он свирепо бросил в нее палку. Но Бурка была очень ловка и проворна. Она уклонилась от удара и, ковыляя, спряталась за молодым деревцем. Там она снова стала биться, упав на листья с жалобным писком, и, казалось, так сильно ударила себе крыло, что едва могла двигаться. Это заставило Кэдди опять запустить в нее палкой, но она опять ускользнула. Желая во что бы то ни стало отвлечь его от беспомощных малюток, она смело полетела перед ним и затем упала, ударившись своей нежной грудью о землю, с тихим стоном,

точно моля о пощаде. Кэдди снова не попал в нее палкой. Тогда он поднял ружье и, выпустив заряд такой силы, который мог бы убить медведя, превратил бедную мужественную Бурку в трепещущие окровавленные клочья.

Жестокий, грубый охотник знал, что выводок должен скрываться где-нибудь поблизости, и потому отправился его искать. Но никто не шевелился, и ниоткуда не было слышно писка. Он не увидел птенцов. Он несколько раз проходил по тому месту, где прятались малютки, и многие из этих безмолвных маленьких страдальцев были раздавлены им насмерть.

Красношейка увел желтую собаку подальше и вернулся к тому месту, где оставалась его подруга. Убийца уже ушел, подобрав ее останки, чтобы бросить их своему псу. Красношейка стал искать Бурку, но нашел только кровь и перья. Это были ее перья, и Красношейка понял, что означал слышанный им выстрел...

Кто может рассказать, какой ужас он испытал и как он горевал! Несколько минут стоял он неподвижно, точно ошеломленный, опустив голову и глядя на окровавленное место. Затем вдруг с ним произошла перемена. Он вспомнил о беспомощных птенцах.

Он вернулся туда, где они спрятались, и прокричал хорошо знакомое им: «Криит, криит!» Но многих птенцов уже не было в живых. Шесть пушистых шариков на ножках открыли свои блестящие глазки и побежали к отцу, а четыре маленьких пушистых тельца лежали неподвижно.

Красношейка продолжал сзывать своих птенцов, пока не убедился, что все, кто мог отозваться на его зов, пришли к нему. Тогда он увел их подальше от этого ужасного места, туда, где изгородь из колючей проволоки и чаща шиповника могли служить более надежной, хотя и менее приятной защитой.

Там он воспитывал своих детей так же, как раньше его самого воспитывала мать. Но он был опытнее и знал гораздо больше, чем она, и это давало ему много преимуществ. Он очень хорошо знал всю окружающую местность, все места, где можно было найти пищу, и знал, как предупреждать разные несчастные случаи, которые так часто угрожают здоровью и жизни куропаток.

Благодаря его опытности и бдительному надзору за все лето ни один птенчик не погиб. Они росли, развивались и благоденствовали, а когда наступил «месяц охоты», они уже представляли прекрасную семью из шести взрослых куропаток с Красношейкой во главе, по-прежнему гордившимся своим великолепным убором из блестящих красных перьев.

Красношейка не барабанил крыльями с тех пор, как лишился своей подруги. Но хлопанье крыльями для куропатки то же самое, что для жаворонка пение. Это не только песнь любви, но также выражение избытка сил, энергии и здоровья. И когда время линьки прошло и сентябрь вернул блеск его перьям и бодрость его духу, он пришел опять к своему старому бревну. Повинуясь какому-то непреодолимому побуждению, он взобрался на него и опять забарабанил крыльями.

С тех пор он часто приходил туда и барабанил, а его дети сидели вокруг него. Один из них тоже взбирался на ближайший пенёк или камень и хлопал крыльями, подражая отцу.

Гроздья винограда потемнели, и наступил ноябрь — «месяц безумия». Но выводок Красношейки представлял крепкое, здоровое племя, и хотя их тоже охватило стремление к странствованиям, но оно прошло через неделю, и только трое куропаток покинули отца.

Красношейка с оставшимися у него тремя птенцами по-прежнему жил в овраге. Наступила зима, и выпал снег. Снег был легкий и мягкий. Погода стояла теплая, и семья куропаток приютилась на ночь под низкими плоскими ветвями кедрового дерева. На следующий день стало холоднее, поднялась метель, и за день навалило целые сугробы снега. Ночью снег перестал падать, но мороз усилился, и Красношейка повел свою семью к березе, возвышавшейся над глубоким сугробом. Сам он нырнул в снег, и его дети последовали его примеру. Ветер сдувал рыхлый снег в проделанные куропатками ямки и покрыл их тонким белым слоем, точно простыней. Прикорнувшись в ямке, они проспали с удобством всю ночь, так как снег сохранял тепло и пропускал достаточно воздуха для дыхания. На следующее утро куропатки обнаружили над собой довольно толстую ледяную стенку, образовавшуюся от замерзшего дыхания, но вылезли без особого труда, услышав утренний зов Красношейки: «Криит, криит, квит!» («Сюда, дети, сюда!»).

Это была их первая ночь, проведенная в снежном сугробе. На следующую ночь они опять нырнули в сугроб, и северный ветер снова прикрыв их белой простынкой. Но погода изменилась, и ночью ветер подул с востока. Сначала шел дождь со снегом, потом все покрылось льдом, и, когда утром куропатки проснулись и захотели выбраться из своих убежищ, оказалось, что они были заперты под твердым покровом льда.

Снег в глубине был по-прежнему мягким, и Красношейка без особого труда проложил себе дорогу кверху, но твердый ледяной покров преградил ему путь. Все усилия пробиться наружу оказались напрасными, и он только поранил себе крылья и голову. Он до сих пор не сталкивался с такими затруднениями. Ему приходилось часто попадать в трудные положения, но то, что случилось теперь, по-видимому, было хуже всего.

Отчаяние охватило Красношейку. Силы его слабели, и никакие старания освободиться не приводили ни к чему. Он слышал, как барахтались его птенцы, стараясь вырваться на волю, и как они жалобно пищали, призывая его на помощь: «Пи-и, пи-и-ти! Пи-и, пи-и-ти!»

Они были защищены в своих убежищах от многих врагов, но не от мук голода, и, когда наступила ночь, истомленные пленники, измученные бесполезными усилиями и терзаемые голодом, дошли до полного отчаяния. Сначала они боялись только того, что явится лисица и они окажутся в ее власти. Но когда стала медленно приближаться вторая ночь, мысль о лисице уже больше их не пугала. Они даже желали, чтобы она пришла и разломала затвердевший снег.

Однако, когда лисица действительно явилась и медленно прошла по замерзшему снегу, глубоко заложенная в них любовь к жизни воскресла, и они скорчились и сидели не шелохнувшись, пока она не ушла.

На второй день началась метель. Сильный северный ветер со свистом гнал снег по земле. Но продолжительное трение крупных зерен снега, гонимого ветром, разрушало твердую снежную кору, и она становилась все тоньше и прозрачнее. Красношейка долбил эту кору снизу целый день, пока у него не разболелась голова и он не поранил себе клюв. И когда солнце село, он все еще был так же далек от освобождения, как и в первый день.

Вторая ночь прошла, как и первая, но только лисица не проходила больше над их головами. Утром Красношейка сно-

ва принялся долбить, но уже далеко не с прежней силой. Он уже не слышал больше голосов своих птенцов, не слышал, как они долбили своими носиками. Но по мере того как становилось светлее, он мог разглядеть над собой более светлое место. Очевидно, кора все-таки становилась тоньше, и он долбил, долбил, долбил...

В конце дня клюв Красношейки пробился наружу. Это вдохнуло в него новые силы, новую жизнь.

Он продолжал долбить, и наконец, перед заходом солнца, его голова, шея и даже великолепный воротник из перьев могли высунуться в отверстие. Оно было еще слишком мало для его широких плеч, но он мог теперь снизу напирать на ледяную кору с учетверенной силой.

И кора скоро уступила его натиску. Он вырвался из своей ледяной тюрьмы.

Но что стало с детьми? Красношейка поспешно полетел к ближайшему берегу, утолил свой голод несколькими красными ягодами шиповника и опять вернулся к своей тюрьме. Он хлоптал и стучал, но услышал в ответ только один слабый писк «Пи-и-ти! Пи-и-ти!», донесшийся из глубины. Царапая снег острыми когтями, он скоро пробил кору, и птенец Серый Хвостик с трудом выполз из отверстия.

И все. Остальные птенцы, лежавшие под снегом в разных местах, не отвечали ему. Он не знал, где они лежат, и вынужден был оставить поиски. Когда весной снег растаял, тела их обнажились. Это были скелеты, обтянутые кожей и покрытые перьями, — больше ничего!

VII

Прошло довольно много времени, прежде чем Красношейка и Серый Хвостик окончательно оправились от своего приключения. Но пища и ясная, хорошая погода вылечивают все. Светлые дни в середине зимы оказали свое прежнее действие на Красношейку, и он опять отправился к своему любимому бревну и там забарабанил крыльями.

Этот ли стук или следы его лыж на снегу выдали старому Кэдди его и Серого Хвостика, неизвестно, но Кэдди снова появился с ружьем и собакой. Он шел крадучись над оврагом, чтобы поохотиться на куропаток.

Большой красноперый петух-куропатка прославился на всю долину. В течение охотничьего сезона многие охотники старались убить его.

Однако Красношейка был слишком опытен в лесной науке. Он знал, когда спрятаться и когда надо бесшумно подняться на крыльях, знал, когда надо прижаться к земле и сидеть смирнехонько, пока не пройдет охотник, а затем подняться на громко шуршащих крыльях, чтобы укрыться за каким-нибудь толстым древесным стволом и оттуда уже бесшумно лететь дальше.

Но Кэдди не переставал с ружьем в руках преследовать Красношейку и не раз давал промах, стреляя в него.

Красношейка продолжал жить и благоденствовать и барабанил крыльями вопреки всему.

Когда наступил «снежный месяц» — декабрь, он отправился вместе с Серым Хвостиком в леса Кэстл-Франка, где пищи было вдоволь и где росли большие старые деревья. Там среди ползучего болиголова стояла одна огромная сосна. Ее нижние ветви начинались на уровне верхушек других деревьев. Летом на вершине этой сосны сойки устроили свое гнездо. На необычайной высоте, недоступные выстрелам, они были в безопасности и могли весело резвиться и играть. Самец сойки распускал свои блестящие голубые перья и пел чудесные, нежные песенки. Их могла слышать лишь та, для которой они предназначались.

Эта большая сосна очень понравилась Красношейке, который жил теперь поблизости вместе со своим единственным птенцом. Его интересовала главным образом нижняя часть ствола. Кругом росли ползучий болиголов, дикий виноград и вечнозеленая брусника. А нежные черные желуди можно было выкапывать здесь даже из-под снега. Лучшее место, для того чтобы всегда быть сытым, трудно было найти. Если же придет сюда охотник, то можно будет спрятаться от него, пробежав через заросли болиголова к большой сосне, и, прячась за огромным стволом, лететь дальше в полной безопасности.

Сотни раз сосна спасала их во время этого законного сезона убийств. Однако Кэдди придумал новую уловку. Он спрятался за бугром, а его товарищ, другой охотник, пошел вокруг старого клена, чтобы спугнуть птиц. Он шел крадучись сквозь низкую чащу, где искали пищу Красношейка и Серый Хвостик. Но Красношейка издал тихий, предостере-

гающий звук: «Рррр!» («Опасность!») — и тотчас же направился к большой сосне.

Серый Хвостик остался несколько позади, на бугре, и вдруг увидел совсем близко нового врага. Это была желтая собака, которая бежала прямо к нему. Красношейка был гораздо дальше, и кусты заслоняли от него пса. Серый Хвостик очень встревожился.

«Квит, квит!» («Лети, лети!») — прокричал он, сбегаая вниз по склону холма, чтобы скорее уйти.

«Криит, крр!» («Сюда, спрячься!») — прокричал более хладнокровный Красношейка, увидевший, что за ним идет человек с ружьем. Он достиг большой сосны. Укрывшись за ее стволом, он на мгновение остановился и крикнул Серому Хвосту: «Сюда, сюда!» Красношейка услышал легкий шорох в кустах за бугром и понял, что там засада.

Затем раздался испуганный крик Серого Хвостика. Собака кинулась на него.

Серый Хвостик поднялся в воздух, чтобы укрыться за стволом от охотника, стоявшего на открытом месте. Но он очутился как раз под выстрелом притаившегося за бугром злодея.

«Шррр!» — прошуршал он крыльями и полетел вверх.

«Паф!» — и он упал, окровавленный и трепещущий, и остался неподвижно лежать на снегу...

Красношейка притаился внизу. Собака пробежала почти рядом, а приятель Кэдди — еще ближе. Но Красношейка не шевельнулся. Только потом он наконец скользнул за широкий ствол и укрылся от обоих охотников. Теперь он мог уже спокойно подняться и полететь к своему родному оврагу.

Безжалостное ружье погубило одного за другим всех, кто был ему близок, и Красношейка опять стал одинок.

Медленно протекал «снежный месяц», и Красношейка часто бывал на волосок от смерти, так как охотники преследовали его беспрестанно, зная, что он один остался в живых из всей своей семьи. И от этого преследования он дичал с каждым днем.

Но по-видимому, это была лишь напрасная трата времени — преследовать его с ружьем в руках, и потому Кэдди придумал другой план. Когда выпал глубокий снег и пища стала

более скудной, он расставил ряд силков в том месте, где Красношейка искал пищу. Старый приятель Красношейки, белохвостый кролик, прогрыз некоторые из силков своими острыми зубами, но остальные были целы. Однажды Красношейка, заметив в небесах какую-то точку и думая, не ястреб ли это, неосторожно попал в расставленную западню. В одно мгновение он был подброшен в воздух и повис на одной ноге.

Какое право имеет человек подвергать такому длительному мучению живое существо только потому, что оно не говорит на его языке?

Весь этот день, испытывая невыносимые муки, несчастный Красношейка висел и хлопал своими большими мощными крыльями, тщетно стараясь освободиться. Весь день, всю ночь длилась эта пытка, и он стал желать, чтобы скорее пришла смерть и прекратила его мучения.

Но смерть не являлась.

Настало утро. Прошел еще день, и начали медленно спускаться сумерки.

Сила и здоровье Красношейки были для него проклятием.

Ночь спустилась на землю. Когда стало совсем темно, большая ушастая сова, привлеченная слабым трепетаньем крыльев птицы, явилась и сразу окончила мучения Красношейки.

И это было поистине добрым делом...

Ветер дул с севера и гнал снег по замерзшему болоту. Все было бело кругом. По белоснежной поверхности ветер разметал темные перышки. Это были остатки великолепного воротничка, знаменитого украшения Красношейки. И перышки эти уносило ветром все дальше к югу. Они неслись над потемневшим озером, как неся некогда он сам во время «месяца безумия». Наконец их засыпало снегом, и последние следы рода куропаток, обитавших в долине Дона, исчезли навсегда.

Теперь не слышно уже больше голоса куропаток в Кэстл-Франке, и в овраге Илистого ручья медленно гниет сосновое бревно, безмолвное и никому не нужное.

СЕРЕБРЯНОЕ ПЯТНЫШКО

I

Многим ли из вас удалось близко познакомиться с каким-нибудь диким животным? Я спрашиваю не о случайных встречах с животными и не о животных, живущих в клетках. Я говорю о том, знали ли вы какое-нибудь животное в течение долгого времени тогда, когда оно жило на воле. Обычно бывает трудно отличить одно животное от его сородичей. Каждая лисица и каждая ворона так похожи на других лисиц и других ворон, что нелегко решить, точно ли встречаешь все одну и ту же лисицу или ворону. Но бывает, что одно какое-нибудь животное и по силе, и по уму превосходит своих сородичей. Оно становится великим вожаком. Мы могли бы его назвать гением. Если такое животное крупнее других, если по каким-либо признакам его могут узнавать люди, оно вскоре становится знаменитым в своей стране.

К таким выдающимся диким животным принадлежали: Куртланд — короткохвостый волк, в течение почти десяти лет наводивший ужас на весь город Париж в начале XIV столетия; Клуборут — хромой бурый медведь, разоривший в какие-нибудь два года в верховьях реки Сакраменто всех свиноводов и заставивший половину фермеров бросить свое дело; Лобо — волк в Нью-Мексико, ежедневно убивавший по корове в течение пяти лет, и, наконец, пантера Сене, погубившая менее чем в два года около трехсот человеческих жизней. Такой же знаменитостью был и Серебряное Пятнышко, историю которого я собираюсь вкратце рассказать здесь.

Серебряное Пятнышко был мудрой старой вороной. Название свое он получил от серебристо-белого пятна величинной с небольшую монету, которое виднелось у него с правой стороны между глазом и клювом. Благодаря этому пятну мне удалось отличить его от других ворон и связать вместе отдельные отрывки его истории.

Вороны, как вы должны знать, — самые умные птицы. Ведь недаром есть поговорка: «Мудра, как старая ворона». Вороны знают, как много значит дисциплина, и вымуштрованы не хуже солдат. Их вожаками бывают не только самые

старые и умные из всей стаи, но и самые сильные и храбрые, так как вожак должен быть готов в любую минуту справиться с каким-нибудь выскочкой и мятежником. Все остальные в стае — это молодежь и рядовые вороны, не обладающие особыми способностями.

Серебряное Пятнышко, о котором идет речь, был предводителем большой стаи ворон, избравшей своим местопребыванием холм Кэстл-Франк, поросший соснами и находящийся вблизи города Торонто. В его стае насчитывалось около двухсот ворон. Когда зима стояла мягкая, вороны оставались у берегов Ниагары, а в более суровые зимы они улетали дальше на юг. Но каждый год в последнюю неделю февраля старик Серебряное Пятнышко собирал свою стаю и смело перелетал с ней водное пространство в сорок миль, отделяющее Торонто от Ниагары. Однако он никогда не летел по прямой линии, а делал изгиб в западную сторону, причем не терял из виду гору Дендас, которая и служила для него вехой, пока не показывался холм, поросший

соснами. Он прилетал каждый год со своей стаей на этот холм и жил там около шести недель. Каждое утро вороны разделялись на три отряда и отправлялись на промысел. Один отряд летел к югу, к бухте Атбридж, другой — на север, к реке Дон, а третий, самый большой, — на северо-запад. Во главе этого третьего отряда находился Серебряное Пятнышко. Кто предводительствовал другими отрядами, я не знаю.

Если утро было тихое, вороны сразу поднимались высоко и улетали. Если же погода была ветреная, то они летели низко, держась под защитой ущелья. Мои окна выходили как раз на ущелье. В 1885 году я впервые заметил старого предводителя.

Я недавно приехал в эту местность, и один старожил сказал мне, указывая на стаю:

— Вон та старая ворона в это время года летает над ущельем уже более двадцати лет.

Серебряное Пятнышко всегда упрямо придерживался старого пути, хотя ущелье было уже застроено домами, и скоро стал мне хорошо знаком. Ежедневно в марте и в первой половине апреля, а потом в конце лета и в начале осени он пролетал мимо меня два раза в день.

Я следил за всеми его движениями и слышал, как он командовал подчиненными. Мало-помалу я понял, что вороны очень умны, имеют свой язык и общественный строй, поразительно схожий с человеческим.

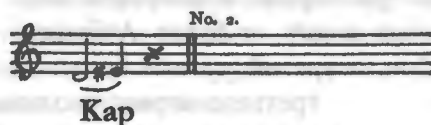
Однажды я стоял на высоком мосту, перекинутом через ущелье. День был ветреный, и я увидел, что старая ворона во главе своей бродячей стаи летит домой. За полмили я уже

мог расслышать довольный крик, означавший: «Все благополучно, летите дальше!»

«Кар, кар!» — кричал Серебряное Пятнышко, и его помощник вторил ему в тылу стаи. Они летели низко, так как наверху был сильный ветер. Но мост, на котором я стоял, заставил их подняться выше. Серебряное Пятнышко увидел меня, и ему не понравилось, что я пристально за ним

наблюдаю. Он задержал свой полет, крикнул: «Кар!», что означало: «Будьте настороже!» —

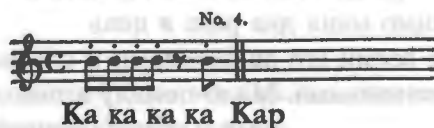

и тотчас же поднялся выше.

Но, заметив, что я не вооружен, он пролетел над самой моей головой, и все остальные вороны проделали то же самое. Пролетев мост, стая спустилась на прежний уровень.

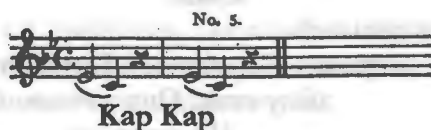

На следующий день я пошел на то же самое место и остановился на мосту. Когда вороны приблизились, я поднял свою палку и сделал вид, что прицеливаюсь в них. Старый предводитель тотчас же криком предупредил их об опасности. Он как будто крикнул им: «Берегитесь — ружье!»

Его помощник повторил этот крик, и каждая ворона в стае тотчас же отделилась от прочих и полетела вверх, пока все не очутились вне выстрела. Перелетев через опасное место, они снова спустились под защиту долины, где считали себя в безопасности.

В другой раз, когда растянувшаяся стая пролетала над долиной, на дерево, близко стоявшее у намеченного им пути, спустился краснохвостый ястреб. Старый ворон моментально крикнул: «Ястреб! Ястреб!» —

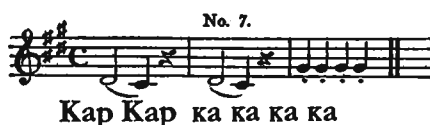
и замедлил свой полет. То же самое сделала каждая ворона, приближаясь к нему. Вся стая сгрудилась в одну кучу. Тес-

ной куче ястреб не страшен. Но спустя четверть мили они увидели человека с ружьем, и тотчас же раздался особенный крик, предупреждающий о серьезной опасности и о ружье. Предводитель, казалось, кричал им: «Берегитесь! Ружье! Разлетайтесь в разные стороны!» Крик был отрывистый, повторяющийся несколько раз. «Ка, ка, ка, кар!»

И вороны немедленно повиновались, разлетевшись вверх и вширь, и, таким образом, стали недостижимы для выстрела.

В течение своего продолжительного знакомства с этой стаей я изучил многие из сигналов старого предводителя и научился различать их. Я убедился, что многие крики, мало отличающиеся друг от друга по звуку, часто означают совсем разные вещи. Так, например, в одном случае крик означает появление ястреба или вообще какой-нибудь опасной хищной птицы, в другом — он значит: «Поворачивай!»

Очевидно, тут происходит смесь двух сигналов: одного — означающего опасность, и другого — означающего отступление. А простой крик: «Кар, кар!» —

означает: «Здравствуй!» — приветствие, обращенное к пролетающему мимо товарищу. Есть еще один возглас, который обыкновенно адресуется ко всей стае и значит: «Внимание!»

В первых числах апреля началась большая суматоха среди ворон. Вороны полдня проводили среди сосен, вместо

того чтобы летать в поисках пищи с утра до вечера. Они гонялись друг за другом по две и по три и временами устраивали нечто вроде состязания в полете. Любимой забавой для них было срываться с большой высоты по направлению к какой-нибудь сидящей на ветке вороне и, подлетев к ней, в последний миг, на волосок от нее, внезапно свернуть и взмыть вверх с такой быстротой, что шум крыльев напоминал звук отдаленного грома. Иной раз случалось видеть, что одна из ворон, взъерошив перья, наклоняет голову и, близко подлетев к другой вороне, протяжно воркует: «Кр-р-р-ау!»

Что же все это означало? Я скоро узнал, в чем дело. Это была пора ухаживания самцов за самками. Самцы-вороны показывали силу своих крыльев и своих голосов. И должно быть, выказанные ими таланты были оценены по достоинству, так как к середине апреля вороны разделились попарно и разлетелись во все стороны, чтобы провести где-нибудь свой медовый месяц. Темные старые сосны Кэстл-Франка опустели.

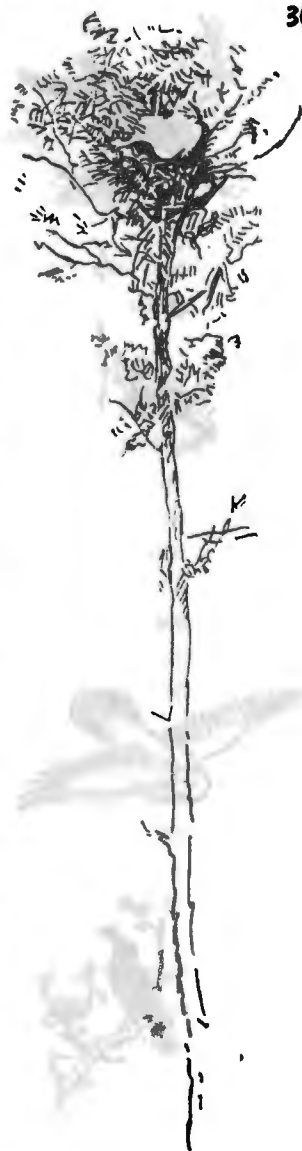
||

Холм Сахарная Голова стоит одиноко в долине реки Дон. Он покрыт лесами, которые соединяются с лесами Кэстл-Франка. В лесу между этими двумя холмами стоит сосна, на верхушке которой находится покинутое ястребиное гнездо. Каждый школьник в Торонто хорошо знает это гнездо, но никто никогда не видел в нем никаких признаков жизни, и только мне удалось однажды подстрелить на краю этого гнезда черную белку. Так это гнездо и оставалось там из года в год, старое, истрепанное и полуразвалившееся. Но все-таки оно не развалилось окончательно.

Однажды утром, в мае, я вышел из дому на рассвете и тихонько пошел по лесу. Пожелтевшие опавшие листья, покрывавшие землю, так намокли, что никакого шороха не было слышно. Мне как раз пришлось проходить под старым

гнездом, и я был удивлен, заметив, что над краем его торчит черный птичий хвост. Я с силой ударил по стволу, и тотчас же из гнезда вылетела ворона. Тайна была раскрыта. Я давно подозревал, что ежегодно в этих соснах какая-нибудь воронья парочка устраивает свое гнездо, но тут я убедился, что это был Серебряное Пятнышко со своей подругой. Они завладели этим старым гнездом, но были настолько благоразумны, что не придавали ему каждую весну обновленного и жилого вида. Там они долго проживали в полной безопасности, несмотря на то что ежедневно под этим гнездом проходили мужчины и мальчики с ружьями в руках, жаждущие пострелять ворон. Но и мне не удалось больше ни разу увидеть там старую ворону, хотя я часто рассматривал гнездо в свою подзорную трубу.

Однажды, занимаясь, по обыкновению, наблюдениями, я увидел ворону, перелетавшую через долину реки Дон. Держа в клюве что-то белое, она летела по направлению к ручью. У ручья ворона выпустила из клюва какой-то белый предмет. Взглянув пристальнее, я узнал своего старого приятеля, Серебряное Пятнышко. Через минуту он снова поднял брошенный им белый предмет — это была раковина — и полетел дальше. Он перелетел через ручей и там среди болотных трав вырыл из земли кучку раковин и белых блестящих камешков. Он раскладывал их на солнце, поворачивал, поднимал в клюве по очереди и затем снова бросал на землю, присаживался на них, точно это были яйца, забавлялся ими и пожирал их глазами, словно скупец. Это была его слабость. Он не мог бы, конечно, объяснить, почему они так ему нравятся, как не может объяснить школьник, почему ему нравится собирать почтовые марки, или девушка — почему ей нравится жемчуг больше, чем рубины. Но во всяком случае, удовольствие, которое он испытывал при этом, было самое искреннее. Поиграв с полчаса, он снова прикрыл свои сокровища землей и листьями и улетел.

Я тотчас же отправился на это место и осмотрел его склад. Там была кучка белых камешков, ракушек и кусочков жести. Среди них находилась и ручка от фарфорового чайника. Она-то, вероятно, и была самой главной драгоценностью во всей его коллекции. Но больше я не видел этих сокровищ. Серебряное Пятнышко как-то проведал, что я нашел их, и немедленно перенес их на другое место. Куда — я так и не узнал.

Серебряное Пятнышко пережил много приключений и много раз спасался от опасности. Однажды я видел, как за ним гнался ястреб. Часто ему приходилось удирать от хищных птиц, охотившихся за ним. Особенно надоедали ему корольки. Не то чтобы они причиняли ему большой вред, но они были такой шумной компанией, что он всегда старался уйти от них как можно быстрее. Так взрослый человек обыкновенно избегает компании шумных и назойливых мальчишек.

Были и у него самого некоторые жестокие привычки. Он, например, отправлялся исследовать гнезда маленьких птичек и каждое утро поедал там снесенные яйца. Он проделывал это с такой аккуратностью, с какой обычно доктор ежедневно обходит больных. Но мы не можем осуждать его за это: ведь и мы так же поступаем с курами в нашем курятнике.

Сообразительность его часто удивляла меня. Однажды я увидел, что он летит вдоль оврага, держа в клюве кусок хлеба. В это время внизу, под ним, рабочие заключали ручей в кирпичную трубу. Часть ручья, около двухсот ярдов, была уже совсем закрыта. Серебряное Пятнышко, пролетая над открытой частью ручья, вдруг выронил хлеб из клюва. Хлеб был унесен течением и быстро скрылся из виду в туннеле. Серебряное Пятнышко слетел вниз. Сначала он тщетно вглядывался в темную пещеру, а затем его словно осенила счастливая мысль. Он полетел вниз, вдоль потока, к нижнему концу туннеля, где и дождался появления в воде куска хлеба, вынесенного течением.

Серебряное Пятнышко был в самом деле счастливой вороной, которой точно покровительствовала судьба. Он жил в такой местности, которая хотя и была полна опасностей, но изобиловала пищей. Он ежегодно поселялся в старом, неисправленном гнезде со своей подругой, которую, однако, мне никогда не удавалось разглядеть, и благополучно выводил там птенцов. А когда вороны вновь собирались стаяй, он опять становился их признанным вожаком.

Сбор стаи обыкновенно происходит в конце июня. Родители приводят своих маленьких птенцов с короткими хвостами, мягкими крыльями и писклявыми голосами, но ростом уже почти сравнявшихся со взрослыми воронами, в старый сосновый лес, где собирается эта стая. В старом сосновом лесу, который служит для ворон и школой и крепостью, молодежь впервые вводится в общество. Здесь они находятся в безопасности, так как тут существуют хорошо защищенные убежища на высоких ветвях, и здесь начинается их ученье. Молодежь посвящается во все тайны, которые необходимо знать каждой вороне.

Сначала молодые вороны знакомятся друг с другом, так как, по правилам вороньего общества, каждая ворона должна быть обязательно знакома со всеми остальными членами своей стаи. Теперь родители могут отдохнуть немного после трудов по вскармливанию и воспитанию своих птенцов, потому что птенцы выросли и могут уже сами отыскивать себе пищу.

Недели через две начинается время линьки. В эти дни старые вороны бывают обыкновенно очень раздражительны и сердиты. Они продолжают учить и дрессировать молодых, которым, конечно, не очень приходится по вкусу наставления и наказания линияющих учителей. Старик Серебряное Пятнышко был усердным учителем. Иногда он как будто произносил перед ними речь. Что он говорил, я, конечно, не мог угадать, но судя по тому, как относились к его речи слушатели, надо полагать, что она была чрезвычайно остроумна.

Молодые вороны обучаются не вместе, а по классам, словно дети в человеческой школе: воронята постарше — в одном классе, а воронята помоложе — в другом. К сентябрю шумная толпа глупеньких воронят, по-видимому, уже научилась уму-разуму. Нежный голубой цвет глаз, присущий птенцам, заме-

нился темно-коричневым цветом глаз взрослых ворон. Они перестали быть птенцами, узнали все, что надо знать взрослой вороне, и научились правилам осторожности. Они узнали про ружье и западни и научились отличать ядовитых насекомых от съедобных. Узнали, что толстуха жена старого фермера несравненно менее опасна для них, нежели ее пятнадцатилетний сын, хотя она гораздо крупнее его. Они научились также отличать брата от сестры. Они узнали, что зонтик — это не ружье. Они научились уже считать до шести, что очень хорошо для таких юных ворон, хотя

Серебряное Пятнышко мог сосчитать почти до тридцати. Запах пороха тоже стал им знаком, и они научились распознавать южную сторону дерева. В конце концов, они, разумеется, заважничали и стали считать себя совсем взрослыми. Спускаясь после полета, они всегда складывали свои крылья три раза, для того чтобы быть уверенными, что крылья сложены аккуратно. Они знали, каким способом можно заставить лисицу отдать половину своего обеда, и знали, что надо немедленно прятаться в кусты при нападении других птиц, корольков или зимородков, так как сражаться с этими маленькими врагами так же невозможно, как невозможно толстой торговке поймать мальчишек, стащивших у нее из корзины яблоки. Все это уже узнали юные вороны, но еще не научились воровать чужие яйца. Они еще не имели никакого представления о ракушках, они ни разу еще не отведали лошадиных глаз, не видели пшеницы и ничего не знали о путешествиях, воспитывающих лучше всего.

Сентябрь произвел большие перемены и в старых воронах. Пора линьки прошла. Оперение у них выросло вновь, и они стали гордиться своим красивым одеянием. Здоровье у них опять восстановилось, и они приободрились. Даже строгий учитель Серебряное Пятнышко стал веселым, и молодые, давно уже научившиеся уважать его, теперь действительно полюбили своего вожака.

Он хорошо воспитал их, обучил всем сигналам и приказаниям, и теперь просто приятно было смотреть на них ранним утром.

«Первый отряд!» — крикнет старый командир на вороньем языке, и первый отряд отвечает ему громким гамом.

«Летите!» — и все летят вперед во главе со своим предводителем.

«Поднимайтесь!» — и в ту же минуту все взлетают вверх.

«Собирайтесь в кучу!» — и все собираются в одну плотную массу.

«Разлетайтесь!» — и все моментально рассеиваются в разные стороны, словно опавшие листья.

«Стройтесь в ряд!» — и все тотчас же вытягиваются в одну линию.

«Спускайтесь!» — и все срываются вниз, чуть не до самой земли.

«Ищите пищу!» — и все спускаются на землю и рассыпаются в разные стороны, между тем как два постоянных часовых сторожат: один — на дереве с правой стороны, другой — на пригорке с левой. Спустя две минуты раздается крик Серебряного Пятнышка, означающий: «Человек с ружьем!» Часовые повторяют этот крик, и весь отряд моментально взлетает и направляется вольным строем к деревьям. Очутившись в безопасности за деревьями, они снова растягиваются в линию и летят к своим родным соснам.

Ежегодно в ноябре вся стая улетает на юг, чтобы познакомиться с новыми странами и новой пищей под руководством мудрого Серебряного Пятнышка.

Ворона бывает глупа только ночью, и только единственная птица на свете страшна для вороны — это сова. Когда в темноте раздается крик совы, ужас охватывает ворон. Даже самый отдаленный крик совы ночью пугает ворон. Они тотчас же высовывают голову из-под крыла и сидят, прислушиваясь и дрожа от страха всю ночь. Во время больших морозов вороны иногда отмораживают себе глаза. Если

ворона не спрячет голову под крыло, она может лишиться зрения.

С наступлением утра к воронам возвращается мужество. Приободрившись, они отправляются обыскивать леса. Отыскав сову, напугавшую их своим криком, они или убивают ее, или, замучив до полусмерти, прогоняют за двадцать миль.

В 1893 году вороны, по обыкновению, прилетели в Кэстл-Франк.

Через два дня после этого на рассвете среди ворон началась суматоха. Я вышел рано, желая узнать, отчего разволновались птицы, и вдруг увидел на снегу несколько черных перьев, уносимых ветром. Я пошел навстречу ветру, чтобы узнать, откуда он принес эти перья, и вскоре увидел окровавленные останки вороны и рядом — двойной след больших когтей, указавший мне, что убийцей была сова. Крутом были заметны явные признаки происходившей тут борьбы. Но свирепый убийца, очевидно, был гораздо сильнее несчастной вороны. Он стащил ее с ветки, на которой она сидела ночью, когда темнота лишала ее возможности сопротивляться.

Я перевернул окровавленные останки птицы.

Вдруг я увидел ее голову и невольно вскрикнул.

Увы, это была голова моего старого знакомого — Серебряного Пятнышка!

Кончилась долгая жизнь Серебряного Пятнышка, столь полезная для его племени. Его убила сова, от которой он предостерег столько сотен молодых ворон.

Старое гнездо на холме Сахарная Голова опустело. Вороны по-прежнему прилетают весной в Кэстл-Франк, но с ними уже нет их знаменитого вожака. С его гибелью их ряды стали редеть, и, вероятно, скоро вороны совсем исчезнут в старой сосновой роще, где их предки жили и учились жизни в течение стольких веков...

ВИННИПЕГСКИЙ ВОЛК

I

Первая моя встреча с Виннипегским волком произошла во время большой метели 1882 года. В середине марта я выехал из Сент-Пола, надеясь за сутки пересечь прерии и добраться до Виннипега. Но царь ветров решил иначе и послал на землю свирепую вьюгу. Час за часом валил снег — упорно, яростно. Никогда в жизни я не видывал такой метели. Весь мир погрузился в снег — снег, снег, снег, крутящийся, кусающий, жалящий, мчащийся снег. И пыхтящий чудовищный паровоз вынужден был остановиться по приказу этих воздушных пушистых кристаллов непорочной чистоты.

За преградившие нам путь заносы взялось много сильных рук с лопатами, и час спустя наш паровоз сдвинулся с места — для того лишь, чтобы застрять в следующем сугробе. Нелегкая была это работа: день за днем, ночь за ночью мы попеременно то зарывались в сугробы, то вылезали из них, а снег все продолжал виться и кружить в воздухе.

«Двадцать два часа до Эмерсона», — сказал кондуктор, но прошло две недели, прежде чем мы достигли Эмерсона с его тополевыми рощами — лучшей защитой от заносов. Отсюда поезд пошел быстрым ходом. Топольевые рощи становились гуще, переходили в большие леса, тянувшиеся на целые мили, с редкими просветами там и сям.

Приближаясь к восточной окраине Виннипега, мы возле Сент-Бонифейса медленно проехали мимо небольшой просеки, в пятьдесят шагов шириной, и посреди нее я увидел картину, потрясшую меня до глубины души.

На полянке собралась огромная стая собак, больших и малых, рыжих, белых и черных. Сомкнувшись в кольцо, они то рвались вперед, то пятились. Сбоку припала к снегу рыжая собачонка, а с внешней стороны кольца рвался и лаял огромный черный пес, держась, однако, все время позади остальных. А в середине стоял большой угрюмый волк — центр и причина всего.

Волк? Он показался мне львом. Он стоял один-одинешенек — решительный и спокойный, с ошетилившимся загривком. Прочно расставив ноги, он поглядывал то туда, то сюда, готовый встретить нападение с любой стороны. Изгиб его губ напоминал презрительную усмешку, хотя это был, вероятно, всего лишь обычный боевой оскал. Под предводительством волкоподобной собаки, которой следовало бы стыдиться такого предательства, свора бросилась на него, должно быть, в двадцатый раз. Но рослый серый зверь метнулся туда-сюда, щелкнув ужасными челюстями: щелк, щелк, щелк. Волк не визжал, не выл и не лаял. Между тем в рядах его врагов раздался не один предсмертный вопль, прежде чем они снова отпрянули от него, оставив его по-прежнему неподвижным, неукротимым, неведимым и презрительным.

Как бы я хотел теперь, чтобы поезд снова застрял в снегу! Сердце мое рвалось к серому волку. Мне хотелось броситься к нему на помощь. Но белоснежная поляна промелькнула мимо, стволы тополей заслонили ее, и мы понеслись дальше.

Вот и все, что я видел, — самую малость. Но несколько дней спустя я узнал, что удостоился редкостного зрелища: увидел при свете дня замечательнейшее существо — не более не менее как самого Виннипегского волка.

Странная была у него судьба: это был волк, предпочитавший город лесам, равнодушно проходивший мимо овец, но убивавший собак и неизменно охотившийся в одиночку.

Рассказывая историю оборотня, как называли его некоторые, я говорю о событиях его жизни, словно о чем-то известном местным жителям. Тем не менее многие из горожан и не слыхали о нем. Так, например, богатый лавочник на

главной улице узнал про его существование в тот день, когда произошла последняя сцена у бойни и труп большого волка был доставлен чучельнику Гайду. Здесь из волка сделали чучело для Чикагской выставки, но затем оно, к сожалению, погибло, когда в 1896 году сгорела местная школа.

II

Как-то раз в июне 1880 года скрипач Поль Дерош, красивый бездельник, предпочитавший не трудиться, а охотиться для собственного развлечения, рыскал с ружьем по лесистым берегам Красной реки. Увидев, что из ямы под обрывом вышел волк, он наудачу выстрелил и убил его. Послав на разведку собаку, чтобы убедиться, что в логовище не осталось взрослого волка, он вполз туда сам и, к великому своему удивлению и радости, нашел там восемь волчат. Девять премий по десять долларов! Сколько же это составит? Целое состояние, наверное. Он пустил в ход палку и с помощью рыжего пса перебил всех малышей, кроме одного: существует поверье, что убийство последнего в выводке приносит несчастье. И вот Поль вернулся в город со скальпами волчицы и семи волчат и с живым волчонком в придачу.

Трактирщик Хоган, в собственность которого вскоре перешли все заработанные доллары, получил затем и волчонка. Звереныш вырос на цепи, что не помешало ему обзавестись челюстями и грудью, какими не мог похвастать ни один из городских псов. Его держали во дворе для забавы посетителей, и эта забава заключалась преимущественно в травле пленника собаками. Несколько раз молодой волк был искусан до полусмерти, но каждый раз выздоравливал, и с каждым месяцем число собак, желавших потягаться с ним, становилось все меньше. Жизнь его была очень тяжела. Единственным отрадным проблеском стала дружба, возникшая между ним и маленьким Джимом, сыном трактирщика.

Джим был своенравный плутишка, умевший поставить на своем. Он полюбил волка с тех пор, как тот загрыз укусившую его собаку. С тех пор он начал кормить и ласкать его. И волк разрешал ему всякие вольности, которых не позволил бы никому другому.

Отец Джима не был образцовым родителем. Обыкновенно он баловал сына, но подчас приходил в ярость и жестоко избивал его из-за пустяков. Джим вскоре понял, что его бьют не за дело, а потому, что он подвернулся под сердитую руку. Стоило поэтому укрыться на время в надежном месте, и больше нечего было бояться. Однажды, спасаясь бегством от отца, он бросился в волчью конуру. Бесцеремонно разбуженный, серый приятель повернулся к выходу, оскалил двойной ряд белоснежных зубов и весьма понятно сказал отцу: «Не смей его трогать».

Трактирщик чуть было не пристрелил волка, но побоялся убить сына и предпочел оставить их в покое. А полчасика спустя он уже сам смеялся над происшествием. Отныне маленький Джим бежал к конуре волка при малейшей опасности, и иногда только тогда и догадывались, что он провинился, когда видели, как он прячется за спину сурового узника.

Хоган был скуп. Поэтому буфетчиком у него служил китаец, которому он мог платить гроши. Это был кроткий, робкий человек, с которым скрипач Поль позволял себе не стесняться. Однажды, застав китайца одного в трактире, Поль, уже подвыпивший, захотел угоститься в кредит. Но Тун Лин, послушный полученному приказанию хозяина, отказал ему. Поль ки-

нулся к стойке, желая отомстить за оскорбление. Китаец мог бы серьезно пострадать, если бы не подвернулся Джим, ловко подставивший длинную палку под ноги скрипачу. Скрипач растянулся на полу, потом он поднялся на ноги, клянясь, что мальчик поплатится за это жизнью. Но Джим воспользовался близостью двери и мгновенно очутился в волчьей конуре.

Увидев, что у ребенка есть покровитель, Поль схватил длинную палку и, став на почтительном расстоянии, принялся избивать волка. Серый зверь рвался на цепи, отражая бесчисленные удары и хватая палку зубами. Однако ему приходилось плохо. Вдруг Поль заметил, что Джим, язык которого ни на миг не переставал работать, возится с ошейником волка и что волк вскоре очутится на свободе, — собственно говоря, этому мешал только сам волк, натягивавший цепь так, что расстегнуть ошейник было просто невозможно.

Мысль, что он окажется во дворе один на один с разъяренным чудовищем, заставила содрогнуться храброго Поля.

Тут послышался умильный голос Джима:

— Потерпи немного, волчок, только чуточку подвинься, и ты получишь его на обед. Ну, подвинься, подвинься! Вот и молодец!

Этого было достаточно: скрипач бежал, старательно закрывая за собой все двери.

Дружба между Джимом и его любимцем росла. Чем старше становился волк, тем яростнее он ненавидел собак и пахнущих водкой людей. Зато его любовь к Джиму и ко всем другим детям росла с каждым днем.

III

В это время, осенью 1881 года, местные фермеры сильно жаловались на то, что волки очень размножились и истребляют стада. Отравы и капканы оказались бессильными, и понятно, что, когда в виннипегском клубе появился знатный немецкий путешественник, сообщивший, что у него есть собаки, способные в короткое время избавить страну от волков, его заявление возбудило живейший интерес. Ведь фермеры — большие любители охоты, и мысль освободить округ от волков с помощью своры волкодавов казалась им очень заманчивой.

Немец вскоре привел двух великолепных датских догов: один был белый, другой — палевый с черными крапинками. Каждый из этих огромных псов весил около двухсот фунтов. Мускулы у них были как у тигров, и все охотно поверило словам немца, что одна эта пара легко одолеет самого

крупного волка. Немец так описывал их обыкновение охотиться:

— Нужно показать им след, и, будь он хоть суточный, псы тотчас же побегут искать волка. Их ничем не собьешь. Как бы волк ни прятался и ни кружил, они живо отыщут его. Чуть только он кинется бежать, палевый пес хватает его за бедро и подкидывает вот так, — и немец подбросил кверху ломтик хлеба, — и не успеет он опуститься на землю, как белый вцепится ему в голову, палевый — в хвост, и он будет разорван пополам.

Все это казалось весьма правдоподобным. Всякому хотелось проверить собак на деле. Старожилы посоветовали отправиться за волками на Асинибуан, и охотники не замедлили снарядить туда экспедицию. Но, напрасно проискав волков в течение трех дней, они готовы уже были отказаться от охоты, когда кто-то вспомнил, что у трактирщика Хогана есть цепной волк, которого можно дешево купить и который, хотя ему только год, вполне пригоден для испытания собачьих способностей.

Цена волка сразу подскочила, едва трактирщик узнал, для какого важного дела понадобился его питомец. Кроме того, ему «совесть не позволяла» продать волка. Однако «совесть» сразу перестала мешать ему, едва охотники заплатили сполна.

Затем трактирщик позаботился отослать маленького Джима с поручением к бабушке, а волка загнали в ящик, ящик заколотили гвоздями, поставили в фургон и отвезли в открытую прерию.

Собак с трудом могли удержать — так они рвались в бой, едва почуяв волка. Но несколько сильных мужчин держали их на поводке, пока фургон не отъехал на полмили дальше.

Волка не без труда выгнали из ящика. Сперва он казался оробевшим и угрюмым. Он не пытался кусаться, а только искал, где бы спрятаться. Тревожимый

криками и свистом и поняв наконец, что находится на свободе, волк пустился крадущейся рысцой к югу.

В тот же миг спустили собак, и они с яростным лаем ринулись вслед за ним.

Люди, весело улыбаясь, поскакали за собаками. С самого начала стало ясно, что волку несдобровать. Доги были несравненно проворнее его. Белый мог бежать не хуже любой борзой. Немец громко восторгался, видя, как его любимый пес несется по прерии, приближаясь к волку с каждой секундой.

Многие предлагали держать пари, что победят собаки, но это было настолько ясно, что пари никто не принимал — соглашались только ставить на одну собаку против другой. Молодой волк бежал теперь во всю прыть, но скоро белый пес уже настиг его.

— Теперь смотрите, — крикнул немец, — как этот волк взлетит на воздух!

Минуту спустя волк и собака на мгновение сошлись, но оба тотчас же отпрыгнули друг от друга. Ни один из них не взлетел на воздух, но белый пес упал на землю с ужасной раной на плече, выведенный из строя, если не убитый. Десять секунд спустя налетел, разинув пасть, второй пес — палевый. Схватка была так же мимолетна и почти так же непонятна, как и первая. Животные едва соприкоснулись. Серый зверь метнулся в сторону. Палевый пес отшатнулся, показав окровавленный бок.

Понукаемый людьми, он снова бросился в атаку, но получил вторую рану, окончательно научившую его уму-разуму.

В это время подоспел слуга немца с еще четырьмя большими собаками. Их спустили на волка, и охотники с дубинами и арканами уже спешили вслед, чтобы прикончить его, когда через равнину примчался верхом на пони маленький мальчик. Он соскочил на землю и, протолкавшись сквозь оцепившее волка кольцо, обхватил его шею руками. Он называл его «милым волчком», «дорогим волчишкой»; волк лизал ему лицо и махал хвостом. Затем мальчик обратил к толпе мокрое от слез лицо и сказал... Ну, да лучше не печатать того, что он сказал. Ему было всего девять лет, но он

был очень груб, так как вырос в низкопробном трактире и успешно усвоил все постоянно слышанное там сквернословие.

Он ругал их всех и каждого, не исключая и родного отца.

Взрослый человек, позволивший себе такие оскорбительные и неприличные выражения, не миновал бы жестокой расправы. Но что делать с ребенком? И в конце концов охотники сделали самое лучшее: они громко рассмеялись — не над собой, конечно, смеяться над собой никто не любит, — нет, все до одного они смеялись над немцем, знаменитые собаки которого спасовали перед молоденьким волком.

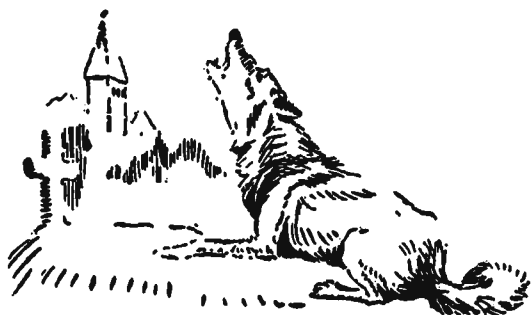
Тогда Джим засунул грязный, мокрый от слез кулачок в свой мальчишеский карман и, порывшись там среди камушков и леденцов, смешанных с табаком, спичками, пистолетными патронами и другой контрабандой, выудил из всего этого обрывок тоненькой бечевки и надел ее волку на шею как поводок. Затем, все еще всхлипывая, поскакал домой, уводя волка на шнурке и бросив немецкому дворянину прощальную угрозу:

— Я бы за два цента натравил его на вас, чтоб вы сдохли!

IV

В начале зимы Джим заболел.

Волк жалобно выл на дворе, не видя своего дружка, и наконец, по просьбе больного, был допущен в его комнату. И здесь большой дикий пес — ведь волк просто дикий пес — верно дежурил у постели приятеля.

Болезнь казалась сперва несерьезной, и все были поражены, когда наступил внезапный поворот к худшему и за три дня до Рождества Джим скончался.

Волк оплакивал его искреннее всех. Большой серый зверь откликался жалобным воем на колокольный звон, бредя в сочельник за погребальным шествием. Вскоре он возвратился

на задворки трактира, но при первой же попытке снова посадить его на цепь перескочил через забор и был таков.

Той же зимой в бревенчатой хижине у реки поселился старый капканщик Рено с хорошенькой девочкой Нинеттой. Он никогда не слышал о маленьком Джиме и немало удивился, увидев волчьи следы на обоих берегах реки у самого городка.

Старик с любопытством и сомнением выслушивал рассказы служащих «Компании Гудзонова залива» о поселившемся по соседству волке, который иногда проникает даже в самый город и особенно любит рощу, находящуюся рядом с церковью в предместье Сент-Бонифейс.

В сочельник, едва зазвонили колокола, как они звонили по Джиму, в лесу раздался одинокий печальный вой, убедивший Рено в правдивости рассказов. Он хорошо знал все волчьи песни: призыв о помощи, любовную песнь, одинокий вой и резкий вызов. Это был одинокий вой.

Старик спустился к реке и ответил таким же воем. От дальнего леса отделилась неясная тень и перешла по льду к тому месту, где сидел на бревне человек, неподвижный как бревно. Тень приблизилась к нему, обошла его кругом и потянула носом. Тогда в ее глазах вспыхнул злобный огонек, она зарычала, как рассерженная собака, и скользнула обратно во мрак.

Таким образом Рено, а вслед за ним и многие из горожан узнали, что по городским улицам бродит огромный серый

волк, «второе больше того, что когда-то сидел на цепи у питейного заведения Хогана». Он был грозой для собак, умерщвлял их при каждом удобном случае, и говорили даже, хотя это осталось недоказанным, что он сожрал не одного пьяницу, загулявшего на окраине.

Вот кто был Виннипегский волк, которого я увидел в занесенных снегом лесах. Я хотел ему помочь, воображая,

что его дело очень плохо. Но то, что я узнал позднее, изменило мое первое впечатление. Не знаю, как окончился виденный мною бой, но знаю, что волка не раз видели с тех пор, а некоторые собаки исчезли бесследно.

Ни один волк никогда еще не жил такой странной жизнью. Имея возможность уйти в леса и прерии, он предпочел вести полное превратностей существование в городе — каждый день на волосок от смерти, каждый день совершая отважные подвиги. Ненавидя людей и презирая собак, он каждый день разгонял собачьи стаи и убивал попадавшихся ему в одиночку псов. Он пугал пьяниц, избегал лю-

дей с ружьями, изучил капканы, изучил и отраву — как именно, невозможно сказать, но изучил несомненно, так как много раз с презрением проходил мимо отравленных кусков мяса.

Не было в Виннипеге ни одной улицы, на которой он не побывал бы; не было полицейского, который не видел бы его быстро мелькающей, неясной тени в сером рассвете; не было собаки, которая не дрожала бы от ужаса, когда предательский ветер доносил до нее весть о близости старого оборотня. Он жаждал войны, и врагом его был весь мир. Но не было случая, чтобы волк обидел ребенка.

V

Нинетта родилась в пустыне. Мать ее была индианка. Серые глаза она унаследовала от нормандца-отца и была теперь прелестной девушкой шестнадцати лет, первой красавицей во всем округе. Она могла бы выйти замуж за любого из богатых и степенных женихов в околоте, но избранником ее сердца стал Поль Дерош. Видный малый, лихой танцор и недурной скрипач, Поль получал приглашения на все пирушки и был неисправимым пьяницей. Рено поступил правильно, прогнав его, когда он пришел свататься. Однако это ни к чему не привело.

Покорная во всем остальном, Нинетта не хотела отказаться от своего избранника. На другой же день после того, как ее отец отказал ему, она обещала Полю встретиться с ним в лесу за рекой. Пробираясь по глубокому снегу к назначенному месту, Нинетта заметила, что следом за ней идет большая серая собака. Животное показалось ей вполне дружелюбным, и девочка (так как она была еще просто девочкой) не испытывала никакого страха. Но когда она приблизилась к месту, где ее дожидался Поль,

большая собака вышла вперед, злобно ворча. Поль взглянул, узнал в звере большого волка и бросился бежать, как последний трус. Позднее он говорил, что побежал за ружьем. Должно быть, он забыл, где оно может находиться, так как влез за ним на дерево. Между тем Нинетта побежала по льду домой, чтобы предупредить знакомых о грозящей Полю опасности. Не найдя на дереве огнестрельного оружия, отважный рыцарь смастерил копье, прикрепив свой нож к сучку, и ухитрился нанести волку мучительную рану в голову. Зверь грозно зарычал, но отошел на некоторое расстояние, выказывая, впрочем, твердое намерение дожидаться, пока человек спустится на землю. Но приближение толпы изменило его решение, и он ушел.

Скрипачу Полю легче было объяснить свое поведение Нинетте, нежели другим: она по-прежнему любила его. Но отец ее относился к нему с таким безнадежным презрением, что они решили обвенчаться тайно, как только Поль возвратится из форта Александра, куда он нанялся доставить из форта Гарри почту на собаках. Он считался опытным собачьим погонщиком, так как был беспощадно жесток.

Рано утром, выпив на дорогу, Поль бодро двинулся вниз по реке. Быстро неслась по льду упряжка из трех лаек, рослых и сильных, как телята, и свирепых, как разбойники. Они проехали на полном скаку мимо хижины Рено на берегу, и Поль, щелкая бичом и следуя бегом за санями, махнул рукой стоявшей на пороге Нинетте.

Вскоре сани со свирепыми собаками и пьяным погонщиком исчезли за поворотом реки, и никто с тех пор никогда не видел скрипача Поля.

В тот же вечер лайки по одной возвратились в форт Гарри. Они были обрызганы запекшейся кровью и ранены в нескольких местах, но, как это ни странно, совсем не голодны.

По следу отправились разведчики. Они разыскали на льду пакеты, которые вез Поль; дальше валялись обломки саней; недалеко от пакетов нашли обрывки принадлежавшей скрипачу одежды.

Ясно было, что собаки загрызли и съели своего погонщика.

Владелец собак был очень расстроен этим происшествием — он мог за него поплатиться своими псами. Отказываясь верить другим, он решил лично проверить дело. Рено был послан сопровождать его, и не прошли они и трех миль до рокового места, как старик указал на очень крупные следы, переходившие с восточного берега реки на западный, позади саней. Он повернулся к владельцу собак и сказал на ломаном английском языке:

— Большой волк шел за санями.

Тогда они по следу переправились на западный берег. За Килдонанским лесом волк сменил галоп на шаг, перестал гнаться за санями и направился было к лесу. Но Поль что-то уронил здесь — быть может, пакет. Обнюхав оброненную вещь, волк узнал, что в санях едет пьяный Поль, который рассек ему когда-то голову.

Через милю след бегущего волка уже тянулся по льду за самыми санями. Человеческие следы теперь исчезли, так как человек вскочил в сани и погнал собак. Чтобы облегчить сани, он срезал поклажу. Вот почему пакеты были разбросаны по снегу.

Как скачут собаки под взмахами бича! Вот валяется на снегу нож Поля. Должно быть, он уронил его, пытаясь защищаться от волка. А здесь волчий след исчезает, но сани стрелой несутся дальше: волк вскочил в сани. Собаки в ужасе прибавляют шагу, но в санях сзади летит волк. Через минуту все кончено. Человек и волк скатываются с саней. Волчий след снова появляется на восточном берегу и вскоре исчезает в лесу. Сани несутся к левому берегу, где через милю задевают за корень дерева и разбиваются.

Снег рассказал старику Рено о том, как собаки, запутавшись в упряжке, стали драться между собой, пока не порвали постромки, затем — как они нашли труп своего бывшего мучителя и устроили пир.

Хорошего здесь было мало, но все же с собак было снято обвинение в убийстве. Ответственность, несомненно, падала

на волка, и Рено, когда прошла первая минута ужаса, сказал со вздохом облегчения:

— Это Виннипегский волк. Он спас мою девочку от Поля. Он всегда был добр к детям.

VI

Гибель Поля послужила поводом для большой заключительной охоты, назначенной на Рождество, ровно два года спустя после смерти маленького Джима. На эту охоту, казалось, привели собак со всего околотка. Были здесь три лайки из упряжки Поля — владелец считал их присутствие необходимым, — были и доги, и ищейки, и целая свора дворняжек, не помнящих родства. Все утро прошло в безуспешных поисках в лесах, лежащих на восток от предместья Сент-Бонифейс. Но по телефону пришло известие, что волчий след замечен в Асинибуанских лесах, на запад от города, и час спустя охотники уже мчались по горячим следам Виннипегского волка.

Вот они несутся: стая собак, отряд всадников, толпа пешеходов и мальчиков. Волк не боялся собак, но он знал, что у людей есть опасные ружья. Он направился к темной линии Асинибуанских лесов, но всадникам было раздолье на

равнине, и они скоро, обогнав волка, заставили его повернуть обратно. Он помчался вдоль оврага Колони-Крик и тем избежал свистевших уже над ним пуль. Дальше он повернул к изгороди из колючей проволоки и, перескочив через нее, на время избавился от всадников, но должен был по-прежнему держаться лощины, недоступной для пуль. Собаки уже приближались к нему. Вероятно, он мечтал о том, как бы остаться с ними наедине, хотя их было сорок или пятьдесят против одного. Теперь они уже окружили его, но ни одна не решалась подступить. Сухопарая борзая, понадеявшись на свою прыть, придвинулась было сбоку, но волк рванул ее клыками, сбил

с ног. Всадникам пришлось проехать кружным путем, но теперь охота приблизилась к городу. Навстречу выбежало много людей и собак, чтобы принять участие в травле.

Волк повернул к городской бойне, хорошо знакомому ему месту, и стрельба на время прекратилась, так как охотники боялись попасть в собак, да и дома были уже совсем близко. Собаки так тесно сомкнулись вокруг волка, что дальше он бежать не мог. Он огляделся, ища прикрытия с тыла для последней схватки, и, увидев деревянный мостик через уличную канаву, спрятался под ним. Тогда люди достали лом и разрушили мостик. Он выскочил наружу, зная, что пришло время умереть, готовый к смерти, но желая достойно постоять за себя напоследок. И здесь впервые при свете белого дня люди могли хорошенько разглядеть его. Вот он, загадочный собачий палач, бесплотный голос лесов Сент-Бонифейса, легендарный Виннипегский волк!

VII

Наконец, после трех долгих лет борьбы, он стоял один против четырех десятков собак, которым помогали вооруженные ружьями люди. Но он встречал врагов не менее отважно, чем в тот день, когда я увидел его впервые в зимних лесах. Тот же презрительный изгиб кривил его губы, мускулистые бока чуть-чуть вздымались, изжелта-зеленые глаза светились прежним блеском. Собаки сомкнулись. Их вели не огромные лайки — те еще не забыли их предыдущей встречи, — а бульдог, никогда не покидавший городских улиц. Послышался топот многих ног. Тявканье своры на время сменилось глухим рычанием. Седовато-багровые челюсти волка ощерились. Собаки шарахнулись во все стороны, и снова волк стоял один. Он был готов к нападению, угрюмый и сильный старый бандит. Трижды собаки нападали на него — и трижды были отражены. Смелейшие из бойцов валялись уже вокруг. Первым погиб бульдог. Умудренные опытом, собаки теперь отступили, оробев, а волк еще не выказывал никаких признаков усталости. После минутно-

го нетерпеливого ожидания он ступил на несколько шагов вперед — увы, предоставив стрелкам долгожданный удобный случай! Грянуло три выстрела, и сраженный оборотень упал на снег, свершив свой боевой путь.

Кто может заглянуть в душу волка? Кто скажет нам, о чем он думал? Почему он оставался жить возле города, в котором испытал столько страданий? Ведь кругом тянулись густые леса и пищи повсюду было вдоволь. Вряд ли он был одержим жаждой мести: никакое животное не потратит целую жизнь на месть — это злобное чувство свойственно одному лишь человеку. Животные жаждут покоя.

Итак, остается всего одна цепь, которая могла приковать его к городу, и эта цепь есть величайшая в мире власть, могущественнейшая сила на земле — любовь.

Волка не стало. Даже чучело его сгорело, но и по сей день сторож церкви в Сент-Бонифейсе утверждает, что в сочельник, едва зазвонят колокола, в ответ несется жуткий и скорбный волчий вой с соседнего лесистого кладбища, где лежит маленький Джим — единственное существо на свете, научившее волка любви.

Большая скотоводческая область в северной части Нью-Мексико называется Куррумпо. Это край богатых пастбищ, огромных стад, высоких холмов и прозрачных, но немногочисленных потоков, впадающих в реку Куррумпо, которая и дала название всей местности. И властелином края был старый серый волк.

Старый Лобо был гигантским вожаком стаи серых волков, опустошавших долину Куррумпо в течение долгих лет. Все пастухи и скотоводы хорошо знали его, и, где бы он ни появлялся со своей верной стаей, там воцарялся ужас и владельцы стад приходили в отчаяние. Старый Лобо был волк-великан, а его хитрость и сила соответствовали его росту. Его ночной вой был хорошо известен всем местным жителям, которые узнавали его сразу. Обыкновенный волк мог часами выть вблизи пастушьего лагеря, не привлекая к себе внимания, но, когда в ущелье раздавался громкий рев старого вожака, пастухами овладевало беспокойство, и они знали, что утром им придется узнать о новых опустошениях в стадах.

Стая Лобо была невелика. Я никак не мог понять почему. Обыкновенно вокруг такого выдающегося вожака собирается значительная свита. Но может быть, Лобо не хотел водить большую стаю, а может быть, ее увеличению препятствовал свирепый нрав. Несомненно одно: в последние годы жизни Лобо его стая состояла всего лишь из пяти волков, однако каждый из них пользовался известностью и отличался огромными размерами. Один из них, помощник Лобо, был на-

стоящим гигантом. Но даже он далеко уступал Лобо в силе и проворстве.

Остальные волки этой стаи тоже обладали своими особенностями. Одного из них, красивого белого волка, мексиканцы называли Бланкой, полагая, что это волчица и, вероятно, подруга Лобо. Другой, желтый волк, отличался быстротой бега и, по рассказам, не раз догонял быстроногую антилопу.

Жизнь этих волков была тесно связана с жизнью скотоводов, которые рады были бы их уничтожить. Любой скотовод отдал бы многих молодых быков за скальп любого волка из стаи Лобо. Но убить их не удавалось никакими способами. Они точно насмехались над охотниками, презирали всякую отраву и продолжали, по крайней мере в течение пяти лет, взимать дань со скотоводов Куррумпо по одной корове каждый день. Следовательно, эти волки, по самому скромному подсчету, истребили более двух тысяч животных, а к тому же они всегда выбирали самых лучших из всего стада.

Старинное убеждение, что волк постоянно голоден и готов пожирать все что угодно, в данном случае никак не соответствовало истине, так как эти хищники были толсты, упитанны и отличались большой разборчивостью в еде. Они никогда не прикасались к животному, умершему естественной смертью, больному или хилому, и даже пренебрегали теми, которых убивал пастух. Обычно они выбирали себе на обед самую нежную часть только что убитой ими годовалой телки. Старым быком или коровой они брезговали. Известно также, что они не любили баранины, хотя частенько убивали овец ради забавы. Однажды ночью в ноябре 1893 года Бланка и желтый волк растерзали двести пятьдесят овец и даже не попробовали их мяса.

Я мог бы привести еще много таких же рассказов о разорительных набегах этой стаи. Ежегодно в ход пускались всевозможные новые средства для их истребления, но они продолжали жить и благоденствовать, несмотря на все усилия и ухищрения своих врагов.

За голову Лобо была назначена огромная премия, и для него всюду разбрасывались отравленные приманки, но он всегда угадывал присутствие яда и оставался цел. Одного он

только боялся — огнестрельного оружия. Зная, что все жители этой области носят с собой ружья, Лобо никогда не нападал на человека и старался не встречаться с ним.

У стаи было правило тотчас же обращаться в бегство, едва только кто-нибудь замечал днем человека, как бы далеко тот ни был в ту минуту. Лобо позволял своей стае употреблять в пищу лишь тех животных, которые были убиты ими самими, и это было спасением для них. Его тонкое чутье давало ему возможность тотчас же обнаружить прикосновение человеческих рук и присутствие отравы и оберегать стаю.

Однажды один ковбой услышал слишком хорошо ему знакомый призывный вой старого Лобо и, прокравшись в ту сторону, увидел, что стая окружила небольшое стадо коров.

Лобо сидел в стороне на пригорке, а Бланка вместе с остальными волками старалась отогнать в сторону телку, которую они облюбовали себе на обед. Но стадо сбилось в одну плотную массу и стояло головами наружу, выставив навстречу врагу сплошной ряд рогов.

В конце концов Лобо потерял терпение и, покинув пригорок, с глухим ревом бросился к стаду.

Перепуганные животные расступились перед ним, и он вскочил в середину стада. Коровы кинулись во все стороны, точно осколки разорвавшейся бомбы. Намеченная жертва тоже бросилась бежать, но не успела она сделать и двадцати пяти шагов, как Лобо настиг ее. Схватив телку за шею, он внезапно остановился, напрягая все силы, и телка повалилась на землю. Рывок был так силен, что телка перекувырнулась вверх ногами. Лобо тоже упал, но тотчас же вскочил на ноги. Остальные волки бросились на бедную телку и покончили с ней в несколько секунд. Лобо не принимал в этом никакого участия. Швырнув на землю свою жертву, он точно сказал другим волкам: «Отчего никто из вас не сделал этого раньше, вместо того чтобы понапрасну терять время?»

Ковбой, видевший все это, с громким криком поскакал на них, и волки разбежались. Он вынул бутылочку со стрихнином, быстро в трех местах отравил тушу мертвой телки и удалился, зная, что волки непременно вернутся съесть телку, раз они ее сами убили. Но когда на следующее утро он пришел взглянуть на свои предполагаемые жертвы, то увидел, что волки хотя и ели телку, но при этом тщательно отделили и выбросили все отравленные части.

Страх перед огромным волком распространялся среди скотоводов все больше и больше, и награда, назначенная за голову Лобо, ежегодно увеличивалась, пока не достигла

наконец тысячи долларов — еще небывалой цены за убитого волка.

Соблазненный такой наградой, техасский охотник Теннерей прискакал однажды в ущелье Куррумпо. Он был превосходно снаряжен для волчьей охоты, располагал отличнейшими ружьями, отличными лошадьми и сворой огромных волкодавов. У себя в Техасе он вместе со своими собаками истребил немало волков и потому нисколько не сомневался, что через несколько дней скальп старого Лобо будет болтаться на луке его седла.

И вот он ранним летним утром, едва рассвело, отважно отправился на охоту, и вскоре большие собаки веселым лаем возвестили, что напали на след добычи. Не пробежали они и двух миль, как впереди замелькала прославленная стая Лобо, и погоня стала еще яростнее, еще неистовее. Собаки-волкодавы должны были только задержать волков, пока не подоспеет охотник и не перестреляет их. Это нетрудно сделать на открытых равнинах Техаса, но тут условия были иные. Старый Лобо хорошо умел выбрать местность. Скалистые ущелья реки Куррумпо и ее притоков пересекали равнину во всех направлениях. Старый волк тотчас же отправился в ближайшее из этих ущелий и, перебравшись через поток, ушел от охотника. Его стая разбежалась в разные стороны, а вслед за волками разбежались и собаки. Затем волки опять собрались вместе и, воспользовавшись тем, что часть собак отстала, разделались с остальными. Когда Теннерей вечером стал сзывать своих собак, то вернулось только шестеро, и из них две были сильно изранены. Однако охотник все-таки не отказался от своего намерения и сделал еще две попытки овладеть скальпом Лобо, но столь же безуспешно. Последняя попытка стоила жизни его лучшей лошади, которая упала и разбилась насмерть. Тогда он, отчаявшись в успехе, вернулся в Техас, предоставив Лобо по-прежнему деспотически властвовать в Куррумпо.

На следующий год явились еще два охотника, соблазненные заманчивой наградой.

Каждый думал, что именно ему удастся справиться с этим знаменитым волком.

Один из них надеялся достигнуть этого с помощью новоизобретенной отравы и особого спосо-

ба располагать приманку. Другой, француз из Канады, тоже хотел применить отраву, но, кроме того, намеревался присоединить к ней заклинания, так как был твердо уверен, что Лобо не простой волк, а оборотень, и потому его нельзя убить обычными средствами.

Однако никакие искусно приготовленные яды, никакие чары и заклинания не могли одолеть серого хищника. Он по-прежнему совершал свои еженедельные обходы и ежедневно пировал. Вскоре охотники, отчаявшись, отказались от дальнейших попыток и отправились охотиться в другие края.

Ферма Джо Калона была расположена на одном из маленьких притоков Куррумпо, в живописном ущелье среди скал.

Всего в какой-нибудь тысяче ярдов от дома Лобо со своей подругой устроили логовище и вырастили детенышей.

Они прожили там все лето, истребляя коров, овец и собак Джо, точно смеясь над всеми его ухищрениями, над его отравами и западнями. Они жили в полной безопасности среди пещер и скал, а Джо ломал себе голову, стараясь придумать, как выкурить их оттуда или уничтожить с помощью динамита. Но они остались целы и невредимы и продолжали свои набеги, как и раньше.

— Вот где Лобо прожил нынешнее лето, — сказал Джо, указывая мне на каменистый обрыв. — А я ничего не мог с ним поделать. Он морочил меня, как хотел.

II

Рассказы ковбоев не возбуждали во мне особого доверия, пока осенью 1893 года я не познакомился сам с этим лукавым разбойником и не узнал его лучше, чем другие.

За несколько лет до этого, когда был еще жив Бинго, я занимался охотой на волков. Но с тех пор род моих занятий изменился, и я оказался прикованным к стулу и к письменному столу. Я очень нуждался в перемене образа жизни, и, когда один мой приятель, хозяин фермы в Куррумпо, пригласил меня приехать к нему и попробовать, не справлюсь ли я как-нибудь с этой разбойничьей стаей, я тотчас же принял приглашение.

В первые дни я много ездил верхом, чтобы ознакомиться с местностью. Мой проводник по временам указывал мне на

кости какой-нибудь коровы, еще покрытые остатками шкуры, и замечал при этом: «Вот его работа!»

Мне стало ясно, что среди этих холмов и ущелий нечего и думать преследовать Лобо с собаками и лошадьми. Единственными пригодными средствами поэтому оставались капканы и отравы.

Не стану вдаваться в подробности и описывать всевозможные способы и ухищрения, к которым я прибегал, чтобы перехитрить этого «волка-оборотня». Не было такой смеси стрихнина, мышьяка и цианистого калия, которую я не испробовал бы как отраву для Лобо. Не было ни одного сорта мяса, которое я не употреблял бы как приманку. Но каждый день, отправляясь утром узнать о результатах, я убеждался, что все мои усилия оказывались бесплодными. Старый волк был слишком хитер, и я не мог его перехитрить.

Достаточно привести один пример, чтобы доказать его удивительную сообразительность.

По совету одного старого охотника я растопил немного сыру вместе с почечным жиром только что убитой телки; сыр я варил в фарфоровой миске и резал костяным ножом, чтобы избежать металлического запаха. Когда смесь остыла, я разделил ее на куски и, сделав отверстие в каждом куске, вложил туда большую дозу стрихнина и цианистого калия, заключенных в капсулу, не пропускающую никакого запаха. Затем я закупорил дыры сыром. Во время этой работы я не снимал перчаток, смоченных в теплой крови телки, и даже старался не дышать на приманку. Когда все было готово, я положил приманку в мешок из сыромятной кожи, тоже весь вымазанный кровью, и поехал верхом, волоча за собой на веревке

печень и почки телки. Я сделал круг в десять миль, бросая через каждые четверть мили по куску приманки, тщательно избегая при этом прикасаться к ней руками.

Лобо появлялся в этой местности в начале каждой недели, а остальное время проводил, по-видимому, где-нибудь около подножия Сьерра-Гранде.

Дело было в понедельник, и в тот самый вечер, когда мы уже собирались уезжать, я услышал басистый вой. Один из ковбоев коротко заметил:

— А, вот и он! Теперь посмотрим, что будет.

На следующее утро я с зарей отправился в путь, желая поскорее узнать результаты моей хитрости. Я быстро напал на следы стаи, которую вел Лобо, — его след всегда можно было легко отличить, так как он был значительно крупнее следа обычного волка.

Волки скоро почуяли приманку, которую я волочил за собой. Я убедился, что Лобо подошел к первому куску, обнюхал его и в конце концов взял и проглотил.

Тут я не мог скрыть своей радости.

— Наконец-то он попался! — воскликнул я. — Скоро я увижу его мертвым.

И я поскакал вперед, не сводя глаз с больших следов, оставленных его лапами в пыли. Они довели меня до того места, где я бросил вторую приманку, и я увидел, что она тоже исчезла.

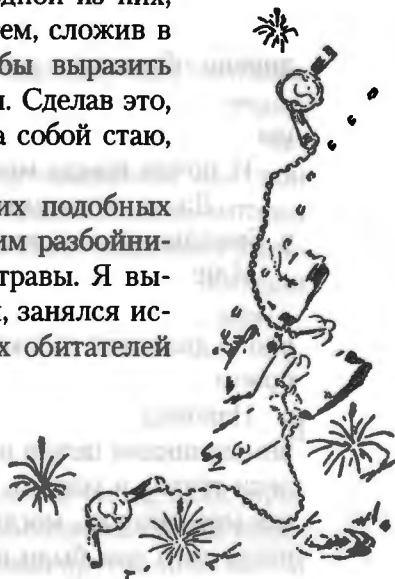
Как я ликовал при этом!

Теперь он попался! И вероятно, еще несколько других волков из его стаи.

Но широкий след его лап не исчезал с дороги, и, хотя я поднимался на стременах и осматривал всю равнину, я нигде не мог разглядеть мертвого волка.

Я поехал дальше по его следу и увидел, что третья приманка тоже исчезла, а след вел дальше, к четвертой. И тут я убедился, что Лобо не проглотил ни одной из них, а только тащил их в своей пасти и затем, сложив в кучу, загрязнил их нечистотами, чтобы выразить свое полное презрение к моей хитрости. Сделав это, он свернул в другую сторону, уводя за собой стаю, которую оберегал так бдительно...

Я рассказал только один из многих подобных же случаев, убедивших меня, что с этим разбойником нельзя справиться посредством отравы. Я написал капканы и, ожидая их прибытия, занялся истреблением койотов и других хищных обитателей прерий.

Однажды мне пришлось наблюдать еще один случай, доказавший поразительное лукавство Лобо. Волки его стаи нередко, ради одного только развлечения, распугивали и убивали овец, которых почти никогда не пожирали. Овец обыкновенно пасут стадами в несколько тысяч голов. На ночь их загоняют в защищенное место, где-нибудь по соседству, и с каждой стороны стада ночует пастух.

Овцы настолько бестолковы, что малейший пустяк заставляет их бросаться куда попало, но все же у них существует твердо укоренившаяся привычка всегда следовать за своим вожаком. Пастухи используют эту привычку и пускают в овечье стадо несколько козлов. Овцы признают превосходство ума своих бородатых родичей и, если ночью возникает тревога, собираются вокруг козлов.

Однажды ночью, в конце ноября, два пастуха были разбужены нападением волков. Все стадо сбилось вокруг козлов, которые не отличались ни тупостью, ни трусливостью и храбро оставались на месте. Но — увы! — этим нападением руководил не простой волк. Старый Лобо, «волк-оборотень», знал не хуже пастухов, что моральную силу стада составляют именно козлы, и поэтому, быстро проскочив по спинам тесно скучившихся овец, бросился на их вожаков и мгновенно покончил с ними. Злополучные овцы тотчас же разбежались во все стороны.

В течение многих недель после этого ко мне почти ежедневно обращался какой-нибудь встревоженный пастух:

— Не встречались ли вам где-нибудь заблудившиеся овцы с клеймом «ОТО»?

И почти всегда мне приходилось отвечать:

— Да, я наткнулся на пять или шесть овечьих трупов у Бриллиантового источника.

Или:

— Нет, я не видел, но Хуан Мейер два дня назад видел около двадцати только что зарезанных волками овец на Кедровом холме.

Наконец прибыли волчьи капканы, и я проработал с двумя помощниками целую неделю, чтобы установить их. Мы не жалели трудов и усилий, и я прибегал ко всем уловкам, которые, как мне казалось, могли обеспечить успех. На следующий день после того, как были поставлены капканы, я поехал осматри-

вать их и скоро напал на след Лобо, который вел от одного капкана к другому. По этим следам я прочел всю историю его ночных походов.

Он рыскал в темноте и, хотя капканы были тщательно запряжаны, сразу же обнаружил первый из них. Остановив стаю, он начал старательно разгребать землю вокруг, пока не отрыл капкан, а также цепь и бревно. Затем он отправился дальше, проделывая то же самое с другими капканами. Вскоре я заметил, что он останавливался и сворачивал в сторону, как только подмечал на дороге что-нибудь подозрительное.

Тут мне пришел в голову новый план: я поставил капканы в виде буквы «Н», то есть расположил их в ряд с каждой стороны тропы, а один капкан поместил посередине, чтобы он служил перекладиной для этой буквы. Но мне пришлось долго ждать, чтобы убедиться в новой неудаче.

Лобо отправился по тропе и находился уже между двумя параллельными рядами капканов, когда заметил единственный капкан, спрятанный на самой тропе. Он остановился вовремя.

Как и почему он догадался, в чем дело, я не знаю. Во всяком случае, Лобо не свернул ни вправо, ни влево, а медленно и осторожно попятился, стараясь ставить каждую лапу на свой прежний след, пока не выбрался из опасного места. Затем, обойдя капканы с другой стороны, он стал скрести задними ногами камни и комья земли, пока не захлопнул все капканы.

То же самое он проделывал и во многих других случаях, и, как ни разнообразил я свои способы, он всегда уходил невредимым. Вероятно, он и до сих пор продолжал бы свои опустошения, если бы не злополучная привязанность, которая привела его к гибели и прибавила его имя к длинному списку героев, которые в одиночку были непобедимы и погибли лишь из-за неосторожности товарища, которому доверяли.

III

По некоторым признакам я заметил, что в стае Лобо происходит что-то странное. Например, временами следы показывали, что впереди старого вожака бежал другой небольшой

волк. Для меня это было непонятно. Но как-то раз один из ковбоев сказал мне:

— Я видел их сегодня. Бежит впереди и своевольничает Бланка.

Тут мне стало все ясно, и я добавил:

— Значит, Бланка — действительно волчица, потому что с волком Лобо немедленно разделался бы за такую дерзость.

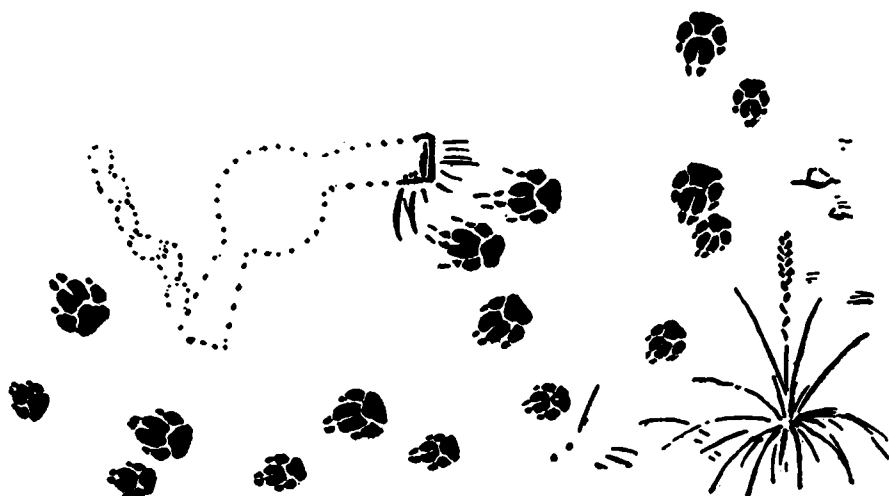
Это навело меня на новую мысль. Я зарезал телку и поставил около ее трупa два хорошо заметных капкана. Затем, отрубив голову, которая считается никуда не годной частью, недостойной внимания волков, я положил ее немного поодаль, а вокруг нее поставил, хорошо замаскировав, шесть мощных стальных капканов, выветренных так, что не оставалось никакого запаха. Во время этой работы мои руки, обувь и все инструменты были вымазаны свежей кровью. Я обрызгал кровью также и землю кругом, точно эта кровь вытекала из головы. Когда капканы были закопаны, я прикоснулся к песку над капканами шкурой койота, а его лапой наделал множество следов вокруг. Голову я положил так, что между нею и кустарником был лишь узкий проход. В этом проходе я поставил свои лучшие капканы, прикрепив их к самой голове.

Волки имеют привычку подходить к каждому трупy, который они почуяли, хотя бы у них и не было намерения съесть его; и я надеялся, что благодаря этой привычке стая Куррумпо попадетcя в мою ловушку. Я несколько не сомневался, что Лобо откроет мою проделку с мясом и не допустит к нему стаю. Но я все же надеялся на голову, которая имела такой вид, точно она была отброшена в сторону как вещь совершенно бесполезная.

На следующее утро я прежде всего отправился осматривать капканы. И вот — о радость! — там были ясно видны следы волков, и место, где лежала голова, было пусто. Поспешно осмотрев следы, мы убедились, что Лобо действительно не пустил свою стаю к мясу, но один небольшой волк, очевидно, подошел обнюхать голову, брошенную в стороне, и сразу попал в капкан.

Мы отправились по следу и через милью увидели, что этим злополучным волком была Бланка. Завидев нас, она бросилась бежать, и, хотя ей страшно мешала тяжелая голова телки, она двигалась быстрее моего

спутника, который шел пешком. Но мы все же настигли ее у скал, так как рога телки прочно зацепились за камни.

Никогда я еще не видел такой красивой волчицы, как Бланка. Ее ровная густая шерсть была почти совершенно белого цвета.

Она повернулась, готовая вступить с нами в бой, и завывала. Это был протяжный, призывный вой. И вот с далекого холма донесся ответный вой старого Лобо. Но это был ее последний зов, потому что мы уже подбежали к волчице и ей были нужны все ее силы, чтобы защищаться.

Затем последовала неизбежная трагедия, воспоминание о которой не раз заставляло меня впоследствии содрогаться. Мы оба набросили по лассо на шею злополучной волчицы и погнали лошадей в противоположные стороны. У нее хлынула кровь из пасти, глаза остановились, лапы вытянулись и бессильно повисли. Мы отправились домой, увозя мертвую волчицу и радуясь, что нам удалось наконец нанести первый смертельный удар стае Лобо.

По временам мы слышали вой Лобо. Он бродил по холмам, должно быть, разыскивал Бланку. Он не хотел ее покинуть, но, понимая, что уже не в состоянии ее спасти, не мог преодолеть свой страх перед огнестрельным оружием.

Весь этот день мы слышали его жалобный вой, и я сказал одному из ковбоев:

— Теперь я уже не сомневаюсь, что Бланка действительно была его подругой.

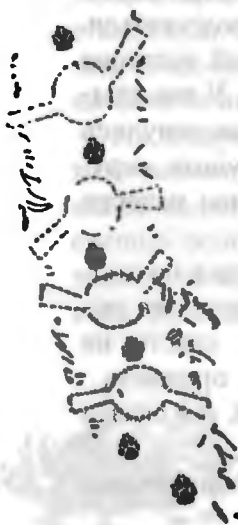

К вечеру Лобо, очевидно, направился к нашему ущелью, так как его голос звучал все ближе и ближе. В этом голосе слышалось горе. Он выл не яростно, как прежде, а протяжно и жалобно. Он как будто звал свою подругу:

«Бланка, Бланка!» В конце концов он, должно быть, напал на наш след и, когда достиг того места, где она была убита, издал душераздирающий жалобный вой. Раньше я никогда не думал, что мне так тяжело будет слушать его. Даже суровые ковбои удивлялись этому горестному вою.

Лобо прекрасно понял, что произошло, так как земля там была забрызгана кровью Бланки. По следам лошадей он дошел до самой фермы. Быть может, он надеялся найти там Бланку или хотел отомстить, — я не знаю. Но во всяком случае мщение ему удалось: он настиг за воротами нашу сторожевую собаку и разорвал ее на клочки в пятидесяти шагах от фермы. Очевидно, он приходил на этот раз один, потому что утром я нашел только его след. Судя по этому следу, он метался вокруг фермы, совсем забыв про осторожность. Я рассчитывал на это и потому наставил по всему пастбищу множество добавочных капканов. Впоследствии я убедился, что Лобо попался в один из них, но он был так силен, что ему удалось вырваться из капкана.

Я предполагал, что Лобо будет рыскать по соседству, пока не найдет труп Бланки; поэтому я употребил все старания, чтобы захватить его, прежде чем он успокоится. Тут я понял,

что сделал большую ошибку, умертвив Бланку, — воспользуйся я ею как живой приманкой, я захватил бы его в первую же ночь. Я собрал все капканы, какие только мог. У меня набралось сто тридцать крепких стальных волчьих капканов, и я расставил их по четыре на каждой тропе, ведущей к ущелью. Каждый капкан был отдельно прикреплен к бревну, и каждое бревно отдельно засыпано землей. Зарывая их, я аккуратно снимал дерн и клал на брезент так, чтобы потом, когда дерн был положен на место и все было закончено, не оставалось никаких признаков человеческой деятельности.

Когда капканы были спрятаны, я проволокал между ними труп бедной Бланки. Потом я отре-

зал одну из ее лап и проложил линию следов поверх каждого капкана. Я принял все предосторожности, прибегнул ко всем известным мне уловкам и наконец поздно вечером удалился. Ночью мне показалось, что я услышал голос Лобо, но я не был в этом уверен. На следующий день я поехал верхом, но темнота наступила раньше, чем я успел объехать северное ущелье, и я вернулся ни с чем. За ужином один из ковбоев сказал:

— Сегодня утром скот в северном ущелье был чем-то встревожен. Уж не попался ли кто-нибудь в капкан?

Только на следующий день под вечер я наконец добрался до указанного места и, подъехав ближе, увидел, что какая-то большая серая тень поднялась с земли, напрасно пытаясь убежать. Передо мною стоял Лобо, гроза Куррумпо. Капканы крепко держали его. Бедный старый герой! Он не переставал искать свою любимую и, когда нашел след, проложенный ее телом, безрассудно бросился по этому следу и попал в ловушку. Четыре железных тиска держали четыре его лапы.

Он лежал совершенно беспомощный, а множество следов вокруг указывали, что тут собирался скот, чтобы поглумиться над павшим деспотом, не решаясь, однако, приблизиться к нему.

Два дня и две ночи он пролежал там и теперь совсем обессилел. Тем не менее, когда я приблизился к нему, он поднялся, ошетинился и в последний раз потряс стены ущелья, издав громкий протяжный вой, призывавший на помощь стаю. Но никто не откликнулся, не ответил ему, и, покинутый в час бедствия, он отчаянно рванулся, пытаясь броситься на меня. Все было напрасно! Каждый капкан весил более трехсот фунтов, и стальные челюсти крепко держали все четыре лапы волка. Как скрежетали его огромные клыки, когда он хватал ими твердые цепи! А когда я попробовал прикоснуться к нему стволом ружья, он оставил на нем следы зубов, сохранившиеся и до сих пор. Его глаза потемнели от ненависти и злобы, и его челюсти глухо щелкали, когда он старался схватить зубами меня и мою дрожавшую от страха лошадь. Но он ослабел от голода и потери крови и скоро упал в изнеможении на землю. Что-то вроде сожаления шевельнулось в моей душе, когда я собрался поступить с ним так, как он поступал с другими.

— Великий старый хищник, герой бесчисленного множества незаконных набегов, — сказал я, обращаясь к нему, —

через несколько минут ты превратишься в груду падали. Но иначе я не могу поступить.

Я взмахнул лассо, и оно просвистело над его головой. Но не тут-то было! Он далеко еще не покорился, и не успела гибкая петля упасть ему на шею, как он схватил ее зубами и сразу перекусил крепкие, толстые пряди и бросил их к своим ногам.

Конечно, у меня было ружье, но мне не хотелось портить его великолепную шкуру. Поэтому я поскакал назад в лагерь и вернулся с ковбоем и новым лассо. Мы бросили своей жертве кусок дерева, который он схватил зубами, и, прежде чем Лобо успел выпустить его, наши лассо просвистели в воздухе и обвилились вокруг его шеи. Но когда свирепые глаза Лобо начали тускнеть, я крикнул своему помощнику:

— погоди, не будем убивать его! Возьмем его живьем и отвезем в лагерь.

Он настолько обессилел, что нам нетрудно было просунуть ему в пасть толстую палку позади клыков и обмотать челюсти толстой веревкой, привязанной к палке. Палка удерживала веревку, а веревка — палку, и, таким образом, он был совершенно безопасен для нас. Как только он почувствовал, что его челюсти крепко связаны, он уже больше не сопротивлялся и не издал ни одного звука, а лишь спокойно смотрел на нас, точно хотел сказать нам: «Хорошо. Вы наконец одолели меня, так сделайте со мной теперь что хотите!..»

И с этой минуты он уже больше не обращал на нас никакого внимания.

Мы крепко связали ему ноги, но он не издал при этом ни одного стога, ни разу не завыл и не повернул головы. Затем мы с большим трудом взвалили его на мою лошадь. Он дышал ровно и спокойно, как во сне, и глаза его снова стали ясными и блестящими. Но на нас они не смотрели. Взор его был устремлен вдаль, на холмы, по которым теперь разбрелась его знаменитая стая.

Мы не торопились и благополучно достигли фермы. Там, надев на Лобо ошейник с крепкой цепью, мы привязали его на нашем пастбище и освободили от веревок.

Тут я в первый раз как следует рассмотрел его и убедился, как мало можно доверять сплетням о еще живых героях или тиранах. На шее Лобо не оказалось золотого ошейника, а на плечах — перевернутого креста, свидетельствовавшего о том, что он заключил союз с дьяволом. Зато я увидел у

него на боку большой широкий рубец, след, который Юона — вожак своры Теннера — оставила за миг перед тем, как он бросил ее бездыханной на песок ущелья.

Я поставил перед волком воду и мясо, но он и не взглянул на них. Он лежал спокойно на животе, устремив пристальный взгляд желтых глаз мимо меня, ко входу в ущелье, и дальше, в прерию, где он царствовал. Он даже не шевельнулся, когда я дотронулся до него. И когда солнце зашло, он все еще продолжал пристально смотреть туда же, в прерию.

Я ждал, что ночью он станет призывать свою стаю, и даже приготовился к этой встрече. Но он уже однажды призывал ее в минуту отчаяния, и тогда никто не явился. Больше он не захотел звать.

Говорят, что лев, лишившийся своей силы, орел, потерявший свободу, и голубь, разлученный с подругой, умирают от разбитого сердца. И разве можно было думать, что сердце этого свирепого хищника вынесет тройное испытание? Он потерял и силу, и свободу, и подругу. Когда настало утро, он все еще лежал спокойно, точно отдыхал. Но он уже был мертв... Я снял цепь с его шеи. Один из ковбоев помог мне оттащить труп под навес, где лежали останки Бланки. Мы положили его рядом с ней, и ковбой проговорил:

— Ты все искал ее? Ну так теперь вы снова вместе!

ДОМИНО

История одного черно-бурого лиса

Часть первая

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

1. Родной дом

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат пылал, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишенным теней. Высоко на холме невдалеке от реки Шобан зеленел сосновый лесок. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этого леса на полянке жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час все семейство вышло на воздух порезвиться и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся к их услугам, а следовательно, весь мир для них — друг. Они играли и боролись, с буйным весельем гонялись друг за другом, за мухами и жучками, смело принюхивались к толстым шмелям и бешено носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно уже брошенный объедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было засохшее утиное крыло. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Но вот его наконец схватил самый бойкий лисенок, с черной полосой поперек мордочки. Не уступая никому, он стал носиться по кругу со своей добычей, пока остальным не надоела бесполезная погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, но тотчас же вцепился в хвост матери и теребил его до тех пор, пока она внезапным прыжком не вырвала своего хвоста, опрокинув на спину маленького забияку.

Во время этой суматохи на полянке появился старый лис. Увидев его, мать вздрогнула, лисята испугались, но знакомый облик тотчас же успокоил всех: это был отец.

Он нес пищу, и потому все жадно повернули в его сторону глаза и носы. Отец опустил на землю свою ношу — только что задушенную выхухоль, — и мать побежала за ней.

Охотники рассказывают, что лиса никогда не приносит добычу к самой норе, если лисята не дома. А в охотничьих рассказах иногда бывает и правда.

Мать швырнула выхухоль детям, и они набросились на нее. Они дергали и таскали зверька, рыча и страшно тараша глазенки друг на друга, и каждый отчаянно тряс головой, стараясь урвать свою долю добычи.

Мать смотрела на возню лисят с мертвой выхухолью, но в то же время поглядывала и на окружающий лес. Там всегда могли скрываться коварные враги: люди с ружьями, мальчишки и собаки, орлы и совы — всем хочется поохотиться на маленьких лисят.

Она постоянно была настороже, и в этом ей помогал муж. Хотя он играл второстепенную роль в семейных делах и, пока лисята были еще слепыми сосунками, даже совсем не допускался в нору, тем не менее он добросовестно приносил пищу и сторожил нору.

Веселый пир малышей был в самом разгаре, как вдруг издали донеслось отцовское «юр-юр-юр-яап» — сигнал приближающейся опасности. Будь лисята постарше, они сами поняли бы значение этого сигнала. Но они были еще очень малы, и мать поспешила объяснить им, что надо делать; пересказав лисятам отдаленный лай отца низким, угрожающим

ворчанием, она загнала их обратно в нору, где в полутьме они спокойно доели выхухоль.

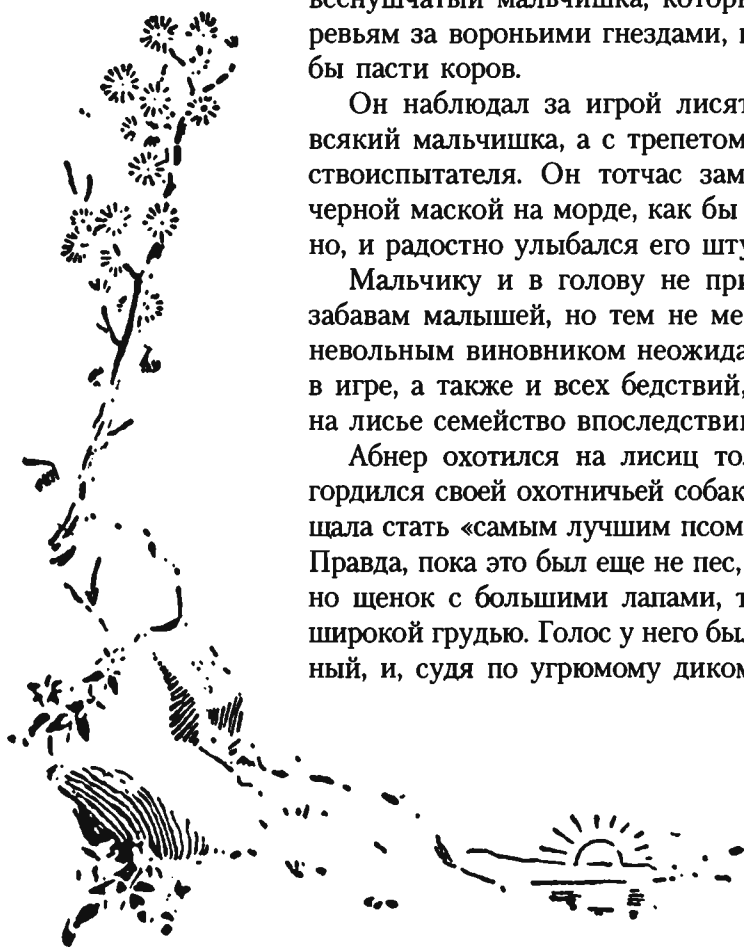
Среди ферм одной только Новой Англии живет не менее тысячи пар лисиц. Каждая пара ежегодно приносит потомство, и потому весьма вероятно, что такие сцены, как только что описанная, происходят перед каждой лисьей норой в каждый погожий весенний день. Следовательно, не менее чем сто тысяч раз в год эти сцены повторяются у нас под самым носом, а между тем все это происходит в такой тайне и до того осторожны родители зверят, что, быть может, лишь одному из ста тысяч людей посчастливится наблюдать подобную семейную сцену.

В городе Голдере таким счастливецом, одним на сто тысяч, оказался Абнер Джукс. Это был долговязый, белобрысый, веснушчатый мальчишка, который лазил по деревьям за вороньими гнездами, вместо того чтобы пасти коров.

Он наблюдал за игрой лисят не просто как всякий мальчишка, а с трепетом будущего естествоиспытателя. Он тотчас заметил лисенка с черной маской на морде, как бы одетого в домино, и радостно улыбался его штукам.

Мальчику и в голову не приходило мешать забавам малышей, но тем не менее он оказался невольным виновником неожиданного перерыва в игре, а также и всех бедствий, обрушившихся на лисье семейство впоследствии.

Абнер охотился на лисиц только зимой. Он гордился своей охотничьей собакой, которая обещала стать «самым лучшим псом во всем штате». Правда, пока это был еще не пес, а только щенок, но щенок с большими лапами, тонкой талией и широкой грудью. Голос у него был сильный, звучный, и, судя по угрюмому дикому нраву, щенок

обещал вырасти презлющим зверем. Обычно Абнер запирает его дома, но на этот раз щенок как-то вырвался на волю и, конечно, тотчас же пустился искать своего хозяина. Его-то приближение и встревожило отца лисят.

Лисица-мать, убедившись, что все семеро ее дорогих малюток находятся в безопасности, сейчас же побежала навстречу врагу. Она нарочно избрала такой путь, чтобы непременно попасться на глаза собаке, если та приближается к норе, и действительно вскоре услышала металлический лай, который заставил биться сильнее даже закаленное сердце ее супруга.

Но теперь она не думала о себе. Она увлекла за собою неуклюжего пса, затем, очутившись на безопасном расстоянии от норы, очень просто отделалась от него, сдвоив свой след, и вернулась в нору. Там было все благополучно. Только черномордый лисенок, обыкновенно встречавший ее у входа, на этот раз забился в самую глубь норы и уткнул нос в песок.

Минут пять назад он выглянул было из норы, но услышал жуткий, пронзительный собачий лай, и дрожь пробежала у него по всему хребту, до самого кончика пушистого хвоста. Малыш поспешно забрался в самый дальний угол и лежал там скорчившись еще долго после того, как всякая опасность миновала.

До сих пор он жил в мире любви. Теперь в этот мир вторгся страх.

II. Несчастье

Среди охотников очень распространено мнение, будто лиса не трогает птичника, расположенного ближе всех к ее норе. Она старается не навлечь на себя гнев ближайшего соседа и поэтому предпочитает ходить за добычей на более отдаленные фермы.

Быть может, по этой причине на птичьем дворе Джукса все было благополучно, а у Бентона то и дело пропадали куры. Старик Бентон вообще не отличался долготерпением, а когда исчезло более четверти его прекрасных кур, он окончательно взбесился.

В следующее воскресенье сыновья Бентона — Си и Бэд, — проходя по вершине холма, услышали лай Джуксовой собаки, напавшей на след лисы. Мальчики не особенно дружили с собакой и потому не стали вмешиваться в это дело. Они остановились и, наблюдая сверху за погоней в долине, видели, как ловко лиса провела собаку, когда ей надоело убегать.

Но не успели они тронуться с места, как лиса появилась опять, и на этот раз с белой как снег курицей в зубах. Бентон очень гордился своими породистыми белыми курами, и не было сомнения, что лиса несет именно его курицу. Белая курица хорошо заметна издали, и мальчики без труда проследили похитительницу до самого входа в нору.

Полчаса спустя они уже стояли среди белоснежных перьев породистой курицы. Мальчики попробовали было просунуть в нору длинный шест, но он застрял в изгибе хода, и лисята, хотя и страшно перепуганные, остались невредимы. Старые лисы в это время метались поблизости в лесу. Испуганные, они убежали от норы, но нора — ведь в ней остались лисята — тянула их к себе. Они пытались подойти к норе, но каждый раз, услышав людские голоса, отбегали и прятались в кустах.

Хотя нора находилась на земле, принадлежавшей Джуксу, сыновья Бентона все-таки решили прийти еще раз на другой день и выкопать лисят. Но лисица-мать уже встревожилась: ее дом стал теперь опасным. Она тотчас же начала рыть новую нору и на рассвете приступила к переноске своего семейства.

У деревенских жителей, если они хотят отобрать лучшего из новорожденных котят, существует простой и естественный способ отбора: они выносят котят в открытое поле.

Кошка скоро находит своих детей и начинает перетаскивать их обратно. Тот котенок, которого она возьмет первым, и считается самым лучшим. Это верная примета: самый шустрый котенок всегда выберется из кучи наверх, первый обратит на себя внимание матери, а потому она и несет его домой прежде всех.

В старой норе первым встретил лису тот лисенок, который был самым бойким и самым сильным, — Домино, и его первого перенесла она в новое, безопасное убежище. Затем она взяла самую здоровую из его сестер, а в третий раз — маленького крепыша брата. Отец тем временем сторожил на соседних холмах.

Стало рассветать. Мать пустилась в путь с третьим лисенком, как вдруг отец подал сигнал тревоги.

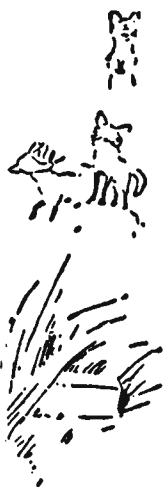
Мальчики Бентона явились с заступом и киркой, чтобы раскопать лисью нору, но в трех шагах от входа они наткнулись на большой камень. Пока они рассуждали, как им быть, из каменоломни в горах донесся гул взрыва, и план действий был готов. Один из мальчиков сходил в каменоломню и вскоре вернулся с динамитным патроном. Они заложили патрон в трещину камня. Через минуту страшный взрыв потряс склон холма. Когда улеглось облако пыли, оказалось, что взрыв засыпал вход в нору грудой камней. Лисята, без сомнения, были раздавлены или задохлись. Взрыв превратил жилище в могилу, и мальчики ушли.

Если бы они вернулись сюда ночью, они увидели бы, как лисы, отец и мать, разрывали лапами землю и напрасно грызли осколки гранита, стараясь попасть в родную нору. На следующую ночь лисы приходили снова. На третью ночь явилась только одна мать, а затем и она оставила безнадежные попытки.

III. Новый дом

Новый лисий дом находился на расстоянии мили от прежнего и уже не на холме, а внизу, у реки, там, где она покидает холмы и растекается по лугам. Тут, в широкой ложине, окруженной скалами, где густо переплетались корни осин и берез, лисы устроили новое жилище. Вход в него охраняли два больших камня. Прежняя нора находилась на склоне холма, в сосновом лесу, а эта — в ложине, заросшей осинкой. Сосна вечно шумит и вздыхает, осина все время дрожит и трепещет. А мимо со звонкой песней катит свои волны река.

У входа в нору начинались густые заросли трав, тянувшиеся до заросшей осокой тихой речной заводи. Этот зеле-

ный скат служил местом игр для трех малышей, и здесь все лето можно было десятки раз наблюдать прежнюю сцену возвращения домой охотника-отца с добычей. Трава вокруг была примята от вечной возни лисят и вытоптана их лапками.

Лисята росли быстро, но быстрее всех рос тот, у которого с каждым днем все темнее становилась маска на мордочке.

Родители принялись обучать их правилам охоты. Лисята почти все уже не сосали мать и ели то же, что и взрослые. И вот теперь отец и мать устраивали так, чтобы детям приходилось добывать пищу как бы самостоятельно. Они уже не приносили добычу к самой норе, а оставляли ее в лесу — все дальше и дальше, по мере того как лисята становились сильнее. Заслышав призыв матери, дети бросались в лес, и там начиналась серьезная игра, от результатов которой зависел обед.

Надо было видеть, как они носились в чаще кустарника, как рыскали и кружили по заросшим травой склонам, разглядывая и обнюхивая каждую ямку!

Как радостно они летели вперед, опрокидывая друг друга, когда ветер подсказывал им, куда бежать, и как прекрасно в конце концов они научились мчаться во весь опор по следу отца и матери прямо к запрятанной пище!

Так они приучались к настоящей охоте.

Темномордый лисенок был самый сметливый, самый сильный и самый ловкий. Он умел лучше всех находить пищу и потому питался лучше всех. Ему всегда доставались самые большие и лакомые куски. Он рос быстрее других лисят, и разница между ними становилась заметнее с каждым днем. Но у него было и еще одно отличие: его детская темно-серая шубка стала темнеть. У брата и сестры начала пробиваться рыжая и желтая шерсть, свойственная их породе, а у него шерсть день ото дня чернела, а на морде и на лапах сделалась совсем черной.

Был уже конец июля. Старые лисы не только без устали добывали детям пищу с соседних ферм, но и заботливо оберегали их от всякой опасности. Звонкий лай черной собаки часто раздавался вблизи их ложины, и всегда, услы-

шав его, черный лисенок дрожал. Но каждый раз отец или мать отправлялись навстречу врагу и, обманув его какой-нибудь простой уловкой, заставляли вернуться домой ни с чем. Среди прибрежных скал обмануть собаку было так легко, что лисы стали относиться с пренебрежением к своему неуклюжему противнику и сделались не в меру самоуверенны.

Однажды, когда все три лисенка сновали по лужайке в поисках только что принесенной отцом добычи, откуда ни возьмись, на них ринулась пятнистая собака.

В ужасе от ее громового рычания лисята бросились в разные стороны, но младший братишка не успел увернуться: громадные челюсти схватили его.

Страшный зверь принес свою добычу на ферму и, положив к ногам хозяина, смотрел на него, ожидая похвалы. Однако хозяин не похвалил пса.

Бедя никогда не приходит одна. На рассвете следующего дня лис-отец бежал домой с только что пойманной уткой, как вдруг собачий лай заставил его свернуть в сторону с привычного и хорошо знакомого пути. Он очутился на дорожке, обнесенной высокой изгородью с обеих сторон. Он не мог перебраться через изгородь, не выпустив изо рта утки. Лис побежал вдоль изгороди, но собаки уже нагоняли его. Тогда он юркнул в первый попавшийся проход. Увы! Несчастный попал во двор, где жила другая собака, и тут ему пришел конец.

Семья его об этом не узнала. Отец не вернулся домой, не принес добычи. Мать и двое лисят остались голодными. Голод — вот, пожалуй, и все, что они ощущали в этот день.

В норе среди осин осталась только мать с двумя детьми. Лисица-мать отважно приняла на себя все тяготы. Впрочем, ее заботы о детях уже почти окончились. В августе они начали ходить вместе с нею далеко на охоту и сами добывали себе пищу. В сентябре дочь была уже с мать ростом, а темношерстный сын значительно перерос ее и стал гораздо сильнее матери. Теперь между сестрой и братом и между матерью и сыном отношения изменились: обе лисицы начали сторониться этого высокого красавца лиса и, наконец, стали просто избегать его.

Мать с дочерью еще продолжали жить вместе, но какой-то тонкий инстинкт уже разрушал семейные узы. Они держались дружески с высоким черным лисом, когда встречались случайно, но, по-видимому, избегали этих встреч. Так быстроногий Домино, научившись заботиться о себе, покинул ложбинку в осиннике и начал жизнь лиса-одиночки.

IV. Новый наряд и новая жизнь

С этих пор Домино вступил в широкий мир, полный житейских бурь, лежавший за пределами родного уголка под сенью осин. Теперь он начал самостоятельную жизнь и должен был полагаться только на собственные силы, чтобы быть сытым и целым. С каждым днем он становился умнее, осторожнее и красивее.

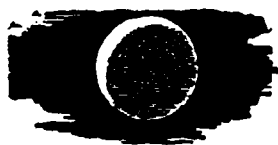
Вскоре после ухода из родной норы ему пришлось спастись от преследования, которое показало ему, что иной раз сметливость спасает лучше, чем самые быстрые ноги. Кроме того, он сделал открытие, что в минуту опасности у него есть верный друг, которого он и раньше видел каждый день, но с которым познакомился только теперь.

Однажды за Домино погнались две собаки, и, спасаясь от них, долго бегая по скалам, он изрезал в кровь свои лапы. День был сухой и знойный. Сделав отчаянное усилие, Домино намного опередил своих преследователей и помчался к реке, чтобы охладить свои разгоряченные, усталые, окровавленные ноги. Спустившись к реке, он побрел по мелкой воде против течения, наслаждаясь прохладой. Он прошел по воде уже с четверть мили, как вдруг снова услышал приближающийся лай и увидел собак, добежавших до реки по его следу. Молодой лис спрятался в кустах на островке и из своего безопасного убежища с удовольствием наблюдал, как собаки у воды потеряли след и носились взад и вперед по берегу, стараясь отыскать его снова, и наконец, не найдя ничего, совершенно сбитые с толку, повернули домой.

Быть может, лис не понимал отчетливо, что вода скрыла следы, но у него все же создалось представление, что река — хорошее место, где можно ускользнуть от неминуемой опасности.

Впоследствии это подтверждалось не один раз. Так, например, у другого берега, гораздо ниже по течению, была песчаная отмель, на которой, по-видимому, не оставалось следов и которая, следовательно, не могла выдать присутствие беглеца. Когда настала зима и река покрылась тонким слоем блестящего льда, Домино увидел, что этот лед прекрасно держит его и ломается под собакой, которая проваливается в воду.

Но самым полезным местом оказался скалистый обрыв над рекой. Под обрывом вилась тропинка, вначале довольно широкая, а затем суживавшаяся настолько, что еще кое-как была проходима для лисицы, но слишком узка для охотничьей собаки. Тропинка эта огибала мыс, а потом отлого поднималась на скалу и вела в лес, до которого любой иной дорогой было добрых две мили.

Кроме того, Домино узнал, что, когда в других местах охота плоха, у реки всегда найдется что-нибудь съестное. Была ли то выброшенная на берег рыба, или дохлая птица, или хоть лягушка, все же можно было утолить голод. И у него составилось твердое убеждение, что вообще река — прекрасное место, полезное в трудные минуты жизни. Река стала его другом.

Но за это время наш молодой зверь очень изменился, и постоянно угрожавшая его жизни опасность удесятерилась.

С наступлением молодых осенних ночей его шуба стала гуще, пушистее и изменила цвет. С каждым днем шерсть все темнела, пока наконец рыжие и серые оттенки не исчезли совсем. И всякий, кто знает толк в мехах, мог бы сказать: «Не предвестник ли это еще большей красоты? Не станет ли этот молодой лис настоящим черно-бурым лисом?»

Добыть шкуру черно-бурой лисицы — величайшее счастье, о котором только может мечтать охотник. Но это сокровище тщательно охраняется хитростью и быстротой самого зверя.

Черно-бурая лисица только зимой сильно отличается от обыкновенной. Черно-бурого лисенка, пока он еще не сменил своей детской шубки, легко принять за обыкновенного. Только с приближением зимы мож-

но обнаружить красоту счастливца. И вот, когда прошла осень и в Голдере наступили морозные ночи, темнеющая зимняя шуба Домино с каждым днем становилась все пышнее и гуще, хвост с белым кончиком — пушистее, а темная полоса поперек морды — все чернее, резко выделяясь, подобно маске, среди обрамляющей ее серебристой шерсти. Голова и шея также приобрели блестящий черный цвет. Наконец, как звезды, усеивающие темное ночное небо, появились блестящие белые кончики волос на фоне черного, как мрак, меха. Тот, кто видел черномазого лисенка в июле, ни за что не узнал бы его теперь, в ноябре, в полном блеске благородного зимнего наряда: Домино превратился в великолепного черно-бурого лиса.

V. Красавец и чудовище

Скоро всем стало известно, что в Голдере появился черно-бурый лис. Люди уже не раз видели этого красавца, это чудо среди пушных зверей, и некоторые полагали даже, что собаке Джукса, черной Гекле, не раз удавалось гнаться за ним по пятам. Так, по крайней мере, рассказывал сам Джукс, хотя соседи его смеялись над подобными баснями и утверждали, что черно-бурая лисица просто издевалась над глупым псом и, заставив его бежать сломя голову, всегда оставляла в дураках с помощью какой-нибудь из своих бесчисленных уловок.

У Геклы был замечательный голос: громкий, низкий и такой звучный, что в тихие ночи он был слышен за несколько миль. Лай этот казался механическим, потому что собака неизменно лаяла при каждом скачке, даже когда возвращалась домой по собственному следу.

Сыновья Джукса воображали, что Гекла — чудесная, образцовая охотничья собака. Но соседи говорили, что это просто помесь лисьего капкана и паровой сирены, да к тому же еще угрюмая и дикая скотина. Более беспристрастные люди признавали, что Гекла — крупный, быстроногий, злой щенок, обладающий действительно особенным, незабываемым голосом.

Впервые я услышал лай Геклы, когда она была заперта на ферме. Этот звонкий, жуткий, металлический голос потом целый день отдавался у меня в ушах.

И вот однажды осенью, на закате солнца, когда я бродил в лесу у подножия Голдерских холмов, мой слух поразил тот же самый металлический лай, доносившийся издали. Я тотчас же узнал его и догадался, что Гекла идет по чьему-то следу. Я прислушался и вскоре понял, в чем дело. Послышался легкий шелест листьев, и через несколько мгновений я увидел великолепное животное — черную как уголь лисицу. Она на минуту задержалась, став передними лапами на поваленное дерево, чтобы оглянуться в сторону врага. Лисица была всего в пятидесяти шагах от меня, и я знал, как поступить: приложив к губам руку, я втянул в себя воздух и громко чмокнул. Лисица тотчас повернулась ко мне и стала быстро ползти в мою сторону.

Когда между нами было уже не больше двадцати шагов, она остановилась в грациозной позе, с настороженными ушами, несколько загнутым хвостом и приподнятой передней лапой, стараясь определить, откуда донеслось заманчивое чмокание крысы или кролика.

О, что это был за мех!

Стояла еще ранняя осень, но на фоне черного блестящего меха уже резко выделялись белая как снег грудь и светлый кончик хвоста. Желтые глаза лисы горели, как огоньки, а серебристые кончики волос окружали, как сиянием, ее голову и шею. Мне кажется, я еще никогда в жизни не видал такого прелестного создания. Наконец я сообразил, что это, должно быть, и есть голдерская черно-бурая лисица. Я не двигался, она тоже. Как это часто случается, животному, по-видимому, не приходило в голову, что перед ним человек. Но лисица хорошо слышала по приближающемуся металлическому лаю, что по ее следам идет Гекла, и повернулась, чтобы бежать далее. Тут я снова чмокнул и еще раз имел счастье наблюдать изящную позу насторожившегося животного. Но я выдал себя неосторожным движением, и лисица мгновенно скрылась.

Минут десять спустя передо мною появилось другое животное: мерно лая через каждые несколько футов, продираясь сквозь кустарник, ломая на пути все, что не гнулось, неуклюжая, тяжелая, с налитыми кровью глазами, не обращающая ни на что внимания, кроме следа на земле, с мрачным упорством двигаясь вперед, показалась Гекла — знаменитая

Гекла, которая собиралась помериться силами с самым быстрым из обитателей Голдерских холмов.

Невольно становилось страшно при виде того, как этот громадный, грузный зверь обнюхивал землю и безошибочно находил каждый поворот лисьего следа. Было как-то жутко подумать, что след может точно сказать, куда направилась лисица. А между тем это было так, и Гекла ни разу не сбилась, не заколебалась. Я чмокнул собаке, но с таким же успехом можно было бы чмокнуть какому-нибудь капкану. Единственной ее мыслью было не терять следа, пока он не приведет к лисице. А что было бы потом, об этом я мог судить по злым, налитым кровью глазам собаки и по ошетилившейся шерсти на хребте. Я сам охочусь на лисиц и люблю эту охоту, но в тот день вид прелестного создания, преследуемого безжалостным Цербером, от которого нельзя уйти, произвел на меня такое же впечатление, как вид ядовитой змеи, душащей прекрасную певчую птичку.

Старинная дружба человека с собакой была забыта, и с тех пор мое сердце перешло на сторону черно-бурого лиса.

VI. Зимняя жизнь Домино

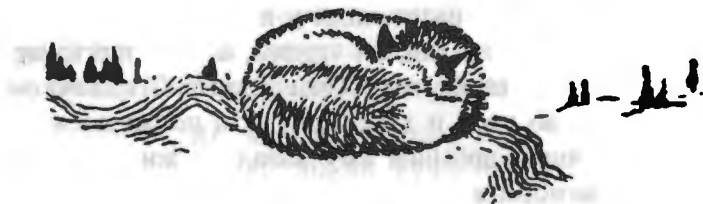
Пришла зима, и деревенские мальчишки принялись за свою беспорядочную охоту на лисиц. Пустив вперед двух-трех псов, они обычно следуют за ними пешком, со своими ружьями.

Однажды на след Домино напала настоящая конная охота с целой сворой собак, но Домино скрылся в скалах возле реки. С каждым удачным уходом от врагов он становился все сильнее и все лучше умел сбивать с толку преследователей. Кроме того, он совершенствовался еще и в умении владеть собой. Страшный лай громадной собаки пугал его по-прежнему, но Домино научился преодолевать свой страх, и мужество его все возрастало.

Он вел теперь обычную жизнь одинокого лиса. У него не было норы — лисы зимой мало живут в норах. Он ложился спать на открытых местах, где защитой от холода ему слу-

жили его пышная, густая шуба и пушистый хвост. А острый нюх надежно охранял его от приближающейся опасности.

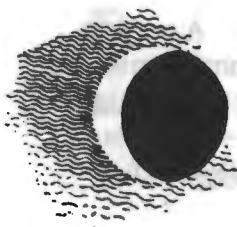
Спал он только днем, на солнце. Таков уже неписанный закон лисиц: «Ночь существует для охоты, день — для сна». Когда солнце садилось и сгущались сумерки, Домино отправлялся на поиски пищи.

Существует ошибочное мнение, будто всякое дикое животное может видеть в непроглядной тьме: нет, свет ему нужен. Разумеется, он ему нужен гораздо меньше, чем человеку, но все-таки немного света требуется и для него. Животное может лучше пробираться ощупью в темноте, чем человек, но все же оно передвигается лишь ощупью. Животные не любят яркого полуденного света. Любимое их время — мягкий полумрак. При луне или в звездную ночь зимой, когда лежит снег, охотиться удобнее.

Итак, едва садилось солнце, Домино выходил на охоту. Он бежал рысцой, держась против ветра, сворачивал в стороны, чтобы обследовать всякую заманчивую заросль, всякий заросший травой буерак, навевался во все места, где ему когда-нибудь посчастливилось прежде, и подбегал ко всякому приметному столбу, камню или углу ограды понюхать, не бывала ли там недавно какая-нибудь лисица. Ведь лисицы, подобно собакам и волкам, имеют обыкновение оставлять свои следы у каждого камня и столба. Затем он выбирался на гребень холма, приюхиваясь, не донесется ли с ветром запах съестного. При малейшем шорохе он останавливался и стоял неподвижно, пока не убеждался, что ничего не случилось, или подкрадывался, словно кошка, поближе, чтобы лучше разузнать, в чем дело. Иногда он взбирался на какое-нибудь пригнувшееся к земле дерево, чтобы осмотреться, или, если дерева не было, делал высокий дозорный прыжок вверх.

Во время этих ночных походов он вовсе не избегал фермерских дворов, охраняемых собаками. По мере заселения

пустынных мест число лисиц там увеличивается, так как каждая ферма служит для них источником пищи и непременно имеет двух-трех постоянных нахлебников лисьей породы. Так и наш Домино, несмотря на присутствие собак, все-таки бежал от одной фермы к другой.

А чтобы не попасть собаке в зубы, он останавливался на некотором расстоянии и вызывающе лаял. Если собака выскакивала на лай, он удибал, а если никто не отзывался, он делал вывод, что собака заперта. Тогда он смело прокрадывался во двор и хватал все, что попадалось. Разумеется, наилучшей добычей ему казалась жирная курица, которую он мгновенно заставлял замолчать, сжав ей шею зубами. Но порой Домино приходилось довольствоваться и брошенными курам хлебными корками или дохлой крысой, выброшенной из крысоловки. Он не гнушался даже таскать куски из свиного корыта.

Почти всегда, хотя и не каждую ночь, он находил съестное, а ведь, в общем, иметь хороший ужин раз пять в неделю вполне достаточно для того, чтобы не потерять жира и протянуть зиму.

VII. Домино находит себе подругу

Ни одно дикое животное не блуждает бесцельно с места на место — каждое из них имеет свой родной округ, определенный участок для охоты. За этот участок оно готово сражаться и будет защищать его от всякого другого животного своей породы.

Многочисленные наблюдения показывают, что охотничий округ лисицы обыкновенно простирается на три-четыре мили от норы во все стороны. Возможно, впрочем, что округ одной лисицы отчасти совпадает с округами других лисиц.

Но к таким постоянным соседям животное скоро привыкает, хорошо изучив их наружность и запах их следов; в конце концов соседи перестают обращать друг на друга внимание.

Совершенно иное дело, если в округе появляется чужой зверь. Тогда приходится драться или уходить.

Когда «снежный месяц» пошел на ущерб, Домино, достигший полного расцвета своих сил, одетый в роскошный мех, начал страдать от одиночества. Временами безотчетное стремление к общению с кем-нибудь заставляло его долго просиживать на пригорке вблизи какой-нибудь фермы, прислушиваясь к лаю собак, если это не было особенно опасно, или даже нарочно вызывать их на погоню за собой. Иногда он останавливался на вершине освещенного луной холма и выпускал протяжный лающий вой. Ученые называют его лисим лаем, а охотники зовут тоскливым плачем:

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу...

Однажды, в одну из ночей «голодного месяца», Домино печально завывал, не надеясь, что кто-нибудь отзовется. Воя, он еще сильнее чувствовал свое одиночество.

На языке людей «голодным месяцем» называется февраль. Зима стала понемногу сдавать, подул мягкий, влажный юго-восточный ветер, тот самый, который несет с собою таинственное веяние весны.

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу.—

снова повторил свой призыв Домино и, зорко осмотревшись кругом, на этот раз уловил вдали тень, промелькнувшую по белому покрову полей. Пока он следил за ней, насторожив уши, другая тень быстро пронеслась по снегу, но уже ближе, и Домино пустился вслед за нею.

Человек знает всех своих соседей только по наружности и легко ошибается, если они хоть слегка изменяют ее. Лисица в этом отношении стоит выше: она знает своих соседей по запаху их следов, их тела и, кроме того, по наружности, а все это вместе не может измениться до неузнаваемости. Через несколько мгновений Домино уже напал на след второй тени, и сразу же чутье безошибочно подсказало ему, что это след рыжего лиса, который живет на Шобане. У Рыжего издавна были тут права охоты, и потому Домино спокойно побежал дальше. Но когда он напал на другой след, оставленный первой тенью, кровь его тотчас же вскипела жаждой битвы: это был след чужой лисы, зашедшей в его места, и он помчался в погоню. Однако, по мере того как он бежал, при-

нюхиваясь к следу, гнев его пропадал, уступая место иному чувству.

Он еще раз принялся к следу и со всех ног бросился по нему вдогонку. Нос его, этот чудесный, непостижимый вожатый, уже шептал: «Скорей!»

С удвоенным пылом понесся он вперед и вдруг еще раз напал на след Рыжего. Всего несколько минут назад Домино пересек этот след совершенно равнодушно, но теперь все

изменилось: опять новое чувство переполнило его. Теперь это была бешеная злоба. Вся его шерсть, от ушей до хвоста, ошетичилась. Наконец, пробежав три-четыре поляны, он увидел обеих лисиц. То, что они делали, не походило ни на преследование, ни на драку, и было неясно, в мире они или во вражде. Чужая лиса, небольшая рыжая самочка с пышной белой манишкой, отбегала немного вперед. Рыжий быстро настигал ее, и тогда она оборачивалась и кидалась на него. Он отскакивал, но не огрызался. Так они продолжали бежать, бросаясь из стороны в сторону. При виде этой сцены целая буря страсти и гнева овладела Домино.

Ему почему-то казалось, что он имеет больше прав на внимание Белогрудки, и он был немало озадачен, когда она отвергла его еще энергичнее, чем соперника. С диким рычанием Домино обернулся к Рыжему. Тот поднял хвост, выпрямился и, оскалившись, показал два ряда страшных зубов.

Несколько секунд они стояли так один против другого. Воспользовавшись этим, Белогрудка опять пустилась бежать. Соперники бросились за ней, угрожая друг другу на бегу, и Домино первый нагнал беглянку. Она остановилась и огрызнулась, но не очень сердито. Рыжий подошел с другой стороны и увидел, что ему угрожают и Домино, и Белогрудка.

Соперники схватились между собой. Рыжий был опрокинут и лежал, щелкая зубами. Домино стоял над ним, не причиняя ему никакого вреда.

Белогрудка побежала снова, а соперники держались теперь по обе стороны ее, рыча друг на друга.

По мере того как они перебежали через поле, Белогрудка понемногу удалялась от Рыжего и приближалась к черно-бурому лису, а когда все трое опять остановились, то лицом к лицу оказались уже не трое друг против друга, а двое против одного. Высокий черный лис выпрямился во весь свой рост, шерсть на его шее ошетичилась, хвост поднялся. Грозно рыча и оскалив свои блестящие зубы, он гордо двинулся на противника, а по пятам за ним шла Белогрудка.

Рыжий понял, что для него все кончено, повернулся и понуро побежал прочь.

Часть Вторая

ВДВОЕМ

VIII. Весна

Светлая весна вступила в свои права на Голдерских холмах. Потемнели склоны холмов, вскрылись реки, воздух наполнился хлопанием крыльев, громкими криками на заре и свистом маленьких жаб в уже оттаявших прудах.

В лесу, еще одетом по-зимнему, проглянула сквозь снег грушица и, выпрямив свои блестящие листочки, казалось, говорила: «Вот чего я ждала, вот когда кстати мои красные ягодки». Куропатки, белки и сурки лакомились этим угощением «вороньего месяца», и у всех, кто любит мир диких животных, невольно являлась отрадная мысль о том, как мудро мать-природа поступила, припася к голодному времени такую вкусную пищу.

В лесах и на озере уже начиналась пора ухаживаний, которая говорила о близком зарож-

дении новых жизней. Все это находило живейший отклик в сердцах Белогрудки и Домино.

Как только по откосам заструились первые холодные ручейки тающего снега, наша пара отправилась на поиски жилища.

Они бегали и искали, искали и бегали повсюду, или, правильнее, искала одна Белогрудка, а Домино лишь покорно следовал за ней. Так исходили они песчаные равнины на востоке от Голдерских холмов. Но там везде встречались маленькие знаки, оставленные другими лисицами, смысл которых в переводе на лисий язык был вполне ясен: «Чужим здесь придется брать место с боя». Затем они излазили все овраги Голдера. Однако в оврагах лежал еще слишком глубокий снег. Вернувшись снова к реке, они наконец попали на осиновую рощицу — ту самую осиновую рощицу, где протекало детство Домино. Тут поиски его подруги, по-видимому, окончились, так как на этот раз она нашла все, что было ей нужно.

Понюхав там и сям, она начала рыть яму в чаще орешника. Земля здесь была покрыта глубоким снегом, под которым лежал толстый слой опавших листьев, и потому сохранила свою мягкость. В других же местах земля была совершенно промерзшая, и лисице не удалось бы вырыть нору.

Какое-то необъяснимое чутье подсказало ей, что нужно рыть именно тут. Домино тем временем взобрался на вершину ближайшего холма и сидел там на страже. Проработав около часа, лисица вылезла из ямы, и Домино сменил ее.

Так они рыли поочередно несколько дней, и наконец нора была готова. Эта нора состояла из длинного коридора, который сначала спускался вниз, затем шел вверх, в более широкое помещение, откуда другой коридор, в несколько шагов длиной, вел в боковое помещение; первый же коридор снова поворачивал вверх и, достигнув замерзшего слоя земли, пока оканчивался там.

Лисицы ежедневно царапали изнутри замерзшую землю, которая с каждым днем все более и более оттаивала, и наконец пробилась наружу. Аккуратный круглый вход в нору они прикрыли пучком прошлогодней травы. После этого они зарыли первоначальный вход. Около нового входа не было вырытой земли, и никто не мог бы заметить его, даже стоя

рядом, а растущая трава с каждым днем скрывала его еще больше.

Пищи стало попадаться уже немало, и однажды, поймав неосторожного сурка, вышедшего побродить ночью, Белогрудка зарыла его в сухом песке боковой комнаты.

Теперь супруги старались как можно реже попадаться кому-нибудь на глаза вблизи норы. Много раз Белогрудка бегала по воде ручейка, чтобы не оставлять заметных следов к дому, а Домино нередко распластывался за поваленным деревом в траве, пока какой-нибудь деревенский мальчик проходил мимо, даже и не подозревая близкого присутствия лиса. Черно-бурый зверь с каждым днем все более опасался таких прохожих.

IX. Событие

Когда вслед за «вороньим месяцем» наступил «травяной», воздух лесов и полей наполнился ожиданием грядущего плодородия. И с Белогрудкой произошла резкая перемена: она стала избегать Домино, как врага, и свирепо рычала на него, когда он пытался следовать за нею в нору.

Домино по целым дням не заходил в нору. И вот во время его отсутствия произошло знаменательное событие.

На свет появилось пять лисят, маленьких, нескладных, «безобразных», как сказали бы люди, но для матери они были самыми прелестными, самыми драгоценными существами в мире. С этой минуты, охваченная материнским чувством, она целиком и безраздельно принадлежала своим детям.

Лишь много часов спустя она решилась на минутку оставить их одних, и то затем только, чтобы утолить жажду прохладной водой ближайшего ручейка. Там на берегу ждал Домино. Белогрудка слегка повела ушами, но не издала ни звука и вообще ничем не показала, что заметила своего супруга. Он лег ничком на листья, а она вернулась в нору. На следующий день Белогрудка почувствовала голод, но и не подумала выйти за добычей. Пища была у нее припрятана заранее в норе.

Два дня спустя, когда запасы иссякли, она вышла из норы и неподалеку от выхода нашла

кучку недавно убитых мышей. Быть может, отец принес их для детей, а не для матери. И мыши пошли впрок детям, хотя были съедены матерью. С этих пор Белогрудка ежедневно находила какую-нибудь пищу, оставленную у входа в нору или спрятанную поблизости в траве.

Две недели лисята оставались слепыми, но затем глазки их открылись. Теперь они уже меньше пищали, и мать могла уходить спокойнее. Домино заметил, что теперь она не так гонит его прочь, а еще через несколько дней и ему было дозволено присоединиться к семье.

Когда лисятам было уже около месяца, маленькие увальни впервые решились выползти на свет Божий. Они двигались очень медленно и неуклюже: в них не было еще ни ловкости, ни красоты, но была прелесть беспомощных малюток. И всякий, кому случилось бы увидеть молодую семью, тотчас заметил бы чувства, которые эта беспомощность внушала родителям: им, как и всяким родителям, хотелось все время ласкать и пестовать пушистых крошек и они были постоянно готовы защищать своих малюток даже от такого врага, от которого в другое время непременно убежали бы. С тех пор все чаще стали повторяться сцены, происходившие в детстве перед домом самого Домино. Лисята с каждым днем крепили и становились все более похожими на лисиц.

Х. Старый враг

Однажды Домино возвращался домой с добычей. Навстречу ему из норы высунулись пять черных носиков, и пять пар глазенок, блестящих, как бисер, уставились на него. Вдруг невдалеке раздался громкий собачий лай, и Домино в тревоге вскочил на пень, чтобы лучше прислушаться. Сомнения не было: это был тот самый жуткий лай — голос его давнишнего врага. Нельзя было подпустить собаку к дорогому гнездышку, и, подавив страх в своем сердце, Домино отважно устремился ей навстречу, между тем как мать увела малюток в нору.

Гекла тотчас же пустилась за Домино, но теперь она тоже была в полном расцвете сил и уходить от погони стало труднее. На мгновение собака остановилась, почуяв след

Белорудки, но Домино смело показался из-за кустов, вызывая залаял и снова увлек преследователя за собой. Лис и собака были молоды и сильны. Гонка продолжалась целый час, но они даже не начали уставать. Наконец Домино надоело бегать, и он попытался отделаться от собаки, как бывало прежде. Однако теперь это оказалось не так легко: Гекла за это время научилась многому и стала опытной гончей. И первая и вторая уловка не удалась. Тогда Домино вспомнил об узком карнизе на скалистом обрыве, там, где Шобан выходит из гор, и помчался туда, увлекая за собой своего неумолимого врага.

Неизвестно, было ли это случайностью или обдуманном планом, но только оба неслись прямо к обрыву. Все ближе и ближе. Уже черная пышная лисья шубка замелькала на берегу реки. Домино начал замедлять бег. Гекла напрягла все свои силы и, тяжело дыша всей грудью, стала нагонять лиса. Так они достигли наконец широкой тропинки. Домино еще больше замедлил бег, а черная собака, уже видя свою жертву совсем близко, удвоила свои усилия. Казалось, вот-вот она настигнет лиса.

Между тем тропинка становилась все уже и уже. Собака насадала. Она была уверена в своей победе: еще один скачок — и усталый лис будет у нее в зубах... Но хитрый зверь вдруг помчался стрелой по узкому карнизу вдоль скалы. И Гекла, широкогрудая, коренастая, бросившись за ним, ударилась боком о скалу и кувырком полетела по каменистой круче — все вниз, вниз, вниз, пока наконец, избитая и окровавленная, не скатилась в ледяную воду реки.

А сверху этот полет спокойно наблюдал черный лис.

В этом узком месте Шобан и летом течет со страшной быстротой, весной же он превращается в клокочущую стремнину. Самая сильная собака устранилась бы прыжка в такую пучину, и бедная Гекла, жестоко израненная, выбивалась из сил, борясь за свою жизнь. Бурный поток с диким воем нес ее целых две мили, подкидывая, перевортывая, швыряя об острые камни и крутя в водоворотах, пока наконец с презрением не выбросил несчастное, искалеченное животное на песчаную отмель. Лишь на другой день Гекла

кое-как доплелась домой и уже ни в эту весну, ни в это лето не могла снова приняться за охоту.

А пять черных носишек и пять пар блестящих, как бисер, глазенок на пушистых невинных мордашках продолжали каждый день спокойно появляться у входа в нору.

Их отец оказался хорошим защитником, и осиновая ложбина, где находился их дом, стала долиной мира.

XI. Лань

Лето было в полном разгаре, и «месяц роз» сиял во всем блеске. Лисята росли поразительно быстро, и двое из них уже успели покрыться темно-свинцовой шерстью, которая указывала на их благородное происхождение и много обещала в будущем. Белогрудка и Домино старались теперь приносить домой живую дичь, чтобы лисята могли поохотиться и загрызть ее сами.

Каждый день родители устраивали для лисят новые приключения, давали им возможность показать свою быстроту и чутье. С каждой охотой лисята научались чему-нибудь новому и совершенствовались в охотничьем искусстве. Ради этого Домино почти каждый день приходилось пускаться в рискованные предприятия, где любая другая лисица легко могла бы поплатиться жизнью. Но он выходил благополучно из всех испытаний и только развивал свою силу, быстроту и сметливость.

На Голдерских холмах водились сурки, и однажды, разыскивая их в папоротниках, Домино внезапно был поражен странным запахом. Через мгновение он увидел притаившееся в траве довольно крупное животное — светло-рыжее, с белыми пятнами.

Домино инстинктивно замер на месте, не спуская глаз с неизвестного создания и готовый отскочить в сторону, если бы оно бросилось на него. Но рыжее с белыми пятнами существо лежало как мертвое, припав головой к земле, и глядело на него большими, круглыми, блестящими, полными ужаса глазами.

Лани — это был детеныш лани — очень редки в долине Шобана, и потому Домино, никогда не встречавший их прежде, не знал, что ему делать. Одно было ясно: что при-

таившийся детеныш больше боится лиса, чем лис его. Когда первый испуг прошел, любопытство взяло верх, и Домино сделал шаг по направлению к лежащему зверю. Тот не двигался и не дышал. Тогда он сделал еще шаг. Их разделял всего один прыжок. Но животное продолжало лежать неподвижно.

Еще один шаг — и, когда Домино стоял уже перед самым теленком, тот вскочил наконец на свои длинные ноги и с жалобным блеяньем неуклюже запрыгал по папоротнику. Домино сделал высокий прыжок в ту же сторону и уже ради забавы последовал за ним.

Вдруг послышался топот, и через несколько мгновений примчалась мать-лань. Шерсть у нее на хребте стояла дыбом, глаза горели злым зеленым огнем, и Домино тотчас же понял, что попал в беду. Он пустился прочь, но лань, дико фыркая, погналась за ним, яростно стуча по земле острыми копытами. Она была в десять раз больше него и летела как ветер. Быстро догнав Домино, она лягнула передней ногой, направив в лиса предательский удар, от которого он едва увернулся. Она сделала новый выпад — и опять ловкий прыжок в сторону спас его.

Разъяренная лань неотступно преследовала Домино, не довольствуясь тем, что ее детеныш остался цел и невредим. Она, видимо, решила во что бы то ни стало разделаться с лисом, который, по ее мнению, намеревался напасть на ее дитя.

Она продолжала преследовать свою жертву в зарослях папоротника и терновника и не только не уставала, но как будто становилась все сильнее. Кусты мешали лису бежать, но для тяжелой лани они были пустячным препятствием. Если бы не этот проклятый кустарник, такая бешеная скачка, пожалуй, доставила бы даже удовольствие Домино.

Так они прыгали уже с полчаса, и было ясно, что, увернувшись сто раз, Домино на сто первый оплошает, и тогда один удар копытом принесет ему верную смерть. Поэтому он счел благоразумным как можно скорее выбраться на более безопасное место и, выбежав из кустов, пустился во весь дух по открытому полю. Но как ни быстро мчался Домино, спасая свою жизнь, лань не отставала от него ни на шаг.

Они вбежали в лес. Домино едва успел увернуться от удара переднего копыта. К счастью, этот удар пришелся по толстому дереву.

Здесь, среди спасительных стволов, Домино мог вздохнуть свободно и посмеяться над разъяренной ланью и ее глупым детенышем. Однако все это послужило ему хорошим уроком. Он уже никогда не забывал, что чужой — всегда враг.

XII. Приворотное зелье

Одни люди ставят капканы, чтобы добывать меха, другие — чтобы уничтожить вредных зверей, а иные, сами не зная зачем, расставляют ловушки круглый год. Так поступали и сыновья Бентона. Они не имели понятия о настоящей ловле капканами и всегда делали одну и ту же ошибку: привязывали приманку не к тому концу спуска. Эта ошибка сразу же выдавала поставленные ими капканы, и всякая лиса, обладавшая хоть крупицей лисьего здравого смысла, относилась к ним с величайшим презрением. Вокруг бентоновских капканов всегда были три верных, предостерегающих лисиц признака: запах железа, запах человеческих рук и запах человеческих ног. Запах ног скоро пропал бы, но мальчики сами постоянно возобновляли его. Запах железа оставался и еще усиливался после каждого дождя.

Домино знал все капканы, поставленные в горах. Он мог найти их в любое время дня и ночи гораздо скорее, чем сами Бентоны. Он наведывался к капканам каждый раз, когда проходил мимо. Осмотрев их на почтительном расстоянии, он делал то, что не хуже человеческих слов выражало бы презрение и насмешку. Даже у глупого сурка и коротколапого кролика — и у тех хватило смекалки посмеяться над бентоновскими капканами. Ну и Домино смеялся над ними. Он никогда не забывал, проходя мимо, посмотреть на них и затем оставить следы своего посещения на каком-нибудь камне или пне.

И вот как раз в это время Бэд Бентон узнал новый способ ловли капканами. Один старый охотник с Севера дал ему какой-то волшебный тошнотворный состав из бобровой струи, анисового се-

мени, глистогонного масла и других пахучих веществ. Он говорил, что нескольких капель этого волшебного зелья достаточно, чтобы привлечь всех лисиц, усыпить в них всякую осторожность и завлечь их в любую западню.

Захватив с собой чудесную склянку, молодой Бентон отправился в обход и опрыскал из нее все свои капканы. Бывают запахи, которых человек почти не замечает, они для него словно тихий, едва слышный голос, а для лисицы эти запахи гремят, как целый оркестр, ибо у лисиц есть чутье. Запах, который противен человеку, может показаться лисице благоуханием роз, сладчайшим фимиамом. Капли этого состава, попавшие на одежду Бентона, распространяли такую вонь, что лошади фыркали у себя в конюшне, а дома отец предлагал ему пересесть на другой конец стола. Для изошренного чутья Домино этот запах, доносимый ветром, был так же ясен, как облако дыма, тянущееся от громадного костра, и он так же легко мог определить его источник, как можно узнать, где стоит горнист, по звуку горна или положение водопада — по грохоту. Этот запах был слышен всюду и не возбуждал в Домино никакого отвращения, а, напротив, тянул к себе, как огонек привлекает путника, заблудившегося во мраке, или как волшебная музыка могла бы заманить в лес какого-нибудь мечтателя. Выйдя на свою вечернюю охоту, Домино тотчас поднял кверху нос, чтобы узнать, откуда доносится этот запах, и пустился бегом по направлению к нему.

Через мило запахи привел его к давно знакомому месту, где всегда воняло человеческими следами и разило железом и лишь по временам немного примешивался, как бы для приличия, слабый запах куриной головы, глупо привязанной к капкану. У Домино представление об этом месте всегда вызывало чувство презрения, но что за перемена произошла с ним теперь! Подобно тому как заходящее солнце озаряет чудным светом кучу грязи или превращает серые облака в величавые горы пурпура и золота, эта новая, волшебная, все растущая сила, это очарование, еще издавна проникшее через ноздри лиса в глубины его души, лишили его всякого самообладания.

Вытянув вперед нос, Домино медленно, но неудержимо двинулся на запах. Теперь запах уже

пьянил его, туманил голову. В ушах звенело, по всему телу пробегала сладкая дрожь. Тут было и ощущение покоя после утомительного бега, и чувство приятной теплоты в холодный день, и радость наполнения голодного желудка свежей, горячей кровью.

Домино с раздутыми ноздрями, с бьющимся сердцем, с прерывающимся дыханием, полузакрыв глаза, медленно крался все ближе и ближе к источнику этого чудесного, полного всемогущих чар запаха и наконец подошел вплотную к скрытому капкану. Он знал, что здесь капкан, он его тотчас же заметил, но уже был околдован, уже находился в полной власти чар. Он страстно жаждал прикоснуться к этому месту, пропитаться насквозь этим запахом, столь властным и пленительным. И, весь извиваясь, он повернул набок голову и стал тереться своим красивым затылком о загрязненную землю, затем повалился на спину и начал кататься, пачкая свою пышную шубу в пыли, пропитанной этим зловонием. Он был в экстазе, как вдруг — щелк! — и неумолимые железные челюсти схватили его за спину, глубоко зарывшись в драгоценный серебристо-черный мех.

Домино очнулся, и все очарование исчезло в одно мгновение: проснулся инстинкт самосохранения. Он вскочил на ноги и выпрямил свою гибкую спину. Железные челюсти капкана, запутавшиеся в шерсти, соскользнули, и Домино был свободен. Если бы он попал в капкан не широкой спиной, а лапой, его участь была бы решена. Но теперь он уже мчался прочь, широко раздувая ноздри.

Бывают неразумные лисы, которые способны несколько раз поддаваться коварному очарованию запаха и играть с верной смертью. Но для Домино было достаточно однажды понять скрытый в этом запахе ужас. Впоследствии этот завлекательный запах мгновенно пробуждал в нем воспоминание о мертвой хватке страшных, сильных челюстей.

XIII. Мед из львиного чрева

Лисы продолжали взимать свою обычную дань с курятника Бентона. Так как мальчики ничего не могли поделать с ними, то наконец сам старик рассердился. Сначала он ворчал, отпуская разные презрительные замечания, начинав-

шиеся: «Когда я был мальчиком, то...», а затем решил трянуть стариной и сам принялся за ловлю.

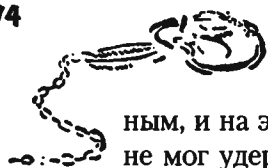
Капканы не следует ставить около фермы, так как они только калечат собак, кошек и свиней. Хороший ловец прячет свои ловушки где-нибудь вдали от жилья, в лесу.

Старик взялся за дело и отправился в обход. Он сразу же внес несколько существенных изменений в расстановку капканов. Прежде всего старик окуривал каждый капкан кедровым дымом, чтобы заглушить запах железа. Затем он изгнал всякие опрыскивания пахучими веществами. «Иной раз, — говорил он, — эта вонь действует хорошо, но она привлекает только дураков, а умные звери скоро догадываются, в чем дело, и избегают пахучих мест. Для всех лисиц всегда был и есть только один испытанный запах, это запах свежей куриной крови». Он перенес капканы подальше от загрязненных, хорошо известных мест и зарыл их в пыли. В пяти шагах от каждого капкана он разбросал куски курицы, после чего замел следы кедровой веткой — ловушка была готова.

Несколько ночей спустя Домино проходил мимо. Еще шагов за двести он почуял запах курятины, но чем ближе он подходил, тем сильнее в нем пробуждалась его обычная осторожность. Он стал медленно подкрадываться. С раздутыми ноздрями, насторожившись, он подвигался, держась против ветра. Не пахло ни железом, ни человеческими следами, но слышался довольно едкий запах дыма, а единственное животное, которое может дымить, — это человек. Однако возможно, что эти аппетитные куски курятины просто обронены другой лисой. Он заметил, что если подойти к кускам курицы сбоку, то запах дыма не заглушает куриного запаха.

Домино еще колебался, но в это время ветер переменялся, запах дыма исчез, и остался только чистый, соблазнительный запах курятины. Домино приблизился еще на три шага, остановился. Потом повел носом во все стороны, тщательно принюхиваясь. Нигде не слышно было запаха человеческих следов. Перед ним была только пища, которую он столько раз ел по ночам, которую он так любил и так часто таскал к себе в нору. Однако временами он все же чувствовал едва заметный запах дыма. Домино был осторожный зверь. Он начал уже медленно пятиться назад, выбирая почву своими

стройными лапами и ставя их не на шероховатые места, а лишь на ровную, гладкую землю, как вдруг — щелк! — Домино оказался пойманным, и на этот раз уже не за широкую спину, которую капкан не мог удержать, а за ногу. Да, теперь он попался крепко!

Напрасно он прыгал и напрягался, напрасно грыз зубами ненавистный капкан: стальные челюсти не выпускали его лапу и все усилия освободиться только утомляли его.

Так прошло два часа в безнадёжной, изнуряющей борьбе. Домино то лежал, измученный и задыхающийся, то опять впадал в бессильное бешенство, кусал холодное, неумолимое железо и вырывал зубами молодые кустики, торчавшие кругом. Много раз он бился и напрягался, много раз, обессиленный, замирал. Он очень страдал. Страх и боль смешались в этом страдании; но временами вспыхивала ярость. Тогда, измученный и ослабевший, он на миг становился сильным и начинал рваться и грызть капкан.

Так прошёл день... Так прошла ещё одна долгая, томительно долгая ночь.

С первыми проблесками рассвета послышались чьи-то шаги. Несчастный, измученный, испачканный в пыли, выбившийся из сил лис поднял свою ещё недавно такую красивую мордочку и с ужасом увидел своего заклятого врага — лань с пятнистым детенышем! Домино застыл как мертвый, надеясь ускользнуть от внимания лани, но, увы, ее зрение и чутье были слишком остры. Она тотчас заметила лиса. С фырканьем поднялась она на дыбы, вся шерсть ее ошетичилась, зеленые огоньки бешенства сверкнули в глазах, и она бросилась на пойманного зверя. Домино увернулся. Он отскочил, насколько позволяла цепь капкана, но дальше бежать не мог. Лань как будто знала это: теперь враг был в ее власти, и единственной ее мыслью было сокрушить его. Торжествуя легкую победу, она подпрыгнула, как прыгают лани, желая раздавить ядовитую змею, высоко над головой Домино, чтобы обрушиться на него всей своей тяжестью. Он дернулся было в сторону. Спасения не было, и копыто из всех сил ударило... но — о счастье! — не лиса, а мимо, по пружине страшного капкана. Стальные челюсти широко раскрылись, и Домино был свободен.

Собрав остаток сил, он бросился к ближайшей изгороди и юркнул в щель. Лань несколько раз обегала изгородь кру-

гом, но лису, несмотря на всю его слабость и изнеможение, все-таки каждый раз удавалось снова проскальзывать на другую сторону. Наконец, на его счастье, детеныш лани пронзительно закричал, призывая к себе мать, и та оставила преследование, а Домино, хромая, медленно поплелся домой.

Глупому нужно много раз попасться, чтобы научиться чему-нибудь, а для умного довольно и одного раза, чтобы стать еще умнее. Этих двух страшных уроков было совершенно достаточно для Домино. С тех пор он на всю жизнь понял, что не только нужно сторониться запаха железа и человека, но следует вообще остерегаться всех необычных запахов.

Необычные запахи таят в себе гибель.

XIV. Лето и девочка

Однажды, в начале лета, Домино ковылял на трех лапах около фермы, стоявшей на высоком пригорке. Это был старинный дом с обширным садом и большим огородом, который тянулся почти до самого леса и занимал все открытое пространство вокруг дома. Тут легко было подойти незамеченным, и Домино бродил всюду, принимаясь ко всему, что останавливало на себе его внимание. Наконец он нашел прорытую курами лазейку под оградой и пролез в огород. В огороде он долго крался среди разросшейся ботвы картофеля, затем среди густых кустов смородины. Осторожно двигаясь вперед, он увидел в чаще что-то маленькое, черное и блестящее. Он остановился как вкопанный и вскоре понял, что это глаза индюшки, сидящей на яйцах.

Как раз у хвоста, в конце спины, у каждой лисы есть маленький пучок волос, который щетинится при возбуждении. Только по этому ошетинившемуся пучку и можно было заметить волнение Домино при виде такой роскошной добычи. Но пока он еще стоял в нерешительности, сзади послышался какой-то звук, и, повернув голову, Домино увидел невдалеке маленького человечка.

— А, лисичка! Ты, кажется, собираешься напроказить? — сказала с упреком девочка.

Домино вздрогнул, услышав звуки человеческой речи. Он приготовился к прыжку, но не прыгнул. Девочка не казалась

ему особенно опасной — она была такая маленькая. А индюшка была слишком соблазнительна.

Страх боролся в Домино с охотничьим инстинктом. Косясь на девочку, он шагнул к индюшке. Девочка вскрикнула и побежала. Этот крик решил дело: быстрым прыжком Домино скрылся в кустах. Индюшка была спасена.

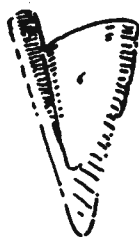
В тот же вечер девочка спросила отца:

— Папа, если бы у тебя индюшка высиживала яйца в лесу, как бы ты защитил ее от лисиц, не вредя лисицам?

— Я положил бы вокруг несколько кусков железа, и тогда ни одна лиса не подошла бы близко, — ответил отец.

После этого девочка взяла в саду кусок цепи, сломанный сошник, подкову и разложила их вокруг гнезда индюшки.

Через несколько дней Домино опять пришел за индюшкой. Он хорошо запомнил место, где встретил такую лакомую добычу.

Он шел осторожнее, чем всегда: ведь здесь, рядом с индюшкой, он мог встретить человека. Однако, прежде чем индюшка успела поднять тревогу, обоняние и зрение предупредили его о присутствии опасных, пахнущих железом вещей. Он попятился и попробовал подойти с другой стороны, но и там оказался один из этих зловещих предметов. Голос благоразумия шептал: «Назад!» — и Домино ушел.

Девочка так и не знала бы об этом, но на другой день отец сказал: «А знаешь, дочка, ведь я сегодня утром видел свежие лисьи следы в картошке».

Таким образом, обманутый Домино принужден был оставить в покое индюшку, но вскоре он нашел другую добычу — курицу в гнезде. Одним укусом он перегрыз ей горло и потащил к себе, однако по дороге сообразил, что напрасно не воспользовался целой кучей яиц. Поэтому, зарыв курицу в листьях в лесу, он вернулся и, перетаскав яйца одно за другим на опушку леса, спрятал их там, отметив тайник выделением из своей мускусной железы, чтобы самому

найти их впоследствии и чтобы другие лисицы знали, что это его собственность. Затем он вырыл курицу и отнес ее домой.

Куриные яйца могли долго пролежать и подвергнуться множеству изменений, прежде чем понадобились бы Домино. Но зато на случай нужды они всегда были наготове, и в голодное время он, конечно, съел бы их даже тухлыми.

Домино прятал добычу уже не первый раз. Некоторые лисы не прячут пищи, но только потому, что они плохие добытчицы и никогда не имеют что спрятать. Те же лисы, которые охотятся успешно, быстро усваивают привычку прятать добычу.

Месяц спустя внимание Домино привлекли ягоды терна, которых в тот год уродилось необычайно много. Он пожевал и проглотил одну-две ягодки. Однако они не особенно ему понравились, потому что он был в это время сыт и жирен. Тем не менее его забавляло подпрыгивать и срывать красные гроздья. Сперва он просто разбрасывал их, затем накидал целую кучу.

Наконец все-таки инстинкт накопления взял верх: он зарыл эту кучу в листья и оставил мускусную заметку на соседнем пне. В случае нужды он мог бы отыскать этот запас ягод даже под снежным сугробом.

XV. Наследник Домино

В это лето Домино хромал и не мог бегать скоро, но, на его счастье, и его враг, быстроногая Гекла, тоже была еще калекой. Домино приходилось добывать пищу для своих детей, а мать-природа в этом году была особенно щедра; охотился он всегда удачно и каждый день приносил домой живую дичь: то это была просто какая-нибудь лягушка, из-за которой малышам приходилось проделывать целый ряд головоломных прыжков, прежде чем она давала себя поймать; то жирная полевая мышь, которая забиралась под листья, и листья успевали нахватать полные рты песка и травы, прежде чем какому-нибудь счастливцу удавалось наконец схватить юркого зверька. Но однажды отец принес им для упражнения другого рода добычу.

Домино наметил свою жертву, бродя в тумане около реки. Животное, которое он выслеживал, ходило сначала по воде на мелком месте, а затем взобралось на лежавшую в реке колоду и уселось на ней, искусно открывая и пожирая ракушки. Это была громадная выхухоль. Своими крепкими желтыми зубами она с треском разгрызала створки раковин и из-за этого шума совсем не слышала, как подкрался к ней наш охотник. Мелькнул черный мех, и через несколько мгновений борьбы Домино уже держал выхухоль за шею! Напрасно она извивалась, пищала и скрежетала острыми, как резец, зубами: он бежал во всю прыть и через двадцать минут был уже у норы.

Услышав хорошо знакомое фыркание отца, лисята стремглав выскочили из норы, толкая друг друга. Отец выпустил добычу. Лисята тотчас же кинулись на нее, но это была живая выхухоль, а выхухоль сопротивляется отчаянно. Она бросалась то туда, то сюда, расшвыривая в стороны лисят, которые прыгали вокруг нее, как собаки вокруг медведя, и с визгом отскакивали прочь, отведая ее острых зубов. Только один из них не отступил перед выхухолью даже после трех схваток. Он был не больше ее самой и не больше своих братьев, но, очевидно, обладал врожденной отвагой, и, пока остальные стояли кругом, он продолжал сражаться. Это был поединок

на жизнь и на смерть. Лисенок подбирался все ближе к голове выхухоли и наконец вцепился врагу прямо в горло. Он держал выхухоль за горло, пока не прикончил ее, и после этого вся семья принялась за пиршество.

Родители спокойно смотрели на эту битву. Какое же чувство удерживало их и почему они не умертвили выхухоль сами? Быть может, дело станет яснее, если мы спросим себя, зачем отец-человек дает сыну решать задачу, легкую для него самого, но трудную для мальчика.

Этот смелый лисенок не был самым большим, но он был одним из самых темных. Впоследствии он вырос достойным наследником своего отца, и желающие могут прочесть его историю в летописях верховьев Шобана.

«Месяц гроз» медленно подходил к концу, и лисята уже заметно подросли. Некоторые из них были теперь ростом с мать, и тут начался неизбежный распад семейных уз; сперва самый большой из братьев, а затем и сестры стали чаще и чаще охотиться самостоятельно и не приходили домой по нескольку дней. Так они все более отвыкали друг от друга, и наконец, к концу «красного месяца жатвы», все разбрелись в разные стороны. В норе остались только Домино и Белогрудка.

К началу осени лапа Домино совсем зажила, и он вновь стал самым быстроногим лисом Голдерских холмов. Как прежде, он мог удрать от любой собаки. Теперь он снова был в полном расцвете сил и вполне владел своим величайшим даром — быстротой. Во всех окрестных горах не было ни одной лисицы, которая могла бы поспорить с ним в беге, и ни одной собаки, которой он опасался бы. Легкие его, казалось, обладали беспредельной выносливостью, а ноги были так же крепки, как легкие. Он сам наслаждался своей быстротой.

Часть третья

ИСПЫТАНИЕ И ТОРЖЕСТВО

XVI. Дикie гуси

Каждый год весной и осенью на Голдерские холмы прилетают стаи длинношеих диких гусей, оглашая воздух громкими криками. Они не оставались тут надолго, но все-таки появление их всегда привлекало сюда охотников.

Домино давно чутьем угадывал, что гуси — хорошая дичь, но однажды он убедился в этом на деле, найдя в болоте только что убитого гуся, который успел уйти от подстрелившего его охотника и околел в болоте. В тот день Домино и Белогрудка сытно пообедали.

Гуси паслись в поле и на болоте. Домино не раз пробовал подкарауливать их, но осторожность и проворство этих птиц были необычайны: с таким же успехом он мог бы охотиться за ними на широкой глади озера. Однако существует такой способ охоты, который дает возможность охотнику близко подходить к сидящей птице или к притаившемуся зайцу. Вот этот способ и применил Домино в охоте.

Небольшая стайка гусей паслась на сжатом поле. Домино и Белогрудка целый день рыскали по берегу реки в кустах, высматривая, где бы удобнее подобраться к гусям. Но со всех сторон гусей защищало открытое пространство, и все время, оберегая стаю, какая-нибудь длинная шея торчала кверху, подобно сторожевой башне. Тогда лисья пара затеяла игру, которая применяется с незапамятных времен, неведомо кем придуманная.

Домино спрятался в кустах на одном конце сжатого поля, а Белогрудка отправилась на другой конец и там, выйдя на открытое место, начала проделывать разные забавные штуки: она то каталась по земле, то кувыркалась в воздухе, то распластывалась на животе и виляла хвостом. Гуси повернули головы в ее сторону, дивясь, что за странное представление дает им лиса. К тому же лиса была далеко и не внушала им никакого опасения. Любопытство птиц было сильно возбуждено, и они продолжали глазеть, а Белогрудка, пользуясь этим, с каждым прыжком все приближалась к ним. Наконец всегда подозрительный старый гусак заметил ее хитрость и, не подавая виду, не поднимая тревоги, так как не было еще ничего особенно опасного, отошел на несколько шагов. Прочие гуси — очевидно, его семья — отступили вместе с ним. Но глупая лиса продолжала кататься и кувыркаться по земле, как гонимый ветром клочок сена. Все это было очень забавно, но старый гусак не поддавался на ее хитрости и с каждым коварным движением лисы продолжал отступать все дальше.

Таким образом, игра тянулась несколько минут, и в конце концов гуси были оттеснены почти к самому концу поля. Они уже со-

бирались было взлететь, но сделали еще несколько последних шагов, отделяющих их от кустарника. Тут Домино как ястреб бросился на них и, прежде чем гусак успел подскочить, схватил его за горло.

Это была самая удачная совместная охота Домино и Белогрудки. Она их сблизила еще более, и все чаще стали они сражаться плечом к плечу в битве жизни.

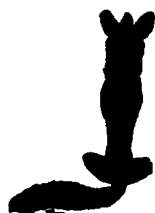
XVII. Губитель овец

Зима прошла гораздо благополучнее, чем обыкновенно, так как привычка делать запасы спасла Домино и его подругу от голода, хотя, надо признаться, спрятанные впрок плоды и рыба к зиме так испортились, что даже лисицы ели их с отвращением. Миновала пора любви, и уже близилась весна, когда однажды на пути через горы домой Домино пришлось быть свидетелем гнусного злодеяния. Он теперь становился уже опытным лисом, а опытный лис никогда не переступает вершины холма, не заглянув предварительно через нее. И вот, подняв потихоньку голову над одной такой вершиной, Домино увидел внизу, на огороженной и защищенной от ветра площадке, стадо овец, метавшихся как безумные. За овцами гонялась громадная черная собака. Это был старый враг Домино — Гекла.

Две-три овцы уже валялись мертвые, и Домино видел, как чудовище уложило еще одну. Собака хватала овец за горло, валила на землю и долго терзала. Из раны била горячая кровь. Затем собака принималась за другую овцу.

Не ужас, а любопытство, смешанное с удивлением, приковало Домино на месте. Гекла уже гонялась за новой овцой, когда раздался выстрел и пуля ударилась в скалу над головой злодейки. Окровавленная собака отлично сообразила, что ее ждет. Она спрыгнула в овраг и под прикрытием его пустилась со всех ног прочь, никем не замеченная, так что никто не мог пожаловаться на нее хозяину.

Домино тоже побежал через поле, но его, на беду, заметили. Вбежав за ограду, пастух увидел дюжину зарезанных овец, но не нашел собачьих следов, потому что метавшееся в панике стадо затоптало их. Все улики против Домино были

налицо. Много овец пострадало уже и до того, и пастух, поклявшись жестоко отомстить всем лисицам, задумал против них ужасный план.

Сначала он находил мало сторонников своего плана, но в марте было зарезано еще несколько овец, в том числе несколько молодых ярок. Многие утверждали, что видели крупные собачьи следы на месте преступления. Но большинство все-таки поверили, что это дело лисиц, и с величайшей готовностью согласились участвовать в облаве. Они были убеждены, что злодей — черно-бурый лис.

XVIII. Спаситель Белогрудки

Все население верховьев Шобана было на ногах. Устраивалась грандиозная облава на лисиц. Люди, у которых пропали овцы, отправлялись на нее, чтобы уничтожить лису-злодейку. Молодежь смотрела на облаву как на интересный спорт. Всех привлекало еще и то, что наградой за труды была великолепная шкура черно-бурой лисицы.

— Я уж знаю, что сделать с денежками, если они мне достанутся, — говорил один.

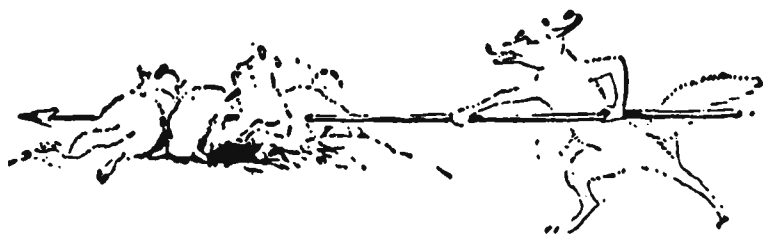
— А ведь недурно было бы за один день охоты заработать денег на выкуп всей нашей фермы! — замечал другой.

— Ну уж я обзаведусь парой хороших лошадей за эту черную шкурку, — мечтал третий.

Джуксы не принимали участия в этой затее: у них не пропало ни одной овцы, да, кроме того, они были не в ладах с Бентонами. Абнер Джукс вдобавок был занят на другой охоте, и его Гекла, конечно, тоже не разделяла забот врагов своего хозяина.

Американские фермеры, охотясь на лисиц, стараются убить лису, не портя ее шкурку. Поэтому обычно человек двадцать берут с собой всего одну свору. Такова была и охотничья компания, выступившая в поход в одно мартовское утро.

Обычно лисы роют каждый год новую нору, но иногда они возвращаются и в старую, если она оказалась спокойным убежищем, оставившим приятные воспоминания. В осиновой ложбинке еще никто не заметил жилища Домино и Белогрудки благодаря их неустанной осторожности, и потому в марте они снова принялись приводить в порядок

свою старую нору и готовить ее для вновь ожидавшегося прибавления семейства.

Решив устроить тут свой дом, они старались не привлечь к этому месту внимания врагов. Они приходили и уходили с величайшими предосторожностями и охотились только вдаль от дома.

Когда началась облава, Белогрудка бродила в верховьях реки. Собаки тотчас напали на ее след, подали голос и пустились вдогонку. Обычно фермеры не пытаются скакать за собаками. Они рассыпаются в начале охоты по высоким местам с хорошим кругозором и, определив по лаю собак направление гона, спешат занять господствующие над местностью позиции и узкие долинки между холмами, чтобы стрелять в лису, когда она будет пробегать мимо.

Услышав лай собак, охотники взобрались на самые высокие наблюдательные пункты, чтобы определить, куда собаки гонят зверя, и затем занять ту позицию, которая наиболее выгодна для обстрела.

Заслышав приближающийся собачий лай, Белогрудка тотчас же сообразила, в чем дело, и пустилась вниз по долине Бентонского ручья. Перебегая несколько раз по сваленным стволам то на тот, то на другой берег ручья с верным расчетом задержать этим собак, она помчалась во всю прыть, чтобы подальше уйти от собак и дать остыть своему следу. В сухой день след ее, вероятно, был бы совершенно потерян. Но, на ее несчастье, в этот день дул теплый ветер, снег лежал глубокий и сильно таяло. Ручей превратился в шумящий поток, снег был рыхлый, и лисица проваливалась на каждом прыжке. Собаки пошли по горячему следу. Их длинные лапы давали им большое преимущество перед лисцей.

Белогрудка бежала все тише, и выигранное ею вначале расстояние стало заметно уменьшаться. Пока она еще не

попалась никому из стрелков, но было ясно, что долго ей не выдержать. По мере того как пригревало солнце, снег делался все мягче, и постепенно хвост ее стал опускаться.

Хвост для лисицы поистине может представлять большую опасность, и положение его служит показателем ее силы. Сильная, храбрая лиса во время преследования поднимает свой хвост. Когда она падает духом, хвост опускается, причем в сырую, снежную погоду он намокает и никнет еще больше. Потом он начинает волочиться по земле, пропитывается водой и слякотью и превращается в тяжелый якорь, который лишь ускоряет печальный конец. Поэтому мужественный зверь выживает дольше, а слабый духом падает на пути.

У Белогрудки не было недостатка в храбрости, но снег был очень мокрый и глубокий, а она к тому же через несколько дней ожидала появления новых малюток. Неудивительно, что при таких условиях она наконец отчаялась. В это время ей опять пришлось перебираться через разлившийся ручей по тонкому деревцу. Она поскользнулась и упала в воду. Конечно, она скоро выбралась на берег, но теперь вся ее шерсть намокла и дело было совсем плохо. Всякая надежда, казалось, погибла. Добравшись в изнеможении до следующего холма, она, полная отчаяния, громко закричала. Этот крик был услышан: в ответ раздался уверенный, короткий лай, и Домино, сильный и отважный, вылетел ей навстречу. Белогрудка не могла рассказать ему о своей беде, да в этом не было и надобности. Он и без того все понял и поступил так, как может поступить лишь самый лучший, благороднейший друг: он взял всю опасность на себя и пошел по ее следу навстречу гнавшимся за ней собакам. Это не значит, что он решил пожертвовать собою, — нет, он просто чувствовал в себе достаточно сил, чтобы перехватить свору и увлечь ее далеко в сторону. Пока псы будут гоняться за ним, Белогрудка спокойно уйдет к себе домой.

XIX Испытание мужества

Домино пробежал навстречу своре около полумили и остановился. Теперь свора была очень близко, шагах в трехстах. Она быстро приближалась, и вот уже всего двести ша-

гов отделяли ее от лиса, а он все еще стоял. Наконец он повернулся и стал уходить обратно, держась пока следа Белогрудки. Однако он все еще не спешил. Чего ради? Может быть, для того, чтобы своими глазами убедиться, куда бегут собаки, или, может быть, для того, чтобы они его увидели. И вот они увидели друг друга. Собаки залились оглушительным лаем, оставили прежний след и пустились за лисом, который быстро исчез. На том месте, где он стоял, они почуяли запах другой лисы и, надо отдать им справедливость, тотчас же поняли, что оставляют след самки и идут за сильным самцом. Однако природный инстинкт подсказал им, что именно так и следует поступить.

Домино сначала уходил медленно, желая убедиться, что собаки идут за ним. Он даже показался им еще раз и окончательно удостоверился, что погоня направилась за ним. Тогда он быстро повел свору далеко в сторону от той дороги, по которой шла домой его подруга.

Когда Домино перебежал открытое пространство, его заметили в бинокль охотники, и дикая радость обуяла их, когда они увидели, что собаки подняли черно-бурого лиса. Фермеры хорошо знали местность, им были известны все проходы. Раздался громкий выстрел, и Домино почувствовал жгучую боль: одна дробишка попала ему в бок, причинив неглубокую, но болезненную рану. Черный лис не видел охотников, но теперь он уже знал, с кем имеет дело.

Можно было предположить, что Домино непременно пересечет какую-нибудь долинку, но он понимал, что на этот раз ему нужно во что бы то ни стало держаться возвышенностей. Через три мили он круто свернул в поле и шесть миль бежал по линии железной дороги. Пробежав целую милю за стрелку и оставив собак далеко позади, он по рельсам вернулся обратно к стрелке и оттуда направился по боковой ветке в сторону. Сделав порядочный крюк, он безбоязненно повернул домой, усталый, с ноющей раной, но по-прежнему неся высоко свой хвост, как подобает победителю.

Он пересек всю местность в верховьях Шобана и, голодный, направился в лес, чтобы отыскать там спрятанную про

запас пищу, как вдруг услышал звуки, от которых сердце его тревожно забилося. Обогнув холм, он увидел свору собак — другую, свежую свору, по крайней мере штук тридцать, с дюжиной следовавших за ними верхом охотников. Дикий лай псов, несомненно, показывал, что они напали на его след и шли за ним. В другое время для Домино, пожалуй, было бы нетрудно уйти от такой своры собак, но теперь силы были неравны.

Он был утомлен и голоден, лапы у него были натружены многочасовой гонкой, а рана горела, — он жаждал отдыха. Охота эта была настоящая, без ружей: охота ради травли, а не ради шкуры. И кто упрекнул бы черно-бурого лиса за то, что на этот раз он пустился от преследователей хотя и быстро, но без того увлечения, с которым мчится бегун, уверенный в победе?

Домино плохо знал эти холмы, находившиеся далеко от обычно посещаемых им мест. А знакомые холмы остались в нескольких милях позади, и между ними сидели охотники с ружьями, которые были бы только рады воспользоваться помощью свежей своры собак. Никогда еще Домино не проявлял так мало хитрости, убегая от преследователей, как в этот раз, но никогда еще он не напрягал так все свои силы и не бежал так быстро. Час за часом он все скакал и скакал с одного холма на другой.

Но солнце продолжало пригревать и превратило в слякоть весь снег в лесах. Все канавы были полны холодной, как лед, водой. Все ручейки разлились. Даже на твердом льду выступили лужи, и пышный хвост лиса — знамя его мужества — был теперь забрызган водой и грязью и начал опускаться от собственной тяжести.

Домино знал, что и теперь он мог еще загнать собак до изнеможения, как это было прежде, но все же на этот раз он жаждал ночи. Ночь принесет мороз, а мороз принесет твердую кору на снегу. Вот тогда он мог бы быть совершенно спокоен за свою судьбу.

Пока, однако, он все еще продолжал нырять между холмами. Его беспримерная быстрота сократилась теперь наполовину, но и собаки тоже начали выбиваться из сил. Снег

и разлившиеся ручьи утомили и охотников. Только двое из них еще продолжали гнаться за лисом — хозяин собак и высокий юноша по имени Абнер Джукс. Лишь ему было известно, что лисица, которую они травят, и есть знаменитый голдерский черно-бурый лис.

Все-таки преимущество было на стороне собачьей своры, которая приближалась. Домино уже не мог сдвоить след, и самым благоразумным оставалось бежать прямо. Он и бежал вперед, вперед, но все тише и тише, все более короткими скачками, начиная задыхаться. Так он миновал одну ферму, другую и вдруг у ворот третьей увидел девочку с корзинкой.

Неизвестно, что побуждает иногда дикое животное в отчаянии искать защиты у человека. Но голдерский лис кинулся, ослабевший, к девочке и прижался к ее ногам. Та схватила его, втащила в дом и захлопнула дверь перед самым носом осатаневшей своры.

Собаки прыгали и бешено лаяли вокруг дома.

Прискакали охотники, пришел и хозяин фермы.

— Он наш, он принадлежит нашим собакам. Они загнали его сюда, — сказал главный охотник.

— Он в моем доме, и он мой, — возразил фермер, совершенно не узнавая черно-бурого лиса в забрызганном, выпачканном красной глиной беглеце.

Хотя у фермера также пропадали куры, овладеть лисицей он не особенно стремился, так как шкура зверя казалась теперь совершенно испорченной и потерявшей всякую ценность.

— Ну, так и быть, получайте вашего лиса, — сказал он наконец охотнику.

Но тут девочка заплакала.

— Не отдавай, не отдавай его, он мой! — кричала она. — Он сам прибежал ко мне. Не смейте убивать его!

Фермер заколебался.

— Мы поступим с ним честно, — сказал успокоительно охотник. — Мы дадим ему убежать вперед дальше, чем он был, когда мы его нагнали здесь.

Фермер поспешил уйти, чтобы не видеть происходящего. Он, пожалуй, забыл бы бедного, загнанного зверя, искавшего убежище в его доме, но он не в состоянии был забыть детских криков, звеневших у него в ушах: «Не смейте, не

смейте! Он мой! О папа, папа! Они убьют его! Папа, папочка!»

И не у одного только отца этот отчаянный детский вопль оставил в сердце глубокий след.

XX Река и ночь

Но охотники все-таки унесли Домино, отпустили и дали отбежать на «законную» четверть мили. Это они называли «поступить честно» — выпустить три десятка сильных собак на одну измученную лису! Долина снова огласилась лаем. Опять Домино поскакал по глубокому мокрому снегу, и вначале ему удалось уйти далеко вперед.

Он пробежал длинную долину Бентонского ручья, миновал склоны холмов, перебрался через их вершины и направился уже обратно, как вдруг со двора одной фермы выскочила все та же ненавистная Гекла и присоединилась к гнавшейся за ним своре. Высокий охотник приветствовал ее появление дружеским криком. Как мог теперь спастись Домино, когда враги его получили третье свежее подкрепление? Оставалась только одна надежда: близость ночи, если только она будет морозная.

Но вечером ветер стал еще теплее. Воды Шобана, над которым целый день дул теплый ветер, неслись теперь к западу могучим, широким потоком, до краев наполняя долину и с треском увлекая с собой массу разбитого льда.

Солнце садилось вдалеке над водной гладью, и этот пылающий закат был великолепен, как блестящий конец благородной жизни. Но ни собаки, ни охотники не остановились, чтобы полюбоваться им: они спешили все вперед и вперед.

Собаки дышали тяжело, языки у них свисали до земли и глаза были красны. Далеко впереди всех мчалась свежая собака — нежданно-негаданно появившееся чудовище, а перед ней неся черно-бурый лис. Но теперь пышная шуба его была вся в грязи, роскошный хвост, намокший в слякоти, волочился, а стертые до живого мяса лапы оставляли за собой кровавые следы.

Домино никогда еще так не уставал. Теперь ему представилась возможность достигнуть тропинки, ведущей на ка-

менный карниз. Но возле этой тропинки был его дом, а неутомимый инстинкт всегда говорил ему: «Туда нельзя». Однако в последнюю минуту, побуждаемый отчаянием, он устремился к этому месту, как единственному оставшемуся ему выходу. Собрав последние силы, он понесся по берегу могучего Шобана. На короткое время ему удалось вернуть свою прежнюю быстроту, и он был бы спасен, если бы не эта проклятая громадная собака, далеко опередившая всех псов.

Когда Домино уже приближался к скале, Гекла залаяла. Домино узнал страшный, металлический голос собаки, и трудно сказать, сколько силы и быстроты отнял у него этот звук. Теперь он был отрезан от скалы и принужден бежать обратно по берегу реки вдоль шумно несшейся воды, освещаемой заревом заката. Всякая надежда пропала, но Домино все-таки продолжал бежать, и его фигурка, слабо мечущаяся из стороны в сторону, по-прежнему чернела впереди. Он был чуть жив от усталости, но все еще боролся за жизнь.

Высокий охотник — теперь уже единственный — подскакал ближе. Зная, что лисице пришел конец, он не мог оторвать глаз от двух темных пятен, двигавшихся на ослепительно ярком снегу, озаренном заходящим солнцем.

Торжествующий лай собачьей своры раздавался в ушах несчастной жертвы. Домино изнемогал. Пышный хвост, его краса и гордость, уже не реял в воздухе, а волочился по земле, мокрый и тяжелый, затрудняя и без того медленный бег. Собаки, видя близкую победу, мчались вслед, лая как бешеные.

Домино бежал теперь, увы, по косе, которая полуостровом вдавалась в реку и, следовательно, была западной. Река обманула его. Собачья свора настигала лиса; впереди всех со злобным, глухим лаем мчалась Гекла, первая отрезавшая ему всякое отступление. Все было видно как на ладони: большая прибрежная отмель, усеянная бегущими лающими собаками, и широкая река с несущимися по ней льдинами. И сзади и впереди — везде верная смерть. Слабый тут пал бы духом и погиб, но сильный продолжал держаться, несмотря ни на что.

Воющая свора с Геклой во главе уже достигла начала косы и быстро неслась по ней. С бешеным ревом мчалась река мимо поросшего

осиной берега. Собаки усеяли берег, как льдины усеяли реку. Все теснее набегали льдины и наконец, столкнувшись в одну сплошную массу, на минуту с треском коснулись берега. И тут Домино сделал то, на что решилась бы далеко не всякая лисица. Он оглянулся на собак, глянул на льдины и... прыгнул. Очутившись на льду, он потихоньку стал перескакивать с льдины на льдину.

Но тут ледяной затор рухнул и, оторвавшись, поплыл далее. Между льдом и берегом образовалась полоса черной воды, которая становилась все шире. На самой дальней льдине, как на белом седле, покрывающем темную спину потока, стояла, изогнувшись, черная лисица. Свора с воем бессильной ярости остановилась на берегу, но Гекла, не помня себя, бросилась к краю ледяной гущи как раз в ту секунду, когда оторвавшийся лед уносил ее жертву. Река, неудержимая, неумолимая, быстро отделила от берега и ту льдину, на которой стояла собака. Так обе они — гонимая лиса и гонительница собака — понеслись навстречу своей гибели. Они плыли по реке, освещенные заходящим солнцем, а по берегу за ними следовали собаки и юноша-охотник верхом на лошади.

Какой-то фермер из другой охоты, случившийся тут, прицелился было в лисицу, но юноша вышиб ружье из рук глупца и невольно крикнул: «Ура!» Крик замер, оставив свору в недоумении.

У поворота реки льдины достигли быстроты — длинного, ровного пространства воды перед тем местом, где река низвергается, образуя Харнейский водопад. Юноша и собаки остановились, смотря на пылающий закат и на озаренную пурпуром реку, покрытую блестящими льдинами, уносившими в гаснущее сияние два живых существа. Туман стал сгущаться над бурлящей рекой, и последние прорвавшиеся сквозь него лучи солнца ярко позолотили и реку, и лед, и черно-бурую лисицу, а затем огненное зарево заката скрыло все из глаз.

Бестрепетно гибнущий смельчак на дальней льдине не издавал ни звука, но ветер донес жалобный вой собаки, в котором слышался ужас смерти.

— Прощай, дружище! — сказал молодой охотник. — Прощай, моя славная собака! — Голос у него осекся. — Прощай, черно-бурый лис! Ты жил победителем, и ты умираешь победителем. Мне хотелось бы спасти вас обоих, но вы погибаете славной смертью. Прощайте!

Абнер уже не мог ничего больше разглядеть, а собаки стояли на берегу, дрожали и скулили.

У противоположного берега течение образовало широкий водоворот. Крутясь в водовороте, льдины, находившиеся у берега, постепенно выплывали на середину реки, а льдины с середины реки подошли совсем близко к берегу. Воспользовавшись благоприятной минутой, Домино собрал все свои силы и прыгнул на берег. Он благополучно перескочил через черный поток и очутился снова на твердой земле. Река, выручавшая лиса из беды в юности, спасла его и теперь.

А позади, среди несущихся льдин, раздался протяжный, отчаянный вой погибающей собаки. Но его заглушил шум воды.

Если бы не маленький камешек, мой рассказ никогда не был бы написан.

Этот камешек лежал на дороге в Дакоте и в одну жаркую темную ночь попался под ноги лошади, на которой ехал пьяный пастух Джек. Пастух соскочил на землю, чтобы посмотреть, обо что споткнулась лошадь. Спьяну он выпустил поводья из рук, и лошадь умчалась в темноту. Пастух Джек понял, что лошади ему не догнать, улегся под кустом и захрапел.

Золотые лучи утреннего летнего солнца дрожали на вершинах деревьев. По дороге, идущей вдоль Верхнего ручья, пробиралась старая самка шакала. В зубах она несла кролика на завтрак для своих детенышей.

С давних пор скотоводы этой местности вели ожесточенную войну с шакалами. Капканы, ружья, яд и собаки почти совсем уничтожили шакалов, а те немногие, что остались в живых, научились остерегаться на каждом шагу.

Поэтому старая самка шакала скоро свернула с проезжей дороги: все места, где ступала нога человека, грозят шакалу гибелью. Самка шакала прошла по краю невысокой гряды холмов, потом перебралась через кусты остролистника, озабоченно внюхалась там в выветрившийся уже запах человеческих следов и побежала к другой гряде холмов. Здесь на солнечной стороне была пещера, где жили ее детеныши. Около пещеры она осторожно покружила, сделала несколько прыжков в разные стороны, потянула носом воздух.

Запах, грозящих опасностью, она не почуяла. Успокоенная, она приблизилась ко входу в свое жилье и тихо фыркнула.

Из пещеры, около которой рос куст шалфея, выскочила целая куча маленьких шакалов, прыгавших друг через друга. Отрывисто лая и визжа, точно щенята, они накинулись на завтрак, принесенный матерью. Они пожирали мясо, вырывая его друг у друга, а мать смотрела на них и радовалась.

Пастух Джек проснулся на восходе солнца. Он успел заметить самку шакала в ту минуту, когда она перебиралась

через холм. Как только она исчезла из виду, он вскочил на ноги, дошел до вершины холма и увидел оттуда всю веселую семью.

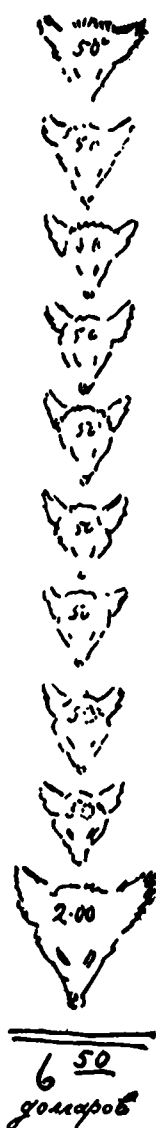
Пастух Джек смотрел и думал о том, что за каждого убитого шакала можно получить хорошую денежную награду. Налюбовавшись, он вытащил свой большой револьвер и прицелился в мать. Грянул выстрел, и она упала мертвая.

Маленькие шакалы в ужасе спрятались в свое логово, а Джек завалил камнями вход в пещеру и ушел. Пленники были и визжали в темноте.

Весь день они просидели в темной норе, удивляясь, почему мать не приходит кормить их. Уже под вечер они услышали шум у входа, и в норе опять стало светло. Они побежали навстречу матери, но это была не она. Два каких-то чудовища разрывали вход в их жилье.

Примерно через час люди добрались до конца пещеры и тут, в самом дальнем углу, нашли мохнатых светлоглазых детенышей, сбившихся в один пушистый комок. Сильным ударом лопаты приканчивали они беспомощных и дрожавших от ужаса зверьков и одного за другим кидали в мешок.

Каждый звереныш вел себя перед смертью по-своему. Одни из них визжали, другие рычали, когда их вытаскивали из норы. Двое или трое попробовали даже кусаться.

Когда люди убили шестерых, они заметили в глубине пещеры седьмого, последнего зверька. Он лежал совсем тихо, с полужакрытыми глазами. Вероятно, ему казалось, что так его не заметят. Один из людей поднял его, хотел было прикончить, но вдруг, неожиданно для себя самого, пожалел.

— Джек, — сказал он, — если этот еще жив, возьмем его на ферму. Я его подарю ребятам. Пусть возьмется с ним, как со щенком. Если тебе жалко потерять полдоллара за шкуру, я тебе верну его когда-нибудь потом.

— Ладно, как хочешь, — вяло ответил Джек, вытирая о землю окровавленную лопату.

Итак, последний детеныш живым попал в мешок, где лежали его мертвые братья. Даже в мешке он не ворочался и не визжал.

После долгой тряски мешок открыли, зверька вытащили — и он очутился перед целой толпой детей.

— Собачка! Собачка! — весело кричали они. — Почему она такая маленькая, а голова у нее такая большая? Почему у нее такая острая морда?

Мексиканец, который был в это время на ферме Чимни-Пот, объяснил детям, что это не собака, а «койотито» — маленький койот, степной шакал.

Звереныша стали звать Койотито, а потом, для краткости, просто Тито.

II

Оказалось, что это самка. Она была хорошеньким маленьким зверьком с пушистой шерстью. С виду она была похожа на щенка, но для игры с ребятами не годилась.

Тито ела все, что ей давали, но ни с кем не дружила и никогда не выходила на зов из своей конуры. Она боялась людей потому, что они были с ней грубы и часто вытаскивали за цепь, если хотели ее видеть. Тогда она страдала молча, а иногда прикидывалась мертвой.

Среди детей фермера был тринадцатилетний мальчик Линкольн. Впоследствии он стал похож на своего отца, доброго, мужественного и умного человека, но в то время он был беспощаден и жесток.

Подобно всем своим товарищам, Линкольн мечтал сделаться пастухом и поэтому все время учился бросать лассо — длинный кожаный аркан для ловли животных. Но ловить ему было некого. Набрасывать лассо на столбы и пни очень скучно. Ловить братьев и сестер ему запрещали. Собаки удирали от него, как только видели его с арканом в руках. Оставалось охотиться на Тито. Несчастливая жертва

скоро поняла, что спасение можно найти только в конуре. Стоило ей выйти наружу, как на нее со свистом летела петля. Тито припадала к земле и таким образом избавлялась от аркана.

Но когда Тито настолько наловчилась, что поймать ее стало невозможно, жестокий мальчишка придумал новое развлечение. Он достал большой капкан для лисиц, врыл его в землю у самой конуры и сверху прикрыл разными объедками. Через некоторое время Тито, привлеченная запахом пищи, осторожно подкралась к приманке и одной ногой по-

пала в капкан. Мальчик наблюдал за нею из укромного местечка. Он издал боевой индейский клич и бросился к ней. Он накинул на Тито свое лассо и с помощью младшего брата, своего способного ученика, высвободил ее из капкана прежде, чем старшие открыли его проделку.

Два-три подобных опыта внушили Тито смертельный страх перед капканами. Она скоро научилась узнавать запах стали и избегала капканов, несмотря на то что Линкольн чрезвычайно искусно закапывал их в землю.

Тито сидела на цепи. Однажды цепь распалась, и Тито попыталась бежать. Нерешительными шагами вышла она из своей конуры, волоча за собой цепь. Но один из рабочих увидел Тито и выстрелил в нее мелкой дробью. Ожог и неожиданная боль заставили ее сейчас же вернуться в единственное убежище — конуру.

Тито снова посадили на цепь. Теперь Тито знала, что следует бояться не только капканов, но и ружей.

Скоро она узнала, что есть и другие опасности.

Линкольн не раз слышал от взрослых, что шакалов часто уничтожают отравой. Ему пришло в голову проделать опыт над Тито.

Добыть стрихнин* было трудно — взрослые его слишком тщательно прятали. И вот Линкольн достал крысиной отравы и дал ее Тито в куске мяса. Стоя у конуры, он спокойно ждал, чем кончится его опыт, как профессор химии, приступающий к новому исследованию.

Тито понюхала мясо. Всякую вещь необходимо прежде всего проверить носом. Носу пища показалась подозрительной — он различал в ней три запаха: мяса, человеческих рук и еще чего-то незнакомого. Так как это незнакомое не пахло ни капканом, ни порохом, Тито решила съесть мясо. Но через несколько минут после того, как она проглотила кусок, у нее сильно заболел живот, а потом с ней сделались судороги. Сильным напряжением воли она заставила себя отрыгнуть отравленное мясо.

* Стрихнин — сильный яд, которым пользовались для истребления хищных животных.

После этого она с жадностью набросилась на какую-то траву и проглотила несколько стебельков. Не прошло и часа, как она совсем поправилась.

Линкольн закатил ей такую дозу яда, которая могла бы убить целую дюжину волков. Если бы он дал ей меньше, она, вероятно, почувствовала бы боль в желудке слишком поздно и не успела бы отрыгнуть отраву.

С того времени Тито навсегда запомнила особенный запах крысиной отравы, от которой бывает так больно.

Кроме того, Тито научилась пользоваться травами — целебным средством, которое природа почти повсюду заготовила для нее. С тех пор как только она чувствовала боль, она бросалась искать траву.

Спустя некоторое время один родственник прислал в подарок Линкольну бультерьера. Собака доставила много радости Линкольну и много горя шакалу. Мальчик постоянно натравливал на Тито свирепого бультерьера. Тито еще тверже запомнила, что в случае опасности лучше всего тихо и скромно лежать на земле.

Но не думайте, что Тито всегда была тиха и скромна. Она научилась огрызаться. Она охотилась на цыплят, бродивших по двору. Притворяясь спящей, она незаметно следила за ними и, когда они подходили к самой конуре, внезапно набрасывалась на них и хватала самого неосторожного цыпленка.

В довершение всего, она раздражала людей своим пением: пела она по утрам и по вечерам.

За эту страсть ее много раз били. Как только хлопнет дверь или форточка, Тито переставала петь и удирала в конуру. Она знала, что вслед за стуком в нее полетит палка, или камень, или заряд мелкой дроби. С каждым днем все больше рос ее ужас перед людьми и ружьями.

Почему она любила петь, никому не известно. Песня ее состояла из отрывистого лая и жалобных воплей. Все собаки сочувственно отвечали на ее пение, а однажды даже дикий шакал отозвался из-за далеких холмов. Обычно Тито пела в сумерках и на заре, но иногда и в лунную ночь она заливалась воем, заслышав какой-нибудь внезапный шум.

В самой глубине своей конуры Тито запрятала маленькую кучку костей, а перед конурой зарыла в землю несколько кусков мяса. Это были запасы на случай голодовки. Она прекрасно помнила, где лежат ее сокровища.

Если она замечала, что люди узнавали, где зарыты ее запасы, она при первой возможности зарывала их в другое место.

Прошел год с тех пор, как Тито попала в неволю. За это время она совсем выросла и приобрела много опыта, за который ее дикие сородичи нередко расплачивались жизнью.

Тито познакомилась с капканами и ружьями и научилась бояться их. Она навсегда запомнила, как пахнет ядовитая приманка и что надо делать, если нечаянно проглотить отравленное мясо. Она поняла, что ее вечерние и утренние песни должны быть как можно короче. Она научилась ненавидеть и бояться собак. А тверже всего она запомнила правило: когда опасность близка, припни к земле, ничего не делай и не шевелись, чтобы тебя не заметили.

Тито была уже взрослой, когда хозяин фермы купил двух чистокровных борзых. Он думал с их помощью истребить последних шакалов, которые еще нападали на стада в окрестностях фермы.

Для того чтобы испытать своих новых борзых, он решил натравить их на Тито. Ее посадили в ящик и вывезли в степь. Там ее выпустили на свободу и сейчас же вслед за ней спустили с цепи борзых. Тито помчалась со всех ног, подгоняемая криками людей и лаем собак. Борзые летели следом. Спасения для Тито не было. Через минуту собаки должны были настичь и разорвать ее. Но вдруг Тито остановилась, повернула и пошла навстречу собакам, приветливо помахивая хвостом.

Борзые — совсем особенные собаки. Они готовы загрызть всякого, кто бежит от них. Но тот, кто не убегает, а спокойно глядит им в глаза, сразу перестает быть для них врагом.

Так случилось и теперь. Разогнавшиеся борзые промчались мимо Тито, но сейчас же вернулись, смущенные. Фермеры тоже были смущены. Маленькая, смелая самка шакала оказалась хитрее всех.

Тито снова загнали в ящик и отвезли на ферму.

На другой день фермеры решили повторить свой опыт, но на этот раз к борзым присоединили свирепого бультерьера. Как и на-

кануне, Тито смутила борзых своей хитрой уловкой. Но бультерьер не был так вежлив, как борзые. Он ловко схватил Тито за шею, покрытую густой шерстью, и стал трясти изо всех сил. Через несколько мгновений Тито неподвижно лежала на земле. Фермеры стали расхваливать храброго бультерьера, а борзые в это время шныряли кругом, растерянные и недоумевающие.

Все думали, что Тито околела. Один англичанин, приехавший поглядеть, как травят шакала, попросил позволения взять себе на память хвост «этого странного животного». Ему разрешили. Он поднял Тито за хвост и одним ударом ножа отрубил у нее половину хвоста. Тито грохнулась наземь с пронзительным визгом и сейчас же кинулась бежать. Оказалось, что она все время только притворялась мертвой. Теперь, обезумев от боли, она помчалась во всю прыть через заросли кактуса и шалфея.

Для борзых убегающее животное — враг, которого нужно во что бы то ни стало настичь. Тонконогие борзые и белогрудый бультерьер стремительно бросились в погоню. Но, на счастье, дорогу собакам перерезал кролик. Потеряв Тито из виду, борзые кинулись за кроликом, который тоже скоро исчез в норе суслика. Так и Тито, и кролик были спасены.

Тито чувствовала себя прекрасно, хотя обрубок хвоста все еще сильно болел. Она быстро бежала вперед, скрываясь в кустах и в ложбинах, пока не нашла надежное убежище среди холмов.

У каждого дикого животного есть три источника познания. Первый источник — это опыт предков, инстинкт, переданный ему по наследству. Этот опыт накопился у целого ряда поколений за долгие века борьбы с опасностями. Второй источник познания — пример родителей и других взрослых животных той же породы. Детеныш перенимает обычаи и повадки своего племени. Третий источник познания — собственный опыт.

Наследственный инстинкт не всегда помогает животному, так как он недостаточно изменчив и подвижен, а условия жизни постоянно меняются. Пример взрослых тоже не может научить детеныша всему необходимому. А третий источник знаний плох тем, что личный опыт всегда приобретается слишком опасным путем.

Тито училась жизни не так, как ее сородичи. Собственного опыта она приобрела гораздо больше, чем другие молодые шакалы, но зато она никогда не видела примера старших и поэтому не умела добывать себе пропитание охотой.

Теперь она очутилась на воле. Спасаясь от погони, она только один раз присела, чтобылизать окровавленный об-

рубок хвоста. Она бежала и бежала, пока не наткнулась на поселок сусликов.

Тито попробовала поохотиться. Множество сусликов сидело у своих нор и глядело на непрошеную гостью, но все они мигом исчезли, едва только Тито приблизилась к ним. Напрасно металась она из стороны в сторону.

Тито так и осталась бы голодной, если бы ей не удалось поймать в траве на речном берегу двух полевых мышей.

Но через несколько дней Тито уже знала, как добывать еду. Мышей, кроликов, сусликов, ящериц кругом было много.

С каждым днем Тито охотилась все хитрее и удачнее. Раз два видела она за это время людей с собаками. Всякий дикий шакал начал бы на ее месте вызывающе лаять или взобрался бы на холм, чтобы оттуда следить за врагами. Но Тито понимала, что это глупо и опасно. Она только ложилась на землю и замирала. Если бы она бросилась бежать, она неминуемо привлекла бы внимание собак. Так опыт, ко-

торый она приобрела на ферме, спасал ее от смертельной опасности.

Шакалы славятся быстротой бега. Шакал не верит, что на свете есть животное, которое может догнать его, — он обыкновенно только играет со своими преследователями. Но когда его преследуют борзые, эта игра кончается плохо для шакала. Он слишком поздно сообщает, что ему нужно бежать от этого врага всерьез.

Тито выросла на цепи и совсем не умела бегать. Поэтому у нее не было основания доверять своим ногам. Она жила, полагаясь только на свой опыт, и это было для нее спасением.

В течение всего лета Тито оставалась у реки Малой Миссури. Она продолжала учиться охотничьим хитростям и уловкам. Если бы она выросла на воле, она изучила бы эти приемы еще до того, как у нее выпали молочные зубы.

Она старалась держаться как можно дальше от ферм и пряталась, как только чуяла запах человека или незнакомого животного.

Тито провела лето в полном одиночестве. Днем она не чувствовала себя одинокой, но, когда солнце заходило, ее охватывало непреодолимое желание петь.

Песню свою выдумала не она сама. С незапамятных времен все шакалы выражали свои чувства в этих диких звуках, в которых чувствуешь и самого шакала, и равнину, его породившую. Когда один шакал начинает петь, это так же действует на остальных, как звук трубы или барабана на солдат или воинственный гимн — на индейцев. Всякий шакал, где бы он ни вырос, отвечает на ночную песню. Они поют ее после заката солнца и при восходе месяца. На рассвете степные волки поют самую громкую и волнующую песню:

У-я-яя-оо-оо-о-у...

И опять и опять повторяется этот дикий напев. Человеку он кажется однообразным только потому, что он не может различить отдельные звуки, — точно так же, как шакал не различает слов в песне пастуха.

Тито по врожденной привычке пела эти песни в положенное время. Но печальный опыт научил ее петь коротко и

глухо. Несколько раз она слышала далекий ответ своих со-
родичей, но сейчас же смущенно замолкала и быстро пере-
селялась в другое место.

Однажды, бродя вдоль берегов Верхнего ручья, она на-
ткнулась на след: очевидно, здесь волокли кусок мяса. Запах
был необыкновенно привлекателен, и она пошла по следу.
Внезапно Тито натолкнулась на кусок мяса. Она была го-
лодна — теперь ее почти всегда мучил голод. Искушение
было велико, и, несмотря на то что запах был совсем осо-
бенный, она проглотила мясо. Но уже через несколько се-
кунд она почувствовала ужасную боль. Воспоминание об от-
равленном куске, который ей подсунул мальчик на ферме,
было еще свежо. Дрожащими, покрытыми пеной челюстями
она схватила несколько стебельков травы и, изрыгнув отрав-
ленное мясо, упала в судорогах на землю.

Этот кусок мяса подбросил Джек. Он нарочно волочил
его по земле, чтобы след привел шакала к отраве. Все это
проделал он накануне, а утром, проезжая по мосту через
реку, издалека увидел бьющуюся в судорогах Тито. Он сей-
час же догадался, что яд подействовал, и быстро подъехал к

своей жертве. При стуке лошадиных копыт страшным уси-
лием воли Тито вскочила на ноги. Джек схватил револьвер
и выстрелил, но только напугал ее. Тито попробовала бе-
жать, но ее задние ноги отнялись. Она собрала все свои силы
и кинулась вперед, волоча обе задние ноги.

Если бы она осталась неподвижной, она умерла бы че-
рез несколько минут. Но выстрелы и приближение человека
внушали ей отчаянную решимость. Она продолжала бороть-
ся с собственным бессилием. Омертвевшие нервы ее ног на-
прягались от этих усилий и должны были уступить воле.
Каждый выстрел из револьвера придавал Тито все больше и
больше энергии. Новое дикое усилие — и одна нога ста-
ла слушаться, еще несколько мгновений — ожила и другая.

И Тито легко понеслась вдоль извилистого берега, не обращая внимания на ужасную боль, все еще сводившую ее внутренности.

IV

Если бы Джек на этом прекратил свое преследование, она бы, наверно, все-таки легла на землю и тогда бы неминуемо умерла. Но он скакал вслед за ней и посылал ей вдогонку выстрел за выстрелом, пока наконец, на второй миле, Тито не перестала чувствовать боль. Враг принудил ее прибегнуть к единственному действительному средству — к сверхъестественному напряжению сил, которое заставило ожить отнявшиеся ноги. Так Джек спас Тито.

Новые сведения, которые Тито почерпнула из приключений этого дня, сводились к следующему: странный запах этого мяса влечет за собой смертельные муки. Она никогда не забывала этого и с тех пор всегда узнавала стрихнин.

К счастью, когда охотятся с капканами или отравой, не пускают в дело собак, ибо собаки сами могут попасться в капканы или отравиться стрихнином. Если бы в преследовании Тито участвовала хоть одна собака, наша история была бы окончена.

С приближением осенних холодов Тито сделала большие успехи. Теперь она всеми своими привычками походила на обыкновенного дикого шакала и смелее пела свою вечернюю песню.

Однажды лунной ночью, услышав ответ, она отозвалась на голос своего сородича и скоро увидела крупного темного шакала. Он осторожно двигался к Тито. Грива Тито поднялась дыбом. Она припала к земле и стала выжидать. Незнакомец решительно приближался. Втягивая носом воздух, он направлялся прямо по ветру к ней. Затем он обошел вокруг нее так, чтобы и она могла почуять его запах, и приветливо замахал хвостом. Такое поведение было ясным выражением дружбы. Тито поднялась, помахала обрубок своего хвоста, и знакомство состоялось.

Пришелец оказался очень крупным шакалом, почти вдвое больше Тито, а темная полоса на его спине была так широка и черна, что пастухи

прозвали его Оседланным. С этого времени новые друзья стали жить большей частью вместе. Это не значит, что они всегда были друг около друга. Нет, иногда в течение целого дня их разделяло несколько миль. Но с приближением ночи один из них всегда взбирался на какой-нибудь холм и запевал громко:

Яп-яп-яп йоу-оу-ууу-ууу-ууу

После этого они встречались в ближайшем убежище. Оседланный был сильнее Тито, но она была образованнее и умнее и скоро сделалась вожакom; не прошло и месяца, как сначала один шакал, а потом еще два присоединились к ним и стали членами этого свободного союза.

Маленькая, с обрубленным хвостом самка шакала обладала редкими знаниями, которых не доставало другим шакалам. Тито знала, как бороться с хитростями людей. Скоро шакалам стало ясно, что ее способ охотиться был наиболее успешным, потому что, когда они шли без нее, им большей частью не везло.

У одного соседнего фермера было двадцать овец. Стадо стерегла громадная свирепая собака. Однажды зимой два шакала попробовали напасть на это стадо, но дело кончилось тем, что овчарка потрепала их.

Несколько дней спустя стадо в сумерки возвращалось домой. До сих пор никто не знает в точности, как Тито устроила то, что случилось. Ясно только, что она была начинщиком и руководителем. Шакалы спрятались в ивняке, а Оседланный, храбрый и быстрый, пошел прямо на овец и громко залаял, вызывая врага на поединок. Овчарка прыгнула вперед со свирепым рычаньем и, увидя врага, стала бросаться на него.

Оседланный то подпускал к себе собаку так близко, что она почти могла схватить его, то снова отскакивал и таким образом завлек ее далеко в лес. А в это время остальные шакалы, с Тито во главе, разогнали стадо по двадцати направлениям и, преследуя овец поодиночке, растерзали несколько штук и спрятали их в снегу.

В темноте собака и ее хозяин с трудом собрали уцелевших овец. На следующее утро они убедились, что четыре овцы из стада были загнаны далеко и убиты, а шакалы устроили себе ночью роскошный пир.

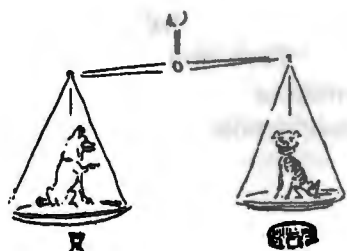
Пастух посыпал мертвые тела ядом и оставил их лежать. На следующую ночь шакалы вернулись. Тито понюхала замерзшие тела, различила запах яда, издала предостерегающее рычание и забросала трупы грязью, чтобы никто из ее

товарищей не прикоснулся к ним. Впрочем, один, наиболее жадный, не послушался Тито и набросился на падаль. Скоро вся стая удалилась, а он остался на снегу мертвый.

V

Джек слышал со всех сторон, что шакалы становятся невыносимыми. Он решил серьезно приняться за работу и попытаться при помощи капканов и ядов уничтожить хотя бы тех из них, которые жили у Верхнего ручья. Каждую свободную минуту он отправлялся с собаками на розыски по берегу Малой Миссури. Он провел в таких странствованиях целую зиму, и не без успеха: убил двух волков и нескольких шакалов, принадлежавших к стае Тито.

Зима эта ознаменовалась целым рядом набегов, даже подвигов, со стороны шакалов. След на снегу всегда указывал, что вожаком стаи был маленький куцый шакал.

Одно из этих нашествий возбудило много толков.

Однажды под вечер песня шакалов раздалась совсем близко от фермы. Собаки ответили обычным лаем. На вой шакалов бросился бультерьер, потому что только он один не был на цепи. Но он не нашел никого и, рыча, вернулся домой.

Через двадцать минут, уже совсем близко, снова раздался вой шакалов. Терьер опять бросился в темноту. Спустя минуту его возбужденный лай показал, что на этот раз он напал на след. Бешено лая, он летел вперед, пока голос его не потерялся вдали.

Наутро люди прочитали на снегу историю ночи.

Первый раз шакалы запели свою песню для того, чтобы узнать, все ли собаки спущены с цепи. И, узнав, что на воле была только одна, принялись за работу. Пять шакалов притаились у той дорожки, которую они протоптали, идя на ферму, а один выступил вперед и завыл. Пылкий терьер выскочил на его голос, и шакал увлек его в засаду. Что мог сделать он один против шести?

Шакалы разорвали терьера на части и съели.

Это случилось как раз на том месте, где он когда-то напал на Тито. И когда на следующее утро люди разглядели следы, они убедились, что все было сделано по определенному плану и что зачинщиком был и на этот раз маленький короткохвостый шакал.

Фермеры были очень раздосадованы. Линкольн взбешен, а Джек сказал:

— Я уверен, что это наша Тито расправилась с терьером.

VI

К весне дружба Тито и Оседланного еще более окрепла. Шакалы, конечно, не дают друг другу имен, как люди, и Тито и Оседланный никак не называли друг друга, но у них

был особый звук вроде короткого лая, которым они всегда подзывали друг друга.

Свободный союз шакалов распался теперь сам собой, так как весной вся стая разбилась на пары и, кроме того, теперь появилось столько дичи, что незачем было охотиться стаей.

Обыкновенно шакалы не спят в норах. Они всю ночь напролет бродят с места на место, а днем спят несколько часов на солнечной стороне холма. Но с наступлением весны их образ жизни меняется.

Когда дни сделались теплее, Тито и Оседланный стали готовить логовище для своей будущей семьи. На склоне маленького, залитого солнцем холмика нашли они заброшенную барсучью нору, вычистили, расширили и углубили ее. Набросав в нее кучу травы и листьев, они устроили из нее уютное жилище. Оно помещалось в сухом, солнечном уголке между холмами.

Тито почти все время проводила близ своего нового дома. Оседланный обыкновенно приносил ей пищу, но иногда и сама она отправлялась на охоту в поселок сусликов. Это было то самое место, на которое Тито набрела в тот день, когда добыла себе свободу и потеряла хвост. Если бы она была способна предаваться воспоминаниям, она бы, конечно, смеялась теперь над собой — так глупа была она тогда. Насколько хитрее и опытнее стала она за это время!

Один из сусликов вырыл себе норку в стороне от других. Норка у него была образцовая.

Как-то раз Тито увидела, что этот суслик щиплет траву шагах в десяти от своей норы.

Поймать суслика, когда он один, конечно, гораздо легче, чем тогда, когда он находится в своем поселке, потому что у него ведь только одна пара глаз, чтобы наблюдать за всем окружающим, а в поселке глаз много.

Тито решила воспользоваться случаем. Но как приступить к делу, не имея никакого загона, кроме низенькой травы?

Белый медведь знает, как приблизиться к тюленю на плоской льдине, и индеец умеет совсем вплотную подойти к оленю, пасущемуся в степи. Тито тоже понимала, как действовать, и начала приводить свой план в исполнение.

Суслик видит хорошо, только сидя на задних лапках; его глаза мало помогают ему, когда он уткнется в траву. Тито это знала. Желтовато-серое животное на желтовато-сером фоне песка и травы делается заметным только тогда, когда начинает двигаться. Тито знала и это.

Итак, не пытаясь даже особенно прятаться, она тихонько пошла по направлению к суслику, держась против ветра, для того чтобы все время слышать запах суслика. Как только ее жертва двинулась вперед, держа что-то в передних лапках, Тито застыла на месте. Но едва только суслик снова уткнулся головой в траву, она решительно пошла вперед, наблюдая за каждым движением зверька, чтобы опять застыть на месте, когда суслик поднимет голову.

Раза два суслик тревожно оглядывался, но, не видя ничего, продолжал пощипывать траву. Расстояние между Тито и ее жертвой скоро сократилось до десяти, затем до пяти шагов, а суслик все еще ничего не замечал. Наконец Тито сделала быстрый прыжок и схватила неосторожного суслика своими острыми зубами.

VII

Далеко не все приключения Тито оканчивались так удачно. Однажды она чуть было не поймала маленькую антилопу, но на выручку детенышу явилась мать и копытом чуть не проломила хищнице голову. Тито никогда уже больше не повторяла этой ошибки — у нее пропала охота ловить антилоп.

Раза два ей пришлось вприпрыжку спасаться от гремучей змеи. Несколько раз охотники стреляли в нее из дальнобойных ружей. Но больше всего приходилось ей остерегаться волков. Волк много крупнее и сильнее шакала, но зато шакал быстрее бегаёт и всегда может спастись от волка в открытой местности. Гораздо опаснее встретиться с волком в каком-нибудь закоулке.

У Тито была странная привычка, иногда наблюдающаяся у волков и у шакалов, — таскать во рту неизвестно зачем на

протяжении многих миль всевозможные несъедобные вещи. Много раз бежала она трусцой милью или две, держа в зубах старый рог буйвола или выброшенный сапог, для того лишь, чтобы оставить их, когда что-нибудь другое привлечет ее внимание.

Эта странная привычка послужила причиной гибели нескольких собак с фермы. Джек разложил цепь отравленных кусков мяса на западных холмах. Тито знала, что мясо отравлено, и не трогала его. Но однажды она подобрала два куска и направилась через Малую Миссури к ферме. Она обошла ферму на почтительном расстоянии и, когда услышала собачий лай, с испугу бросила куски. На следующий день собак выпустили погулять. Они наткнулись на отравленное мясо и съели его. Через десять минут на земле лежало несколько мертвых борзых — на сумму четыреста долларов. После этого был издан закон, запрещающий истреблять шакалов отравой. И закон этот был издан из-за маленького короткохвостого шакала.

Тито скоро поняла, что охота — даже на животных одной породы — требует каждый раз особых приемов. Суслик, живущий далеко от своих сородичей, достался ей очень легко. Другие суслики жили совсем близко друг от друга. Посреди их поселка жил аппетитный, толстый суслик, настоящий староста, и Тито несколько раз пыталась поймать его. Однажды она уже подкралась к нему на расстояние прыжка, но вдруг шипенье гремучей змеи предупредило суслика об опасности. Змея не то чтобы имела сама какие-нибудь виды на суслика, но просто не любила, чтобы ее тревожили. И Тито, боявшаяся змей, принуждена была бросить охоту. Открыто напасть на «старосту» было невозможно, так как расположение его дома обращало всех обитателей поселка в его сторожей.

У шакалов есть обыкновение наблюдать с какого-нибудь возвышенного места за всеми, кто проезжает по дорогам, а потом спускаться и обнюхивать следы. То же проделывала и Тито.

Однажды от города по направлению к югу проехала по дороге телега. Тито припала к земле и стала наблюдать за ней. Вот что-то упало на дорогу. Когда телега скрылась из виду,

Тито прыгнула на дорогу, чтобы, по привычке, понюхать след и посмотреть, что упало.

Тито увидела какой-то непривлекательный круглый зеленый предмет вроде листа кактуса, только без игл и с другим запахом. Это было яблоко. Она понюхала его, покатила и хотела уже пройти мимо. Но солнце так весело играло на яблоке и оно так занятно катилось, когда она толкала его,

что Тито подняла его и побрела обратно через холм, туда, где жили суслики. Как раз в это время два степных ястреба показались над поселком сусликов, и зверьки, завидя птиц, принялись лаять, неистово помахивая хвостами, а потом попрятались в свои норки.

Когда все суслики скрылись, Тито направилась к жилищу «старосты», на которого она давно точила зубы. Оставив яблоко в каких-нибудь двух футах от края ямы, служившей «старосте» норой, она уткнулась носом в отверстие, чтобы насладиться аппетитным запахом жирного суслика. Его нора пахла вкуснее, чем все другие. Нанюхавшись вдоволь, Тито спокойно улеглась за ближайшим кустом. Спустя несколько секунд какой-то отважный суслик выглянул из своей норки и, ничего не замечая, успокоительно залаял. Один за другим все суслики появились на поверхности, и через двадцать минут поселок оживился по-прежнему. Одним из последних вылез «староста», всегда чрезвычайно заботившийся о своей особе. Он осторожно осмотрелся и затем забрался на вершущу своей насыпи.

Нора суслика устроена наподобие воронки, идущей прямо в землю. Отверстие окружено высокой насыпью. Края насыпи с наружной стороны постепенно сравниваются с землей.

Когда «староста» увидел странную круглую штуку, лежащую около его порога, он испугался. Подробный осмотр убедил его, что штука эта не опасна и, по-видимому, довольно

интересна. Он осторожно приблизился к яблоку, понюхал и попробовал укусить его. Но яблоко покатилося по гладкой и покато́й почве. Суслик последовал за ним, а яблоко катилось все дальше и дальше. Никакая опасность, казалось, не грозила «старосте»: все его товарищи были на поверхности земли, и он беспечно гнался за катящимся яблоком.

Яблоко катилось к кусту, росшему неподалеку под насыпью. А за кустом притаилась Тито. Она съежилась, напрягла мускулистые ноги и ждала, пока расстояние между нею и сусликом не сократится до трех хороших прыжков. Тогда она, как стрела, пущенная с упругой тетивы, бросилась вперед, и жертва была наконец в ее власти.

Мы никогда не узнаем, была ли простая случайность в том, что яблоко оказалось перед норой суслика, или это было сделано с целью. Как бы то ни было, яблоко на этот раз очень пригодилося Тито. Если бы такой случай приключился еще раза два с Тито или каким-нибудь другим умным шакалом — а обыкновенно такие случаи выпадают на долю умных, — у шакалов легко мог бы появиться новый, всеми признанный способ охотиться.

VIII

Пришла весна. Казалось, природа сказала себе: «Надо создать место, в котором соединялось бы все, что есть на земле чудесного, — рай для людей, животных и птиц» — и создала эти прекрасные дикие холмы, кипящие жизнью, покрытые тенистыми рощами, широкими степями и сверкающими на солнце озерами и ручьями. Здесь, в этой стране холмов, в этой стране вечно яркого неба и вечно яркой земли, природа щедро рассыпала дары, которые она в других местах распределяет скупно, как золото.

Маленький холмик к западу от фермы покрылся свежей травой. Весна разукрасила землю пестрыми цветами. И даже кактус, самое убогое из растений, удивил мир прекрасным цветком, столь же мало похожим на него, как жемчужина — на свою мать, раковину. В ложбинах и на холмах — везде благоухала весна. Наступал конец зимней голодовке,

начиналось летнее раздолье. В это самое время природа повелела наконец маленьким шакалам увидеть свет.

Матери не нужно учиться любить своих беспомощных детей. В своей темноватой теплой берлоге Тито нянчила, лизала и ласкала своих детенышей.

Но любовь к детям так же велика, как и беспокойство за их жизнь. В прежнее время Тито должна была заботиться только о себе. Все, чему она научилась во время своего странного детства, все, что она узнала впоследствии, служило ей только для самосохранения. Теперь она забыла себя ради своих детей.

Главной ее заботой было сохранить свое убежище в тайне. Тито уходила и приходила с величайшей осторожностью и только после того, как внимательно исследовала местность.

Люди знали Тито только как существо с ужасной пастью, с ногами, не умеющими устоять, существо, одаренное необыкновенным коварством и всюду оставляющим за собой следы разрушения. А детеныши знали ее как любящую, нежную кормилицу и защитницу. Она кормила и отогревала их, сторожила их внимательно и умно. Она всегда была готова на отчаянную борьбу и всевозможные уловки для того, чтобы защитить их в минуту опасности.

Новорожденный шакал неуклюж, глуп и для каждого, кроме своей матери, довольно непривлекателен. Но когда глаза его раскроются, ноги окрепнут, когда он научится играть на солнышке со своими братьями и бежать сломя голову на нежный зов матери, принесшей пищу, маленький шакал превращается в самое ловкое, самое прелестное существо на свете. И когда девять детенышей Тито подросли, не надо было и материнской нежности, чтобы с нежностью наблюдать за ними.

Наступило лето. Детеныши ели уже мясо, и Тито с помощью Оседланного была постоянно занята добыванием пищи для себя и детей. Иногда она приносила домой суслика, иногда возвращалась с пастью, полной мышей, а иногда ей удавалось даже поймать большого кролика.

Наевшись, все семейство располагалось на солнышке. Тито всходила на какой-нибудь холм и обозревала землю и воздух своими острыми глазами, заботясь о том, чтобы ни один враг не нашел их счастливого дома. А веселые детеныши играли или охотились за бабочками, или затевали отчаянные схватки друг с другом, или, наконец, тербили кости и перья, валявшиеся у порога их норы. Только один, самый слабенький, как это случается в каждой семье, оставался около матери и карабкался ей на спину или тормозил ее за хвост. Какое это было трогательное зрелище! Тито была горда и счастлива.

IX

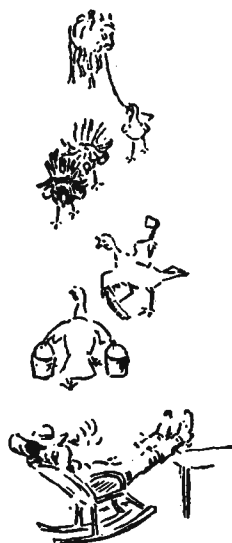
Пастух Джек был человек предприимчивый и перепробовал много планов разбогатеть, которые лопались один за другим, как только Джек убеждался, что они требуют работы.

Однажды ему пришло в голову, что можно разбогатеть, разводя домашних птиц. Не долго думая, он купил дюжину индюшек и поселил их в углу своей убогой хижины. Два дня индюшки были предметом его нежнейших забот, но уже на третий он предоставил их самим себе. И всякий раз, когда Джек возвращался из странствий в свою неприветливую хижину, он убеждался, что число индюшек уменьшается. Наконец в живых остался всего один старый индюк.

Джека не особенно огорчала потеря, но он негодовал на вора.

Его главным занятием сделалось истребление шакалов. Фермеры снабдили его ядами, капканами и лошадьми; надежный человек получил бы еще и денег в придачу, потому что фермеры — народ щедрый, но Джек не был надежным человеком.

Вести против шакалов серьезную войну было всего удобнее летом, когда все логовища полны детенышей. Есть несколько способов выслеживать шакала. Один из них — влезть на пригорок и следить за шакалом, несущим пищу своим детям. Ленивому Джеку больше всего нравился именно этот способ,

потому что он требовал продолжительного и спокойного лежания на земле. Положив рядом с собой подозрную трубу и отпустив лошадь, Джек проводил неделю за неделей на каком-нибудь пригорке. Он громко храпел и лишь изредка оглядывал окрестность сонными глазами.

Шакалы выучились избегать открытых пространств и обычно пробирались домой под прикрытием холмов. Но это не всегда, конечно, удавалось, и однажды взгляд Джека случайно упал на темное пятно, движущееся по открытому склону холма. Джек узнал шакала. Видно было, что он несет что-то в своей пасти, а это означало, что поблизости находится логовище с его детенышами. Джек заметил место и на следующий день вернулся, чтобы снова наблюдать. Прошел целый день, а он ничего не увидел у того высокого холма, к которому шакал нес свою добычу. Но уже на третий день Джек заметил темного шакала — это был старик Оседланный, который нес в зубах большую птицу. При помощи подозрной трубы Джек разглядел, что шакал нес индюка. Он теперь понял, куда девались его индюшки, и поклялся жестоко отомстить врагу, когда найдет его жилье. Он следил за Оседланным, сколько было возможно, и затем отправился на то место, где потерял

его из виду. Но тут он не нашел никаких следов и не добрался до холма, возле которого играли дети Тито.

Между тем Оседланный приблизился к этому холмику и издал то тихое рычание, которое всегда вызывало наружу девять голодных детенышей. Они накинулись на индюка и теребили его, пока не разорвали на куски, а получив каждый свою долю, разбрелись в разные стороны и молчаливо принялись за еду. Лишь изредка издавали они тихое рычание

при приближении кого-нибудь из братьев и сверкали белками глаз, стараясь уследить за всеми движениями соседей. Дело не обошлось без драки, но заботливая мать тотчас же прекратила грызню, разделив индюка на равные части. Тогда буяны разбрелись кто куда, облизывая губы и покачивая головами, а самый маленький нырнул в нору, с торжеством неся свою добычу — громадную голову индюка.

X

Джек чувствовал себя глубоко обиженным. Он поклялся, что заживо сдерет кожу с маленьких шакалов, когда найдет их, и с удовольствием мечтал об этом. Попытка выследить Оседланного оказалась неудачной, и все поиски его логовища были напрасны, но он был уже готов ко всевозможным неудачам: на случай, если найдет нору, он захватил лопату и заступ, а если не найдет — белую живую курицу.

Он отправился на полянку недалеко от того места, где видел Оседланного, и там привязал курицу к полену. Курица отбежала, насколько позволяла ей веревка, а затем улеглась на землю, растерянно хлопая крыльями.

Под вечер Тито пошла на охоту. Нора ее была близко, и она строго следовала правилу никогда не показываться на открытом месте. В прежние времена шакалы обыкновенно бегали по самому гребню холма, чтобы глядеть по обе его стороны, но Тито знала, что так ее наверняка увидят, и поэтому всегда пробиралась по склону недалеко от вершины, лишь изредка высовывая морду, чтобы заглянуть через гребень.

В этот вечер она с обычной осторожностью отправилась добывать ужин своим детям, и ее зоркие глаза скоро разглядели белую курицу, метавшуюся из стороны в сторону.

Тито была поражена. Она покружила вокруг птицы, которая как будто заигрывала с ней, но в конце концов решила лучше оставить ее в покое. Она двинулась дальше и вдруг заметила легкое облачко дыма. Направляясь к нему, она наткнулась на стоянку Джека. Тут была его постель, паслась лошадь со спутанными ногами, а

на догоревшем костре стоял котелок с чем-то пахнувшим очень знакомо — это был кофе.

Тито сделалось не по себе, когда она увидела, что так близко от ее дома находится человек, но она все же отправилась на охоту. А Джек, на закате вернувшийся вместе с курицей к месту стоянки, так и не узнал, какой гость у него побывал.

XI

На следующий день курица опять была привязана на том же месте и уже после полудня попалась на глаза Оседланному. Он остановился, поглазел на нее несколько мгновений, потом уловил направление ветра и осторожно, ползком стал приближаться. Курица забила тревогу, стараясь высвободиться из петли. Но Оседланный сделал прыжок, схватил ее так яростно, что оборвал веревку, и бросился к дому.

Джек было задремал, но кудахтанье курицы разбудило его, и он успел разглядеть шакала. Как только тот исчез из виду, Джек пошел по дорожке из белых перьев. Сначала след был очень ясен, так как курица в борьбе потеряла много перьев, но, после того как она испустила последний вздох в зубах Оседланного, перьев стало падать меньше. Джек спокойно и уверенно шел по следу, который тянулся почти по прямой линии. Только раза два произошла досадная задержка: когда шакал немного менял направление или когда на пути совсем не встречалось кустов, на которых оставались перья. Но одного белого перышка на расстоянии пятидесяти шагов от другого было достаточно для Джека, чтобы снова отыскать дорогу. Когда стемнело, Джек был всего в каких-нибудь двухстах шагах от норы, где в эту самую минуту девять детенышей, рыча и давясь перьями, лакомились мясом белой курочки.

Если бы теперь поднялся ветер, один порыв его донес бы до Джека целое облако белых перьев и шум, который выдал бы нору шакалов. Но по воле судьбы вечерняя тишина опустилась на землю, и треск ветвей, которые Джек ломал, тщетно стараясь отыскать хоть одно белое перышко в кустах, отделявших его от пещеры, заглушил все остальные звуки.

В это самое время Тито возвращалась домой, неся в зубах сороку, и напала на следы Джека. В тех краях пеший

человек уже сам по себе есть нечто подозрительное, и Тито пошла по следу, чтобы разобрать, куда направился человек. По запаху она сейчас же определила направление. Каким образом это удастся животным, никто не знает, но все охотники утверждают, что животное всегда, внюхавшись, разберет, куда ведут следы. Тито поняла, что эти следы направлялись прямо к ее дому. Охваченная ужасом, она спряталась сороку в кустах и побежала дальше по следу. Через несколько минут она почуяла присутствие человека в чаще и поняла грозящую опасность. Поспешно обойдя холмик, она подошла к пещере и предостерегающе твякнула. Но вид холмика, такого заметного теперь благодаря белым, как снег, перьям, вероятно, поразил ее. Она лаем предупредила о приближении опасности, и все затихло на маленькой лужайке.

Тито убедилась, что человек, которого она всегда знала как существо самое коварное, находится близко от ее детей, выслеживает их и, быть может, уже через несколько мгновений будет держать их в своих жестоких руках.

О, какая мука сковала сердце матери, представившей себе эту ужасную картину! Но горячая материнская любовь сейчас же призвала на помощь всю материнскую мудрость. Отослав детей обратно в нору и знаком сообщив о своей тревоге Оседланному, она быстро вернулась к человеку и прошла мимо него. Сама себе не отдавая отчета, она была уверена в том, что человек должен пойти по запаху следов, точно так же, как она бы сделала это сама, и что, конечно, он выберет более свежие следы, которые она теперь оставляла за собой. Она не понимала, что в сумерках все следы были для человека совершенно одинаковы. Она побежала вперед и запела самую дикую и свирепую песню, какую только знала, — ту, которая столько раз заставляла собак гнаться за ней. Пропела и остановилась. Затем подбежала ближе к человеку и запела опять, подбегая все ближе, уверенная, что он последует наконец за ней.

Однако человек не мог увидеть шакала, потому что сумерки уже спустились на землю. Джек принужден был бросить охоту, но

он догадался, что вой шакала был не что иное, как голос матери, старавшейся отвлечь его от норы. Из этого он заключил, что детеныши должны быть недалеко и что ему остается только вернуться сюда завтра и докончить начатое дело. Поэтому он отправился обратно к месту своей стоянки.

XII

Оседланный думал, что они одержали победу. Он чувствовал себя в безопасности, потому что знал, что запах следов, который мог снова выдать их человеку, исчезнет к утру. Но Тито была менее спокойна. Ведь это двуногое чудовище было так близко от ее дома и от ее детей и всегда могло прийти снова.

А Джек напоил свою лошадь, сварил кофе, поужинал и закурил перед сном сигару, изредка вспоминая о маленьких пушистых комочках, которые завтра утром будут в его руках.

Он уже был готов завернуться в свое теплое шерстяное одеяло, когда где-то далеко в темноте зазвучала песня шакалов. Слышны были тягучие переливы двух голосов. Джек прислушался, злорадно усмехнулся и сказал: «Так, все в порядке. Пойте себе, голубчики. Утром увидимся».

Это был обычный ночной вой шакала. Он скоро умолк. Джек позабыл о нем и крепко заснул.

Тито и Оседланный были не ради пустой забавы. У них была ясная, определенная цель — узнать наверняка, были ли у их врага собаки. Не услышав ответного лая, Тито убедилась, что собак не было.

Она ждала до тех пор, пока мерцающий огонек костра не потух совсем. Только фыркание лошади, пощипывавшей траву, нарушало мертвую тишину, воцарившуюся на полянке. Тито подкралась так тихо, что лошадь услышала ее только тогда, когда она была уже футах в двадцати от нее. Лошадь фыркнула, вздрогнула, и веревка, которой она была привязана к колышку, туго натянулась. Тито спокойно двинулась вперед и, широко раскрыв свою громадную пасть, схватила веревку большими, острыми, как ножницы, задними зубами. Она пожевала и легко перегрызла сильно натянутые волокна веревки. Лошадь очутилась на свободе. Она не особенно встревожилась, так как запах шакалов был ей знаком. Сделав

несколько прыжков, лошадь остановилась. Стук ее подков разбудил спящего человека. Он привстал, оглянулся, но, увидев, что лошадь стоит неподвижно, снова спокойно заснул.

Тито шмыгнула было в сторону, но теперь снова вернулась, неслышно, словно тень, обошла неподвижную человеческую фигуру и подозрительно понюхала кофе в жестяной кружке. Следом за ней из темноты вынырнул Оседланный, исследовал сковородку, на которой лежала горка сухарей, и забросал ее грязью. Рядом на низком кусте висела уздечка. Шакалы не знали, что это такое, но просто ради забавы разорвали ее на мелкие кусочки. Наконец, схватив мешки, где лежали сало и мука Джека, они унесли их далеко в поле и там закопали в песок.

Причинив таким образом своему врагу как можно больше неприятностей, Тито и Оседланный отправились в поросший лесом овражек. В этом овраге Тито присмотрела уже нору, вырытую каким-то животным, а потом расширенную многими другими — в том числе лисицей, старавшейся выцарапать оттуда обитателей. Тито принялась усердно увеличивать нору. Оседланный следовал за ней в недоумении. И только когда она, усталая, вышла из норы, он полез туда сам и, тщательно обнюхав нору, начал работать, выбрасывая землю задними ногами. Когда позади него выросла целая горка земли, он вышел и отбросил ее подальше. Так работали они в течение многих часов, не обмениваясь ни единым звуком, но тем не менее настолько хорошо понимая друг друга, что один все время помогал другому. И к восходу солнца перед ними была пещера, которая могла бы служить им убежищем в случае опасности, хотя, конечно, эту нору нельзя было и сравнить с их уютным домом на холмике, поросшем травой.

XIII

Солнце уже восходило, когда Джек проснулся. Как всякий степной житель, он прежде всего обернулся, чтобы поглядеть на свою лошадь. Ее не было. Лошадь для жителей степей —

то же, что корабль для моряка, что крылья для птицы. Без нее он беспомощен, без нее он подобен человеку, затерянному в океане, или птице, обломавшей себе крылья. Оказаться пешим в степях — значит, испытать тысячи невзгод. Даже пьяница Джек понимал это. Но, раньше чем он вполне оценил потерю, он увидел далеко впереди свою лошадь, пасущуюся на лугу и все удаляющуюся от его стоянки. Посмотрев внимательнее, он заметил, что лошадь волочила за собой веревку. Если бы веревки на ней не оказалось, было бы совершенно невозможно поймать ее. Тогда бы Джек и не пытался ее настичь, а сразу отправился бы на охоту. В этом случае выводку шакалов грозила бы неминуемая гибель. Но, увидев, что веревка волочится за лошадью, Джек решил попробовать поймать ее.

Из всех вещей на свете, способных свести человека с ума, самая худшая — это когда в погоне за лошадью ему все кажется, что вот он схватит ее. Как ни старался Джек, чего только он ни делал, ему не удавалось приблизиться к лошади настолько, чтобы ухватиться за короткий обрывок веревки. И он метался за ней в разные стороны, пока наконец они не очутились на дороге, ведущей на ферму.

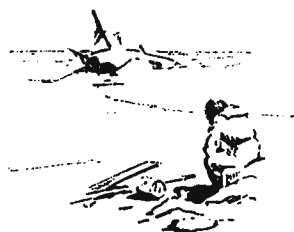
Несчастный Джек, потеряв всякую надежду поймать лошадь, решил следовать за нею пешком к ферме.

Он отмахал уже около семи миль, когда ему удалось наконец снова овладеть своим конем. Он вскочил в седло и в четверть часа пронесся последние три мили, оставшиеся до фермы; тут уж он дал волю гневу и выместил все огорчения этого утра на своей лошади. Конечно, это не принесло ему никакой пользы, но он сделал это просто для собственного удовольствия.

На ферме Джек закусил и, захватив с собой собаку, которая умела отслеживать шакалов, уже далеко за полдень отправился снова на охоту. В сущности, он мог бы и без помощи дворняжки легко найти нору, так как она была всего в каких-ни-

будь двухстах шагах от того места, где он накануне покинул дорожку из белых перьев.

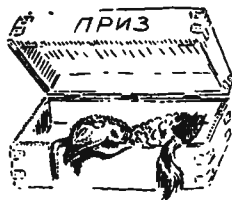
Джек добрался до цепи маленьких холмов, находившихся шагах в ста от норы, и там почти нос к носу столкнулся с шакалом, держащим в пасти большого кролика. Шакал сделал прыжок назад в ту самую минуту, когда Джек выстрелил из револьвера.

А собака, разразившись громким лаем, бросилась вперед.

Джек посылал шакалу вдогонку выстрел за выстрелом, собака гналась за ним по пятам, а шакал, к величайшему изумлению Джека, упорно не выпускал изо рта кролика. Ни один из выстрелов Джека не попал в цель. Перебравшись через холмы, Джек предоставил собаке продолжать преследование, а сам пошел искать нору, которая, по его расчету, была где-нибудь поблизости. Джек знал, что детеныши еще там: ведь он видел мать, которая несла им пищу.

Нору он действительно скоро нашел. Он принялся за работу и целый день провозился с киркой и заступом, расширяя отверстие норы. По всем признакам было видно, что в норе жили шакалы. Полный радостных надежд, Джек все рыл и рыл. После нескольких часов тяжелой работы он наконец добрался до конца пещеры и... убедился, что она была пуста. Он сначала страшно выругался, проклиная свою судьбу, а затем надел свои громадные крепкие кожаные рукавицы и принялся обшаривать нору. Вдруг он наткнулся на что-то твердое — это оказалась голова его собственного индюка. Вот и все, что он получил за свои страдания и муки.

XIV

Тито не теряла времени, пока ее враг ловил свою лошадь. Окончив устройство нового жилья, она вернулась в ложбину, устланную ковром белых перьев, и на пороге дома была встречена большоголовым детенышем, удивительно похожим на нее. Она схватила его за шею и понесла в новую берлогу, находившуюся милях в двух от старой. Время от времени она должна была выпускать свою ношу из пасти, чтобы отдохнуть самой и дать передохнуть маленькому. Остановки эти очень замедляли переселение. Переноска маленьких продолжалась несколько часов. Тито не позволила Оседланному перенести ни одного детеныша — вероятно, потому, что он был слишком неловок.

Начиная с самого крепкого и большого, все детеныши были перенесены по очереди, и после полудня в старом доме оставался только слабенький баловень матери. Тито не только проработала всю ночь, роя нору, но сделала за утро около тридцати миль, причем половину этого расстояния она пробежала с тяжелой ношей в зубах. Но ей было рано думать об отдыхе. Когда она выходила из пещеры, держа последнего детеныша в зубах, на вершине того самого холмика, где была ее старая нора, появилась собака, а немного позади — Джек.

Как стрела полетела Тито, крепко держа своего детеныша, и так же стремительно бросилась за нею собака.

Выстрелы револьвера гремели за нею непрерывно, но ни одна пуля не задела ее. Тито перелетела через гребень холма — теперь пуля уже не могла настигнуть ее. Усталая Тито со своим детенышем мчалась впереди, а громадная разъяренная собака — во всю прыть за нею.

Если бы Тито не была так утомлена и бежала бы налегке, она скоро оставила бы далеко позади своего преследователя, но теперь собака, свирепея, начинала настигать свою жертву. Тито призвала на помощь свои последние силы, стрелой взлетела на холмик и затем, выиграв небольшое расстояние, спустилась снова в долину, где густая трава несколько замедляла ее бег. Но вот опять она очутилась на совсем открытой равнине, и охотник, оставшийся далеко позади, снова увидел ее и начал стрелять с еще большим ожесточением. Правда, пули только взрывали землю и поднимали пыль, но Тито все же приходилось постоянно менять направление, чтобы избежать их. Таким образом она теряла драгоценное время, между тем как собаку звуки выстрелов только подгоняли. Охотник узнал Тито. Он видел, что она все еще держит в зубах кролика, и удивлялся ее странному упорству. «Почему она не бросит эту лишнюю тяжесть, когда дело идет о ее жизни?» — думал он.

Внезапно перед Тито открылась ложбинка. Усталая, с тяжелой ношей в зубах, она не решилась перепрыгнуть через нее, а обежала кругом. Но собака не успела еще устать и легко перескочила через препятствие. Теперь расстояние между ними сократилось вдвое. Тито неслась все вперед, стараясь держать своего детеныша повыше, над колючими

иглами кустарников. Но при этом она держала его так крепко, что беспомощный детеныш начал задыхаться в ее пасти. Бежать долго с такой тяжестью Тито была уже не в силах. Она хотела крикнуть, призвать на помощь, но шерстяной комок во рту заглушал ее голос. Детеныш задыхался, и, когда Тито попробовала держать его немного послабее, он дернулся и вдруг упал в траву, во власть безжалостной собаки.

Тито была гораздо меньше собаки. В другое время она, конечно, испугалась бы, но теперь она думала только о спасении своего детеныша. Когда собака прыгнула, чтобы схватить его, Тито выросла между ними и замерла. Вставшая дыбом шерсть и оскаленные зубы ее говорили, что она решила спасти жизнь своего детеныша какой угодно ценой. Собака не отличалась храбростью, и только сознание, что она крупнее врага и что сзади нее находится человек, ободряло ее. Но человек был еще далеко.

Первое нападение на дрожащего маленького детеныша было отбито, и Тито, воспользовавшись передышкой, громко позвала на помощь. Эхо подхватило этот вопль, так что Джек не мог разобрать, откуда он доносится. Но зато был некто другой, кто услышал этот клич и понял его. Собака снова прыгнула на детеныша, и снова мать отразила прыжок своим собственным телом. Они сцепились в смертельной схватке. О, если бы только пришел Оседланный! Но никто не приходил, и не было больше возможности звать на помощь. Тито упала на землю, борясь до конца, но изнемогая. А храбрость собаки росла, и теперь она думала только о том, как скорее покончить с матерью, а потом растерзать ее беззащитного детеныша. Она не видела и не слышала ничего кругом, но вдруг из ближайшего куста шалфея вылетел какой-то серый шар. Ошетилившаяся собака была отброшена врагом таким же сильным, как она сама. Еще мгновение — и старый Оседланный подмял ее под себя. У собаки не хватило дыхания, чтобы лаем призвать хозяина, скрытого за холмами, и в несколько секунд шакалы растерзали ее.

А затем Тито подняла спасенного детеныша, и шакалы не торопясь побрели к своему новому дому.

В этом новом убежище маленькие шакалы жили в мире и покое, пока не узнали всего, чему научила их родителей

жизнь. Там жили и поживали не только они, но и дети детей их.

Бизоны давно перевелись: их истребили ружья охотников. Стада антилоп тоже почти совсем исчезли: собаки и

пули доконали их. Старинные обитатели прекрасных степей исчезли, как исчезает снег под лучами солнца, но шакалы уцелели и не боятся исчезновения своего рода с лица земли.

Шакалы остерегаются капканов и ядов, они знают, как провести охотника и собаку. Их увертливость не меньше догадливости человека. Они узнали, как можно жить в стране, населенной их злейшими врагами — людьми.

И всему этому научила их Тито.

ПО СЛЕДАМ ОЛЕНЯ

I

Было очень жарко. Ян вышел на охоту за птицами и блуждал среди бесконечных лесных зарослей. Солнечные лучи нагрели воду в болотистых прудах, и Ян направился к Роднику Следов — единственному месту, где он мог напиться холодной воды.

На берегу родника его внимание привлек изящный след маленького копыта, резко оттиснутый в мягкой глине. Яну никогда раньше не приходилось видеть подобных следов, но он вздрогнул от удовольствия, так как все равно сразу узнал след дикого оленя.

«Олени больше не водятся на этих холмах», — говорили Яну местные жители.

Но когда выпал первый снег, Ян, вспомнив об отпечатке оленьего копыта на берегу родника, спокойно взял ружье и сказал себе: «Я буду бродить по холмам каждый день, пока не убью оленя».

Ян был высокий, крепкий восемнадцатилетний юноша. Он не мог считаться еще заправским охотником, но был неутомимым ходоком и отличался редкой настойчивостью.

Каждый день в поисках оленя Ян взбирался на холмы. Каждый день ему приходилось отмеривать десятки миль по снегу, и все же с наступлением ночи он возвращался в свою избушку, так и не увидев оленьего следа.

Но терпение все преодолевает: после долгих, трудных скитаний по южным холмам Ян наткнулся наконец на оленьи следы — давние и едва заметные, но несомненные следы оленя. Он снова вздрогнул от удовольствия, как летом.

«Эти следы приведут меня к оленю», — думал Ян.

Сначала Ян не мог с точностью определить, в каком направлении бежал олень. Но вскоре он разглядел, что одна сторона следа была оттиснута глубже другой, и правильно рассудил, что более глубокие оттиски сделаны передней частью копыта. Кроме того, он заметил, что промежутки между следами уменьшались по мере восхождения на холм. Наконец совершенно ясный оттиск копыта на песчаной почве разрешил все его сомнения.

Ян, охваченный волнением, чувствуя странное покалывание в корнях волос, быстро побежал по следу — все вперед и вперед.

Оленьи следы становились все яснее и заметнее. Целый день Ян гнался по следам, и к ночи они привели Яна к окрестностям вблизи его хижины. Теперь следы шли по знакомым местам: позади лесопилки, по лугу Митчелла и наконец свернули в густую тополиную рощу.

Надвигалась ночь, и Яну пришлось прекратить преследование, но он находился всего в семи милях от своего жилища и через час был уже дома.

Утром он снова разыскал след, однако на этот раз дело пошло труднее: вместо прежнего следа Ян наткнулся на множество новых, перекрещивающихся в разных направлениях. Он все-таки бросился наудачу вперед и вскоре нашел два совсем свежих следа и снова пустился в погоню, с еще большей уверенностью, чем накануне.

Пригнувшись и не поднимая головы, он все время внимательно присматривался к следам и поэтому был чрезвычайно поражен, когда на маленькой поляне перед ним внезапно появилось два серых животных с большими ушами. Животные эти бросились прочь, едва заметив его. На холме они повернулись и принялись разглядывать Яна.

Взглядом своих кротких глаз, выражение которых он скорее чувствовал, чем видел, они заставили Яна остановиться. Охотник понял, кто перед ним. Ведь он целые недели страстно ожидал этой встречи! И несмотря на это, все-таки встреча оказалась неожиданной. Все его планы рассеялись как дым, и он стоял пораженный.

— О-о-о! — вырвался тихий вздох из его груди.

Олени отвернулись, но Яну продолжало казаться, что он чувствует на себе их взгляд.

Между тем олени начали прыгать, как будто забавлялись. Они, казалось, совсем забыли о Яне и, едва касаясь копытами земли, без всякого видимого усилия взмывали вверх на шесть-семь футов. Ян стоял неподвижно, завороженный странной игрой этих легконогих серых животных. В их движениях не было заметно ни страха, ни торопливости, и Ян решил наблюдать их игру, пока они не убегут. «Ведь должны же они, — думал он, — в конце концов испугаться, и я увижу

те гигантские прыжки, о которых столько рассказывают старые охотники».

И, только заметив, что силуэты оленей делаются все менее ясными, Ян наконец понял, что они уже убегают от него.

Олени поднимались все выше и выше на холм. Когда им приходилось огибать крутой выступ, тела их грациозно изгибались. Временами, когда перед ними раскрывалась глубокая расселина, через которую нужно было перескочить, эти бескрылые птицы на несколько мгновений повисали в воздухе.

Ян не мог оторвать глаз от оленей, пока они не исчезли совсем. Ему и в голову не пришло выстрелить.

Когда олени скрылись, он подошел к тому месту, где увидел их впервые. На снегу виднелись отпечатки копыт, но потом след этот внезапно прерывался. Где же следующий след? Ян осмотрелся кругом и, к своему удивлению, обнаружил, что один след отделялся от другого пространством в пятнадцать футов, а чем дальше, тем пространство это все увеличивалось и следы шли один за другим на расстоянии тридцати футов. Значит, каждый из этих прыжков покрывал пространство от пятнадцати до тридцати футов.

Нет, они вовсе не бегали — они летели, лишь изредка прикасаясь к вершинам холмов своими изящными копытами.

— Я рад, что они успели скрыться, — прошептал Ян. — Мне сегодня пришлось наблюдать такое зрелище, какого, вероятно, никто никогда не видел.

||

Но утром в сердце Яна снова проснулись охотничьи инстинкты.

«Я должен опять отправиться на холмы, — сказал он себе, — снова найти след и обратиться в гончего пса. Я должен противопоставить мою сообразительность их сообразительности, мою силу — их силе, а чтобы победить их быстроту, у меня есть ружье».

Ах, как прекрасны были эти холмы с бесконечными песчаными склонами, озерами, лесами и лугами! Дыхание жизни трепетало в каждом дуновении ветра. Жизнь переполняла самого Яна; он был так молод, крепок и здоров.

«Ведь это лучшие дни моей жизни, — говорил он себе. — Ведь это мои золотые дни!»

Целый день Ян волчьей рысью взбирался на холмы и спускался в долины, вспугивая на своем пути белых зайцев и куропаток, не отводя глаз от снежного покрова и неустанно отыскивая отпечатки оленьих копыт. Но началась метель, и все следы исчезли. И все же Ян следующие два дня снова бродил по холмам. Но следы не попадались ему.

Проходила неделя за неделей. Много холодных дней и морозных ночей пришлось Яну провести на покрытых снегом холмах. Иногда ему удавалось напасть на след оленя, но обычно все его поиски были бесплодны: напрасно он бродил по пустынным холмам и забирался в глубь чащи, наслушав-

шись рассказов лесорубов. За все время этих странствований ему лишь однажды удалось увидеть силуэт оленя, грациозными прыжками взбравшегося на вершину холма. А между тем в окрестностях ходили рассказы о том, что в лесу за лесопилкой появился громадный олень. Яну не раз случалось нападать на его след, но самого оленя он не видел.

Между тем олени, напуганные долгим и упорным преследованием, сделались настолько пугливыми, что об успешной охоте нечего было и думать. Охотничий сезон подошел к концу, так и не принеся удачи. Но Ян не огорчился. Для него самым главным в охоте было любовное общение с природой. Ему все больше и больше нравилось бродить по холмам. Каждый день этой бесконечной охоты превратился для него в радостную, праздничную прогулку.

III

Прошел год, наступил новый охотничий сезон, и Ян снова почувствовал пробуждение охотничьей страсти, чему способствовали и слухи, ходившие по всей округе.

Рассказывали, что на холмах поселился громадный олень. Его прозвали оленем Песчаных холмов. Много было разговоров о его необычайной величине и скорости, о венчающих его голову громадных ветвистых рогах, мощных, как бы вылитых из бронзы, с вершушками, блиставшими, словно слоновая кость.

Немудрено, что с первым же выпавшим снегом Ян отправился на охоту, взяв с собой товарищей, которых успел заразить своей страстью. Они подъехали в санях к Сосновому холму и разошлись в разные стороны, условившись встретиться на закате.

Вокруг холма, в зарослях, водилось много зайцев и куропаток, поэтому выстрелы слышались каждую минуту. Но олений след все не попадался, и Ян вышел из леса и направился к долине Кеннеди, где, по слухам, недавно видели громадного оленя.

Пройдя несколько миль, он действительно напал на крупные следы, которые очень резко отпечатались на снегу. Ну и прыжки! Ян понял сразу, что перед ним след оленя Песчаных холмов, о котором ходило столько рассказов.

Охотник почувствовал внезапный прилив сил и, как волк, помчался по следу. Он снова ощутил то странное покалывание в корнях волос, которое ему приходилось испытывать и раньше, но теперь это ощущение проявилось с особенной силой. Ян подумал, что, вероятно, подобное же ощущение испытывает бегущий за добычей волк — потому его грива и встает дыбом.

Ян шел по следу, пока не начало темнеть. Пора было возвращаться: Сосновый холм остался далеко позади. Ян рассудил, что товарищи едва ли будут ждать его так долго. Но это нимало не беспокоило его: он обладал железными ногами и был вынослив, как хорошая охотничья собака. Он мог охотиться целый день и, возвращаясь домой, не чувствовал ни малейшей усталости.

И при мысли, что его друзья уже уехали, Ян даже обрадовался, почувствовав себя вполне свободным. Друзья, вероятно, жалели его, зная, что ему придется совершить утомительную и долгую прогулку. Но они не знали о том, как счастлив он был на этих пустынных холмах.

Правда, Яна обвевал студеный ветер, но в самом Яне горел яркий огонь здоровой молодости. Во время этих прогулок он был счастлив и сам сознавал это. Он невольно улыбнулся, когда вспомнил о своих товарищах, которые сейчас возвращались на санях домой, дрожа от холода и... сожалея о нем.

О, какой чудный закат удалось ему видеть в этот день в долине Кеннеди! Снег покрылся багрянцем, и высокие тополя стояли облитые пурпурным золотом. Как хороша была прогулка по быстро темневшему лесу, когда наступили сумерки и в небе показалась луна!

«Это лучшие дни моей жизни! — повторял он. — Это мои золотые дни!»

Приближаясь к Сосновому холму, Ян закричал громко и протяжно:

— Уррра!

«Может быть, товарищи мои еще там?» — подумал он. Но в сущности, он крикнул, чтобы дать исход жизнерадостному чувству, переполнявшему все его существо.

Вместо отклика товарищей до его слуха донесся отдаленный вой волков. Ян, дурачась, завыл в ответ. Волки дружно ответили ему, и на этот раз, прислушавшись к их вою, он понял, что они собрались в стаю и бегут по чьему-то следу. Так воют они обыкновенно лишь в погоне за добычей.

Вой слышался все ближе и ближе; лесное эхо повторяло его. Внезапно в голове Яна мелькнула мысль: «А ведь вы бежите по моему следу! Вы гонитесь за мной!»

Тропинка, по которой он шел, пересекала небольшую поляну. В такой холод было невозможно искать спасения на

дереве, и Ян, выйдя на середину поляны, уселся в снег, держа в руках блестящее ружье, а на его поясе поблескивали патроны. Сердце переполняло новое странное ощущение.

Из леса доносился звонкий вой. Все ближе и ближе... Но вот этот вой изменился и затем внезапно смолк. Сияла луна; было светло как днем. Волки, вероятно, увидели Яна и пошли вдоль поляны, держась в тени деревьев. Справа послышался треск, слева — заглушенное рычание, и затем снова настала тишина.

Ян почувствовал, что он окружен, что волки следят за ним, спрятавшись за деревьями. Но напрасно он напрягал зрение, стараясь прицелиться: волки были умны и не пока-

зывались. Ян тоже был умен и сидел спокойно. Стоило ему побежать, и стая бросилась бы на него.

Вероятно, стая была невелика и решила на своем военном совете оставить Яна в покое. Прождав около двадцати минут, Ян поднялся и отправился домой. Подходя к дому, он подумал: «Ну, теперь я знаю, что испытывает олень, когда он слышит за собой звуки шагов и щелканье взводимого курка».

Много морозных дней и суровых зимних ночей провел Ян на Песчаных холмах. Он изучил их до мельчайших подробностей. Он понял, почему олени избегают кустов и почему их следы так многочисленны вблизи дубов. Он узнал, что шепчет высохший тростник, склоняясь к снегу, как живет подо льдом мускусная крыса, и почему норки катаются с гор, и что говорит лед, звеня и трескаясь в морозные ночи. Белки научили его, как шелушить сосновые шишки и какие поганки можно без страха употреблять в пищу. От куропа-ток он узнал, почему они спят в снегу, а от лисы — почему она ставит ноги так прямо и зачем ей пушистый хвост.

Он изучил все окрестные пруды, леса и холмы. Он узнал тысячи лесных секретов, но олень все не давался ему в руки.

Ян исходил не меньше сотни миль по запутанным тропинкам, иногда нападая на оленьи следы, иногда теряя их. И в своих странствованиях он нередко натыкался на следы гигантского оленя Песчаных холмов.

IV

Охотничий сезон уже близился к концу, когда Ян в одно морозное утро отправился в большой сосновый лес. На пути ему встретился лесоруб и рассказал, что видел в лесу важенку* и гигантского оленя «с целым креслом-качалкой на голове».

Ян направился прямо к тому месту, которое указал ему дровосек, и действительно вскоре напал на следы. Один из них напоминал след, который Ян когда-то видел у ручья, другой — громадный — несомненно принадлежал оленю Песчаных холмов.

В Яне снова пробудился зверь: он готов был завывать, подобно волку, почуявшему дичь.

Следы шли через леса и холмы, и по ним мчался Ян или, вернее, волк, в которого превратился охотник.

Весь день олени кружили, переходя с места на место в поисках пищи, лишь изредка останавливаясь, чтобы съесть немного снега, заменявшего им воду.

Целый день он гнался по следам и с изощренной наблюдательностью отмечал каждую мелочь, радуясь, что, судя по следу, оленей ничто не тревожило. Освободясь от излишней одежды и мешавших ему вещей, Ян бесшумно подвигался вперед и вперед.

Внезапно вдали среди кустов что-то мелькнуло. «Может быть, это птица?» — подумал Ян, притаившись и внимательно всматриваясь. Наконец он различил на сером фоне кус-

* Важенка — самка оленя.

тов толстое серое бревно с двумя суковатыми ветвями на конце. Но вот опять что-то мелькнуло — дернулось беспокойное ухо, шевельнулись суковатые ветви, — и Ян задрожал... Ему сразу стало ясно: серое пятно в кустах — олень, олень Песчаных холмов!

Как он был величествен и полон жизни! Ян глядел на него с благоговейным восторгом.

Стрелять в него теперь, когда он отдыхал, не подозревая об опасности, было бы преступлением... Но Ян ведь жаждал этой встречи целые месяцы. Он должен выстрелить.

Душевное волнение все росло, и нервы Яна не выдержали: поднятое ружье задрожало в его руках, он не мог хорошо прицелиться. Дыхание его сделалось прерывистым, он почти задышался...

Ян опустил ружье... Он весь дрожал.

Прошло несколько мгновений, и Ян снова овладел собой. Его рука не дрожала больше, глаза ясно различали цель. И чего он так волнуется? Ведь перед ним всего лишь олень.

Но в это мгновение олень повернул голову, и Ян ясно различил его задумчивые глаза, большие уши и ноздри.

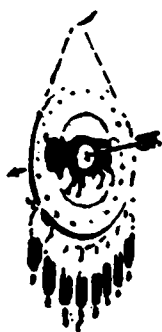
«Неужели ты решишься убить меня?» — казалось, говорил олень, когда его взгляд остановился на Яне. Ян снова растерялся. По его телу пробежала дрожь. Он не знал, что это лишь «охотничья лихорадка». В эту минуту он презирал это ощущение, хотя позже научился уважать его.

Наконец волк, сидевший внутри Яна, заставил его выстрелить.

Промах! Олень вскочил; возле него показалась важенка. Другой выстрел, и еще, и еще. Но олени уже умчались, мелькая быстрыми тенями среди невысоких холмов.

V

Ян еще некоторое время гнался по следу убежавших оленей. Ему не удалось даже ранить их — на следах не было крови. Пройдя около мили, Ян напал на новый след — отпечаток мокапина, след индейца. Ян, полный злобы, пошел по этому новому следу и, поднимаясь на холм, увидел рослую фигуру индейского охотника, поднявшегося с поваленного ствола и миролюбиво махавшего ему рукой.

- Кто ты? — грубо спросил Ян.
— Часка.
— Что ты делаешь в нашей стране?
— Это прежде была моя страна, — сурово ответил индеец.
— Это были мои олени! — убежденно сказал Ян.
— Дикие олени не принадлежат никому, пока они не убиты.
— Я бы советовал тебе держаться подальше

от следов, по которым иду я.

— Я не боюсь тебя, — ответил индеец. — Не стоит ссориться. Хороший охотник всегда найдет оленей.

Дело кончилось тем, что Ян провел с Чаской несколько дней. Ему не удалось убить оленя, но зато он научился от Часки многим охотничьим приемам индейцев. Так, индеец научил его никогда не следовать за оленями по холмам, потому что олени всегда проверяют, не гонится ли кто за ними, и потому-то и предпочитают убегать через холмы. Часка научил его определять направление ветра, подняв смоченный слюной палец вверх, и Ян при этом невольно подумал: «Теперь я знаю, почему у оленя нос всегда влажный».

Часка объяснил ему, что часто успех охоты зависит только от терпеливого выжидания. Он научил его особой охотничьей походке, которая облегчает охотнику возвращение назад по собственному следу, как бы ни был глубок снег.

Иногда они охотились вместе, иногда порознь. Однажды, когда Ян охотился один, ему удалось напасть на олениный след в зарослях возле озера, которое называется теперь озером Часки. След был свежий. Ян внимательно прислушался, и ему почудился треск в кустах. Вслед за тем он увидел, как покачнулась ветка. Ян поднял ружье и прицелился, выжидая лишь

нового движения, чтобы выстрелить. Действительно, спустя несколько секунд среди ветвей мелькнуло что-то серое, и Ян был уже готов спустить курок. Но вдруг он заметил какое-то красное пятно, двигавшееся вместе с неясной серой фигурой. Прошло еще несколько мгновений, и из кустов вышел Часка.

— Часка! — вскрикнул взволнованно Ян. — Я ведь чуть-чуть не выстрелил в тебя!

Индеец вместо ответа указал пальцем на красный платок, которым была повязана его голова. Только теперь Ян понял, почему охотники-индейцы всегда повязывают голову красным платком, и с этих пор сам начал прибегать к этой предосторожности во время охоты.

Спустя несколько дней они увидели стаю луговых куропадок, летевших к сосновому лесу. Вскоре вслед за ними потянулись другие стаи. Часка внимательно поглядел на них и сказал:

— Куропатки прячутся в лес. Будет метель.

Действительно, весь следующий день охотникам пришлось провести у костра.

Два дня бушевала метель, и лишь на третий они могли снова начать охотиться. Но Часке не повезло: он упал и сломал ружье. Встретясь вечером с Яном у костра, он долго курил свою трубку и внезапно прервал молчание вопросом:

— Ян охотился в Лосиных горках?

— Нет.

— Хорошая охота... Пойдем туда.

Ян отрицательно покачал головой.

Поглядев на запад, индеец сказал:

— Сегодня видел следы сиу... Плохая охота здесь теперь.

И Ян понял, что Часка принял бесповоротное решение. Он исчез, и Яну никогда больше не пришлось встретиться с ним. Но одинокое озеро, лежащее среди Карберрийских холмов, теперь называется озером Часки.

VI

«Возле Карберри развелось порядочно оленей. Недавно видели большого оленя между долиной Кеннеди и лесопилкой».

Такие сведения Ян получил в письме, когда уехал на восток, где ему приходилось вести однообразную жизнь, совсем не отвечавшую его вкусам. Письмо было получено в начале охотничьего сезона, когда Яном и без того начали овладевать приступы охотничьей лихорадки.

Если раньше он еще колебался, то это письмо было последним толчком, прекратившим колебания. Его мчал железный конь, везли настоящие лошади, а потом он прицепил к ногам крылья из лосиной шкуры — охотничьи лыжи, и снова начались бесконечные прогулки по зимним холмам.

Вскоре до него дошли слухи, что вблизи одного озера далеко к востоку видели оленье стадо, состоявшее из семи оленей, причем их вожак был настоящий великан.

Ян вместе с тремя другими охотниками отправился в саях к дальнему озеру.

Охотники вскоре напали на оленьи следы: шесть — разной величины, седьмой же, самый крупный, несомненно принадлежал знаменитому оленю Песчаных холмов.

Как властно заговорил в этих людях кровожадный дикарь каменного века! Как жадно горели их глаза, когда они пустились по следам!

Когда след стал свежим, уже приближалась ночь. Несмотря на упорные требования Яна, его товарищи не хотели выйти из саней. И вскоре на вершине снежного холма след сказал им, что здесь олени стояли, обернувшись к охотникам, а затем бросились бежать: каждый их прыжок имел в длину двадцать пять футов. Оленей они так и не увидели, хотя продолжали идти по следам до ночи, а тогда устроили привал среди снега.

Утром погоня возобновилась. Вскоре они пришли к месту ночевки оленей: семь темных проталин в снегу ясно говорили, что тут лежали животные.

Ян настоял на том, чтобы сани были оставлены. Следы привели их к густой чаще. Куропатки с криком поднялись над деревьями — значит, олени были еще там.

Ян предложил охотникам общий план действий, но нетерпеливые товарищи не хотели его слушать, и оленям уда-

лось ускользнуть. Однако в страхе перед преследователями маленькое стадо разделилось: два бросились в одну сторону, пять — в другую.

Ян, взяв с собой только одного из охотников, некоего Даффа, пошел по следам двух оленей, предоставив остальным выслеживать пятерых животных. Чем же объяснялся его выбор? А тем, что в парном следе один, несомненно, принадлежал тому великану вожаку, который уже два года не давал покоя Яну.

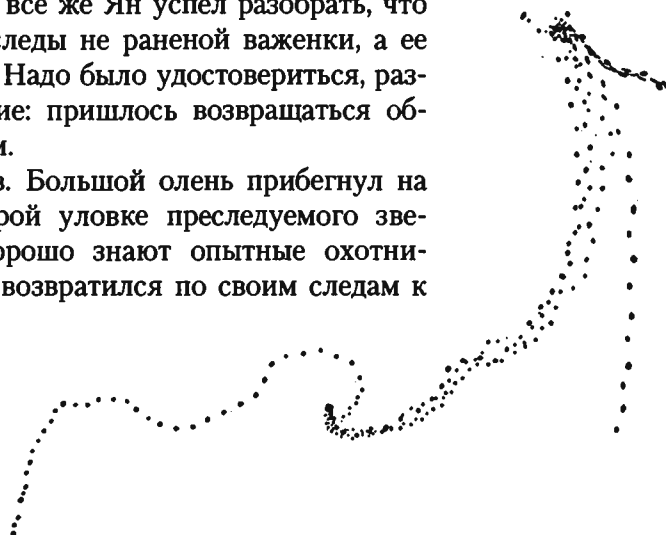
Они настигли животных в лесной чаще, но еще мгновение — и олени исчезли, разбежавшись в разные стороны. Ян послал Даффа за важенкой, а сам поспешил в ту сторону, куда скрылся олень-исполин.

Солнце опускалось. Ян находился в неизвестной ему местности, кое-где поросшей лесом. Он угнал оленя далеко от привычных ему мест. Зверь был уже близко, и Ян ожидал, что вот-вот увидит его, как вдруг вдали раздался выстрел, затем другой — и олень умчался стремительными прыжками. Догнать его было невозможно.

Ян вернулся и скоро нашел товарища. Дафф выстрелил два раза в важенку с большого расстояния. Он говорил, что во второй раз, несомненно, попал. Они отправились по следам важенки.

Пройдя полмили, они заметили кровь, но кровь скоро исчезла, а следы стали как будто больше и яснее. Поднималась метель, но все же Ян успел разобрать, что это были уже следы не раненой важенки, а ее могучего друга. Надо было удостовериться, разрешить сомнение: пришлось возвращаться обратно по следам.

Ян был прав. Большой олень прибегнул на этот раз к старой уловке преследуемого зверя, которую хорошо знают опытные охотники: он искусно возвратился по своим следам к

раненой подруге, чтобы спасти ее, чтобы дать ей возможность скрыться в противоположном направлении. Но охотники безжалостно разыскивали следы раненого животного и, как жадные волки, устремились дальше.

Олень, поняв, что его попытка отвлечь внимание преследователей оказалась неудачной, вернулся к своей подруге.

На закате охотники увидели их обоих на снежном склоне холма. Важенка шла медленно, низко опустив голову. Ее товарищ тревожно убегал вперед, как будто не понимая, почему она отстает, потом возвращался к ней и ласково лизал ее, словно просил поспешить.

Но охотники уже настигли их. Завидев врагов, олень тряхнул рогами, заметался из стороны в сторону и, наконец, умчался от врагов, перед которыми был бессилён.

Когда люди подошли, важенка попыталась подняться, но она так ослабла, что тут же свалилась. Дафф вынул нож. Ян раньше никогда не думал о том, для чего, собственно, он сам, как и всякий охотник, носит за поясом длинный нож. Бедная важенка обратила к своим врагам большие блестящие глаза; в них стояли слезы, но она не стонала. Ян отвернулся и закрыл лицо руками, но Дафф с ножом подошел к важенке и совершил гнусное дело. Этого нельзя рассказать словами.

Ян оцепенел. Наконец Дафф позвал его, и Ян медленно обернулся. Подруга великана оленя лежала без движения на снегу. Кругом все было мертво, но, когда они повернулись, чтобы уйти, вдали мелькнул темный силуэт с ветвистыми рогами.

А когда через час охотники вернулись с саними и подняли убитую важенку с покрасневшего от крови снега, они увидели вокруг свежие крупные следы, и снова вдали, на белеющем холме, в темноте ночи мелькнула и скрылась большая темная тень.

Какие печальные, тяжелые думы теснились в эту ночь в голове Яна при свете костра! Он упрекал себя. Так это называется охотой?.. К этому он стремился?.. После долгих дней возбуждения, после целого ряда благо-

словенных неудач он достиг желанной и мерзкой цели: прекрасное измученное животное было обращено в окровавленный, отвратительный труп...

VII

Но с наступлением утра впечатления ночи рассеялись. Над холмами раздавался протяжный вой, и Ян прислушивался к нему. Его угнетала мысль, что, быть может, волк выслеживает оставленного им зверя.

Компания охотников возвращалась в поселок, но Ян уже придумывал, под каким бы предлогом ему остаться в лесу. Снова им на пути попался свежий след оленя-великана, и юноша весь загорелся жаждой преследования.

«Я должен еще раз увидеть его», — твердил он про себя.

Остальным охотникам надоело мерзнуть на трескучем морозе. Ян взял себе из общих припасов котелок, одеяло, немного съестного и расстался с товарищами.

— До свидания!

— Желаем удачи!

Сани и охотники скрылись из виду за невысоким холмом. Ян был один. Никогда еще не испытывал он такого острого чувства одиночества. Он скитался и прежде один, без товарищей, недели и месяцы в пустынных местах, но никогда не страдал так, как теперь. Ему было тяжело. Сердце сжималось, когда он окидывал взором бесконечную снежную пустыню. Он готов был побежать за товарищами, окликнуть их, но гордость остановила его.

Они уже скрылись из виду, было поздно бежать за ними, звать их. Он зашагал по следам оленя — по бесконечной, не дававшей ему покоя цепи следов, во власти которых он находился в продолжение двух лет. Эти следы покрыли своей легкой, запутанной сетью все окрестные холмы и поля, и, если бы человек мог разобрать их, перед ним раскрылась бы немая повесть целой жизни, скитальческой жизни зверя. Если бы человек мог разгадывать эти следы, он часто находил бы в них повесть об ужасной встрече с лютым врагом, рассказ об отчаянной битве, в которой зверь окончил свое существование. Еще не так давно, когда человек был занят единственной мыслью о пище, он гораздо искуснее высле-

живал зверя и звериные следы были для него путем к сытному обеду. Поэтому и до сих пор при виде следов зверя в душе человека просыпается смутное желание отыскать его, овладеть им, просыпается дикий инстинкт первобытного охотника.

Ян снова поддался этому неодолимому, темному чувству и устремился в поиски за оленем.

К вечеру он достиг густого осинника. Ян знал, что олень расположится здесь на ночлег, поэтому он с величайшей осторожностью, тихонько, крадучись, стал пробираться между деревьями.

Но уловки его не привели ни к чему. Олень заметил преследователя и успел скрыться.

Нужно было ночевать в лесу. Ночь была холодная и темная. Ян улегся, свернулся, накрывшись одеялом, и пожалел, что природа не дала ему теплой шкуры, как у лисы, и ее пушистого хвоста, которым можно было бы прикрыть озябшие руки и ноги.

Деревья и земля трещали от мороза. Даже звезды в небе, казалось, звенели от холода. На ближнем озерце то и дело раздавался треск: лед трескался от берега до берега. Между холмами дул студеный ветер, обжигавший лицо.

К утру стало теплее, но повалил снег и засыпал следы оленя.

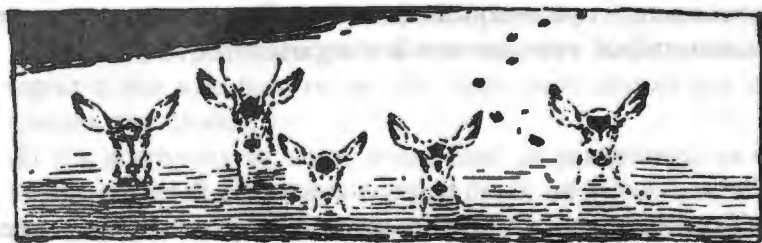
Ян не знал, где он находится. Побродив без цели по лесу, он решил идти к Сосновому ручью. Но в какой он стороне? Снег кружился в воздухе, слепил глаза, колот лицо, застилал все окрестности. Ближайшие предметы заволокло дымкой, а вдали все было окутано белой мглой. Тогда он разыскал в осиннике, под снегом, засохший стебель растения, известного под названием «золотой корень». Это растение имеет свойство тянуться всегда в сторону севера. Итак, по сухому его стеблю Ян мог теперь найти дорогу. Каждый раз, когда ему казалось, что он сбился с пути, он раскапывал снег, разыскивал золотой корень и по нему определял, где север.

Наконец он подошел к овражку — руслу Соснового ручья.

Весь день Ян провел в бесплодных поисках оленьего следа. Ночевал он, как накануне, и снова жалел, что природа не наградила его толстой, пушистой шерстью. В первую ночь он отморозил себе щеки и пальцы на ногах. Отмороженные места болели и горели, но Ян не помышлял о возвращении домой. Тайная надежда, что он на этот раз выследит оленя, удерживала его.

На другое утро какое-то странное, непонятное предчувствие заставило его блуждать по пустынной равнине, где не могло быть следов оленя. И что же? Он внезапно увидел перед собой ложбину, где, очевидно, ночевали олени. Шесть потемневших ямок, еще не занесенных снегом, говорили о ночевке большого оленя и его семьи.

Не успел Ян пройти и четверти мили, как на склоне окутанного туманом холма поднялись пять темных голов с настороженными ушами. Одну из них венчали великолепные

ветвистые рога. Это видение мелькнуло и скрылось. Ян не успел прицелиться, как животные скрылись за гребнем холма.

Большой олень собрал свою семью, но теперь, завидев вновь своего врага, он подал знак рассыпаться по долине, и все мгновенно умчались в разные стороны. Однако Яна интересовал только один след.

И этот след привел его к широкой ложбине, где в зарослях пряталось русло Соснового ручья.

«Он здесь, он скрывается тут и высматривает меня, но он тут не останется», — решил Ян.

Он не сводил глаз с чащи. Через полчаса темная тень отделилась от ивняка и осторожно взобралась на холм. Когда олень исчез из виду, Ян быстро пересек ложбину и, обойдя холм, начал искать след. Однако ему пришлось убедиться, что олень был мудрее его: выбрав удобный наблюдательный пост, великан остановился проверить, не идет ли кто-нибудь

по его следу. Завидев Яна, он умчался огромными прыжками.

Олень хорошо понимал, что дело идет о его жизни. Самый сильный и быстрый в беге олень ослабевает, если погоня продолжается несколько дней кряду. Неутомимый охотник может дождаться той минуты, когда зверь выбьется из сил и сам дастся ему в руки.

Итак, Ян преследовал его без усталости среди снежных полей и холмов. Олень обманывал его, возвращался по своим следам, скрывался в чаще с подветренной стороны, чтобы учуять приближавшегося охотника как можно раньше. Зверь обманывал человека и водил туда и сюда, внезапно исчезал, задавая ему неразрешимые загадки. Но Ян с каким-то ожесточением выслеживал его, распутывал его хитрости, разыскивал настоящий след.

И большой олень выбился наконец из сил, измучился до того, что не мог уже больше ни есть, ни спать. В ужасе от неумолимого преследования, он ослабел и изнемог, и его прыжки порой становились все короче.

VIII

Наконец олень и охотник очутились у небольшого леса, со всех сторон окруженного болотами, куда можно было проникнуть только по трем тропам. По одной олень скрылся в леске, и Ян не сомневался, что, опасаясь безжалостного преследователя, зверь не вернется по ней. Поэтому он поспешил ко второй тропе, снял с себя куртку и пояс, повесил их на тонком качающемся деревце, а сам поспешил к третьей тропе и устроил там засаду. Немного погодя он тихо свистнул, как свистит сойка, оповещающая лес об опасности.

Олени всегда следят за криком сойки, и Ян увидел, как большой олень, насторожив уши, пробирался на пригорок, чтобы осмотреться. Тихий свист Яна превратил оленя в неподвижную статую. Но кусты и деревья загораживали его.

Олень постоял несколько минут, втягивая ноздрями воздух и вглядываясь в первую тропу, очевидно не подозревая, что враг уже не позади него, а впереди. Ветер зашевелил рукава куртки на кусте. Олень быстро спустился с пригорка и, неслышно ступая между деревьями, бесшумно исчез.

Ян мучительно напрягал слух, чтобы уловить, куда он ушел. Он весь дрожал как в лихорадке, сердце стучало; ружье было давно наготове.

Он тихо, осторожно приподнялся, и в то же мгновение в трех саженьях от него так же тихо поднялся, словно вырос из-под земли, большой олень — олень Песчаных холмов!

Два великолепных темных глаза смотрели на Яна. Ветвистые рога венчали большую красивую голову. Стройное тело было неподвижно, словно окаменело.

Ян и олень Песчаных холмов встретились наконец лицом к лицу. Жизнь оленя была теперь в руках Яна.

Олень стоял как изваяние. Он стоял и смотрел прямо в глаза Яну своими большими, правдивыми глазами.

Ружье дрогнуло в руке Яна. Он поднял его и снова опустил, потому что олень не сводил с охотника своего ясного взора, стоял неподвижно и смотрел на него.

И Ян почувствовал, что волнение его утихает, что зубы уже не стучат, что в нем разливаются спокойствие и радость.

«Стреляй, стреляй скорей! Ведь ты этого добивался!» — говорил в нем какой-то голос. Но голос этот звучал так неуверенно, так слабо...

И Ян вспомнил ту ночь, когда сам, затравленный, остановился, готовый встретить волчью стаю; он вспомнил убитую важенку и снег, обгаренный ее кровью — кровью преступного убийства; ему вспомнились глаза умирающей важеньки, ее робкий, умоляющий взгляд, который спрашивал только: «Что я вам сделала?»

Мысль об убийстве казалась теперь невозможной. Ян смотрел на оленя, и олень не сводил с него своих умных, ясных глаз. Казалось, они читали в глазах и сердцах друг друга. Ян не мог отнять у него жизнь, и то, что давно уже зарождалось в нем, что незаметно укреплялось и зрело, заговорило вдруг властно и громко. Этот голос говорил: «Гордый красавец! Долго мы были врагами: я был преследователем, ты — жертвой. Но теперь все переменялось. Мы смотрим в глаза друг другу, мы дети одной матери — природы. Мы не можем поговорить, но мы можем понять друг друга без слов. Теперь я понимаю тебя, как раньше никогда не понимал. И я уверен, что и ты понял меня. Жизнь твоя в моих руках, но ты уже не боишься меня. Мне рассказывали про одного оленя, который, когда его окружили собаки,

бросился к охотнику и искал у него защиты, и охотник спас его. Так и я много дней преследовал тебя, и ты смело вышел ко мне. Никогда рука моя не поднимется, чтоб убить тебя. Мы — братья, прекрасное создание, только я старше и сильнее тебя. И если бы сила моя могла всегда оберегать тебя, ты никогда не знал бы опасности.

Ступай, без страха броди по лесистым холмам — никогда более не стану я преследовать тебя. Чем больше я узнаю жизнь, тем ближе становишься ты мне, и я не могу смотреть на тебя как на добычу, как на лакомый кусок мяса.

Ступай спокойно, без страха.

Мы никогда с тобой не встретимся. Прощай».

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ,

или Повесть о том, как два мальчика
вели в лесу жизнь индейцев
и чему они научились

Изведав мучения жажды, я попробовал вырыть колодец, чтоб из него черпали и другие.

Э. Сетон-Томпсон

Часть первая

ГЛЕНЬЯН

1. Ян

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие другие его сверстники, двенадцатилетние мальчишки, он больше всего любил книги про индейцев и книги о жизни зверей и птиц.

Но в те далекие годы об этом писали мало. В библиотеке Ян нашел лишь «Скандинавских охотников» Ллойда, «Ботанику» Грэя и две-три повести Фенимора Купера. Мальчик перечитывал их без конца.

Отец Яна никогда не интересовался его увлечениями, но, решив однажды, что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил и думать о них.

Между тем учился Ян хорошо и был в числе первых учеников, хотя в классе занимались ребята и старше его.

Ян рос послушным, робким мальчиком, но тут, впервые в жизни, он не подчинился воле отца. Правда, Ян не стал перечить ему открыто, но зато начал хитрить и при всяком удобном случае норовил улизнуть в лес или в поле. Ни от кого не таясь, он часами следил там за птицами, разглядывал неизвестные ему цветы и травы.

Из школы Ян возвращался всегда самым извилистым путем. Ему непременно хотелось пройти мимо магазина, где за стеклом была выставлена картина, на которой два терьера ловили крысу. Напротив находилась табачная лавка, где в витрине стоял слон, нагруженный тюками. А в магазине на соседней улице торговали дичью. Ян обычно разглядывал там битых уток, а когда их не было, любовался оленьей го-

ловой, она-то всегда оставалась на своем месте. Немного дальше был меховой магазин, где красовалось великолепное чучело медведя. На Джервистрит стоял дом с высокой террасой, под которой, как ему рассказывали, держали раньше медведя на цепи. С тех пор прошло много лет, но мальчику доставляло большое удовольствие ходить мимо места, с которым было связано такое необычайное событие. На углу улиц Грэнд и Пэмбертон когда-то убили хорька, и школьники утверждали, что после дождя запах зверька чувствуется до сих пор. И когда сырым туманным вечером Ян попадал на этот перекресток, он с наслаждением вдыхал воображаемый запах.

Но больше всего времени Ян проводил, прижавшись носом к витрине мастерской чучел на улице Мэн. Чего тут только не было! Головы лис и кошек, шкура волка, оленьи рога и, наверное, больше пятидесяти чучел птиц. На некоторых — удостоенных чести быть выставленными на ежегодной ярмарке — висели ярлычки с названиями. Эти надписи мальчик хранил в памяти, словно сокровенную тайну, хотя, как потом выяснилось, многие названия оказались не совсем верны.

Год спустя или, может быть, немногим более у Яна возник отчаянный план. Он должен побывать в самой мастерской! Прошло несколько месяцев, прежде чем Ян решился на этот шаг. Попроси он хозяина просто показать ему всякие диковинки, едва ли тот отказал бы мальчику. Но на такой подвиг ему не хватало смелости. И все-таки однажды Ян вошел в мастерскую. Как страшно зазвенел дверной колокольчик! Затем наступила еще более угрожающая тишина, и перед мальчиком появился мистер Сэндер, хозяин магазина.

— Сколько... сколько стоит эта сова в витрине? — запинаясь, вымолвил Ян.

— Два доллара, — ответил мистер Сэндер.

И тут мужество покинуло Яна. Опрометью бросился он на улицу. Ведь ни разу в жизни у него не было столько денег! Он не слышал, что кричал ему вслед хозяин. Ян был испуган, пристыжен, и его не покидало чувство, что он побывал в необыкновенном царстве и оказался недостойным там остаться!

Больше всего Ян завидовал жизни индейцев. Каждой весной его непреодолимо тянуло отправиться бродить по белу свету. С первым пробуждением природы душу его охватывало трепетное волнение.

При виде диких гусей, с призывными криками летевших на север, у Яна словно кровь закипала: ему хотелось лететь вместе с ними.

Многие школьные товарищи Яна говорили, что «любят весну», а девочки даже «обожали» это время года, но никто из них не мог понять, почему так ярко сверкали глаза Яна, когда наконец наступала весна, почему его неудержимо влекло вон из душного класса.

— Если бы я мог убежать отсюда! — с волнением восклицал он.

Только одно удерживало его от бегства из дому с индейцами или цыганами — это страх перед отцом.

III. Братья Яна

У Яна был брат Рэд, старше его двумя годами. Учился Рэд гораздо хуже Яна, за что очень сердился на него и никогда не упускал случая показать Яну свое превосходство в силе.

Как-то раз, забравшись под дом, Ян неожиданно очутился в яме, где можно было выпрямиться во весь рост. И он подумал, что было бы неплохо устроить здесь свою рабочую комнатку — мастерскую. Ян знал, что если к его просьбе присоединится и Рэд, который пользовался в семье репутацией «здравомыслящего», то разрешение отца будет получено. Рэд тут же согласился и даже сказал, что уговорит отца сам. Так он и сделал.

Мальчики взялись за работу. Много дней ушло на то, чтобы углубить яму с трех до шести футов. Ян после школы сразу принимался за дело, а Рэд всегда находил тысячу причин, чтобы не браться за лопату.

Ян не раз с восторгом рассуждал о том, что они будут делать в своей мастерской. Рэд нехотя соглашался, отдавал распоряжения и уходил.

Наконец стены были возведены, а в дверцу даже вставлен замок. Ян сиял от счастья и гордости! Он вымел пол и сел на самодельную скамью, чтобы еще раз оглядеть свою мастерскую, как вдруг Рэд сказал:

— А теперь выйдем и запрем дверь.

Это решение показалось Яну очень важным. Они вышли. Рэд запер дверь и спрятал ключ в карман. Потом, обернувшись к Яну, он холодно и жестко сказал:

— Запомни — чтоб ноги твоей здесь не было. Разрешение отец давал мне одному.

Другой брат, Алнер, моложе Яна на полтора года, был с ним одного роста, но на этом их сходство исчерпывалось. Алнер был большой хвастунишка и лентяй. Ему страшно хотелось как-нибудь отличиться. Безразлично как, лишь бы о нем все говорили. Но он никогда и пальцем бы не шевельнул, чтобы достичь своей цели. Каждое утро братья шли вместе с школу — таков был наказ отца. Но там они почти не встречались. Братьев ничто не связывало; они были слишком разные. Алнер не разделял увлечений Яна, и поэтому неудивительно, что с каждым днем Ян все больше отдалялся от своих братьев.

IV. Книга

Однажды Ян прочел в газете, что в свет вышла книга «Птицы Канады».

Никогда раньше он не считал деньги такой необходимой вещью, как теперь. «Если б у меня был доллар!» — думал мальчик. Ян откладывал каждую монетку, которая попадала в его руки, и наконец спустя полтора месяца стал обладателем заветной суммы! Чувствуя себя самым богатым человеком на свете, он побежал в книжную лавку. Ян просто сгорал от нетерпения; на какую-то секунду ему показалось вдруг, что книга стоит тысячу долларов и к тому же ее уже нет в продаже. Но этого не случилось. Хозяин лавки повернулся к стопке книг и спросил Яна:

— Вам в какой обложке — зеленой или красной?

— В зеленой, — ответил Ян, все еще не веря в свое счастье.

Хозяин взглянул на книгу и сказал равнодушно:

— Девяносто центов.

— Девяносто центов! — изумился Ян.

Откуда же ему было знать, что книга, пролежавшая некоторый срок, становилась дешевле? А сколько труда стоило ему собрать последние десять центов!

По дороге домой Ян с благоговением перелистывал страницы. Правда, в книге он не нашел того, что искал, но обвинял в этом самого себя. Ян перечитывал ее от корки до корки, не сомневаясь, что именно эта книга откроет ему тайны природы. Лишь спустя несколько лет Ян понял, что книга эта — беспомощная стряпня, которой так часто угощают непросвещенную публику. И все же там были кое-какие полезные сведения: названия птиц и несколько никуда не годных рисунков.

V. Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло в лес. Как-то в один из солнечных апрельских дней Ян отправился в небольшой лесок неподалеку от города. Лес был полон незнакомых цветов, птичьего гомона, таинственных шорохов. Казалось, каждое дерево и каждый куст говорили с Яном на своем языке. А из глубокого, полного воды оврага доносился странный свист: «Пи-ип, пи-ип, пи-ип!..» — словно кто-то просил Яна подойти и посмотреть. Ян подбирался все ближе. Вдруг совсем рядом прозвучал и тут же смолк громкий свист. Под бревном Ян увидел маленькую ящерицу. Заметив мальчика, она тут же юркнула в норку. Это было единственное живое существо, которое Ян разглядел. И он решил, что то была «свистящая ящерица».

Потом долгое время Ян лежал у небольшого озерка, но там он никого не приметил. Видно, мальчик распугал всех лесных обитателей. Ян было направился к другому озерку, как вдруг совсем рядом послышались шаги.

Ян оглянулся и увидел незнакомца, наблюдавшего за ним. Мальчик покраснел и очень смутился, словно его застали на месте преступления.

Незнакомец, человек средних лет, в поношенной одежде, выглядел несколько странно. За спиной у него была жестяная коробка, в руке он держал сачок на длинной палке.

Обветренное лицо, обрамленное седой бородкой, было сурово, но глаза светились умом и мягкостью. Когда незнакомец снял шляпу, подставив разгоряченное лицо ветру, то оказалось, что у него такие же густые волосы, как у Яна. Спутанные, жесткие, они напоминали морскую траву, прилипшую к старому утесу.

— Что ищешь, дружок? — обратился он к мальчику.

— Ничего, — смущенно ответил Ян. — Просто мне хотелось посмотреть на «свистящую ящерицу».

Незнакомец улыбнулся и сказал:

— Сорок лет назад я вот так же, как ты, лежал у пруда и высматривал там «весеннего пискуна». Я лежал целый день и еще много дней подряд, прежде чем года через три понял, в чем дело. Тебе не придется терять столько времени. Пойдем я покажу его.

Пошарив руками в листьях у самого берега озера, он поймал совсем маленького, не больше дюйма в длину, лягушонка.

— Вот твоя «свистящая ящерица»! Это лягушка. Она высовывает из воды только нос, и ее трудно заметить. Возьми ее домой, корми хорошенько и, может быть, увидишь когда-нибудь, как она раздует горлышко и свистнет, словно паровоз.

Теперь уж Ян осмелился рассказать незнакомцу о ящерице, которую видел под бревном.

— Едва ли это ящерица, — сказал тот, — здесь их совсем не видно. Это, наверное, тритон. А ящерица — та же змея, только с ногами.

Тут уж мальчик совсем засыпал незнакомца вопросами и рассказал ему о книге, которую купил с таким большим трудом. К удивлению Яна, тот очень рассердился, услышав имя автора, а саму книгу назвал «бессмысленной ерундой».

Незнакомец рассказал Яну, что таинственная черная птица, которую он видел в поле, называется «тоухи». Извест-

ный голос, нежно распевающий по утрам в лесу, принадлежит серому дрозду.

Чудесная птица с красной шапочкой на голове, желтоватыми крыльями и таким же хвостом, выставленная в чуфельной мастерской, — дятел. Иволга и ориол оказались одной и той же птицей.

Над ними пролетела черная бабочка, и Ян узнал, что это «кэмбервельская красавица», видно перезимовавшая где-то, потому что ей еще не время порхать в лесу. И вдобавок Яну стало известно, что появилась эта бабочка из обычной бурой гусеницы. В синей вышине проносились большие стаи диких голубей, и незнакомец рассказал Яну о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, как в поисках пищи они стремятся весной на север за крылатыми орешками канадского вяза, в августе — на рисовые поля в Каролину, а в сентябре — в долины Миссисипи, где созревают желуди бука и дуба.

Проходя по небольшому холму, поросшему сосной, они вспугнули двух крупных птиц, с треском и шумом поднявшихся над деревьями.

— Глухари полетели, — сказал незнакомец. — Эта пара живет где-то здесь, поблизости, и прилетает сюда за ягодами грушицы.

Ян нагнулся, сорвал несколько ягод и стал жевать их на ходу. Вдруг вдалеке послышался треск, напоминающий легкую барабанную дробь.

— Что это? — воскликнул Ян.

— Глухари токуют, — ответил его спутник. — Те птицы, которых ты сейчас видел.

Этот день навсегда сохранился в памяти Яна. И яснее всего запомнились не те птицы и растения, о которых он узнал, а запах грушицы.

Индейцы знают, что запах сильнее всего пробуждает воспоминания, и многие из них хранят на память о счастливых минутах пригоршни сосновых игл, комок крысиного мускуса или еловую смолу.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец сказал Яну:

— Ну, мне пора. Может, еще встретимся, дружок, — и протянул мальчику руку.

Ян горячо сжал ее, но, по застенчивости, не решился даже узнать имя своего спутника.

Он спохватился, когда незнакомец уже скрылся из виду. И сколько потом Ян ни бродил по лесу, надеясь снова встретить его, им никогда больше не довелось увидеться.

VI. Гленьян

Что за дивную песнь пели в тот год дикие гуси! Их трубный зов проникал в душу Яна, и сердце его ответно трепетало. Это была песнь о мирном гнездовье, о подвигах на чужбине, о голоде и жажде. Песни о черных больших болотах, низком закатном небе и о сияющем солнце!

Разве то была новая песнь? Нет! Дикие птицы пели свою старую песню, и только Ян словно впервые услышал ее.

Стараясь понять ее смысл, Ян брел по их безлюдному пути, к северу и только к северу, вверх по реке, выбирая самые пустынные места. Река свернула к востоку, но небольшой ручей впадал в нее с севера, и Ян пошел вдоль ручья, сквозь лес по узкому ущелью, которое вскоре привело его в долину, поросшую редкими деревьями. Светлый ручей журчал под сенью огромных берез, сосен и вязов. В их ветвях мелькали красные белки. На берегу ручья Ян отыскивал следы хорька, выдры и еще каких-то зверюшек.

Место это было столь уединенное, что Яну не стоило большого труда убедить себя, будто он первый открыл его и, как первооткрыватель, имеет право присвоить долине свое полное имя — Гленьян.

С той минуты мальчик только и думал что о своей долине. Улучив свободную минутку, он уходил туда. Иногда ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью; часто Ян мечтал снова встретить того незнакомца и привести его в свою долину.

Это был его собственный мир, который ему указали дикие гуси, подобно тому как чайки некогда привели Колумба в Новый Свет*.

* Новый Свет — так с 1541 г. называют Американский континент.

Когда отец продал свой участок земли, Ян очень огорчился. Но теперь, завладев лесным уголком, где росли могучие деревья, Ян словно ожил. Он мог подолгу вглядываться в густые кроны деревьев, сидеть у прозрачного ручья, где серебристыми стрелками проносились уклеики. Яна не оставляло чувство, что весь лесной мир принадлежит ему.

VII. Хижина

У Яна не было ни топора, ни лопаты, и все-таки он принялся строить хижину. Для нее Ян выбрал укромное место, скрытое со всех сторон густой листвой.

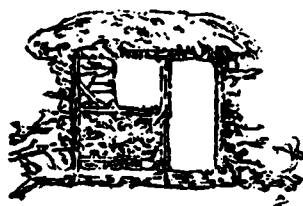
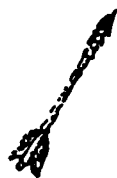
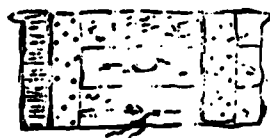
Он и сам толком не знал, зачем ему нужно было прятаться от кого-нибудь, но он не раз читал в книгах, что настоящие следопыты устраивали свои убежища в местах, недоступных для посторонних взглядов.

Ян частенько вспоминал об инструментах, которые хранились в мастерской Рэда, но, наученный горьким опытом, не хотел посвящать брата в свои замыслы.

Самодельной лопатой он принялся рыть яму на берегу ручья. Отвердевшая глина плохо поддавалась, но Ян, проработав без устали два свободных дня, вырыл яму в семь футов длиной и четыре шириной. Здесь он и собирался возвести хижину.

Но как сложить хижину из трех десятков стволов, если в руках лишь самодельный топор? И все же Ян не стал искать себе другого. Его ободряла мысль, что индейцы едва ли владели лучшими орудиями.

Ян начал подбирать материал, который мог пригодиться для постройки. Другие на его месте, наверное, собрали бы сперва все необходимое, но Яну не терпелось поскорей увидеть свою хижину готовой, и он сразу стал строить стены. В них нельзя было найти и двух одинаковых бревен: одни были

слишком длинные, другие короче, третьи совсем кривые. Некоторые почти сгнили — ведь такие было легче срубить. Скоро Яну пришлось идти на поиски, так как поблизости материала больше не было. Он вспомнил, что в полумиле от городка видел груды бревен. Несколько воскресений Ян усердно перетаскивал их. Девять из них пошли на стены, а три остались для стропил. Он положил их на равном расстоянии друг от друга и прикрыл ветвями. Поверх настлал кору вяза, затем накопал глины и хорошенько обмазал всю крышу, утопав ее и подровняв по краям. Чтобы крыша не очень выделялась среди листвы, Ян разбросал по ней всякой зелени.

Наконец-то, после многих недель упорного труда, его лесное жилище было готово!

VIII. Знакомство с лесной жизнью

Пока Ян строил свою хижину, он ничего не замечал вокруг.

Теперь его занимала одна мысль — поселиться в лесу или хотя бы провести здесь несколько дней.

Ян понимал, ему надо очень много знать про лес и его обитателей, и он с жаром принялся читать книги, в которых можно было найти ответы на то, что его так волновало.

Ян сделал себе лук и стрелы. Правда, они оказались никуда не годными, и все же Ян чувствовал себя настоящим индейцем.

Обручи старой бочки пошли на железные наконечники для стрел. Эти стрелы Ян назвал «боевыми» за их устрашающий вид. Когда стрела вонзалась в дерево, он издавал победный клич.

В эти минуты мальчик воображал, что сразил свирепого врага.

Из обрывка овечьей шкуры Ян соорудил себе жалкое подобие мокасин. Старый сломанный нож, которым шпаклевали щели, он превратил в «боевое оружие» и сшил для него ножны из обрезков кожи. Несколько плиток акварельной краски и осколок зеркала, вставленный в расщепленную палку, позволяли Яну изображать на своем лице «индейскую татуировку».

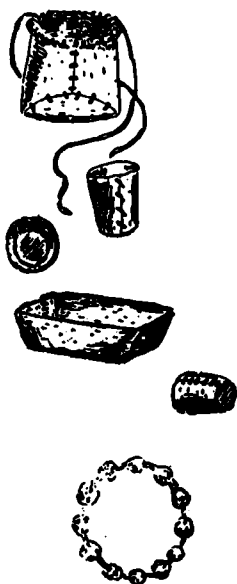
Все необычное, что ему попадалось в лесу, — изогнутые сучки, перья птиц, даже старый коровий рог — он тащил в свою хижину. Ян и сам не мог бы объяснить, чем привлекали его эти вещи. Из ракушек он сделал себе «индейское» ожерелье. Часами лежал он на солнце, подставив лицо жарким лучам, и бесконечно радовался, когда родные замечали его темный загар.

Он старался во всем подражать индейцам: ходил носками внутрь, ломал ветки, обозначая свой путь, определял время по солнцу, выражал свое удивление односложными восклицаниями, которые произносил на индейский манер гортанным голосом.

Из бересты Ян мастерил разную посуду, сшивая края тонкими корешками. Доньшки он выстругивал из дерева, а щели замазывал смолой так, что посуда не пропускала воду.

Однажды во дворе своего городского дома Ян увидел странную птицу. Мальчик успел даже набросать рисунок, пока она спокойно рылась клювом в земле. Птица была пепельного цвета с золотистыми крапинками на голове и около хвоста. На крылышках белели длинные полоски. Ян перерыл все книги, которые только смог достать, но так и не нашел названия этой птицы. И только много лет спустя он узнал, что это был птенец дубоноса.

Ян рисовал по памяти многих птиц, которые ему попадались на глаза. Однажды у него возникло сомнение — рисовали ли индейцы всяких зверей? Но, вспомнив, что они украшали свои щиты и жилища изображением птиц или животных, с радостью продолжал свое любимое занятие.

IX Следы

Как-то раз у ручья на морском песке Ян обнаружил чьи-то следы и для памяти срисовал их. Ему пришло на ум, что это следы енота, и он показал свой рисунок одному знакомому.

— Это в натуральную величину? — спросил тот Яна.

— Да.

— Пожалуй, ты прав, — сказал тот. — Похоже на лапу енота. Осмотри хорошенько все деревья около того места, где ты нашел их. Может быть, увидишь дупло, тогда огляди кору около него, и если заметишь волоски, значит, там живет енот.

При первом же удобном случае Ян отправился в свою долину. На большой липе ему посчастливилось найти несколько клочков шерсти. Как же узнать, действительно ли они принадлежат еноту? Тут Ян вспомнил, что у одного из учеников была старая енотовая шкурка. Сравнив свою находку с ней, Ян убедился, что держал в руках клочки настоящей енотовой шерсти.

Как-то Ян заметил растение, похожее на раскрытый зонтик. Он выкопал его с корнем и на конце одного корешка увидел продолговатую белую луковичку. Ян откусил кусочек: по вкусу она напоминала свежий огурец. Просмотрев школьный учебник ботаники, Ян обнаружил в перечне растений название «индейский огурец». По описанию это вполне подходило к растению, которое он выкопал.

В другой раз Ян пожевал листья одного незнакомого растения — так, он слышал, поступали индейцы. Но очень скоро мальчик почувствовал острые боли в животе. В ужасе поспешил «индеец» домой. Мать дала ему выпить разведенной в воде горчицы, а когда убедилась, что ее сыну не грозит никакая опасность, отодрала его хорошенько за уши.

Х. Бидди

В доме у родителей Яна появилась новая служанка по имени Бидди.

Гуляя как-то с детьми, Бидди нарвала ворох трав и рассказала, что ей было о них известно:

— Это ветка сассафраса, настой его листьев помогает при болезни кожи. Кошачью мяту пьют от простуды. Вот тсуга. Из ее коры добывают розовую краску. А зеленую — из маслянистого ореха.

Ян слушал Бидди затаив дыхание, стараясь запомнить каждое ее словечко.

Ян слышал, что индейцам были известны свойства многих листьев и трав, и ему захотелось побольше узнать об этом.

XI. Перелом

В один из воскресных дней, наколов, как обычно, двойную порцию дров для кухни, Ян отправился в лес. Он уже подходил к своей хижине, как вдруг до него донеслись оттуда грубые громкие голоса. Ян подкрался ближе. Дверь была приоткрыта, и мальчик увидел в хижине трех бродяг. На полу валялись растоптанные ракушки, в костре около двери догорали его лук и стрелы.

Не помня себя от горя, Ян бросился в глубь леса. Как ненавидел он этих людей, осквернивших его дом! Когда два часа спустя Ян вернулся, на месте своей хижины он увидел одни развалины.

Это случилось в конце лета. Пришла осень с холодными дождями и коротким днем. Ян уже не ходил в свою долину; он много читал, прилежно учился. Но день ото дня становился все бледнее, а под Новый год совсем заболел.

XII. Рысь

Прошла зима, и к марту Ян почувствовал себя окрепшим. Он совершал долгие прогулки и как-то солнечным днем отправился с собакой за город. Свежий воздух вливал

бодрость, и Ян, сам того не замечая, избрал дорогу, ведущую в Гленьян.

Неожиданно на снегу он заметил большие странные следы. Они походили на медвежьи, но были коротковаты и глубоко проваливались в снег.

Собака обнюхала следы и не выразила никакого желания идти дальше. Но Ян все же пошел вперед. След вел мимо развалин хижины, пересекал ручей по бревну, и с каждым шагом Ян все больше убеждался, что этот след принадлежит крупной рыси. Грипп — так звали пса — умел отлично лаять, но теперь, обнюхивая след, упрямо плелся сзади и только жалобно скулил.

Ян выбрал себе дубинку и продолжал идти вперед. Они были уже в густой чаще, когда Ян вдруг услышал густой, похожий на кошачий крик: «Яу! Яу! Яу!»

Ян замер. Пес задрожал и приник к его ноге. Крик все нарастал, и неожиданно Ян увидел зверя. Это была настоящая рысь. Пес в ужасе бросился в сторону, оставив мальчика одного. Ян был безоружен, и ему ничего не оставалось делать, как последовать примеру Гриппа.

О своей встрече с рысью Ян решил рассказать Рэду. У брата было ружье, и Ян спросил его:

— Ты бы пошел на хорошую охоту?

— Еще бы!

— Я знаю одно местечко, милях в десяти от города, — там полно всякого зверья.

— Так я и поверил!

— А вот увидишь. Я тебе покажу, если не проболтаешься.

— Идет.

— Я сейчас видел там рысь, и если мы пойдем туда с ружьем, то непременно убьем ее.

Ян подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, и мальчики решили пойти на охоту в следующее воскресенье. Ян, подражая индейцам, долго и путано вел Рэда к тому месту, где он впервые заметил следы. Но, не дойдя до тропинки, они встретили человека, продиравшегося сквозь кусты. На плече он нес убитую рысь.

Мальчики забросали охотника вопросами, и тот рассказал, что убил ее накануне. Рысей

в округе не было; по-видимому, она забрела сюда случайно, пробираясь с севера.

Убитая рысь была крупным зверем. Полосы на голове и широко раскрытые желтые глаза придавали ей удивительное сходство с тигром.

Этот случай был далек от настоящего приключения, но Ян запомнил его надолго. Мальчика радовало, что он смог верно определить зверя, о котором знал лишь из самых поверхностных описаний.

Часть Вторая

СЭНГЕР

I. Новый дом

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий, худой, он очень быстро рос, и доктор посоветовал отправить его на год в деревню.

Вот как получилось, что Ян поехал жить к Уильяму Рафтену в Сэнгер.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в таверне, они поехали домой. Там Яна провели в большую кухню, служившую одновременно и столовой и гостиной. Оглядевшись, Ян увидел за печкой длинного, нескладного мальчишку с рыжими вихрами, темными раскосыми глазами и лицом, вероятно, самым печальным на свете.

— Сэм, иди познакомься с Яном, — сказала миссис Рафтен.

Сэм робко вышел вперед, вяло подал руку Яну и, сказав протяжно: «Здра-асьте», снова спрятался за печку, откуда украдкой разглядывал гостя.

Все занялись своими делами, и Ян, оставшись один, почувствовал себя очень несчастным.

Ян с трудом привык к мысли, что ему придется оставить школу. Он молча подчинился приказу отца. Но под конец уже сам с нетерпением ждал дня отъезда. Ведь он уезжал из Боннертона всего на год, а жизнь в деревне обещала ему много радости! Жить на вольном воздухе, среди лесов и полей, — вот где его ожидало настоящее счастье.

Но теперь, когда он очутился в чужом доме, ему стало вдруг очень тоскливо. Ян кусал губы и усиленно моргал

глазами, с трудом сдерживая слезы. Миссис Рафтен сразу поняла, что с ним происходит.

— Он по дому скучает, — объяснила она мужу. — Завтра успокоится.

Миссис Рафтен взяла Яна за руку и повела наверх, где ему была приготовлена постель. Минут через двадцать она снова поднялась посмотреть, хорошо ли он устроился. Подоткнув со всех сторон одеяло, она наклонилась к нему и вдруг заметила, что лицо его мокро от слез.

Миссис Рафтен прижала голову мальчика к себе и несколько раз поцеловала его.

— Не огорчайся, — сказала она, — завтра все пройдет.

Откуда взялась эта тоска и куда исчезла, Ян и сам не знал. На следующее утро он бодро вскочил с постели — его ждал новый, удивительный мир!

Уильям Рафтен был владельцем нескольких ферм и содержал их в отличном порядке. Ему пришлось немало пережить. Бесчисленные удары судьбы ожесточили его. Он был суров в обращении с людьми. Никто не смел ослушаться его. Но близкие ему люди знали, что у этого дельного, умного человека бьется горячее сердце ирландца.

Почти неграмотный, он благоговел перед ученостью и решил, что не пожалеет никаких денег, чтобы дать детям своим образование, которое, как он считал, заключалось в умении бегло читать.

Плохого отношения к животным Рафтен не терпел.

«Человек не смолчит, если его обидают, — говорил он, — а у кого найдет защиту бессловесное животное?»

В округе Рафтен был единственным фермером, который никогда не продавал и не отдавал на убой старую лошадь. «Она, бедная, трудилась всю свою жизнь и заслужила, чтобы ее кормили до последнего дня», — повторял он.

Поэтому Дункан, Джерри и другие лошади долгое время жили у него «на покое».

Миссис Рафтен, славная женщина, очень любила свой дом и семью.

У Рафтенов родилось много детей, но в живых остались только пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме сразу были определены — он должен был присматривать за птицей, а иногда кормить свиней и телят. Кроме того, он помогал Сэму в разной работе по дому.

Дела было много, и Рафтен требовал, чтобы мальчики усердно трудились. Зато в часы досуга им предоставлялась полная свобода.

II. Сэм

Сэм Рафтен говорил медленно, растягивая слова, и потому на первый взгляд казался глуповатым. На самом же деле это было далеко не так.

После того как мистер Рафтен познакомил Яна с домом, Сэм открыл ему все потайные уголки.

Отворив дверь в темную комнату, которая была похожа на подвал, и отыскивая на ощупь закрытое окно, Сэм сказал:

— Тут наша гостиная.

В комнате было душно и пыльно, ведь открывали ее только по воскресеньям, но здесь мальчики нашли то, что немедленно сблизило их обоих: коллекцию птичьих яиц. Яйца лежали на подстилке из отрубей в старой коробке под стеклянной крышкой. На них не было ни одного ярлычка, и настоящий коллекционер вряд ли удостоил бы их взглядом. Ян же с внезапно пробудившимся интересом и симпатией спросил:

— Любишь такие штуки?

— Еще бы! — сказал Сэм. — Я бы набрал вдвое больше, да отец не велит. Пусть, говорит, побольше птиц на ферме живет.

— А ты знаешь, какие у вас птицы водятся?

— А как же! Я тут про всех птиц в округе знаю: где они живут, как выют гнезда.

— А мне можно принести из лесу несколько яичек?

— Нет, отец сказал, что даст пострелять из ружья кроликов, если я перестану разорять гнезда.

— Здесь и кролики есть?

— Прошлой зимой я троих добыл.

— Зимой! — разочарованно протянул Ян. — А теперь?

— Теперь их не найдешь. Но я что-нибудь придумаю. Вот как закончу всю работу, попрошу у отца ружье.

«Как закончим работу» было излюбленное выражение в семье Рафтеных. Они говорили это всякий раз, когда откладывали что-нибудь на неопределенное время.

Сэм открыл нижнюю дверцу буфета и вытащил оттуда несколько кремневых наконечников стрел, найденных во время пахоты на поле, челюсть бобра, пойманного еще в первые дни жизни в Сэнгере, и растрепанное чучело совы.

Увидев эти «сокровища», Ян только и смог воскликнуть:

— Вот это да!

Сэм обрадовался, что семейные ценности произвели на Яна такое впечатление.

— Это отец убил сову на гумне, — объяснил он.

Мальчики быстро подружились.

Днем, работая вместе на ферме, они поведали друг другу свои тайны. После ужина Сэм шепнул Яну:

— Что тебе сейчас покажу! Только поклянись никому не говорить.

— Клянусь! — немедленно ответил Ян.

— Пошли в сарай, — сказал Сэм.

На поддороге Сэм вдруг сказал:

— Забыл я взять кое-что. Ты иди в сад, встретимся там под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм шепнул Яну, хотя кругом не было ни души:

— Иди за мной.

Он повел Яна в другой конец сада, к бревенчатой хижине, служившей теперь сараем, в которой они жили до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись по лестнице на чердак. Там, в самом дальнем углу, Ян снова поклялся вечно хранить тайну. После этого Сэм порылся в старой коробке и извлек оттуда лук, стрелы, ржавый железный капкан, большой нож, рыболовные крючки, кремь с огнивом, коробку спичек и какой-то грязный, похожий на сало кусок, который, по словам Сэма, был сушеным мясом.

— Понимаешь, — сказал он, — я всегда хотел быть охотником. А отец говорит, что я должен стать зубным врачом, потому что охотой много не заработаешь. Но я все равно хочу быть охотником! Как-то отец выпорол меня и Бада. Это мой брат, он умер в прошлом году. Ну вот, отец выпорол нас за то, что мы с Бадом не накормили свиней. И тогда Бад надумал бежать к индейцам,

и я тоже хотел удрать вместе с ним. Но Бад хотел взять отцовское ружье, а я сказал, что это будет воровством. Мы даже с ним подрались, но потом я сказал ему: «А вдруг с нас скальпы снимут? Мне мои волосы еще не надоели. В конце концов, отец нас не убил». И мы с Бадом были сами виноваты — ведь одна свинья даже сдохла с голоду. Так мы и остались дома, хотя я больше всего на свете хотел стать охотником.

Ян выслушал друга и в свою очередь рассказал, как построил в лесу хижину, как любил играть там и как ее разорили бродяги.

— Твой отец не будет сердиться, если мы построим хижину в лесу? — спросил Ян.

— Ну что ты! Только сначала сделаем всю работу.

III. Burvam

На следующий день они решили взяться за постройку. Закончив работу на ферме, мальчики пошли в лес выбирать подходящее место. Небольшой ручей, который они важно называли рекой, протекал по лугу и, пробившись сквозь живую изгородь, продолжал свой бег в лесу. Углубляясь в чащу, ручеек подбирался к болоту, поросшему кедром, где уже не было тропинок. Сэм сказал, что дальше, за болотом, хороший бугор. Шли туда долго, в обход, но зато место оказалось действительно превосходное: высокое, сухое. Ян был в восторге. Сэм тут же вынул топор и хотел приняться за работу, но Ян, который все утро мечтал об этой минуте, сказал:

— Сэм, давай играть в индейцев.

— Это еще зачем? — удивился Сэм.

— Чего только индейцы не умеют делать! Разве белый охотник заметит след ноги в мокасине на гранитной скале? Он побоится идти в лес с одним только ножом. А лодку из березовой коры ему ни за что не сделать... Послушай, Сэм, — продолжал Ян, — ведь мы же хотим быть настоящими охотниками! Так давай станем индейцами и будем все делать, как они.

В конце концов предложение Яна показалось Сэму заманчивым, и он согласился «чутьочку поиграть в индейцев».

— Но индейцы не живут в хижинах! — не успокаивался Ян. — Нам надо строить типи!

— Пожалуй, это было бы очень неплохо, — сказал Сэм, который не раз видел типи на картинках, — но из чего строить?

— Индейцы, которые живут на равнине, делают типи из шкур животных, — уверенно объяснил Ян, — а лесные индейцы — из березовой коры.

— Но у нас хватит березовой коры на типи для бурундука, не больше!

— Ну, сделаем из коры вяза, — тут же нашелся Ян.

— Это уже лучше, — сказал Сэм. — Прошлой зимой мы срубили много вязов, и с них нетрудно содрать кору. Но сперва давай начертим план.

Об этом Ян и не подумал, но Сэм был приучен работать иначе.

Ян стал припоминать, какие жилища индейцев он видел на картинках.

— Кажется, типи была такой формы. — Ян нацарапал изображение индейской палатки на гладком стволе. — Здесь торчали шесты, тут, наверху, было отверстие для дыма, а внизу — вход, что-то вроде двери...

— Похоже, ты никогда не видел ни одной типи, — снисходительно заметил Сэм. — Можно попробовать. Какого же она будет размера?

Было решено сделать типи высотой и шириной в восемь футов.

Через несколько минут Сэм срезал четыре длинных шеста, и Ян тут же отнес их на выбранное место чуть выше по реке.

— А чем мы их свяжем? — спросил Ян.

— Вербками, чем же еще?

— Раз мы живем в лесу, то и все должны брать из лесу. Настоящей веревкой нельзя.

— Придумал! — вдруг обрадовался Сэм. — Когда отец делал изгородь вокруг сада, он связывал шесты ивовый лозой.

Через несколько минут они старательно перевязывали шесты упругими ивовыми прутьями. Но это оказалось нелегко: скользкие прутья то и дело соскакивали и падали на землю. Мальчики совсем растерялись и подумывали уже, не скрепить ли шес-

сты травяным жгутом, когда неожиданно сзади кто-то на-смешливо фыркнул. Ян и Сэм обернулись. Заложив руки за спину, совсем рядом стоял мистер Рафтен. Похоже было, что он давно наблюдал за ними.

Мальчики опешили. У мистера Рафтена была особенность вырастать словно из-под земли там, где что-нибудь затевалось. И если затея была ему не по душе, он едко высмеивал ее. Мальчики с нетерпением ждали, как отнесется Рафтен к их строительству. Если б они занимались этим в рабочее время, нетрудно догадаться, как посмотрел бы на это хозяин фермы, но теперь ребята были свободны, и Рафтен, испытующе оглядев мальчиков, медленно сказал:

— Эй, ребята!

У Сэма отлегло от сердца: начало было неплохое.

— Зачем вы попусту тратите время и возитесь с ивовыми прутьями? Ими шестов не свяжешь. Взяли бы лучше веревку из сарая.

Мальчики вздохнули с облегчением, но даже это мирное и дружеское вступление могло обернуться потом хорошей взбучкой. Поэтому Сэм выжидающе молчал. Но Ян пояснил:

— Мы играем в индейцев и можем пользоваться только тем, что растет в лесу.

— А кто ж вам запрещает? — спросил Рафтен.

— Тогда будет не по правилам.

— Ах, вот в чем дело, — удивленно проговорил Рафтен. — Теперь понятно.

Он внимательно огляделся вокруг и, подойдя к низкому кустарнику, спросил:

— Ты знаешь, что это такое, Ян?

— Нет, сэр, — произнес мальчик.

Ян напрасно гнул ветку с тонкой блестящей кожей, она никак не поддавалась.

— Это кожаное дерево, — сказал Рафтен. — Им и пользуются индейцы. В первое время мы тоже брали его вместо веревок.

— Видишь, — сказал Сэм с довольной улыбкой, когда Рафтен ушел, — отец не сердится, если работа сделана. И как же я сам об этом дереве не вспомнил! Ведь мне говорили, что в старое время, когда

веревек было мало, вещи вязали этими прутьями. А индейцы, я слышал, вязали ими своих пленников.

Мальчики нарезали прутьев, скрепили ими шесты наверху, и каркас типи был готов. Посоветовавшись, они перевязали его прутьями кожного дерева. Для большей устойчивости мальчики прикрепили к обручу четыре коротких шеста, воткнув их концами в землю. Теперь остов типи можно было обшивать корой.

Мальчики пошли к старым вязам, срубленным прошлой зимой, и снова Сэм показал, как он умело орудует топором. Он надсек кору на стволе сверху вниз, поддел ее топорщиком, вбил несколько клиньев и осторожно снял большой кусок. С трех кражей они добыли много коры.

Сэм предложил прибить ее гвоздями к подпоркам, но это привело Яна в ужас: ведь индейцы никогда не пользовались гвоздями!

— Ну а чем же, по-твоему, они прибивали? — спросил Сэм.

— Они вязали ремнями и... и... может, делали деревянные гвозди.

— Но ведь у нас подпорки из твердого дерева. В сосну вобьешь только дубовые гвозди, и то надо заранее просверлить дырки в шестах, иначе ничего не получится. Я сбегал домой за буравчиком.

— Ну, Сэм, это все равно что нанять плотника! Давай играть по-настоящему. Придумаем что-нибудь. Может, скрепить их прутьями кожного дерева?

Сэм выгесал острый дубовый колышек, а Ян проколол им кору по краям, пропустил сквозь эти дырочки прутья кожного дерева, и покрытие для вигвама было готово. Но когда мальчики вошли внутрь, они с огорчением заметили, что стены светятся дырками. Заделать их все было невозможно, потому что кора трескалась во многих местах. Мальчики заткнули только самые большие щели. Теперь им предстояла самая важная и таинственная церемония — развести костер в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал спички.

— Что это ты! — удержал его Сэм. — Разве у индейцев есть спички?

— Правда... — смутился Ян. — Но у меня нет ни кремня, ни огнива. А как добыть огонь трением, я не знаю. Неужели мы из-за этого останемся без костра?

— Нет, огонь у нас будет! — уверенно сказал Сэм. — Доставай свои спички. Вигвам без костра — то же, что старое птичье гнездо или дом без крыши.

Ян чиркнул спичкой и поднес ее к хворосту. Но спичка погасла, вторая и третья тоже.

— Смотрю, ты не очень-то умеешь зажигать костер! Дай-ка я тебе покажу. Пусть белый охотник поучит индейца, как жить в лесу, — хитро улыбнулся Сэм.

Сэм наколот топором тонкие лучинки от сухого соснового корня и на концах каждой настругал пучок стружек.

— Верно! — обрадовался Ян. — Я видел на картинке индейца с такой палочкой.

Сэм зажег спичку, и через минуту в вигваме весело затрещал огонь.

— Это бабушка Невилль научила меня. Она все-все про лес знает.

— Кто такая бабушка Невилль? — спросил Ян.

— Старая колдунья. Она живет в домике у излучины реки.

— А нет ли у нее внучки Бидди? — Ян неожиданно вспомнил, что у него была подружка родом из Сэнгера.

— Конечно! — воскликнул Сэм. — Бидди — она молодчина: здоровая, сильная. Умеет делать все.

Устроившись на подстилке из еловых веток, Ян сказал:

— До чего ж хорошо!

— Мы как настоящие индейцы! — ответил Сэм. Он сидел по другую сторону костра. — Послушай, Ян, — вдруг добавил он, — не подкладывай больше веток, здесь очень жарко, и потом, что-то неладно с трубой. Может, засорилась...

Костер горел ярко, а дыму все прибавлялось. Маленькое отверстие наверху дым, наверное, принял за ошибку и упрямо не желал покидать через него вигвам. Он выбивался во все щели, вырываясь из двери клубами, но большая часть дыма, казалось, была вполне довольна вигвамом, и через несколько минут дым выкурил оттуда обоих индейцев. Из глаз у них лились слезы, и настроение совсем упало.

— Похоже, — заметил Сэм, — что мы перепутали отверстия. Видно, дверь надо было сделать вверх, раз дым только и хочет выходить через нее.

— У индейцев тяга хорошая, — сказал Ян, — и белый охотник должен знать, как это делается.

— Может, нам закрыть дверь, тогда дым поневоле потянется в трубу? — предложил Сэм.

Так и сделали. Сначала дым повалил вверх, но потом снова стал набиваться в вигваме.

— Будто выползает из щелей, а труба его обратно всасывает! — огорчился Ян.

События оборачивались очень печально. Им так хотелось посидеть в вигваме около костра! Но мечта рушилась: дым невыносимо щипал глаза.

— Может, лучше построить хижину? — предложил Сэм.

— Нет, — сказал Ян, — у индейцев получается, выйдет и у нас. Надо только разобраться как следует.

Все их попытки что-нибудь исправить ни к чему не привели. Вигвам по-прежнему наполнился дымом. Кроме того, внутри было тесно и неудобно, ветер проникал во все щели, которых становилось все больше, потому что кора вяза высыхала и трескалась.

Как-то в лесу их застал проливной дождь. Мальчики хотели укрыться от него в своем унылом жилище, но потоки воды хлынули через дымовое отверстие, в щели и трещины.

— Да тут льет сильнее, чем снаружи! — сказал Сэм, выбегая из вигвама.

Ночью разразилась сильная гроза, и на следующий день мальчики нашли на месте своего вигвама только груды коры и палок.

Однажды за столом Рафтен, как обычно сурово, спросил мальчиков:

— Ну что, построили вигвам?

— Его буря снесла, — ответил Сэм.

— Как же так?

— Не знаю. И сидеть там нельзя было — дыму набиралось полный вигвам.

— Плохо сделали, — сказал Рафтен и вдруг с интересом, который говорил о том, с какой радостью Рафтен присоединился бы к этой игре лет сорок назад, добавил: — Почему вы не сделали настоящую типи?

— А мы не знаем как, да и не из чего.

— Ладно. Работали вы хорошо, и я отдам вам за это старую покрывку с фургона. Кузен Берт поможет вам, будь он здесь. Может, Калев Кларк знает? — сказал он, подмигнув одним глазом. — Спросите-ка его.

— А можно нам пойти к Калебу, отец?

— Как хотите, — ответил Рафтен.

Рафтен никогда не говорил впустую, и Сэм это знал. Поэтому, когда он ушел, ребята достали старую крышку от фургона. Развернув ее, они увидели, что это большой кусок брезента. Мальчики спрятали его в сарае, который был отдан в их распоряжение, и Сэм сказал:

— Я бы прямо сейчас пошел к Калебу. Он наверняка лучше других знает, как строить типи.

— А кто такой Калев? — спросил Ян.

— Да это старый Билли. Он однажды стрелял в отца, после того как отец обхитрил его на лошадиной ярмарке. Он чудак, этот Калев. Долго был охотником и хорошо знает лес. Ну и влетит мне, если он догадается, чей я сын! Ладно, как-нибудь его проведем.

IV. Бабушка Невиль

Мальчики отправились к Калебу. Идти надо было вдоль ручья. Дойдя до излучины, они увидели маленькую бревенчатую хижину, перед которой копошились куры и разгуливала свинья.

— Здесь живет колдунья, — сказал Сэм.

— Бабушка Невиль?

— Да. Ну и любит же она меня! Как старая курица — ястреба.

— А за что?

— Наверное, за свиней. Но началось, пожалуй, с деревьев. Отец срубил много вязов, а она очень любила смотреть на них из хижины. Потом история со свиньями. Как-то ей пришлось туго зимой. Она пришла к отцу, и он купил у нее за семь долларов обеих свиней. Дома он сказал матери: «Похуже, у старухи плохи дела, отнеси ей в следующую суб-

боту два мешка муки, картофеля и сви-
нины». В общем, мама отнесла ей всяко-
го добра долларов на пятнадцать. Стару-
ха молчала, пока мама не сложила все в
погреб, а потом накинулась на нее: «Мне
не нужны ваши подачки!» Она разозли-
лась на нас, когда отец купил ее свиней,

но совсем рассвирепела, когда получила в подарок припасы.

— И не стыдно ей! — сказал Ян, сочувствуя Сэму.

— Нет, ты зря, — возразил Сэм. — Она просто чуждачка. Если сумеет, ни за что не даст срубить дерево. Весной бродит часами по лесу, садится около цветов и что-то шепчет им. И птиц тоже любит. Каждую зиму сама чуть с голоду не помирает — все птицам скармливает, которые слетаются к ее домику. Многие даже на руку к ней идут. Отец говорит, что птицы принимают ее руки за старые сосновые корни, а по моему, она просто умеет их приласкать. Стоит на морозе не шевелясь и все приговаривает: «Милые вы мои...» Видишь наверху окошко? — спросил Сэм, когда они приблизились к домику бабушки Невилль. — Это чердак. Там у нее хранятся запасы всяких трав.

— Для чего?

— Лечит ими.

— Да, вспомнил! Бидди говорила, что ее бабушка лечит травами. «Травяной доктор» — называла она ее.

— Доктор? Она ничуть не доктор. Просто знает в лесу каждую травинку. На чердаке трава лежит целый год, на ней спит кошка, вот от этого, наверное, трава и становится целебной.

— Мне бы хотелось посмотреть на нее, — сказал Ян.

— Я думаю, можно.

— А тебя она знает?

— Знает, — ответил Сэм. — Но я немножко схитрю. Больше всего на свете она любит больных. Сейчас сам увидишь.

Сэм закатал рукава, с пристрастием оглядел свои локти, но, видимо, безуспешно. Затем он стал пристально разглядывать ноги. Конечно, у мальчишек всегда полно царапин и ссадин. Сэм выбрал лучшую из них — под коленкой большую царапину от гвоздя. Свинцовым карандашом он изобразил вокруг омертвевшую кожу, кожурой неспелого ореха добавил неприятный коричневато-желтый оттенок, и в результате получилось страшное, болезненного вида пятно. Пожевав какую-то траву, он выплюнул желто-зеленую жижу на платок и обвязал им свою «рану». Подняв с земли палку, Сэм заковылял к хижине. Когда мальчишки были

совсем близко, приоткрытая дверь с треском захлопнулась. Ничуть не испугавшись, Сэм подмигнул Яну и постучал. В ответ донесся лай маленькой собачонки. Сэм стукнул еще раз. За дверью послышался шорох, и снова все смолкло. В третий раз на стук Сэма в хижине кто-то пронзительно крикнул:

— Убирайтесь отсюда!

Сэм ухмыльнулся, а потом, растягивая больше обычного слова, сказал:

— Помогите бедному мальчику, бабушка! Доктора ничего не могут ему сделать.

Кстати, в последнем он был прав: чем мог доктор помочь здоровому мальчику?

Ответа не последовало, но Сэм решился открыть дверь.

В комнате перед печью, поблескивая покрасневшими глазами, сидела старуха с трубкой во рту. На коленях она держала кошку, а у ног сидела собачонка, которая сердито зарычала на чужих.

— Ты ведь Сэм Рафтен? — свирепо сказала старуха.

— Да, бабушка, — ответил Сэм. — Я наткнулся на гвоздь в заборе. Говорят, так кровь отравить можно. — Сэм поставил немножко, охал и морщился.

Слово «убирайтесь» было забыто. Доброе сердце старухи прониклось сочувствием к пострадавшему. Ей было даже приятно, что недруг так смиренно просит ее о помощи.

— Давай погляжу, — буркнула она.

Пока Сэм, охая, пытался развязать отвратительные тряпки, обмотанные вокруг колена, в комнату вошла Бидди.

Она и Ян тут же узнали друг друга. Встреча их была очень теплой, и Бидди сразу же засыпала Яна вопросами.

— Помнишь, я говорила тебе о бабушке, — сказала Бидди, — вот она. Бабушка, знакомься, это Ян. Я работала у его мамы. Верно ведь, Ян? А бабушка расскажет тебе про травы. Она это хорошо знает.

Сэм снова громко охнул, и все повернулись в его сторону.

— Это, кажется, Сэм Рафтен? — холодно сказала Бидди.

— Да, — кивнула бабушка, — он смертельно болен. Доктора отказались лечить его, и он пришел ко мне.

Словно в подтверждение ее слов, Сэм опять громко застонал.

— Дай ножницы, Бидди. Придется разрезать штанину.

— Нет, нет! — с неожиданной силой заговорил Сэм, с ужасом думая о том, как ему за это попадет дома. — Я могу закатать ее.

— Ну хорошо. Хватит так, — сказала старуха. — Да, да, тут у тебя дикое мясо. Я вырежу его. — И она стала рыться в карманах.

Сэм сообразил, что она ищет нож, и уже был готов ринуться к двери.

Но старуха вдруг передумала:

— Или лучше дам тебе кое-что выпить.

• Ян и Сэм с облегчением вздохнули.

— Вот. — Старуха протянула Сэму жестяную кружку с водой, куда она всыпала порошок из сухих толченых листьев.

Сэм выпил.

— Возьми эти ветки с собой и прокипяти их в двух галлонах* воды. Пей настой каждый час по стакану. Потом два раза в день прикладывай к больному месту разрубленного цыпленка. И все у тебя пройдет. Только запомни: дважды в день свежего цыпленка.

— Может, индюшонка лучше? — простонал слабо Сэм. — Мама очень любит меня и денег не пожалеет.

Сэм фыркнул: видно, смертельная опасность миновала.

— Что это за растение, бабушка? — спросил Ян, старательно избегая взгляда Сэма.

— Лесное.

— А как оно называется? И на что похоже?

— Само на себя похоже, а называется лещиной.

— Я как-нибудь покажу тебе, — сказала Бидди.

— Нам пора домой, — негромко вставил Сэм, — я чувствую себя лучше. Где моя палка? Вот, Ян, неси мое лекарство. Только осторожней.

Ян взял пучок веток. Бабушка просила заходить к ней и проводила их до двери.

— Да, стойте! — вдруг сказала она.

И, подойдя к единственной кровати, отвернула простыни, под которыми оказалась груда румяных яблок. Она вынула два самых лучших и протянула мальчикам.

* Галлон — единица емкости в США, равная примерно 3,7 л.

— Я прячу их там от свиней. Таких хороших яблок у меня еще никогда не было.

— Еще бы! — прошептал Сэм тихо, чтобы не услышала старуха. — Ее сын Ларри выкопал эти яблони у нас в саду прошлой осенью. Это единственный зимний сорт. Только они сейчас нагрелись в постели.

— До свидания, — сказал Ян. — Большое вам спасибо!

— Мне лучше, — вздохнул Сэм. — Не тянет больше. Теперь мне другого лекарства не нужно.

Выйдя из дома, Сэм хотел тут же забросить палку подальше, но Ян уговорил его хотя бы немного поволочить ногу, пока они не скроются из виду. К слову сказать, старуха сразу заметила перемену в походке Сэма и подозвала Бидди убедиться в том, как быстро помогли ее средства молодому Рафтену, когда «доктора уже совсем отказались от него».

— Теперь к Калебу Кларку! — сказал Сэм.

— Ты здорово шагаешь для хромого мальчика, которого отказались лечить врачи, — сказал Ян.

— Верно, это дикое мясо меня подгоняет.

— Давай спрячем ветки куда-нибудь, пока не вернемся, — сказал Ян, протягивая пучок лещины.

— Я-то их спрячу, — сказал Сэм и швырнул ветки прямо в реку.

— Зачем ты? Может, они бабушке Невилль нужны?

— Этому старому венику там и место. Хватит с меня, что я выпил того пойла. От него здорово несло кошкой.

Ян промолчал, но остался недоволен. Он считал невежливым выкидывать ветки так близко от дома старухи. И к тому же ему хотелось узнать, может ли оказать лещина какое-нибудь действие.

V. Калед

В миле от этого места стояла хижина Калеба Кларка. Когда мальчики подошли поближе, они увидели, как высокий сутулый человек с длинной белой бородой вошел в дом, неся охапку дров.

— Видал старика? — спросил Сэм. — Пожалуй, начать разговор лучше тебе. С ним столкнуться не так легко, как со старухой, и потом, он тоже сердит на отца.

Ян нерешительно шагнул вперед и постучался в приоткрытую дверь. Из хижины донесся глухой лай собаки, и на пороге появился седобородый хозяин.

— Что вам надо? — спросил он.

— Вы мистер Кларк?

— Да. — И, обернувшись к рыжевато-черной гончей, сказал: — Молчать, Турок!

— Я пришел... мы хотели спросить у вас кое-что, если вы позволите.

— Зовут тебя как?

— Ян.

— А другой кто?

— Товарищ мой, Сэм.

— Мое имя Сэм Хорн, — сказал Сэм, и в этом была доля правды, так как полное имя его было Сэмюэль Хорн Рафтен. Но эта небольшая хитрость, на которую он пошел, смутила Яна.

— Откуда ты?

— Из Боннертона, — ответил Ян.

— Сегодня оттуда? — недоверчиво спросил Кaleb.

— Нет, но... — начал Ян.

И тут Сэм, который держался поодаль, чтобы Кaleb не узнал его, испугался, как бы его доверчивый друг не проговорился.

— Видите ли, мистер Кларк, — вмешался он, — мы остановились в лесу и хотели поставить себе типи, чтобы жить в ней. У нас есть материал, и нам сказали, что вы знаете, как это сделать.

— Кто сказал вам?

— Бабушка Невилль. Она живет у реки.

— А где вы живете теперь?

— Понимаете, — снова поторопился опередить своего друга Сэм, — мы уже построили в лесу вигвам из коры, но он получился плохой.

— В чьих лесах?

— В миле отсюда, у реки.

— Так, так. Это в лесу Рафтена или у Бернса.

— Да, наверное.

— А ты удивительно похож на Сэма Рафтена! — вдруг крикнул Кaleb. — Негодный мальчишка! Пришел и хочешь одурачить меня? Вон отсюда!

Ян покраснел и шагнул назад. Его товарищ, прикусив язык, последовал за ним, но Сэм был сыном своего отца и поэтому, повернувшись к Кларку, сказал:

— Послушайте, мистер Кларк, я вам скажу всю правду: мы пришли сюда, чтобы вы объяснили нам простые вещи. Только вы один умеете строить типи. Я знал, что вы сердитесь на отца, поэтому схитрил немножко. Лучше было прийти и честно сказать: «Я сын Рафтена. Помогите мне». Я не думал, что вы так рассердитесь на меня и моего друга.

Между любителями леса издавна существует взаимная симпатия. Каждый из них готов поделиться своими знаниями с тем, кто захочет узнать о лесе побольше. У старого Калеба, угрюмого и раздраженного всякими невзгодами, было доброе сердце. Он вдруг позвал Яна и спросил его:

— Ты тоже Рафтен?

— Нет, сэр.

— Родственник их?

— Нет, сэр.

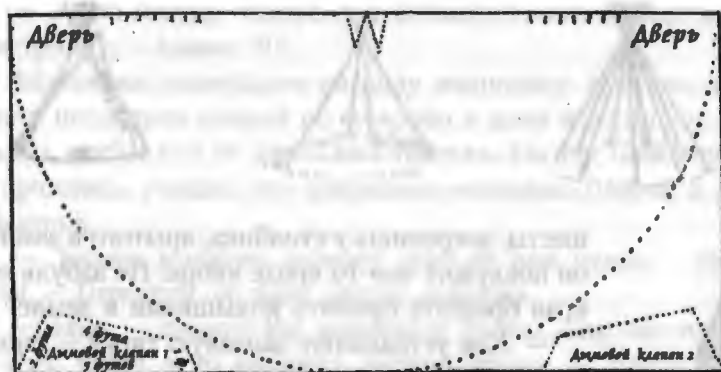
— Что ты хотел спросить у меня, мальчик?

— Мы построили вигвам из коры, но он никуда не годится. Теперь у нас есть брезент для типи, но, как ее сделать, мы не знаем.

— Ах, типи. Вот оно что... — сказал Кaleb задумчиво.

— Нам говорили, что у вас была когда-то типи, — отважился добавить Ян.

— Да, лет сорок назад. Но одно дело носить платье, а другое — сшить его. Кажется, она была устроена так... — И Кaleb принялся рисовать угольком на куске оберточной бумаги. — Подождите-ка... Ага, припоминаю. Видел однажды, как индейские женщины делали типи. Сперва они сшили шкуры. Потом расстелили их на лугу. В середине верхнего края воткнули колышек. К нему привязали веревку с углем на конце и очертили полукруг на шкуре. По этой линии отрезали шкуру ножом, а из кусочков сделали два клапана и пришили их. Эти отверстия для дыма улучшают тягу. Вот и все. Думаю, что для типи в десять футов нужны десять шестов и еще два для дымовых клапанов. Сначала свяжешь вместе три шеста и воткнешь их в землю. К нимставишь остальные, кроме одного, и перевяжешь покрепче веревками. К последнему шесту прикрепишь коротким ремешком брезент и приладишь его на место. Покроешь шесты

Масштаб - шесть футов

брезентом и соединишь его края маленькими деревянными колышками. Два длинных шеста вставляются в дымовые клапаны. Ими будешь приспосабливать отдушину к направлению ветра.

Кaleb все время обращался к одному Яну, как бы не замечая стоявшего подле Сэма, но того, как и его отца, мало что смущало. Он предвидел еще много трудностей и поэтому решился задать Калебу вопрос:

- Как закрепить типи, чтобы ее не сорвало ветром?
- Сделаешь так, — начал Кaleb, по-прежнему обращаясь к Яну, — конец длинной веревки, которой ты обвязал сверху

шесты,крепишь у столбика, врытого в землю, он послужит чем-то вроде якоря. Не забудь все края брезента прибить колышками к земле.

— Как устраивают дымовую тягу? — снова спросил Сэм.

— Раскачиваешь шестами клапаны, пока они не встанут по ветру.

— А как закрыть дверь?

— У некоторых типи края покрышки просто заходят один на другой. Но в хороших типи делают дверь из того же материала, что и покрышка, натягивают его на раму из гибкого дерева и прикрепляют шнуром к шесту.

Похоже было, что Калев окончил свой рассказ. Ян бережно сложил замусоленную бумагу, спрятал в карман и сказал:

— Спасибо!

Калев не ответил ни слова, но, когда мальчики собрались уходить, сказал вслед:

— Где вы остановились?

— На холме у реки, в болотах Рафтена.

— Может, приду посмотреть, — добавил Калев.

— Приходите! — отозвался Сэм. — Держитесь меченой тропинки от живой изгороди.

— Зачем ты говоришь неправду, Сэм? — спросил Ян, когда Калев уже не мог их слышать. — Ведь там нет никакой меченой тропинки!

— А я думал, так лучше, — спокойно ответил Сэм. — И потом, если хочешь, сделаем метки до прихода старика.

VI. Постройка типи

Рафтен был очень доволен, узнав, что мальчики все-таки ходили к Калебу и расспросили его обо всем.

— Старый Калев не так уж разбирается в устройстве типи, как я думал, — сказал Сэм.

— А по-моему, теперь мы спокойно можем взяться за постройку, — сказал Ян.

Мальчики разостлали на полу покрышку фургона, положили несколько камней по ее краям и даже вбили пару гвоздиков, чтобы она не двигалась с места. Но тут они страшно огорчились, увидав, что покрышка оказалась старой и разорванной.

— Теперь понятно, почему отец ее нам отдал, — сказал Сэм. — Пожалуй, ее надо сперва залатать.

— Нет, — сказал Ян властным тоном, как он говорил всегда, когда дело касалось лесной жизни, — лучше сначала раскроем, чтобы не чинить места, которые потом обрежем.

— Ты голова! Только заплаты не очень-то украсят типи.

— Ничего, — ответил Ян, — у индейцев тоже много заплат на типи в местах, где их пробивают пули и стрелы.

— Я очень рад, что не сидел в типи во время всех сражений, — сказал Сэм, указывая на многочисленные дырки.

— Отойди и дай-ка лучше мне веревку.

— Осторожней! — сказал Сэм. — У меня болит колено. Беспокоит так же, как в тот день, когда ходили к старой колдунье.

Ян не слушал его.

— Давай посмотрим, — сказал он, — может, мы обрежем все лохмотья и выкроем двенадцатифутовую типи. Двенадцать футов высотой — это значит двадцать четыре в диаметре. Здорово! Ну, я отмерю.

— погоди, — остановил его Сэм. — Кaleb сказал, что индейцы отмечают головешкой; ты не имеешь права чертить мелом, тогда уж плотника зови, — съязвил он.

— Ладно. Иди за головешкой, а если не найдешь, принеси ножницы.

Заглядывая поминутно в план Калеба, мальчики вырезали покрышку — это оказалось совсем не трудным делом. Затем они принялись чинить дыры: взяли иглы, бечевку, но, хотя они и делали длиннющие стежки, работа подвигалась очень медленно. Сэм отпускал всякие шуточки по поводу каждого куска, который он сшивал. Ян работал сосредоточенно и молча. Сперва у Сэма стежки выходили ровнее, но мало-помалу Ян приновился и стал шить даже лучше своего друга.

В тот вечер мальчики показали свою работу Си Ли. Он второй год работал у Рафтена на ферме. Посмотрев на по-крышку с плохо скрытой равнодушной усмешкой, Си Ли сказал:

— Почему изнутри не залатали?

— Не догадались, — ответил Ян.

— Мы сами будем жить внутри, пусть у нас там будет красиво, — нашелся Сэм.

— Эту заплатку можно пришить четырьмя стежками, а не десятью, как у вас. — Си показал на большие, неуклюжие стежки. — По-моему, это пустая трата времени.

— Ну ладно! — не удержался Сэм. — Если тебе не нравится наша работа, посмотрим, как сделаешь ее ты! Шитья всем хватит.

— А где зашивать?

— Спроси Яна. Он тут главный. Старый Кaleb не хотел и говорить со мной. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Всю дорогу домой я ревел, верно, Ян?

— Надо пришить и подрубить дымовые клапаны, на их концах сделать карманы и... и... пожалуй, — робко прибавил Ян, — было бы лучше подрубить все края.

— Вот что: я все сделаю, — сказал Си, — если вы сходите сегодня к сапожнику и возьмете мои сапоги.

— Идет! — согласился Ян. — И знаешь что, Си? Все равно, какая сторона по-крышки будет снаружи. Можно заплаты и внутрь поставить.

Мальчики взяли деньги, чтобы уплатить за сапоги, и после ужина отправились к сапожнику.

VII. Тихий вечер

Был тихий июньский вечер, на все голоса заливались птицы.

Когда мальчики вышли из своего сада, в небе показался ястреб. При виде парящего хищника птицы умолкли. Многие из них успели скрыться, лишь один жаворонок тщетно пытался спастись в открытом поле. Ястреб ринулся за ним. Еще миг — и хищник схватил бы перепуганного певца, но тут с яблони сорвалась небольшая черно-белая птица.

Издав пронзительный боевой клич, взъерошив на голове перышки, из-под которых, словно боевое знамя, заалели нижние, огненные, она дерзко ринулась на ястреба.

«Клик-клик-клик! — разнесся ее яростный вопль. — Клик-клик-клик!»

Птица черно-белой стрелой вонзилась ястребу между крыльями как раз в ту минуту, когда отчаявшийся жаворонок припал к земле и спрятал голову, ожидая смертельного удара. Ястреб заметался в ужасе от неожиданного нападения. И вдруг, вскинувшись подобно дикому коню, он сбросил пустельгу и скрылся в лесной чаще, а пустельга вернулась назад, изредка испуская громкий клич, наверное извещая друзей о своей победе.

— Ну и молодец! — сказал Сэм с искренним восторгом.

Это вывело Яна из оцепенения. Восхищенный бесстрашной птицей, мальчик был погружен в глубокое молчание.

Впереди на дороге прыгал воробей. Когда Сэм и Ян нагоняли его, он взлетал, мелькая белыми перышками на хвосте, и снова садился впереди мальчиков.

— Это трясогузка, — заметил Сэм.

— Нет, воробей! — сказал Ян, удивившись, что тот ошибся.

— Может быть, — не стал спорить Сэм.

— А говорил, что знаешь всех птиц в округе! — вспомнил Ян их первый разговор.

— Я просто похвастался. Хотел, чтобы ты считал меня необыкновенным парнем, — сознался Сэм. — Ты ведь так и думал сначала.

Дятел в красной шапке, гоняясь за лимонницей, уселся на забор и оглядывал мальчиков. Лучи заходящего солнца на ярком оперении дятла, сиреневая изгородь и желтая бабочка — все это пышное сочетание красок очень нравилось Яну.

Солнце село, но в этот необыкновенно тихий и теплый вечер откуда-то с вяза долго еще лилась звонкая песня малиновки.

— Я бы остался здесь навсегда, — сказал Ян и слегка вздрогнул, вспомнив, с какой неохотой он ехал в Сэнгер.

Мальчики в молчании шли по дороге, каждый погруженный в свои мысли.

Сапоги были готовы. Сэм перекинул их через плечо, и мальчики тронулись в обратный путь.

И тут над их головами раздалось громкое, но нежное «гу-ху-ху-ху», словно где-то в вышине ворковал огромный голубь. Мальчики остановились, и Сэм шепнул:

— Большая сова.

Сердце Яна затрепетало от радости. Он много читал об этих птицах, даже видел живых в клетке, но здесь он впервые услышал крик настоящей совы.

Было уже совсем темно, но отовсюду неслись звуки: лесная жизнь шла своим чередом. В чаще тянул свою песню козодой, квакали лягушки, с заболоченного озера докатился странный крик, напоминавший смех.

Вдруг в лесу раздалось громкое, пронзительное: «Уа-уа-уа-уа!»

— Слышал? — воскликнул Сэм.

И снова, на этот раз гораздо ближе, прокатился дрожащий звук, резкий, непохожий на птичьи голоса.

— Енот, — прошептал Сэм. — Вот уберут хлеба, придем сюда поохотиться.

— Здорово! — обрадовался Ян. — Как жаль, что нельзя сейчас! Я никогда не охотился на енотов, да и вообще ни разу не был на охоте. А зачем ждать до осени?

— Сейчас не найти их. А тогда только скажешь: «Я и моя собака встретим енота у ближнего амбара», — и вот посмотришь, так оно и получится.

— Но они ведь совсем рядом! Слушай, еще один!

— Вот и ошибаешься! — сказал Сэм. — Даже охотники путают. Сейчас кричала сова-сипуха. Ее голос мягче, чем у енота, и свистящий...

Ян тут же понял, каким неистовым казался крик енота по сравнению с нежным, мелодичным звуком.

Когда мальчики подошли ближе к дереву, откуда кричала сова, что-то серое бесшумно пролетело над их головами, на миг заслонив собой звездное небо.

— Вот она! — прошептал Сэм. — Сипуха! И совсем она не сипит, верно ведь?

— Вот бы поохотиться на енота! — снова сказал Ян.

— Можно попробовать, если тебе так хочется, — ответил Сэм. — А животных я знаю больше, чем птиц, — продолжал он. — Попрошу отца как-нибудь пойти вместе с нами. Мо-

жет, мы нападём на след оленя, если уйти отсюда миль за десять, на дальнее болото. Жалко, что отец поссорился с Калёбом, — он-то все места знает! Его старая гончая поймала столько енотов, что и не сосчитаешь!

— Ну, если это во всей округе единственная собака, которая ловит енотов, я берусь ее достать! — заявил Ян.

— Верю! — восхищенно сказал Сэм.

Было десять часов, когда мальчики вернулись домой. Все спали, кроме мистера Рафтена. На следующее утро, придя в сарай, мальчики увидели, что Си Ли пришил дымовые клапаны, переделал самые неудачные заплаты и подрубил весь низ покрышки.

Мальчики сразу отнесли покрышку в лес. Когда они подходили к кустарнику, стоявшему стеной около реки, Ян сказал:

— Давай оставим метки на дороге для Калёба.

— Ладно. Делай зарубки на деревьях через каждые несколько ярдов.

— Так? — спросил Ян, надрубив ствол в трех местах.

— Нет, — покачал головой Сэм, — это получилась «метка охотника» для капканов, а «метка дороги» делается на обеих сторонах дерева. Тогда ее увидишь и при возвращении. А если этой тропой ходят ночью, зарубки надо сделать поглубже.

VIII. Священный огонь

— «Десять крепких шестов и два длинных тонких», — читал Ян вслух свою запись.

Шесты были тут же срублены и принесены к месту постройки.

— «Связать их вместе с покрышкой...» Связать, а чем? Он говорил, сыромятным ремнем, и еще говорил, что покрышка должна быть из шкур. Придется нам взять простую веревку. — Ян несколько смутился от своей уступки.

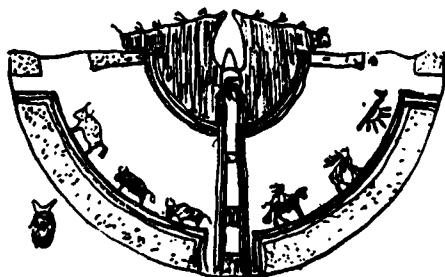
— Я так и знал, — не спеша проговорил Сэм, — поэтому захватил моток веревки, только не решился сказать тебе дома.

Мальчики прочно связали треножник и укрепили его в земле. Девять шестов аккуратно вбили по кругу. Послед-

ний, с покрывшей, привязанной к нему за выступ между клапанами, поставили против двери. Теперь потребовались соединительные булавки. Ян хотел сделать их из побегов орешника, но мягкое дерево не годилось для этого. Сэм сказал:

— Булавки надо делать из белого дуба.

Сэм расколол дубовое полено, потом половинки снова расщепил на две части, и так до тех пор, пока не получились тонкие лучинки, которые можно было обстругать ножом. Ян тоже взялся за топор.

— Не так! — сказал Сэм. — Старайся попасть в самую середину, а то топор пойдет криво. Будешь колоть всю зиму — научишься.

Мальчики сделали десяток колышков и воткнули в заранее приготовленные для этого дырки. Получилось красиво, потому что все колышки были одинаковой формы. Теперь оставалось только закрепить покрывку кольями внизу.

— Сделай десяток дубовых колышков длиной в дюйм и шириной в четверть дюйма, — сказал Сэм Яну.

Затем он отрезал от веревки десяток концов по два фута длиной и, продев их в дырки на краю покрывки, завязал каждую узлом. Десять петелек, накинутах на колья, крепко прихватили типи к земле. Наконц все было окончено.

И вот пришел черед самой торжественной минуте — оставалось зажечь первый костер. Мальчики испытывали те же чувства, что и настоящие индейцы: ведь освящение новой типи всегда считалось актом глубочайшей важности и значения.

— Лучше не спешить, чтобы костер не потух, — сказал Сэм. — Плохо, если не зажжем с первой спички.

— Еще бы! — поддержал его Ян. — Эх, Сэм, если бы нам удалось добыть огонь трением!

— Эй, ребята! — послышался за спиной голос.

Мальчики обернулись. Перед ними стоял Кaleb. Он подошел поближе и кивнул:

— Построили типи, да? Неплохо. Только зачем вы ее к западу повернули?

— Чтобы на речку смотрела, — ответил Ян.

— Забыл вам сказать, — начал Кaleb, — индейцы всегда ставят типи лицом на восток. Во-первых, утреннее солнце падает внутрь, а потом, ветер чаще дует с запада, и от этого тяга лучше.

— А если ветер с востока, как во время дождей? — спросил Сэм.

— Когда ветер восточный, — сказал Кaleb, ни к кому не обращаясь, словно ему и не задавали вопроса, — нужно натянуть туго клапаны один на другой, вот так. — И Кaleb скрестил руки на груди. — Дождь ни за что не попадет тогда, а если при этом нет тяги, надо приподнять слегка край pokrышки около двери. Потом помните: никогда не ставьте

типи под деревьями. Это опасно: во время грозы в них может ударить молния. И после дождя с деревьев часами капает. Выбирайте для типи самое солнечное место.

— Мистер Кларк, вы когда-нибудь видели, как индейцы добывают огонь из дерева?

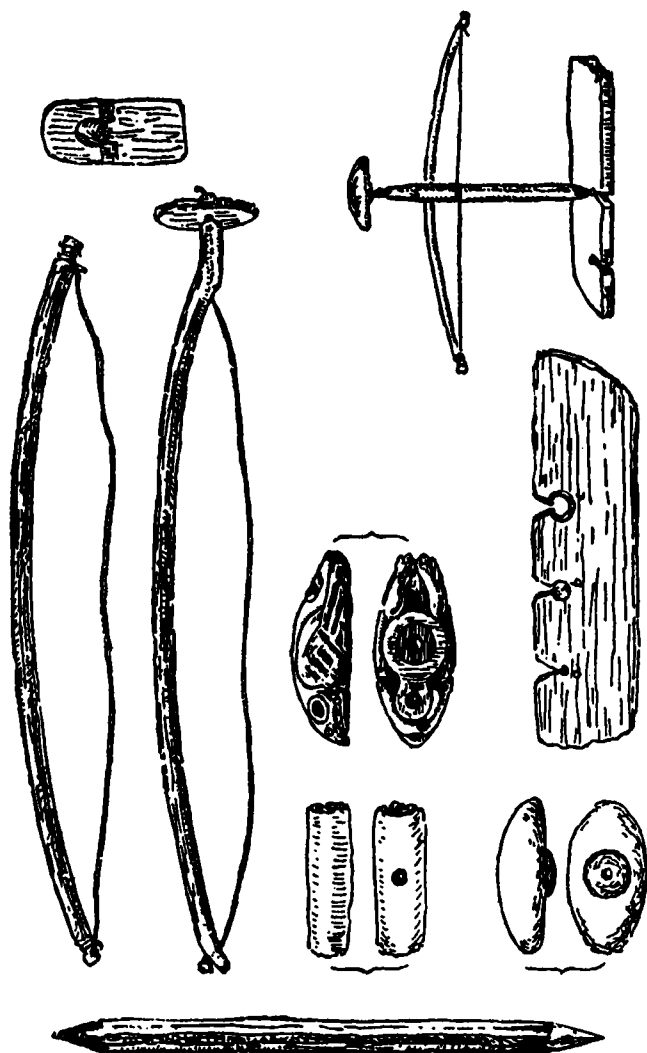
— Конечно. Но теперь индейцы пользуются спичками. А раньше часто видел.

— А это долго? Трудно?

— Не трудно, когда знаешь, что к чему...

— Эх, разжечь бы так первый костер! — с жаром воскликнул Ян. — А вы можете добыть огонь таким способом?

— Да, — ответил старик, — только надо особое дерево. Не всякое годится. Индейцы, живущие на равнине, берут корень

виргинского тополя, а горные индейцы пользуются липой, кедром, серебристой сосной или пихтой. Легче всего устроить бурав. Найдется у нас кусок оленьей кожи?

— Нет.

— Или просто полоска мягкой кожи?

— Ремешки от моих башмаков не пригодятся? — спросил Ян.

— Тонковаты... Но мы их сложим вдвое. Тогда все в порядке. Веревка сгодилась бы, да она быстро перетирается. —

Калев взял ремешки и сказал: — Найдите мне небольшой камень с ямкой посредине.

Мальчики пошли к реке, а Калев — в лес. Скоро он вернулся с плоским обрубок сухой пихты и колышком из того же дерева. Он принес еще слегка согнутую палку в три фута длиной, немного соснового трута и сухого кедра.

Колышек имел восьмигранную форму, «чтобы держался ремень», как объяснил Калев. С обоих концов он был заострен. Калев привязал ремешок к выгнутой палке, как тетиву к луку, но свободно, так что можно было еще раз обернуть вокруг колышка и натянуть как следует. Плоский кусок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку и затем над ней кончиком ножа вырезал маленькое углубление.

Из куска кедра Калев настругал много стружек. Вырыв в земле ямку, он опустил туда трут и накрыл пихтовой дощечкой. В углубление, сделанное в ней, Калев вставил кончик колышка, а на верхнее острие надел камень, принесенный с речки. Крепко держа камень левой рукой, Калев принялся равномерно двигать лук по кругу. Колышек начал вращаться, и через несколько секунд бурая пыль посыпалась из-под него прямо в ямку с трутом. Выемка росла, древесная пыль все темнела. Калев сильнее нажал левой рукой на камень, и его правая рука заработала еще быстрее. Из-под колышка маленькими кольцами стал куриться дымок. Увидев это, Калев откинул лук и стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре посреди типи затрещал первый костер.

Лицо старика светилось от удовольствия. Ян и Сэм были счастливы.

IX Лук и стрелы

— Твое оружие никуда не годится, — сказал Ян, когда они с Сэмом однажды стреляли в саду из лука. — Оно похоже на мой первый лук, который я сам смастерил в детстве.

— Ну что ж, дедушка, посмотрим, какой ты теперь делаешь! — засмеялся Сэм.

— Во-первых, он будет раз в пять тяжелее.

— Ты его не поднимешь!

— Стрелу держи по-другому, тогда получится. Прошлой зимой я прочел одну книгу и теперь знаю, как надо. Ты зажимаешь стрелу и слабо натягиваешь лук. Продень пальцы под тетиву — вот тогда сможешь натянуть в пять раз сильнее! Так делают индейцы!

— Очень неудобно! — Сэм попытался натянуть по-новому тетиву.

— С непривычки, конечно, неудобно! Потом, вырез на стреле делают глубже. Я хочу сделать настоящий, хороший лук и много стрел. С одной стрелой ходить опасно.

— Ну что ж, попробуй. А в книжке сказано, из какого дерева лучше делать?

— Лучше всего испанский тис.

— Первый раз слышу!

— Можно из орегонского тиса тоже.

— Никогда не слышал.

— Здесь, похоже, найдется красный кедр, орешник или вяз?

— Красного кедра никогда не видел, а остальные есть.

— Надо раздобыть сухое дерево, срубленное зимой.

— Это подойдет? — спросил Сэм, показывая на кучу оrehовых палок, лежавших на полу хижины. — Их срубили два года назад.

Мальчики отобрали хорошую палку в пять футов длиной. Сэм расколол ее на две части и обтесал. Он искусно владел топором и ножиком, и скоро оба лука были готовы.

Теперь надо было наладить тетиву. Все веревки, которые им удалось найти, были слишком слабы и рвались после нескольких выстрелов. Узнав, в чем дело, Си Ли послал мальчиков к сапожнику за дратвой и воском. Он разрезал дратву на несколько кусков, слегка навошил их и сплел не слишком толстую веревку.

— Вот эта тетива не скоро лопнет, — сказал Си Ли.

Когда луки были готовы, мальчики покрыли их лаком, который нашли среди всяких красок.

— Да, на старый лук и смотреть не хочется! — сказал Сэм, сравнивая новое оружие со своим маленьким жалким обручем. — Вы знаете, как надо делать стрелы, мистер? —

спросил он, пробуя выстрелить из нового лука старой стрелой.

— Я только знаю, что у тебя в руках плохая стрела, — ответил Си Ли. — Поверь мне, хорошую стрелу сделать гораздо труднее, чем лук. У каждого из вас должно быть по двенадцать стрел.

— А как индейцы их делают?

— Чаще всего они берут прямые ветви гордовины. Но этого дерева я здесь не видел. Стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь вкривь и вкось. Не зря ведь говорят: «Прямая, как стрела!» Мы можем сделать лучше, чем у индейцев, у нас ведь хорошие инструменты. Можно смастерить стрелы из какого-нибудь крепкого дерева.

— Ну, опять назовешь растение, которое ни один белый человек в глаза не видел!

— Вот и не угадал! Для охотничьих стрел лучше взять ясень или орешник. Стрелять по мишени лучше стрелами из серебристой сосны. Какие будем делать?

— Я охотник! Мне нужны охотничьи стрелы.

— Нужно заготовить палочки из сухого ясеня в двадцать пять дюймов длины. Потом надо клей и перья.

— Вот тебе перья, — сказал Сэм и вытащил целую связку индюшиных крыльев, отложенных для чистки печей. — А я пока наколю палочек.

Взяв ясеновое полено, Сэм наколол из него две дюжины палочек. Ян начал обтачивать одну из них, но Сэм, посмотрев на его работу, сказал:

— Я лучше сделаю, — и, взяв остальные, стал обстругивать их рубанком на верстаке.

Ян с тревогой следил за ним и потом не выдержал:

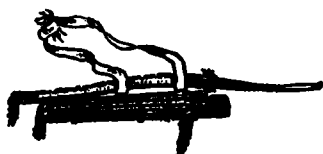
— Но у индейцев же нет рубанков!

— Как и перочинных ножей! — последовал ответ.

Это была правда. И все же Ян не переставал думать о том, что когда-нибудь осуществит свою мечту: сделает стрелы, как индейцы, без всякого инструмента.

— Все-таки у индейцев вместо перочинных ножей были острые кремни.

— Хорошо, Ян, ты делай стрелы острыми камнями, вон на дороге их сколько хочешь валяется. Сними башмаки и пройдишь босиком — сразу найдешь! А я уж рубанком доделаю. Посмотрим, кто кого перегонит.

Сэм успел выстругать шесть отличнейших стрел, пока Ян все еще возился с первой.

— Какие наконечники поставим? — спросил Сэм.

— Я уже думал, — сказал Ян. — Индейцы прикручивают жилами каменные наконечники. Но у нас ничего этого нет. Остается сделать костяные или роговые. Я как-то выточил один из кости, но он оказался очень тонким. Потом брал большие гвозди с обломанными шляпками, а чтобы стрелы не расщеплялись, я обкручивал концы тонкой проволокой. Некоторые индейцы вообще не делают наконечников: просто обжигают стрелу, чтобы она стала тверже, и заостряют конец.

— Это нетрудно, — сказал Сэм. — Но давай лучше попробуем с гвоздями.

Мальчики сделали шесть стрел с наконечниками из заточенных гвоздей. Это были «боевые» стрелы. Шесть других они обожгли и просто заострили: эти предназначались для охоты.

Затем Ян показал Сэму, как расщепить перо и отделать бородку.

— Нам нужно по два пера на стрелу, значит, сорок восемь перьев, — сказал Сэм.

— Нет, — сказал Ян, — этого мало. Надо по три пера на стрелу. И помни, что на каждую стрелу нужны перья с одного крыла птицы.

— Я знаю. Не годится смешивать перья, а то стрела полетит не в ту сторону.

В это время к мальчикам подошел Си Ли.

— Ну, как ваши дела? — спросил он.

— Возимся со стрелами.

— А как перья закрепляете?

— Белые приклеивают их, индейцы прикручивают жилами, — ответил Ян, цитируя по памяти «ту книгу».

— А что лучше?

— Приклеенные лучше летят, а прикрученные зато не боятся сырой погоды.

— Так почему бы не сделать и то и другое?

— Нет жил.

— Давайте я покажу! — сказал Си Ли. — Где у вас клей и веревка? Я думаю, сначала надо сделать на стреле выемку.

— Верно! Мы уж и позабыли про это!
— Может, ты позабыл, — сказал Сэм важно, — я-то помню.

Перочинным ножом быстро сделали выемку, и Си Ли начал клеить и прикручивать, употребляя вместо жил навощенную нитку.

Когда все было сделано, стрелы аккуратно разложили для просушки.

Чтобы легче различить их, Ян выкрасил стрелы Сэма в красный с синими полосками, а свои — в красный цвет с белыми полосками. Теперь оставалось сделать только колчаны.

— Разве у индейцев есть колчаны? — схитрил Сэм, которому уже хотелось поскорее кончить эту трудную работу.

— Конечно! Как же без них? — воскликнул Ян.

— А из чего они делаются? — спросил Сэм.

— Из березовой коры, из шкур, а если уж ничего другого нет, то из брезента.

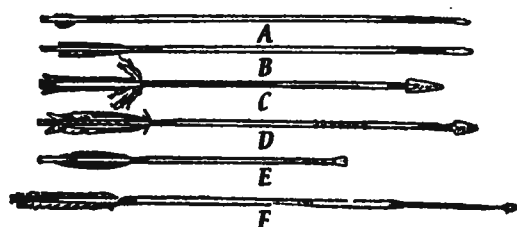
Мальчики сшили себе колчаны из обрезков брезента. На каждом из них Ян нарисовал индейские узоры.

— Теперь попробуем наше оружие, — сказал Сэм.

И мальчики отправились в сад. Они нацелились в одно дерево, и оба промахнулись. Стрела Сэма вонзилась в ствол другого дерева и треснула.

— Лучше бы мы стреляли в мягкое! — расстроился Сэм.

Посоветовавшись, они раздобыли большой старый мешок из-под зерна, набили его сеном и, нарисовав несколько колец

вокруг бычьего, или, как сказал Сэм, бизоньего глаза, поставили на расстоянии двадцати ярдов. Но, к их разочарованию, стрелы все время отлетали влево.

— Пойдем в сарай, может, там у нас получится, — предложил Сэм.

У Яна были выписки из «той книги», как стрелять из лука. Когда мальчики выучили правила настолько, что не

думали о них, выстрелы их стали меткими. Отодвигая мишень, они вскоре уже без промаха стреляли на сорок ярдов.

Мальчики очень удивились, что стрелы, хотя и казались одинаковыми, имели каждая свой характер. Так, у Сэма была одна стрела, которая в полете описывала замысловатые зигзаги. Они прозвали эту стрелу Бумеранг. Другая, с коротким перышком, летела дальше всех и получила название Дальнобойная. Самую лучшую стрелу, с легким наконечником и длинным индюшиным пером, Сэм окрестил Верная Смерть. Была еще одна стрела, с маленьким перышком, не боявшаяся ветра. Ее имя было Ветерок.

Ту, которую Ян вырезал ножиком, прозвали Резная, или Шутница. Эта стрела оставалась загадкой, никто не знал, как она полетит в следующий раз. Но любимицей Яна была стрела с желобком вокруг наконечника. Ее называли Свисток, потому что она летела с удивительным свистом.

Х Плотина

Однажды жарким днем в начале июля, когда мальчики купались в обмелевшей реке, Сэм сказал:

— Воды в речке поубавилось. Она каждое лето пересыхает.

— А почему бы нам не сделать плотину? — предложил Ян.

— Ну, работы не оберешься...

— Вот еще! Зато все лето купались бы. Давай начнем, а?

— Первый раз слышу, чтобы индейцы устраивали плотины.

— А мы будем играть в бобров, пока строим! Смотри, это для начала, — сказал Ян и, взяв большой камень, подтащил его к тому месту, которое показалось ему самым узким.

Он так горячо взялся за работу, что скоро поперек русла возвышалась уже каменная стенка.

Сэм по-прежнему сидел на берегу, обхватив ноги и уткнувшись подбородком в колени. Боевая раскраска стекала красными и голубыми ручейками по его груди.

— Иди помогать, а то совсем разленишься! — крикнул Ян и швырнул в Сэма пригоршню песка.

— У меня снова болит колено, — ответил Сэм.

Наконец Ян сказал:

— Я не собираюсь все делать один.

— Послушай, — вдруг оживился Сэм, — я кое-что придумал. Сюда к реке приходит на водопой стадо, а летом, когда река пересыхает, скот гонят к сараю и поят из лоханей. Давай положим два бревна поперек реки, вот и половина работы! Мы попросим отца, чтобы он дал нам лошадей перебросить бревна через реку. Тогда и скоту будет откуда пить. Знаешь, я только об этом и думаю, прямо ночи не сплю! Не могу смотреть, как в жару они плетутся на водопой к сараю.

Сэм решил ждать удобного случая, чтобы поговорить с отцом.

На следующее утро, за завтраком, мистер Рафтен, посмотрев на Яна, спросил его:

— Сколько нужно клеенки на пол, если комната двадцать футов длины и пятнадцать ширины?

— Тридцать три и одна треть ярда, — быстро сосчитал Ян.

Рафтен очень удивился, как можно с такой скоростью высчитать это в уме. Впервые на его лице было написано восхищение.

— Когда ты научишься так считать? — спросил Рафтен сына.

— Никогда, — спокойно ответил мальчик. — Зубному врачу нечего рассчитывать клеенку... Слушай, Ян, — вдруг шепнул Сэм, — лучше ты упроси отца. Он сегодня тобой доволен. Куй железо, пока горячо!

После завтрака Ян отважился:

— Мистер Рафтен, река совсем пересыхает. Мы хотим устроить запруду, чтобы скоту было где напиться. Но нам нужно перекинуть два бревна через реку. Дайте нам упряжку лошадей на несколько минут.

— По-моему, тебе охота устроить пруд для купания, а? — добродушно спросил Рафтен.

— Там и поплавать тогда можно, — покраснел Ян.

— Сдается мне, это Сэм говорит устами Яна, — хитро прищурился Рафтен. — Я сам посмотрю, пойдем.

— Где вы хотите строить плотину? — спросил Рафтен, когда они пришли к реке. — Вот тут? Плохое место. Течение очень быстрое, плотину скоро прорвет. Я вам покажу хорошее местечко, чуть повыше. А где ваши бревна? Я ж их за-

готовил для нового сарая! Сами без спросу ничего не берите. Я пришло бревен.

Скоро упряжка лошадей приволокла на берег бревна, и, по просьбе Яна, они были уложены поперек течения на расстоянии четырех футов друг от друга. С внутренней стороны около бревен мальчики вбили колья, теперь промежутки между двумя «заборчиками» нужно было заполнить камнями и глиной. Эту часть работы мальчики сделали за неделю. Оставалось самое важное — закрыть перемычку в плотине. Мальчикам приходилось трудно: вода поднялась очень высоко, но они работали, как бобры, и наконец все было закончено.

В ту ночь шел проливной дождь. На следующий день, идя по лесу, Сэм и Ян услышали глухой рев со стороны реки. Они остановились в нерешительности и прислушались. И вдруг Ян закричал:

— Плотина! Сэм, это вода бежит через нашу плотину!

С радостным криком мальчики бросились к реке. На том месте, где раньше проглядывалось каменистое дно, они уви-

дели водную гладь; сильный поток с шумом катил вниз через оставленный проем. Радости мальчиков не было конца!

Все это было делом их рук! Через минуту оба барахтались в воде.

— Ну, разве не стоило потрудиться? — спросил Ян.

Он отлично плавал, и Сэм, глядя на него, сказал:

— Теперь я знаю, кто ты. От меня не скроешь! Я видел, как ты строил плотину. Ты краснокожий по имени Маленький Бобр.

— А я смотрю на тебя, — ответил Ян, — и думаю, ты, верно, и есть тот краснокожий по имени Бездельник, Который Боится Лопаты.

— Совсе нет, — возразил Сэм. — Хотя я, конечно, и не Храбрый Орел, Сидящий на Скале, Опустив Хвост над Пропастью. А впрочем, все равно.

— Я слышал, Си на днях называл тебя Дятлом, — сказал Ян.

— Так меня в школе прозвали.

Когда после купания они уселись у костра, Ян сказал:

— Хочешь, Дятел, я расскажу тебе одну историю?

Сэм, усмехнувшись, приставил ладони к ушам, изображая полное внимание.

— Случилось так, что одна индианка попала в плен к чужому племени. Ей удалось бежать. Она долго бродила по лесу и, не зная местности, заблудилась. Из оружия у нее был только нож, а пищей ей служили ягоды. Наступили холода, и она построила себе вигвам из бересты, добыла огонь и смастерила лук с тетивой из шнурка мокасина. Она ловила силками кроликов и из их шкур сшила себе одежду. А весной ее нашел Сэмюэль Хирн, известный путешественник. Нож у нее почти стерся, но она сама была совсем здорова.

— Это очень интересно, — сказал Сэм, который внимательно слушал Яна. — Вот бы мне так пожить в лесу!.. Только с ружьем.

— Еще бы! Кто не захочет!

— Ну да! Не каждый сможет. А я бы справился.

— С одним ножом? Хотел бы я поглядеть, как ты сделаешь себе типи! — засмеялся Ян и серьезно добавил: — Знаешь, Сэм, ведь мы же в индейцев играем, хорошо бы нам и вправду делать все только из того, что мы в лесу добываем. Давай станем сэнгерскими индейцами. Ты будешь вождь, и я тоже, — добавил Ян, не желая предлагать себя в вожди или быть в подчинении у Сэма. — Я Маленький Бобр. А ты?

— Кровавая Грозная Туча.

— Это плохо. Надо покороче и чтобы можно было нарисовать и сделать тотем.

— Какой самый хитрый зверь?

— Росомаха, кажется.

— Хитрее лисы?

— В книжке написано, что хитрей.

— Она сладит с бобром?

— Наверное.

— Хорошо, тогда я — Росомаха.

— Нет. Я не могу дружить с тем, кто побьет меня. Оставься Дятлом. Это больше тебе подходит. Дятел хорошее дерево испортит, кору продолбит.

— Ну, это лучше, чем боброваты! — отрезал Сэм.

Слово «боброваты» имело свою историю. В Сэнгере считалось величайшим достоинством умение обращаться с топором. У старых поселенцев топор был единственным инструментом. Говорили даже, что некоторые жители чуточку заточат топор и бреются им по воскресеньям.

Когда сын начинал самостоятельную жизнь, отец дарил ему хороший топор.

Чтобы надрубить дерево и повалить его в нужную сторону, необходимо знать много правил. И жители Сэнгера усваивали их чуть ли не с первого дня жизни. Бобры, как говорят, подгрызают дерево кругом, пока оно не свалится. Если дровосек неумело подрубал дерево, его занятие называлось «боброваньем». И поэтому, если «поработать, как бобр» считалось высшей похвалой, то «боброваты» дерево означало позор.

Потому-то насмешку Сэма мог оценить только житель Сэнгера.

XI. Тайны трав

Как только представился удобный случай, Ян собрался к бабушке Невилль.

— Иди без меня, — посоветовал Сэм, — она на тебя и не взглянет, если мы придем оба. Ты слишком здоров на вид.

И вот Ян, к своему удовольствию, пошел один. Как он ни любил Сэма, его смущала болтливость приятеля, а главное, Сэм всегда прерывал разговор на самом интересном месте.

Ян захватил с собой записную книжку и карандаши, а по дороге нарвал букет цветов и трав. На этот раз старушка приняла его совсем иначе.

— Входи, входи! — заговорила она. — Как поживаешь, как поживают твои мать с отцом? Садись и расскажи, что поделывает тот негодный мальчишка, Сэм Рафтен.

— Он уже выздоровел, — ответил Ян и густо покраснел.

— Еще бы! Конечно, он здоров! Я-то знала, что поставлю его на ноги, и сам он знал это, и мать его знала, потому и позволила идти ко мне. Она что-нибудь сказала?

— Нет, бабушка, ничего.

— Вот негодная! Спасла ее сына, хоть они и ограбили меня, так даже «спасибо» не сказала, бессердечная! А ты зачем пришел ко мне? Это что у тебя, цветы? Люди могут порубить деревья, но цветы-то уж каждой весной снова вырастают, мои красавицы!

Ян протянул ей букет. Она вытащила аронник и стала рассказывать:

— Вот это печаль-трава. Некоторые зовут ее индейской репой. А я слыхала, как дети называли ее «джек на подставке». Не вздумай брать ее корень в рот — жжет как огонь. Индейцы вываривают из нее яд, а потом уж съедают. Лучше, чем с голоду помираться... А вот синий когош. Я его называю «судорожный корень». Ничего нет лучше при судорогах. Его пьют, как чай... Погляди-ка сюда. — И старушка вытянула желтый цветок. — Это мокасиновое растение, а вот умбил, или «успокаивающий корень». Помню, дочка Ларри не хотела идти служить и очень плакала, глупая. Я дала ей выпить настою из этого корня, все и прошло. Его надо вырывать до того, как он зацветет. Ведь сила должна сгуститься в одном месте: или в ветке, или в корне. Я срываю его весной или осенью... А это еще что у тебя? Никак заячья капуста? Наверняка шел мимо излучины. Она только там и растет.

— Да, — сказал Ян, — я там и сорвал. Не спешите, бабушка, я хочу записать, что вы сказали про травы.

— Ну, у тебя целая книга наберется, — с гордостью сказала старушка, зажигая трубку. — Да к чему тебе это записывать? Ты лучше запомни.

Ян торопливо заносил в тетрадку все, что говорила старушка, но зарисовывать травы и корни не успевал.

— А ты прилепи бумажки с названиями на самые корешки и спрячь их. Так делал доктор Кармартин, когда я его учила... Вот-вот, — кивнула она головой, когда Ян стал каждый стебелек оборачивать бумажкой с надписью.

— Ну и метла! — удивился Ян, увидав в углу символ порядка и чистоты.

— Она из бука. Ларри делает такие.
— А кто такой Ларри?
— Это мой мальчик. («Мальчику» было уже около шестидесяти лет.) Он делает их из синего бука.

— А чем? — спросил Ян, взяв метлу и пристально разглядывая ее.

— Ножом, конечно. Он мастер делать такие штуки. Возьмет черенок синего бука, настругает на нем стружек, но не срезает их и ждет, пока они на конце завьются.

— Это как те палочки, которыми огонь разжигают, да?

— Вот-вот, как те самые, только здесь стружка подлиннее. Потом он выворачивает все стружки и связывает их кожаным ремнем. Никто лучше его не делал таких метел.

В эту минуту дверь открылась и вошла Бидди.

— Ян! Как хорошо, что ты пришел к нам! — обрадовалась девушка.

— Ты сегодня рано, — сказала старушка.

— Я шла другой дорогой, — ответила Бидди.

— Послушай, Бидди, давай оставим Яна обедать с нами. Правда, утки жареной мы не приготовили. Но голодным он от нас не уйдет. Бидди каждый день готовит мне обед, а иногда я и сама стряпаю. Накрой на стол, Бидди. А тебе я пока кое-что дам. — И старушка пошла к кровати, где среди серых простыней еще лежало полдюжины румяных яблок.

— Бабушка, а вы не боитесь ночевать здесь одна? — спросил Ян.

— Чего ж тут бояться? Один раз только разбойники заходили ночью. Я их спрашиваю: «Что вам от меня надо?» — «Деньги», — говорят. Это, значит, в округе болтали, что я свою корову продала. «Ну что же, — говорю им, — я сейчас встану и помогу вам искать. Ведь я с прошлой осени больше цента в глаза не видела». — «Отдавай деньги, — твердят, — или уьем». — «Даже если бы попросили двадцать пять центов, — говорю, — и то ничего бы не дала. Нет у меня. Могу и смерть принять». И тут говорит один, ростом поменьше: «Разве ты не продала свою корову?» А я им: «Подите в сарай и посмотрите, там она. Только не люблю тревожить ее по ночам: шум подымет, заволнуется. Молоко плохое будет». И тут они оба как рассмеются! А низенький и говорит: «Послушай, бабка, мы тебя не тронем, только никому ни

слова». Хотели идти, а я слышала — один из них кашлял очень. Дала ему выпить легочного бальзаму. На прощание они мне сами доллар дали. Говорили, больше с собой не было.

— Бабушка, откуда индейцы краски берут? — спросил Ян, снова возвращаясь к тому, что его больше всего интересовало.

— Идут в магазин и покупают, как мы, — ответила она.

— А до того, как стали продавать готовые краски, из каких растений они добывали?

— Из разных, мальчик. Есть красивый желтый цветок, растет он на полях и под заборами, «золотой дождь» называется. Индейцы кипятят в воде иглы дикобраза вместе с этими цветами. Вот посмотри на эту тряпку, ее покрасили такой краской.

— А красную?

— У них нет по-настоящему красной краски. Они выжимают сок какой-то красной ягоды и кипятят его.

— Какие ягоды дают самый красный цвет, бабушка?

— Не думай, что только красные. Красную можно получить из черники и брусники и из многих других ягод.

— А из чего они получают синюю?

— Сама не знаю, милый. Много, наверное, всяких трав есть, только я не все видала. Зеленый цвет получишь из молодых побегов бузины. Коричневый — из коры ореха, черный — из коры белого дуба. Цвет, похожий на голубой, можно получить из индиго. Ну, а какого цвета в лесу нет, то, видно, и не нужен он.

XII. Утошение

Тем временем Бидди, звонко шлепая босыми ногами по дощатому полу, хлопотала вокруг стола.

— Бабушка, а где скатерть? — вдруг спросила она.

— Нет, ты только ее послушай! — засмеялась старуха. — Будто не знает, что у нас скатерти и в помине не было. Спасибо, хоть не голодные сидим, а она про скатерть заговорила.

— Чего тебе налить: чаю или кофе? — спросила Бидди.

— Чаю, — ответил Ян.

— Вот и хорошо! — обрадовалась старуха. — А то кофейное зернышко в последний раз я видела зимой. А чаю сколько угодно достанешь в лесу. Я тебя угощу кое-чем вкусеньким.

И старуха заковыляла в угол, где была привешена полка. Сняв оттуда старую коробку из-под сигар, она раскопала среди спичек, табачных крошек и пыли шесть кусочков сахара.

— Вот хранила их для какого-нибудь хорошего гостя. Кушай на здоровье. — И старуха бросила грязно-серые комочки в стакан Яна. — Остальные положим тебе во вторую кружку. А сливок хочешь? — И она пододвинула к мальчику замусоленную банку с великолепными сливками. — Бидди, дай мальчику хлеба.

Бидди разрезала, очевидно, единственную булку на куски и несколько ломтиков положила Яну на тарелку.

— Масло, кажется, немного прогоркло, — сказала старуха, заметив, что Ян не намазал хлеб.

Старуха снова проковыляла к полке и сняла старый стеклянный кувшин с отбитым краем. Там хранилось варенье.

— Вот, Ян, теперь ешь на здоровье. Да не стесняйся, у меня еще много варенья, — сказала радушно старуха, хотя видно было, что она выложила на стол все свои припасы.

Ян был страшно смущен. Он чувствовал, что добрая старушка, щедро угощая его, отдавала ему все, что у нее было, и понимал, как глубоко огорчится она, если он не отведаст этих яств. Пригодным для еды ему казался лишь один хлеб. Ян откусил кусочек, но хлеб тоже никуда не годился.

— Попробуй вот этого, — сказала старуха.

И не успел Ян глазом моргнуть, как у него на тарелке уже дымилась горка горячего картофеля. Но к несчастью, Ян видел, как старуха несла эту картошку в грязном фартуке, поэтому ему не хотелось даже смотреть на свою тарелку.

— Может, сварить тебе яйцо? — спросила Бидди.

— Да, да, пожалуйста! — обрадовался Ян. «Хоть это съем», — подумал он.

Бидди пошла в сарай и скоро вернулась с тремя яйцами.

— Как хочешь: всмятку или яичницу?

— Всмятку, — ответил Ян: он знал, что так будет надежнее.

Бидди оглянулась, отыскивая взглядом горшок.

— Там наверняка уже кипит, — сказала старуха, показав на какую-то посудину, в которой кипятилось белье.

Бидди положила туда яйца.

Ян молил Бога, чтобы яйца не лопнули. Но два яйца все же треснули, и Ян получил одно. Это был весь его ужин.

Ян уложил свои растения и собрался уходить.

— До свидания, мальчик. Приходи ко мне и приноси всякой травы, какую найдешь, — сказала старуха на прощание.

Вернувшись домой, Ян увидел, что на столе приготовлен для него обед, хотя время еды давно прошло.

— Садись поешь, — ласково сказала миссис Рафтен. — Я тебе поджарю кусок мяса. Через пять минут он будет готов.

— Но я пообедал у бабушки Невилль, — сказал Ян нерешительно.

— Я знаю: она, наверное, мешала тебе чай одним пальцем, а варенье мазала на хлеб — другим? — грубовато спросил Рафтен.

Ян покраснел. Похоже было, что все знают, каким обедом его кормили. Но он горячо возразил:

— Она меня угостила чем могла и была очень добра ко мне.

— И все-таки ты бы поел, — озабоченно проговорила миссис Рафтен.

Как заманчиво было предложение отведать сочного зажаренного мяса! Ян был голоден, но не хотел сознаться в этом и, оставаясь верным бедной бабушке, щедро угощавшей его, первый раз в жизни солгал:

— Нет, большое спасибо. Бабушка Невилль накормила меня досыта.

И, преодолевая голод, мальчик взялся за вечернюю работу.

XIII. Шпион

— Интересно, где Кaleb достал тот большой кусок березовой коры? — спросил Ян. — Хорошо бы и нам раздобыть такой для посуды.

— Наверное, в лесу Бернса. У нас здесь нет. Придется и нам туда отправиться.

- Ты попросишь у Бернса?
- Зачем? Кому нужна старая береза?

Ян колебался. Сэм взял топор.

— Пусть это будет нашей военной вылазкой. Бернс — враг отца!

Ян последовал за товарищем, глубоко сомневаясь в честности их поступка.

В лесу Бернса они скоро наткнулись на большое березовое бревно. Мальчики стали уже сдирать с него кору, как вдруг вдаль увидели высокого мужчину с мальчиком. Очевидно, они пришли на стук топора.

— Старый Бернс! — шепнул Сэм. — Бежим!

Схватив топор, мальчики бросились к изгороди. Им вслед неслись проклятья и ругань Бернса. Ему не жаль было березы — в то время лес не имел никакой цены, — но Рафтен перессорился со всеми соседями, и поэтому Бернс был готов раздуть целую историю из-за любого пустяка.

Его сынишка подбежал к изгороди и стал кричать:

— Рыжий! Рыжий! Рыжий вор! Попадись нам только еще!

— Бой не состоялся, скальпы спасены, — мирно сказал Сэм и положил топор на место.

— Потеряна только честь, — добавил Ян. — А кто этот мальчик?

— Это сын Бернса, Гай. Я его знаю. Дрянной парень! Вечно вынюхивает и выслеживает. И страшный врун! В школе ему дали премию — большую щетку — за то, что он самый чумазый из учеников. Мы все голосовали за это.

На следующий день мальчики повторили набег, но едва они стали сдирать кору, как где-то в кустах раздался громкий крик. Подражая голосу взрослого, Гай вопил:

- Убирайтесь отсюда! Вот я вас!
- Давай возьмем его в плен, Ян, а?
- И сожжем заживо!

Они бросились в ту сторону, откуда слышались крики, но появление самого Бернса заставило их пуститься наутек.

Мальчики еще не раз подходили к изгороди в следующие дни, но, как назло, где-то поблизости работал Бернс, и его сын вертелся тут же. Он был всегда настороже. Однажды издали Гай показал жестами, что знает про все их дела, наверное, он успел побывать около типи. Сэм и Ян не раз

видели, с каким интересом наблюдал Гай за их упражнениями в стрельбе из лука, но как только он замечал, что его присутствие обнаружено, убегал в безопасное место и оттуда осыпал их насмешками.

Однажды мальчики пришли к своему лагерю в необычное время. И вдруг в кустарнике около типи Ян заметил босую ногу.

— Что это? — удивился Ян, нагнулся и схватил за пятку Гая Бернса.

Гай вырвался и бросился бежать со всех ног. Индейцы с грозными криками гнались вслед. Ян несясь как стрела, и короткие толстые ноги Гая, хоть и подгоняемые страхом, не могли спасти его. Гая схватили и приволокли к типи.

— Пусти меня, Сэм Рафтен, пусти! — орал он.

— Первым делом надо его привязать, — сказал Сэм и взялся за веревку.

— Совсем не так, — поморщился Ян. — Надо вязать ремнями.

Кожаное дерево нашлось поблизости, и, несмотря на вопли пленника, индейцы хладнокровно привязали Гая к молодому зеленому стволу, который, как сказал Ян, дольше противится огню. Затем оба воина, скрестив ноги, уселись у костра, старший вождь закурил трубку мира, и они стали обсуждать дальнейшую судьбу пленника.

— Брат мой, — важно обратился Ян к Сэму, — как приятно слышать рев этого жалкого бледнолицего! (На самом деле его завывания уже трудно было переносить.)

— О да! — ответил Дятел.

— Пустите меня! — визжал пленник. — Отец с вас шкуру сдерет за это!

— Сперва снимем скальп, потом сожжем. — И Маленький Бобр сделал выразительные жесты руками.

Сэм согласно кивнул головой и, достав большой складной нож, принялся точить его на камне. Лезвие зазвенело — дзи-ит, дзи-ит, дзи-ит! И Гай начал дрожать от страха.

— Брат Дятел! Дух нашего племени жаждет крови этой жертвы.

— Ты хочешь сказать: «Великий Вождь Дятел», — негромко поправил его Сэм. — Если ты не будешь меня называть вождем, я тоже тебя не буду так называть.

Великий Дятел и Маленький Бобр вошли в типи, заново раскрасили друг другу лица, поправили головные уборы и вернулись назад, чтобы начать казнь.

Дятел снова принялся точить нож, в чем уже не было никакой необходимости, просто ему очень нравился этот резкий и устрашающий звук: дзи-ит, дзи-ит!

Маленький Бобр тем временем притащил охапку сухих веток и положил их перед пленником, но у Гая не были связаны ноги, и одним пинком он раскидал весь хворост. Оба вождя отскочили в сторону.

— Вот ты как! — вскричал свирепый Дятел. — Вяжи ему ноги, брат мой Великий Вождь Маленький Бобр!

Полоской коры ноги Гая были привязаны к стволу. Тогда Вождь Дятел приблизился с ножом в руке к пленнику и сказал:

— Великий Брат Вождь Маленький Бобр, если мы снимем с него скальп, то получим всего один скальп, и тогда тебе нечем будет похвалиться!

Но Ян быстро нашел выход из трудного положения:

— Великий Брат Вождь Красноголовый Дятел, Сидящий на Пне и Помахивающий Хвостом, не скальпируй его! Сдери кожу с его глупой башки, и мы разделим ее пополам.

— Верно! — согласился Сэм. — Ты хорошо придумал, Брат Старый Индейский Вождь Великий Маленький Бобр, Подгрызающий Деревья!

Вытащив кусок угля, Дятел с мрачным видом повернулся к пленнику, чтобы на его голове начертить полосу справедливого раздела. Маленький Бобр заметил, что он имеет право на одно ухо и половину ракушки, наиболее ценной части скальпа. Тогда Дятел ткнул в хохолок на темени пленника и сказал, что тут, по существу, вторая макушка и младшему вождю достанется хорошая доля. Индейцы довольно долго обсуждали, как лучше разделить трофей, и наконец пришли к обоюдному соглашению.

До этой минуты пленник держался еще довольно храбро. Он не переставал грозить, что пожалуется отцу, учителям и вообще всему свету. Наконец он пообещал рассказать все мистеру Рафтену. Последняя угроза заставила Сэма несколько призадуматься, и он с некоторым беспокойством спросил Яна:

— Великий Вождь, ты понимаешь язык этого вздорного болтуна? Что он говорит?

— Не понимаю. Наверное, он поет предсмертную песню.

Гай не был трусом. Он стойко держался, пока был уверен, что с ним играют. Но когда уголек прочертил на его голове роковую линию, делившую скальп поровну между двумя раскрашенными чудовищами, и один из них, неумолимый Дятел, подойдя к нему с ножом, схватил его за волосы на макушке, Гай не выдержал и громко заплакал.

— Пожалуйста, не надо! Папа! Мама! — кричал он. — Пустите меня, я никогда больше не буду!

Он не сказал, чего не будет делать, но индейцам было ясно, что враг сдался.

— погоди, Великий Брат Вожды! — сказал Маленький Бобр. — У индейцев есть обычай не казнить и даже принимать в свое племя пленников, сильных духом.

— Если считать плач и вой силой духа, то в таком случае у него хватит этого на шестерых, — сказал Дятел.

— Давай разрежем путы, которые связывают его, пусть он бежит к своему племени.

— Но лучше оставить его здесь на всю ночь, а утром обнаружить, что он убежал, — сказал Дятел.

Пленник, заметив, что его положение перестало быть таким угрожающим, наобещал индейцам всю березовую рощу из своего леса и вообще все, на что он был только способен, если останется в живых. Он пообещал стащить самые лучшие яблоки из отцовского сада.

Маленький Бобр вынул нож и стал разрезать путы.

Наконец последняя полоска упала на землю. Подгонять Гая не потребовалось. Он молча понесся к изгороди, перебрался через нее и исчез.

После таких приключений ни один мальчишка больше не пошел бы к месту, где стояла типи, но Гай, хорошо знавший Сэма, скоро сообразил, что напрасно испугался. Его разбиравало любопытство, и однажды Ян и Сэм снова увидели убежавшего из их лагеря Гая.

Индейцы догнали его и приволокли назад. На этот раз Гай не бранился. Сначала вожди обсуждали, какой смерти его лучше предать: сжечь на костре или утопить в пруду? Затем они приступили к допросу. Но пойманный молчал. Что он делал в лагере? Зачем пришел сюда? Ответа не было. Гай смотрел на них исподлобья.

— Давай завяжем ему глаза и вырежем гайяскутус у него на спине, — сказал Ян глухим голосом.

— Хорошая мысль, — согласился Сэм, хотя он имел о «гайяскутуса» такое же представление, как и пленник. — Не будь с ним жесток. Это умерит боль.

Неизвестное всегда страшит. В душу жертвы снова закрался страх. Уголки его губ задрожали, и слезы закапали из глаз.

— Почему ты не скажешь нам, зачем пришел сюда? — спросил Ян.

И вдруг плачущий пленник пробормотал:

— Я тоже хочу играть в индейцев...

Это чистосердечное признание застало мальчиков врасплох. Маленький Бобр встал и, обратившись к воображаемому совету, сказал:

— Великие Вожди сэнгерского племени! Этот бледнолицый выказал небывалое мужество, когда мы его пытали. Ни один из наших прежних пленников не был наделен столькими талантами. Я призываю вас принять его в наше племя.

Затем встал Дятел и сказал:

— О Вождь, мудрее которого лишь один человек в нашем племени! Все, что ты сказал, — правда, но известно тебе, что в наше племя может быть принят только человек с большими достоинствами? Он должен побороть воина нашего племени. Может ли он это?

— Нет, — ответил Гай.

— Обогнать нашего воина или стрелять более метко — может?

— Нет...

— Что же тогда он умеет делать?

— Я могу воровать арбузы... Вижу дальше всех в школе... А если спрячусь, никто не отыщет. Много раз я следил из кустов, как вы строили типи и плотину. Я первым выкупался в вашем пруду! Потом я сидел в типи и курил ваши трубки, когда вас не было, и я слышал, как вы собирались идти к нам воровать березовую кору.

— Не вижу, где здесь благородство и сила духа, — сказал Сэм. — Ты принес подарки Старейшему Вождю племени?

— Я принесу столько березовой коры, сколько вы захотите. Ту, что вы ободрали, отец сжег. Но я вам другой принесу. И еще я стащу цыпленка.

— Намерения эти весьма благородны, — сказал Ян. — Принимаем его!

— Согласен, — сказал Вождь Дятел, — но помни, что мне по-прежнему принадлежит право на левую половину скальпа, включая ухо! Я могу потребовать ее в любую минуту. Скажи, Ян, то есть Маленький Бобр, ты ведь знаешь, какую нужно пройти церемонию, когда вступаешь в индейское племя?

— В разных племенах — разные обычаи. Но Солнечный Танец и Испытание Огнем устраивают чаще всего, и они ужасно трудные.

— Ну, а ты проходил эти испытания? — спросил Сэм.

— Еще бы! — сказал Ян, вспоминая сожженные на солнце плечи и руки. — Я выдержал их так, что все признали меня самым лучшим воином племени. — Он, правда, не пояснил, что был единственным человеком во всем племени. — И меня единогласно называли Пылающий Восход.

— Я тоже хочу быть Пылающим Восходом! — пропищал Гай.

— Ты? Да еще неизвестно, подходишь ли ты вообще, Желтая Сельдь! Какое ты хочешь пройти испытание?

Гай предпочел Солнечный Танец. Он и до того был достаточно загорелым, поэтому, хотя он и плясал вокруг типи в трусиках целый день, кожа его не обуглилась.

Когда солнце село, вожди собрались на совет.

Оглядев с ног до головы нового воина, Старейший Вождь мрачно покачал головой и сказал:

— Слишком неопытен, чтобы загореть как следует. Назовем его Молодой Веткой.

Напрасно Гай возражал. Отныне он стал Веткой и так должен был называться до тех пор, пока не заслужит более достойное имя.

Затем по кругу пошла трубка мира, и Гай был объявлен третьим вождем сэнгерских индейцев.

Гай был самым безобидным во всем племени, и, может быть, поэтому ему особенно нравилось раскрашивать свою

круглую смеющуюся рожицу под свирепое лицо дикаря. Вот только глаза у него были выцветшего голубого цвета, а не черные, как у краснокожих. Свою растрепанную белобрысую голову он мог скрыть под пучками конского волоса, военная раскраска избавляла его от веснушек, и лишь беледые ресницы и блеклые пороссячи глазки ничем нельзя было подменить. Но Гай ни с кем не делился своим горем, потому что знал: проведай кто-нибудь из мальчиков об этом, он сразу получит новое имя — Пупсик, или Птенец, или какое-нибудь другое ужасное, совсем не индейское прозвище.

XIV. Ссора

— Знаешь, Ян, я сегодня малиновку видел.

— Это что-то новое! — недоверчиво сказал Ян.

— У нас она самая красивая птица.

— Ну, а колибри?

— Вот уж сказал! Она просто маленькая, но не такая красивая.

— Теперь ясно, что ты ничего не понимаешь в птицах, — возразил Ян. — Потому что эти прелестные крылатые жемчужины одновременно и самые маленькие, и самые красивые среди всего пернатого мира. — Эту фразу Ян прочел где-то и держал в своей памяти.

— Фу! — сказал Сэм. — Совсем как в книжке! А я видел сотни колибри у нас и держу пари, что малиновка гораздо красивее твоих колибри! Она алая, как кровь, и горит, словно огонь, а крылья у нее черные. Бабушка Невилль говорит, что индейцы называют ее птицей войны, потому что, где она пролетит, начинается война.

— А, так это кардинал, — сказал Ян. — Где ты его видел?

— Да просто он слетел с ветки и уселся на верхний шест типа.

— Надеюсь, у нас война не начнется... Вот бы мне одного кардинала для чучела!

— Я выстрелил из лука, но ни стрелы, ни птицы больше не видал. Это была моя лучшая стрела — еще одна Верная Смерть.

— А ты отдашь мне стрелу, если я ее найду? — спросил Гай. — Не веришь? Ну а что ты дашь за это? Смолу пожевать, ладно?

— Нет.

— Ну хоть чуточку!

— Согласен.

— Держи свою старую стрелу, — вдруг сказал Гай и вытащил ее из расщелины в дереве. — Я видел, как она ткнулась сюда.

Ранним утром индейцы, наведя на лица военную раскраску, вышли в обход. Они, конечно, были вооружены луками и стрелами и поминутно вглядывались в следы на тропе и прислушивались, нет ли поблизости врага.

Воины неслышно ступали своими мокасинами. Их загорелые тела скользили между огромными стволами древних деревьев, а пронизательные взоры впивались в каждый дрогнувший листок. Так, по крайней мере, говорится в записной книжке Яна.

Они шли очень тихо и все-таки вспугнули маленького ястреба. Вслед птице полетели три стрелы, но напрасно.

Ян взглянул на дерево, откуда метнулась птица, и воскликнул:

— Гнездо!

— По-моему, это просто шар из пуха, — возразил Гай.

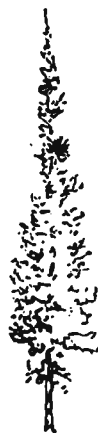
— Не выдумывай! — сказал Ян. — Мы же с этого дерева согнали ястреба.

Ян лазил лучше всех. Скинув головной убор, куртку и брюки, он стал быстро карабкаться по стволу, не обращая внимания на липкие смоляные капли, выступившие из коры.

Не успел Ян скрыться в нижних густых ветвях, как Гай предложил Сэму подшутить над Маленьким Бобром.

Они набили травой куртку и брюки Яна, надели головной убор вождя на чучело, стрелой пригвоздили его к земле, а сами удрали.

Добравшись до самой верхушки, Ян увидел, что воображаемое гнездо — это всего-навсего нарост, который часто бывает на пихтах. Ян окликнул товарищей, но никто не ответил, и он спустился вниз. Сначала чучело его насмешило, но, разглядев, что куртка его порвана, а стрела сломана, Ян расстроился. Приятелей нигде не было видно. В типе их тоже не оказалось. Посидев немного у костра, он пошел к плотине. Ян не заметил, как в типе

прокрались Гай и Сэм. Вернувшись, он увидел, что они роются в его записной книжке и Сэм читает вслух:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!
Ты...

В ту же секунду Ян выхватил записную книжку из их рук.

— Готов спорить, дальше идет рифма «певичка», — сказал Сэм.

Лицо Яна пылало от стыда и гнева. Он любил сочинять стихи, но всегда скрывал это от других. Случай с храброй пустельгой, который он наблюдал тихим летним вечером, Ян описал в одном из стихотворений.

Гай, который был заодно с Сэмом, заметил безразличным тоном, словно сообщая какую-то всем известную вещь:

— Говорят, сегодня в лесах убили бесстрашного хохлатого индейца?

Но Яну было не до шуток. Он догадался, что виной всему Гай, и, обернувшись к нему, сердито сказал:

— Помолчи, ты!

— Я не тебе говорю, — ухмыльнулся Гай.

Из типи донесся тихий говор и смех. Ян пошел к плотине и принялся замазывать трещины. В типи все стихло, потом оттуда вышел Гай. Приняв театральную позу и обращаясь к дереву над головой Яна, он начал декламировать:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!
Ты — чудесная певичка!

Глина была под рукой, и большой комок тут же полетел в насмешника. С громким визгом Гай помчался к типи.

— Тебя встречают цветами! — послышался голос Сэма. — Выйди и прими новые букеты. Ты их заслужил. Сообщи мне, когда начнут вызывать автора.

И снова раздался смех. Ян вконец рассердился. Он схватил толстую дубину и швырнул ее в типи. Сэм, приподняв противоположный край типи, выскользнул наружу. Гай хотел последовать за ним, но Ян настиг его.

— Пусти! Я ничего тебе не сделал! Сэм! Сэ-эм! Помоги! — кричал Гай, пока на него сыпались удары.

— Не мешай мне! — раздался голос Сэма. — Я пишу стихи! Это совершенно особое занятие. А Ян добрый, он тебя только немножко поучит.

Гай вопил и орал во все горло.

— Ты получишь еще, если вздумаешь открыть рот! — сказал Ян, и тут он увидел Сэма с записной книжкой в руках.

Заметив Яна, Сэм откашлялся и начал:

Пустельга, пустельга — отважная...

Но кончить он не успел: Ян кинулся к нему, и мальчики схватились не на шутку. Гай поспешил на помощь к Сэму и несколько раз стукнул Яна.

Ян был худой, но очень ловкий, да к тому же он сильно окреп за время своего пребывания в Сэнгере, а в школе научился приему борьбы, известному, может, со дня сотворения мира, — кидать противника через спину. Ярость придала ему силы, и, как только они схватились, Ян, выждав удобный момент, кинул Сэма вверх ногами на землю.

Никто не заметил в пылу драки, что неподалеку стоял и наблюдал за ними Уильям Рафтен. Он скорее с грустью, чем с гневом следил за битвой. Не потому, что его огорчила ссора мальчиков, — нет, он слишком хорошо знал мальчишескую душу, чтобы придавать этому значение; но он не мог смотреть спокойно, как его большой и сильный сын терпит поражение в равной борьбе с худым и болезненным на вид мальчиком.

Так ничего и не сказав, Рафтен повернулся и ушел.

XV. Примирение

В тот вечер мальчики избегали друг друга. Ян почти ничего не ел и на заботливые расспросы миссис Рафтен отвечал, что ему нездоровится. После ужина все остались сидеть за столом в каком-то дремотном молчании. Ян решил про себя, что Сэм расскажет обо всем отцу, да к тому же приврет, а Гай его поддержит.

Пришел конец веселой жизни в Сэнгере, думал Ян. Он чувствовал себя как преступник, ожидающий приговора. Среди присутствующих только маленькая Минни, сестренка Сэма, которой едва сравнялось три года, веселилась и громко болтала. Как и все дети, она очень любила говорить что-нибудь «по секрету».

Минни играла около Сэма. Он поднял ее и шепнул что-то на ухо. Она слезла с его колен, подошла к Яну и, когда тот ласково взял девочку на руки, шепнула ему: «Секрет, никому не говори». Соскользнув на пол, она приложила пальчик к губам.

Что это должно было значить? То ли Сэм подослал ее, или она, как обычно, повторяла свою излюбленную игру? Ласка ребенка отогрела сердце Яна, и, прижав девочку к себе, он тихонько сказал: «Нет, Минни, я никому не скажу».

Яну вдруг стало стыдно за свои глупые мысли. Сэм был ему хорошим товарищем. Скорей бы с ним помириться! Но нет, Сэм в пылу ссоры грозился выгнать его. Просить прощения Ян не мог.

Ян сталкивался с мистером Рафтенем несколько раз за вечер, но тот ничего не говорил мальчику. Ян плохо спал и встал рано. Он встретил Рафтена одного, точнее — постарался сделать это. Ему очень хотелось откровенно поговорить с хозяином. Но разговор не состоялся. За завтраком Сэм вел себя как обычно, хотя по-прежнему не смотрел в сторону Яна.

Губа у него распухла, и он объяснил, что дрался накануне с мальчишками.

После завтрака Рафтен сказал:

— Ян, поедешь со мной в школу.

«Вот и конец», — подумал Ян, так как школа была по дороге к станции. Только почему же Рафтен не сказал «на станцию»? Он обычно не путал слова... Да и не было сказано, чтобы Ян захватил с собой вещи. Да их и некуда было класть в легкой коляске.

Рафтен правил молча. Через некоторое время он наконец спросил:

— Послушай, Ян, кем тебя хочет сделать отец?

— Художником, — ответил Ян, никак не понимая, какое это имеет отношение к его отъезду.

— Разве художнику нужно образование?

— Конечно! Чем образованней, тем лучше.

— Верно, об этом я все время твержу Сэму! Поэтому ты и считать умеешь. А художники много зарабатывают?

— Да. Некоторые даже миллионы получают.

— Миллионы? Ну, не думаю. Ты, наверное, преувеличиваешь...

— Честное слово! Вот художник Тёрнер* нажил миллион. Тициан** жил во дворце, и Рафаэль*** тоже.

— Вон как! Ничего о них не слышал. Может, и верно. Образование много значит! Я всегда говорю об этом Сэму...

Они подъезжали к школе. Несмотря на летние каникулы, дверь школы была открыта и на крыльце стояли два седобородых старика. Они кивнули Рафтену. Это были члены правления школы. Один из них — Бойл, пользовавшийся наибольшей популярностью у населения Сэнгера, другой — Мур, последний бедняк, но прекрасной души человек, а Рафтена выбрали в попечители, зная, что он никаких денег не пожалеет на школу.

В этот день они собрались, чтобы обсудить постройку нового школьного здания. Рафтен вытащил целую кипу бумаг, среди которых было также разрешение из департамента народного образования. В разрешении говорилось, что половину средств на строительство должен был изыскать местный школьный округ, а другую половину расходов брал на себя департамент, если будут соблюдены все условия. Главным из них было — сделать школьное здание просторным и светлым. Но как могли малограмотные члены правления выполнить это требование? Обратиться в департамент за расчетами было неловко, а учитель находился в отъезде. И вот Рафтен блестяще разрешил эту труднейшую математическую проблему: он взял себе в помощники храброго худенького мальчика со смысленными глазами.

— Ян, — сказал он, протягивая ему двухфуттовую линейку, — можешь ли ты сказать, сколько футов воздуха приходится в этом классе на каждого ученика, если все места заняты?

— Кубических футов?

— Погоди, — сказал Рафтен.

И вместе с Муром он стал водить огромным пальцем по засаленным документам.

— Да, да, кубических футов, — решили они наконец.

* Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775–1851) — выдающийся английский живописец.

** Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477–1576) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

*** Рафаэль Санти (1483–1520) — великий итальянский художник и архитектор.

Ян быстро измерил длину, высоту и ширину комнаты. Трое взрослых с благоговением следили за его уверенными действиями. Потом Ян сосчитал, сколько в классе мест, и сказал:

— Включать учителя в расчет?

Попечители обсудили этот вопрос и решили, что все-таки стоит.

— Пожалуй, он расходует воздуха вдвое больше ученика!

Ян сделал несколько подсчетов на бумаге и сказал:

— Двадцать футов.

— Посмотрите! — сказал Рафтен с гордостью. — Совпадает с расчетами самого инспектора. Я же говорил вам, что он справится! Теперь давайте поглядим проект здания.

И они углубились в новые бумаги.

— Ян, а сколько надо воздуха, если учеников вдвое больше, учитель один, а помещение вот такое?

Ян подумал и сказал:

— Двадцать пять футов на каждого.

— Ну! — загремел Рафтен. — Разве я не говорил вам, что этот негодяй архитектор вместе с подрядчиком хотят обмануть нас! Думают, что мы невежды! Шайка разбойников!

Ян взглянул на план, которым яростно размахивал Рафтен.

— Погодите! — вдруг сказал мальчик таким тоном, каким он раньше никогда не говорил с Рафтенем. — Нужно еще высчитать прихожую и раздевалку.

Он сделал новые подсчеты и сказал, что план департамента вполне правильный. В глазах Бойла вспыхнул злорадный огонек. Рафтен, казалось, был разочарован, не найдя никакого мошенничества.

— Теперь скажи, Ян: в прошлом году оценочный сбор составлял двести шестьдесят пять тысяч долларов, и мы решили внести в школьный фонд по одному доллару на каждую тысячу; в этом году сбор увеличен до двухсот девяноста одной тысячи четырехсот долларов. Каков же будет школьный налог, считая так же — по доллару?

— Двести девяносто один доллар сорок центов, — ответил без колебания Ян.

Попечители переглянулись в изумлении.

Это был настоящий триумф Яна. Даже старый Бойл улыбнулся, а Рафтен, тот прямо сиял, словно в этой победе была и его доля.

С тех пор Рафтен смотрел на Яна как-то по-особенному. Ян только однажды видел на его лице такое выражение: когда он пожимал руку известному боксеру, победившему в трудном матче.

На обратном пути Рафтен говорил с Яном, как со взрослым, о своем сыне. Он долго обсуждал с ним свою излюбленную тему — образование. Ян не знал, что, увидев своего рослого сына побежденным, Рафтен нашел лишь одно слово себе в утешение: «Образованный...»

Итак, Рафтена нечего бояться. Но как быть с Сэмом? Яну очень хотелось помириться, но это становилось все труднее и труднее.

Как-то, покормив свиней, Сэм поставил лохани на землю. Тут откуда-то выбежала Минни. Увидав неподалеку Яна, она крикнула мальчикам:

— Сделайте стульчик! Покатайте меня!

Сэм и Ян робко взяли за руки. Малышка обхватила мальчиков ручонками за шеи и притянула их головы друг к другу. И тут Сэм, улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, Ян, давай помиримся!

— Я давно хотел, — запинаясь, проговорил Ян. — Я очень виноват, прости меня!

— Пустяки! — ответил Сэм. — Это все из-за Гая случилось. Не будем вспоминать. Только никак не пойму — я же сильнее и больше тебя, и вещи поднимаю тяжелые, и работу потрудней твоей сделаю, а ты меня, будто мешок со стружками, швырнул! Научи меня, ладно?

Часть третья

В ЛЕСАХ

1. Здравствуй, лес!

— Вы, кажется, теряете много времени на свои путешествия в лагерь и обратно. Почему бы не остаться там совсем? — как всегда равнодушно сказал Рафтен, и было непонятно, говорит он серьезно или в насмешку.

— Да мы бы только рады были, — ответил сын.

— Так что ж вам мешает? На вашем месте я переселился бы туда насовсем.

— Хорошо, — протянул Сэм. — Мы обязательно уйдем в лес.

— Только помните, мальчики, — сказал Рафтен, — каждый день вы должны кормить и поить скот.

— И это ты называешь переселиться насовсем — каждый день являться сюда на работу?

— Нет, Уильям! — вмешалась миссис Рафтен. — Какие же это каникулы? Так нельзя! Кто-нибудь сделает за них работу. Пусть отдыхают целый месяц.

— Месяц? Многовато.

— Почему не дать им отдохнуть хорошенько?

— Ну что ж, через месяц уборка. Вам придется поработать как следует. Ладно, можете идти.

— Ура! — закричал Сэм.

— Но я еще не кончил, — перебил Рафтен.

— Отец, дай нам твоё ружьё! — снова вставил Сэм.

— Послушай меня лучше! Вы пойдёте в лес на две недели. Но никаких ночёвок дома. Ружья и спичек я вам не дам. Не хочу потом слышать ваши отговорки: «Не знали, что

ружье заряжено, поэтому перебили всех птиц и белок, да и друг друга заодно». У вас есть луки и стрелы. Можете взять что хотите — хлеб, мясо. Готовьте себе пищу сами. И смотрите не подожгите лес! Если я увижу пожар, приду с ремнем и вам несдобровать.

Все утро продолжались сборы. Руководила ими миссис Рафтен.

— Кто же из вас будет поваром? — спросила она.

— Сэм!.. Ян!.. — выпалили мальчики в один голос.

— По очереди, — сказала миссис Рафтен, — день Сэм, день Ян.

Потом последовали и наставления, как готовить кофе, варить картошку, жарить мясо.

— Приходите за молоком каждый день или через день, — сказала миссис Рафтен.

— Нет, мы лучше станем доить коров тайком прямо на пастбище! — придумал Сэм. — Так будет по-индейски.

— Берегитесь, если я поймаю вас около коров! — сердито проворчал мистер Рафтен.

— Можно нам нарвать в саду вишен и яблок? — спросил Сэм.

— Берите сколько хотите.

— А картофель?

— Можно.

— А яйца?

— Только не жадничайте.

— А пряники из кладовой? Индейцы их любят.

— Нет, хватит! Пора и честь знаты! Так вы перетаскаете все наши запасы. У вас уже много всего: и постели, и сковородки, и еды полно.

— До болота придется везти на тележке, а потом по меченой тропе на своих спинах, — сказал Сэм.

— Дорога идет вдоль реки, — сказал Ян, — давай сделаем плот, погрузим на него и доплывем до запруды. Это будет по-индейски.

— Из чего вы свяжете плот? — спросил Рафтен.

— Сколотим кедровые бревна, — предложил Сэм.

— Никаких гвоздей в моем плоту! — сказал Ян. — Так индейцы не делают.

— А я не разрешаю брать мои кедровые бревна, — сказал Рафтен. — Мне кажется, что и работы меньше, да и по-ин-

дейски будет, если просто взять все на спину и идти пешком. И постель свою не замочите.

Плот решили не делать и пожитки свезли к реке, откуда начиналась дорога в лагерь. Рафтен пошел проводить мальчиков.

— Дайте мне тоже что-нибудь понести, — сказал он, к большому удивлению ребят, и взвалил на свои широкие плечи добрую половину груза.

Тропа тянулась всего на двести ярдов, и было достаточно два раза сходить туда и обратно, чтобы перенести все.

— Ты, наверное, не прочь и остаться с нами, отец, а? — спросил Сэм.

— Все это мне напоминает первые ночи в Сэнгере, — задумчиво сказал Рафтен. — Сколько ночей провели мы вместе с Калемом Кларком на берегу реки! Тогда вокруг был еще густой лес... А вы знаете, как устроить постель?

— Нет, мы ничего не знаем, — сказал Сэм, подмигнув Яну, — покажи нам.

— Вот поучитесь, как надо. Где топор?

— У индейцев нет топоров, — сказал Ян. — У нас есть большой и маленький томагавки*.

Рафтен усмехнулся, взял большой томагавк и указал на пихту:

— Вот вам будет славная постель, — и двумя ударами повалил дерево.

Скоро рядом с пихтой лежал молоденький яшень, из которого Рафтен нарубил четыре жерди: две — по семь футов в длину и две — по пять. Из белого дуба Рафтен выстругал четыре колышка.

— В каком месте устроите постель? — спросил Рафтен и вдруг, словно его осенила какая-то мысль, сказал: — Может, не хотите, чтобы я вам помогал? Сами все сделаете?

— Нет, нет, мистер Рафтен! — живо воскликнул Ян. — Мы очень рады вашей помощи. Мы же не знаем, как надо это делать! Кажется, в книге было написано, что лучшее место для постели — напротив двери и чуть-чуть в сторону. Давайте поставим ее сюда.

Рафтен вбил в землю колышки и поместил на них четыре жерди, которые составили основу для постели. Ян принес

* Томагавк — боевой топорик североамериканских индейцев.

охапку зеленых веток, и Рафтен уложил их на раму. Получилась плотная мягкая постель в фут толщиной.

— Вот, — сказал Рафтен, — это и есть настоящая индейская перина — мягкая и удобная. Спать на земле опасно. Теперь достаньте парусину, которую мать вам положила. Из нее сделайте полог над кроватью.

Ян стоял не шевелясь, чем-то недовольный.

— Взгляни на Яна, отец! — сказал Сэм. — У него всегда такой вид, если нарушают правила игры.

— Что случилось? — спросил Рафтен.

— Первый раз слышу, чтобы у индейцев в палатке были пологи, — сказал Ян.

— А слышал ли ты, что индейцы устраивают «покрышку от росы»?

— Да, — удивленный познаниями Рафтена, ответил мальчик.

— Вот погляди, как ее надо делать, — сказал Рафтен.

Уходя, Рафтен повернулся к мальчикам и сказал серьезным тоном:

— Можете стрелять ястребов, ворон и соек, потому что они истребляют других птиц. Зайцев и енотов тоже разрешаю. Но не вздумайте убить белку или бурундука. Тут уж вам несдобровать!

II. Первая ночь и первое утро

Странное, незнакомое чувство охватило мальчиков, когда они увидели спину удаляющегося мистера Рафтена. Наконец шаги его замерли, и только тогда Ян и Сэм действительно поняли, что они остались в лесу совсем одни.

— Огня! — сразу крикнул Сэм.

Ян взял зажигательные палочки, и через минуту в типи пылал костер. Сэм принялся готовить ужин из «бизоньего мяса и луговых кореньев» (говядина с картофелем).

Они мирно поели и уселись друг против друга около костра. Разговор не клеился, а затем и вовсе увял. Каждый был занят собственными мыслями.

Вдруг с речки донесся всплеск.

— Наверное, выхухоль, — шепнул Сэм, отвечая на безмолвный вопрос друга.

Вдалеке слышался знакомый мальчикам крик: «Уху-ху! Уху-ху!» Это была сова. Внезапно над головой в ветвях раздался долгий вой.

— Что это?

— Не знаю, — был ответ.

Обоим снова стало не по себе. Свет меркнул, сгущались сумерки, и таинственность ночи угнетала мальчиков. Но ни один не предложил вернуться домой: тогда их лагерной жизни настал бы конец. Сэм поднялся, помешал огонь и, не найдя больше хвороста, вышел из типи, буркнув себе что-то под нос. Лишь долгое время спустя он признался, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выйти в темноту.

Сэм принес несколько веток и прикрыл за собой дверь поплотнее. В типи снова весело трещал огонь. Костер стал немного дымить, и Сэм сказал:

— Ты можешь поправить дымовой клапан, у тебя это лучше получается.

Ян заставил себя вылезти из типи. Ветер крепчал и дул теперь с другой стороны. Ян переставил шесты и спросил хриплым шепотом:

— Ну как?

— Получше, — слышался такой же шепот из типи, хотя костер дымил по-прежнему.

Ян поспешно влез в палатку и накрепко привязал дверь.

— Давай подбросим хворосту в огонь и ляжем спать, — сказал Ян.

Мальчики скинули куртки и улеглись, но сон не приходил. Особенно был взбудоражен Ян. Только огонь слегка успокаивал. Глаза сонно смыкались, но при малейшем шорохе Ян вздрагивал. С крыши вдруг слышалось: тик-тик, скрап-скра-ап!.. «Медведь!» — спросонок подумал Ян, но тут же сообразил, что это просто лист царапает брезент типи. Немного позже он проснулся от непонятного шуршания, которое раздавалось совсем рядом. Затаив дыхание, он прислушался. Это, наверное, скреблась мышь. Ян с силой ударил по брезенту и зашикал, пока зверек не убрался. Где-то в верхушках деревьев снова пронесся странный вой. У Яна просто волосы встали дыбом. Он протянул руку и пошевелил огонь. Но вот все стихло, и Ян опять задремал. Проснулся он внезапно и увидел, что Сэм сидит на постели и прислушивается.

— Что там, Сэм? — прошептал он.

— Не знаю. Где топор?

— Тут, рядом.

— Я его положу около себя, а ты возьми большой нож.

Наконец сон совсем сморил их, и они уже больше не просыпались до самого утра. Ян открыл глаза, когда яркое солнце наполнило типи рассеянным светом.

— Дятел, Дятел! Вставай! — весело кричал Ян своему спящему другу.

Сэм лениво отмахнулся, хотя и помнил отлично, где он находится.

— Сэм, вставай. Ты сегодня повар и подашь мне завтрак в постель. Похоже, у меня тоже разболелось колено.

— Давай поплаваем перед завтраком!

— Нет, спасибо. Я сейчас очень занят! Да к тому же утром вода холодная.

Утро было свежее и солнечное; кругом пели птицы. Когда Ян встал, чтобы приготовить завтрак, он никак не мог понять, что страшило их прошлой ночью. Ему хотелось снова услышать тот странный вой, чтобы узнать, откуда он доносился.

В золе нашлось несколько тлевших угольков. Ян раздул огонь, и через минуту в котелке кипела вода, а на сковородке жарилось мясо.

Сэм лежа наблюдал за товарищем, то и дело отпуская всякие шуточки.

— Повар из тебя выйдет превосходный, но огонь развести ты не можешь. Куда это годится? — спросил он, когда из костра прямо на брезент с треском полетели искры.

— Что же мне делать?

— Ставлю лучшую отцовскую корову против твоего складного ножика, что ты бросил в огонь вяз или тсугу.

— Да, — смущенно признался Ян.

— Сын мой, — сказал Великий Вождь Дятел, — искры могут спалить типи. Береза, клен, орешник и ясень никогда не дают искр. Сучки и корни сосны тоже, но зато они дымят так, что... ну, ты знаешь сам, как они дымят! Вяз, тсуга, каштан, ель и кедр страшно сыплют искрами: эти породы не подходят для порядочных людей. Большинство индейцев не выносит огня, который трещит и шипит: это может услышать враг. И потом, такой огонь спалит постель!

— Хорошо, дедушка, — сказал повар, запомнив все, что сказал Сэм, и добавил угрожающим тоном: — А теперь вставай, слышишь! — И он поднял ковш с водой.

— Это могло бы напугать Великого Дятла, если бы у Великого Вождя Повара была отдельная постель! Так что мне остается лишь презрительно улыбнуться, — важно закончил Сэм свою тираду.

Увидав, что завтрак поспел, он быстро вскочил. Мальчики весело поели и долго смеялись над своими ночными страхами.

III. Хромой воин и «книга посетителей»

— Послушай, Сэм, как насчет Гая? Может, позвать его?

— Давай. В школе или где-нибудь еще я бы не стал дружить с ним, но в лесу становишься добрее, и вдвоем лучше, чем вдвоем. И потом, мы уже приняли его в наше племя.

— Я тоже так думаю. Пусть он услышит наш клич.

Мальчики издали долгий пронзительный крик, чередуя его с более обыкновенными звуками. Это был их условный зов, на который всегда приходил Гай, если только он не был занят работой и поблизости не оказывалось отца, чтобы удержать его от бегства к индейцам. И сейчас он не замедлил явиться, размахивая веткой над головой в знак своих дружеских намерений.

Гай шел медленно, и мальчики заметили, что он сильно хромает, опираясь на палку, а левая нога его обмотана тряпками.

— Эй, Ветка, что случилось? Никак у тебя была стычка с бледнолицыми?

— Нет. Это я вместо того, чтобы сгребать траву, катался на граблях верхом. Вот мне и попало от отца.

— Слышали. Когда это было?

— Вчера около четырех.

— Вот-вот! Мы слышали страшный вой, и Ян сказал: «Дневной поезд пришел. Кажется, опоздал сегодня». — «Какой там поезд, — говорю я, — скорее всего, это Гаю задали трепку».

— У меня, наверное, все прошло, — сказал Боевой Вождь Ветка и стал разматывать повязку, под которой обнаружи-

лась всего-навсего легкая царапина. Он бережно отложил тряпки в сторону и сразу перестал хромать.

Как чудесно было вставать на рассвете! В ветвях резвились белки, кругом пели птицы, а на маленьком пруду, куда индейцы убежали купаться, дикая утка плеснула по воде крыльями и, со свистом рассекая воздух, скрылась из виду.

— Что ты там нашел? — спросил Сэм, увидав, как Ян внимательно разглядывает что-то на берегу.

Ян не отвечал, и Сэм, подойдя, заметил, что тот старательно перерисовывает след, отпечатавшийся в грязи.

— Что это? — снова спросил Сэм.

— Не знаю. Слишком широкий для выхухоли, слишком когтистый для кошки, маловат для енота и слишком когтистый для ондатры.

— Уж не приходил ли сюда банши?*

Ян только улыбнулся в ответ.

— Смейся, смейся! — важно проговорил Дятел. — Посмотрим, что ты будешь делать, если он влезет в типи и засвистит в свистульку на своем хвосте! Тогда завопишь: «Где топор?»

— А знаешь, по-моему, это куница, — не обращая внимания на угрозы Сэма, сказал Ян.

— Сын мой Маленький Бобр! — довольным голосом начал Дятел. — Я уже давно понял, что это след куницы, и хотел тебе подсказать, но потом подумал: «Ничто так не закаляет человека, как поиски. Пусть он сам решит. Не годится помогать ему во всем».

С этими словами Сэм снисходительно похлопал по плечу Великого Маленького Бобра и одобрительно кивнул. Он и наполовину не разбирался в следах так, как Ян, но продолжал болтать:

— Маленький Бобр! Ты отлично читаешь следы и скажешь по ним сразу, что происходило ночью. Быть тебе следопытом в нашем племени! Но соображаешь ты плохо. Земли, которыми владеет наше племя, каменисты и покрыты травой, и следы могут отпечататься только на берегу реки. Если бы я стал следопытом, то начало и конец тропинок я бы замазал глиной.

* Банши — лесной дух, схожий с лешим русских поверий.

— Здорово ты придумал, Сэм! Мне даже и в голову не пришло.

— Сын мой, думать умеет только Великий Вождь Дятел, а чернь — ты и Ветка — исполняет приказания.

Мальчики принялись за работу. Они расчистили тропинку и покрыли ее толстым слоем черной глины, потом в четырех местах на берегу устроили такие же небольшие площадки, которые одним концом примыкали к лесу, а другим — к кустарнику Бернсов.

— Вот, — сказал Сэм, — теперь у нас будет такая же книга для посетителей, какую завел Фил Лири, когда выстроил себе кирпичный дом. Каждый, кто приходил к нему, записывал, если только умел писать, что-нибудь вроде «о счастливейшем незабываемом посещении». В нашей книге будет расписываться каждый, у кого есть ноги.

— Давайте сделаем такую же около типи, — предложил Ян.

Потом мальчики разулись, каждый отпечатал след своей босой ноги, и Ян срисовал их к себе в записную книжку. Все три следа были совсем разные.

— Вы разве ночуете здесь? — удивился Гай, заметив в типи постель и котелки.

— Да.

— Я тоже хочу с вами! Если папы не будет, я убегу из дому.

— Да ты только скажи отцу, что старый Рафтен выгнал тебя, так он сам приведет тебя сюда!

— Мы, пожалуй, уместимся все трое на этой постели, — заметил Третий Боевой Вождь.

— А по-моему, не уместимся, — сказал Великий Вождь Дятел. — Ведь Вождь Ветка получил первый приз в школе как самый большой грязнуля. Ты можешь сделать себе отдельную постель с другой стороны костра.

— А я не знаю как.

— Мы тебе покажем, только принеси еды и одеяло.

Скоро мальчики устроили еще одну постель, но Ветка все не уходил. Только когда солнце село, Гай снова обмотал себе ногу и заковылял домой, ска-

зав, что скоро придет. Но мальчики знали, что не увидят его до завтра.

После ужина они долго гадали, повторятся ли их ночные страхи. Где-то в ветвях заухала сова. Мальчики сидели у огня до позднего вечера, потом легли спать, решив, что им теперь ничего не страшно. Они уже почти уснули, когда по лесу пронесся дикий рев, словно кричал волк с больной глоткой, и вслед за ним слышались какие-то отчаянные вопли. Мальчики в ужасе вскочили. Вдруг совсем рядом раздался топот ног и с громким криком «Сэ-эм!» кто-то стал рвать дверь типи. Через секунду к мальчикам влетел до смерти перепуганный Гай.

Снова развели костер. Немного успокоившись, Гай рассказал: отец отослал его спать, а когда в доме все стихло, он взял с собой одеяло и вылез через окно. Около типи Гай вздумал было повать волком, чтобы напугать мальчиков, но сам испугался своего воя, а когда вдобавок откуда-то с верхушек раздался ответный трубный зов, он в ужасе бросил свои пожитки и с криком о помощи пустился бежать.

Мальчики зажгли ветки и отправились на поиски утерянных вещей. Одеяло нашли неподалеку. Вернувшись, они устроили Гаю постель, и через час типи погрузилась в молчание.

Утром первым встал Сэм. Обследовав «книгу посетителей» около типи, он крикнул:

— Ян, иди сюда!

— Это ты меня зовешь? — недовольно спросил Ян.

— Да, Великий Вождь! Кто-то приходил к нам ночью. Вот следы.

— Чьи они, по-твоему?

— Вот эти от сапог отца, а это — от башмаков матери. Я хорошо знаю их следы. Давай поглядим, откуда они.

Следы вели от дома Рафтенов к типи и обратно. Поздно вечером отец с матерью, видно, приходили проверить, все ли у ребят в порядке. Послушав ровное дыхание спящих, родители тихонько ушли назад.

На следующее утро совет племени постановил, чтобы Третий Вождь Ветка был поваром и приготовил завтрак. Гай что-то бурчал себе под нос, когда его заставили хорошенько умыться. Он принялся стряпать с большим рвением, которого,

правда, едва хватило на час. Потом он уже не находил в этом никакого удовольствия и, видно, понял, как много для него делается дома.

К обеду Гай поставил грязные тарелки и объяснил, что если их не путать, то ничего страшного в этом нет. Он пожаловался, что его снова беспокоит нога, но, когда все трое отправились на охоту, Гаю сразу полегчало.

— Смотрите, красная птичка! — крикнул он, увидав на ветке кардинала, сверкавшего на солнце красочным оперением. — Я его сниму первой стрелой! — И он схватился за лук.

— Послушай ты, Деревянная Голова, — сказал Сэм, — не вздумай стрелять певчих птиц! Это плохая примета. Очень

плохая. Она принесет нам беду. А беды страшнее, чем отцовский ремень, я не знаю.

— Какая же радость играть в индейцев, если нельзя стрелять? — спросил Ветка.

— А ты стреляй ворон, галок, если хочешь. Можешь сурков...

— Я знаю, где живет сурок, большой, как медведь! — сказал Гай.

Ян и Сэм расхохотались.

— Смейтесь, смейтесь! — сказал Гай. — У нас в поле, где растет клевер, сурок вырыл такую нору, что в нее провалилась косилка и папу отбросило так далеко, как отсюда до реки!

— А лошади выбрались из норы?

— Выбрались! Только косилка сломалась. Вы бы послушали, как отец ругался! Он обещал четверть доллара, если я поймаю сурка. Я поставил у норы капкан, но хитрый зверюга каждый раз делал себе новый ход.

— И он все еще живет у вас в поле? — спросил Второй Боевой Вождь.

— Наверное. Он уже половину клевера съел.

- Давайте поймаем его! — сказал Ян.
- Я как-то его видел. Большой, как теленок, старый уже, весь седой.
- Хорошо бы пристрелить его! — сказал Сэм. — За ним стоит поохотиться. Может, тогда твой отец даст каждому по четверти доллара?
- Плохо ты знаешь моего отца, — ухмыльнулся Гай. Мальчишки пошли на поле, где рос клевер.
- Ну, где же твой сурок? — спросил Сэм.
- Тут.
- Я его не вижу.
- Но он здесь всегда сидит!
- Только не сейчас.
- Это первый раз, что его не видно. Наверное, нас испугался. Он большущий, выше того пня!
- Вот его след, — сказал Дятел, показывая на следы, которые он только что незаметно сделал рукой.
- Ну! — обрадовался Ветка. — Что я говорил!
- Правда! А коров он у вас не таскал? И как это вы не боитесь жить с ним рядом!

IV. «Бумба» с бледнолицыми

- Я знаю, где лежит срубленная береза. Кому нужна кора?
- Мне, — сказал Маленький Бобр.
- Нет, пожалуй, сейчас не выйдет. Дерево лежит как раз около кустарника, а там отец ходит.
- Если мы хотим устроить настоящий набег, надо напасть на поселение бледнолицых около реки и достать молока, — сказал Старший Вождь. — Наши запасы кончились. И хорошо бы узнать, что у них новенького.
- Спрятав стрелы, луки и головные уборы, мальчишки, забыв ведро для молока, отправились по меченой тропе. Они шли, как индейцы, гуськом, ставя носки внутрь, молча указывая на следы и изображая, что им грозит величайшая опасность.
- Укрываясь за забором, индейцы пробрались к сараю. Двери были раскрыты, работники занимались своим делом. Со двора в сарай забрел поросенок. Некоторое время было

слышно, как он возился там, потом послышался звонкий удар, пронзительный визг, и голос Рафтена проговорил: «Мальчишкам следовало бы не бездельничать, а пасти свиней!»

Индейцы поспешили убраться. Они спрятались в подвале и устроили военный совет.

— Великие сэнгерские вожди! — начал Ян. — Я беру три соломинки: длинная — для Дятла, средняя — для Маленького Бобра, а короткая, с трещинкой на верхнем конце, — для Ветки. Смотрите, я бросаю их. Куда они упадут, туда и должны мы идти. Так делают индейцы!

Соломинки упали. Сэму пришлось идти на ферму, Яну соломинка указала путь немного правее, а Гаю надо было идти домой.

— Вот, Ветка, ты идешь к себе. Так приказала соломинка.

— Я не верю в такие глупости! — обиделся Ветка.

— Ослушаться — дело опасное. Это приносит несчастье.

— Ну и пусть, я все равно не пойду, — упрямо твердил Гай.

— Моя соломинка показала на дом, значит, мне идти за молоком.

— Я остаюсь с вами, — снова сказал Гай. — Мы с Яном пойдем в сад и нарвем вишен. Мне туда не в первый раз!

— Давайте встретимся на опушке леса, и пусть каждый принесет то, что достанет, — сказал Первый Боевой Дождь.

Сэм стал осторожно пробираться к погребу. Одно окно, выходявшее в конец двора, было открыто, и Сэм легко пролез в прохладное помещение. На полках длинными рядами стояли бидоны. Сэм снял крышку с одного, в котором, как он знал, было свежее молоко, нагнул и сделал большой глоток. Облизав губы, индеец вспомнил, что забыл взять с собой ведерко. Он очень огорчился, но тут же вспомнил, где можно было раздобыть такое же. Мягко ступая по лестнице, перешагнув первую и седьмую ступеньки, которые были ужасно скрипучие, как он выяснил еще очень давно, бегая сюда за молочным сахаром, Сэм добрался до двери и, просунув лезвие ножа, откинул крючок. Прислушавшись и не заметив ничего подозрительного, он вошел в пустую кухню

и взял из кладовки большой кусок пирога и жестяное ведро. Он снова пустил в ход свой ножик, закрыв им дверь на крючок, чтобы ни у кого не возникло подозрений, и, прихватив добычу, исчез. Дятел был убежден, что его никто не видел. Но когда он в следующий раз повторил набег на погреб, то нашел там записку:

Врагам индейцам!

Когда в следующий раз вы устроите набег на наше поселение, верните ведро и не забывайте закрывать бидоны с молоком.

Тем временем Ян полз вдоль забора. Вокруг было много зелени, но индеец продвигался, близко прижимаясь к земле.

Он уже почти добрался до сада, когда услышал за собой шум и, оглянувшись, заметил Ветку.

— Ты чего за мной увязался? — шепотом спросил Ян. — Ведь тебе соломинка показала в другую сторону. Так нечестно!

— Ну и пусть. Мне все равно, я домой не пойду!

— Ты не имеешь права идти за мной!

— Это ты идешь туда, куда я хотел: к вишням.

— Вишни — вон где, а я пробираюсь к яблоням.

Когда Гай скрылся за кустами, Ян пополз дальше. Через несколько шагов индеец заметил впереди себя желтый глаз, который в упор смотрел на него. Это оказалась курица, которая, приметив ползущего индейца, с громким кудахтаньем бросилась прочь. Ян увидел дюжину яиц: одни покрупнее, другие помельче.

«Соломинка знает, где курица несется!»

Он собрал яйца в шапку и направился к опушке, где все должны были собраться.

Не успел Ян отползти немного, как неподалеку раздался яростный лай и крики о помощи. Ян обернулся и увидел, как Гай карабкается на дерево, стараясь спастись от старого пса Кэпа. Ян заспешил на помощь: Кэп сразу узнал его, замолчал, но, вероятно, так и не понял, почему его прогнали, когда он честно выполнял свой долг сторожа.

— Вот видишь! Теперь будешь слушать, что соломинка говорит. Если б не я, тебя уже схватили бы и бросили свиньям на растерзание.

— Если бы не ты, все было бы хорошо. Не боюсь я вашего пса! Через минуту я бы сам слез и выпустил дух из этой собаки.

— Ты можешь это сделать! Кэп! Кэп! Сюда!

— Сейчас уже некогда, в следующий раз. Давай лучше разыщем Сэма.

Нагруженные своей добычей, индейцы благополучно вернулись в лагерь.

V. Охота на оленя

В тот вечер индейцы устроили пир. Спать они легли как обычно, и ночь прошла без особых тревог. Правда, на рассвете всех разбудил Ветка. Ему показалось, что где-то поблизости бродит медведь. Но все было гораздо проще: Сэм скрипел по ночам зубами.

Ян обследовал «книгу посетителей» и закричал радостно:

— Сэм! Ветка! Я нашел след оленя!

— Что ты еще там придумал! — крикнули ему в ответ индейцы из типи. — Это, наверное, собака прибежала.

Ян упрямо настаивал, и Гай наконец сказал тихонько Сэму:

— Уж если он так мучается, мы должны ему помочь увидеть этого оленя. — И он подмигнул Сэму, чтобы тот увел Яна куда-нибудь.

Сэма не пришлось долго уговаривать.

— Давай посмотрим, куда пошел твой олень, — предложил он Яну.

Когда они отошли, Гай разыскал кусок мешковины, набил его тряпкой и перевязал, придав форму оленьей головы. Потом он насадил это чучело на палку, воткнул две деревяшки вместо ушей, углем сделал глаза, нос и вокруг глаз навел круги мокрой глиной. Глина скоро высохла и стала белой. Поставив «оленя» в кусты, Гай помчался что есть духу искать Яна и Сэма.

— Сэм! Ян! Там олень! — крикнул он.

Гай вряд ли убедил бы Яна, если б Сэм не выслушал эту новость с особым интересом. Индейцы бросились назад, схватили луки и стали пробираться к тому месту, где Гай видел оленя.

— Вон, вон там! Разве не он шуршит в кустах?

Ян весь дрожал от восторга.

— Стреляй! Стреляй! — убеждали Сэм и Гай.

Ян недоумевал, почему его спутники сами не стреляют. Обернувшись, он увидел, что они покатываются со смеху. Тогда Ян подошел ближе к оленю и все понял.

— Ну что ж, я его застрелю для вас! — крикнул он и послал стрелу в оленью голову.

Стрела прошла близко, но не попала.

Вслед за ним выстрелили Сэм и Гай. Стрела Сэма попала оленю прямо в нос. Скоро вся голова чучела была утыкана стрелами.

За обедом Ян сказал Гаю:

— Слушай, Ветка, ты не такой умный, каким себя воображаешь, но на этот раз ты придумал хорошую штуку.

После обеда Ян взял старый мешок в три фута длиной и набил его сеном. Потом сделал маленький мешок с изгибом наверху, тоже набил его сеном и пришил длинной костяной иглой к большому. Получилось туловище с головой. Теперь нужны были ноги. Ян срезал четыре сосновые палки и воткнул их по углам в мешок. Из двух деревяшек он выстругал уши, начернил углем глаза, нос и обвел все это глиной, как сделал Гай. И под конец на обоих боках он нарисовал два черных пятна. Получилось чучело, которое и впрямь можно было принять за оленя.

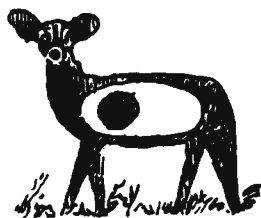
— Ну вот, — сказал Ян, когда все было готово, — теперь вы ждите здесь, а я пойду спрячу оленя.

Ян побежал в лес, потом свернул вправо, поставил чучело в кусты и вернулся с той же стороны, куда ушел.

— Готово! — сказал он. — Охота начинается.

Индейцы, вооруженные луками, двинулись вперед.

— Кто найдет оленя, получает десять очков и стреляет первым. Если он промахнулся, второй подходит на пять шагов ближе и стреляет; если и он не попал, третий подходит еще на пять шагов. И так до тех пор, пока кто-нибудь не попадет в оленя. Тогда все стреляют с того места, откуда пустили последнюю стрелу. Выстрел в сердце равен десяти очкам; в серое поле — пяти, это будет считаться раной.

Если никто не попадет в сердце — мне двадцать пять очков. Кто первый увидит оленя, будет прятать его в следующий раз. Каждый стреляет по двенадцать раз.

Два охотника начали поиски. Сэм удивился, почему этот олень не оставил следов. Гай лез в самую чащу кустарников. Маленький Бернс не отличался ни силой, ни большим умом, но его свиные глазки ухитрялись видеть очень далеко.

— Вот он! — торжествующе закричал Гай и показал, где в семидесяти пяти ярдах торчало ухо и часть головы.

— Ветке десять очков! — записал Ян в тетрадке.

Гая распирало от гордости.

— Я бы мог его увидеть еще раньше, если б... если б... он был... если б мне повезло.

Гай натянул лук и выстрелил, но стрела пролетела чуть дальше половины расстояния.

— Я могу подойти на пять шагов, — заметил Сэм. — Какой величины шаги, ничего не сказано?

— Нет.

— Хорошо. — И Сэм стал прыгать, как кенгуру.

В свои пять шагов он покрыл ярдов десять. Свернув чуть-чуть в сторону, он выбрал место так, что ему отлично была видна вся голова оленя. Сэм пустил стрелу и промахнулся. Теперь Гай имел право приблизиться на пять шагов. Но он тоже дал промах. Наконец с тридцати ярдов Сэм попал в серое поле.

— Вот это выстрел! Настоящая рана! Великому Вождю Дятлу пять очков! — крикнул Ян. — Теперь все стреляем с этого места, и я с вами!

Полетели стрелы. Две или три попали в заднюю ногу оленя, несколько стрел угодило в дерево на полпути к чучелу, две проткнули ему нос. Потом послышалось громкое «ура» — это стрела Гая поразила оленя прямо в сердце. Охота кончилась. Индейцы собрали стрелы и принялись считать, сколько очков выпало на долю каждого.

Победителем был Гай — двадцать шесть очков: десять — за пробитое оленьё сердце, пять — за рану и одно очко — за царапину. За ним шел Сэм, которому удалось дважды поранить оленя и дважды нанести царапины. Всего у него набралось двенадцать очков.

Олень, пронзенный стрелами, напоминал старого дикобраза, а Гай чувствовал себя на седьмом небе.

— Вижу, мне придется вас поучить охоте на оленя, — сказал он. — В следующий раз я попаду в сердце с первого выстрела!

Гаю очень понравилась новая игра. Теперь был его черед прятать чучело, и он помчался в чашу, задумав разыграть товарищей. Он спрятал оленя далеко от типи и убежал совсем с другой стороны, крикнув: «Готово!» Охотники долго бродили в поисках оленя, но так ничего и не нашли.

Снова Гай был в восторге.

— Это самая лучшая игра на свете! — сказал он.

— Послушай, Бобр, по-моему, олень должен оставлять следы, — сказал Сэм.

— Если бы снег, тогда все просто... — сказал Гай.

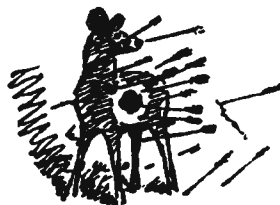
— Я придумал! — обрадовался Ян. — Мы нарвем бумажек и устроим бумажный след!

— Вот здорово!

Индейцы бросились к типи, собрали всю бумагу, разодрали ее на клочки и сложили в мешочек, откуда через дырку бумага сыпалась на дорогу.

Так как никто не нашел оленя в последний раз, Гай снова имел право прятать чучело. Он сделал большой крюк и так упрятал оленя, что мальчики, только наткнувшись на чучело, заметили его. Сэм получил десять очков за находку. Он выстрелил и промахнулся. Ян сделал положенные пять шагов, но так поспешно пустил стрелу, что тоже дал промах. Гаю досталось стрелять с пяти шагов, и он, конечно, вонзил стрелу прямо в сердце. Успех совсем вскружил Ветке голову. Он так расхвастался, что два других вождя решили установить новое правило, которое гласило: «Стрелять не ближе чем с пятнадцати шагов».

Игра становилась все интересней и была уже похожа на настоящую охоту. Гаю несколько раз удавалось так запрягать оленя, что его находили с большим трудом. Один раз он провел след к пруду и поставил чучело совсем открыто, но на противоположном берегу. Мальчики сразу увидели оленя, но расстояние до него было так велико, что надо было зайти глубоко в воду или стрелять через пруд. Поэтому победителем снова вышел Гай. Скоро вожди приняли еще одно условие: не ставить

оленя на скале или среди камней, чтобы не терять и не ломать стрел.

Они так увлеклись, что скоро весь лес был засыпан бумажными «следами» и не было никакой возможности отличать старые от новых. Это обстоятельство угрожало положить конец игре. Правда, Ян нашел выход — он предложил пользоваться цветной бумагой. Но скоро ее запасы иссякли. И тут неожиданно ребята увидели старого Калеба. Каждый раз он появлялся будто случайно. Мальчики всегда радовались его приходу, потому что он часто давал им очень дельные советы.

— Смотрю, у вас тут дичь есть, — сказал старик, кивнув в сторону оленя, который стоял в сорока шагах от ребят. — Как живой. Хорошо сделали! Очень!

Кaleb весело смеялся, когда мальчики рассказывали ему про свою охоту, и внимательный наблюдатель сразу заметил бы, как он еще больше заинтересовался игрой, узнав, что не Сэм Рафтен был самым удачливым охотником.

— Молодец, Гай Бернс! Когда-то и я с твоим отцом охотился на оленей у этой реки.

Ребята рассказали ему о своих трудностях со следами. Кaleb задумался и стал в молчании раскуривать трубку.

— Послушайте, — сказал он наконец, — почему бы вам вместо бумаги не взять зерна пшеницы или кукурузы? Это куда лучше. Сегодня вы разбросаете их, а завтра птицы и белки все подберут, до единого зернышка.

Всем очень понравилась эта затея, и скоро Сэм принес небольшой мешок кукурузных зерен.

— Хотите, я разок побуду оленем? — предложил Кaleb. — Дайте мне пять минут, а потом ищите. Вы увидите, как настоящий олень бежит по лесу.

Кaleb взял чучело и скрылся в чаще. Через пять минут, когда индейцы пошли по следу, он вернулся на прежнее место. Нелегко было идти по этому следу, сначала он шел по прямой линии, потом описывал круг и возвращался назад, почти пересекая свой путь. Но Кaleb сказал:

— Нет, он не пересекает прежний след.

— Куда же мог пойти олень? — Сэм долго ходил вокруг да около и наконец заявил, что след уж очень широк, будто двойной.

— Я знаю! — крикнул Гай. — Олень повернул назад.

Калев молчал. Ян присмотрелся к следу и нашел то место, где он раздваивался. Зная общее направление, Гай уже не смотрел на землю. Он побежал вперед, за ним — Сэм. Но Гай, чтобы не сбиться, все же оглядывался назад, на Яна, который изучал следы.

Охотники не дошли и до дальних кустов, когда Ян обнаружил новый поворот. След опять возвращался на прежнее место. Ян оглянулся по сторонам и вдруг заметил оленя, лежавшего в траве.

— Олень! — радостно крикнул Ян.

Когда все подбежали к нему, они увидели, что Ян послал стрелу прямо в сердце оленю.

VI. Военная шапка, тупи и подвиги

— В сорока шагах — и так метко! Индейцы сказали бы про этот выстрел «гран ку». — У Калеба был очень довольный вид, совсем как в ту минуту, когда он добывал огонь трением. — О, это великий подвиг! Индейцы называют большую победу просто «ку», а великий подвиг — «гран ку». Этому они, наверное, выучились у канадских французов. Каждый индеец вел особый счет своим «ку», и за каждый подвиг он имел право воткнуть в свою шапку еще одно орлиное перо, а в случае особой удачи — с красной волосяной кисточкой на конце. По крайней мере, так было раньше. Теперь же никто не помнит старых обычаев, и всякое перо, которое находит индеец, он втыкает в шапку.

— Вам нравятся наши головные уборы? — спросил Ян.

— Вы, наверное, никогда не видали настоящих. Во-первых, все перья должны быть белыми с черными кончиками, и прикреплять их надо на мягкой кожаной шапке свободно. На стержне каждого пера есть кожаная петелька, за которую оно крепится шнурком к шапочке, а посередине продерживается тесьма, чтобы перья держались прямо. На каждом пере делаются отметки, как оно было добыто. Если индейцу удавалось увести коня, то на пере рисовалась подковка. Я знал одного индейца, у которого на пере было десять подков: он сумел в одной стычке добыть десять коней из стана врага.

— Как бы я хотел пожить среди индейцев! — вздохнул Ян.

— Ты бы скоро устал, — сказал Калев. — Мне довелось жить с ними. Ни минуты покоя, вечные сражения, голод! С меня довольно...

— Скажи, Калев, — прервал старика Гай, который никогда не называл его «мистер Кларк», потому что был с ним в хороших отношениях, — за охоту индейцы получают перья?

— Разве ты не слышал, что я сказал про выстрел Яна?

— Чепуха! Я стреляю лучше Яна. У него это случайно получилось. У индейцев все перья достались бы мне!

— Ну, это мы еще посмотрим, — прервал его Старший Вождь.

— Давайте играть по-настоящему, — вмешался Ян. — Пусть мистер Кларк покажет нам, какие шапки у индейцев, и мы будем носить столько перьев, сколько совершим подвигов.

— Какие же это подвиги? — спросил Калев.

— Кто быстрее пробежит, или лучше других проплывет, или стрелу пошлет метко — мало ли у нас занятий.

— Ну что ж, хорошо!

Калев стал показывать ребятам, как делать военный головной убор. Вместо кожаной шапочки он взял тулью старой фетровой шляпы, а перья орла заменил белыми гусиными, которые подровнял и покрасил на концах в черный цвет. Но когда стали обсуждать, кого и за какие дела награждать, разгорелся спор.

— Если Ветка принесет из сада вишен и его не схватит Кэп, он получит перо с красным волосяным пучком, — сказал Сэм.

— Какой хитрый! Спорим, что ты не украдешь цыпленка из нашего сарая! — отрезал Ветка.

— Я никогда не ворую цыплят! Несчастный, ты забыл, что перед тобой благородный индеец Великий Вождь? Вспомни, что твой скальп все еще принадлежит мне и Бобру! — И Сэм, страшно вращая глазами, боком подошел к Гаю.

Ян взглянул на Калеба, который, казалось, ничего не слышал, но Ян заметил в его глазах странный огонек.

— Пойдемте в типи, — предложил Ян, — здесь очень жарко. Зайдите к нам, мистер Кларк.

— Хоть там у вас и тенек, но все равно душно. Поднимите один край покрышки — воздуху будет побольше.

— Разве индейцы так делают?

— Конечно. В какую только сторону они не крутят свою типи! Этим-то и хороши их жилища. Сорок градусов мороза или пятьдесят жары, а индейцу в типи все нипочем! Кроме того, они умеют предугадывать погоду. Сколько раз я просыпался ночами и слышал вокруг: хлоп-хлоп-хлоп! Удивительно! Женщины опускали края типи и поглубже вбивали колышки, а вскоре разражалась гроза. Как они узнавали, что надвигалась непогода, я никак не мог понять! Одна старуха говорила, что ей подсказывал это койот, который всегда начинал выть по-иному; другая женщина говорила, что она видела это по цветам на закате. Может, они и правы. Вот вы тоже смотрите кругом повнимательней.

— И они никогда-никогда не ошибаются? — спросил Маленький Бобр.

— Бывает, но не так часто, как белые.

Кaleb показал, какую сторону покрышки надо было приподнять. В типи сразу стало прохладней.

— Чтобы знать, откуда ветер, поклоните палец и поднимите его. Сразу с наветренной стороны почувствуете холодок, и тогда уж повернете правильно дымовые клапаны.

— Расскажите про военные головные уборы, — попросил Ян. — Что мы можем сделать, чтобы носить перья?

— Бегайте, плавайте, стреляйте из лука. Если ваша стрела пролетит двести ярдов, вы убили бизона. Такой стрелок получает высшую награду.

— Неужели «гран ку»?

— Да, а если стрела пролетит пятьдесят ярдов, значит, убит олень. Этот выстрел мы назовем просто подвигом — «ку». Если вы с пятидесяти шагов поразите чучело прямо в сердце с первого выстрела, это сочтут большим подвигом. Того, кто не промахнется с семидесяти пяти шагов, неважно с какого раза, я назову лучшим стрелком. Если с сорока шагов вы попадете в десятидюймовый глазок два раза из трех, то не опозоритесь перед индейцами, хотя они не стреляют по мишеням, а только по дичи. Я видел, как медно-красные малыши стреляли в бабочек. Потом они устраивали состязания — кто

пустил разом больше стрел. Пять стрел в воздухе — хорошо! Значит, человек быстро и далеко стреляет. Только один раз в жизни я видел, как пустили сразу восемь стрел. Тогда это посчитали «большим колдовством». Но пустить семь стрел тоже очень почетно.

— Мистер Кларк, у индейцев есть, наверное, какие-нибудь игры? — спросил Ян.

— Вот как индейцы испытывают свое зрение...

— Тут уж я вам покажу! — поторопился вставить Гай. — Я же первый увидел тогда оленя...

— Замолчи, Гай! — крикнул Ян.

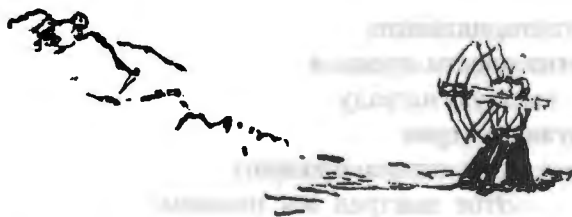
Зловещий звук «дзи-ит, дзи-ит» заставил Ветку обернуться. Он увидел, как Сэм, обильно смачивая большой нож, точил его о камень, бросая хищный взгляд на белобрысый хохолок Гая.

— Пришла пора, — сказал негромко Сэм, словно ни к кому не обращаясь.

— Вы лучше не трогайте меня! — взвыл Гай.

Но, взглянув на Яна и уловив на его лице улыбку, он почувствовал облегчение, хотя лицо Дятла и не предвещало ничего доброго.

— Почему ты не помогаешь мне? Или ты не хочешь своей доли, Маленький Бобр? — процедил Дятел сквозь зубы.

— Я думаю, сейчас мы оставим его, но если Ветка снова расхвастается, то снимем скальп без всякой жалости, — ответил Ян.

— Вот какую игру я вам объясню, — начал Калед. — На земле или на шкурах рисуются два квадрата, расчерченных на двадцать пять маленьких квадратов. Один игрок берет пять орехов или камешков и кладет их в квадраты. Потом второй смотрит, как расположены эти фишки, пока другие поют коротенькую песенку. Затем квадрат с фишками

закрывается, и второй игрок по памяти должен разложить на другом квадрате камешки так, как они легли на первом.

— Ну, это ерунда, я могу... — начал Гай.

Но Сэм тут же дернул его за хохолок.

— Смотри, как бы ты не простудился и не умер без скальпа, — сказал Дятел с ледяным спокойствием.

— Есть и другая игра, — невозмутимо продолжал Кaleb. — Индейцы делают два шестидюймовых квадрата из белого дерева и на каждом рисуют по зайцу. Потом на одном квадрате в разных местах прикалывают шесть черных кружочков по полдюйма в поперечнике и относят этот квадрат за сто шагов. Игрок берет пустой квадрат и приближается к первому квадрату до тех пор, пока не сможет на своем приколоть кружочки в тех же местах. Если он увидит их за семьдесят пять шагов, значит, он молодец, если за шестьдесят — похвально, но меньше пятидесяти — уже никуда не годится.

— Вот увидите, я...

Ветка хотел сказать что-то, но тут Сэм так страшно зарычал, что никто не услышал от Гая больше ни звука.

— У индейцев было еще два способа испытывать остроту зрения, — рассказывал Кaleb. — Старый индеец показывает молодым созвездие, в котором много маленьких звезд (индейцы называют его Гроздь), и спрашивает, сколько в нем звезд. Одни находят пять или шесть, а другие и семь. Кто видел семь, у того очень острое зрение. Плеяды высыпают только зимними ночами, а вот Большую Медведицу можно видеть круглый год. Индейцы называют ее Горбатая Спина. И старики спрашивают у ребят: «Ты видишь Старуху (это вторая звезда от конца) с ребенком на спине?» В молодости мне ничего не стоило разглядеть маленькую звездочку, прижавшуюся к большой.

Кaleb вышел из типи, и тут же мальчики услышали его голос:

— Эй, Ян, Гай! Идите сюда!

Все подбежали к нему.

— Вот мы только что говорили про хорошее зрение. Ну, а кто скажет, что это вон там? — Кaleb показал на поле клевера.

— Похоже, медвежонок...

— Сурок! Это наш сурок! — крикнул Гай. — Надо его подстрелить! — И он помчался за своим луком.

Индейцы со всех ног бросились к полю. Они старались не шуметь, но все же зверек услышал какие-то звуки и насторожился. Он сел на задние лапы, большой, неуклюжий, издали напоминая медвежонка.

Мальчики стали в ряд, как на старой картинке, изображающей битву при Креси. Выстрел — и все три стрелы пролетели мимо. Сурок тут же юркнул к себе в нору.

VII. Жизнь в лагере

- Как спал, Сэм?
- Глаз не сомкнул.
- Я тоже. Всю ночь дрожал. Накрылся еще одним одеялом — и все без толку.
- Густой туман, что ли, был?
- А как ты спал, Ветка?
- Хорошо!
- Тумана не чувствовал?
- Ничутьточки.

В следующую ночь было еще хуже. Гай спал, как говорится, без задних ног, а Сэм и Ян дрожали до утра. На рассвете Сэм встал:

— Мне это надоело! Шутки шутками, а если придется так трястись каждый раз, я уйду домой, пока еще на ногах держусь.

Ян промолчал. Он был мрачнее тучи.

Солнце развеяло их унылое настроение, но все же мальчики не могли без ужаса подумать о следующей ночи.

— Что это с нами? — спросил Маленький Бобр. — Бросает то в холод, то в жар. Может, мы пьем слишком много болотной воды? Или Гай нас отравляет своей стряпней?

— Похоже, у нас цинга: очень уж мясом объедаемся... Надо спросить у Калеба.

Не приди к ним Кaleb в полдень, они сами побежали бы к старику. Он молча выслушал Яна и спросил:

- Вы сушили одеяла с тех пор, как живете в лесу?
- Нет, а... а разве индейцы...

Кaleb вошел в типи, пощупал одеяла и сказал:

— Так и есть. Ночью вы потеете, оттого у вас постели сырые. Каждая индианка хорошенько прожаривает постель

часа по три на солнце, а если погода плохая — у огня. Сделайте так — и перестанете дрожать.

Мальчики не замедлили вытащить на воздух одеяла и простыни и в ту ночь спали крепким, безмятежным сном.

Скоро им пришлось узнать еще кое-что о жизни в лесу. Вечерами комары загоняли мальчиков в типи, но скоро индейцы научились выкуривать их: перед сном мальчики кидали в костер много травы, плотно закрывали вход, а сами ужинали снаружи, у костра, на котором готовили еду. Потом они осторожно заглядывали в типи — костер потухал, сверху набиралось много дыму, но зато снизу был чистый, хороший воздух. Мальчики заползали в свое жилище и накрепко привязывали дверь. В типи не оставалось ни одного комара, дым, стоявший у клапана, не пускал новых. Можно было спокойно спать всю ночь. Так они научились бороться со злейшим врагом — комарами.

Были в лесу еще большие синие мухи, которые не давали днем покоя. Казалось, с каждым часом их становилось все больше. Они кружили над столом, попадали в тарелки.

— Сами виноваты, — сказал Калев, когда индейцы обратились к нему за помощью. — Вон какую вокруг грязь развели!

Он был прав: около типи высилась целая гора картофельной шелухи, костей, рыбьей чешуи и прочего мусора.

— А что делают индейцы? — спросил Маленький Бобр.

— Иногда они переносят стоянку, — сказал старик, — или просто делают уборку.

Ян первым схватил лопату и стал неподалеку копать яму; к нему присоединились Сэм и Гай. Увидав, что вместе с мусором они бросают в землю кости и куски хлеба, Ян сказал:

— Смотреть не могу, как мы хлеб зарываем! Столько зверюшек были бы рады получить эти крошки.

Тогда Калев, сидевший на бревне с трубкой в зубах, заметил:

— Если вы хотите быть настоящими индейцами, собирайте всякие остатки пищи и каждый день снесите их на какое-нибудь высокое место. Индейцы выбирают для этого большей частью скалу. Место это счита-

ется священным и называется «Вейкан». Тут они оставляют крошки, чтобы умиловить добрых духов. Конечно, все это попадает птицам и белкам, но индейцы бывают очень довольны, когда на скале ничего не остается. Им все равно, кто поедает — птицы или духи. «Неважно», — говорят они...

Великий совет в полном составе отправился на поиски «священной» скалы. На одной поляне индейцы нашли подходящий холм и с того дня поочередно носили туда свои «жертвы добрым духам». Вскоре они заметили, что птицы охотно поедают все, что находят на этом холме, и даже кто-то из четвероногих проложил тропку от ручья.

Как-то Калев сказал:

— Вы не должны пить воду из этой речки — в ней слишком много всякой живности.

— А что пить? — спросил Сэм.

— Что ж нам делать, мистер Калев? — вставил Ян, знавший, что старик не будет разговаривать ни с кем из Рафтенгов.

— Выройте колодец!

— Вот еще! Делать нам нечего! — фыркнул Дятел.

— Выройте индейский колодец, — пояснил Калев, — через полчаса он у вас будет готов. Давайте я покажу.

Он взял лопату и, найдя сухое место в двадцати шагах от верхней части запруды, стал копать. Уже на глубине трех футов показалась вода. Когда Калев дошел до четырех футов, вода стала бить с такой силой, что он бросил рыть. Калев взял ковш и вычерпал грязную воду, потом, дав яме наполниться, снова всю ее вычерпал. После трех раз в яме появилась прохладная, свежая и прозрачная вода.

— Вот, — сказал Калев, — это вода из вашей запруды, теперь она прошла через двадцать футов песка и земли, теперь ее можно пить. Это и есть индейский колодец.

VIII. Индейский барабан

— Настоящие индейцы сделали бы себе из этого обрубка барабан, — сказал Калев Яну, когда они увидели сваленную грозой липу с большим дуплом вместо сгнившей сердцевины.

— Да? А как?

— Где-то здесь был топор...

Ян принес топор, и Калёб сделал из ствола ровный, без трещин чурбан в два фута длиной. Они отнесли его в лагерь.

— На барабан натягивают кожу.

— А какую?

— Лошадиную, собачью, коровью, телячью — любую, лишь бы покрепче.

— У нас есть телячья кожа. Правда, ее погрызли крысы, — сказал Гай. — Я знаю, где взять еще одну; это мои кожи. Я сам зарезал телят. Вы бы поглядели, как я ловко это делаю!

Тут Сэм крикнул: «Гоп!» — и дернул его за хохолок.

Третий Вождь отскочил и закончил свою хвастливую речь обычными воплями:

— Отстань!

— Не трогай его, Сэм, — вмешался Маленький Бобр и, обернувшись к Гаю, сказал: — Ничего, Гай, не обижайся. Ты лучше его стреляешь и видишь вдвое дальше.

— Вот он и злится! — обиженно проворчал Ветка.

— А теперь, Гай, сбегай за шкурами, если хочешь, чтобы у нас был барабан и военные танцы.

Гай со всех ног бросился домой.

Тем временем Калёб занялся обрубком липы. Он снял кору, счистил ножом все остатки гнилой сердцевины и, поставив остов барабана на землю, развел в нем огонь. А когда середина выгорела, гладко обстругал чурбан внутри и снаружи.

Калёб занимался обрубком около двух часов, а Гая все не было. Он вернулся в лагерь уже в сумерки и рассказал, что отец поймал его и заставил полоть грядки. Шкуры, которые принес Гай, были жестки, как кора, и, конечно, покрыты волосом.

— Потребуется два-три дня, чтобы размягчить их, — сказал Калёб и опустил шкуры в лужу.

Три дня спустя Калёб вытащил их из воды, и вместо жестких желтоватых шкур у него оказались белые и мягкие, как шелк.

Тщательно вымыв их с мылом в теплой воде, Калёб тупым ножом выскоблил обе стороны. Большую из шкур Калёб

обрезал по краю; получился круг дюймов тридцать в поперечнике и вдобавок еще длинный ремень. Этот ремень он катал и растягивал, пока наконец не получился совсем круглый шнур. Из оставшегося куска он вырезал еще два круга тридцати дюймов в поперечнике. Сложив их вместе, Калев ножом проколол ряд дырок на расстоянии дюйма от края. Затем положил один круг на землю, поставил на него остов барабана и, прикрыв его сверху другим, прошнуровал ремнем оба круга. Сначала он шнуровал свободно, не затягивая ремня, а потом крепко стянул его, чтобы кожа на обеих сторонах барабана натянулась. Ко всеобщему удивлению, Гай тут же завладел барабаном.

— Это моя кожа, — сказал он.

Возражать было нечего, но Калев, подмигнув, сказал:

— Похоже, дерево он ни во что не ставит.

Потом Калев обмотал палочку тряпкой, и Гай стукнул в барабан. Звук получился совсем глухой.

— Повесьте барабан в тенок, — сказал Калев, — он высохнет и зазвучит совсем по-другому.

Было очень интересно наблюдать, как барабан просыхал. Временами он издавал тихие звуки, и тогда казалось, что он напрягает все усилия, чтобы вырваться из связавших его пут. Когда кожа высохла и стала вновь тонкой и полупрозрачной, барабан зазвучал так, что, услышав его, затрепетало бы сердце любого индейца.

Калев выучил мальчиков петь боевую песню индейцев, и они танцевали под звуки барабана, на котором играл сам Калев.

IX. Кошка и куница

Сэм снова предпринял вылазку в стан бледнолицых, чтобы пополнить запасы хлеба; Гая схватил старый Бернс и заставил работать на огороде. Ян остался в лагере один. Он бродил со своей тетрадкой и рассматривал глиняные «книги посетителей». Кроме следов норки и хорька мальчик обнаружил неизвестные ему отпечатки лап какого-то более крупного зверя. Ян вышел на берег и лег в густую траву. Прыгали кузнечики, трещали сверчки.

Неожиданно у реки, где лежала огромная липа, поваленная грозой, Ян заметил легкое движение. Ствол липы, сгнивший изнутри, скрывался в густой траве, и в том месте, где одна ветвь была обломана, в дереве зияло темное дупло. Вдруг оттуда выглянула голова с блестящими зелеными глазами, а затем на ствол выпрыгнула серая кошка. Она уселась на солнце, умылась лапкой, потянулась и спустилась по откосу к воде. Тут она напилась, стряхнула капли с лап и, к удивлению Яна, стала, как и он, обследовать следы.

Кошка пошла вдоль ручья, оставляя следы (их Ян решил срисовать после). Неожиданно она замерла на месте, подняв голову, прислушалась и, прыгнув в заросли, исчезла.

Ян стал ждать, не появится ли она снова. Где-то выше по ручью захрустела галька. Ян обернулся и увидел нового зверя, чуть больше кошки. Ян никогда прежде не видел куницу

при дневном свете, но теперь сразу узнал ее — приземистую, густо-темного цвета, с белыми метинками и очень пушистым хвостом.

Куница шла не спеша, переваливаясь на ходу, вслед за ней показались три маленьких детеныша. Видно, это была мать со своим семейством. Она обнюхала следы точно так же, как до нее сделала кошка, и Ян обнаружил необычайное сходство между этими двумя животными.

Когда старая куница наткнулась на кошачий след, она так долго обнюхивала его, что детеныши догнали ее. Один из них, учуяв свежий запах, пошел по следам кошки к ручью.

Куница, добравшись до поваленной липы, безошибочно направилась к дуплу. Она заглянула в него, затем юркнула внутрь, оставив снаружи только хвост. И вдруг Ян услышал из ствола громкое, пронзительное мяуканье. И тут же куница вылезла, держа в зубах маленького серого котенка. Он мяукал и отчаянно вертелся, пытаясь вырваться.

Сердце Яна дрогнуло. Он уже хотел броситься на защиту, как вдруг что-то серое метнулось к стволу, и он увидел кошку, глаза ее горели, шерсть стояла дыбом, уши были прижаты к спине. С яростью она прыгнула на хищника. Шерсть кунницы полетела во все стороны, и она в отчаянии бросилась в воду. Кошка, полузадушенная, истекающая кровью, хотела кинуться вслед, но котенок, забившийся под ствол липы, так жалобно мяукал, что гнев матери иссяк. Она схватила его, забрызганного вонючей жидкостью, отнесла обратно в свое логово и тут же вновь появилась на бревне. Она стояла, настороженно вслушиваясь, моргая блестящими глазами, поводя хвостом, словно тигрица, готовая драться с целым светом, защищая своих малышей.

Ян был восхищен героизмом кошки и с того дня стал с уважением относиться ко всему кошачьему роду.

Х Семейство белок

— Хотите, я сейчас выгоню дятла вон оттуда? — сказал однажды Ветка, когда три индейца обходили дальние леса.

Он показал на дупло в полусгнившем дереве и, подойдя, несколько раз сильно ударил по стволу палкой. К удивлению ребят, из дупла вылетел не дятел, а белка-летяга. Она вскарабкалась на верхушку, взгляделась и, раскинув лапы и распушив хвост, перелетела на другое дерево, в двадцати футах от первого. Ян бросился ловить ее. Он уж было схватил ее, но белка так царапнула его острыми зубками, что Ян тут же отдернул руку. Белка исчезла в ветвях.

Гай был очень горд.

— Летяга или дятел — это, в конце концов, все равно, — самодовольно заявил он.

Целый день после этого он задирает нос, стучал по каждому дереву, где только было хоть маленькое отверстие, думая снова выгнать кого-нибудь, и наконец после нескольких неудач спугнул с гнезда запоздалого дятла.

Ян тоже поднял увесистую палку и стукнул по другому стволу, в котором были отверстия. Из нижнего дупла выскочила рыжая белка и тут же юркнула в верхнее. Следующий сильный удар заставил ее

покинуть это убежище и прыгнуть на верхушку, откуда она мигом нырнула вновь в нижнее дупло.

Мальчики заволновались. Они принялись колотить по стволу, но белка больше не показывалась.

— Давайте срубим его, — предложил Маленький Бобр.

— Вот что надо делать, — поучительно сказал Дятел и, найдя очень длинную палку, ударил ею по сгнившей верхушке.

Та слегка покачнулась. Сэм повторил удар. Вскоре ствол рухнул. Его пустая верхушка ударилась о поваленное дерево и превратилась в кучу трухи. Мальчики кинулись искать белку. Они разворошили все и, найдя скорлупу кедровых орехов, решили, что тут, верно, было гнездо. И вдруг они увидели рыжую белку. Она лежала тихо и, казалось, была невредимой, но на конце ее носика выступила капелька крови. Рядом пять маленьких бельчат, совсем недавно появившихся на свет; они были слепые, голенькие и совсем беспомощные. У одного на носу тоже краснела капелька крови.

Сначала индейцы думали, что белка притаилась, но оказалось, что она мертва.

Мальчики чувствовали себя страшно виноватыми. Во время охоты им и в голову не приходило, что они могут оставить маленьких беспомощных зверушек без матери. Бельчатам грозила голодная смерть.

Особенно переживал это Ян, который считал себя главным виновником несчастья.

— Что с ними делать? — спросил Дятел. — Они слишком малы, нам их не выкормить.

— Лучше утопить, и все, — сказал Ветка, вспомнив, как поступали у него дома с многочисленными котятками.

— Эх, подложить бы их в беличье гнездо!.. — сказал Ян. Помолчав немного, он добавил: — Я знаю, кто их может спасти. Серая кошка! Давайте отнесем к ней бельчат, пока ее нет в дупле!

Все направились к ручью.

Солнце сияло так, что можно было разглядеть, как копошились в дупле котята. Кошки не было с ними. Ян осторожно положил туда бельчат и вернулся к товарищам.

Они ждали кошку целый час. Мальчики сидели очень тихо, и им удалось увидеть много интересного.

Из травы высунулась мордочка полевой мыши, потом крот вылез из норы. Немного погодя прошуршал по высохшему руслу ручья четвероногий зверек величиной с кролика. Ян узнал ондатру; она, видно, искала воду. Только в запруде оставалась еще вода, и мальчики догадались, что это место стало теперь единственным водопоем для многих зверушек.

Не успела ондатра отойти на несколько шагов, как показался другой темно-коричневый зверек.

— Еще одна! — прошептал Сэм. — У них, наверное, свидание.

Зверек подошел поближе, и ребята увидали, что это была норка. Длинная, как кошка, и приземистая, с широкой приплюснутой головой и белым пятном на горле, она была смертельным врагом ондатры и теперь шла по ее следу. Ондатра могла спастись только в воде. Но видно, с тех пор, как запруда стала привычным местом для ондатры, туда зачастили и норки.

Через несколько минут ребята увидали, как что-то серое вспрыгнуло на бревно. Это была кошка. Она опасливо оглянулась. Мальчики с напряженным вниманием следили за ней. Кошка, скользя по бревну, юркнула к котяткам, с мурлыканьем стала ласкать их и тут обнаружила среди своих детенышей маленьких красноватых бельчат.

Кошка обнюхала их и, облизав, собрала всех малышек около себя. Гай тут же радостно сообщил, что «маленькие бельчата кормятся вместе с котятками».

Убедившись, что кошка ласково встретила бельчат, мальчики вернулись обратно в лагерь. И потом не проходило дня, чтобы они их не навещали.

XI. Как наблюдать обитателей леса

Дни проходили весело. Каждое утро начиналось с охоты на сурка. Мальчики хорошо узнали лес и уже не боялись его, как в первую ночь.

— Помнишь, Ян, как мы спали тогда: я с топором под боком, а ты с ножом? — смеялся Сэм.

Индейцев теперь не пугали неудобства лесной жизни, они чувствовали себя в лесу как дома.

Каждый день приносил с собой много интересно-го. А в лунные вечера мальчики видели кроликов, которые прибегали к их лагерю. Однажды мальчики услышали короткий хриплый лай, и Калёб сказал им, что это, наверное, была лиса.

Но самое главное, что понял Ян, живя в лагере, заключалось в следующем: в лесу больше видел молчаливый наблюдатель. Но было очень трудно сидеть молча, без дела, поэтому он обычно начинал рисовать.

Как-то раз, сидя в тишине у пруда. Ян видел, как из воды выскочила уклейка и схватила муху, тут же зимородок, паривший над водой, камнем упал вниз и поднялся с уклейкой в клюве. Он присел на ветку, но вдруг из рощи вылетел ястреб и кинулся на птицу, тут бы и конец пришел зимородку, но какое-то длинное существо, выскользнув из травы, бросилось на них. Ястреб взлетел налево, зимородок — направо, а норка осталась с полной пастью перьев.

Через несколько дней Ян с Сэмом осматривали следы, оставленные ночью в «книге посетителей», и вдруг по высохшему ручью хлынул поток воды.

— Это еще откуда? — удивился Дятел.

— Прорыв в плотине, наверное, — заторопился Маленький Бобр.

Мальчики побежали к запруде. Ян оказался прав: вода была из отверстия в углу плотины. Внимательно осмотрев течь, мальчики поняли, что ее сделали водяные крысы.

Починить плотину оказалось нелегко. Снова набили частые колья, замазали их глиной, но зато теперь крысам пришлось бы основательно потрудиться, если бы они захотели вновь проделать себе ход.

Калёб, узнав о происшествии на запруде, сказал:

— Теперь вы, конечно, понимаете, почему бобры ненавидят водяных крыс?

Ян заметил несколько укромных местечек в лесу, откуда было удобнее всего наблюдать за жизнью лесных обитателей. В небольшой луже возле запруды возились раки и угри, за которыми непрерывно охотились птицы. В стороне развились кулики, к вечеру на плоский камень вылезала водяная крыса и сидела там, высматривая добычу. А в

лесной чаще можно было видеть куропаток и черных белок.

Однажды Ян рисовал ствол старого дерева, который ему очень нравился. Неожиданно из зеленых зарослей у пруда бесшумно выскочил коричневый пушистый зверек, не замочив лапок, перепрыгнул узенький заливчик, раз или два настороженно замер и наконец уселся на виду. Это был кролик. Он так долго сидел не шелохнувшись, что Ян успел нарисовать его. Прошло еще минутки три — Ян сверил по часам, — пока кролик принялся щипать траву. Шумливый дятел уселся на сухой ветке неподалеку от кролика, и тот застыл на мгновение, но, разглядев, что это всего-навсего безобидная птица, продолжал мирно пастись. Потом, прижав уши к спине, он прилег в густом клевере отдохнуть. Казалось, он заснул под теплыми лучами солнца. Яну очень хотелось увидеть, закрыл ли кролик глаза, но мальчик был слишком далеко и поэтому ничего не разобрал. Последние солнечные блики исчезли, и пруд погрузился в тень. Вдруг Ян заметил, что к нему приближается какой-то зверек. Он держал голову у самой земли, и Ян никак не мог понять, кто это. Мальчик послюнил палец и понял, что ветер не выдаст его присутствия. Зверек приблизился, и тут по острой мордочке, ушам и пушистому хвосту Ян угадал в нем лису. Может, это была та самая, что часто лаяла по ночам около лагеря. Лиса свернула в сторону, не подозревая, что за ней наблюдают. Ян хотел получше разглядеть хитрого зверя и, приложив ладонь тыльной стороной к губам, пискнул помышину. Голодная лиса встрепелась. Она застыла на месте, вытянув вперед голову. Ян пискнул снова. Лиса повернулась и пошла между Яном и кроликом. Она пересекла старый кроличий след, не обратив на него никакого внимания, но вдруг ветер донес до нее манящий запах. В ту же минуту лиса позабыла про мышей и, крадучись, пошла к кролику, которого еще не видела. Чутье вело лису безошибочно, и скоро, держа нос по ветру, как настоящая охот-

ничья собака, она уловила запах самого кролика. С каждым шагом лиса приближалась к кролику, который спал, лежа в высокой траве. Ян раздумывал, стоит ли ему поднять кролика, чтобы рыжий разбойник не успел его схватить, но ему не терпелось вместе с тем посмотреть на охотящуюся лису. Оставалось шагов восемь — теперь уже

лиса видела свою жертву. Ян с трудом удержался, чтоб не крикнуть. Шесть шагов — лиса уже готовилась к прыжку.

«Неужели схватит его?» — подумал Ян, и сердце его часто забилося. Лиса подобралась еще ближе и бесшумно прыгнула на спящего. Спящего? О нет, кролик хорошо знал свою роль! В ту минуту, когда лиса сделала прыжок, кролик прыгнул ей навстречу и пролетел под самым носом у своего врага. Лисица повторила скачок, но кролик, словно мяч, понесся огромными прыжками и скрылся в чаще. Если бы кролик поднялся в тот миг, когда заметил лису, рыжий зверь успел бы нагнать его в три-четыре прыжка. А так лисе пришлось искать себе ужин в другом месте. Ян счастливый вернулся в лагерь: ведь он разгадал еще одну лесную тайну.

XII. Условные знаки индейцев

— Какие условные знаки бывают у индейцев, мистер Кларк? — спросил как-то Ян старика.

— След мокасины, дым, сломанная ветка, камень на камне — все это индейские знаки. Каждый из них что-нибудь означает, и индейцы читают их, как вы книжку.

— Вы говорили нам, что три дымка означают «возвращение с победой».

— Нет, совсем не так. Это означает «хорошие вести».

— Что значит один дым?

— Как правило, просто: «здесь привал».

— А два?

— Может означать «тревога» или «я заблудился».

— Это я запомню: два — «беда».

— Три — хорошие вести. Нечетные числа — счастливые.

— А четыре дыма?

— Редко очень употребляют. Если бы я увидел четыре дыма, я бы подумал, что происходит что-то важное, например собрался Великий совет.

— Что бы вы подумали, увидав пять дымов? — спросил Ветка.

— Я бы решил, что какой-то глупец хочет сжечь весь лес.

— А для чего индейцы ставят один камень на другой?

— Я, конечно, не поручусь за всех индейцев, но на западе это значит «вот дорога». Маленький камень слева от двух означает «мы повернули налево», с правой стороны — «повернули направо». Если три камня один на другой, читай: «это верная тропа» или «осторожно»... Куча камней, брошенных в беспорядке, значит: «здесь был привал, потому что один из нас заболел».

— А что бы они сделали, если бы не нашли камней?

— В лесу?

— Да. Или в прериях.

— Я многое уже позабыл, — сказал Калев.

Но все же скоро у мальчиков был первый свод условных знаков, какими пользовались индейцы, хотя при этом Калев не уставал твердить, что «не все индейцы делают одинаково». Ян тут же решил зажечь сигнальный костер, но, к его разочарованию, оказалось, что дым не поднимается даже над верхушками деревьев.

— Сперва дай костру разгореться как следует, — пояснил Калев, — а потом подбрасывай траву и всякие гнилушки. Вот тогда увидишь разницу.

Когда мальчики бросили в огонь траву, к небу поднялся густой извилистый столб дыма.

— Я уверен, что этот дым увидишь миль за десять отсюда, особенно если стоять на высоком месте.

— Ну, я разгляжу и за двадцать, — сказал Гай.

— Мистер Кларк, а вы когда-нибудь теряли дорогу? — без усталости расспрашивал Ян.

— Конечно, и не раз. Каждому, кто ходит по лесу, приходится хоть однажды плутать без дороги.

— Как, неужели и индейцам?

— Конечно. А почему бы и нет? Они такие же люди, как мы. И не верьте хвостуну, что он никогда не блуждал по лесу. Он, верно, ни разу не отходил от маминого передника. Каждый может заблудиться, но человек бывалый находит дорогу, а новичок может и погибнуть. В этом вся разница.

— Что же вы делали?

— Зависит от того, где я находился. Если попадал в незнакомый лес, а в лагере у меня оставались друзья, я раскладывал два дымовых ко-

стра. Если я был один, то старался провести линию по звездам и солнцу; но в пасмурную погоду сделать это невозможно. А если вы совсем не знаете местности, то надо идти по течению какого-нибудь ручья или реки. Но это самый плохой способ. Он, конечно, выведет вас куда-нибудь, но так вы пройдете за день четыре или пять миль.

— Правда ли, что можно определить направление по мху на стволах деревьев?

— Да. Вот поглядите: вы всегда найдете мох на северной стороне ствола или скалы; самые большие ветки растут у деревьев с южной стороны, верхушка тсуги склоняется к востоку. На пне годовичные кольца толще всего с юга. Правда, это относится к дереву, которое растет на открытом месте. Я видел одно растение, которое может служить вместо компаса, — это степной золотарник. На открытом месте он поворачивает свои головки к северу. Но в густой тени они откидываются куда попало. Протоптанная зверем тропа выведет вас к воде. Если тропка становится все тоньше — значит, идете верным путем. Если над вами пролетят утки или чомга, знайте — вода близко. Собака и лошадь всегда выведут вас к жилью. Никогда не слышал, чтобы они ошибались. Однажды был такой случай, да лошадь оказалась дурная. Но компас все-таки самая надежная вещь. За ним идут солнце и звезды. А лучше всего, когда друзья где-то поблизости: тогда разложите два дымовых костра и спокойно ждите.

XIII. Как дубить кожи и шить мокасины

Сэм нашел в сарае шкуру недавно зарезанного теленка. Отец позволил взять ее, и Сэм явился в лагерь со «свежей шкурой бизона для одеяния».

— Я не знаю, как индейцы шьют себе одежду, — сказал отец, — но уж Кaleb-то знает. Вам он скажет.

С тех пор как старый охотник остался без собственного дома, он часто навещался в лагерь. Так случилось и на этот раз — вскоре после прихода Сэма появился и Кaleb.

— Как индейцы дубят кожу, чтобы сшить одежду? — сразу же спросил его Ян.

— По-разному.

Но не успел он начать, как с криком прибежал Гай:

— Ребята! Старая лошадь отца околела! — И он радостно засмеялся, потому что первым принес эту новость.

— Послушай, Ветка, ты слишком часто смеешься — смотри, не сожги зубы на солнце. — И Старший Вождь оглядел его с притворной грустью.

— Нет, вправду сдохла! И я себе возьму ее хвост на скальп. Вот увидите, я буду самым настоящим индейцем!

— Почему тебе не содрать всю шкуру? Я научу тебя делать из нее много всяких вещей, — сказал Кaleb, раскуривая свою трубку.

— А ты можешь?

— Ее сдирают так же, как с теленка. Вот снимем шкуру, я вам покажу, какие жилы взять для шитья.

Всей гурьбой они пошли на поле Бернса. Гай отскочил и спрятался за спины товарищей, когда вдаль показался сам Бернс, который тащил упряжкой дохлую лошадь.

— Здравствуй, Джим! — окликнул его Кaleb, с которым они были добрыми приятелями. — Не повезло тебе с лошадью, а?

— Да нет, не очень. Она мне даром досталась. Рад, что сдохла, — хромала давно.

— Отдай нам ее шкуру, если тебе не нужно.

— Да хоть всю бери.

— Ты только перетащи ее через межу, а мы остатки зароем.

— Хорошо. Вы не встречали моего шалопа?

— Да, видели, — отозвался Сэм. — Совсем недавно, и он как раз шел к дому.

— Ух, если я его не найду там! — свирепо сказал Бернс.

— Только вряд ли найдете, — буркнул себе под нос Сэм.

Бернс ушел, а через несколько минут из кустов выскочил Гай и присоединился к своим товарищам.

Кaleb делал основную работу. Сэм и Ян помогали ему, а Гай занимался тем, что вспоминал, как снимал шкуру с теленка, и давал советы, черпая их из своего опыта.

Когда сняли шкуру, Кaleb топором вырубил печень и мозги.

— Это нужно для дубления кожи, — сказал он. — Смотрите, вот отсюда индианки берут жилы для шитья.

Калев сделал глубокий надрез вдоль позвоночника от середины спины до крупа и, засунув руку, вытащил оттуда большой жгут беловатых волокон.

— Вот вам целый клубок ниток, — сказал Калев. — Возьмите и высушите их сперва. А чтобы они не ломались, окуните в теплую воду минут на двадцать. Нитки отмокнув и будут вполне пригодны для шитья. Теперь у нас есть шкуры лошади и теленка. Надо их получше использовать.

— А как дубят шкуры?

— Разными способами. Иногда я хорошенько чищу их, пока не соскребу весь жир и мясо. Потом покрываю всю шкуру квасцами и солью и оставляю завернутой на несколько дней, а когда квасцы пропитают ее как следует, разминаю. Но у индейцев нет квасцов и соли. Они смазывают шкуры смесью из печени и мозгов. Сейчас все покажу.

— Давайте сделаем, как настоящие индейцы, — сказал Ян.

— Ладно. Тогда достаньте печень и мозги теленка.

— А почему не от лошади?

— Сам не знаю. Я никогда не видел, чтобы они смазывали телячью шкуру лошадиной смесью. Наверное, так лучше.

Сэм отправился домой раздобывать телячьи мозги и печень, а вернувшись, стал вместе с Яном очищать шкуру от мяса и жира, пока она не сделалась голубовато-белой и не сальной на ощупь. Телячью печень варили час, потом растерли с сырыми мозгами и, смазав смесью внутреннюю сторону шкуры, сложили ее вдвое, закатали и отнесли в прохладное место. Спустя два дня шкуру чисто отмыли в ручье и повесили сушить. Когда она хорошенько просохла, Калев вырезал из крепкого дерева кол и показал Яну, как растянутую кожу разминать острием кола, пока она не станет совсем мягкой.

С лошадиной шкурой поступили так же, только ее вымачивали дольше. Через несколько дней Калев выскоблил ее и обработал.

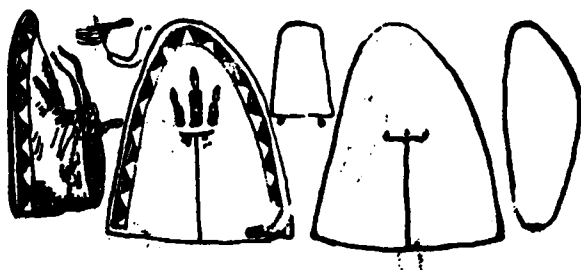
— Вот так индейцы выделывают кожу, — сказал Калев. — Я видел, что шкуры вымачивали в настое пихтовой коры и тсуги. Но получается не лучше, чем у нас, осталось прокоптить ее, чтобы она не затвердела.

Калев развел огонь, набросал туда гнилушек и оставил шкуру висеть над густым дымом. Через несколько часов она потемнела и стала издавать особый запах, который знаком всем, кто брал когда-нибудь в руки индейские изделия из кожи.

— Мистер Кларк, покажите нам, как индейцы шьют себе мокасины и военные куртки, — снова попросил Ян.

— Мокасины сделать просто, а вот военные куртки — не обещаю. Каждое племя шьет мокасины по-своему, и стоит индейцу взглянуть на обувь, он сразу определит, из какого племени незнакомец. Чаще всего делают мокасины типа

«оджибва», что значит «сборчатые». Они выкраиваются из одного куска кожи, в подъеме делаются сборки, и подошва у них мягкая. Другой вид мокасин распространен среди индейцев, живущих на равнине. Они делаются с твердыми подошвами, чтобы колючки кактусов, шипы и камни не кололи ногу.

— Я хочу твердые подошвы! — сказал Ян.

— Сейчас попробуем, — сказал Калев.

— И мне тоже! — крикнул Гай. — Это ведь моя лошадь.

— Нет, неправда, — спокойно сказал Калев, — эту шкуру твой отец отдал мне.

Спорить было нечего, поэтому Гай отошел в сторону, а Калев стал обмерять ногу Яна.

Старик взял кусок недубленной кожи, размягчил ее в воде и обрисовал на ней босую ступню Яна. Вырезав по этой линии подошву для одного мокалина, Калев вторую выкроил по первой, потом он смерил длину ступни и ширину ее в подъеме, прибавил по дюйму на шов и выкроил два передка из мягкой кожи. Из другого куска он вырезал язычки мокалин и пришил их к передкам.

— Вот и готовы передки, — сказал Калев, — теперь, если хочешь, расшей их бусинками.

— А как?

— Этому я тебя не смогу выучить. Вот как раскрасить мокасины, расскажу. Тут по краю должны быть красные и белые треугольники — они означают холмы, по которым охотник спокойно прошел путь. Маленькая синяя дорожка на пятке — это прошлое. На подъеме три дорожки: красная, белая и голубая. Они направлены вперед — значит, это будущее. Все три дорожки кончаются орлиным перышком. Когда сошьешь мокасины, разрисуй их. Теперь толстой, крепкой жилой пришьешь подошвы к верхам. Если у тебя есть шило, обойдемся и без иглы. Только смотри, шей через край, а не насквозь — так жилы не будут стираться при ходьбе. Вот смотри.

Подошвы были мягкие, и мокасины можно было выворачивать на любую сторону. Наконец подошву прикрепили и, проколов четыре отверстия, пропустили в них мягкий кожаный шнурок.

После этого Ян разрисовал мокасины по индейскому обычаю, как ему показал Калев.

За то время, пока Калев и Ян трудились над одной парой мокасин, индианка наверняка бы сшила добрых полдюжины, но едва ли она испытала бы такую радость, как они.

XIV. Размышления Калеба

Время от времени в «книге посетителей» у реки Ян находил следы норки.

Судя по следам, туда повадилась крупная норка, и ребята попросили Калеба помочь ее поймать.

— В это время их еще не ловят. Ждут до октября, — ответил старик.

— А как вы их ловите, когда приходит пора?

— По-разному.

Нелегко было разговаривать старика, но мало-помалу Ян сумел это сделать.

— Прежде мы ставили на норку капканы с маленькой птичкой или головой куропатки для приманки. Западня убивает сразу и наверняка. В холодную погоду тушка замерзает

и сохраняется. Но в теплое время многие шкурки гибнут, если их не сразу вынуть: приходится часто проверять западни. Потом кто-то придумал стальные капканы, которые ловят норку за ногу и держат день за днем, пока она не умрет с голоду или, чтобы спастись, не отгрызет себе захваченную лапу. Я поймал как-то норку, у которой осталось всего две ноги. Капканы можно проверять реже, но, по-моему, надо вместо сердца иметь камень, чтобы расставлять их. Когда я подумал, сколько пришлось вынести этой норке с двумя ногами, я отказался от капканов. «Хочешь ловить зверя, — сказал я себе, — ставь западню или лови живьем, но не калечь и не терзай его». Капканы со стальными когтями следует запретить законом. Это жестоко. А вот насчет охоты я вам скажу — это хорошее занятие, и за всю свою жизнь я не видел, чтобы охота испортила человека. Мне кажется, охотник добрее других. Ну, а то, что им приходится убивать, так ведь дикие звери не гибнут сами по себе: все они рано или поздно попадают в зубы к другим зверям. Уж лучше погибнуть от пули, чем от когтей волка или рыси. Только не будьте жадны — никогда не истребляйте весь род. Если охотиться с головой, будет много о чем вспомнить потом. И зла никому не причиняйте. Помню, как-то сопровождал я на охоте одного европейца. Он искалечил оленя так, что тот и шелохнуться не мог. Уселся этот горе-охотник около оленя завтракать и время от времени стрелял в зверя просто так, а ведь зверь-то все еще живой был. Когда я увидел, чем он занимается, у меня просто кровь закипела от гнева. Отругал его последними словами и скорее прикончил оленя. После этого я смотреть не мог на того человека. Если бы пристрелил оленя на бегу, тот бы не мучился. Ведь рана от верной пули немеет. Многие многоствольные ружья — тоже варварское изобретение. Охотник знает, что у него в запасе много выстрелов, вот и палит по всему стаду. Олени уходят раненные и гибнут в муках. А если у охотника один заряд, то он метит очень осторожно. Для охоты надо брать одностволку. Охота — занятие хорошее, только я против повальных убийств и жестокостей. Стальные капканы, легкие пули, которые ранят, а не убивают, многоствольные ружья — все это жестоко.

Калев говорил долго, то и дело умолкая, и тогда Ян снова задавал вопросы, чтобы старик продолжал свой рассказ.

— Как вы относитесь к охоте с луком, мистер Кларк? — спросил Ян.

— С луком и стрелами на медведя не пойдешь, но я был бы очень рад, если бы птиц запретили стрелять из ружей. На них охотиться с луком хорошо. Стрела — это верная смерть или верный промах, покалечить она не может. Одной стрелой не поранишь в стае много птиц, как это получается при ружейных выстрелах. Вот так люди истребляют мелкую дичь. Придет день, и люди обретут еще более сильное оружие, которым обзаведутся всякие глупцы, и тогда будут удивляться, отчего пропала вся дичь. Я против этого. Лук и стрелы приносят меньше беды, они требуют хорошего знания леса и доставляют много удовольствия. Они не трещат на весь лес, и всегда известно, кто стрелял, потому что все стрелы меченые.

Ян жалел, что Калек не одобрил охоту с луком на крупную дичь.

Охотник разговорился сегодня и легко отвечал на вопросы.

— А как вы ловили зверя живьем?

— Смотря какого зверя.

— Норку, например.

— Сейчас их нельзя ловить — детеныши погибли без матери.

— Я выпустил бы ее сразу. Просто хотел нарисовать, — поспешно сказал Ян.

— Так вреда ей, пожалуй, не будет. Найдутся у вас доски? Мы, бывало, долбили западню из целого куска пихты или серебристой сосны. Я покажу вам, как делать западню, если вы обещаете мне проверять ее каждый день.

Мальчики даже понять не могли, как можно было бы не ходить к западне ежедневно, и с готовностью пообещали это Калебу.

Они сделали западню в виде ящика в два фута длиной, в котором одну стенку заменили сеткой из крепкой проволоки.

— Вот такой западней ловят норку, хорька, кролика, крыс и многих других зверьков: это зависит от того, где вы ее поставите и какую приманку положите.

— По-моему, скала Вейкан будет самым подходящим местом, — сказал Ян.

На железный крючок в западне насадили рыбью голову. На другое утро, когда Ян пришел проверить западню, он увидел, что дверца захлопнулась. Из ящика неслись шипение и вой, кто-то отчаянно царапал стенки.

— Ребята! — крикнул Ян. — Норка поймалась!

Мальчики вынесли западню на солнечное место, и тут они увидели, что к ним попалась всего-навсего серая кошка. Как только они подняли крышку, она выпрыгнула оттуда и скрылась из виду.

Наверное, она спешила к своим котяткам, которые так долго томились в одиночестве.

XV. Гость

— Сэм, у меня кончилась записная книжка. Набег на бледнолицых ничего не даст. Придется идти на мирные переговоры с твоим отцом. Может, он купит мне, когда поедет в город.

Сэм ничего не ответил. Он обернулся в сторону тропки, прислушался и сказал:

— Вот он, легок на помине.

Когда из-за кустов показалась высокая фигура Рафтена, Ян и Гай смущенно притихли. А Сэм, покрытый раскраской, начал болтать как ни в чем не бывало:

— Здравствуй, отец. Узнаешь меня? Никак у тебя приключилась беда и ты пришел к нам за советом?

Рафтен широко улыбнулся, обнажив в улыбке белые зубы, и мальчики сразу вздохнули с облегчением.

— Пришел проведать, не больны ли вы, — ответил он.

— Ты позволишь пожить нам еще здесь, отец? — спросил Сэм и, боясь услышать не то, что ему хотелось, поспешил задать другой вопрос: — Скажи, отец, давно здесь не видно оленей?

— Да уж лет двадцать.

— А ты обернись, — вдруг шепнул Дятел.

Рафтен оглянулся и невольно вздрогнул: из кустов, слегка скрытое листьями, выглядывало чучело, очень похожее на живого оленя.

— Попробуйте выстрелить, — предложил Ян.

Рафтен выстрелил из лука и промахнулся.

— Эта штука не для меня. Я предпочитаю ружье. — И потом вдруг спросил: — Старый Калев приходит иногда к вам?

— Калев? Он у нас часто бывает.

— Смотрю, он к вам лучше относится, чем ко мне.

— Послушай, отец, почему ты думаешь, что это Калев стрелял в тебя?

— Может, на суде я и не смог бы доказать, но в тот день, когда мы с ним обменялись лошадьми, между нами произошла ссора. Он поклялся убить меня и скрылся из города. Его пасынок Дик Пог стоял рядом и все слышал. Ночью, когда я возвращался домой, кто-то стрелял в меня из кустов. Наутро неподалеку от того места нашли кисет Калева и несколько его писем. Вот и все, что я знаю, и этого вполне достаточно. Пог сыграл с ним скверную шутку, отняв у него ферму, но это уже не мое дело. Я думаю, старику скоро придется убираться отсюда.

— Похоже, Калев хороший человек, — сказал Ян.

— Он страшно вспыльчив и, когда напьется, способен на все. А так он очень спокоен.

— Что же у него произошло с фермой? — спросил Сэм. — Разве он там не хозяин?

— Нет, теперь ферма не его. Но точно не скажу. Слышал, что говорили. Конечно, Сарианна не родная ему дочь. Она даже не его родственница. У него больше никого нет. Дик женился на Сарианне и уговорил старика написать им дарственную на ферму. Дик обещал, что Калев будет жить с ними до конца своих дней. Но, завладев фермой, он захотел избавиться от старика. Первая ссора вспыхнула из-за Турка. Дик не разрешил ему жить на ферме, потому что пес гонял кур и душил овец. Мою овечку, верно, он загрыз. Если б я был твердо уверен в этом, сам не пожалел бы десяти долларов тому, кто пристрелил бы этого пса. Калев не захотел расстаться с собакой и переехал жить в хижину на другом конце фермы. Дела пошли лучше, и Дик с Сарианной посы-

ляли старику муку и другую провизию. Но люди говорят, что они хотят совсем выжить старика. Я-то ничего не знаю, это не мое дело, хоть Калек и думает, что я восстанавливаю Дика против него... Ну, как твоя записная книжка? — спросил Рафтен, заметив в руках Яна тетрадку.

— Вот хорошо, что вы напомнили! Я хотел спросить, что это такое? — И Ян показал след копыта, который он нарисовал в своей тетрадке.

Рафтен прищурился.

— Не знаю. Напоминает след большого оленя. Но едва ли это так. Олени здесь уже перевелись.

— Послушай, отец, — не успокаивался Сэм. — Ты бы тоже огорчился, если б тебя обобрали и выгнали из дому. Разве не так?

— Конечно. Но, неудачно выменяв лошадь, я не стал бы стрелять в человека. Если сердиться на кого, побей его или сам получи сдачи... Ну ладно, хватит. Поговорим о другом.

— Мистер Рафтен, купите, пожалуйста, мне записную книжку, когда снова поедете в город. Я не знаю, сколько она стоит, я бы сразу дал денег, — сказал Ян, беспокоясь в душе, что она стоит дороже пяти или десяти центов, которые он успел накопить.

— Обязательно. Но тебе не нужно ждать. В поселении у белых есть одна записная книжка, и ты получишь ее даром.

— Знаете, мистер Рафтен, — вдруг заговорил Гай, — я лучше их всех стреляю в оленя.

Сэм и Ян переглянулись и, ухватившись за свои длинные ножи, в один прыжок очутились около Третьего Вождя.

Тот спрятался за спину Рафтена и, как всегда, кричал:

— Не трогайте меня... Отстаньте!

Рафтен подмигнул:

— Я-то думал, у вас мирное племя.

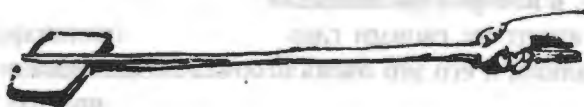
— Скажите им, чтоб они меня не трогали! — прохныкал Ветка.

— Мы тебя отпустим, если ты разыщешь того сурка. Уже два дня у нас не было сражений.

— Ладно, — ответил Гай и немедленно пошел на поиски.

Он скоро вернулся, делая таинственные знаки. Мальчики схватили луки и стрелы, но, опасаясь обмана, выжидали. Гай бросился к своему оружию. Тогда все направились к полю. Рафтен, спросив, не помешает ли он на охоте, пошел за ними вслед.

Старый седой сурок поедал клевер. Мальчики поползли вперед, как настоящие индейцы. Сурок, встав на задние лапки, прислушался. Когда он улегся, мальчики поползли дальше и замерли шагах в сорока от зверька. Сурок снова насторожился, и Сэм шепнул:

— Когда он примется есть, стреляем все разом.

Как только показалась серая спинка, мальчики, приподнявшись, выстрелили. Стрелы просвистели мимо, а сурок скрылся в норе раньше, чем охотники выстрелили вторично.

— Что же ты промахнулся, Ветка?

— Вот увидите, в следующий раз...

Рафтен встретил их насмешкой:

— Эх вы, горе-охотники! Не будь рядом поселения белых, вы бы давно умерли с голоду. На вашем месте настоящие индейцы всю ночь караулили бы сурка около норы и поймали его на рассвете. Когда вы покончите с ним, я вам покажу, где водится еще один сурок.

С этими словами он ушел. Сэм крикнул ему вдогонку:

— Послушай, отец, где записная книжка для Яна? Он ведет счет нашим подвигам, и книжка ему скоро понадобится!

— Я оставлю ее на твоей кровати.

Рафтен так и сделал, а Сэм и Ян достали ее через окно палкой, расщепленной на конце.

XVI. Как Ян узнавал уток издалека

Однажды Великий Дятел, лежа в теньке, сказал повелительным тоном:

— Мне скучно, Маленький Бобр! Расскажи что-нибудь.

— Не хочешь ли поучиться говорить на моем языке? — спросил Второй Вождь, хотя уже не раз пробовал учить Гая и Сэма древнему языку своего племени (который он сам придумал).

— Говорю тебе: расскажи что-нибудь, — мрачно повторил свирепый Дятел.

— Ну слушай, — начал Маленький Бобр. — Я расскажу тебе об одном человеке. Он поселился в лесу и хотел поближе узнать жизнь зверей. Было очень трудно: никто не помогал ему, но он по-прежнему оставался в лесу. Как-то он прочел книжку, в которой рассказывалось про птиц, и ему казалось, что он видит их своими глазами. На самом же деле птицы были далеко, и его это очень огорчало. Однажды он заметил дикую утку на пруду, но разглядел только цвет ее перышек. Он все-таки зарисовал ее и спустя некоторое время по рисунку определил, что видел чирка-свистунка. И тогда ему в голову пришла отличная мысль: у каждой утки свои пятнышки и полоски, которые служат им, как солдатам мундиры. Если зарисовать все их крапинки, то можно различить уток на расстоянии. Так он и сделал. И вот однажды он срисовал на пруду новую утку и после этого видел ее еще много-много раз. Никто не мог ему сказать, какой она породы, хотя рисунок был ве-ли-ко-леп-ный. Пошел он с горя в типи, стащил последнее яблоко своего Великого Вождя и стал его жевать, чтобы больше не расстраиваться.

С этими словами Ян вынул яблоко и с печальным видом принялся грызть его.

Не дрогнув ни одним мускулом, Великий Дятел продолжал рассказ Яна:

— Когда Великий Вождь узнал ужасную историю погибшей жизни, он сказал: «Мне жалко это старое яблоко. Я выудил его из свиного корыта. Мне кажется, что, если человек не доводит до конца дело, он поступает очень глупо. Если бы этот храбрый юноша вместо того, чтобы красть гнилые яблоки, по которым разгуливали свиньи, пришел и поделился своими сомнениями с Великим Вождем племени, то благородный краснокожий индеец сказал бы ему: «Сын мой, ты правильно сделал, что пришел ко мне. Ты хочешь узнать уток? Вах! Хорошо!» И повел бы этого простодушного юношу в гостиницу

города Дауни, и показал ему все породы уток, которые только рождались на свет. На каждой утке там есть ярлычок и название. Вах! Я кончил!

Великий Дятел бросил гневный взгляд на Гая, который не знал, как отнестись к рассказу, и принял все за насмешку. Однако Сэм говорил об этом всерьез.

Последнее предложение Главного Вождя показалось всем очень разумным, и они решили отправиться в маленький городок Дауни, стоявший милях в пяти от их лагеря.

— По-моему, надо оставить Третьего Вождя для охраны, — сказал Сэм. — И я думаю, мы должны пойти в город как белые.

— Ты хочешь снова стать белым?

— Да. И взять двуколку, и лошадь тоже. До города пять миль.

Ян огорчился. Он воображал, что они пойдут пешком через лес. Но предложение Сэма было разумным, и он согласился.

Рафтена дома не оказалось. Мальчики быстро запрягли лошадь и поехали в город.

Приехав в Дауни, они первым делом зашли в лавку, где Сэм сделал покупки для матери. Убедившись, что у Яна есть карандаш, резинка и тетрадка, мальчики направились в гостиницу. Ян чувствовал себя как деревенский мальчик, который впервые шел в цирк, — наконец-то увидит он то, о чем так долго мечтал.

Все послеобеденное время Ян рисовал селезней и уток: у владельца гостиницы их оказалось больше пятидесяти пород. Ян чувствовал себя Аладдином в волшебном саду перед несметными сокровищами. У каждой птицы был ярлычок с названием, и Ян увез с собой кипу набросков. Он был безмерно счастлив. Впоследствии он составил целую таблицу разных уток, и многие загадки были для него решены.

Когда в сумерках они вернулись в лагерь, на тропе их встретило белое привидение. Головою ему служил гриб-дождевик, вырезанный как череп, а туловищем — старая газета.

В типи было пусто. Водрузив привидение на палку, Гай, очевидно, не рискнул остаться с ним наедине во мраке ночи и сбежал.

XVII. Подвиг Сэма

Плотничать — было давнишнее пристрастие Сэма. Даже знатоки этого ремесла отмечали его хорошую работу. А индейцы считали Сэма просто волшебником. Ян мог часами

безуспешно возиться с каким-нибудь чурбачком, пытаясь расколоть его, пока не слышал от Сэма: «Стукни вот здесь». Если же Сэм брал в руки топор, полено вмиг разлеталось. Для счастливого удара правил не существовало. Иногда надо было рубить над сучком, в другой раз наоборот — снизу. Сэм всегда знал, где опустить топор. Ошибался он редко и никогда не хвастался.

Однажды Ян бился над толстой палкой, Гай пытался помочь ему, но тоже напрасно.

— Эй, Сэм! — крикнул Ян. — Эту штуку и ты не расколешь!

Сэм повертел в руках палку, поставил ее торчком и вылил на нее чашку воды. Когда вода впиталась, он со всей силы ударил топором. Палка тут же раскололась пополам.

— Ура! — восторженно крикнул Маленький Бобр.

— Подумаешь! — сказал Гай. — Это случайно. Второй раз у тебя не выйдет.

Ян понимал, что вода уменьшила упругость и изменила равновесие палки.

— Зарубку-то я сделал, — снова начал Гай.

— А по-моему, это подвиг, — сказал Бобр.

— Чепуха! — вспылil Третий Вождь. — Ты сможешь в три минуты повалить дерево шести футов толщиной?

— Какое дерево? — спросил Дятел.

— Да любое.

— Держу пари на «гран ку», что я повалю серебристую сосну в две минуты и в любую сторону. А ты выберешь место, куда дереву падать. Вбей колышек, а я стволом вгоню его в землю.

Сэм наточил топор, и все отправились выбирать дерево. Они нашли сосну толщиной в шесть-семь дюймов, и Сэму разрешили вырубить вокруг кусты, чтобы удобнее было валить дерево. Каждое дерево в лесу клонится в свою сторону. Эта сосна слегка кренилась к югу. Ветер дул с севера, и Ян решил вбить колышек к югу от ствола.

В раскосых глазах Сэма мелькнул огонек, но Гай, который тоже немного разбирался в рубке деревьев, тут же презрительно фыркнул:

— Ишь какой! Так-то просто! Каждый свалит дерево по ветру. А ты вот где вбей кол! — И Гай воткнул колышек с северо-западной стороны. — Теперь посмотри.

— Ладно. Увидишь. Дай-ка я только пригляжусь, — сказал Сэм.

Сэм обошел дерево, посмотрел, в какую сторону оно клонилось, изучил силу ветра, потом закатал рукава, поплевал на ладони и, став к востоку от сосны, сказал:

— Готово!

Ян взглянул на часы и крикнул:

— Начинай!

Сэм дважды сильно ударил по стволу, и с южной стороны появилась глубокая зарубка. Затем он обошел дерево и сделал с северо-западной стороны еще одну зарубку, немного ниже первой. Рубил он не спеша, каждый удар был строго рассчитан. Первые щепки были длиной в десять дюймов, но чем глубже становилась зарубка, тем короче отлетали щепки. Когда ствол был подрублен на две трети, Ян крикнул:

— Минута!

Сэм опустил топор, хлопнул ладонью по стволу и посмотрел на верхушку дерева.

— Торопись, Сэм! Ты теряешь время! — крикнул ему друг.

Сэм молчал. Он следил за ветром. И вот верхушка качнулась. Раздался оглушительный треск. Чтобы испытать устойчивость дерева, Сэм сильно толкнул его и, как только сосна стала крениться, быстро нанес три удара подряд, перерубив оставшуюся часть. Дерево качнулось и под сильным порывом ветра рухнуло, вогнав колышек глубоко в землю.

— Ура! — закричал Ян. — Минута и сорок пять секунд!

Сэм молчал, только глаза его необычно блестели. А Гай опять сказал:

— Подумаешь! Чепуха все это.

Ян измерил пень.

— Семь дюймов! — снова радостно крикнул он. — Молодец, старина! Это настоящий большой подвиг — «гран ку»!

И, несмотря на все уговоры Гая оставить награждение до прихода Калеба, Сэм получил большое орлиное перо как лучший лесоруб сэнгерских индейцев.

XVIII. Сова

Однажды вечером, перед тем как улечься спать, Сэм смотрел на звезды. Где-то неподалеку кричала сова: «Оху-оху-оху!»

Вдруг шагах в двадцати от мальчиков бесшумно опустилась большая птица.

— Ян! — прошептал Сэм. — Дай мне лук! Скорее! Здесь сова, та, что цыпляет таскает!

— Он хочет тебя надуть, — спросонья буркнул Гай из-под одеяла. — Я бы не пошел.

Ян тут же выскочил из типи, захватив оружие.

Сэм выстрелил, но, видно, промахнулся. Сова расправила крылья и улетела.

— Пропала моя лучшая стрела! — крикнул Сэм. — Это была Верная Смерть.

— Эх ты! — огорчился Ян, заметив промах. — Совсем стрелять не умеешь!

Неожиданно снова зашуршали крылья, и на «заколдованный столб» уселась сова.

— Моя очередь! — шепнул Ян.

Он натянул лук, но сова, как и в первый раз, улетела невредимой.

— Стрелок! — с досадой сказал Сэм. — Такой удобный случай! Что же ты промазал?

— Если она вернется еще раз, позовите меня, — пропищал Гай. — Я вас поучу стрелять, ребята!

Ночью мальчиков разбудил шорох, и Ян, выглянув наружу, сказал:

— Никак сова вернулась.

— Конечно, тебя ей бояться нечего! — сказал Сэм.

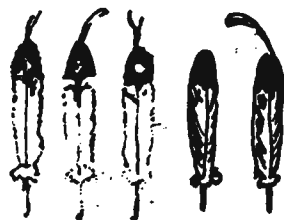
Утром мальчики пошли искать свои стрелы. Но не успели они отойти от типи, как Ян закричал с нескрываемым удивлением:

— Смотри! Смотри! Вот одна! А вон — другая!

На земле, шагах в десяти друг от друга, лежали две совы. Оба выстрела оказались настолько меткими, что мальчики только могли сказать:

— Доведись нам увидеть такое на картинке, не поверили бы.

Великий совет племени наградил каждого охотника большим орлиным пером. Лишь один голос был против.

XIX. Испытание характера

Мальчики, выслушав Калеба, сделали себе военные шапки совсем как у индейцев. Белые хвостовые перья индюка и гусиные, зачерненные на концах, заменили орлиные перья. Из старой упряжки вытащили несколько пучков окрашенного в красный цвет конского волоса. Все это было необходимо для настоящих индейских шапок. Кaleb с большим интересом относился к новому увлечению ребят и помогал им решать, за какие подвиги какие присуждать награды. Сэм получил несколько перьев за меткую стрельбу, плавание и успешные «набеги на бледнолицых» и два великолепных пера с пучками конского волоса за поваленную сосну и убитую сову.

Яну присудили несколько «ку» за то, что он научился разбирать следы зверей; «гран ку» — за то, что попал оленю прямо в сердце; «гран ку» — за то, что проплыл двести ярдов в пять минут; за то, что прошел четыре мили в час; за то, что пробежал сто шагов за двенадцать секунд; за то, что хорошо знал названия многих растений, и, наконец, еще один «гран ку» — за то, что застрелил сову в темную ночь.

Гай получил несколько «ку» за острое зрение. Он видел в созвездии Большой Медведицы «ребенка на спине у старухи». Но мальчика очень огорчало, что у него на счету не было «гран ку», и Кaleb, который, хотя и хорошо относился к Гаю, все же не смог присудить ему высшую награду.

— Скажи, Кaleb, что индейцы ценят больше всего в человеке? — спросил однажды Гай, надеясь, что наконец его острое зрение будет награждено.

— Храбрость, — ответил Кaleb. — Самое важное для них — храбрость воина. Да это не только у индейцев. Смелых людей уважают все.

— Я ничего не боюсь! — воскликнул Гай, вспыхнув от радости.

— Ну, попробуй побороться с Яном.

— Это нечестно! Он старше и больше меня.

— Слушай, Ветка, что я тебе скажу. Сходи в сад и принеси ведро вишен: к девяти часам там уже никого не будет.

— Ишь какой! Хочешь, чтобы Кэп загрыз меня?

— Тебе же ничего не страшно! А испугался маленького пса, который меньше годовалого тельца!

— Я просто не люблю вишен.

— Вот что, Гай, я устрою тебе настоящее испытание. Видишь этот камень? — И Кaleb поднял маленький круглый булыжник с дыркой. — Теперь скажи: ты знаешь, где могила старого Гарни?

Гарни, как утверждали его друзья, был беспутный солдат, который случайно, по собственной неосторожности, застрелился. Он был похоронен к северу от владений Рафтена, у перекрестка дорог.

Люди говорили, что всякий раз, когда над его головой проезжает телега, Гарни стонет. Но среди стука колес эти стоны не слышны, поэтому Гарни дожидается полуночи и тогда уж кричит во всю глотку. Каждый, кто слышит его, должен немедленно выразить сочувствие, иначе его постигнет несчастье.

— Так вот, — сказал старик, — я положу этот камень на могилу Гарни, а ты ночью сходи и принеси его. Согласен?

— Да-а, — протянул Гай без особого энтузиазма.

— Если он струсил сейчас, что же ночью будет? — насмешливо заметил Дятел.

— Чтобы ты не перепутал камень, — сказал Кaleb, — я продерну веревку в дырочку.

Ночью мальчиков разбудил чей-то голос: кто-то стучал по крышке.

— Эй, Гай!

— Кто там? — испуганно откликнулся Гай.

— Это я, Кaleb. Скоро полночь. Тебе пора идти на могилу Гарни. А если ты сразу не найдешь место, где я положил камень, прислушайся к стону. Это тебе поможет.

Калёб говорил хриплым шепотом и, казалось, сам был порядочно напуган.

— Я... я... — заикаясь, начал Гай, — я не увижу сейчас дороги.

— Не упускай этого случая, мальчик, — сказал Калёб. — Если ты принесешь камень с могилы Гарни, мы присудим тебе «гран ку». Я подожду тебя здесь.

— Я... я... не увижу этот булыжник в такую темень... Я... я... не пойду.

— Ты трус! — прошептал Калёб.

— Я не трус. Только зачем идти, если я все равно не найду? Вот когда будет луна, тогда пойду.

— Так кто же из вас смелый?

— Я пойду! — в один голос ответили Сэм и Ян, хотя каждый надеялся, что пойдет другой.

— Ну, Бобр, я тебе уступаю эту честь, — поспешно заявил Дятел.

— Я с удовольствием пойду, но... но... мне неудобно опережать тебя — ты ведь Старший Вождь! Это нечестно, — ответил Ян.

— Давай бросим жребий, — сказал Дятел.

Ян раздул угли. Сэм отыскал соломинку, разломил на две неравные части и зажал их в кулаке, выставив Яну одни лишь кончики.

— Кто вытянет длинную соломинку, тот и пойдет.

Ян знал, что обычно короткую соломинку высовывают подальше, и принялся тащить другую. Он тащил медленно, и казалось, этому не будет конца. Сэм разжал ладонь — у него осталась короткая соломинка.

— Тебе идти. Вот счастливчик! — сказал он с явным облегчением. — Всегда получается по-твоему.

Если бы нашлась какая-нибудь увертка, Ян непременно прибежал бы к ней, но теперь делать было нечего. Не столько мужество, сколько гордость заставила его идти.

Ян начал торопливо одеваться. Руки его дрожали, пока он шнуровал ботинки. Калёб сидел около типи; увидев, что это Ян собирается идти, он обнял его и сказал:

— Молодец! Я провожу тебя до опушки — дальше нельзя — и подожду тебя. Найти нетрудно. Отсчитай четыре межи от маленького вяза и сразу через дорогу увидишь большую плиту. К северу от нее лежит камень. Веревку ты сразу

нащупаешь. Вот, возьми с собой мел: если не дойдешь до могилы, отметь на изгороди, до какого места добрался. Ты не думай про стоны — это все выдумки! Главное — не трусь!

— Я боюсь, но все-таки пойду.

— Правильно! — подбодрил мальчика старый охотник. — Кто идет, побеждая свой страх, — храбрее храброго.

Разговаривая, они вышли из леса.

— Скоро полночь, — сказал Калёб, освещая часы спичкой. — Ступай смелее. Я подожду здесь.

Ян остался один.

Стояла темная ночь. Ян старался идти вдоль изгороди и скоро выбрался на дорогу, которая чуть белела среди черной травы. Мальчик прошел полпути. Сердце его отчаянно колотилось, а руки стали ледяными. Ночную тишь раз или два прорезал тонкий мышинный писк. Ян вздрогнул, но не остановился. Неожиданно справа от дороги он услышал шорох и заметил впереди что-то белое. Мальчик похолодел. Казалось, на него двигается человек без головы. Ян застыл на месте, потом дрогнувшим голосом крикнул:

— Кто там?

Ответа не последовало; белая фигура продолжала двигаться прямо на него. Ян схватил несколько камней и швырнул

их в «привидение». Оно отскочило в сторону и с громким топотом понеслось по дороге. Тут Ян увидел, что принял за привидение белую корову бабушки Невилль.

Сначала у него дрожали колени, потом он стал спокойно размышлять. Если старая корова могла мирно лежать здесь всю ночь, чего же ему тогда бояться? Он неторопливо пошел дальше. Вяза все не было, и к Яну стал возвращаться страх. А что, если вернуться назад? Нет, так поступают трусы. Если он не отыщет вяза, то хоть сделает отметку, до какого места дошел. Ян осторожно пробрался к изгороди и тут неожиданно шагах в двадцати пяти заметил вяз. На запад от дерева он отсчитал четыре межи и сообразил, что стоит те-

перь как раз напротив могилы. Было, вероятно, около полуночи. Ему показалось, что он слышит поблизости какие-то звуки. Посреди дороги он увидел белый камень. Ян старался двигаться как можно тише. Почему? Он и сам не знал. Споткнувшись в грязной канавке, окружавшей могилу, он дотянулся до плиты и стал холодными влажными руками шарить по ней, отыскивая веревку. Ее нигде не было. Ян взял мелок и написал на камне свое имя. Какой ужасный скрип! Ян ощупал землю вокруг. И тут он нашел веревку! Наверное, ветер сдул ее с камня. Маленький булыжник, к которому она была привязана, с громким стуком покатился по могильному камню. Вдруг что-то шлепнулось в грязь, послышались сдавленные стоны, будто кого-то душили. Яна охватил ужас. Но, вспомнив корову, он собрался с силами, вскочил и, словно ветер, помчался по дороге. Он ничего не видел на своем пути и чуть не сшиб с ног человека. Это был Калев.

— Ян! Ты?

Ян не мог и слова вымолвить. Весь дрожа, он прижался к старому охотнику.

— Что там, Ян?

— Я... я не знаю, — еле выдавил мальчик. — Там что-то на могиле...

— Вот как! Я тоже слышал, — сказал Калев с некоторым беспокойством. — Ну ничего. Через десять минут мы уже будем в лагере.

Он взял Яна за руку и повел по дороге. Мальчик все еще не пришел в себя, но, дойдя до меченой тропы, почувствовал себя в безопасности. Тогда он услышал свой голос:

— Я нашел камень и написал свое имя на плите.

— Молодец! Ты смелый парень! — с восхищением отзывался старик.

Они очень обрадовались, когда увидели огонь в типи. За несколько шагов они крикнули, подражая сове: «Оху-оху-оху!» Это был их условный клич: большинство индейцев ночью пользуется совиным криком. В ответ из типи донеслись такие же звуки.

— Все в порядке! — крикнул Калев. — Он принес камень и написал свое имя на могиле. Молодец! Ему мы присудим «гран ку».

— Я могу пойти хоть сейчас, — сказал Гай.

- Ну что ж, иди.
- А как же я пойду, камня-то уже нет?
- Так ты напиши свое имя на плите, — сказал Ян.
- Подумаешь, это ничего не значит! — сказал Гай и поспешил заговорить о другом.

Притихшие индейцы сидели вокруг костра и слушали Яна. А он рассказывал о своем походе, не преуменьшая страха, который довелось ему испытать.

Закончив, он спросил:

- Ну как, Гай, не хочешь сходить туда?
 - Отстань ты! — сказал Гай. — Заладил одно и то же!
- Калёб взглянул на часы, словно собираясь в дорогу; заметив это, Ян сказал:
- Не переночуете ли с нами, мистер Калёб? Здесь много места.

— И верно, а то уже поздно, — согласился старик.

XX Белый револьвер

После завтрака Великий Дятел высказал желание всего Совета Вождей осмотреть могилу.

— Мне кажется, что Ян написал свое имя не на камне, а на какой-нибудь корове, которая ночевала там. Ей это не понравилось, вот она и завопила на весь свет!

Через несколько минут они были уже около могилы. На шершавом грубом камне неровным почерком, но вполне четко было выведено: «Ян».

— Ну и почерк! — заметил Гай.

— Молодец! — радостно сказал Сэм. — Я б не смог этого сделать.

— А я бы смог, — похвастался Гай.

— Вот здесь я перескочил через канаву. Видишь мой след? А вот с этого места я услышал крики. Давайте поглядим, оставляют ли духи свои следы... Смотрите! — вдруг крикнул Ян.

В грязи, в канаве, все увидели следы взрослого человека. Очевидно, он упал на руки, потому что на земле остались отпечатки пальцев. И вдруг зоркие глаза Гая увидели какой-то блестящий предмет. Он поднял его. Это был револьвер с белой рукояткой.

— Ну-ка, дайте посмотреть, — сказал Калёб.

Он обернул оружие, и в глазах его вспыхнул огонь.

— Это мой револьвер! — закричал он. — У меня украли его вместе с деньгами и другими вещами!

Калеб оглядел револьвер со всех сторон.

— Не могу понять... — бормотал он время от времени. — Не могу понять, откуда он здесь...

Больше ничего интересного они не нашли и двинулись в обратный путь. Калеб всю дорогу был погружен в собственные мысли. В молчании они дошли до хижины бабушки Невилль, расположенной неподалеку от могилы солдата. У дверей Калеб обернулся к мальчикам и сказал:

— Пожалуй, я зайду сюда. Скажи, Ян, прошлой ночью ты хоть слово обронил там, на белом камне?

— Нет, ни звука. Только камешек стукнул по валуну.

— Ну ладно, увидимся в лагере.

— Доброе утро, Калеб! — приветствовала его старуха. — Заходи, садись... Как поживают Дик и Сарианна?

— Похоже, они счастливы и процветают, — с горечью ответил Калеб. — Послушай, бабушка, ты слыхала когда-нибудь историю Гарни, который похоронен на дороге?

— Что тебе вдруг понадобилось вспоминать об этом? Конечно слыхала. И не раз. Вот и прошлой ночью какие-то вопли неслись оттуда. Я до сих пор дрожу.

— А что ты слышала?

— Ах, какие-то страшные крики! Мой пес и кошка до смерти перепугались. А старая корова даже плетень перескочила, убегая с дороги.

— Ты не слыхала, бабушка, что будто на той неделе ограбили кого-то в Дауни?

— Вот как? — удивленно воскликнула старуха, и глаза ее странно сверкнули. — А кого, не знаешь?

— Говорят, Джона Ивенса.

— Сама я его не знаю. Ну, он-то не обеднеет. И ко мне тоже негодяи приходили, когда в округе болтали, что мы продали корову. Всегда пронюхают, где деньги.

— Это верно. Когда ж тебя ограбили, бабушка?

— Да разве я говорила, что ограбили? — И она захихикала. — Они только собирались.

Она рассказала Калебу, как среди ночи к ней ввалились двое: высокий был чернее тучи, а второй — маленький, широкоплечий и очень веселый. Старуха не позабыла и про

черные бороды разбойников, и про то, что один был левша и у него недоставало среднего пальца на правой руке.

— Когда это случилось, бабушка?

— Да, наверное, года три назад.

Узнав все, что ему было нужно, Калев распростился со старухой и пошел к мальчикам. За последние четыре года, думал он, идя по дороге, стали слишком часты грабежи в округе. И каждый раз обкрадывали людей, у которых появлялись деньги. Похоже, что воры имели точные сведения.

Когда Калев скрылся в хижине старухи Невилль, Ян сказал приятелям:

— Вы идите в лагерь. Я скоро приду.

Мальчику хотелось срисовать отпечатки следов около могилы и постараться выследить этого человека.

Ян внимательно рассматривал следы. Он заметил, что каблуки были подбиты тремя рядами мелких гвоздей, шляпки торчали вкривь и вкось, а на левом ботинке была дырка. Потом Ян пригляделся к отпечатку рук. В нем было что-то странное. Присмотревшись к нескольким четким следам, Ян понял: на правой руке недоставало среднего пальца.

Ян шел по следам на дороге, пока они, свернув к югу, не затерялись в траве.

По пути он нагнал Калеба, который тоже шел в лагерь.

— Мистер Кларк, — сказал Ян, — я срисовал следы около могилы. Вы знаете, у того человека всего четыре пальца на правой руке.

— Что?! — воскликнул Калев. — Ты не ошибся?

— Пойдемте посмотрим вместе.

Да, Ян оказался прав.

— Никому не говори об этом, Ян.

Старик распрощался с мальчиком и пошел к дому Дика Пога. Тут около двери Калев увидел те же следы, что и у могилы Гарни. А на веревке сушились измазанные глиной штаны.

С той ночи старик стал очень уважать Яна. К Гаю, который испугался пойти за камешком, он совсем охладел. Калев пригласил к себе Яна, чтобы показать ему, какие он мастерил лыжи. На его приглашение явилось все племя.

С тех пор как Ян познакомился с Калемом, он больше ни разу у него не был.

Как и в тот день, в ответ на их стук за дверью раздался громкий собачий лай.

Пока Ян рассматривал лыжи, острые глазки Гая разглядели на койке старика белый револьвер. Вычищенный, смазанный, он был в полном порядке. Калёб не мог нарадоваться своей находке: ведь новое оружие стоило очень дорого и было не по карману старику.

— Давай, Калёб, постреляем, — сказал Гай. — Вот увидишь, я это делаю лучше других.

Калёб достал несколько патронов и показал на пенек с белым пятнышком в сорока шагах от дома. Гай сделал три или четыре выстрела, и Ян столько же, но никто не попал в цель.

— Смотрите, как надо, — сказал Калёб.

Маленькая рукоятка револьвера, казалось, потонула в загрубевшей руке охотника. Быстро, почти не метаясь, он выпустил все шесть зарядов. Один за другим они вошли в белое пятно, а два — в черный кружок, нарисованный в самом центре.

Мальчики были в восторге.

— Да, лет двадцать назад я хорошо стрелял, — добродушно проговорил Калёб. — Но это пустяки. Сейчас я вам покажу штуку посложнее!

Он поставил три патрона на расстоянии двадцати пяти шагов и тремя выстрелами сбил их. Потом сунул револьвер в боковой карман куртки и, не вынимая его, без прицела, метко выстрелил в белое пятно на пеньке, тоже шагах в двадцати пяти. Найдя старую консервную банку, Калёб поставил ее на пальцы правой руки, а револьвер положил на ладонь. Одним рывком он подбросил все это вверх и, прежде чем револьвер упал, подхватил его и прострелил на лету дно жестянки.

Мальчики просто онемели от удивления и восторга. А Калёб вошел в хижину, чтобы вытереть револьвер.

— Теперь я точно знаю, что это не он стрелял в отца, — шепнул Сэм Яну, — он бы непременно убил его.

Калёб случайно услышал слова Сэма и, выйдя на крыльцо, спокойно и ласково улыбнулся. С тех пор он стал разговаривать с Сэмом.

В хижине Калеба воцарилось мирное, добродушное настроение, и Ян наконец высказал вслух то, о чем давно мечтал:

— Мистер Кларк, пойдите вместе с нами охотиться на енотов. Мы знаем, где они кормятся у реки. Там их много.

Если бы Ян попросил его с месяц назад, то в ответ услышал бы: «Не знаю. Времени нет», но теперь, после той ночи, когда Ян бесстрашно отправился на могилу Гарни, Калев был целиком на стороне мальчика.

— Ладно, — сказал старик, — только в прохладный вечерок. Тогда пес будет лучше идти по следу.

XXI. Гай торжествует

С того дня как мальчики впервые заметили сурка на поле Бернса, они охотились за ним каждое утро. Это вошло у них в привычку, как еда и мытье рук. Обычно первым видел сурка Гай. Следовали три безобидных выстрела, сурок прятался в нору, и на этом охота кончалась.

Однажды утром мальчики решили разойтись. Сэм пошел к полю с одной стороны, Ян и Гай — с другой. Сначала казалось, что зверя нигде нет. Но вдруг Гай шепнул:

— Вижу!

В густой траве, шагах в шестидесяти от мальчиков, Гай разглядел пятнышко серого меха:

— Это он!

Ян ничего не видел, а Сэм, хотя и заметил что-то, сомневался. В следующую минуту сурок (это действительно был он) встал на задние лапки. Тут уж все увидели его светло-коричневую спинку.

— Ну и Ветка! — воскликнул Ян. — Тебя бы назвать Ястребиным Глазом!

— Очень хорошо! — обрадовался Гай. — Зови меня так, ну, пожалуйста! Очень тебя прошу! — добавил он умоляюще.

— Я думаю, Дятел, он заслужил это имя, — сказал Ян. — Он молодец и ведет себя как настоящий индеец.

— Мы созовем совет и тогда решим, — хладнокровно заявил Дятел. — Теперь за дело!

— Послушай, Ветка, не можешь ли ты обойти поле с другой стороны и пробраться между сурком и его норкой? — спросил Великий Вождь.

— Вот увидишь, я могу. И ставлю доллар, что...

— Послушай, — вмешался Ян, — у индейцев нет денег.

— Ну ладно, ставлю свой скальп — вот этот черный скальп — против скальпа Сэма, что я первый убью сурка!

— Ну, позволь мне убить его первым, а ты это сделаешь вторым, — насмешливо протянул Сэм.

— Боишься за свой скальп?

— Ты у меня получишь! — пригрозил Сэм.

У каждого был пучок конских волос, который они называли «своим» скальпом и привязывали к макушке веревочкой.

— Бросьте ссориться, Великие Вожди, — сказал Бобр. — Давайте договоримся так: если Дятел убьет сурка, он берет скальп Ветки. Если Ветка добудет зверя, ему достанется скальп Дятла. И вдобавок победитель получит большое орлиное перо.

Сэм и Ян с нетерпением ждали в лесу, пока Ветка рыскал по полю. В этот день сурок казался особенно дерзким. Он далеко уходил от своей норки и временами совсем терялся из виду. Мальчики уже видели, как Гай подобрался к норе, а сурок этого не заметил. Обычно враги появлялись с другой стороны.

Гай, плотно прижавшись к земле, полз по клеверу. Шагов через тридцать он очутился как раз между сурком и его норкой. Зверек по-прежнему лакомился травой и посматривал иногда в другую сторону. Мальчики следили за ним из лесу с напряженным вниманием. А Гай сурка не видел. Мальчики всячески старались жестами показать ему, где сидит сурок. Наконец Гай понял: пора стрелять. Он осторожно приподнялся. Увидав его, сурок метнулся к норе, прямо навстречу Гаю. Гай впопыхах выстрелил, но мимо. И тут сурок, прыгнув на Гая, до смерти напугал его. Гай попятился, не зная толком, в какую сторону ему бежать. Сурок хотел проскочить мимо мальчика, Гай в ужасе кинулся в сторону и, споткнувшись, всем телом упал на сурка, оглушив его на какое-то мгновение. Вскочив на ноги, Гай хотел пуститься наутек и тут заметил, что зверек еле дышит. Гай собрал все свое мужество и стукнул сурка по носу.

Радостные крики, донесшиеся из лесу, возвестили Гаю о его победе. Когда мальчики подбежали к нему, он стоял в картинной позе: в одной руке высоко держал лук, а в другой — за хвост пушистого зверя.

— Учитесь у меня, как надо стрелять сурков! Смотрите, какой огромный! Наверняка весит пятьдесят фунтов. (Сурок потянул бы на самом деле не больше десяти.)

— Ура! Да здравствует Третий Вождь Ветка!

Теперь уж Гаю нельзя было пожаловаться, что друзья не оценили его победы.

— Хорошо бы найти где-нибудь других сурков. Я-то знаю, как их надо ловить.

— За это, Ветка, ты получишь «гран ку».

— Да, и ты еще обещал звать меня Ястребиный Глаз, — напомнил Гай.

— Ну, сначала мы созовем Великий совет и обсудим это, — важно сказал Великий Вождь Дятел.

— Давайте устроим совет в полдень. Ладно?

— Хорошо.

— Нет, около четырех!

— Да в любое время.

— Вы дадите мне имя Ястребиный Глаз и еще большое орлиное перо за то, что я поймал сурка, да? И все это в четыре часа.

— Можно. Только почему тебе обязательно хочется в четыре?

Гай сделал вид, что не расслышал вопроса, и после обеда куда-то исчез.

— Наверное, опять не хочет мыть посуду, — решил Дятел.

— Да нет, — сказал Второй Вождь. — По-моему, он побежал за своими родными, чтобы те увидели, как его награждают.

— Может быть, — согласился Дятел. — Давай тогда устроим такое торжество, будто это особый день в истории! Уж я постараюсь.

— Ладно, — сказал Ян. — Ты позови своих. А я уговорю Калеба.

— Боюсь, что моих родных еще нельзя свести с Калемом, — ответил Сэм.

Было решено, что Сэм пойдет за своей матерью, а Ян тем временем приготовит большое орлиное перо и сдерет шкуру с сурка.

Сурок попался крупный; конечно, не с медведя, но Ян все-таки завидовал, что это Гай убил зверь-

ка. Оставался еще час времени, и Ян постарался устроить настоящее индейское торжество. Он обрезал когти сурка и нанизал их на шнурок попеременно с дюймовыми палочками бузины, из которых выдолбил сердцевину. Коготки были неровные — одни длинные, другие короче, — но в целом вышло совсем настоящее индейское ожерелье.

Гай мчался домой, словно на крыльях. Когда он бежал по саду, отец окликнул его, собираясь, наверное, загрузить работой, но Гай стрелой влетел в комнату.

— Мама! — крикнул он с порога. — Ты должна меня видеть! Приходи к нам в лагерь к четырем часам. Меня сделают Главным Вождем! Я убил того старого сурка, который чуть не искалечил папу! Ребята ничего не могли сделать без меня. Они тысячу... нет, наверное, миллион раз пробовали поймать сурка. Совсем уж измучились, и тогда я его выследил. Эти мальчишки совсем ничего не видят. Они вообще и в лагере без меня обойтись не могут! Я их учил, как надо охотиться на оленя, потом я их учил и... и... в общем, очень многому. Поэтому они теперь сделают меня Главным Вождем и назовут Ястребиный Глаз! Сегодня в четыре часа состоится совет. Приходи и ты, мама!

Отец Гая, который вошел в этот момент в комнату, велел сыну немедленно приняться за прополку картофеля, но миссис Бернс удалось уговорить мужа отпустить мальчика.

Два часа потребовалось миссис Бернс, чтобы привести в приличный вид своих четырех загорелых дочек. Наконец все они отправились в путь: миссис Бернс одной рукой держала малыша, в другой у нее был кувшин с вареньем. Гай бежал впереди и показывал дорогу. Следом за матерью, держась за руки, вышагивали сестрички.

У мальчиков все было готово к большому празднику.

В одном углу на ковре из телячьей шкуры восседал совет. Гай еле уместился на шкуре убитого им сурка. Слева от победителя сидел Сэм, а справа — с барабаном — Ян. Посреди типи пылал костер; один край полотнища подняли, и часть гостей разместилась в палатке.

Великий Вождь Дятел зажег трубку мира, затянулся, выпустил четыре клуба дыма во все стороны и передал ее Второму и Третьему Вождям, которые проделали то же самое.

Маленький Бобр три раза ударил в барабан, требуя внимания, и Великий Вождь начал свою речь:

— Старшие Вожди, Младшие Вожди, Храбрецы, Воины, Женщины и Дети сэнгерских индейцев! Когда наше племя воевало с этими... как их... с другими индейцами племени

Березовая Кора, мы взяли в плен одного воина и подвергли многим пыткам. Но он проявил такое мужество и смелость, что мы приняли его в свое племя...

Тут Ян громко крикнул:

— Хай! Хай! Хай!

— Мы устроили в его честь солнечный танец, но он не загорел, потому что был слишком молод. Поэтому мы назвали его Ветка. С того времени своими заслугами он добился звания Третьего Боевого Вождя.

— Хай! Хай! Хай!

— На днях все племя вышло охотиться на старого сурка и потерпело неудачу. Тогда Боевой Вождь Ветка вышел один на свой страх и риск и ударом прикончил старого зверя! Такие подвиги живут в веках! Хотя он и самый младший воин племени, но видит лучше всех и выслеживает зверя быстрее других! Он может видеть, что делается за углом и даже сквозь дерево. Только ночью у него не всегда так получается. Этот человек больше не будет называться Веткой. Совет решил дать ему имя Ястребиный Глаз!

— Хай! Хай! Хай!

Тут Маленький Бобр передал Великому Вождю дощечку, на которой большими буквами было написано «Ветка».

— Вот его имя, которое носил он, прежде чем стал великим и знаменитым. Теперь оно будет навсегда забыто. — Сэм

бросил в огонь дощечку и сказал: — Ну, посмотрим, молод-зелен ли ты, чтобы сжечь свое прошлое.

Потом Маленький Бобр передал Дятлу красивое орлиное перо, украшенное хохолком, с изображением человека с головой ястреба и стрелой перед глазами.

— Вот орлиное перо, которым мы награждаем его за славные подвиги и которое говорит о его новом имени!

Под громкие крики «Хау! Хау!» и барабанный грохот перо торжественно воткнули Гаю в волосы, а на шею надели ожерелье из когтей сурка.

— Тот, кто посмеет назвать его Веткой, получит хорошего пинка от Ястребиного Глаза.

Снова все кричали «Хау! Хау!». Гай изо всех сил старался казаться важным и не улыбался, но у него это никак не получалось: рот его то и дело растягивался до самых ушей. А у миссис Бернс от радости даже слезы на глазах выступили.

Все думали, что торжество кончилось, но тут поднялся Ян и начал свою речь:

— Вожди, Женщины и Дети сэнгерских индейцев! Наш Великий Вождь Дятел забыл кое о чем. Когда мы шли охотиться на сурка, я был свидетелем спора, который произошел между двумя вождями. По обычаю нашего племени, они поставили свои скальпы про заклад тому, кто убьет сурка. Спорили Великий Вождь Дятел и Ястребиный Глаз. Ястребиный Глаз, сними скальп у Дятла.

Сэм позабыл об этом споре, но теперь он послушно нагнул голову. Гай разрезал веревку и, сняв скальп, издал торжествующий вопль.

XXII. Охота на енота

Ян не забыл, что Кaleb обещал пойти с ними на охоту. Мальчики с нетерпением ждали этого события. Через два дня, на заходе солнца, они пошли к Калебу напомнить о его обещании.

Был душный вечер, но Яну казалось, что погода стоит подходящая для охоты. Кaleb, конечно, очень удивился, услышав о прохладном вечере.

— Садитесь, садитесь, ребята, — добродушно говорил он, видя, что они совсем уже собрались на охоту — Спешить

нечего. Еноты вылезают из нор часа через три или четыре после захода солнца.

Старик сидел, покуривая свою трубку; Сэм тщетно пытался завязать знакомство с его псом Турком; Ян рассматривал крылья птиц, развешанных по стенам, а Гай хвастался своими подвигами во время охоты на оленя и сурка и строил планы, как он славно будет побеждать каждого встречного енота.

Заверив всех, что до места добираться не меньше часа, Ян уговорил выйти из дому в девять часов. Калёб захватил маленький топор. Кликнув собаку, они вышли на большую дорогу и через полчаса достигли речки.

— Вперед, Турок! Ищи! Ищи!

Все уселись на меже и смотрели, что будет делать пес. У него были свои причуды: он охотился за кем ему вздумается и когда вздумается. Калёб мог привести его на место, где водятся еноты, но заставить охотиться на них, пока псу не взбредет в голову самому приняться за дело, не мог.

Старик велел мальчикам молчать, и все сидели не шевелясь, ожидая, когда собака подаст голос. Турок умчался в поиск. Его прыжки гулко разносились вокруг, а сам он пыхтел как паровоз, убегая все дальше и дальше, пока совсем не затих.

Две минуты показались часом. Вдруг с другого конца поля донесся слабый визг, а вслед за тем Турок залился громким лаем.

Сердце у Яна дрогнуло.

— Дичь поднял! — тихо сказал Сэм.

— Это я первый услышал! — пискнул Гай.

Ян хотел было кинуться на лай — он часто читал, что охотники скачут на лошадях следом за собаками, — но Калёб остановил его:

— Погоди, время терпит. Я не знаю, что он там нашел.

Долго и терпеливо ждали они, но лай не повторился. Потом совсем рядом раздался шорох, и у ног хозяина лег Турок.

— Вперед, Турок, ищи его! — сказал Калёб.

Собака не поднималась.

— Вперед! — повторил Калев и стегнул его веткой.

Собака отошла от старика и снова улеглась, тяжело дыша.

— Что случилось, мистер Кларк? — спросил Ян.

— Точно не знаю. Может, просто напоролся на сучок. Охоты сегодня не будет. Пришли слишком рано, жарко для собаки.

— Может быть, перейти реку? Там лес Бойля, — предложил Сэм. — Вдруг нам повезет?

— Как это вы определяете дичь по собачьему лаю? — спросил Ян у старика.

— И ты сможешь, если знаешь местность, зверей и Турка. Конечно, собаки друг на друга не похожи. Но если повадки собаки тебе известны, она научит тебя многому.

Брода искать не пришлось. Река почти пересохла. Продираясь сквозь кустарник, они вышли в поле, пересекли его и снова углубились в густой лес. Турок ушел вперед. Он бежал вдоль реки и, добравшись до озера, выкупался. В лесу Турок нагнал хозяина и мальчиков. Был он весь мокрый, но купание взбодрило его.

— Ступай вперед, Турок.

Но и на этот раз их ждала неудача. Поднялась луна, осветив округу.

Охотники перешли ручей около хижины бабушки Невилль и двинулись по тропинке вдоль ручья, как вдруг Турок замер на месте, принялся, вернулся назад и с громким лаем бросился к воде.

— Что это, мистер Калев? — спросил Сэм.

— Не знаю, — коротко бросил Калев.

— Может, лиса? — сказал Ян.

Где-то у изгороди шагах в ста Турок снова залился лаем, видно, напал на след.

— Наверное, енот, — сказал Калев, прислушиваясь к лаю, — а может, и домашняя кошка. Только они и забираются на дерево ночью.

Идти было легко: луна освещала тропинку и Турок лаял не переставая. Он вел охотников по болотцу к реке.

— Енот, — решительно сказал Кaleb, — кошки не прячутся в воде.

Лай вдруг сменился рычанием и визгом.

— Так и есть: при виде енота он всегда ведет себя так!

Кaleb повел мальчиков прямо к месту.

Турок лаял и прыгал возле большой липы.

— Енот всегда выбирает самое ветвистое дерево, — заметил Кaleb. — Ну, кто из вас лучше всех лазает?

— Ян! — подсказал Сэм.

— Полезешь, Ян?

— Попробую.

— Давайте разожжем костер — может, увидим, где енот сидит, — предложил Дятел.

— Сурка бы я вмиг достал, — сказал Ястребиный Глаз.

Но никто не отозвался.

Сэм и Ян набрали хворосту, и через минуту дрожащий красный огонь осветил деревья. Они осмотрели большую липу, но ничего не увидели. Кaleb поднес горящую головешку и заметил на стволе кусочки свежей глины. Вернувшись к реке, они нашли четкие следы; сомнений теперь не было — на липе сидел крупный енот.

— Думаю, он засел в дупле. На липе их всегда полно.

Ян оглядывал толстый ствол, раздумывая, как ему ловчее взобраться. Кaleb заметил, что мальчик мешкает, и спросил его:

— Не знаешь, как начать? Смотри...

Он в минуту срубил тоненькое ветвистое деревце, росшее рядом, и прислонил его к первому сучку липы. По этому «мостику» Ян легко взобрался наверх. К спине он привязал толстую палку.

Очутившись среди ветвей, Ян на секунду растерялся: листва поглотила его, но свет факелов снизу хорошо освещал дерево.

Сначала Ян никак не мог найти ни дупла, ни енота, но после долгих поисков он заметил в развилке, почти на самой верхушке, большой пушистый комок. Два блестящих глаза заставили Яна вздрогнуть. Мальчик крикнул:

— Он здесь! Вот он!

Ян поднялся повыше и хотел схватить зверька, но тот сжался и прыгнул на ветку пониже.

Ян спустился за ним. Стоявшим внизу ничего не было видно, но по доносившемуся ворчанию они догадались, что там происходит борьба.

Енот спускался с одного сучка на другой, пока не добрался до молодого деревца, прислоненного к липе.

Турок, завидев зверька, поднял лай, и Калевб, выхватив револьвер, выстрелил. Енот упал замертво. Турок с рычанием прыгнул на него, но старый охотник удержал пса. Потом Калевб гордо и с любовью вытер свое оружие, словно удача целиком зависела только от него.

Ян быстро спустился на землю. Он погладил зверька, любясь его шерсткой. В мальчике боролись два чувства — жалость к убитому зверьку и торжество, что это он выследил его.

Все признали, что это был е н о т. Сэм, поддев зверька ногой, поднял его и определил:

— Тридцать фунтов.

Гай сморщил нос:

— В нем нет и половины веса моего сурка! Кроме того, вы бы никогда не поймали енота, если б я не вспомнил про топор.

Ян думал, что енот весит фунтов тридцать пять, Калевб — двадцать пять. Позже они выяснили, что зверек едва потянул на восемнадцать фунтов.

Пока они обсуждали свою удачу, Турок поднял громкий лай, которым он обычно возвещал о появлении незнакомого человека. «Человеческий голос», как это называл Калевб.

Все оглянулись и увидели Уильяма Рафтена. Он заметил огонь в своем лесу и, боясь пожара в сухую погоду, оделся и поспешно пришел.

— Здравствуй, отец! Почему ты не спишь?

Рафтен не ответил сыну и с насмешкой повернулся к Калевбу:

— Может, еще раз выстрелишь в меня? Получится наверняка. Я ведь без оружия.

— Послушай, отец, — перебил его Сэм, не дав Калевбу вступить в разговор. — Все это неправда! Я знаю, и ты должен знать: все, что говорят про Калеба, будто он стрелял в тебя, — вранье. Если б уж он стрелял, то тебя бы в живых не было. Я видел, как он стреляет.

— Не ты ли клялся, что у тебя нет оружия? — спросил Рафтен, указывая на револьвер. — Я видел его у тебя в руках

десять лет назад. Не боюсь я тебя и твоего револьвера, — сказал Рафтен, заметив, что Калев схватился за рукоятку. — И слушай: чтоб больше ноги твоей не было в моих лесах и пса твоего, который загрызает моих овец! Вон и костер развел, когда такая сушь стоит!

— Слушай, Рафтен! — громко сказал Калев и выхватил револьвер. Выстрел последовал бы мгновенно, если б Ян не повис на руке Калеба, а Сэм не встал между ними и отцом. Гай предусмотрительно спрятался за дерево.

— Прочь с дороги, мальчишки! — крикнул Калев.

— Видишь, он опять меня застал безоружным, — с издевкой сказал Рафтен. — Уйдите, ребята, я сейчас с ним расправлюсь.

— Послушай, отец, — снова начал Сэм. — Ты не прав! Калев не стрелял в тебя тогда. А этот костер мы развели с Яном, и мы его сейчас погасим. Ты нападаешь на Калеба,

как бабушка Невилль, которая забрала всю твою провизию. Стыдись, отец! Это нечестно, так не поступают мужчины! Если у тебя нет доказательств, то молчи.

Рафтен опешил от такого бурного натиска, да к тому же увидел, что все против него. Он сам часто смеялся над гневом бабушки Невилль, которой ничего дурного не сделал. Ему никогда и в голову не приходило, что иной раз сам поступает так же. Гнев его остыл. «Ну и разошелся мальчишка! — подумал он о сыне. — Говорит как адвокат, а силы-то как у боксера. Может, сделать из него адвоката, а не зубного врача?..»

Буря миновала. Калев был вспыльчив, но быстро отходил. А Рафтен, потерпев неудачу, поспешил уйти.

— Костер как следует загасите! — проворчал он. — И спать давно пора.

Мальчики потушили огонь и молча двинулись к лагерю. Сэм и Ян несли на палке тушку енота. Калев проводил их до палатки и пошел к себе. В ту ночь мальчики спали крепким сном.

На следующий день, занимаясь выделкой шкуры енота, Ян и Сэм обсуждали ночное происшествие. Они решили, что правильнее будет не заговаривать с Калемом об этом. Гая предупредили, чтобы он молчал.

Обследуя, как обычно, «книгу посетителей», Ян снова обнаружил отпечаток, похожий на след копыта, а около реки — следы очень большой птицы, похожие на лапы индюка.

Ян позвал Калеба, чтобы тот взглянул на следы.

— Это, наверное, синяя цапля прилетела, — сказал он о следах птицы, — а вот копыто чье, ума не приложу. Очень похоже на след большого оленя. Но здесь они давно перевелись. Найдутся, только миль за десять отсюда. Один след еще ни о чем не говорит.

— Нет, я нашел много, только разобраться в них трудно.

Вечером, возвращаясь после набега на бледнолицых, Ян услышал со стороны пруда резкий, пронзительный крик. Он приближался, разрастаясь в устрашающий рев. Звук несясь откуда-то сверху, и Ян заметил, что над ним медленно пролетела большая птица.

На следующий день Ян был за повара. С восходом солнца он отправился за водой, как вдруг увидел, что с запруды поднялась огромная синяя цапля и, тяжело взмахивая крыльями, исчезла за деревьями.

С восхищением мальчик следил за полетом птицы. Придя на место, откуда она снялась, Ян нашел там множество таких следов, которые он уже раньше зарисовал к себе в тетрадь. Это была та же птица, что кричала прошлой ночью.

Как-то Дятел вышел из типи. Неожиданно ухо его уловило необычный звук. Кто-то не переставая скулил все громче и громче. Вой не кончался, и Сэм позвал товарищей.

— Это, наверное, синяя цапля, — шепнул Ян.

Но звук все усиливался и перешел в громкое мяуканье. Вдруг Маленький Бобр вспомнил, что слышал этот звук у себя в Гленьяне!

— Это рысь, — уверенно сказал он.

На следующий день Калёб подтвердил слова мальчика. Через несколько дней стало известно, что ночью у Рафтенгов пропал еще один ягненок.

Утром Ян снял барабан и увидел, что кожа на нем стала мягкой и влажной.

— Ого, будет дождь! — возвестил он.

Калёб посмотрел на него с удивлением:

— Смотрю, ты стал настоящим индейцем. Они всегда говорят, что будет дождь, если барабан нужно подсушить у огня, прежде чем играть.

После полудня сгустились тучи, а на закате начался дождь. Калёб остался ужинать. Припустил настоящий ливень, и казалось, ему не будет конца. Калёб вышел из типи и вырыл вокруг нее канаву с отводным желобком, через который уходила вода.

После ужина все сидели у костра. Поднялся ветер, и капли дождя полетели в дымовое отверстие. Яну пришлось выйти. Сквозь шум дождя он опять услышал знакомый вой. Мальчик вернулся с большой охапкой хвороста, и в типи ярко запылал огонь. Ветер налетал порывами, и брезент неприятно хлопал по шестам.

— Где ваша якорная веревка? — спросил Калёб.

Сэм протянул ему свободный конец веревки, другим же концом она была крепко привязана к шестам наверху. Все время стояла сухая погода, и веревка была ни к чему. Калёб обмотал ее вокруг толстой палки, а палку вбил в землю. Потом вышел наружу и вбил поглубже все колышки. Теперь племени не страшны были никакие бури.

Старый охотник не любил возвращаться к себе в пустую хижину. Дик и Сарианна не заботились о нем, жил он впроголодь, и мальчики без труда уговорили Калеба остаться ночевать.

Дым клубами ходил вверх. Вскоре в типи стало очень душно.

— Подыми брезент с подветренной стороны, Ян, — сказал Калёб.

Но тут ветер с дождем, ворвавшись в типи, поднял вихрь из дыма и золы.

— Вам надо иметь особую подкладку, — сказал Калёб. — Дайте мне тот кусок, я сделаю.

Калёб с большой осторожностью привязал подкладку к трем шестам так, что дымовое отверстие находилось те-

перь над ней и ветер не дул в спину мальчикам, а проносился у них над головой. В типи стало легче дышать, а капельки дождя, которые залетали в отверстие, падали на подкладку.

— На этих подкладках индейцы обычно делают рисунки, вспоминая свои приключения и подвиги. Тотемы они рисуют снаружи, а победы — на подкладке.

— Тебе есть работа, Маленький Бобр, — сказал Сэм. — Нарисуй наши тотемы на типи.

— Знаете что? — сказал вдруг Ян. — Давайте примем в наше племя мистера Кларка. Вы будете нашим Чародеем.

Калев довольно усмехнулся, по-видимому соглашаясь.

— Теперь я нарисую четыре тотема, — сказал Ян.

Он набрал желтой глины, и голубой, которая, высохнув, становилась белой, и другой — желтой, которая после обжигания становилась красной, и еще угля. Фон, на котором он собирался рисовать, Ян вымазал растопленным жиром енота и сосновой смолой. В общем, все было сделано так, как у индейцев.

Он, конечно, мог достать ярких масляных красок у бледнолицых, но это было бы нечестно.

— Послушайте, Калев, — начал как-то Гай, — расскажите нам что-нибудь об индейцах. Про их храбрость, например. Я больше всего люблю на свете храбрость! Помню, как старый сурок выскочил на меня... Кое-кто испугался бы на моем месте, и...

— Цыц! — крикнул Сэм.

Калев молча курил. Дождь все хлестал по брезенту. Покрышка колыхалась от ветра. Воцарилось молчание. И вдруг по лесу разнесся громкий, устремляющийся вопль. Мальчики вздрогнули. Будь они одни в лесу, перепугались бы насмерть.

— Вот он! — шепнул Сэм. — Это банши.

Калев испытующе оглядел ребят.

— Что это? — спросил Ян. — Такой звук мы уже слышали много раз.

Калев молча покачал головой и посмотрел на собаку, лежавшую у огня. Турок молча поднял морду, обернулся, посмотрел на хозяина большими печальными глазами и снова опустил морду на лапы.

— Турок и ухом не ведет.

— Собаки не слышат банши, — возразил Сэм. — И духов не видят. Так бабушка Невилль говорит.

Спокойствие собаки еще больше напугало мальчишек.

— Ястребиный Глаз, — сказал Дятел, — ты самый храбрый. Выйди и выстрели в банши. Я дам тебе свою стрелу против колдунов. Если ты его подстрелишь, мы присудим тебе «гран ку». Ты же сам говорил, что больше всего любишь храбрых.

— Пустые болтуны! — ответил Гай. — Я с вами и говорить не буду! Калев, расскажите нам что-нибудь про индейцев, — добавил он.

— Индейцы любят храбрость, — подмигнув, ответил Калев.

Ян и Сэм засмеялись, правда негромко, потому что боялись, как бы их не призвали показать свое мужество.

— Я, пожалуй, лягу спать, — сказал Гай.

Ян скоро последовал его примеру, а Сэм остался сидеть с Калевом. Оба молчали, пока храп Гая и мерное дыхание Яна не возвестили, что мальчишки крепко спят.

Сэм уже давно намеревался поговорить с Калевом, и тут ему представился удобный случай.

— Послушайте, мистер Калев, — начал он быстро, — я не собираюсь защищать отца, но я знаю его так же хорошо, как и он меня. Это прямой и честный человек. Можете мне поверить! Он часто кому-нибудь помогает исподтишка, чтоб никто не заметил. И об этом никто не говорит. А если уж он с кем-то поссорится, то кричат на весь свет! Я знаю, он плохо думает о вас и вы о нем. Так надо разобраться толком!

Сэм был умный мальчик, и теперь он говорил очень убедительно, совсем как взрослый.

Калев что-то проворчал и продолжал курить.

— Расскажите мне, что вышло между вами, и мы с мамой уладим все, повлияем на отца.

Хорошо, что Сэм вспомнил о своей матери. Калев знал миссис Рафтен еще молоденькой девушкой. Она всегда верила в Калеба и даже после ссоры не скрывала своего доброго отношения к нему.

— Да нечего особенно и рассказывать, — горько ответил Калев. — Он надул меня при обмене лошадьми, потом очень торопил с уплатой долга. Пришлось мне продать овес по

шестьдесят центов, а он скупил все и через полчаса продал мой овес по семьдесят пять! Мы крупно поспорили, и, кажется, я сказал, что отомщу ему. В тот день рано утром я ушел из Дауни. Рафтен положил себе в карман триста долларов. У меня же не осталось ни цента. Деньги он взял с собой: банк уже был закрыт. По дороге домой в него стреляли. Наутро в том месте нашли мой кисет и несколько адресованных мне писем. Я думаю, что их подбросили туда, чтобы на меня пало подозрение. Только они перестарались! Так все люди говорят. Потом твой отец натравил на меня Дика Пога и я потерял ферму. Вот и все.

Сэм помолчал минуту и мрачно сказал:

— Все это верно, и про овес, и про долг, — таков уж отец. Но то, что вы думаете про Дика, — это неправда. Отец никогда не пойдет на подлость.

— Ты так думаешь? Что ж, это твой отец.

Сэм не ответил и положил ладонь на голову Турка. Тот тихонько заворчал.

— Все против меня, против моей собаки, — продолжал Кaleb. — Пог болтает, что пес таскает овец, и все верят. Никогда я не слышал, чтобы собака таскала овец! И овцы пропадают почти каждую ночь, даже когда Турок сидит со мной в хижине.

— Так чья ж собака это делает?

— Не знаю, собака ли. Говорят, каждый раз там оставалось пол-овцы. Жаль, что я сам ни разу не видел, а то сказал бы, кто ходит за овцами. По-моему, это рысь.

Снова голоса в типи смолкли. Вдруг по лесу пронесся все тот же вой, от которого у мальчиков волосы становились дыбом. Но Турок и на этот раз даже ухом не повел.

Кaleb и Сэм раздули костер поярче и легли спать.

Дождь шел непрерывно, и ветер то и дело налетал на палатку. Утром Кaleb поднялся первым и приготовил к завтраку «пирог прерий» из свинины, картошки, хлеба и маленькой луковки. Все наслаждались королевской едой, позабыв про ночные страхи. Дождь перестал, но ветер не унимался. По небу бежали темные тучи. Ян вышел посмотреть на следы, но ничего не нашел.

День провели в лагере, делая стрелы и раскрашивая типи.

Кaleb снова согласился ночевать у индейцев. В ту ночь крик банши слышался всего один раз. Но спустя полчаса

раздался тоненький писк; мальчики едва уловили его, а Турок вскочил и, пробравшись под дверь, бросился с громким лаем в лес.

— Дичь учуял, — сказал охотник, а когда лай сменился визгом, добавил: — Вот теперь на дерево загнал.

— Вдруг он банши загнал? — встрепнулся Ян и выскочил в темень.

За ним вышли и остальные. Они увидели, что Турок, яростно лая, бросается на большой сук. Но в темноте им никого не удалось разглядеть на дереве.

Не переставая удивляться, что собаку тревожит какой-то писк, в то время как воплей она не слышит, все вернулись в типи.

На следующее утро Ян нашел следы обыкновенной кошки: очевидно, ее-то и загнал Турок на дерево.

Когда Ян нагнулся, чтобы получше разглядеть следы, он услышал сквозь ветер знакомый зловеющий скрип. Взглянув вверх, Ян увидел, как от сильного ветра сталкиваются и трутся друг о друга две большие ветки. Это и был тот «банши», которого боялись все, кроме Турка.

Один только Гай не поверил и по-прежнему считал, что по ночам рычали медведи.

Как-то поздним вечером он разбудил обоих вождей:

— Ян! Сэм! Вставайте! Тот медведь снова здесь! А вы все не верили!

Снаружи послышалось громкое чавканье, прерываемое по временам рычанием или храпом.

— Правда, там кто-то есть, Сэм, — шепнул Ян. — Турка бы сюда и Калеба!

Мальчики слегка приоткрыли дверь и выглянули наружу. При тусклом свете звезд они различили большого черного зверя, который подбирал остатки пищи и выгребал консервные банки из ямы. Сомнений не было — это медведь.

— Что ж делать?

— Стрелять не вздумайте! Это только озлобит его. Гай, раздуй огонь посильнее, — приказал Бобр.

— Почему у нас ружья нет? — стуча зубами, прошептал Гай.

— Тише ты! Послушай, Сэм, Ветка... то есть как его... Ястребиный Глаз сейчас раздует костер, а мы в случае чего будем стрелять тупыми стрелами.

Мальчики вытащили луки. Гай, дрожа от страха, уговаривал их не стрелять.

— Зачем его дразнить? — уверял он. — Наверное, это очень свирепый зверь.

Костер у Гая не желал разгораться, а тем временем медведь подбирался все ближе. Он поднял морду, и мальчики увидели его большие уши.

— Не стрелять, пока он не подойдет, — шепнул Сэм.

Услышав это, Гай оставил костер и мигом взобрался на перекладину между шестами, на которой обычно подвешивали котелок. Увидав, что мальчики натянули луки, он разразился слезами:

— Не надо, он съест нас всех!

Медведь приближался, и мальчики пустили стрелы. Зверь бросился прочь с громким визгом, который уже не оставил никаких сомнений, что это свинья с фермы Бернсов. Видно, Гай снова забыл закрыть калитку и она пришла по его следам.

Гай слез на землю и присоединился к общему веселью.

— Я ж говорил вам: не стреляйте. Мне сразу показалось, что это старый боров!

— Поэтому ты и забрался наверх? — насмешливо спросил Сэм.

Утром выяснилась еще одна тайна: след, который Ян принимал за олений, был всего-навсего отпечатком свиного копыта.

XXIV. Ястребиный Глаз снова требует награды

Однажды после завтрака, когда Ян чистил ножи, вонзая их в землю, он сказал:

— В давнее время воины иногда расходились в поисках приключений, а потом встречались в условленном месте и рассказывали о своих подвигах. Давайте и мы сегодня пойдем поодиночке.

— Ташим соломинки, — коротко сказал Дятел.

— Только держать их буду я! — поспешно заявил Гай. — А то мне опять выпадет идти домой по вашей милости.

— Пожалуйста, — сказал Ян. — Возьми три соломины — длинную для Дятла, среднюю — для меня, а короткую —

тебе. Бросаем первый и последний раз. И чтобы никаких споров!

Соломинки полетели вниз, и Старшие Вожди торжествующе завопили: соломинка Гая указывала в сторону его дома.

— Ничего подобного! — возмутился Гай. — Я иду в противоположную сторону.

— Мы идем до тех пор, пока не встретим что-нибудь интересное. Вернуться назад мы должны, когда луч достигнет этого шеста, — сказал Ян.

Солнечный луч, проникавший в дымовое отверстие, служил им «индейскими» часами. В распоряжении ребят было около четырех часов.

Из долгого похода Сэм и Ян вернулись почти одновременно; вскоре пришел и Гай.

— Послушайте, ребята! — еще издали восторженно крикнул он. — Что со мной было! Дайте я первый расскажу!

— Молчи! — отрезал Дятел. — Ты пришел последний!

— Как хотите! Все равно я получу высшую награду! — не удержался Гай.

— Начинай, Вождь, Сидящий на Ветке.

И Сэм принялся рассказывать:

— Я пошел прямо туда, куда указывала моя соломинка. Назад я не хожу: это недостойно вождя и воина. — И Сэм печально взглянул на Гая своими раскосыми глазами. — Шел я, шел и дошел до пересохшей речки. Но это меня не остановило. Ничто не могло меня остановить! Перешел я реку и добрался до осинового гнезда. Но я не стал трогать мирных букашек и двинулся дальше. Вдруг сверху послышалось тихое рычание. Взглянул туда, но ничего не заметил. Рычание стало громче, и тут я увидел голодного бурундука, который собирался на меня прыгнуть. Когда я вытащил стрелу с костяным наконечником, этот зверь заговорил человеческим голосом: «Твое имя Дятел?» Тут я испугался до смерти и солгал впервые в жизни. Я сказал ему: «Нет, меня зовут Ястребиный Глаз». О, вы бы посмотрели на него! Он просто побледнел! Каждая полоска на его спине поблекла, когда он услышал это имя. Он бросился к бревну и юркнул внутрь. Я кинулся к другому концу, он — снова к этому. Так мы бегали до тех пор, пока я не протоптал вокруг бревна настоящую дорожку, а у бурундука вместо хвоста висели только

жалкие волоски. Наконец я придумал, что делать. Я стащил сапог и сунул его голенищем в отверстие с одной стороны. Потом я стал бить палкой по другому концу. И тут бурундук помчался прямо ко мне в сапог. Тогда я схватил его и перевязал голенище. Пришлось идти домой в одном сапоге. Но зато смотритель!

— Ну-ка, покажи, — сказал недоверчиво Гай.

Сэм разорвал веревку, из сапога выскочил бурундук и опрометью кинулся прочь.

— Ну, сын мой, — сказал Сэм, когда зверек исчез, — расскажи теперь ты свои приключения, да смотри только не завирайся!

— Это все чепуха! — воскликнул Гай. — Вот я...

— Молчи, Ястребиный Глаз, теперь очередь Бобра.

— Да у меня не было особых приключений, — начал Ян, — я пошел прямо, куда указывала соломинка, и наткнулся на

большой засохший ствол. На таком гнилом и старом дереве птицы обычно не селятся, да и не время уже. Я взял дубинку, расколол ствол пополам и увидел историю всех поселений, которые устраивались в этом дереве. Прежде всего выдолбил там себе гнездо дятел и прилетал туда два или три года подряд. Когда он покидал гнездо, а может, просто меж-

ду его прилетами, селлась там черноголовая синица. Я нашел ее перышки. Потом там жил дрозд: он натаскал в гнездо кучу всяких корешков, измазанных в глине. После него узнала про это жилье сойка: в подстилке гнезда я нашел скорлупу ее яиц. Потом, годом позже, я думаю, там появилась пара ястребов и вывела птенцов. И однажды эти разбойники, наверное, принесли в гнездо землеройку.

— А что это такое?

— Вроде маленькой мыши. Только она совсем не мышка. Скорее, двоюродная сестра кроту... Ну вот, — продолжал Ян, — может, впервые за миллион лет случилось так, что маленькие ястребята были сыты. Раненая землеройка, как только освободилась от когтей хищника, попробовала спастись бегством. Сначала она спряталась за спинки птенцов, потом прорыла ход через мягкую подстилку гнезда, добралась до твердого донышка. Тут уж ей не хватило силы рыть дальше, и она умерла. Лежала она здесь много лет, пока не пришел я, не разломал сгнивший ствол и не прочел всю эту печальную историю, которой, может быть, не было никогда. Вот я зарисовал все гнездо и высохшее тельце землеройки.

Сэм слушал с напряженным вниманием, а Гай не думал скрывать своего презрения.

— Ерунда какая-то! — воскликнул он. — Разве это приключения? Одни догадки. Вот меня послушайте...

— Только смотри, Ястребиный Глаз, самые страшные места выбрось, пожалуйста. Я сегодня что-то не в себе. Ты их оставь на завтра, — сказал Дятел.

— Пошел я прямо, — начал Гай, — как указывала соломинка, и встретил сурка. Но я решил, что займусь им в другой раз. Слишком легко я их убиваю. Потом увидел, как ястреб понес дыпленка; он был слишком далеко, и я не стал стрелять. Потом была уйма старых пней, по которым скакали сотни белок, но я не стал их трогать. Ферму я тихонько обошел, чтобы меня не услышала собака, и дошел уже почти до самого Дауни, как вдруг из-под ног вылетела куропатка, огромная такая, с индюка, наверное! А с ней целый выводок — штук тридцать или сорок. Она уселась

на высокое дерево. Вы бы ни за что не разглядели ее! Ну а я очень спокойненько выстрелил и попал. Я метился точно в глаз. Так кто теперь должен получить «гран ку»? Разве не я?

Ястребиный Глаз распахнул куртку и вытащил птенца малиновки с общипанным хвостиком.

— Это и есть твоя куропатка? — спросил Дятел, делая ударение на каждом слове. — Я эту птицу называю «малиновка»! Нарушение правил: убийство певчей птицы. Маленький Бобр, арестуй преступника!

Ястребиный Глаз яростно сопротивлялся, но, связанный по рукам и ногам, остался лежать на земле, ожидая решения. Совет был настроен очень серьезно, и неудачливый охотник наконец признал себя виновным. Совет постановил носить провинившемуся в течение трех дней черное перо в знак

немилости и белое перо — за трусость. Решено было также, что целую неделю он должен мыть посуду. Хотели заставить его быть бессменным поваром, да только они уже имели случай убедиться, что за стряпня получается у Третьего Вождя.

— Ничего я не стану делать! — решительно заявил Гай. — Я уйду домой!

— И будешь там мотыжить огород? Очень хотел бы на тебя посмотреть.

— Отстаньте!

— Маленький Бобр, что делают индейцы, если воин отказывается повиноваться Великому совету?

— Лишают его всех наград и отличий. Помнишь, как мы сожгли щепку с именем «Ветка»?

— Отличная мысль! Мы сожжем теперь имя «Ястребиный Глаз» и восстановим старое прозвище!

— Нет! Нет! — закричал Гай. — Вы не смее! Вы сами обещали, что никогда больше не будете называть меня так...

— Будешь ли ты повиноваться решению совета, несчастный?

— Да. Только я не хочу носить белое перо. Я ведь храбрый!

— Так и быть, это отменяется. Остальное ты исполнишь?

— А я останусь Ястребиным Глазом?

— Да.

— Хорошо. Я все сделаю.

XXV. Бродяга

Билл Хеннард, широкоплечий, грубый человек, наследовал от отца хорошую ферму, но лень и безделье скоро сделали Хеннарда преступником. Не раз он сидел в тюрьме. Его хорошо знали в округе: немало краж связывали с его именем. Поговаривали, что, если бы не покровительство одного человека, Хеннард давно бы уж попал в исправительный дом.

Кое-кто намекал даже, что покровителем его был один из состоятельных сэнгерских фермеров, у которого были жена, сын и маленькая дочь... И звали его Уильям, а фамилия начиналась с буквы «Р». «Только, ради Бога, никому ни слова!» — обычно добавляли люди, обсуждая эту тему.

Разумеется, эти слухи никогда не достигали ушей тех, о ком шла речь.

В тот вечер Хеннард покинул Дауни и, избегая дорог, пошел напрямик через лес к одному своему приятелю, чтобы сообщить об очень важных делах, особенно важных для самого Хеннарда. Он был сильно пьян, заблудился и прилег под деревом, где проспал всю ночь. Утром он отправился на поиски дороги. Через некоторое время бродяга наткнулся на тропку, которая привела его в лагерь сэнгерских индейцев. Хеннард был страшно голоден и зол. Он подошел к типи как раз в тот момент, когда Маленький Бобр жарил мясо. Услыхав за собой шаги, Ян обернулся, думая, что кто-то из индейцев уже вернулся, но перед ним стоял верзила-оборванец.

— Что, паренек, обед готовишь? Я бы не прочь поесть, — сказал бродяга с неприятной улыбкой.

Вид у него был самый отталкивающий, но говорить он старался вежливо.

— А где твои родные?

— Их здесь нет, — ответил Ян, с ужасом вспоминая бродяг из Гленьяна.

— Что ж это ты, совсем один?

— Товарищи вернутся после полудня.

— Очень приятно. Рад слышать это. Ну-ка, подай мне ту палку! — грубо сказал бродяга, показывая на висевший лук.

— Это мой лук! — ответил Ян. Гнев и страх овладели мальчиком.

— Я дважды повторять не люблю! Дай сюда, иначе я тебя проучу.

Ян стоял не шевелясь. Бродяга сорвал лук и наотмашь ударил мальчика по ногам и спине.

— Ну-ка, щенок, неси мне скорей обед! Иначе я тебе шею сверну!

Ян понял, что попал в беду. Он вспомнил совет Рафтена завести хорошую собаку. Мальчик оглянулся и хотел было бежать, но бродяга в два прыжка нагнал его и схватил за воротник.

— Так не пойдет, паренек! Я тебя заставлю слушаться.

Он содрал тетиву лука и, повалив Яна на землю, связал ему ноги. Теперь мальчик мог делать только маленькие шажки.

— Торопись! Я голоден. Не вздумай подмешать чего в еду! Если снимешь веревку — убью. Видишь эту штуку? — И бродяга показал большой нож.

Слезы катились по лицу Яна, когда он принялся готовить.

— Пошевеливайся! — донеслось из типи.

Если бы бродяга взглянул в ту минуту на тропинку, то заметил бы там мальчишку, который прятался за кустом.

— Вы что, убить меня хотите? — отчаянно крикнул Ян после новых затрещин, которые так и сыпались на него.

— Не знаю еще. Может, и убью, когда все закончу. Принеси мяса, да смотри, не пережарь его. Где сахар для кофе? А теперь дай табак!

Ян проковылял к типи и вынес оттуда кисет Сэма.

— Это что там за сундук? — спросил бродяга, показывая на ящик, где хранилась кое-какая одежда. — Открой его.

— Не могу. Он заперт, а ключ у Сэма..

— Ах, у него нет ключа! Ничего, у меня найдется. — И бродяга топором сшиб крышку. Обшарив карманы, он вытащил серебряные часы Яна и два доллара из штанов Сэма. — Вот это-то мне и нужно! — И он бросил все себе в карман. — Похоже, что костер хочет еще дров, — сказал он, заметив колчан со стрелами, и мгновенно все они полетели в огонь.

В этот момент Ян успел разглядеть, что на руке у бродяги всего четыре пальца...

— Что в другом сундуке? — спросил оборванец.

— Там — еда.

— Принеси сюда.

— Тяжелый очень, я не смогу.

— Эх ты, бестолковый! — крикнул бродяга и снова толкнул Яна.

Упав, Ян увидел рядом с собой на траве нож с изображением оленя на рукоятке. Вот где было спасение! Ян одним махом перерезал веревку и стремительно бросился

прочь. Бродяга с криком кинулся вслед. Мальчик бежал не чуя под собой ног, и вдруг вдали он увидел знакомую фигуру. Крикнув из последних сил: «Калев! Калев!» — Ян упал в траву.

Калев услышал отчаянный крик мальчика. Он поспешил на помощь, и через минуту старик и бродяга в жестокой схватке катались по земле. Турка не было с хозяином, и очень скоро стало ясно, кто выйдет победителем. Дюжий

оборванец после нескольких ударов подмял старика; не найдя ножа, бродяга схватил камень, и минуты жизни старого охотника были бы сочтены, если б вдруг из лесу не выскочил Уильям Рафтен. Камень, предназначенный для Калеба, полетел в Рафтена, но тот, ловко увернувшись, кинулся на оборванца.

Теперь силы были равны! Рафтен хорошо помнил приемы бокса, и через несколько минут сильный удар свалил бродягу с ног.

— Вербку! — крикнул Рафтен Гаю, вылезшему из кустов.

Он надежно скрутил бродяге руки.

— Кажется, видел я эту руку раньше, — произнес Рафтен, заметив, что на руке бродяги не хватает среднего пальца.

Он подошел к своему бывшему приятелю и спросил:

— Кaleb, ты жив? Это я, Билл Рафтен.

Кaleb с трудом повернул голову, оглядывая стоявших. Ян тоже подошел к нему и, наклонившись, спросил:

— Вы ранены, мистер Кларк?

Старик покачал головой и показал себе на грудь.

— Он еще не отдышался, — пояснил Рафтен. — Через минутку-другую придет в себя. Принеси воды, Гай.

Ян рассказал, что произошло с ним, а Гай добавил кое-что. Он возвращался в лагерь раньше, чем условились, и увидел из-за кустов, как бродяга бил Яна. Первым движением Гая было броситься за отцом, но потом он передумал и решил позвать более сильного — Рафтена.

Бродяга сидел и бормотал себе под нос.

— Сейчас отведем этого разбойника к нам, а потом сдадим в полицию. Годок посидит в холодке, может, пойдет ему на пользу! Гай, держи конец веревки и веди его. Я помогу Калебу.

Гай сиял от счастья.

— Но! Но! Лошадка!

Рафтен помог Калебу подняться с той же осторожностью, с какой много лет назад Кaleb vyhаживал его самого, когда его чуть не убило упавшее дерево.

В лагере они встретили Сэма. Он ничего не знал о случившемся. Кaleb по-прежнему был бледен и слаб. Посадив его у костра, Рафтен сказал сыну:

— Принеси из дому чего-нибудь согревающего.

Сэм побежал домой и вернулся через полчаса.

— Выпей, Калев, — сказал Рафтен. — Выпей, полегчает.

Когда утром Сэм уходил домой из лагеря, у него была очень ясная цель. Он пошел прямо к матери и рассказал ей про недоразумения, связанные с именем Калеба. И потом они долго разговаривали об этом с отцом.

Рафтен не захотел признавать себя неправым, и Сэм ушел в лагерь расстроенным. Каково же было его изумление, когда он увидел то, к чему так долго стремился, — Рафтен и Калев сидели вместе у огня!

XXVI. Отвоеванная ферма

Сколько чудес таит в себе лагерный костер! Его жар растопит всякое недоброе чувство. Люди, сидевшие когда-нибудь у одного костра, связаны навеки.

Дружба, возникшая еще двадцать лет назад, вновь воскресла благодаря этому священному огню. Рафтен и Калев сидели рядом, как добрые товарищи, хотя неловкость между ними еще не исчезла.

Рафтен исполнял должность судьи. Он послал Сэма за полицейским, чтобы тот забрал бродягу. Ян пошел на ферму рассказать все миссис Рафтен и заодно захватить продуктов. Гай тоже исчез куда-то. Калев лежал в типи; Рафтен на минутку зашел к нему, а когда снова вышел, то увидел, что бродяги и след простыл. Веревки его были развязаны, а не сняты. Как он мог сделать это сам, без чьей-либо помощи?

— Ничего, — сказал Рафтен, — этого беспалого мы найдем. Как ты думаешь, Калев, это не Хеннард?

Они долго беседовали. Калев рассказал, как у него пропал револьвер, еще когда они с Погом жили в одном доме, и как теперь он нашелся. Оба вспомнили, что Хеннард был поблизости во время ссоры на ярмарке. Теперь многое стало понятным.

Но одно было совершенно очевидным: Калеба обманным путем лишили всего на свете и оставались считанные дни до того, как Дик, вопреки уговорам Сарианны, окончательно прогонит старика.

Рафтен долго думал и наконец сказал:

— Если ты, Кaleb, сделаешь все, как я тебе скажу, ты вернешь себе ферму. Прежде всего я тебе одолжу на неделю тысячу долларов.

У Калеба глаза раскрылись от удивления. Что делать дальше, он не узнал, так как пришли мальчики. Только немного спустя Рафтен открыл старику свой замысел.

— Тысячу долларов! — воскликнула миссис Рафтен, когда муж рассказал ей об этом. — Не слишком ли ты испытываешь честность человека, Уильям, который, может быть, еще зол на тебя?

Рафтен усмехнулся.

— Я не ростовщик и не грудной младенец! — сказал он. — Я ему одолжу эти деньги. — И Рафтен вытащил пачку фальшивых кредиток, которые ему, как судье, были отданы на временное хранение. — Тут, правда, пятьсот или шестьсот долларов. Ну, ему, может быть, хватит.

На следующий день старик пошел к своему дому, как он говорил, то есть к дому Пога, и постучал в дверь.

— Добрый день, — сказала Сарианна, не утратившая еще добрых чувств к отцу.

— Чего тебе здесь надо? — грубо крикнул Дик. — Будь доволен, что живешь на нашей земле. Нечего сюда бегать день и ночь.

— Слушай, Дик, ты забыл...

— «Забыл»? Я ничего не забыл, — возразил Дик, перебивая жену. — Он должен был помогать мне на ферме, а ничего делать не хочет, да и думает еще жить на моей шее!

— Я вас недолго буду мучить, — с грустью сказал Кaleb, проковыляв к столу. Старик был бледен и казался очень больным.

— Что с тобой, отец?

— Дела мои плохи. Долго не протяну. Скоро уж конец.

— Велика потеря! — буркнул Дик.

— Я... я отдал вам свою ферму и все, что у меня есть...

— Молчи, надоело слушать!

— Все или почти все... Я... только не говорил о деньгах... Я немножко скопил... Я... Я... — И старик задрожал. — Я так озяб!..

— Дик, разведи огонь, — сказала Сарианна.

— Совсем подохнем от жары! Не буду.

— Деньги небольшие, — продолжал старик, — всего пол... полторы тысячи долларов. Вот они, со мной. — И он вытащил пухлую пачку банкнотов.

У Дика глаза готовы были выскочить из орбит, а Кaleb, словно невзначай, выставил из кармана белую ручку револьвера.

— Ах, отец! — воскликнула Сарианна. — Ты болен! Дик, разведи сейчас же огонь.

Дик засуетился, и через минуту в камине пылал яркий огонь. В комнате стало нестерпимо жарко.

— Вот, отец, — совсем другим голосом заговорил Дик, — немного виски. Может, примешь хины?

— Нет, мне лучше... Да, так я говорил, что мне осталось недолго жить на свете. Законных наследников у меня нет, и все сбережения перейдут правительству... Но я посоветовался с адвокатом... И он сказал, что одно словечко только добавить в дарственной записи на ферму... и деньги будут... ваши. Старик дрожал с головы до ног и временами глухо кашлял.

— Послать за доктором, отец? — спросила Сарианна.

— Правда, может, позвать? — нехотя откликнулся Дик.

— Нет, ничего. Я обойдусь. У вас здесь дарственная?

— Она у Дика в ящике.

Дик побежал за документом.

Старик дрожащей рукой перебирал банкноты, словно пересчитывал их.

— Верно, полторы тысячи, — сказал он, когда Пог появился с бумагой в руках. — У вас найдется перо?

Дик пошел искать пузырек чернил. Рука Калеба сильно дрожала, когда он взял дарственную запись. Он посмотрел на нее — да, это была та самая бумага, что сделала его нищим. Кaleb быстро оглянулся. Дик и Сарианна были в другом конце комнаты. Старик встал, сделал шаг вперед, и документ полетел в огонь. Держа револьвер в правой руке, а кочергу в левой, Кaleb стоял прямо и твердо, слабость его как рукой сняло.

— Назад! — резко скомандовал он, когда Дик хотел кинуться к камину.

В несколько секунд документ сгорел, а с ним исчезли и все права Пога на ферму.

— Ну, — голос Калеба гремел, — убирайтесь из моего дома! Вон! И не вздумайте прихватить что-нибудь с собой.

Затем Калев громко крикнул: «Сюда!» — и три раза стукнул по столу. Снаружи слышались шаги. В дом вошел Рафтен в сопровождении троих мужчин. — Судья Рафтен, именем закона прикажите этим людям оставить мой дом!

Калев дал Погу несколько минут, чтобы собрать одежду, некоторое время спустя Пог с женой покинули ферму.

Снова Калев стал владельцем своей фермы. Рафтен поздравил старика, а потом напомнил про деньги. Старик поспешно вытащил пачку.

— Вот они, Билл! Я, правда, и не сосчитал их. Большое спасибо, старина! Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, помни обо мне.

Рафтен улыбнулся, пересчитал деньги и сказал:

— Все в порядке.

А через неделю к старому охотнику вернулась дочь, Сарианна. Пог исчез. Беспалый бродяга тоже больше не появлялся, и кражи в округе прекратились.

XXVII. Вражеское племя

В честь радостного события Калев устроил веселый ужин. На него собрались всей семьей Рафтен, Бернсы и семья Бойла. Племя было в центре внимания. Калев отлично понимал, что эта встреча произошла благодаря индейцам.

Здесь Ян впервые увидел четырех мальчиков: своего сверстника, смуглого, живого Весли Бойла, его брата Питера, веснушчатого толстяка лет двенадцати, их двоюродного брата Чарлза Бойла и Сайруса Дигби, городского мальчика, приехавшего к родным на лето.

Всем им очень понравилась жизнь, которую вели сэнгерские индейцы, и они тут же решили образовать новое племя. Так как большинство носило фамилию Бойлов и поселилось племя в лесах Бойла, они называли себя бойлерами.

Вождем племени стал Весли. За крючковатый нос, темные волосы и карие глаза его прозвали Черным Ястребом. Городского паренька, большого задаваку и бездельника, звали Голубой Сойкой. Питер Бойл стал Чижиком, а Чарлз за свой необычный смех и торчащие вперед зубы — Красной Белкой.

Бойлеры постарались устроить свой лагерь так же, как и сэнгерские индейцы. С первого дня между племенами вспыхнула смертельная вражда. Сэнгерцы считали себя опытными лесными жителями, бойлеры полагали, что знают столько же и даже еще больше, к тому же их племя было многочисленнее сэнгерцев. Вскоре начались сражения. Первая битва была на кулаках и кончилась вничью. Потом состоялся поединок вождей, и победителем вышел Черный Ястреб, который получил скальп Дятла.

Бойлеры неистовствовали от радости. Они хотели даже захватить лагерь сэнгерцев, но эта попытка потерпела неудачу. Вскоре Гай победил Чарлза и завладел его скальпом. Вслед за этим Маленький Бобр послал вызов Черному Ястребу, который с насмешкой принял его. И снова победителем вышел Черный Ястреб.

У себя в городе Ян считался робким, застенчивым мальчиком. Жизнь в Сэнгере сильно изменила его. Уважение главы дома внушило Яну некоторую уверенность в себе, а жизнь в лесу сделала самостоятельным, влила бодрость и силу. Когда на следующий день после поражения Ян снова вызвал Черного Ястреба, все очень удивились. Действительно, Яну пришлось сделать над собой огромное усилие, потому что одно дело вызвать на бой того, кого непременно поколотишь, и совсем другое, когда хочешь вступить в бой с тем, от кого накануне потерпел поражение.

Ян заметил, что Черный Ястреб был левшой, и решил использовать это. Каждый удивлялся отваге Яна, но все пришли в настоящее восхищение, когда Маленький Бобр одержал блестящую победу.

Воодушевленные сэнгерцы перешли в наступление и прогнали врагов со своего поля, а Сэм и Ян захватили по скальпу.

Вечером в честь победы сэнгерцы держали совет и устроили пляску со скальпами вокруг костра. На праздник они пригласили и Калеба.

После плясок Вождь Бобр с лицом, размалеванным по индейскому обычаю, чтобы скрыть синяк, произнес речь. Он говорил, что бойлеры непременно будут искать подкрепления и снова начнут войну и поэтому сэнгерцам необходимо увеличить свое племя.

— Да я этого Чарлза когда хочешь положу на обе лопатки! — расхвастался Гай и бросил вражеский скальп на землю.

— Я б на вашем месте, мальчики, — сказал Калеб, — заключил мир. Раз вы победили, то и должны начать переговоры.

Через несколько дней оба племени в полной боевой татуировке встретились за дружеской беседой.

Вождь Дятел обратился к бойлерам:

— Слушайте, ребята... я хотел сказать — Братья Вожди! Ссориться — последнее дело! Давайте лучше устроим одно племя.

— Это можно! — сказал Черный Ястреб. — Только племя будет называться «бойлеры», потому что нас больше, а вождем останусь я.

— Нет, — сказал Дятел, — наш лагерь лучше, и живем мы в лесу дольше вас, значит, мы — старейшее племя.

Но главным козырем сэнгерцев была запруда, и она решила все: бойлеры присоединились к сэнгерцам, а вопрос о названии племени решил Маленький Бобр.

— Воины бойлеры! — сказал он. — У индейцев есть обычай делить племя на кланы. Мы — сэнгерский клан, а вы — клан бойлеров. Но раз мы все живем в Сэнгере, то и должны зваться сэнгерскими индейцами. — А кто будет Главным Вождем?

Черный Ястреб и не думал подчиняться Дятлу, которого он победил, а Великий Дятел не хотел вождя из другого племени.

Кто-то предложил, чтобы вождем стал Маленький Бобр, но тот отказался, не желая обидеть своего друга.

— Подождите несколько дней, — сказал Калеб, — пока хорошенько не узнаете друг друга.

Теперь все дни племя проводило в лагере. Бойлеры строили себе типи, устраивали постели, сэнгерцы помогали им, и было шумно, как будто трудился пчелиный рой.

XXVIII. Новые игры

Черный Ястреб придумал игру «в догадки».

— Сколько шагов отсюда до той сосны? — спрашивал, например, он.

И воины писали каждый свое, а потом измеряли расстояние. В этой игре большей частью побеждали Черный

Ястреб или Дятел. Гай по-прежнему держал первенство по остроте зрения. Каждый раз, когда ребята хотели устроить новую игру, он предлагал такую, в которой мог бы показать свою зоркость.

Ян, по примеру Черного Ястреба, тоже предложил новую игру.

— Определи рост собаки по ее следу, — сказал он как-то.

— Да это никто не сможет, — недоверчиво возразил Черный Ястреб.

— Ошибаешься, я могу, — сказал Ян. — Измерь длину следа передней лапы и помножь на восемь, вот и будет рост собаки до ее плеча.

— И ты думаешь, это для любой породы? — с сомнением спросил Сэм.

— Вес собаки, — продолжал Ян, — тоже можно определить по ее следам. Помножь ширину следа передней лапы на ее длину, а потом это число помножь на пять, получишь приблизительный вес. Я испробовал на старом Кэпе. Его лапа три с половиной дюйма на три, это равняется десяти с половиной; помноженное на пять, дает пятьдесят два с половиной фунта.

— Я видел одну собаку на выставке, и, по-моему, к ней твое правило не подходит, — сказал Сэм. — Она была длиной в две моих руки, лапы широченные, как у медвежонка, а росточком — не выше кирпича.

— Ты про таксу говоришь, — сказал Ян. — Но это исключение. А для диких зверей — лисы, волка — это правило годится... Высоту дерева по его тени сможешь определить? — снова спросил Ян.

— Никогда не думал об этом...

— Надо дождаться, когда твоя тень сравняется с ростом, это бывает в восемь утра или в четыре пополудни. Вот тогда измерь длину тени дерева и получишь его высоту.

— Эдак надо весь день ждать! Потом, в лесу не у каждого дерева тень видна, кроме того, что же делать, когда пасмурно? — возразил Черный Ястреб. — Я бы определил на глаз.

— Ставлю свой скальп против твоего, что определю высоту вон того дерева точнее, чем ты! — сказал Маленький Бобр.

— Нет, скальп я не буду ставить, а вот кто проиграет, тому мыть посуду.

— Идет.

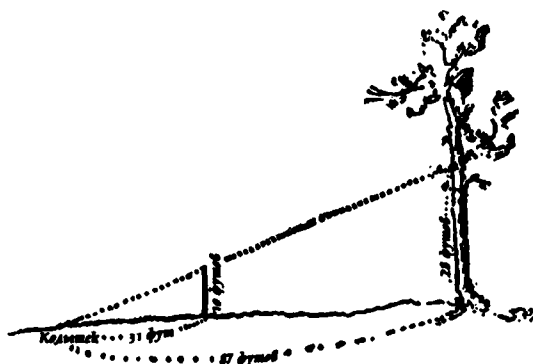
— Лучше брать до той ветки. Ведь на макушку не влезешь, чтобы проверить, — сказал Черный Ястреб. — Ты суди, Дятел.

— Нет, я тоже хочу попробовать! Второй будет мыть посуду в следующую очередь.

Черный Ястреб внимательно осмотрел ствол и записал: тридцать восемь футов.

— Ястреб, — сказал Сэм, — около дерева надо вбить колышек, чтобы мерить от определенного места. Земля-то ведь неровная.

Черный Ястреб пошел вбивать колышек и тем самым помог Дятлу — теперь у Дятла было с чем сравнивать. Он

знал, что Черный Ястреб ростом чуть больше пяти футов. И Сэм написал: тридцать пять.

Теперь пришла очередь Яна. Ян отошел от дерева и воткнул в землю шест в десять футов длиной. Затем лег на землю так, чтобы его глаза были на одной линии с верхушкой шеста и веткой. Конец этой линии он отметил колышком.

Ян измерил расстояние от этого колышка до шеста: оно равнялось тридцати одному футу, а от колышка до основания дерева — восьмидесяти семи; тогда он составил уравнение: цифра тридцать один (расстояние от колышка до шеста) относится к десяти, то есть высоте шеста, как восемьдесят семь (расстояние от колышка до дерева) — к высоте дерева. Вышло: высота дерева равнялась двадцати восьми футам.

Один из бойлеров влез на дерево и веревкой измерил высоту. Оказалось двадцать девять футов. Победителем стал Ян.

Индейцы присудили Маленькому Бобру «ку» за его знания. Но Рафтен, услышав об этом, воскликнул:

— Послушайте! Это же великолепно, что он делает!

И он не успокоился до тех пор, пока Ян не получил «гран ку».

— Бобр, — сказал Дятел, — если передняя лапа собаки три с половиной дюйма ширины на три длины, то какого цвета у нее кончик хвоста?

— Белый, — быстро ответил Ян. — Собака с такой лапой, скорее всего, охотничья, а у нее кончик хвоста белый.

— Ну и не отгадал! У той собаки, про которую я говорю, хвост отрубили еще в детстве.

XXIX. Дальнее Болото

Жизнь в племени была далеко не мирной. Черный Ястреб никак не мог свыкнуться с мыслью, что слабенький мальчик, который был к тому же еще моложе, поборол его. Ему не терпелось скорее заново вступить в бой. Ян с каждым днем набирал сил. Он стал быстрым и гибким. В первом кулачном бою он потерпел поражение, но в следующий раз уложил воина из вражеского племени на лопатки.

Черный Ястреб был недоволен, но не выразил никакого желания снова выйти на бой с Бобром. Через несколько дней после перемирия Черный Ястреб предложил Бобру дружеское состязание на скальпы.

— Без кулаков! — потребовал Бобр.

И через секунду рослый противник валялся на земле.

— Если кто из бойлеров хочет попробовать, я к его услугам! — сказал Ян, немного запыхавшись и помахивая вторым скальпом, отвоєванным у Черного Ястреба.

К его удивлению, Голубая Сойка принял вызов, и удивление Яна возросло еще больше, когда он очутился на земле.

Теперь Ян знал, что у него есть равный соперник. Произошла еще одна битва между Бобром и Сойкой, и на этот раз победу одержал Бобр.

Все это не решало вопроса о Старшем Вожде племени. Когда Калек узнал, что поединки продолжаются, он сказал:

— Мальчики, если вы никак не решите, кому быть Вождем, устройте выборы.

Маленький Бобр отказался выставлять свою кандидатуру. Дятел получил три голоса, Черный Ястреб — четыре, а Гай — один (свой собственный). Сэнгерцы снова не согласились.

— Давайте решим этот вопрос после трудного похода, — предложил Маленький Бобр, надеясь поддержать своего друга Дятла, — тогда станет ясно, кто заслуживает быть Старшим Вождем.

Кaleb обещал повести их в трехдневный поход на Лонг Суомп — Дальнее Болото.

Эта дикая пустошь тянулась миль на тридцать. Местами была топь, а кое-где островками высились скалистые холмы. Их покрывали бесплодная земля и лес, почти уничтоженный недавним пожаром.

Говорили, что на скалах встречали оленей и рысей. Зимой попадались волки. Селились там лисы, куропатки и зайцы. В речках водились бобры и выдры. Летом здесь можно было пройти только по еле различимым вырубкам, превращавшимся лишь зимой в надежные дороги. Туда Кaleb собирался повести мальчиков.

Наконец-то они уходили в настоящий «индейский поход» — открывать неизвестное, где, вероятно, их ждали всякие приключения!

На рассвете Маленький Бобр ударил в барабан. Высокий и чистый звук его предвещал хороший день.

В семь утра они вышли из лагеря и через три часа достигли Дальнего Болота. Началась холмистая местность, всюду торчали обугленные стволы и пни, среди которых появилась нежная поросль тополей и осин.

Индейцы с удовольствием остановились бы здесь, но Кaleb сказал:

— Нет, пойдем дальше. Нужно найти воду.

Через милю они подошли к болоту, и Кaleb крикнул:

— Привал!

Каждый занялся своим делом. Сэм собрал хворост для костра, Ястреб с Голубой Сойкой отправились на поиски воды.

Бобр немного огорчился, когда старый охотник разжег костер спичками. Мальчику хотелось, чтобы все было как у настоящих индейцев, но старик заметил:

— Когда живешь в лесу, надо на всякий случай иметь трут, но спички удобнее.

Черный Ястреб и Сойка вернулись с двумя ведрами грязной болотной воды.

— Там другой нет, — объяснили они в свою защиту.

— Покажи-ка им, Ян, — сказал Калев, — как добыть хорошей воды.

Второй Сэнгерский Вождь, помня наставления охотника, взял топор, быстро вытесал деревянную лопату и, отойдя от края болота шагов на двадцать, начал рыть ямку. Так бойлеры научились добывать чистую воду из любой лужи.

После ужина Калев предложил свой план:

— Бродить просто так — дело бесплодное. Надо всегда знать, куда и зачем вы идете. Если вы ищете приключений — идите без провожатых. Восьмерым отправляться вместе ни к чему: своим шумом вы только распугаете зверей и ничего не увидите. Лучше разделиться. Я останусь в лагере и приготовлю все для ночлега.

Сэму выпало с Гаем, а Яну — с Чижигом. Весли должен был опекать младшего братишку Чарлза. Сойка, очутившись без пары, решил остаться с Калевом, чему втайне был рад, так как знал, что дорог на болоте нет.

— К северо-западу отсюда, — сказал Калев, — течет река Бобровая, которая впадает в Черную реку. Пусть кто-нибудь идет туда. Реку узнать нетрудно, она шириной в тридцать или сорок футов, и здесь это единственная большая река. Прямо к северу — равнина с маленьким ручейком, около которого, говорят, живут индейцы. Где-то к северо-востоку, по слухам, стоит сосновый бор, не тронутый огнем, и там видели оленей. Все эти места лежат милях в десяти отсюда, и, может, только индейский лагерь находится немного подальше. Вы пойдете на разведку, а вернувшись, расскажете, что видели. Киньте жребий, кому куда идти.

Яну досталось разыскать сосновый бор. Он, конечно, хотел бы пойти к индейцам, но это выпало Весли. Сэму надо было идти к реке. На прощание Калев дал каждому по коробке спичек и сказал:

— Буду ждать вас здесь. Я разожгу костер и к заходу солнца подкину в огонь гнилушек, чтобы вы издали смогли заметить дым. А теперь вот что я вам скажу. Определять дорогу надо по солнцу. Не старайтесь запомнить, где

вы прошли, — это невозможно. Если кто из вас заблудится, разожгите два дымовых костра и ждите. Мы придем за вами.

Около одиннадцати часов мальчики отправились в путь. Перед уходом Черный Ястреб сказал:

— Кто первый выполнит свое поручение, получит «гран ку»!

— Пусть три вождя оставят свои скальпы, — предложил Дятел. — Их получит победитель.

— Послушайте, мальчики, — сказал Кaleb, — возьмите с собой одеяла. Может быть, вам придется заночевать.

Ян предпочел бы идти вместе с Сэмом, но делать было нечего. К тому же Чирик оказался славным пареньком, только очень уж медлительным.

Ян и Чирик скоро оставили за собой холмы и подошли к болоту, кое-где поросшему отдельными деревьями. Пространство между ними заросло мхом, усеянным болотными цветами мухоловками, которые лепестками ловили себе добычу. Дорога делалась все труднее. Мальчики по колено проваливались в мягкий мох, под которым была вода, и скоро у них промокли ноги. Ян вырезал себе и Чирику по большому шесту, чтобы спокойнее идти на глубоких местах. Пройдя так две мили, Чирик захотел вернуться домой, но Маленький Бобр только высмеял его.

Вскоре они наткнулись на ручеек, по берегам которого скопилась странная желто-красная пена. Ручей был глубокий. Нашупать шестом дно не удалось, и Ян отказался от мысли перейти ручей вброд. Мальчики двинулись дальше, пока не увидели дерево, которое, словно мостик, соединяло обе берега. Так миновали болотистую местность. Они по-прежнему шли на северо-запад. Солнце сильно пекло. Чирику очень хотелось пить, и он утолял жажду из каждой ямки, где только сочилась вода.

— Послушай, ты заболеешь, — говорил ему Ян, — эту воду можно пить только кипяченой.

Но Чирик не слушал товарища. После двухчасового похода силы его иссякли, и он хотел повернуть назад. Ян отыскал сухой островок и собрался разжечь костер, но тут выяснилось, что, пока они

пробирались по болоту, все спички отсырели. Это очень огорчило Чижика.

— Погоди, — успокоил его Ян, — сейчас я тебе покажу, как поступают индейцы.

Маленький Бобр вырезал из сухой пихты две зажигательные палочки, и скоро перед мальчиками запылал костер. Чижик удивился: ведь ему никогда прежде не приходилось видеть, как добывают огонь трением.

Напившись чаю и закусив немного, Пит почувствовал себя лучше.

— Мы прошли миль шесть, — сказал Бобр, — и теперь, я думаю, скоро увидим лес, если он вообще тут есть.

Мальчики снова двинулись вперед через болота и выжженный лес.

Спустя час они подошли к островку, на котором выросло дерево с ветвями до самой земли. Ян взобрался на верхушку. Насколько хватало глаз, тянулись болота, кое-где поднимались холмы с обугленными стволами, а вдалеке темнела зеленая чаща. Это, видно, и был тот сосновый бор, к которому держали путь индейцы.

— Эй, Чиж! — крикнул Ян. — Посмотрел бы ты отсюда! Как красиво!

— Я бы хотел увидеть наш лагерь, — буркнул Пит.

Ян спустился с сияющим лицом.

— Теперь уже близко!

— Сколько еще идти?

— Самое большее, мили две.

— Это ты твердишь всю дорогу!

— Но я видел лес! И реку. Скоро уже!

Через полчаса они подошли к реке. Глубокая, прозрачная, она медленно катила свои воды. По берегам росли ивы, а на воде покоились бесчисленные кувшинки.

Вдруг откуда-то донеслось знакомое: «Кряк!» Ян схватил лук и бросился к камышам в небольшом заливе. Тут он увидел трех диких уток. Ян послал стрелу: две птицы улетели, одна осталась на воде. Палкой Ян вытянул утку на берег.

Питер сидел чернее тучи, но, увидав Яна с добычей, повеселел.

Еще один переход, и мальчики вошли в сухой сосновый бор.

— Мы победили! — радовался Ян. — Теперь можно возвращаться!

— У меня ноги не идут, — сказал Пит, — давай отдохнем хоть немного.

— Сейчас четыре, — сказал Ян, взглянув на часы. — Помоему, нам лучше заночевать здесь.

— Нет, нет! — запротестовал Пит. — Я хочу домой! Похоже, что дождь будет.

Собирались тучи, но Ян все-таки уговорил Чижику немного задержаться и поесть. Ему хотелось остаться на ночлег, и он нарочно делал все очень медленно. Едва Ян разжег костер, как хлынул ливень; когда дождь кончился, они развесили вокруг огня свою мокрую одежду. Так мальчики и заночевали в лесу, и Чижик впервые спал на мягкой подстилке из еловых веток.

На рассвете Ян вскипятил чай. Еды оставалось мало, и Ян решил зажарить утку по индейскому способу: выщипав перья, он закатал ее в сырую глину и засунул под горящие уголья. Через полчаса, когда он открыл свой глиняный пирог, утка оказалась подгоревшей с одного бока и сырой — с другого. Но кое-что можно было есть, и Ян позвал Чижику завтракать. Чижик был совсем больной. Он простудился, и вдобавок сказывалось вчерашнее питье болотной воды. Немного поев и выпив горячего чая, он почувствовал себя лучше, но идти, конечно, не мог.

И тут впервые Яну стало страшно. Чем можно помочь заболевшему товарищу? Ведь до лагеря больше двенадцати миль!

Ян срезал кору на сухом маленьком деревце и написал карандашом на древесине: «Здесь ночевали 10 августа 18... Ян Иомен и Пит Бойл».

Потом он устроил товарища поближе к огню, а сам полез на высокое дерево. На северо-западе, за небольшими желтоватыми холмами, Ян разглядел несколько крытых ветками хижин и типи. Из одной курился дымок. Это наверняка было индейское поселение, о котором говорил Калед. Ян спустился с дерева и рассказал об этом Питу, но тот не двигался. Было решено, что Ян отправится к индейцам один. Перед уходом он положил в костер сырых веток, чтобы дым был далеко виден.

Через полчаса Ян подошел к двум бревенчатым хижинам и типи.

Собаки встретили Яна яростным лаем: пришлось отбиваться палкой. На шум из типи вышел индеец. Ян, как учил Каллеб, сделал несколько приветственных жестов. Потом, ткнув себя в грудь, поднял два пальца — это означало, что он не один. Указав в сторону соснового леса, Ян объяснил, что там находится его больной товарищ, и, стукнув себя по животу ребром ладони, дал понять, что он голоден. Индейский вождь вынес мальчику олений язык и занялся опять своим делом. Ян с благодарностью взял мясо, затем быстренько набросал у себя в тетради индейский лагерь и двинулся назад.

Пит сидел у костра, встревоженный долгим отсутствием товарища. Чувствовал он себя гораздо лучше. Через полчаса мальчики отправились в обратный путь, который проделали без особых приключений. В три часа над холмами показался дымок от костра Калеба, и к четырем они с радостными криками ввалились в лагерь.

Каллеб устроил салют из револьвера, а Турок встретил ребят громким лаем. Оказалось, что все остальные вернулись еще накануне вечером.

Сэм сказал, что они прошли миль десять и нигде не видали реки. Гай клялся, что они покрыли не меньше сорока миль и что он теперь вообще не верит, что там есть какая-нибудь река.

— Что же вы видели по дороге? — спросил их Ян.

— Ничего, кроме сожженного леса и скал.

— Вы взяли слишком к западу, — определил Каллеб.

— Ну, расскажи ты, Черный Ястреб, что вы видели.

— Если Ястребиный Глаз прошел сорок миль, — начал вождь бойлеров, — то мы — все шестьдесят! Но, кроме болота и сгоревшего леса, там ничего нет. От индейского лагеря мы следа не нашли. Я думаю, там никто не живет.

— А песчаные холмы видали? — спросил Ян.

— Нет.

— Ну, значит, вы не дошли еще несколько миль до индейцев.

Маленький Бобр рассказал свою историю, великодушно умолчав о том, как вел себя в путешествии Чижик. А Чижик, захлебываясь от восторга, расписывал познания Яна и особенно подробно рассказал, как Ян во время дождя добыл палочками огонь.

Когда все закончили, Каллеб сказал:

— Ян победил трижды, потому что нашел сосновый лес, который сам искал, потом — реку, которую искал Дятел, и еще индейцев, на поиски которых отправился Весли. Сэм и Весли, передайте Яну свои скальпы!

XXX Снова рысь

За ужином незаметно пролетело время. Мальчики хорошо отдохнули и к вечеру были готовы отправиться в новое путешествие.

— Здесь водятся еноты, мистер Кларк? — спросил Ян.

— По-моему, да. В лесу около владений Бидди Бэгтса много следов, очень похожих на енотовые.

Места эти были неподалеку, и мальчикам не терпелось отправиться туда немедленно. Ночь стояла душная, безлунная. От комаров не было отбою. Турок бежал, усердно обнюхивая землю. Он напал на чей-то след и быстро скрылся из виду. Скоро издали послышался его лай.

— Енот? — нетерпеливо сказал Ян.

Калев промолчал.

— Что там, мистер Кларк?

— Не знаю, что и думать, — медленно ответил старик. — Собака совсем терпение потеряла, лезет как безумная. А на кого, понять не могу.

Когда охотники подошли ближе, они увидели, что Турок стоит под деревом и яростно лает, задрыв морду.

— Огня скорей! — торопил Дятел.

Через минуту у всех в руках пылали ветки. Раз или два охотникам удалось увидеть блестящие глаза зверя.

— Ну, кто полезет? — спросил Калев.

— Я! Я! — хором закричали все.

— Вы храбрые охотники, — сказал Калев, — только неизвестно, какой зверь там на дереве. Может, это крупный енот. Только почему-то собака лает, словно на кошку. А ведь в округе недавно убили пуму. Зверь забрался на дерево, но это еще не значит, что он боится собаки. По тому, как лает Турок, я думаю, здесь вас может ждать опасность. Кто же все-таки полезет?

Все смолкли. Потом Ян сказал:

— Я попробую, если вы дадите мне револьвер.

— Так и я пойду! — тут же вызвался Весли.

— Бросим жребий.

Лезть на дерево выпало Яну. Теперь не было слышно шуток, как прежде, когда он шел на енота. Ян чувствовал напряженное молчание, и ему становилось все страшнее. Страх этот усилился, когда Ян забрался на большую липу, густая крона которой заслонила от него лица товарищей.

Ему хотелось повернуть назад, и, чтобы оправдать свое отступление, он уже собрался крикнуть: «Нет здесь никакого енота!» Но голос не повиновался ему.

— Эй, что там? — спросил кто-то снизу.

Ян не успел ответить, ему показалось, что где-то рядом ворчит енот. Мальчик даже перегнулся вниз и крикнул:

— Нашел!

В этот миг совсем близко кто-то яростно зарычал, и Ян увидел огромного зверя, который прыгнул на ветку ниже той, где сидел Ян. Квадратная морда, щетинистая, в полосках, — точно такую он видел когда-то в Гленьяне.

В страхе Ян выхватил револьвер, выстрелил и промахнулся.

— Рысь! — В голосе Яна послышался ужас.

— Не подпускай ее близко! — громко закричал Калев.

Ян, собрав все свое мужество, снова выстрелил. Раненый зверь бросился на мальчика и вцепился ему в руку. Ян пытался перехватить револьвер левой рукой, но выронил его, наткнувшись на щетинистую шкуру зверя. Теперь Ян был беззащитен. Но раненый зверь вдруг выпустил руку Яна, стараясь удержаться на суку, и рухнул на землю. От радости Ян чуть не потерял сознание.

— Где револьвер? — как сквозь сон, донесся до него голос Весли.

— Я давно уронил его! — ответил Ян.

— Куда?

Ян, не отвечая, спустился с дерева. Между тем рысь успела убежать и скрылась бы, но Турок не давал ей снова забраться на дерево.

Сэм отыскал в траве револьвер. Кaleb схватил его, но Ян тихо сказал:

— Дайте мне! Я сам должен прикончить ее.

Раздался выстрел, потом другой, и индейцы огласили лес радостными криками. Только Маленький Бобр молчал. Кaleb и Сэм поспешили к нему.

— Что с тобой, Ян?

Кaleb взял его за руку. Она была мокрая.

— Смотрите, кровь!

— Да... Она меня царапнула... Там, на дереве... Я думал, что мне уже конец.

Все обступили Яна.

— Надо отвести его к воде!

— Наверное, колодец в лагере ближе всего.

Кaleb и Сэм вели Яна, а остальные тащили рысь. По дороге ему стало легче, и он рассказал, как все произошло.

— Ух! Я б, наверное, до смерти перепугался! — сказал Сэм.

— И я тоже, — сказал Кaleb, к удивлению всего племени. — Один на один с раненым зверем, без оружия! Тут уж дела плохи!

— А я ведь и сам ужасно испугался! — честно признался Ян.

На привале догорал костер. Холодная вода была рядом, и Яну обмыли руку. Ему было чуточку страшно смотреть на свою рану и пропитанный кровью рукав. Но восторженные возгласы товарищей звучали для него как музыка. Потом все долго сидели у костра, и Кaleb сказал:

— Я знал! Давно знал, что ты молодец!

XXXI. Возвращение

Серое утро снова предвещало дождь, и индейцы боялись, что им придется с тяжелой ношей возвращаться домой по грязи, но Кaleb неожиданно обрадовал их.

— Я неподалеку встретил своего приятеля с фургоном, — сказал старый охотник. — Он обещал отвезти вас в лагерь.

Не прошло и часу, как они очутились снова в своем старом милом лагере у запруды.

Дождь кончился, и Кaleb, уходя домой, сказал:

— Слушайте, ребята! Пора выбрать Главного Вождя. Помоему, сейчас самое время. Я приду завтра, часа в четыре, и расскажу, как это делают индейцы.

В ту ночь Ян и Сэм ночевали в типи одни. Ян с гордостью поглядывал на забинтованную руку с просочившимися пятнышками крови. Боли он не чувствовал. И вообще все кончилось благополучно благодаря толстой рубашке. Ян спал как обычно и проснулся далеко за полночь с чувством какого-то удивительного счастья.

Вся его жизнь вдруг ясно предстала перед ним. Он вспомнил отца, который слепо стремился подавить в его сердце любовь к природе.

Потом подумал о Рафтене, человеке шумном, грубом на вид, но с добрым сердцем и светлой головой. Фермер, может быть, и проигрывал в сравнении с отцом, и все-таки Яну вдруг захотелось, чтобы отцом его был Рафтен. Ведь тот не считал пустяком любовь Яна к лесу и животным, а наоборот, еще больше укрепил в нем это чувство.

Вспомнился Яну и родной город. Он знал, что не дольше чем через год ему придется вернуться домой, и он знал также, что ему никогда не осуществить заветной мечты — стать зоологом, потому что отец обещал при первой возможности отдать его в лавку. В душе Яна вспыхнул протест. Может, остаться навсегда у Рафтенев?

Забрав его из школы и отослав на ферму, отец, очевидно, надеялся погасить у сына рвение к знаниям. Однако все получилось наоборот — желание отдать себя любимому делу еще сильнее овладело Яном.

Пусть будет так! Он вернется домой и станет мальчиком на посылках или еще кем-нибудь, чтобы зарабатывать себе на жизнь, его это не страшит. Но в свободные часы он будет заниматься тем, что целиком поглощает его мысли. Он будет натуралистом. Жизнь в лесу показала ему, что мир зверей и птиц — его мир, который он понимал и любил.

Сомнения Яна рассеялись, и снова он чувствовал себя счастливым.

Снаружи послышался шорох. Дверь типи приоткрылась, и вошел какой-то большой зверь. В другой раз Яна это бы и напугало, но теперь он еще находился во власти своих дум.

Зверь подошел к постели мальчика, лизнул ему руку и улегся рядом, на земле. Это был Турок. Впервые старый пес искал ласки не у Калеба.

XXXII. Новый Главный Вождь

Кaleb целый день был занят, но никто не знал чем. Он и Саринна хлопотали не покладая рук. Потом Кaleb зашел к миссис Рафтен, и та тоже погрузилась в какие-то таинственные хлопоты. Гай слетал к своей матери, и скоро вся округа превратилась в шумный улей.

В Сэнгере всякие сборища играли такую же роль, как клуб и театр в большом городе. Не важно, по какому случаю они устраивались — крестины, свадьба или похороны, возвращение, отъезд, постройка дома или покупка новой упряжи, — все служило благовидным предлогом, и поэтому пустить в ход эту карусель оказалось совсем не трудно.

Вечером к лагерю потянулись три шествия: одно составляло семейство Бернсов, другое — Рафтены всей семьей и последнее — Кaleb, Саринна и многочисленные Бойлы. Все несли какие-то свертки.

Гостей усадили на мягкой траве у запруды. Командовали Кaleb и Сэм.

Праздник начался состязанием в беге. Победил Ян, несмотря на раненую руку; вторым был Весли. В «охоте на оленя» Ян участия не принимал. Потом Рафтен настоял, чтобы Ян показал, как он точно и быстро считает. Мальчику пришлось уступить, и Рафтен был в полном восторге.

— Вот что значит образование, Сэм! — громко сказал он. — Когда же ты сможешь так считать? Молодчина, Ян! Я принес тебе кое-что в подарок!

Рафтен вытащил из кошелька пять долларов и сказал:

— Община награждает тебя за убитую рысь. А если окажется, что это она таскала моих ягнят, я прибавлю еще.

Потом индейцы удалились в типи. Кaleb тем временем воткнул в землю высокий шест, на котором был укреплен деревянный щит, обтянутый кожей, и прикрыл его мешковиной.

Гости уселись вокруг шеста, около которого с одной стороны лежали шкуры убитых Яном зверей и два чучела сов.

Раздался барабанный бой, и, оглашая лес воинственными криками, из типи выскочили сэнгерские индейцы в полной боевой раскраске. Они исполнили военный танец под барабан, в который бил Черный Ястреб. Индейцы сделали три круга у шеста, и барабан смолк. Когда все стихло, Великий Дятел встал и произнес речь:

— Великие Вожди! Младшие Вожди! Воины сэнгерских индейцев! Произошли события, которые лишили наше племя его Великого Вождя. Никогда больше племя не будет иметь ему равного, но сегодня мы собрались здесь, чтобы выбрать нового вождя.

Громкие крики «Хау! Хау!» и барабанный бой.

— Конечно, у каждого из нас свои достоинства. Но кто в этом племени лучший бегун? Маленький Бобр!

«Хау! Хау! Хау!» — и барабанный бой.

— Это мой барабан, мама, — шепнул Гай, забыв хлопнуть в ладоши.

— Кто лучший следопыт, кто быстрее всех влезает на деревья? Бобр! Кто выдержал испытание смелости на могиле Гарни? Бобр! Кто убил сову выстрелом в сердце, сразился один на один с рысью, не говоря уж про енота? Бобр! Кто может побороть каждого из нас? Бобр!

— А я могу всегда осилить Чарлза! — буркнул Гай.

— У кого из нас больше всего «гран ку» и скальпов? У Бобра!

— Ты позабыл сказать про ученость, — вставил Рафтен.

— У кого больше всех скальпов? — свирепо повторил Сэм. — Вот один, добытый им в борьбе с врагом! — И Дятел передал скальп Калебу, который укрепил его на щите.

— Этот скальп он получил в битве с Главным Вождем вражеского племени. — И Кaleb прикрепил еще один скальп к щиту.

Так Дятел передал шесть скальпов.

— Больше всех побеждал Бобр. А как он рисует, пишет стихи, готовит еду! Только он, Маленький Бобр, достоин быть нашим вождем! Что скажут остальные?

И тут все закричали:

— Слава Маленькому Бобру!

«Хау! Хау! Хау! Бум! Бум! Бум!»

Кaleb снял мешковину, покрывавшую шест, и все увидели, что на щите нарисован большой бизон, герб Сэнгера,

а над ним — бобр, тотем их нового вождя. Кaleb развернул сверток, лежавший подле шеста, и вынул индейскую военную куртку из кожи, краги и мокасины, расшитые бусами и украшенные рисунками. Все это сделала Сарианна под руководством Калеба. Новый вождь облачился в эти одежды и великолепный головной убор с перьями, присужденными за его последние подвиги. Гордый и счастливый, он вышел вперед.

Кaleb оглядел его с отеческой нежностью и сказал:

— Я знал, что ты молодчина, еще в ту ночь, когда ты ходил на могилу Гарни. И снова убедился в этом, когда ты прошел Дальнее Болото. Тебе, Ян, все под силу, что только может человек.

Ян хотел было что-то сказать в ответ, но от смущения не мог произнести ни слова, и Сэм пришел на помощь.

— Да здравствует Великий Военный Вождь! — крикнул он.

Когда крики и приветствия стихли, начался веселый пир. Рафтен, который очень гордился речью, произнесенной его сыном, громогласно поклялся сделать из него адвоката. Улучив минутку, когда смолкли разговоры, Рафтен сказал:

— Сегодня, ребята, кончились ваши каникулы. Завтра с утра пора и за работу!

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

(Пер. Н. Чуковского)

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ.....	7
I.....	7
II.....	10
III.....	11
IV.....	14
V.....	16
ЖИЗНЬ ВТОРАЯ.....	18
VI.....	18
VII.....	22
VIII.....	25
ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ.....	29
IX.....	29
X.....	31
ЖИЗНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	34
XI.....	34
XII.....	35

МАЛЬЧИК И РЫСЬ

(Пер. Н. Чуковского)

I. Мальчик.....	38
II. Рысь.....	40
III. Дом рыси.....	43
IV. Гроза лесов.....	47
V. Дом мальчика.....	49

БИНГО

(Пер. Н. Чуковского)

I.....	54
II.....	55

III	59
IV	61
V	63
VI	64
VII	65

ЧИНК

(Пер. Н. Чуковского)

I.	70
II.	72
III.	74

СНАП. История бультерьера

(Пер. Н. Чуковского)

I.	78
II.	81
III.	83
IV.	87

ВУЛЛИ 91

(Пер. Н. Чуковского)

I.	92
II.	97
III.	100

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

(Пер. Н. Чуковского)

I.	105
II.	106
III.	109
IV.	112
V.	119
VI.	122

ЖИЗНЬ СЕРОГО МЕДВЕДЯ

(Пер. Н. Чуковского)

I.	126
II.	129
III.	131
IV.	134
V.	136
VI.	138
VII.	140
VIII.	141
IX.	143
X.	146
XI.	149
XII.	150
XIII.	153
XIV.	156

БУЙНЫЙ И КОЛЮЧАЯ ХОЛКА
Жизнь и приключения дикого кабана
(Пер. Л. Биндеман)

I. Мать	161
II. Лизетта и медведь	163
III. Найденыш	165
IV. Кабан, утенок и барашек	166
V. Буйный — защитник	168
VI. Вредный старый медведь	170
VII. Болото	172
VIII. Острое чутье	173
IX. Гремучая змея	174
X. Лесные лекарства	177
XI. Весна	179
XII. Серовласка ищет счастье	181
XIII. Чесальный столб	182
XIV. Влюбленные	183
XV. Дикий кот	184
XVI. Медведь-свинояд	187
XVII. Горец Билли Боуг	189
XVIII. Отважный кабан и собаки	191
XIX. Лизетта и старый друг	192
XX. Медведь является за новой жертвой	193
XXI. Поражение Билли	194
XXII. День страшного суда	195

МУСТАНГ-ИНОХОДЕЦ
(Пер. Н. Чуковского)

I	201
II	205
III	206
IV	212
V	214
VI	218

ДЖЕК — БОЕВОЙ КОНЕК. История кролика
(Пер. Н. Чуковского)

I	223
II	225
III	230
IV	234
V	237
VI	238
VII	241
VIII	242
IX	244

АРНО
(Пер. Н. Чуковского)

I	248
II	251

III	254
IV	256
V	261

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ

(Пер. Н. Чуковского)

I	265
II	265
III	267
IV	272
V	273
VI	276

КРАСНОШЕЙКА

(Пер. Н. Чуковского)

I	279
II	283
III	286
IV	288
V	290
VI	293
VII	299

СЕРЕБРЯНОЕ ПЯТНЫШКО

(Пер. Н. Чуковского)

I	303
II	308
III	313

ВИННИПЕГСКИЙ ВОЛК

(Пер. Н. Чуковского)

I	315
II	317
III	319
IV	322
V	325
VI	328
VII	329

ЛОБО

(Пер. Н. Чуковского)

I	331
II	335
III	339

ДОМИНО. История одного черно-бурого лиса

(Пер. Н. Чуковского)

Часть первая. ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

I. Родной дом	346
II. Несчастье	349

III. Новый дом	351
IV. Новый наряд и новая жизнь	354
V. Красавец и чудовище	356
VI. Зимняя жизнь Домино	358
VII. Домино находит себе подругу	360

Часть вторая. ВДВОЕМ

VIII. Весна	363
IX. Событие	365
X. Старый враг	366
XI. Лань	368
XII. Приворотное зелье	370
XIII. Мед из львиного чрева	372
XIV. Лето и девочка	375
XV. Наследник Домино	377

Часть третья. ИСПЫТАНИЕ И ТОРЖЕСТВО

XVI. Дикie гуси	379
XVII. Губитель овец	381
XVIII. Спаситель Белогрудки	382
XIX. Испытание мужества	384
XX. Река и ночь	388

ТИТО

(Пер. Н. Чуковского)

I	392
II	394
III	399
IV	403
V	405
VI	406
VII	408
VIII	411
IX	413
X	415
XI	416
XII	418
XIII	419
XIV	421

ПО СЛЕДАМ ОЛЕНЯ

(Пер. Н. Чуковского)

I	425
II	428
III	429
IV	432
V	433
VI	435
VII	439
VIII	442

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ,
или Повесть о том, как два мальчика
вели в лесу жизнь индейцев и чему они научились
(Пер. Н. Темчиной)

Часть первая. ГЛЕНЬЯН

I. Ян	447
II. Весна	449
III. Братья Яна	449
IV. Книга	450
V. Незнакомец	451
VI. Гленьян	454
VII. Хижина	455
VIII. Знакомство с лесной жизнью	456
IX. Следы	457
X. Бидди	458
XI. Перелом	459
XII. Рысь	459

Часть вторая. СЭНГЕР

I. Новый дом	462
II. Сэм	464
III. Вигвам	466
IV. Бабушка Невилль	472
V. Калёб	476
VI. Постройка типи	480
VII. Тихий вечер	482
VIII. Священный огонь	485
IX. Лук и стрелы	489
X. Плоти́на	494
XI. Тайны трав	498
XII. Угощение	501
XIII. Шпион	503
XIV. Ссора	510
XV. Примирение	513

Часть третья. В ЛЕСАХ

I. Здравствуй, лес!	518
II. Первая ночь и первое утро	521
III. Хромой воин и «книга посетителей»	524
IV. «Битва» с бледнолицыми	529
V. Охота на оленя	532
VI. Военная шапка, типи и подвиги	537
VII. Жизнь в лагере	542
VIII. Индейский барабан	544
IX. Кошка и куница	546
X. Семейство белок	548
XI. Как наблюдать обитателей леса	550
XII. Условные знаки индейцев	553
XIII. Как дубить кожи и шить мокасины	555
XIV. Размышления Калёба	559
XV. Гость	562

XVI. Как Ян узнавал уток издали	565
XVII. Подвиг Сэма	567
XVIII. Совы	570
XIX. Испытание характера	571
XX. Белый револьвер	576
XXI. Гай торжествует	580
XXII. Охота на енота	585
XXIII. Лесной дух и ночной разбойник	591
XXIV. Ястребиный Глаз снова требует награды	597
XXV. Бродяга	602
XXVI. Отвоёванная ферма	606
XXVII. Вражеское племя	609
XXVIII. Новые игры	611
XXIX. Дальнее Болото	614
XXX. Снова рысь	621
XXXI. Возвращение	623
XXXII. Новый Главный Вождь	625

Литературно-художественное издание

Эрнест Сетон-Томпсон

ВСЁ О...

**РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ
МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ**

Редактор Ольга Миклухо-Маклай
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Фаня Флейтман, Ирина Киселева
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 24.02.2004. Формат издания 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург», Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 25,8. Изд. № 277 Заказ № 1927.
Издательство «Азбука-классика» 196105, Санкт-Петербург, а/я 192.
www.azbooka.ru

Отпечатано с фотоформ в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ
НЕСЧАСТЬЯ

**В детской литературе
происходит... взрыв!
Новой сенсацией
становится
Лемони Сникет.**

Журнал «Итоги»

**www.lemonysnicket.ru,
www.lemonysnicket.com**

«33 несчастья» — абсолютный бестселлер. Невероятно увлекательный сюжет (для всех) и масса культурных реминисценций от Эдгара По до Сэлинджера (для взрослых). Такого детская литература еще не видела.

Анна Ковалева. «Известия»

Судя по оглушительному успеху, который сопутствует книгам Сникета, дети, а с ними и взрослые, истосковались по умной литературе, в добром старом смысле этого слова.

Александр Скидан. Журнал «100% Красный»

Переводы на удивление хороши, оформление — превосходно. Вне сомнения, если бы Лемони Сникет существовал тридцать без малого лет назад, детство мое было бы немного счастливей.

...Одна из самых честных детских книг, которые мне встречались.

Сергей Кузнецов. «Русский журнал»

**КНИГА—ПОЧТОЙ: (812) 268-90-93; СПб., 192236, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru**

**Книги издательства «Азбука»
в Интернет-магазине**

Уважаемые читатели!

Если вы являетесь пользователями
сети Интернет, то у вас есть
возможность познакомиться с новинками
нашего издательства и сделать заказ,
не отходя от компьютера.

Предусмотрены выбор книг
по аннотированному каталогу
с цветными обложками и возможность
удобной для вас формы оплаты.

Книги высылаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

www.ozon.ru

www.esterum.com

www.bolero.ru

www.top-kniga.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан»
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-М»
тел. (095) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93, 261-24-90
www.club366.ru, club366@aha.ru*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru*

Калининград: *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmirs.khv.ru*

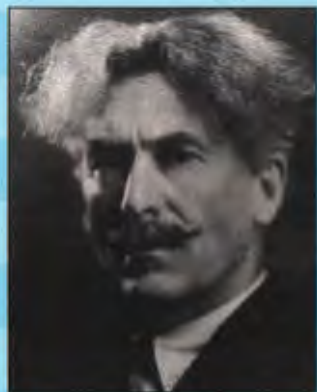
Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>*

КНИГА — ПОЧТОЙ

*ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300
тел.: (812) 268-90-93; www.areal.com.ru;
e-mail: postbook@areal.com.ru*

Канадский писатель, натуралист и художник Эрнест Сетон-Томпсон (1860—1946) подолгу жил в лесах и прериях. Но Сетон-Томпсон занимался не только наукой, писал и рисовал. Он умел валить лес, плотничать, ставить капканы, выделывать шкуры животных, шить одежду, вялить и сушить мясо, клеймить скот, стрелять на скаку, бросать лассо и многое-многое другое. Все это пригодилось ему, когда он сочинял свои повести и рассказы. Стремясь привить детям и подросткам любовь ко всему живому, Сетон-Томпсон придумал для ребят из окрестных поселков игру в индейцев. В тот момент он даже не предполагал, что уже в 1902 году в организации «Знатоки леса» будет состоять великое множество канадских детей, а ему самому через несколько лет присвоят звание «Главного скаута Америки».

ЭРНЕСТ
СЕТОН-ТОМПСОН

ВСЁ О...

Повести и рассказы Эрнеста Сетона-Томпсона хорошо известны и давно любимы многими поколениями читателей, и это не удивительно. Не найдется ребенка или взрослого, кого оставили бы равнодушными сила духа кролика Джека — Боевого Конька, свободолюбие дикого мустанга-иноходца, любовь к родному дому почтового голубя Арно и жизнелюбие Королевской Аналостанки, бродячей трущобной кошки. Уникальность же этого сборника состоит в том, что он содержит почти на 200 оригинальных авторских рисунков больше, чем предыдущие издания на русском языке.

Лобо

Медвежонок Джонни

Джек — Боевой Конек

Мустанг-иноходец

Домино

Королевская Аналостанка

Мальчик и рысь

Арно

Виннипетский Волк

и другие истории...

В оформлении переплета использованы
фрагменты картин Карла Брэндерса

ISBN 5-352-00277-2

9 785352 002773